Рог Дагота. Сердце Хаоса
Огненный зверь
Ловушка для демона

РОБЕРТ ДЖОРДАН

Рог Дагота. Сердце Хаоса
Огненный зверь
Ловушка для демона

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

РОБЕРТ ДЖОРДАН

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ROBERT

JORDAN

Conan the Unconquered

Conan the Destroyer

Conan the Magnificent

Conan the Victorious

РОБЕРТ

ДЖОРДАН

Рог Дагота

Сердце Хаоса

Огненный зверь

Ловушка для демона

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРАНЗИТКНИГА
Москва
2005

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Д42

Серия «Золотая серия фэнтези» основана в 1999 году

Robert Jordan
CONAN THE UNCONQUERED
CONAN THE DESTROYER
CONAN THE MAGNIFICENT
CONAN THE VICTORIOUS

Перевод с английского А. Правосудова, А. Митрофанова, А. Вейцкина

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн А. Сергеева

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. & Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 26.01.2005. Формат 84x108 1/32
Усл. печ. л. 43,68. Тираж 5000 экз. Заказ № 486

Оригинал-макет подготовлен издательством «Северо-Запад Пресс»

Джордан, Р.
Д42 Рог Дагота. Сердце Хаоса. Огненный зверь. Ловушка для демона : [фантаст. романы: пер. с англ.] / Роберт Джордан. — М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. — 821, [11] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-026118-7 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9578-1431-8 (ООО «Транзиткнига»)

Конан-варвар ЖИВ! Слишком велика была популярность самого знаменитого персонажа за всю историю «героических фэнтези», чтобы приключения его закончились со смертью его создателя. Вслед за Робертом Говардом эстафету саги о Конане принял Роберт Джордан — и подарил миллионам поклонников СЕМЬ РОМАНОВ о новых деяниях отважного киммерийца.

Перед вами — его деяния.

Борьба за таинственный Рог Дагота...

Дорога в смертельно опасное Сердце Хаоса...

Схватка с порождением богов Тьмы — таинственным Огненным зверем...

Приключения отважнейшего из борцов со Злом — могучего Конана-варвара — ПРОДОЛЖАЮТСЯ!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Conan Properties, Inc., 1983, 1984
© Перевод. А. Правосудов, А. Митрофанов, А. Вейцкин, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2005

РОГ ДАГОТА

Глава 1

Кроваво-красное солнце опаляло жаром равнину Заморы, а заодно и отряд всадников, державших путь по этому каменистому пустынному плато, сменявшемуся покатыми холмами. Грудь всадников была защищена кирасой из черного дерева. Головы прикрывали от ударов шлемы с забралом. Кольчуга черного цвета защищали руки. Черными же были и щитки, поднимавшиеся от сапог к коленям. Все до единой части их снаряжения были окрашены в цвет темной ночи.

Такие же черные металлические пластины и войлочные попоны с нашитыми металлическими бляхами защищали головы, шеи и бока их лошадей. На бедре каждого из всадников висело по длинной кривой сабле, а к седельным лукам были прикреплены шипастые палицы. Правда, в руках у них вместо пожей было по длинной деревянной дубинке. Были у них с собой и толстого плетения сети, достаточно прочные, чтобы удержать тигра.

Замыкала процессию повозка на больших колесах, на которой была установлена огромная клетка из металлических прутьев толщиной с человеческое запястье. Возница непрестанно хлестал двух лошадей, тащивших это сооружение; он должен был не отставать от колонны, которая, несмотря на жару и вес доспехов, отягощавших лошадей, держала очень приличный темп езды, и казалось, ничто на свете не будет способно заставить всадников хоть на миг притормозить на пути к их загадочной цели.

Тот, кто возглавлял отряд, был едва ли не на голову выше любого другого, а также заметно шире в плечах. О его высоком положении можно было догадаться по искусной золоченой резьбе, покрывавшей кирасу. Там, среди арабесок, изготовился к прыжку золотой лев.

Тонкие, побелевшие от времени шрамы на лице воина — один — через переносицу, а другой — от угла глаза через всю

щеку к подбородку — давали понять, что этот человек не был чужд военному делу. Правда, сейчас эти шрамы были почти скрыты дорожной пылью, оседавшей на потной коже лица плотным слоем.

— Бесполезно, — пробормотал он почти про себя, — проклятье, абсолютно бессмысленно.

— Во всем, что я делаю, всегда есть смысл, Бомбатта.

Большой, сильный человек вдруг боязливо сжался, когда к нему галопом подлетел один из всадников, чье лицо помимо шлема было укрыто еще и маской из черной мягкой кожи. Он-то был уверен, что дальше его собственных ушей эти проклятья не долетят.

— Я просто не вижу необходимости... — он начал осторожно оправдываться, но второй всадник, чей голос, даже приглушенный маской, не утратил командного тона, резко оборвал его:

— Что должно быть сделано — должно быть сделано, как гласят древние Свитки Скелоса. Именно так там и написано, Бомбатта.

— Что вы прикажете, — неохотно согласился тот, — будет исполнено.

— Разумеется, Бомбатта. Но я чувствую повисший в воздухе вопрос. Ну же, спрашивай. — Высокий воин продолжал, в сомнении, молчать. — Говори же, Бомбатта. Я приказываю.

— То, что мы ищем, — медленно произнес Бомбатта, — а точнее, где надо искать... Мне кажется, этого нет ни в каких свитках.

Смех всадника в маске заглушила черная кожа. Почувствовав издевку, Бомбатта вспыхнул.

— Эх, Бомбатта, неужели ты думаешь, что моя сила ограничивается только знанием свитков. Ты считаешь, что я знаю только то, что в них написано?

— Нет, — ответ был краток до непочтительности.

— Так выполняй же приказы, Бомбатта. Подчиняйся им и поверь, мы найдем то, что нам нужно.

— Я выполню все, что вы прикажете.

Могучий воин безжалостно сжал коленями бока своего коня, не обращая внимания на тех, кто вынужден был поторопиться, чтобы поспеть за ним.

Он уже знал, что более высокий темп будет расценен как

проявление послушания, как знак доверия полученным приказам. Пусть остальные проклинают все на свете, обливаясь потом. Он еще пришпорил коня, не глядя на пену, появившуюся на губах и шее животного. Его сомнения вовсе не были рассеяны. Но он слишком долго добивался своего нынешнего поста, чтобы вот так запросто потерять его сейчас. Вперед! Быстрее и быстрее, пусть даже придется загнать людей и лошадей до смерти.

* * *

Равнина Заморы частенько являлась ареной, на которой происходили самые странные события. Безумие, жадность, разбойники, священные клятвы заставляли людей совершать абсолютно непонятные поступки.

Здесь можно было бы увидеть человека в дорогих одеждах, спешно, зарывающего в песок золотые монеты; целый караван, все наездники которого сидели задом наперед на своих лошадях, при этом раздетые догола; на горизонте вдруг могла появиться целая вереница девушек, чью одежду целиком заменяла голубая татуировка с головы до пят. Случайного наблюдателя причины этих странных явлений привели бы в изумление, сумей он, конечно, до них докопаться.

То, чем сейчас занимались вдалеке от любого жилья, у подножия каменистого холма два совершенно непохожих друг на друга человека, тоже было бы абсолютно непонятно постороннему наблюдателю.

Их стреноженные лошади пощипывали редкую жесткую траву неподалеку. Первый из двоих, высокий, с крепкими мускулами молодой парень, был занят тем, что укладывал плоский обломок скалы длиной почти в его собственный рост на четыре здоровенных валуна, которые он предварительно подкатил один к другому. Чтобы выровнять плоский камень, он подложил под один из его углов несколько булыжников. На его груди на ремешке из сыромятной кожи висел золотой амулет в форме дракона.

Этот юноша с сапфировыми глазами больше был похож на воина, чем на строителя. На его ремне был закреплен прямой широкий меч старинной работы. Потертость его рукоятки, как и рукоятки кинжала, выдавала, что эти предметы служили не для украшения.

Его лицо, обрамленное черной гривой волос, сейчас перехваченных широким кожаным ремнем, для невнимательного наблюдателя было лишь лицом юноши. Но более проницательный человек заметил бы на нем ту печать, которую может оставить только большой и тяжелый жизненный опыт.

Спутник голубоглазого юноши был полной его противоположностью. Невысокий, худой, но жилистый, с черными глазами, сейчас он стоял почти по пояс в узкой яме, выгребая из нее камни и песок лопатой со сломанной ручкой. Два набитых кожаных мешка лежали рядом с ямой. Время от времени парень стирал с лица пот и чертыхался по поводу непривычной для него работы. Но всякий раз при взгляде на мешки он снова с удвоенным усердием принимался за работу.

Наконец он все же отбросил доломанную лопату и спросил:

— Слушай, Конан, может, хватит, а?

Его крепко сложенный товарищ не услышал вопроса. Он, наморщив лоб, придирчиво осматривал воздвигнутое им сооружение. По замыслу, это должен был быть алтарь. С такими штуками ему не часто приходилось сталкиваться. Но в его родной суровой Киммерии он с детства уяснил для себя, что долги нужно отдавать, невзирая на трудности и препятствия.

— Конан, уже ведь глубоко, правда?

Киммериец мрачно посмотрел на своего товарища:

— Если бы ты не разевал рот не вовремя, Малак, нам бы не пришлось сейчас закапывать эти драгоценности. Амфарат никогда бы не узнал, кто стащил его камешки, городская стража тоже ничего бы не узнала, а мы могли бы попивать спокойненько вино в таверне Абулетеса, подсаживать на колени девочек, а не обливаться потом в этой проклятой пустыне.

— Да не собирался я звать тебя по имени, — пробурчал Малак.

Он запустил руку в один из мешков и вытащил горсть опалов, рубинов, сапфиров и изумрудов. Зеленый огонек блеснул в его глазах, когда он высыпал обратно отполированные камни, Зеленый сменялся искрами синего, алого, снова зеленого и золотого. Со вздохом сожаления он вновь покрепче затянул мешок.

— Это я от неожиданности. Ведь никто не мог предположить, что там столько этих камней. Вот я и вскрикнул. Но я правда не нарочно...

— Кончай, Малак, — сказал Конан, вновь смотря на алтарь, а не на собеседника.

Киммериец зажал в кулаке золотой амулет. Эту вещицу дала ему Валерия, и, дотрагиваясь до золотого дракона, он словно снова ощущал ее рядом.

Валерия — любовница, воин, вор, — все было перемешано в этой золотоволосой красавице. Она умерла, унеся с собой всю радость из его жизни. Он видел ее смерть.

Но затем, уже после этого, он видел, что она вернулась, вернулась, чтобы вновь сражаться с ним бок о бок. Этот долг должен был быть оплачен.

Малак снова взял в руки то, что осталось от лопаты, и вдруг, повернувшись к Конану, сказал:

— Не думал, что ты веришь в богов, киммериец. Никогда раньше не видел, чтобы ты молился.

— Бог моей родины — Кром, — ответил Конан, — черный господин загробного мира. При рождении он дарит человеку жизнь и волю, но ничего больше. Он не снизойдет до милости в обмен на жертвоприношения, не станет слушать мольбы и причитания. Как человек поступит с двумя подарками Крома — это его личное дело.

— А этот алтарь? — спросил Малак, когда киммериец закончил.

— Это другая страна, здесь другие боги, Я не поклоняюсь им, но Валерия верила в них.

Конан, нахмурившись, раскрыл свою ладонь и посмотрел на амулет.

— Вдруг ее боги услышат меня, ведь жрецы утверждают, что они слушают нас. Быть может, я могу сделать чуть легче ее судьбу там, среди богов, в том мире.

— Кто их знает, этих богов. Вечно им не угодить, — сказал Малак, пожимая плечами. Он вылез из ямы и сидел скрестив ноги рядом с мешками. — Даже жрецы и те толком не знают, где уж тебе...

Цокот копыт за холмом оборвал его на полуслове. Малак с визгом бросился к мешкам.

В одну секунду развязав их, он бросил в рот несколько камней. При этом его лицо перекосилось от судороги, его чуть не вырвало.

Затем он швырнул мешки в яму и отчаянно заработал ло-

патой, закапывая обратно камни, песок — все что угодно, лишь бы успеть заровнять яму до появления всадников.

Конан положил руку на рукоять меча и спокойно ждал, устремив взгляд холодных синих глаз на гребень холма, туда, где должен был появиться первый из нежданных гостей.

Они, конечно, могли оказаться кем угодно. Быть может, им даже наплевать на него и на Малака, и на то, чем они тут занимались. Может быть...

Но Конан не верил в это.

Глава 2

Когда на холме появился одинокий всадник в закрывающем лицо шлеме и с золотой резьбой на доспехах, Малак неуверенно засмеялся:

— Один человек. Он может быть очень сильным, но вдвоем-то мы с ним управимся. Пусть только сунется...

— Я слышал, что лошадей было много, — ответил Конан.

— Эрлик забрал их на небеса живыми, — простонал Малак, изо всех сил налегая на лопату, подсунутую под большой камень, чтобы перевернуть его. Наконец валун опрокинулся и закрыл собой яму. Малак тяжело вздохнул: — А наши лошади? Может, удастся смыться?

Конан презрительно фыркнул, но ничего не ответил. Да, конечно, на коне незнакомца было навешано столько железа, сколько, наверное, весил сам всадник. Но зато это был настоящий конь.

Рванись они сейчас на своих клячах — преимущество было бы потеряно через несколько минут преследования. Таких лошадей, как у них, можно было купить лишь при большой нужде срочно исчезнуть из Шадизара на чем угодно, лишь бы скорее. Торопясь, они заплатили, не торгуясь, столько, сколько стоила бы пара скакунов из королевского табуна. Пустить в галоп этих доходяг означало через несколько сотен шагов продолжить бегство на своих двоих, к великому удовольствию преследователей.

Наблюдавший за ними всадник остановился на гребне холма.

— Чего он еще ждет? — спросил Малак, вынимая из-за пояса два кинжала. — Если они решили убить нас, то я не вижу причин...

Неожиданно всадник в черных доспехах поднял руку и помахал ею. Из-за гребня холма в обе стороны от него волной растеклись всадники в таких же кирасах эбенового дерева. Их было не меньше сотни. Размеренным галопом они понеслись

вниз по холму, окружая Конана и Малака кольцом шагов в триста диаметром.

— Можно подумать, что перед ними целая армия, — усмехнулся Конан. — Похоже, кое-кто считает нас опасным противником.

— Слушай, но так много... — почти простонал Малак, с сожалением взглянув на забеспокоившихся лошадей. Те пофыркивали и пританцовывали, словно желая убежать. Малак, похоже, был готов рвануться вслед за ними. — Чтобы нанять такую ораву, нужно столько денег, что год можно в роскоши купаться. Ну кто бы мог подумать, что Амфарат так рассердится?

— Да кто его знает. Может быть, ему не понравилось, что его камешки уперли? — мрачно пошутил Конан.

— Но мы же взяли не все, что у него было, — возразил второй воришка. — Сказал бы спасибо, что хоть что-то осталось. Мог бы еще и пару монет в храм отдать, в благодарность богам за то, что у нас не было еще одного мешка. А он вместо этого что удумал...

Киммериец пропустил мимо ушей тираду своего приятеля. Он уже давно научился не обращать внимания на размышления своего жилистого товарища о том, что могло бы быть, если бы было по-другому, когда на самом деле все было как раз наоборот.

В это время холодные как сталь глаза северянина киммерийца ощупывали группу из четырех всадников, возившихся с длинным узлом, закрепленным на седле одного из них. Затем Конан перевел взгляд на вершину холма. Там, рядом с первым всадником, появился еще один, в маске, наблюдающий за происходящим внизу.

Неожиданно высокий всадник в черном поднес ко рту рог, наподобие тех, что используют во время охоты. Громкий тягучий звук скатился по склону, и четверо возившихся со свертком проворно разобрали его концы и галопом погнали лошадей к двоим, застывшим в ожидании. Еще четверо всадников с другой стороны рванулись на помощь своим товарищам.

Брови Конана сдвинулись: этого еще не хватало. Первая четверка несла огромную сеть, а другие четверо держали в руках длинные дубинки, словно для того, чтобы не дать добыче выскользнуть из-под сети.

Малак сделал было пару шагов к лошадям.

— Подожди. — Несмотря на его молодость, голос Конана звучал как голос командира. Это заставило меньшего остановиться. — Пусть подойдут поближе, если не хочешь оказаться легкой добычей.

Малак мрачно кивнул и покрепче сжал кинжалы.

Грохот копыт приближался. Осталось сто шагов. Пятьдесят. Десять. Загонщики уже набрали воздух для победного крика...

— Давай! — крикнул Конан и бросился к сети. Малак со стоном отчаяния последовал за ним.

В момент броска меч Конана покинул свои потертые ножны из акульей кожи. Влекомое могучими мышцами, лезвие отсекло один из углов сети. С пронзительным воплем всадник, державший его, пронесся дальше, сжимая в руках лишь бесполезный кусок. Мчавшийся за ним воин бросил поводья своего скакуна и выхватил длинную кривую саблю, Конан, присев, увернулся от удара, а сам, в свою очередь, разгибаясь, вогнал меч под грудную пластину доспеха противника. Пронзенный почти насквозь, тот словно отскочил назад, вылетев из седла.

Прежде чем он коснулся земли, Конан уже освободил свой обагренный кровью меч и резко обернулся, следуя лишь древнему инстинкту воина, предупреждавшему его об опасности. Лицо человека, нависшего над ним, было перекошено гримасой ненависти и боевого азарта. Даже по глазам, видневшимся из-под шлема, можно было понять, что ему было бы куда приятнее замахиваться сейчас мечом, а не деревяшкой. Однако это орудие, длиннее человеческой руки, могло проломить череп, будучи применено в полную силу. А в желании вложить в удар всю злость и силу этому человеку было не отказать. Меч киммерийца взлетел вверх, пронзая кость и мясо. Дубина и все еще сжимающая ее рука закувыркались в воздухе.

Крича от боли, всадник перехватил запястье, исходившее фонтанами крови, здоровой рукой; его лошадь, почувствовав свободу от поводьев, понеслась вскачь подальше от шума боя. Конан сию же секунду приготовился встретить нового противника.

Малак сцепился с одним из тех, кто держал сеть, намереваясь вытащить его из седла. Один из кинжалов маленького вора нащупал щель между шлемом и пластиной панциря. С булькающим стоном всадник повалился на землю, увлекая за собой и

Малака. В следующее мгновение маленький черноглазый воришка уже снова стоял на ногах, с кинжалами наготове. Его противник больше не двигался.

Какую-то долю мгновения Конан и его приятель неподвижно стояла лицом к лицу с пятерыми оставшимися в строю атакующими. Сеть валялась на земле. Те двое, которые должны были накинуть ее на пленников, схватились за рукоятки сабель. Те, что держали дубинки, колебались.

Вдруг один из них отбросил деревянную палку и тоже схватился за более действенное оружие. Но прежде, чем его сабля вышла из ножен, над холмом снова прокатился призывный звук рога. Сабля влетела в ножны с громким стуком, и все пятеро помчались галопом к линии своих товарищей.

Малак облизал губы:

— На кой черт им сдалось ловить нас? Никак не пойму.

— Может, Амфарат еще более безумен, чем мы предположили. Он, наверное, решил узнать, сколько криков и стонов смогут выжать из нас лучшие специалисты по пыткам.

— Великий Митра! — вздохнул Малак. — Вечно ты ляпнешь что-нибудь такое, от чего на душе совсем паршиво становится.

Конан пожал плечами.

— Ты сам спросил, — сказал он и, услышав рог, добавил: — Слышал? Приготовься. Сейчас опять навалятся.

Снова четыре всадника разобрали между собой углы сети. Но на этот раз число помогающих им загонщиков возросло до двух десятков. Когда всадники подъехали поближе, Конан сделал незаметный знак своему товарищу. Малак пожал плечами, но согласно кивнул головой. Оба стояли, поджидая противника, как и в прошлый раз.

Сеть приближалась и приближалась. За ней неслись остальные загонщики. На этот раз не удастся беспрепятственно разрубить сеть и безнаказанно ткнуть мечом того, кто держал ее.

Когда загонщики приблизились вплотную, Конан метнулся влево, а Малак вправо. Всадники пронеслись между ними, рассыпаясь в проклятиях и пытаясь развернуть лошадей. Над головой Конана взвилась дубинка. Человек, державший ее, был удивлен, почувствовав, что его запястье оказалось крепко схвачено ладонью киммерийца. Все еще не веря, он с криком вылетел из седла, влекомый сильной рукой юноши. Одно движение

рукоятью меча — и всадник оказался на земле с выбитыми зубами и разбитым в кровь лицом.

Стук копыт предупредил Конана о новой опасности. Еще одна дубинка, выхваченная из рук, описала в воздухе сплошную дугу и с огромной силой опустилась прямо в низ живота всадника. Раздался треск ломаемого дерева, всадник вытаращил глаза, схватил ртом воздух и согнулся пополам. Его лошадь, ничем не удерживаемая, выскочила из-под него и понеслась дальше галопом, уже без седока.

— Конан!

Раньше, чем его последний противник ударился о землю, Конан уже увидел то, из-за чего Малак отчаянно просил его помощи.

Двое воинов в черных доспехах свесились с седел, чтобы достать дубинками извивающуюся на земле фигуру.

С диким воплем Конан налетел на них. Два удара окровавленного меча — и два тела рухнули на землю, а он уже поднимал маленького вора на ноги. Тот плохо видел из-за крови, ручейками стекавшей по его лицу. Сеть снова приближалась, а Малак не мог твердо стоять на ногах, не то что драться.

Сильным движением Койан отодвинул друга в сторону, а сам, напрягшись, бросился на сеть. От неожиданности один из державших ее вылетел из седла и приземлился на груду веревок, обрывков сети, запутавших его руки и ноги, пока он перекатывался по ней. Следующая дубинка вскользь задела уворачивающегося Конана. Но удар его меча не был скользящим. Лезвие точно вошло под пластину доспехов.

Киммериец понимал, что спасения нет. Слишком много людей сгрудились вокруг него, размахивая дубинками и клинками. Пыль, поднятая копытами, покрывала его потное тело. Медный вкус крови застыл на губах. Скоро ему конец, но Конан знал, что не сдастся на их милость. Каждый удар его меча приходился по живому, незащищенному телу. Это был настоящий фейерверк сверкающей в воздухе стали. Конан смог чуть продвинуться вперед, пытаясь выйти из круга всадников, но они своей массой, почти закрывая солнце, оттеснили его к центру.

Вдруг раздался резкий зов рога. Уже нависшие над Конаном всадники повернули назад, с явной неохотой покидая своих убитых и стонущих раненых, чтобы снова занять свои места в круге.

Конан с удивлением наблюдал за их маневром. Струйка крови стекала по покрытому пылью лицу, пачкая воротник его туники. Малак исчез. Нет, его схватили! Обмотанного сетью, его несли словно свинью на рынок, привязав руки и ноги к длинной жерди. В голове Конана пронеслось — не дожить до такого конца.

Он медленно обводил взглядом всех окружавших его. Несколько лошадей, оставшись без седоков, спокойно расхаживали между преследователями и жертвами. Схватить одну из них — и пробиться сквозь строй. Он так бы и поступил, если бы не Малак. Киммериец не сделал ни шага к лошадям. Рядом с ним лежали трупы. Раненые стонали, молили о помощи или протягивали руки в сторону круга молча стоявших всадников в черных доспехах.

— Ну, подходите же! — крикнул им Конан. — Пора кончать эту комедию. Или у вас кишка тонка?

То здесь, то там какая-нибудь лошадь дергалась вперед, словно угадывая тайное желание своего седока. Но все оставались на своих местах, лишь молчание было ответом киммерийцу.

Стук камней, катящихся по склону, возвестил о появлении двух всадников, до сих пор стоявших на вершине холма. Большой воин с золотой резьбой на доспехах остановился в десяти шагах от киммерийца, но второй, с лицом, закрытым кожаной маской, проехал еще половину этого расстояния, прежде чем натянул поводья. Конан напрягся. Он ничего не знал о незнакомце, скрывавшем под маской лицо и под черным шерстяным плащом всю фигуру. Но если настал час последнего боя — Конан был готов.

Руки одинокого всадника прикоснулись к шлему. Сначала снятый шлем, а затем и сброшенная маска открыли голову незнакомца. У Конана перехватило дыхание. На него глядела женщина, темноглазая, с высокими скулами, волосами цвета воронова крыла, заплетенными в тугие косы и уложенными вокруг головы. Она была красива. Так, как бывает красива женщина зрелая, оставившая позади первый цвет юности.

Но в этой красоте чувствовалась какая-то ярость: в манере держать подбородок, во взгляде, словно пронзающем человека насквозь. Плащ был отброшен назад, открыв штаны для верховой езды и тунику черного шелка, облегающую каждый изгиб

округлой груди и полных бедер. Конан глубоко вздохнул. Из всех женщин мира он меньше всего ожидал увидеть перед собой именно эту.

— Тебя называют Конаном, так? — ее голос был чувственен, но и царственно величествен.

Конан не ответил. То, что она оставила свой благоухающий дворец и тенистые сады и уехала в этот палящий зной, — уже было достаточно удивительно. Но то, что она это сделала, чтобы разыскать его (а это было очевидно), — внушало тревогу. Ну да не зря он уже пожил среди тех, кто называл себя цивилизованными людьми, а его — варваром. Он усвоил главные правила выживания в их мире. И вот теперь от него не дождутся ни одного слова, пока он не узнает хотя бы что-то еще.

Итак, долгое молчание было его ответом. Всадница нахмурилась:

— Надеюсь, ты знаешь, кто я?

— Ты — Тарамис, — просто ответил Конан. При этом ее лицо стало еще более недовольным.

— Принцесса Тарамис, — сказала она с ударением на первом слове. Лицо Конана не изменило своего выражения, не опустил он и меч из боевого положения. — Я — наследная принцесса королевского дома Заморы. Тиридатес, твой король, — мой брат.

— Тиридатес — не мой король, — отрезал Конан.

Тарамис улыбнулась, словно ощутив под ногами твердую, знакомую почву.

— Ну, да — вздохнула она. — Ты же с севера, варвар, не так ли? Да к тому же — вор?

Конан словно оцепенел, не давая себе оглянуться, даже чтобы посмотреть, не подкрадываются ли к нему сзади черные воины с сетями. Он чувствовал, что главная опасность могла исходить от женщины, стоявшей перед ним.

— Что тебе от меня нужно? — спросил он.

— Чтобы ты послужил мне, Конан-ворюга.

Ему уже было не впервой наниматься к кому-нибудь и получать золотые монеты за какое-либо особое похищение. А сейчас такому предложению альтернативой был последний короткий бой с воинами в черном. Но чувство противоречия пересилило.

— Нет.

— Ты отказываешь мне? — Тарамис не верила своим ушам.

— Мне не нравится, когда на меня охотятся как на зверя. Я не дикий кабан, чтобы накидывать на меня сети.

— Я могу дать тебе много. Больше, чем ты когда-либо сможешь иметь, даже удачно воруя. Будешь жить во дворце, как придворный...

Конан покачал головой:

— Ты, делая такой подарок, забыла об одной мелочи, которая очень важна для меня. А я не просил и не буду просить ее у тебя.

— Всего-то одна мелочь! Какая же, варвар?

— Моя свобода, — Киммериец улыбнулся улыбкой загнанного стаей гончих волка. — И вот ее-то я добуду себе сам.

В темных глазах принцессы Заморы блеснуло удивление.

— Неужели ты и вправду надеешься победить всех моих воинов?

— Они смогут убить меня. Но это тоже свобода. Свобода погибнуть в бою, но не быть рабом.

Уставившись на него, принцесса произнесла, словно не замечая никого вокруг:

— Невероятно. Свиток говорил правду. — Она резко тряхнула головой, словно возвращаясь к действительности, и сказала: — Ты будешь у меня на службе, Конан, и ты еще попросишь моего дозволения на это.

Высокий воин с резным золоченым львом на груди вступил в разговор:

— Негоже тебе торговаться с этим. Позволь мне заняться им, и мы доставим его в Шадизар запакованным в сети, как его дружка.

Не отрывая глаз от Конана, Тарамис сделала движение, словно отгоняя муху:

— Помолчи, Бомбатта.

Она протянула руку к киммерийцу, ладонью вверх, словно изучая пальцами что-то. Груди Конана коснулся легкий ветерок. Он почувствовал, как шевельнулись все до единого волоски на руках. Он сделал шаг назад. Поудобнее поставив ноги, он покрепче сжал рукоять меча. Пальцы Тарамис опустились, и она повернула голову к сооружению, возведенному Конаном:

— У каждого человека есть самое сокровенное желание. Что-то, ради чего он может убить и может отдать свою жизнь.

С воротника туники она сняла золотую цепь с мелкими звеньями, с которой свисала капля алмазного кристалла чистой воды. Она зажала камень в левой руке, а правой показала на грубый алтарь:

— Смотри, Конан. Ты увидишь то, что ты ищешь.

Между ее пальцами, снимающими кристалл, забились сполохи алого пламени. Лошади всадников взволнованно заржали. Лишь конь Тарамис стоял неподвижно, хотя и вытаращив от ужаса глаза. Его бока ходили ходуном. Вспышки шли одна за другой, все чаще и чаще, и вот уже непрерывный поток ярко-красного света, исходящий из ее кулака, осветил все вокруг.

Неожиданно голые камни алтаря заполыхали, словно сгорая в огне. Лошади воинов в страхе попятились. Захоти Конан сейчас убежать — он вряд ли бы встретил хоть какое-то сопротивление. Все всадники были заняты лишь тем, чтобы удержать охваченных страхом скакунов. Но киммериец даже не обратил никакого внимания на это. Другое приковывало его взор: на алтаре среди языков пламени появилась лежащая фигура. Женщина с прекрасными золотыми волосами, рассыпавшимися по плечам, с красивым телом, совершенно не тронутым ни тлением, ни пламенем, бушевавшим вокруг.

Не дав любимому имени сорваться с губ, Конан лишь процедил:

— Колдовство!

— А как же, колдовство! — Голос Тарамис был мягок, но неестественно сильно звучал в ушах киммерийца, сквозь ржание и хрип лошадей. — Колдовство, которое может дать тебе то, что ты ищешь, Конан. Валерию.

— Она мертва, — резко ответил Конан, — мертва, и хватит об этом.

— Говоришь, хватит, варвар?

Сквозь огонь он увидел, как повернулась голова девушки. Чистые голубые глаза встретились со взглядом Конана. Она села, протянув руки к киммерийцу.

Тарамис сказала:

— Я могу вернуть ее тебе. Вернуть ее в этот мир.

— Живым трупом? — огрызнулся Конан. — Я уже видел таких. Лучше пусть остается мертвой.

— Не холодное тело. А живую теплую плоть. Понял, варвар? Я могу вернуть ее тебе такой, какой ты ее хочешь видеть.

А еще, если ты хочешь быть уверен в ее преданности навеки только тебе, — я могу это сделать. Хочешь, она бросится к твоим ногам, молясь тебе, словно богу? Я могу...

— Нет! — У киммерийца перехватило дыхание. — Она была воином. И я не хочу, чтобы она... — фраза оборвалась на полуслове.

— Значит, ты все-таки поверил?

Одно движение руки — и видение исчезло. Ни Валерии, ни языков пламени, ничего, кроме голых камней без единого следа копоти или пепла. На шее черноглазой женщины снова заняла свое место алмазная капля.

— Я могу сделать все то, о чем говорила.

Конан медленно опустил меч.

Он очень не любил колдовство. Даже в тех редких случаях, когда оно применялось без злого умысла. Но — за долги нужно платить. За его свободу пусть расплатятся, освободив другого.

— Отпусти Малака, — сказал он устало.

Бомбатта запротестовал:

— Очистив улицы Шадизара от еще одного вора, разве мы дадим уйти мерзавцу, чтобы он снова взялся за свое? Да по нему ни один человек в мире не заплачет.

— Одним вором больше или меньше — для Шадизара это пустяк. Но он мой друг. Или он уходит свободным, или все дальнейшие переговоры будут вести наши клинки.

Гигант Бомбатта открыл рот, чтобы ответить, но Тарамис взглядом оборвала его.

— Отпусти маленького вора, — сказала она негромко.

На лице Бомбатты смешались гнев и разочарование. Он повернул коня и, пришпорив его, понесся к воинам, державшим пленника. В несколько мгновений веревки были разрезаны, и худой человек свалился прямо на камни.

— Они мне чуть все кости не поломали, — сказал он, подходя к Конану. — Слушай, чего это у вас тут полыхало, а? Да, и еще — почему мы до сих пор живы?

Вдруг его взгляд остановился на Тарамис. Лишь возглас изумления вырвался из его груди. Затем он начал как-то бестолково кланяться, все время вопросительно поглядывая на Конана и причитая.

— Мы честные люди, о ваше светлейшее высочество. Не

слушайте, что вам наговорят злые языки в Шадизаре. Мы, это... мы зарабатываем на жизнь, это... как охранники караванов. Да мы за всю жизнь и финика не взяли, не заплатив. Вы должны нам поверить, ибо мы...

— Заткнись, — сказала Тарамис, — или я перечислю все твои подвиги, о которых мне известно. А теперь — проваливай отсюда.

С сомнением глядя на охрану, Малак сделал несколько неуверенных шагов к их лошадям.

— Нам нужно на время расстаться, — сказал ему Конан, — а встретимся там же, где встречались после драки в таверне «У Трех Корон». Уезжай, удачи тебе.

Последний раз взглянув на стражников, маленький человек вскочил на свою лошадь.

Когда Малак галопом скрылся из виду, все оглядываясь назад, не веря в свое чудесное освобождение, — Конан повернулся к Тарамис.

— Что я должен сделать? — спросил он просто.

— Когда придет время, тебе скажут, — ответила прекрасная женщина. На ее губах светилась улыбка победителя. — А теперь я жду от тебя твоего решения.

Конан не сомневался:

— Я поступаю к тебе на службу, Тарамис.

Долг есть долг. И за него нужно рассчитаться, невзирая на цену.

Глава 3

Великолепный Шадизар был городом золотых куполов и белоснежных шпилей, уносившихся ввысь, к лазурному небу, прочь от пыли и грязных камней равнины Заморы. Во дворцах, в садах, усаженных финиковыми пальмами, били кристальные фонтаны. Белые стены отражали солнечные лучи, сохраняя прохладу внутри домов. Городом порока называли его, алым городом; и еще с десяток куда менее приличных, но не менее справедливых эпитетов служили для обозначения этого знойного города.

Здесь, за гранитными городскими стенами, люди искали золота и удовольствий. Те, у кого было первое, менялись с теми, кто мог дать второе. Стареющие богачи облизывали губы, оглядывая трепещущих невольниц. Дамы с горящими глазами, как кошки, рыскали в поисках добычи. Частенько благородные матроны, покинув дом мужа в поисках сомнительных приключений в веселых кварталах, именно там снова встречались со своими благоверными, решившими развеять скуку семейной жизни тем же самым способом.

Если порок и невоздержанность были душой Шадизара, то не что иное, как торговля приносила золото, чтобы покупать эту грязную душу. Караваны шли сюда изо всех уголков мира: из Турана и Коринфии, из Иранистана и Хорайи, из Кофа и Шема. Жемчуг, шелка, слоновая кость, благовония и специи — все стекалось сюда на необъятные базары Города Десяти Тысяч Грехов.

Улицы были, как обычно, заполнены торговцами, когда Конан въехал в город вместе с отрядом черных воинов принцессы Тарамис. Деревенского вида люди несли корзины с фруктами, погонщики гнали вереницы самой разной домашней скотины. Десятки продавцов выстроились неровной линией вдоль улицы, на все лады расхваливая свой товар и всячески подпихивая его поближе к покупателю. Надменные, одетые в шелка аристократы, толстые купцы в темном бархате, ремесленники в ко-

жаных одеяниях и проститутки, на которых не было ничего, кроме гирлянд монет, нанизанных как бусы на нитку, — все двигались, уворачиваясь от длинноногих верблюдов, целый караван которых размеренно ступал по улице, ведомый явно чужими погонщиками, напряженно посматривавшими по сторонам. Воздух между домами был наполнен блеянием и мычанием, кудахтаньем куриц и писком цыплят, криками лоточников, расхваливавших свой товар, завываниями нищих и криками торгующих купцов. Над всем этим висел тошнотворный запах, состоящий из равных частей ароматов специй, гниющих отбросов, благовоний и потных, немытых тел.

Тарамис не снизошла до того, чтобы замедлить шаг. Половина ее отряда бросилась вперед, расчищая ей дорогу, нещадно колотя дубинками тех, кто не успел вовремя убраться. Оставшиеся закованные в эбеновые доспехи воины образовали кольцо вокруг Тарамис и Конана, охраняя ее и следя за ним. Киммериец понял, что хоть он и принят на службу, но за ним следят как за пленником. Он неторопливо, не провоцируя охрану, свесился с седла и схватил большую спелую грушу с лотка торговца фруктами. Так же не торопясь он выпрямился и поудобнее устроился в седле, всем своим видом давая понять, что не интересуется ничем, кроме сочного вкусного плода и созерцания людей по сторонам.

Улицу расчищали, оттесняя к стенам домов всех подряд: купцов и покупателей, аристократов и нищих. Летели в стороны лотки, переворачивались столы у входов в лавки. Угрюмые лица сопровождали процессию. Лица тех, кто не был скор на ноги, быстро покрывались кровавыми ранами и ссадинами. Большинство молчало, но ближайшие к Тарамис стражники, размахивая дубинками, заставляли толпу выкрикивать: «Слава принцессе Тарамис!» — или: «Да благословят тебя боги, принцесса Тарамис».

Взгляд Конана задержался на караване, загоняемом в переулок впереди по ходу их движения. Передним верблюдом управлял смуглый человек в грязном тюрбане. Люди вплотную прижались к ногам верблюдов. Те же испуганно ревели и нервно переступали с ноги на ногу.

Проезжая мимо каравана, Конан коротким и точным броском отправил огрызок груши прямо в нос переднему верблюду. С диким ревом животное резко попятилось, вырвав пово-

дья из рук человека в тюрбане. Постояв в нерешительности секунду-другую, словно сомневаясь в своей свободе, верблюд резко рванулся вперед, увлекая за собой еще десяток своих товарищей по каравану.

Горбатые длинноногие животные пронеслись сквозь строй черных всадников и помчались дальше по улицам. Конан направил свою лошадь вслед за ними.

За его спиной послышались крики, но он лишь наклонился пониже и пустил лошадь галопом. Сбивая с ног торговцев и покупателей, верблюды неслись по извилистым улочкам, прикрывая Конана. Преследователи — а то, что за ним погонятся, Конан знал точно — не видели его. Но это преимущество не могло сохраниться долго. Киммериец соскочил с лошади и тут же получил основательный пинок ниже спины от одного из верблюдов. Вскочив на ноги, Конан быстро сиганул за груду корзин, провожаемый недоуменным взглядом их продавца.

Грохот копыт по булыжникам мостовой вновь очистил улицу от любопытных. Два десятка всадников в черном, возглавляемые Бомбаттой, с ожесточенными лицами пронеслись вдогонку верблюдам.

Конан медленно поднялся, поправляя пояс с мечом и глядя вслед уносящимся всадникам. Он потер ушибленное верблюдом место. Мерзкие твари, подумал он. Не то что лошади. Ему никогда еще не приходилось иметь дело с верблюдами.

Вдруг до него дошло, что продавец корзин все еще таращится на него.

— Неплохие корзины, — сказал Конан, — но не совсем то, что мне нужно.

Продавец все стоял неподвижно с открытым ртом, а Конан уже нырнул в боковой переулок, пропахший мочой и гниющими отбросами.

Узкими извилистыми закоулками он пробирался подальше от центра, время от времени тихо ругаясь, когда его нога поскальзывалась на чем-нибудь неаппетитно скользком. На каждом углу, прежде чем пересечь улицу, он внимательно смотрел, не появятся ли откуда-нибудь черные воины в шлемах с забралами. Так, петляя и уворачиваясь, он пробирался по Шадизару, пока не добрался до стоявшей в тени южной стены города таверны Манета, куда и нырнул через заднюю дверь.

Воздух внутри был приятно прохладен, хотя и провонял

плохо приготовленной пищей. Девушки, снующие из кухни в зал и обратно, окидывали Конана удивленными взглядами. Обычно клиенты не вваливались через заднюю дверь, выходившую в зловонный переулок. Да и сам высокий, плечистый парень с мечом на боку не был похож на обычного клиента.

В общем зале сидели погонщики верблюдов и проводники караванов, в основном — чужестранцы. Запах пота и животных соперничал с вонью прокисшего вина. Кабацкие шлюхи демонстрировали свои прелести, вышагивая почти в чем мать родила по песчаному полу между столов. Многие из них, оценив взглядом киммерийца, остались очень довольны и даже присвистнули от восхищения. Те, кто уже получил деньги за сегодняшний вечер, схлопотали по окрику, а то и по оплеухе от мужчин, уже заплативших за их внимание. Но все их мужское раздражение было сорвано только на женщинах.

Даже те из присутствовавших, кто считал себя храбрее мастифа, почувствовали в этом здоровяке вояка и предпочли, чтобы не рисковать, излить свою злобу на кого-нибудь другого.

Конану было наплевать на волнение, произведенное его появлением. Убедившись, что в обеденном зале нет черных воинов, он потерял всякий интерес к тем, кто там находился. Он быстро подошел к прилавку, за которым управлялся Манет.

— Малак здесь? — тихо спросил Конан трактирщика.

— Наверху, — последовал ответ, — третья дверь направо.

Манет вытер руки какой-то жирной тряпкой и бросил опасливый взгляд за спину Конана, словно опасаясь, что тот привел за собой толпу преследователей.

— Что-нибудь серьезное? — спросил он.

— Не для тебя, — сказал ему киммериец и направился к лестнице.

Он был спокоен за верность Манета. Не так давно киммерийцу удалось вырвать дочь трактирщика из лап двух иранистанцев, решивших увести ее в Аграпур, чтобы продать там. Манет не выдаст его даже под пыткой.

На втором этаже Конан распахнул нужную ему дверь и отпрянул назад — острый кинжал просвистел в воздухе, чуть не полоснув его по горлу.

— Это я, придурок, — прорычал Конан.

Нервно ухмыляясь, Малак убрал кинжал в ножны и отступил в глубь комнаты. Конан захлопнул за собой дверь.

— Извини, — все так же нервно засмеялся худощавый воришка, — это... это просто... Милостивый Митра!.. Слушай, Конан... Эта Тарамис, охотящаяся на нас, этот огонь — наверняка ведь колдовство, да? Я ведь понятия не имел, что стало с тобой. А как... как тебе удалось выбраться? Я к тому же совсем забыл о той драке в харчевне «У Трех Корон», так что еле сообразил, где надо встречаться. Ну да ладно. Что, сваливаем из города? Давно пора. Интересно, а они выкопали камешки или нет? Первым делом надо двигать туда и забрать их от греха подальше. Этих побрякушек нам хватит, чтобы...

— Да поостынь ты, — сказал Конан, — Мы не уезжаем из Шадизара. По крайней мере, не сейчас. У меня есть одно поручение от Тарамис.

— Еще не хватало. Какое такое поручение? А сколько она заплатит? У нее, поди, золотишка-то навалом.

— Я еще и сам не знаю, чего она от меня хочет. А что до платы... Тарамис клянется, что может вернуть Валерию.

Его приятель аж присвистнул сквозь зубы. Темные глаза забегали, словно ища запасной выход.

— Колдовство, конечно, — выдавил он из себя наконец. — Я знал, что этот огонь был ведьминым пламенем. А ты и вправду веришь, что у нее хватит волшебных сил на такое дело? Да и вообще, стоит ли доверять этой...

— Я должен использовать этот шанс. Ради Валерии. Это мой долг...

Он тряхнул головой. Малак, конечно, старый друг, но какой ему смысл ввязываться в такое дело.

— Я понимаю, лично тебе до этого нет никакого дела, — сказал Конан, — но, если ты поможешь мне, я отдам тебе свою долю наших камней.

Малак просто засиял:

— Это предложение было абсолютно излишним, киммериец. Мы ведь вместе работаем. Но сказано — сделано. Я его принимаю. Правда, с одним условием — я не переступлю порога дворца Тарамис. Ее люди упекли троих моих двоюродных братцев в тюрягу, и двое из них уже умерли, да и о третьем ни слуху ни духу.

— Я тебя об этом и не прошу. Да и принцессе ты во дворце ни к чему. Там, на холме, все, чего она от тебя хотела, — это чтобы ты свалил куда-нибудь подальше.

— Эх, да что она понимает в мастерстве, — вздохнул Малак. — Если ей был нужен вор, то разве найдешь кандидата лучше, чем я. Ладно, хватит шуток. Я готов сжечь все благовония в храме Митры за то, что она выбрала тебя, а не меня. Это я должен буду сделать.

— Я отправляюсь во дворец Тарамис. Не знаю, сколько я там пробуду, но наверняка у меня не будет много времени, чтобы искать тебя. Так что постарайся не исчезать далеко. Да, самое главное — выясни, где сейчас Акиро.

— Еще один колдун! — воскликнул Малак.

Разумеется, Акиро был колдуном. Маленький, толстый человек с желтой кожей, как у жителей далекого Кхитая, хотя сам он никому не рассказывал о своей земле. Однажды он помог Конану своими чарами. Конан до конца не доверял ему, как и любому другому волшебнику, но Акиро нравилась Валерия. Может быть, это склонит чашу весов и заставит его прийти на помощь киммерийцу.

— Он может мне понадобиться в этом деле, Малак, пусть последит за колдовством Тарамис, чтобы она не наложила на возвращенную Валерию какое-нибудь заклятие.

— Я его разыщу, киммериец. А теперь, у тебя есть время, чтобы выпить за удачу, или ты возвращаешься во дворец сию же секунду?

— Я там еще и не был, — со смехом сказал Конан. — Пришлось покинуть эту компанию не попрощавшись, а теперь ее стража прочесывает город в поисках меня. Надеюсь, что смогу добраться до дворца, не убив никого из них.

— Тебе крупно повезет, если она не настолько рассердилась, чтобы украсить твоей головой один из зубцов дворцовой стены.

— Она-то, может, и рада бы, но не станет этого делать. Ей ведь нужен не просто вор, а именно я. Она знала мое имя и отправилась с целым отрядом, чтобы найти меня. Что бы она там ни затевала, но Конан киммериец ей нужен просто позарез.

Глава 4

Снаружи дворец Тарамис больше напоминал огромную крепость, хотя и не такую большую, как дворец короля. Гранитные стены с узкими бойницами превосходили рост человека в четыре раза, лишь чуть-чуть не достигая высоты стен королевского замка. По четырем углам возвышались квадратные башни, еще две прикрывали высокие, обитые железом ворота.

Подойдя к этим воротам, Конан увидел, что вход преграждают два стражника в черных доспехах. Они стояли неподвижно, словно статуи, чуть наклонив свои копья с длинными поблескивающими наконечниками.

Еще две фигуры маячили над башнями, а через равные интервалы над стенами тоже были выставлены часовые. Конан тихо усмехнулся: понаставили каменных идолов, а толку-то... Темной ночью опытный вор проберется между ними безо всяких хлопот.

Солнце уже клонилось к западу, и стража отсчитывала оставшиеся часы дежурства. Мысленно они уже были в казарме, попивали вино, ужинали, прихватывая за мягкие места поварих и подавальщиц. Поэтому, лишь когда Конану оставалось пройти три шага до ворот, они обратили внимание, что он и вправду собирается войти внутрь, а не пройти мимо стены. По их разумению, человек в таком виде мог войти во дворец принцессы только в кандалах, с охраной и только направляясь в дворцовую темницу. Копья стражников одновременно уперлись в грудь Конана.

— Проваливай, — огрызнулся один из них.

— Мне нужно увидеть Тарамис, — заявил Конан.

Они еще раз оглядели с ног до головы этого оборванного, покрытого слоем грязи наглого верзилу, и на их лицах промелькнула презрительная усмешка:

— Тебе же было сказано...

Неожиданно в воротах появился Бомбатта, словно смерч раскидав в стороны обоих часовых. Солдаты отлетели к тяжелым створкам открытых ворот и, ударившись о них всем телом, рухнули на землю. Бомбатта стоял на их месте, зло глядя на Конана, сжимая в кулаке рукоять меча.

— И ты... ты еще осмелился прийти сюда! — Большой, сильный воин просто задыхался от гнева. — Где, на каком Девятом Небе Великого Зандру ты пропадал все это время?

— Просто моя лошадь испугалась верблюдов. — Конан, нагло улыбаясь, смотрел на Бомбатту. — А еще я решил промочить горло после такого-то денька.

Бомбатта заскрипел зубами.

— Иди за мной, — процедил он, поворачиваясь, чтобы проследовать внутрь дворцового двора. Стражники уже вновь заняли свои места, но он, обращаясь к кому-то за стеной, крикнул: — Тогра! Замени этих шутов у ворот, чтоб духу их здесь не было.

Конан последовал за ним, но не стал торопиться, подстраиваясь под шаг Бомбатты, как какой-нибудь придворный слуга. Наоборот, он пошел не спеша, словно не замечая напряженного лица Бомбатты, вынужденного сбавить скорость, чтобы не оставить киммерийца одного внутри дворца.

Широкая, выложенная каменистыми плитами аллея вела от ворот к самому дворцу сквозь прекрасный сад с прохладными фонтанами и алебастровыми обелисками, превышающими высотой наружную стенку. Все вокруг было усажено диковинными, благоухающими растениями, привезенными из самых дальних стран, даже из Вендии и Зингары. В глубь зарослей уходили прогулочные дорожки; кое-где за кустами мелькали силуэты садовников-рабов, старающихся сделать эту красоту еще прекраснее.

Высокие резные колонны окружали сам дворец. За входом шла череда внутренних двориков, мощенных полированным гранитом, в которые выходили изящные балконы, спрятанные в стены на таком уровне, чтобы оставаться в тени даже во время самого жестокого полуденного зноя.

Великолепные занавеси ручной работы прикрывали входы во внутренние коридоры, а под ногами расстилались прекрасные ковры из Вендии. Слуги обходили покои, зажигая позолоченные светильники, чтобы рассеять сгущающиеся вечерние сумерки.

Бомбатта шел все дальше и дальше, и Конан уже решил, что они пройдут весь дворец насквозь, как вдруг, войдя в очередной дворик, Бомбатта остановился, даже не оглянувшись, чтобы удостовериться, остановился ли Конан за ним. Вдоль стен двора стояли ряды каменных стел, на каждой был выложен мозаикой из алебастра, порфира и обсидиана какой-то символ. Некоторые из них были знакомы Конану по гадальным картам. Остальные были ему неизвестны, что, впрочем, мало его обеспокоило. Между стелами группами стояли люди в оранжево-черных одеяниях с начертанными на них мистическими знаками и изречениями разной степени сложности. Отдельной группой стояли те, кто носил одежды золотого цвета. Все взгляды обратились к вошедшему киммерийцу. Его взвешивали, измеряли, прикидывали, оценивали.

— Человек по имени Конан, — объявил Бомбатта.

Конан даже не сразу увидел, что он обращается не к людям во дворике, а к Тарамис, стоящей на резном балконе и взирающей на всех них сверху.

Роскошная аристократка, так и не снявшая дорожного одеяния, вся пылала еле сдерживаемой яростью. Ее глаза сцепились с взглядом Конана. Принцесса ждала, что он отведет глаза, но киммериец все так же спокойно глядел на нее. Наконец она раздраженно вскинула голову и приказала:

— Вымыть его и привести ко мне. — Не говоря больше ни слова, она ушла с балкона. Даже ее спина, казалось, выдавала всю ее ярость.

Однако ее чувства были не сильнее тех, что вскипели в Конане.

— Что? Вымыть меня? Я не лошадь! — прорычал он.

К его удивлению, лицо Бомбатты было не менее искажено гневом.

— Ванная здесь, вор, — процедил он, не разжимая зубов, показывая жестом Конану вновь следовать за ним.

Киммериец, мгновение поколебавшись, шагнул за своим нелюбезным провожатым. Конечно, неплохая возможность смыть с себя грязь, а тон, каким было сделано приглашение (или приказание!)... — на это не стоило обращать внимания.

Стены помещения, куда Конана привели на этот раз, были выложены мозаикой, изображавшей горные пейзажи со сверкающими быстрыми реками.

В центре комнаты находился покрытый белыми керамическими плитками бассейн. Рядом с ним — жесткое ложе и маленький столик с флаконами с благовонными маслами.

Четыре девушки в одинаковых белых одеждах с одинаково уложенными тугими темными косами встретили Конана. Над четырьмя парами глаз взлетели ресницы, и четыре пары рук поднялись к губам, чтобы скрыть девичье хихиканье.

— За тобой придут, вор, — сказал Бомбатта.

Конан, с улыбкой глядевший на девушек, посерьезнел и холодно сказал:

— Мне начинает нравиться твой тон.

— Да если бы ты только не был нужен...

— Не задерживайся, договорим потом. Я буду здесь всегда к твоим услугам.

Бомбатта дернулся к своему мечу, но, сдержав себя, вышел из комнаты, не добавив ни слова.

Все четыре девушки молча следили за обменом любезностями. Теперь, прячась одна за другую, они боязливо косились на Конана.

— Я не кусаюсь, — сообщил он им как можно вежливее.

Они нерешительно приблизились к нему, одновременно начав стягивать с него одежду и снаряжение.

— Мы думали, что вы будете драться с ним, господин.

— Бомбатта — отважный боец, господин. Опасный противник.

— Вы, конечно, почти такой же высокий, как он. Я даже не думала, что есть еще такие высокие люди.

— Но Бомбатта больше вас. Только не подумайте, я не сомневаюсь в вашей силе.

— Хватит вам, — засмеялся Конан. Его смех заставил их отскочить в разные стороны.

— Так, говорить по одной, понятно? Теперь послушайте меня. Первое: никакой я не господин. Второе: я прекрасно умею умываться сам. И третье: как вас зовут, хотел бы я знать.

— Мое имя — Ания, господин, — ответила самая стройная из девушек, — а это — Тафис, Анук и Лиела. Мы здесь, чтобы помыть вас, господин.

Конан оценивающе оглядел ее:

— А я-то думал, для чего-нибудь поприятнее.

К его удивлению, Ания густо покраснела.

— Это... это запрещено, господин, — пробормотала она. — Мы — жрицы Спящего Бога.

Со стороны ее подруг послышался тревожный шепот. Лицо девушки побледнело так же быстро, как покраснело минуту назад.

— Спящий Бог? Это еще что за птица?

— Пожалуйста, господин, — взмолилась Ания, — об этом нельзя говорить. Пожалуйста. Если вы расскажете кому-нибудь, меня... меня очень сильно накажут.

— Я буду нем как рыба, — успокоил ее Конан. Но как он ее ни упрашивал, больше ни она, ни ее подруги не произнесли ни слова, кроме как о его купании.

Он покорно позволил намылить себя и растереть мочалкой. Затем с него смыли пену, ополоснули проточной водой и растерли мягкими полотенцами. Настала очередь благовонных масел. И хотя Конан постарался избежать самых резко пахнущих снадобий, ему все равно казалось, что от него за версту несет благоуханиями, как от какого-то придворного щеголя.

Когда девушки одели его в рубашку и брюки из белого шелка, в комнате появился маленький, высохший, абсолютно лысый человек.

— Мое имя — Ярванеус, — сказал старичок, слегка поклонившись, — я старший придворный распорядитель ее высочества принцессы Тарамис.

По его тону было понятно, что его положение все-таки несколько выше, чем у уличного вора.

— Если ты готов, я отведу тебя к... — Он прервал свою фразу, увидев, что Конан взялся за ремень с ножнами и мечом. — Здесь тебе это не понадобится.

Конан лишь взглянул на него, а затем спокойно затянул ремень, пристроив поудобнее меч и кинжал. Он и вообще-то не любил оставаться безоружным. И чем больше он находился во дворце Тарамис, тем меньше ему нравилась идея расстаться со своим мечом именно здесь.

— Веди меня к Тарамис, — сказал он.

Ярванеус отчетливо произнес:

— Я отведу тебя к принцессе Тарамис.

Киммериец лишь жестом поторопил его, всячески показывая, что давно ушел бы сам, если бы знал, куда нужно идти.

Сюрприз следовал за сюрпризом. Старичок покинул его не

в приемном зале, как можно было бы ожидать. В этой комнате позолоченные светильники освещали стоявшую в одном из углов огромную круглую кровать, под покрывалом из белоснежного шелка. Мраморный пол покрывали толстые мохнатые ковры вендийской и иранистанской работы. В центре стоял низкий полированный медный столик, на котором возвышался стеклянный кувшин с вином,и два кубка чеканного золота. Тарамис, от шеи до пят затянутая в черный блестящий шелк, сидела на полу, облокотившись на подушки, разбросанные вокруг столика.

В комнате они были не одни. Четыре воина в черных доспехах стояли по углам. Они были без шлемов, а меч был укреплен у каждого за спиной так, что его рукоятка виднелась из-за правого плеча. Все четверо неподвижно глядели перед собой, не шевеля ни одним мускулом, почти не дыша и не моргая.

— Мои телохранители, — сказала Тарамис, показывая на четверку, — лучшие воины Бомбатты. Почти такие же сильные, как он сам. Но ты не волнуйся, они действуют только по моей команде. Вина?

Она легко приподнялась и наклонилась, чтобы наполнить кубки. У Конана перехватило дыхание. Там, где шелк одеяния Тарамис образовывал свободные складки, он был непроницаемо черным. Но стоило ему обтянуть поплотнее тело принцессы, как он становился почти прозрачным. При этом на Тарамис не было ничего под ее черным платьем. Когда она приблизилась к нему с кубком вина, Киммериец поймал себя на том, что не может оторвать взгляд от ее высокой полной груди.

— Может, ты не расслышал, я повторю: если ты голоден — тебе принесут поесть, — в голосе женщины зазвучали веселые нотки.

Конан посмотрел ей в глаза и покраснел:

— Нет, нет. Спасибо. Я сыт.

Злой на себя, он аккуратно принял кубок из ее рук. Еще не хватало. Уставился, как мальчишка, никогда не видевший обнаженной женщины. Он прокашлялся и сказал:

— Я понял, что ты хочешь дать мне какое-то задание! Но я не смогу выполнить твое поручение, если не буду знать, в чем оно заключается.

— Значит, ты хочешь, чтобы твоя Валерия вернулась к тебе? — Тарамис приблизилась к нему вплотную. Ее грудь при-

жалась к груди Конана. Даже сквозь одежду его кожу жгло, словно к нему прижали два раскаленных угля.

— Я хочу, чтобы она вновь ожила.

Конан шагнул назад, поскользнулся на подушке (случайно, как сам он себя уверял) и растянулся на полу. Тарамис стояла над ним, дразня его взгляд линиями бедер, живота, груди. Конан даже не заметил легкой улыбки, пробежавшей по ее губам.

— Твое желание может быть исполнено, если ты выполнишь то, что я прикажу.

— Ты все еще не сказала мне, что я должен сделать, — Конану пришлось скрыть вздох облегчения, когда она отодвинулась от него и зашагала по комнате.

— У меня есть племянница, госпожа Дженна, — медленно заговорила Тарамис. — Она всю жизнь прожила в одиночестве, как отшельница. Ее родители — мой брат и его жена — умерли, когда она только-только начала что-то понимать. Этот удар оказался слишком сильным для малышки. Теперь она... в общем, с ней нужно обходиться очень осторожно, ничем не тревожить. Но несмотря на все это, ей нужно совершить одно путешествие, и я хочу, чтобы ты поехал с ней.

Конан отхлебнул большой глоток вина.

— Я? А что, больше некому? — сказал он, когда снова смог говорить. — Я не приучен сопровождать аристократок. Это не та работа, которой я занимаюсь.

— Ты хочешь мне напомнить, что ты — вор. Но я вовсе не предлагаю тебе стать городским стражем, Конан. Я не настолько глупа. Но в этом деле мне нужен именно вор. Дженна должна украсть один Ключ. Только она может прикоснуться к нему, как и к Сокровищу, замок к которому отопрет этот Ключ. А кто лучше подходит, чтобы помочь ей в этом деле, чем лучший вор в Заморе?

У Конана голова шла кругом. Он осторожно поставил кубок на стол. Вино сейчас было бы излишним. Собравшись с мыслями, он стал неторопливо размышлять вслух:

— Итак, мне нужно поехать вместе с госпожой Дженной и помочь ей украсть какой-то заколдованный Ключ и Сокровище. Если за это ты возвратишь Валерию, я выполню все, что требуется. Но мне непонятно, почему бы ей не отправиться в путь со своей свитой и с сотней-другой твоих стражников, а не с одним вором в компании.

— Потому что в Свитках Скелоса сказано, что она должна совершить это без свиты, — Тарамис резко оборвала фразу, даже закусив губу.

— Эти Свитки... — начал Конан.

— Пророчества, — ответила она, не давая ему говорить лишнего. — В них сказано, что нужно сделать и как. Выкинь их из головы. Все равно они написаны на древнем языке, известном сейчас только... только ученым людям. Так вот, там есть кое-какие неясности с числом спутников: только двое из них особо оговорены. Я решила не рисковать и послать только тех, относительно чьей необходимости нет сомнений. Так выбор пал на тебя и Бомбатту.

Конан фыркнул и помянул недобрым словом древних авторов Свитков.

Ехать вместе с Бомбаттой? Ладно, а устроить поединок можно будет потом или в пути, когда захочется!..

— Где следует искать Ключ?

— Дженна покажет тебе.

— Лучше, если у меня будет карта и подробный план того места, где хранятся Ключ и Сокровище. И что это за Сокровище? Клад? Понадобятся ли нам вьючные мулы или лошади, чтобы привезти его?

— Дженна сама все узнает, когда увидит его, мой милый воришка. И она сможет удержать его в руках. Только она и никто другой. Вот все, что тебе нужно знать. Карта? Нет никакой карты, кроме той, которая в голове у Дженны. При ее рождении были произнесены особые заклинания, настроившие ее внутренне на одну ноту с Ключом. Она будет его чувствовать во время пути и приведет вас к нему. Когда Ключ окажется в ее руках, она точно так же настроится на Сокровище и поведет к нему.

Конан вздохнул. То, что от него кое-что скрывали, было неудивительно. Мало кто в мире согласился бы полностью довериться вору. Но дело от этого не становилось легче.

— Может быть, я могу еще что-то узнать и подготовиться к этому? Пойми, что слишком большие неожиданности могут погубить не только меня, но и твою племянницу.

— Дженне нельзя причинять никакого вреда, — отчеканила Тарамис.

— Я позабочусь о ее безопасности, но вряд ли я смогу быть

очень полезен, ничего не зная о возможных опасностях. Если тебе известно что-нибудь еще...

— Ладно. Я... полагаю, что Ключ сейчас во владении человека по имени Амон-Рама, он родом из Стигии.

— Колдун, естественно, — вставил Конан, не ожидавший уже ничего другого.

— Именно. Колдун. Вот и все, что я знаю. Я желаю, чтобы это путешествие было удачным, точно так же, а может быть, и больше, чем ты. Ты не испугался? Сможешь достойно встретить опасности? И помни о своей Валерии.

Его лицо напряглось при этих словах:

— Я сказал, что сделаю это. И я выполню то, что обещал.

— Отлично, — сказала Тарамис. — А теперь — еще одна деталь, более важная, чем все остальное, по крайней мере, для тебя. Через семь ночей звезды на небе будут в таком положении, которое бывает раз в тысячу лет. Именно в эту ночь я смогу вернуть тебе Валерию. Если к тому времени ты вернешься с Сокровищем и Дженной... — Подняв руку, она прервала негодующе задышавшего Конана. — Мои астрологи не могут найти ни Ключ, ни Сокровище. Но они уверены, что за оставшееся время возможно найти и то, и другое.

— Это они тебе так говорят, — киммериец невесело усмехнулся.

Он заглянул в свой кубок и вдруг разом осушил его. Час назад он очутился по колено в этой грязи — колдовстве, но все еще соблюдал осторожность. Теперь же он пробирался в нем по горло, да еще к тому же — в кромешной тьме.

Неожиданно по дворцу пронесся крик. Кричала девушка. Еще раз, снова и снова. Конан вскочил на ноги, схватившись за меч. Он заметил, как напряглись телохранители принцессы, и понял, что только его резкое движение стало причиной этого. Крики, казалось, не заставили бы их даже моргнуть глазом.

— Это моя племянница, — торопливо сказала Тарамис. — Дженну мучают кошмары. Сядь, Конан. Садись. Я вернусь, когда успокою ее.

И, к удивлению киммерийца, принцесса Заморы выбежала из комнаты.

* * *

Тарамис не нужно было бежать далеко. Просто злость замедлила ее бег. Она уже думала, что с кошмарами покончено насовсем.

Ее племянница свернулась клубочком в середине кровати, нервно всхлипывая в неясном свете луны, проникавшем через высокие узкие окна. Тарамис не удивилась, не обнаружив рядом с девушкой никого из прислуги. Все во дворце знали, что только она может справиться с ужасными видениями, мучившими Дженну. Принцесса наклонилась над постелью и положила руку на плечи девушки.

Дженна, вздрогнув, проснулась, увидела Тарамис и обхватила ее руками.

— Так это был сон, — всхлипнула она, — такой ужасный сон!

Дженне еще не исполнилось и восемнадцати, она была стройна и красива, но сейчас большие темные глаза были наполнены слезами, а полные губы все никак не переставали вздрагивать.

— Да, всего лишь сон, — Тарамис ласково гладила девушку по длинным черным волосам, — не больше, чем сон.

— Но я видела... видела, что...

— Тс-с. Тихо, Дженна. Успокойся. Завтра тебе отправляться в путь. Нельзя, чтобы какой-то сон мог испугать тебя.

— Но мне действительно было так страшно.

— Тихо, малышка, спи.

Тарамис кончиками пальцев чуть сжала голову Дженны и запела что-то чуть слышно, почти про себя. Потихоньку всхлипывания затихли, прекратилась дрожь. Когда дыхание вновь стало ровным дыханием спящего человека, Тарамис встала. Уже сто раз она думала, что кошмары и воспоминания о них ушли навсегда. Но проклятый сон каждый раз напоминал о себе. Тарамис сжала голову руками. Дженна была той, о ком говорили Свитки, и это сейчас — самое важное. Ничего, на этот раз наверняка удалось отогнать кошмарный сон надолго. Наверняка. Всю жизнь Тарамис шла этим путем. С самого детства. Как только она стала осознавать себя, ее тетя, принцесса Элфайн, начала учить ее тем двум вещам, с помощью которых женщина может стать сильной: искусству обольщения и колдовству. Когда Элфайн умерла, Тарамис, которой не было еще и десяти лет, не появилась на церемонии погребе-

ния. Старшие думали, что ребенку просто стало невыносимо тяжело от потери. На самом же деле она в это самое время обшаривала личные покои тети в поисках волшебных фолиантов и всяких магических штучек, собиранию которых Элфайн посвятила свою жизнь. Там-то она и нашла Свитки Скелоса. В ближайшее же полнолуние она начала работу, которая длилась двадцать лет, а сейчас была близка к завершению.

Неожиданно она почувствовала, что в дверях комнаты стоит Бомбатта и смотрит в одну точку — на девушку в постели. Она быстро подошла к нему и взяла его за руки. Секунду он еще сопротивлялся, а затем позволил вывести себя в темный коридор.

— Так ты даже не считаешь нужным больше скрывать это? — сказала она с презрительным спокойствием. — Ты возжелал мою племянницу. Я все вижу. Так что не пытайся отрицать это.

Он, словно башня, возвышался над нею, но при этом переминался с ноги на ногу, как мальчишка, ждущий наказания от учителя. Наконец он промычал:

— Я ничего не могу с собой поделать. Ты — огонь и страсть. Она — невинность и чистота. Я ничего не могу поделать.

— И она должна оставаться невинной. Так сказано в Свитках Скелоса.

На самом же деле Свитки вовсе не требовали от Дженны девственности. Речь шла о другой чистоте. Чистоте души. Она не должна была никому желать зла или предполагать, что кто-то может причинить ей боль. Ее жизнь в затворничестве помогала поддерживать ее в таком душевном покое. Но Тарамис поняла, что происходит с Бомбаттой, задолго до того, как он сам осознал, что с ним.

— Да, даже если бы и не эти Свитки, — сказала она ему, — ты — мой, и я не собираюсь делить то, что принадлежит мне. Ни с кем.

— Мне не нравится, что ты там наедине с этим вором.

— Наедине? — Тарамис рассмеялась. — Четыре твоих лучших стражника стоят наготове, чтобы охладить его или изрубить на куски, если он задумает причинить мне вред.

Мужчина что-то пробормотал про себя, и она нахмурилась:

— Говори так, чтобы я слышала, Бомбатта. Не люблю, когда от меня что-то скрывают.

Он долго молча смотрел на нее, сжигая взглядом, прежде чем заговорить:

— Я не могу избавиться от мысли о том, что этот вор смотрит на тебя, хочет тебя, быть может, даже прикасается к тебе...

— Ты, кажется, стал забываться. — Каждое слово вылетало словно острое лезвие.

Бомбатта отступил на шаг, а затем рухнул на колени, склонив голову:

— Прости меня. Но ведь этому Конану нельзя доверять. Он чужеземец, вор.

— Идиот! В Свитках ясно сказано, что Дженну должен сопровождать вор с глазами цвета неба. Другого такого в Шадизаре не найдешь, да и, пожалуй, во всей Заморе. А ты будешь делать то, что я тебе прикажу. Будешь точно следовать предписаниям Свитков. Точно!

— Как прикажешь, — пробормотал он. — Я повинуюсь.

Тарамис погладила его по голове. В этом движении было не больше нежности, чем в поглаживании одной из борзых ее своры.

— Ну разумеется, Бомбатта.

Она чувствовала, что победа уже близка. Рог Дагота будет принадлежать ей. С ним она обретет истинную силу и бессмертие. Это чувство словно пронизывало ее. Ее руки вздрагивали на волосах Бомбатты. Она глубоко вздохнула и сказала:

— Будь уверен, все будет так, как я говорю. А сейчас — отправляйся к себе и ложись спать, и пусть тебе снится твоя победа.

Неподвижно стоя на коленях, Бомбатта смотрел, как она уходит по коридору. Его обсидановые глаза поблескивали в темноте.

* * *

Конан вскочил, когда Тарамис вошла в спальню.

— Как твоя племянница? — спросил он.

— Ей лучше. Она спит.

Чувственная женщина лишь слегка приподняла руку и махнула ею в воздухе. Все четверо телохранителей вышли, не произнеся ни слова.

— А как ты, вор? Ты спишь или бодрствуешь? Уже поздно, а ты почему-то решил поговорить о моей племяннице.

От резких шагов разрезы ее одеяния распахивались, открывая взгляду ничем не прикрытую кожу.

Киммериец, смотрел на нее с сомнением. С трактирной девушкой или даже с дочкой богатого купца вопросов бы не возникло, веди она так себя. Но что касается принцесс — тут у него опыта не было.

— Да ты мужчина или нет? — рассмеялась она. — Или видение твоей несравненной Валерии вконец истощило твою мужскую силу?

Конан вспыхнул. Он звал, что бесполезно объяснять Тарамис, что стояло и стоит между ним и Валерией. Он не был уверен, что и сам окончательно разобрался в этом. Но в одном он был твердо уверен.

— Я мужчина.

Руки Тарамис взлетели к шее. Секунда — и черный шелк водопадом сбежал к ее ногам. Своим взглядом и полной наготой она бросала ему вызов.

— Докажи!

Не теряя времени на то, чтобы дойти до кровати, Кован повалил ее на пол и представил все необходимые доказательства.

Глава 5

Конан пристально смотрел в огонь маленького костра. Сухой верблюжий помет горел неярко и не привлек бы нежелательного внимания того, кто тоже оказался бы ночью посреди равнины Заморы. Киммериец вспомнил другой, волшебный, огонь на камнях алтаря.

Его беспокоило, что они проехали уже целый день, а Малак все не появлялся. Вообще-то Конан никогда не позволял себе уж очень рассчитывать на чью-либо помощь, но теперь он был более чем когда-либо уверен, что ему потребуется помощь Акиро. Не только во время их путешествия, но и после, когда настанет время исполнения обещания Тарамис. Да где уж, на каком Девятом Небе Великого Зандру провалился этот Малак!

Усилием воли он заставил себя отбросить бесполезные гадания и занялся рассматриванием своих спутников. Скорее, одного из них.

Бомбатта аккуратно наполнил серебряную чашу водой из одного из их кожаных бурдюков и протянул ее Дженне. С благодарной улыбкой она протянула руку из-под белоснежного плаща, накинутого на нее, чтобы защитить от ночного холода. Девушка оказалась совсем не такой, какую Конан ожидал увидеть, и он все никак не мог привыкнуть к этому. Тарамис говорила о своей племяннице как о ребенке, и он представлял себе девочку лет девяти-десяти, а не стройную девушку, двигавшуюся в своей свободной одежде с неосознанной грацией газели.

Конан неожиданно прервал общее молчание:

— Дженна, утром мы поедем в том же направлении?

— Госпожа Дженна, понял, вор? — почти рыча, поправил его Бомбатта.

Дженна вздрогнула, словно удивившись тому, о чем ее спрашивают. Ее глаза, похожие на глаза молодого олененка, на мгновение остановились на Конане, а затем повернулись к Бомбатте. Ему и был адресован ответ:

— Более точно я смогу сказать завтра. А пока я знаю только одно: нам нужно ехать на запад.

К горам Карпаш, понял Конан. Не самое приветливое местечко, где недолго и пропасть навсегда, если не знать хорошенько эти места или не взять проводника. На картах были нанесены лишь основные перевалы, использовавшиеся как торговые пути. А местные жители, хоть и не такие озлобленные, как горные племена Кезанкии, вовсе не отличались хорошим отношением к чужестранцам. Они имели обыкновение улыбаться гостю, приветливо встречать его и лишь затем, улучив момент, втыкали ему нож промеж ребер.

Киммерийца не удивляло, что он не получил ответа сам. С самого их отъезда из дворца Тарамис, еще до восхода, она ни словом не перемолвилась с ним, весь разговор шел только через Бомбатту. Но, будучи мастером своего дела, он понимал, что для вора нет ничего важнее информации. Поэтому он продолжил этот странный разговор:

— А как тебе удается узнать дорогу? Ключ сам притягивает тебя к себе?

— Ее не следует спрашивать, понял, вор? — вновь вскипел Бомбатта.

Где-то вдали завыл волк. Тяжелый, почти потусторонний звук, казалось, смешался с темнотой, пронизанной лунным светом.

— Что это, Бомбатта? — с любопытством спросила Дженна.

Человек со шрамами на лице бросил еще один уничтожающий взгляд на Конана, прежде чем ответить:

— Это такой зверь, малышка, что-то вроде собаки.

— А мы его увидим?

— Может быть, придется, малышка.

Конан тряхнул головой. Девчонка восхищалась всем подряд, ничего не зная о жизни в этом мире. Пустые улицы Шадизара, по которым они ехали к выходу из города, шатры караванов и спящие верблюды, стая гиен, следовавших за ними в течение полудня на почтительном расстоянии, — все так радовало ее, зажигало искорки в глазах и служило поводом для множества вопросов Бомбатте.

— То, что мне не удается у тебя выяснить, может погубить нас, — продолжал убеждать ее Конан.

— Не пугай ее, вор! — процедил Бомбатта.

Дженна положила ладонь на скрывавшую руку воина кольчугу:

— Я не боюсь, Бомбатта. Мой добрый Бомбатта.

— Ну тогда скажи мне, как ты определишь, где искать Ключ. Или расскажи Бомбатте, если ты по-прежнему не хочешь говорить со мной.

Ее глаза обратились было к Конану, однако затем остановились где-то на полпути между киммерийцем и высоким воином в черных доспехах.

— Я не знаю точно, как я нахожу дорогу. Просто так получается. Как будто я здесь уже была, — она тряхнула головой и рассмеялась. — Конечно, я понимаю, что этого не может быть. Я ведь ни разу в жизни не покидала тетиного дворца — вплоть до сегодняшнего утра...

— Если ты скажешь, куда нам нужно идти дальше, пусть даже приблизительно, я, наверное, смогу найти более короткий путь, короче, чем тот, по которому ты нас ведешь.

Вспомнив о том, что сказала Тарамис об особом расположении звезд, необходимом для оживления Валерии, Конан сжал в кулаке золотой амулет, висевший на его шее, и добавил:

— У нас мало времени.

Дженна в ответ еще раз тряхнула волосами и продолжила:

— Когда я вижу перед собой нужное место, я вспоминаю его. Но сначала мне нужно его увидеть.

Вдруг она рассмеялась и упала на спину, глядя прямо в звездное небо.

— А еще, я вовсе не хочу, чтобы наше путешествие закончилось побыстрее. Я хочу, чтобы оно продолжалось как можно дольше.

— Нет, малышка, так не получится, — сказал Бомбатта, — нам нужно вернуться в Шадизар через шесть ночей.

Конан сделал все возможное, чтобы сохранить невозмутимое выражение лица. Этого еще не хватало. Его срок наступит через шесть ночей. Но Бомбатте нет никакого дела до воскрешения Валерии. Что же еще должно произойти в эту ночь?

— А теперь, девочка, тебе пора спать, — продолжил человек со шрамами, — нам рано в дорогу, ты должна хорошо отдохнуть.

Говоря это, он занялся приготовлением постели: убрал камни с земли и взрыхлил это место кинжалом.

— Бомбатта, ну пожалуйста, можно я еще немного посижу с вами? Здесь даже звезды не такие, какими я их видела из дворца. Они как-то ближе. Кажется, что до них можно почти достать рукой.

Бомбатта молча расстелил на рыхлой земле одеяло.

— Ой, как здорово, — сказала она, ложась и прикрывая ладонью зевок, — мне так хочется все попробовать, все испытать.

Лишь только она легла, Бомбатта укрыл ее вторым одеялом. В его движениях была видна неожиданная нежность.

— Ты еще все увидишь, все испытаешь, я обещаю тебе, девочка. Но сейчас для нас самое важное — вернуться в Шадизар через шесть дней.

Положив голову на руку, Дженна что-то пробормотала, уже сквозь охватывающий ее сон.

Он любит ее, подумал Конан, глядя на то, как Бомбатта склонился над девушкой, — самый настоящий любовник.

Не будь Дженна настолько явно девственницей, он бы подумал, что Бомбатта и вправду ее любовник.

Встав, Бомбатта подошел к костру и стал забрасывать его землей.

— Я буду дежурить первым, вор, — сказал он. Не говоря больше ни слова, он вернулся к спящей Дженне и сел рядом с нею, скрестив ноги и положив обнаженный меч на колени.

Конан сжал зубы. Этот черный стражник уселся между ним и Дженной: можно подумать, что он был главной грозящей девушке опасностью. Не спуская глаз с Бомбатты, Конан лег на землю, не выпуская рукояти меча из рук. Он даже не стал укрываться одеялом. Куда более холодные ночи были ему не в диковинку, а вот одеяло могло на мгновение задержать его, случись срочно выхватить меч. А такое мгновение могло стать роковым, когда рядом противник с клинком, уже зажатым в руке. Но даже сквозь недоверие к Бомбатте в его голове закружилась еще одна мысль: что же должно произойти в Шадизаре через шесть ночей? Именно об этом он размышлял, когда сон наконец сморил его.

* * *

Солнце нещадно жгло трех всадников, двигавшихся к западу по равнине Заморы. Дженна поглубже натянула на глаза капюшон своего плаща, пытаясь найти прохладу в его тени, пада-

ющей на лицо. Она уже поняла, что Бомбатта был прав, сказав, что плащ защитит ее от палящих лучей. Она на пробу высунула руку из-под плаща и оставила ее на солнцепеке.

Сильное жжение убедило ее в правоте совета, но, даже избежав ожога, нельзя было спрятаться от самой жары. Это был как раз тот опыт, без которого, как она решила, вполне можно было обойтись.

Впереди виднелась цепочка гор со снежными вершинами. Горы Карпаш. Они манили прохладой и влагой. Дженна облизала губы, даже не почувствовав на них влаги.

— Бомбатта, а эти горы... мы до них скоро доедем?

Он повернулся к ней, и вдруг девушку пробрало чувство страха перед этим человеком со шрамами, в черном шлеме, с потным пыльным лицом. Чушь какая-то, подумала она. Бояться Бомбатты? Ей, которая знала его с самого раннего детства? Конечно, глупости.

— Не так быстро, малышка. Завтра. Хорошо, если утром.

— Но они кажутся такими близкими, — возразила она.

— Это воздух равнины. Он сокращает расстояние. А на самом деле горы намного дальше.

Дженна хотела попросить воды, но вспомнила, как Бомбатта смотрел на бурдюки после того, как она попила последний раз. Сам он попил лишь дважды с тех пор, как они выехали утром. Затем ее взгляд упал на Конана, двигавшегося впереди.

Северянин сделал лишь один глоток на рассвете и с тех пор даже не посмотрел на бурдюки с водой. А теперь он легко сидел в седле, одной рукой придерживая рукоять меча, устремив взгляд вперед и, похоже, не замечая, что солнце уже почти изжарило их заживо, даже не дойдя до зенита.

Какой странный юноша, подумала она. Он был не старше ее, это точно, но эти синие глаза принадлежали взрослому человеку, много повидавшему в жизни. Казалось, жажда совсем не мучит его, не ощущал он и палящего зноя. Интересно, а может ли что-нибудь остановить его? Дождь, снег, ветер? Она слышала рассказы о снеге в горах, высоких-высоких, выше дворца. Нет, ей казалось, что его ничем не остановишь. Наверное, поэтому тетя и послала его с нею. Он, наверное, герой, переодетый или заколдованный принц, вроде тех, которых она знала по сказкам, рассказанным ей служанками, когда тети не было рядом.

Она украдкой взглянула на Бомбатту и спросила:

— Он ведь красивый?

— Кто красивый? — ворчливо переспросил он.

— Конан.

Бомбатта резко повернулся к ней; на миг она снова испугалась.

— Тебе не следует думать о таких вещах, особенно о нем, — его голос был тверд, без единой капли нежности, с которой он обычно обращался к ней.

— Не волнуйся из-за меня, Бомбатта, — взмолилась она. — Я люблю тебя и не хочу, чтобы ты сердился.

— Я... я тоже люблю тебя, Дженна. Я не сержусь на тебя. Просто... Не думай об этом воре. Выкинь его из головы. Так будет лучше.

— Я не могу не думать о нем, не видеть его, пока он едет с нами. И все равно, Бомбатта, я тебе говорю, что он красивый, как в сказках про принцев.

— Он не принц, — отрезал Бомбатта.

Дженна ощутила сильнейшее разочарование, но продолжала свои рассуждения:

— Ну и пусть. Зато он все равно красивый. Хотя мне его и сравнивать-то не с кем. Разве что с тобой да со слугами во дворце Тарамис. А среди них нет ни одного такого красивого. Вечно они кланяются, падают на колени, извиняются.

Лицо Бомбатты совсем помрачнело. Дженна стала лихорадочно обдумывать, чем она могла его обидеть.

— Ну, конечно же, ты тоже красивый, Бомбатта. Я вовсе не хотела сказать ничего другого.

Зубы воина явственно скрипнули:

— Я же сказал тебе — не думать об этом.

— Он выше ростом и крепче, чем любой из слуг или рабов. Он почти такой же большой, как ты, Бомбатта. А как ты думаешь, он такой же сильный? Наверное, Тарамис потому и послала его с нами, что он такой же сильный, как и ты, такой же храбрыми такой же настоящий воин, как ты.

— Дженна!

Она подпрыгнула в седле и уставилась на него. Никогда раньше он не кричал на нее. Никогда.

Он продолжал ехать, тяжело дыша, уперев одну руку себе в бок. Наконец он сказал:

— Этот Конан — вор, малышка. Всего лишь вор и ничего больше. У принцессы были свои причины, чтобы отправить его вместе с нами. Не мое и не твое дало спрашивать ее об этом.

Дженна закусила губу, осмысливая то, что только что узнала. Когда Тарамис сказала, что настал день путешествия, она была без ума от радости. Наконец-то она исполнит свое предназначение. Она найдет Рог Дагота и вернет его тете. Такое задание будет большой честью для нее. Но если Конан — вор, а Тарамис специально послала его с ними...

— Бомбатта, мы что, собираемся украсть Рог Дагота?

Он чуть не хлопнул ее по губам, прикрывая ей рот ладонью, а затем быстро взглянул на Конана. Голубоглазый гигант спокойно ехал впереди на расстоянии, когда можно расслышать лишь крик. Судя по его неподвижной спине, Дженна решила, что ему абсолютно наплевать и на Бомбатту и на нее. Сама не понимая почему, она почувствовала, что его безразличие задевает ее.

— Дитя мое, — тихо произнес Бомбатта, — Тарамис же просила тебя не упоминать этого имени ни при ком, кроме меня и ее самой. И ты это знаешь. Это ведь наш секрет.

— Он не слышит нас. А я хочу знать, мы собираемся...

— Нет! — тон его голоса стал подчеркнуто терпеливым и спокойным. Таким он бывал только когда Дженна доводила его до белого каления. — Нет, Дженна. Мы не будем красть его. Ведь никто на свете не может прикоснуться к Ключу. Никто, кроме тебя, не может дотронуться до Рога. Никто во всем мире. Разве это не доказательство того, что мы берем свое. Так что твое предназначение — правое дело. Неужели ты сомневаешься во мне или в твоей тете?

— Ну конечно, нет, Бомбатта. Я просто... Но я и вправду не хотела причинять тебе беспокойство, я только...

Высокий воин вдруг пробормотал что-то злое и раздражительное.

— Что? Что случилось, Бомбатта?

Вместо ответа он пустил коня в галоп, настигая Конана.

Она посмотрела ему вслед и тоже заметила, что с севера по склону холма к ним быстро направляется человек верхом, ведущий на веревке еще одну лошадь. Когда он подъехал поближе, она рассмотрела, что это некрасивый худой человек ма-

ленького роста, в кожаной куртке и грязных кожаных штанах. Неожиданно она поняла, что, кроме ругательств, пробормотал Бомбатта. Он назвал имя этого человека. Его звали Малак.

* * *

Конан позволил себе улыбнуться, увидев скачущего по гребню холма Малака со второй оседланной лошадью, привязанной к первой длинной веревкой. Перекинув из-под языка за щеку округлый камешек, который притуплял своей прохладой чувство жажды, он громко позвал своего приятеля:

— Эй, Малак!

— Эгей, Конан! — Рот маленького вора растянулся до ушей. — Ну и попотел же я, пока нашел вас. Ты же знаешь, я не следопыт, мы — люди городские, избалованные цивилизацией...

Словно смерч песка и камней, Бомбатта влетел в пространство между ними. Под его гневным взглядом улыбка мало-помалу сползла с лица Малака.

— Принцесса Тарамис подарила тебе жизнь. Почему ты не залег где-нибудь в свинарнике, чтобы отметить такую удачу?

— Я попросил его присоединиться к нам, — сказал Конан.

— Что значит — ты попросил? Да кто тебе дал право решать, кому принимать участие в путешествии? Принцесса Тарамис...

— Тарамис было нужно, чтобы я сопровождал Дженну, — прервал его Конан, — а мне нужен Малак.

— Я сказал, нет!

Конан глубоко вздохнул. Только спокойствие. Не надо ввязываться в драку с этим идиотом.

— Тогда поезжай дальше без меня, — сказал он даже хладнокровнее, чем сам ожидал.

Настала очередь Бомбатты задерживать дыхание, чтобы успокоиться. Его зубы заскрипели, когда он понял, что криком и запретами от Конана ничего не добьешься. С этим парнем где сядешь, там и слезешь.

— Есть вещи, о которых тебе, вор, не следует знать. Ты и госпожа Дженна должны следовать без посторонних.

— Тарамис сказала, что число провожатых не указано точно, — сказал Конан и с удовольствием отметил, как вытянулось в изумлении лицо его собеседника.

— Она тебе это рассказала?

Конан кивнул:

— Тарамис вовсе не нужно, чтобы наше дело провалилось. Поэтому она рассказала мне все.

— А, ну конечно, — медленно проговорил Бомбатта, но что-то в его голосе заставило Конана усомниться в своих словах. Может быть, от него и вправду что-то скрыли. Причем то, что не умалит шансы на успех путешествия, а сыграет свою роль лишь после него.

— Ну? — спросил Конан. — Малак едет с нами, или я отправляюсь с ним своей дорогой.

Ладонь Бомбатты сжала рукоятку меча так, что побелели костяшки пальцев.

— Можешь оставить этого маленького мерзавца. Но смотри не ошибись. Если из-за него с нами что-то случится — я вас обоих изрежу на куски и отдам собакам. И повежливей тут насчет принцессы и госпожи Дженны.

Натянув поводья, он галопом поскакал к Дженне, тревожно наблюдавшей за ними. Малак тихо засмеялся:

— Не знаю, с чего я это взял, но мне кажется, что этот черный верзила недолюбливает меня...

— Ты пережил многих из тех, кто недолюбливал тебя. Переживешь и Бомбатту.

Конан посмотрел на запасную лошадь, шедшую на привязи вслед за конем Малака, и недовольно сказал:

— Жалкое зрелище.

Малак хихикнул:

— Это лучшее из того, что можно было украсть. Ничего, для Акиро сойдет.

— Ты разыскал его? Где он? У меня нет времени на долгие поиски.

— Недалеко. Сначала в том направлении, куда вы ехали, а потом — чуть южнее.

— Тогда поехали. Времени очень мало.

Малак пристроился позади Конана.

Киммериец привстал в седле и оглянулся, чтобы убедиться, что Бомбатта и Дженна следуют за ними. Все в порядке — они тоже двинулись в путь, но почему-то все время поддерживая довольно большую дистанцию. Быть может, Бомбатта не хотел, чтобы пыль из-под копыт передних лошадей мешала де-

вушке, а скорее всего, ему просто не хотелось ехать рядом с Конаном. Впрочем, киммерийца это мало занимало, если бы не желание время от времени оглянуться и посмотреть на Дженну.

Так они и ехали. При этом Малак все время буравил взглядом спину друга и наконец, не выдержав, сказал:

— Слушай, Конан. А что это вы там говорили про какие-то причины, из-за которых я должен или не должен быть здесь? Что такого особенного рассказала тебе Тарамис?

— Я все время ждал, когда же ты спросишь, — усмехнулся Конан и подробнее посвятил приятеля в суть дела. По крайней мере, он рассказал ему обо всем, что касалось поиска Ключа и Сокровища. Кое-что, сказанное принцессой в его объятиях, молодой киммериец оставил при себе.

Когда он закончил, Малак грустно покачал головой:

— А я-то думал, что все дело упрется в сложности с оживлением Валерии. Эх! Послушал бы ты меня! Все, что я скажу, — предельно просто. Даже ты, надеюсь, сможешь понять. Сдается мне, что мы слишком далеко залезаем в эти колдовские штучки. А ты, ко всему прочему, еще и поверил колдунье: считаешь, что тебе все принесут на блюдечке, как обещано. Когда очередное заклинание убьет тебя, или еще чего похуже, — помяни мои слова.

Он еще что-то пробормотал себе под нос, и Конан узнал молитву Белу, шемитскому богу воров.

— Не так все плохо, как тебе кажется, — проговорил киммериец.

— Не плохо! Ты еще скажи, что все здесь нормально. Девчонка с картой в голове — это тебе не черная магия? Какой-то волшебный Ключ, охраняемый неведомо кем. Потом — волшебный клад, на котором своими задницами сидит ещё парочка волшебников, а то и похуже. Не многовато ли даже для такого безрассудного парня, как ты? Послушай меня, Я знаю в Аренджуне трех сестриц. Девочки — пальчики оближешь. Ждут не дождутся, когда я приеду. Готов уступить тебе двоих. Выкинем этот Шадизар из головы, словно и не слышали о нем никогда. Тарамис в жизни не найдет нас в Аренджуне, даже если ей и придет в голову, что мы там. Ну, что скажешь? Махнем в Аренджун! Договорились?

— А Валерия? Мне и ее выкинуть из головы? Нет, поезжай,

если хочешь, в Аренджун один, Малак. Я там уже бывал и не вижу смысла и повода снова появляться в этом городе.

— Значит, поедешь дальше? Независимо от того, как поступлю я?

Конан кивнул, а маленький вор, закрыв глаза, пробормотал еще одну молитву — Киале, иранистанской богине удачи.

— Ладно, — сказал он, подумав, — я поеду с тобой, киммериец. Но только за то, что ты отдашь мне свою долю камешков. Дело есть дело.

— Ну разумеется. Я всегда знал, что ты — настоящий друг.

— Да-да, конечно, — Малак подозрительно взглянул на Конана, словно проверяя, не было ли во фразе киммерийца иронии. Ничего не определив, он сказал, чтобы заполнить паузу:

— По крайней мере, во всем этом есть одна положительная сторона.

— Какая же?

— Как? Ты не понял? Мы же оказались лучшими ворами в Шадизаре, а это значит — во всем мире. Этот ваш колдун, Амон-Рама, поймет, что в его владениях кто-то побывал, когда мы уже будем далеко от него, на пути назад.

Глава 6

Не единожды эта гора выбрасывала из своих недр пламя и камни. Тысячу лет назад случилось последнее извержение, потрясшее землю на сотни лиг вокруг, разрушая города, уничтожая царства и королевские династии. Небо почернело от пепла, а затем гора преподнесла еще один сюрприз: огонь сменился снегом. В течение долгих лет зелень весны и блеск льда заменяли здесь летний зной. Жители Карпашских гор называли эту гору горой Смерти и считали, что их души будут похищены темными силами, стоит лишь ступить ногой на эту гору.

В том последнем титаническом извержении половина горы исчезла, оставив после себя большой овальный кратер с глубоким озером на дне. Две стороны гигантской впадины представляли собой вертикальные стены, в сто раз превышавшие человеческий рост. Две других были пологими склонами. У подножия одного из них, на самой кромке озера, стоял дворец, который видела лишь одна пара человеческих глаз.

Дворец возвышался словно огромный драгоценный камень, сверкающий бесчисленными гранями. Стены, башни, купола — все искрилось и переливалось на солнце. Нигде не было видно ни единого камня. Казалось, что огромная игрушка вырезана из цельного горного алмаза, ограненного в виде дворца.

В центре этого хрустального дворца находилась огромная комната с высоким сводчатым потолком. Зеркала стен были скрыты за длинными золотыми занавесями. В центре зала стоял прозрачный постамент, на котором покоился камень, краснее красного, драгоценный кристалл, горящий и сверкающий так, словно кровь и огонь соединились в одно целое и плотно спрессовались, чтобы создать его.

Амон-Рама, бывший член Черного Круга Магов Стигии, подошел поближе к тонкой прозрачной колонне. Алые одеяния стекали складками с его плеч до самого пола. Его лицо бы-

ло лицом хищника. Нос больше походил на клюв орла. Десять тысяч черных заклинаний затмили последние искры света в его глазах. Похожие на клешни, его руки скользили вокруг камня. Но колдун был осторожен и внимательно следил, чтобы не задеть магический камень. Сердце Аримана. При каждом взгляде на пылающий красный огонь сердце колдуна наполнялось ликованием.

Когда его бывшие соотечественники узнали, что в его руки попало Сердце Аримана, они исключили его из Черного Круга. Ибо существовали такие магические предметы, которых боялись даже черные маги. Они не рисковали выпускать на волю скрытые темные силы, не зная точно, смогут ли они их удержать в повиновении. Он же не боялся ничего. Теперь ему некого было опасаться. Самим фактом обладания Камнем Сердца он стал выше всех своих врагов и соперников. Они были бы рады разделаться с ним, но знали его силу и опасались сокрушительного ответного удара, если их атака не удастся.

Его пальцы нашли нужное положение с двух сторон от Камня, и он начал нараспев читать заклинание на каком-то древнем, давно умершем языке: *А'бат ма'абак удамаи мор' аас. А'бат ма'абак, а'бат ма'абак кафа'ар.*

Хрустальные стены дворца задрожали, войдя в резонанс с вибрациями слов. С каждым звуком мерцание Сердца Аримана становилось все реже, а свет все бледнел. Все меньше рубина и крови, все больше малинового, алого — и вот камень стал совершенно прозрачным, а в его глубине показался горный пейзаж. По склону одного из холмов двигалось несколько точек.

Амон-Рама прищурился, присматриваясь к неясным силуэтам. Всадники. Девушка и трое мужчин, еще две запасные лошади. Пальцы чуть изменили свое положение, и девушка заполнила весь шар.

Колдун зло ухмыльнулся. Да, это она. Та, которую он ждал столько лет. Она, которая могла дотронуться до Сердца Аримана. Женщина из Шадизара хотела использовать ее в своих целях. Ей не откажешь в дерзости, еще бы — рискнуть использовать само Сердце Аримана в своем колдовстве, да еще и без ведома самого Амон-Рамы. Но этот камень — он скрывал в себе такие силы, какие ей и не снились.

И как только к нему в лапы попадет девчонка, та самая, о

которой говорилось в Свитках, — он, только он получит доступ ко всем этим скрытым могучим силам. А уж там он разберется, что стоит использовать, а что лучше не трогать. А Тарамис, — что ж, он даже сохранит ей жизнь, сделав рабыней, целующей ему ноги. Но это потом, а пока...

— Ну, иди ко мне, девочка, — шептал он, — приведите ее ко мне, мои храбрые воины.

Его пальцы снова закружились вокруг Камня, его губы вновь забормотали заклинания на неведомых языках.

Эти таинственные слова сгорали в воздухе словно живые, корчась от боли. А вместе с ними бился, кипел в агонии и магический кристалл. Сердце Аримана горело ярче и ярче. Кровавый свет пульсировал и отражал тень волшебника от всех зеркальных стен.

Казалось, что в комнате находятся двадцать, пятьдесят, сто человек в одинаковых мантиях. И все они продолжали петь магические гимны, глядя во все более яркий рубиновый огонь волшебного Камня.

* * *

Ощущение спешки крепло в Конане с каждым шагом его коня в направлении Карпашских гор. Все ближе и ближе к взметнувшимся склонам. Но нужно свернуть, чтобы найти Акиро, а времени совсем нет. Каждый час, потраченный на розыски колдуна, был потерян для поисков Ключа, явно находившегося где-то впереди, в горах.

Значит, останется еще меньше времени, чтобы найти Сокровище и вернуться с ним в Шадизар. Каждый час промедления грозил часом опоздания, тем самым часом, которого не хватит, чтобы вернуть Валерию.

— Здесь, Конан.

Киммериец обернулся, услышав оклик Малака, но не придержал лошадь.

— Акиро, — сказал Малак, показав рукой в нужном направлении. — Нужно свернуть здесь. Мы же собирались... Я думал... А может, наплевать на него, а?

Конан остановился в нерешительности. Нахмурив брови, он смотрел то на близкие уже горы, то на юг. Нет, на Акиро ему было не наплевать. Но и медлить тоже нельзя.

Бомбатта и Дженна остановились на расстоянии от приза-

думавшихся приятелей. Пряди красивых волос Дженны сбились ей на лоб, но, ничего не замечая, она все так же глядела вперед, на серые вершины у горизонта.

Черный воин утер пот со лба:

— Ну, что там еще? Почему ты остановился, варвар?

Челюсти Конана сжались, но он ничего не ответил.

Он лишь хлопнул со всего размаха по крупу вьючного мула. Время! Совсем нет времени. А стоя тут, он терял его и вовсе бездарно, не разыскивая старого мага и не продвигаясь к горам. Но какое же решение будет правильным?

— Да проклянет тебя Эрлик, варвар! Мы уже почти дошли до гор. Нужно поторапливаться. Нам нужен Ключ! Давай, двигай живее!

Малак прервал тираду Бомбатты:

— Ну что, киммериец? Будем искать Акиро? Клянусь когтями Огуна, я лично понятия не имею, что делать.

Взрыв проклятий вырвался из горла Бомбатты:

— Еще кто-то? Ты что, всю окрестную шваль решил собрать, варвар? Тарамис может считать тебя очень важной персоной в нашем деле, но я считаю, что ты подвергаешь всех смертельной опасности. Один лишний человек может нарушить исполнение пророчества! Тебе есть хоть какое-то дело до этого? Или ты просто тянешь время? Может, ты струсил, ты, жалкий варвар с севера?

Он закончил, наполовину вынув саблю из ножен. Его глаза налились кровью.

Конан окинул его ледяным взглядом. Хватит. Довольно он выслушал окриков и оскорблений. Наступил предел терпению. Его ответ был прост и прям:

— Вынимай меч, замориец. Обнажи оружие и умри. Я и один смогу довести Дженну до Ключа и вернуться в Шадизар.

Вдруг Дженна галопом ворвалась в пространство между ними. К их общему удивлению, ее глаза горели нешуточным гневом.

— А ну, прекратить! Я обоим приказываю! Вам сказано сопровождать меня, а вы сцепились, как голодные псы из-за кости.

Конан остолбенел, не веря своим глазам и ушам. Если бы мышь набросилась на стаю котов, он бы, наверное, не так удивился.

Бомбатта так и застыл с отвисшей челюстью. Когда Джен-

на замолчала, его рот захлопнулся, но с таким же звуком и его сабля вошла в ножны.

— Мы сейчас же продолжаем наш путь в горы, — сказал он ей хмуро.

Конан, стараясь сдержать свои эмоции, сжав свои чувства в кулак крепче, чем рукоять меча, молча повернул коня на юг.

— Так нельзя! — возмутилась Дженна. Маленький кулачок изо всех сил ударил по луке седла. Царственное величие девушки бесследно исчезло, словно дым на ветру. — Конан! Мы же решили, что идем туда, куда веду я. Мы же договорились!

Конан со вздохом повернулся к ней:

— Дженна, мы сейчас не играем во дворцовом саду. Я делаю то, что считаю нужным, а не то, что требуется по правилам игры.

— А я думала, что все это очень похоже на игру. Что-то вроде огромного лабиринта. Только ты почему-то не хочешь больше играть.

— Это и есть лабиринт. Только за каждым поворотом нас может поджидать смерть, а не приятный сюрприз.

— Нет, так не бывает! Так нельзя! — Было видно, что такой оборот дела совершенно неожидан для девочки. — Моя тетя говорила, что это — мое предназначение, что это обязательно нужно сделать. Но она никогда бы не отпустила, меня, если, бы это было опасно.

— Ну конечно, нет, — медленно сказал Конан, глядя ей в глаза. — Дженна, я дойду с тобой до Ключа и Сокровища. А потом мы вместе вернемся в Шадизар. Я сделаю все, чтобы тебя миновала любая опасность. Но сейчас тебе следует ехать за мной. Нам всем может очень понадобиться человек, которого я ищу.

Дженна нерешительно кивнула:

— Ладно. Я поеду с тобой.

Конан вновь повернул коня на юг. Малак и Дженна последовали вплотную за ним. На некотором расстоянии двигался бурчащий проклятия Бомбатта.

* * *

Прекратилась пляска теней в зеркальном зале. Погас ярко-алый свет, лишь привычно мерцало кроваво-красным Сердце Аримана.

Амон-Рама, чуть пошатываясь, отошел от прозрачного пьедестала.

Его узкое лицо стало еще уже, и без того бледная кожа совсем посерела. Колдовство на расстоянии отбирает много сил. Следовало, отдохнуть и подкрепиться, прежде чем продолжать.

Жаль, конечно, что заклинания, на которые потрачено столько сил, не сработали.

К тому же не удалось посмотреть, чем закончилось все там, на равнине. Сердце Аримана не могло одновременно служить магическим кристаллом и источником силы. Амон-Рама понимал, что отнюдь не девчонка помешала заклинаниям.

Она, конечно, отмечена судьбой, но не имеет никакого представления о реальном колдовстве. Вся ее жизнь подчинена одной цели, и колдовство никак не увязывалось с ее чистотой и непорочностью.

Значит, остаются эти люди, сопровождающие ее. Они, конечно, тоже не волшебники. Он бы почувствовал вибрации встречных заклинаний. Любой сильный талисман, способный защитить от заклятья, он тоже увидел бы при первом же взгляде сквозь волшебное зеркало Камня. Оставался лишь один ответ — каким бы неправдоподобным он ни казался. Один из них — один из двух воинов — обладал невероятной, непостижимой силой воли.

Черный маг зловеще улыбался.

Неплохо... Железная, алмазная воля? Что ж, отличное дополнение к подарку.

Девчонка, которая может управляться с Сердцем, и железная воля, отобранная у сопровождающего ее воина...

Но сначала — хорошая еда, крепкое вино и глубокий сон. Амон-Рама покинул зеркальный зал. Сердце Аримана угрожающе тлело на своем прозрачном пьедестале.

Глава 7

Кроваво-красное солнце уже коснулось вершин гор, но палящий зной все не ослабевал. Обливаясь потом, четверо всадников продолжали путь на юг. Бомбатта всю дорогу продолжал проклинать Конана и все подряд. Но делал он это негромко, себе под нос, и киммериец не особо прислушивался к сопровождавшим его имя эпитетам. За любое из этих оскорблений он был готов убить кого угодно, но, решив для себя, что Дженне не нужно видеть смерть, он предпочел отложить выяснение отношений.

— За тем холмом, Конан... — неожиданно разорвал тишину Малак. — Селкет меня побери, если обитель Акиро не окажется там. Конечно, если меня не обманули в Шадизаре.

— Ты уже трижды говорил это, — раздраженно сказала Дженна.

— Госпожа, даже такой специалист, как я, имеет право на ошибку. Но на этот раз, уверяю вас, все будет без обмана.

Из-под копыт лошадей покатились камни, когда всадники направили их вверх по склону. Киммериец начал сомневаться, имеет ли Малак хоть малейшее представление о том, в какой стороне может находиться Акиро. Забравшись на вершину холма, он громко воскликнул:

— Ханнуман меня подери!

— Попридержи язык при Дженне, — гаркнул Бомбатта, но, подъехав к тому месту, где стоял Конан, сам прохрипел: — Вот так дерьмо Великого Эрлика!

Перед их глазами и вправду оказалась обитель Акиро — грубо сложенная из камней и глины хижина, наполовину врытая в склон. Ее хозяин, маленький желтолицый человечек, был привязан за руки и за ноги к столбу перед входом. Ветки, положенные у основания столба, весело потрескивали огоньком. Три человека в развевающихся, как крылья, белых одеяниях стояли спиной к наблюдателям на холме и, глядя в разгораю-

щийся костер, читали какие-то таинственные заклинания. Еще две дюжины одетых в грязные лохмотья, немытых, нечесаных людей восторженно кричали, потрясая копьями, издавая одобрительные крики, за спинами белокрылых фигур.

— Вообще-то Акиро и мне не очень нравился... — осторожно начал Малак.

— Он нам нужен. — Ответ Конана был краток и ясен. Он молча повернулся к Бомбатте, и тот прочел в глазах киммерийца немой вопрос.

— Нет, варвар. Если это и есть тот человек, из-за которого мы проделали такой путь, — то теперь это твои личные проблемы.

— Почему вы что-то обсуждаете, вместо того чтобы помочь несчастному человеку там внизу? — разозленно спросила Дженна.

— Мое дело — охранять тебя, дитя мое, — ответил Бомбатта. — Неужели ты думаешь, что я потащу тебя туда, поближе к этим дикарям, или оставлю здесь, где поблизости могут шляться их приятели.

Малак влез в разговор, обратившись к Конану:

— Мы, кстати, еще можем махнуть в Аренджун.

— Вперед, Малак, к Акиро.

Меч Конана легко скользнул в его руки; закатное солнце блеснуло красным светом по всей длине лезвия. Пришпорив коня, Конан полетел вниз по склону.

— Да поможет мне Донар, — закатив глаза, простонал Малак вслед киммерийцу, — надо думать, эти ребята знают свое дело, раз смогли скрутить колдуна.

Бормоча молитвы еще полудюжине богов, Малак отвязал приготовленную для Акиро лошадь и поскакал вслед за другом.

Молча, без боевого клича, Конан ворвался в группу оборванцев с копьями. Их завывания и причитания заглушили даже стук копыт приближающегося коня. Стоявшие кучкой разлетелись в разные стороны. Лишь немногие, собравшись с мыслями, повернули копья в сторону незнакомца. Но Конан не стал тратить на них ни секунды. Троица, продолжавшая самозабвенно петь свою абракадабру, интересовала его больше. Несомненно, они творили какое-то колдовство, которое следовало немедленно остановить, чтобы спасти Акиро.

Стоявший в центре рухнул под копыта коня Конана со

стоном и с треском ломаемых костей. Киммериец не испытывал никаких угрызений совести, напав сзади, без предупреждения. Это был не рыцарский поединок, а маленькая война; эти люди собирались расправиться с его другом, и он должен был остановить их так, как мог.

Человек справа выхватил из-под складок одежды кинжал. Киммериец невольно содрогнулся от ужаса: его противник оскалил рот, зубы в котором были сточены каким-то инструментом в форме клыков. А под этой мерзкой пастью висело ожерелье из высушенных человеческих рук. Маленьких, детских ладошек.

Первым звуком, который издал Конан с того момента, как бросился вниз по склону, стал крик ярости, раздавшийся вместе с ударом меча, вошедшим в эту оскаленную пасть. Руки жертвы поднялись к лицу, словно пытаясь удержать разваливающиеся кости черепа. Кровь фонтаном била сквозь растопыренные пальцы, покрывая кровавыми пятнами белоснежное одеяние.

Больше у Конана не было времени, чтобы рассмотреть этого колдуна, или кем там он еще был; его третий приятель, похоже, сам куда-то исчез. Но шок, заставивший остолбенеть толпу их спутников, прошел, к теперь они были готовы рассчитаться с дерзким незнакомцем.

Первое направленное на него копье Конан перехватил за середину, проткнув в следующий момент мечом горло державшего его человека. Древком он отбил другое копье, одновременно перерубив мечом еще одно. Схватив обрубок, он изо всех сил ткнул наконечником в лицо одному из нападавших. Стальной треугольник вошел в череп точно между глаз.

Трое противников погибли в мгновение ока. Остальные отступили. Конечно, они могли просто задавить его численным превосходством, но при этом многим, суждено было умереть. Понимая это, никто не хотел лезть вперед. Они нервно передвигались, то прячась за спины друг друга, то выступая вперед; на их лицах ясно был виден страх, смешанный со стыдом за эту трусость.

Осторожно, не сводя глаз с медленно приближающихся противников, Конан слез с коня. Преимущество длинных и легких копий будет сведено на нет в ближнем пешем бою. Кроме того, их следовало лишить последнего преимущества,

не считая их численного превосходства: права напасть первому. Конан присмотрел слабейшее место в надвигающейся цепи и приготовился к броску.

Вдруг рядом с его плечом пролетел огненный шар, вонзившийся в голову одного из наступавших и взорвавшегося с треском разрываемых костей.

Несмотря на все свое самообладание, Конан подпрыгнул на месте. Затем он оглянулся. За костром стоял кривляющийся, гримасничающий, как клоун, Малак. Рядом с ним Акиро, во все еще дымящихся кожаных штанах и закопченной коричневой тунике, молча шевелил губами, читая какое-то заклинание. Сухие, словно обтянутые пергаментом, руки совершали непонятные движения.

Вдруг раздался хлопок ладоней на уровне груди, и между ними возник еще один огненный шар. Этот плод магии проделал тот же фокус с еще одной жертвой. Двух трупов с дымящимся обрубком вместо головы вполне хватило, чтобы охладить пыл наступавших и обратить их в бегство. Их крики долго еще доносились из сгустившихся вечерних сумерек.

— Мерзкие, полудохлые, вонючие верблюды! — кричал им вслед Акиро. Его седые волосы и длинные усы просто стояли дыбом от гнева. — Я их проучу, еще внуки их внуков будут со страхом произносить мое имя. Я заморожу кровь в их жилах, а их кости превращу в мягкий студень.

— Акиро, — окликнул его Конан. Малак внимательно слушал продолжающуюся череду проклятий, даже повторяя кое-что про себя, чтобы лучше запомнить.

— Я напущу на них чуму на десять поколений вперед. У них вся скотина передохнет, все посевы сгниют. Да у них у самих яйца отсохнут и зубы повыпадают!

— Акиро, — вновь обратился к нему Конан.

Желтолицый старик погрозил кулаком в сторону бежавших обидчиков.

— Они заявили, что я прогневал их богов. Богов! — он состроил презрительную гримасу и сплюнул. — Убогие шаманщики, они не могли придумать себе ничего поприличнее. Я им сказал, что если они принесут в жертву еще хоть одного ребенка, то я обрушу молнии на их мерзкие головы, и, клянусь Девятой Степенью Великой Силы, я это сделаю!

— Может, у тебя не получится? — съехидничал Малак. — Я

имею в виду, что пока что они умудрились связать тебя и даже частично поджарить. Может, тебе лучше оставить их в покое?

Акиро внимательно присмотрелся к хитрой физиономии Малака и покровительственно заметил:

— Тебе нечего бояться, Малак. Твоим мужским достоинствам ничто не угрожает. Надеюсь, та гримаса, которую ты сотворил, выражает глубочайшее уважение к собеседнику, не так ли? Ну, тогда я расскажу, что случилось. Эти три шамана, называющие себя жрецами, ухитрились наложить на меня заклятие, пока я спал. Заклинание, к слову сказать, было весьма простеньким, но оно позволило мерзким последователям мерзейшего культа навалиться на меня всей компанией и связать. Со связанными руками я не мог проделать ни единого магического жеста. Они засунули мне в рот кляп, — тут он остановил рассказ, чтобы сплюнуть, — и я не мог произнести ни единого заклинания. А потом эти ублюдки решили принести меня в жертву своим богам. Какие там боги! Я им покажу богов! Я сам стану страшным демоном в их пантеоне, даже раньше, чем отправлюсь на тот свет. Я им... Эта девушка? Что она здесь делает?

Конан вздрогнул. Он решил, что лучше дать старому волшебнику возможность спустить пар, прежде чем о чем-то говорить. Но внезапная смена тона голоса и темы разговора застали его врасплох. В следующий миг он сообразил, что Бомбатта наконец спустился с холма с Дженной. Их силуэты едва вырисовывались в предвечерней мгле, и даже Конан, с его кошачьим ночным зрением, едва ли смог бы определить в одном из них женщину, если бы не знал об этом заранее.

— Она невинна, — тихо сказал Акиро; при этом Малак усмехнулся:

— Ты хочешь сказать, что отсюда видишь, что она еще никогда...

— Придержи язык, Малак! — оборвал его старик. — Это не имеет ничего общего с плотской девственностью. Тут дело в душе, и вот это-то и страшно.

— Страшно? — воскликнул Конан. — Это, конечно, не то, что я выбрал в жизни, но что уж тут страшного?

Акиро вздохнул:

— Такую чистоту надо беречь, как оберегают детей, лишь постепенно знакомя их с миром, чтобы они не стали легкой жертвой зла. Редкий случай, чтобы такая чистота сохранилась

естественно. Обычно этих детей оставляют расти специально для каких-нибудь колдовских целей.

— Тот самый случай, — пробормотал Конан, нахмурившись.

На достаточном расстоянии от хижины Бомбатта помогал Дженне слезть с лошади. Черный воин встал между нею и кровавым зрелищем, не давая ей увидеть следы сражения.

— Валерия, — произнес Акиро, заставив Конана вздрогнуть.

— Она — одна из причин того, почему я пришел к тебе.

— Подожди.

Акиро скрылся в своем жилище. Звуки, доносившиеся оттуда, свидетельствовали об усердных поисках. Когда он появился вновь, в его руках оказался маленький флакончик из полированного камня, запечатанный воском.

— Это для Валерии.

— Я не понимаю.

Акиро поджал губы и стал накручивать усы на пальцы.

— Я долго думал об этом, киммериец. Я бросал Кости Судьбы, читая по звездам, тасовал карты К'фара — все для того, чтобы найти нужный ответ на мучающий тебя вопрос.

— Меня больше ничего не мучит, Акиро. По крайней мере...

— Не перебивай меня. А если говоришь, говори правду. Иначе я не смогу помочь тебе. Жизнь Валерии слишком тесно переплелась с твоей жизнью. Она была для тебя и любимой женщиной, и товарищем по оружию. А крепче этих двух связей ничего быть не может. Поэтому, даже погибнув, она вернулась на миг из Царства Теней, чтобы спасти тебя. Киммериец, такая сильная связь между жизнью и смертью может быть очень опасна. Валерия сама обрубила бы ее, если бы знала об этом. Но есть знание, недоступное и жителям Царства Теней.

— Акиро, я не собираюсь разрубать эту связь. Я пришел не за этим.

— Послушай меня, ты, упрямый северянин. Ты не выберешься из этой западни, полагаясь только на свой меч. И я вижу твою судьбу, если ты не одумаешься. Об этом говорят и карты, и кости, и звезды. Все вопиют об одном. Ты умрешь заживо. В один прекрасный день ты окажешься между жизнью и смертью, но не имея возможности попасть как в мир живых, так и в мир ушедших. Только забвение может спасти тебя. Мне при-

шлось здорово поломать голову и потрудиться над снадобьем в этом флаконе. Оно вычеркнет из твоей памяти Валерию, не оставив ничего связанного с нею, никакого следа. Поверь мне, киммериец: если бы она знала, какой выбор стоит перед тобой, Валерия сама бы поднесла к твоим губам этот сосуд. Она была не из тех, кто избегает трудных решений.

— А если бы Валерия могла вернуться? — тихо спросил Конан. — Не на миг, как тогда, а чтобы прожить то, что ей было суждено, если бы она не прикрыла меня от смерти в тот раз. Что тогда, Акиро?

Волшебник долго молчал, прежде чем ответить. Его взгляд упал на Дженну, и он, не торопясь, разомкнул губы:

— Я думаю, что первым делом нам надо убрать трупы, чтобы девушке можно было подойти. Затем надо хорошенько поесть. Лично мне нужно изрядно подкрепиться, чтобы выслушивать дальше то безумие, которое ты собираешься обрушить на мою голову.

Глава 8

Старый колдун не отвязался от Конана, пока тот не взял флакон и не положил его в мешочек, висевший у него на ремне. Его настойчивость куда-то исчезла, когда Конан с Малаком стали перетаскивать трупы за дом. Акиро пробормотал что-то невнятное про больную спину и старые кости, хотя под слоем его жира можно было нащупать еще очень крепкие мускулы. Бомбатта опять отказался покинуть Дженну и не подпустил ее поближе, когда она захотела рассмотреть, что великан киммериец и его малорослый приятель таскают за дом старика, на другой склон холма.

Акиро уже сообщил, что ему необходимо поесть, а теперь он изобразил из себя умирающего от голода. Кролики, пойманные им этим же утром — с помощью самых обычных силков, безо всяких заклинаний, — были выпотрошены и обжарены на огне; полкорзины мелких коринфийских апельсинов появились из-за дверей жилища Акиро.

Наконец последние кости были обглоданы и последние апельсиновые очистки брошены в огонь, обрисовывавший золотистый круг перед дверью хижины. Бомбатта достал точильный камень и занялся приведением в порядок лезвия своей кривой сабли.

Малак решил пожонглировать тремя апельсинами, чем привел в неописуемый восторг Дженну, несмотря на то, что поминутно ронял один из них.

— Ничего, это — составная часть фокуса, — сказал воришка, в четвертый раз поднимая апельсины с земли, — это все для того, чтобы остальные мои штучки производили еще большее впечатление.

Акиро дотронулся до руки Конана и кивком головы предложил отойти. Они растворились в темноте так тихо, что, похоже, никто не обратил на это внимания.

Когда они отошли на такое расстояние, чтобы их голоса не

услышали сидевшие у костра, Акиро повернулся к Конану и сказал:

— Ну, а теперь расскажи мне, как ты собираешься оживить Валерию?

Конан изучающе смотрел в лицо толстенькому человечку, хотя в этой темноте едва ли можно было рассмотреть что-либо, кроме неясных теней.

Колдуны все делали не так, как нормальные люди, вечно они себе на уме, даже самые приличные из них. Хотя мало кого из их рода можно было назвать более или менее приличными или добрыми. Даже Акиро, с которым Конану довелось попутешествовать вместе, оставался для него загадкой. Но, в конце концов, разве можно хоть одному колдуну доверять полностью?

— Тарамис, — начал Конан, — обещала мне вернуть Валерию. Не как призрак, не как живой труп, а живую. Какой она была.

Колдун помолчал немного, подергивая себя за ус, а затем сказал:

— Я не думал, что в наши дни есть кто-то, у кого хватит знаний и могущества, чтобы совершить это. Менее всего я ожидал, что такой силой обладает принцесса Заморы.

— Думаешь, она лжет?

Акиро покачал головой:

— Может быть, и нет. В древних рукописях сказано, что Мальтанеус из Офира проделал такое тысячу лет назад. Еще, быть может, Ахмад Аль-Рашид, еще за тысячелетие до этого. Быть может, настала время для слег дующего чуда оживления умершего.

— Значит, ты веришь, что Тарамис может сделать это, раз она говорит так?

— Конечно. Хотя Мальтанеус был величайшим белым магом с тех пор, как было разрушено Великое Братство Правой Руки, еще во времена Ахерона. А Ахмад Аль-Рашид трижды, как говорят, получил благословение от самого Митры.

— Слушай, что ты скачешь, как обезьяна с ветки на ветку? Можешь ты хоть раз прямо ответить на вопрос?

— Я могу сказать только, что такое было сделано в прошлом. Еще я могу сказать, что Тарамис, вероятно, способна сделать это. — Он помолчал, а потом тихо спросил: — С какой стати она будет делать это для тебя?

Как можно более кратко Конан рассказал, почему он оказался в роли сопровождающего Дженны, о Ключе и Сокровище, а также о том, что времени осталось в обрез.

— А, стигиец, понятно, — заметил Акиро, когда Конан закончил. — Говорят, что нет народов без хотя бы капли доброго в их душах, но я в своей жизни не встречал ни одного стигийца, которому можно доверять хотя бы на грош.

— Он, должно быть, сильный волшебник. Чересчур могущественный для тебя.

Акиро ответил коротким смешком:

— Не пытайся подзадоривать меня. Ты еще мальчишка. А я этих колдунов перевидывал на своем веку.

— Мне кажется, что ты мог бы быть нам очень полезен в дороге, Акиро.

— Я уже слишком стар, чтобы шататься по горам, киммериец. Пойдем лучше к огню. Ночи здесь холодные, а у костра можно погреть старые кости. — И, не дожидаясь реакции юноши, колдун зашагал к своему дому.

— По крайней мере, Бомбатта будет спокоен. Он боится, что Малак или ты нарушите какое-нибудь предписание пророчества Скелоса...

Акиро так и застыл, даже не опустив занесенную для очередного шага ногу. Медленно-медленно он повернулся к своему молодому собеседнику и шепотом переспросил:

— Скелоса?

— Ну да, Свитки Скелоса. В них сказано, что и как нужно делать, чтобы эта затея выгорела. По крайней мере, так утверждает Тарамис. А ты знаешь, кто такой этот Скелос?

— Один из братства волшебников, которые поумирали сотни лет назад, — рассеянно ответил Акиро. — Они написали много томов, изложив на папирусе и пергаменте свои тайные знания. Теперь эти рукописи найти не легче, чем девственницу в Шадизаре. Так ты говоришь, у Тарамис есть Свиток Скелоса?

— Ну, ссылается она на него постоянно. Наверное, она не врет. Эй, куда ты?

Акиро направился к дому с такой скоростью, которая могла поставить под сомнение правдивость его жалоб на слабое здоровье. Обернувшись, он бросил через плечо:

— Ты говоришь, что времени мало. Вот и *я* думаю, что выехать надо еще до рассвета. А перед этим мне нужно отдохнуть.

Конан, улыбаясь, шел за ним и думал, что лучшим капканом иногда становится тот, который ты даже не собирался ставить.

Вернувшись, Конан обнаружил, что Дженна сидит у костра и дремлет, Бомбатта все возится с точилом, бросая уничтожающие взгляды на нагло храпящего Малака. Храп и вправду был на редкость немелодичен и противен. Из хижины доносилось невнятное бормотание Акиро. Конан разобрал лишь отдельные слова: «Я должен поспать... старые кости... осел, объевшийся гороха...»

Вдруг в дверном проеме показалось недовольное лицо Акиро. Его взгляд остановился на Малаке, а губы зашевелились. Храп прекратился в мгновение ока. Маленький воришка с воплем вскочил, боязливо оглядываясь. Акиро не было видно. Нерешительно, держась одной рукой за горло, Малак снова растянулся на земле. Вскоре его дыхание стало глубоким и ровным, но уже никак не громче, чем потрескивание веток в костре. Через несколько минут раскатистый храп послышался из хижины.

— Он поедет с нами? — поинтересовалась Дженна.

— Да. Мы выезжаем еще до рассвета.

— Туда, куда я скажу?

— Именно туда, как договорились.

Конан чувствовал на себе ее взгляд, который приводил его в непривычное смущение. Он знал, как обращаться с бесстыжими трактирными девицами, с молоденькими женами старых купцов, с пьяной проституткой и страстной дочкой из аристократической семьи. А эта девушка была больше, чем просто девственницей. Непорочная и невинная — так описал ее Акиро. Конан был готов признать точность определения. Но кое-что не укладывалось в эти рамки.

— Слушай, — обратился к ней Конан, — тогда, когда мы с Бомбаттой сцепились там, на холме, ты так изменилась, по крайней мере, на миг твой голос стал похож на голос Тарамис, да и вся ты была так похожа на нее.

— Да, в эти мгновения я и была Тарамис. — Его глаза широко открылись, и она поспешила добавить: — Ну, не на самом деле. Просто мне не хотелось, чтобы вы продолжали ссориться, и я представила, что я — моя тетя, принцесса, а вы — двое слуг, повздоривших из-за чего-то.

— Я не слуга, — резко сказал Конан.

Дженна выглядела удивленной:

— Почему ты обиделся? Ты служишь моей тете и мне. Бомбатта же не обижается, что он слуга моей тети.

Шуршание точильного камня по стали прекратилось, но двое у костра не обратили на это внимания.

— Он может кланяться кому угодно и столько, сколько захочет. Я нанимаюсь, продаю свою силу, умение, удары своего меча. Все это на день, на десять. Но я не раб и не слуга никому — ни мужчине, ни женщине, ни богам.

— Вот это да! — восхищенно сказала девушка. — Я так рада, что ты поехал со мной. Я не помню, когда мне удавалось хоть парой слов перекинуться с кем бы то ни было, кроме тети, Бомбатты или моих служанок. Ты — совсем другой, и с тобой интересно. Да и весь мир, оказывается, совсем другой. Небо, звезды и много-много открытого пространства.

Он смотрел в ее карие глаза и чувствовал себя на сто лет старше нее. Такая милая девушка, такая красивая — и полная невинность, полное непонимание того, какие чувства она может вызывать у мужчины. Чтобы что-то ответить, он начал рассказывать:

— Это открытое пространство, тут, где мы находимся, — очень опасное место. В горах еще опаснее, даже если не брать в расчет колдуна из Стигии. Вообще-то это место не для тебя.

— Это мое предназначение, — сказала она просто, услышав в ответ фырканье.

— С чего ты взяла? Так написано в Свитках Скелоса?

— Я была отмечена при рождении. Смотри.

Прямо перед остолбеневшим Конаном она расстегнула ворот своего платья и опустила его, открыв грудь почти до самых сосков. Симпатичные игрушечки для мужских ладоней, подумал киммериец, у которого просто перехватило дыхание.

— Видишь? — спросила Дженна. — Вот здесь. Этот знак на мне с рождения. Он описан в Свитках, значит, боги сами выбрали меня.

Действительно, в ложбине между грудей он увидел родинку — четкую восьмиконечную звездочку, не больше ногтя размером, словно нарисованную по линеечке.

Вдруг сверкающая в огне костра сталь рассекла воздух между ними.

— Не смей дотрагиваться до нее, вор. Никогда! — прохрипел Бомбатта.

Конан открыл было рот для нелицеприятного разговора, но вдруг понял, что его рука и в самом деле уже потянулась к девушке. Изогнутый клинок повис прямо вереД его пальцами, словно он собирался дотронуться до сабли. Злясь на самого себя, Конан встал, лишь посмотрев в глаза черному воину.

Взгляд Дженны переходил с одного из них на другого. Было видно, что в ее глазах кружатся новые, совершенно непривычные для нее мысли...

— Уже поздно, — спокойно сказал Конан. — Лучше всем лечь поспать. Завтра мы выезжаем очень рано.

Бомбатта свободной рукой помог девушке подняться, все еще держа перед ней саблю, словно щит, Дженна еще раз бросила взгляд на молодого киммерийца, но позволила Бомбатте уложить себя на одеяло, не говоря ни слова. Как и прошлой ночью, Бомбатта сел около нее, как страж.

Проклиная всех и вся, Конан завернулся в свое одеяло.

Вот ведь дурь какая, думал он. В мире полно женщин, а он позволил заморочить себе голову какой-то девчонке, которая даже не понимает, что делает. Она же совсем ребенок, несмотря на свои годы...

Он уснул, и во сне ему виделось сверкающее в темноте тело Тарамис и всплывали картинки проведенной с нею ночи. Иногда на месте Тарамис оказывалась Дженна. В общем, такой сон не прибавил Конану много сил.

* * *

Темнота ночи повисла над Шадизаром, и скрытые занавесями коридоры дворца Тарамис были пустынны, когда она шла по ним, выйдя из спальни. Единственный звук нарушал тишину: шуршание ее шелкового платья по полированному мрамору пола. В тот зал, куда она направлялась, днем наведывались жрецы и астрологи, но ночные визиты, которые становились все более частыми, она совершала в одиночестве.

В углах помещения тускло горели светильники. Свет, исходивший от них, был так слаб и бледен, что мог бы сойти за лунный. Пол в зале был выложен отполированным до зеркального блеска мрамором. Резные алебастровые колонны поддерживали высокий свод потолка, выложенного ониксом с инкруста-

цией из сапфиров и алмазов, изображавших ночное небо. Звезды на этом небе располагались так, как они на самом деле располагаются раз в тысячу лет.

Под этим искусственным небом в центре зала стояло ложе из красного мрамора, отполированного волосами девственниц. На нем лежала алебастровая статуя, изображающая мужчину с закрытыми глазами, вполовину больше любого живого человека и более красивого, чем любой смертный. Лишь одно нарушало совершенство: посреди широкого лба статуи зияла круглая дыра шириной с ладонь и глубиной с половину человеческого пальца.

Тарамис медленно подошла к ложу и встала в ногах статуи. Взгляд скользил по алебастровой фигуре, дыхание замерло, пересохло в горле. Много мужчин было в ее жизни. Первого она долго выбирала в шестнадцать лет. На выбор каждого следующего уходило все меньше времени. Мужчин она знала едва ли не лучше, чем свой родной дворец. Но что, если стать... любовницей божества?

Она сбросила с себя одежду и, обнаженная, припала к ногам статуи. Ничего подобного Свитки Скелоса от нее не требовали. Но ей хотелось большего, чем обещалось в древних рукописях.

Прижимая лицо к холодному алебастру, она шептала:

— Я — твоя, о Великий Дагот.

Какой-то импульс подтолкнул ее пойти дальше, чем когда-либо до этого она позволяла себе. Покрывая каменные ноги поцелуями, она медленно двинулась выше, не оставляя ни одной точки, не обласканной ее горящими губами, пока не оказалась лежащей на статуе, как она легла бы на мужчину. Дрожащими пальцами она посмела прикоснуться к каменному лицу.

— Я твоя, о Великий Дагот, и вовеки буду твоей, — снова и снова шепотом повторяла Тарамис. — Когда ты проснешься, я возведу в твою честь храмы выше святилищ всех других богов. Но я буду больше, чем твоей жрицей. Божественная плоть соединится с моей, я буду хранить себя от всех мужчин, оставаясь только твоей. Я буду восседать по правую руку от тебя, и только твоей милостью я буду повелевать жизнью и смертью других. Вновь тебе начнут приносить жертвы, вновь склонятся перед тобой народы. Я клянусь, что все так и будет, о Великий, Дагот, я клянусь своей душой и своей плотью.

Неожиданно у нее перехватило дыхание в груди. То, на чем она лежала, было все таким же твердым камнем. Но сегодня от него шло тепло живого тела. Не решаясь поверить, боясь, что это лишь отражение ее собственного тепла, Тарамис провела руками по прекрасным плечам и опустила их на широкую каменную грудь. Сомнений не было — камень излучал тепло.

Это ощущение исчезло так же неожиданно, как и появилось. Неестественная быстрота изменения рассеяла последние сомнения женщины. Ее бог дал ей знак. Ее предложение будет принято. Она получит свою награду. Улыбаясь, она погрузилась в дурманный сон, так и оставшись на прекрасной алебастровой статуе Спящего Бога.

Глава 9

Конан прищурился, рассматривая пляшущие перед ним тени. Солнце еще не поднялось целиком над горизонтом, поэтому тени были огромными: они доставали до подножия лежащих впереди первых горных отрогов — гигантских отвесных скал, без намека на какой-либо проход или перевал.

— Дженна? — вопросительно окликнул он девушку.

Большего говорить не требовалось. Все молча обозревали местность, и даже обычно спокойная девушка нервно нахмурилась.

— Нам сюда, — настойчиво сказала она. — Я знаю, мы едем правильно. Прямо вперед. Я уверена.

Конан пришпорил коня. Что бы там впереди ни оказалось — это было лучше, чем бесконечный путь в ожидании.

Он присмотрелся к обрывам, тянувшимся далеко влево и вправо от них. Не меньше пятидесяти шагов в высоту — это в самых низких местах. Кое-где — раз в десять повыше. Тонкие вертикальные расщелины и трещины нарушали местами монолитность стены, но нигде до горизонта не было видно ничего похожего на проход внутрь.

Сам Конан, конечно, смог бы забраться по стене обрыва. Случалось ему встречать стены и повыше и поровнее в его родной Киммерии. Ловкий и проворный Малак тоже одолел бы подъем. Бомбатта — возможно. Но Акиро был, конечно, не скалолаз. А что касается Дженны, то единственное, что смогло бы поднять ее наверх, были крылья.

Крылья? Конан задумчиво хмыкнул. А что, если Акиро сможет с помощью каких-нибудь колдовских штучек поднять себя и девчонку наверх, пока остальные доберутся туда более привычным способом?

Вдруг нечто более реальное привлекло его внимание. Прямо, говорила Дженна. И именно точно впереди он увидел уз-

кую трещину, ведущую в глубь обрыва, теряясь из виду на резком повороте в пятидесяти шагах впереди. Конан понял, что едва ли может рассчитывать на счастье, что эта кишка не окажется их дорогой. К сожалению, двигаться придется именно по ней. Да, лучше было бы разжиться крыльями.

На лицах своих спутников Конан увидел те же чувства. Даже Бомбатта состроил подозрительно недовольную физиономию в ответ на вопросительный взгляд киммерийца. Малак тут же бросился поминать всех известных ему богов разом. Лишь Дженна казалась уверенной, как никогда. На всякий случай Конан спросил:

— Сюда?

Она кивнула головой.

— Тогда я поеду первым, — сказал он, вынимая меч из ножен. — Малак за мной, затем Акиро с вьючной лошадью. Потом Дженна. Бомбатта прикрывает нас сзади. — Черный воин кивнул, тоже вынимая свой клинок из ножен. — Посматривайте наверх, — закончил Конан, понимая, что толку от последнего совета было мало. Что они смогут сделать, начни кто-нибудь швырять сверху камни или еще что похуже, — Конан понятия не имел.

— Пылающие зубы Шакуру! — с тоской сказал Малак. — А ведь мы могли бы уже быть в Аренджуне.

Ничего не ответив, Конан въехал в открывшийся проем. Остальные последовали за ним. Небо сузилось до узкой голубой полоски между каменными стенами. Казалось, что день, не начавшись, вновь обернулся сумерками. Иногда щель между стенами едва давала пройти лошади. Серые камни чуть-чуть не касались колен всадников.

Так они и ехали, поворачивая, крутясь, возвращаясь, так что вскоре только инстинкт подсказывал Конану, что они все же двигаются на запад. Солнце стояло уже прямо над головой, отбрасывая причудливые тени на стены ущелья.

Конан вдруг резко потянул на себя поводья.

— Что там еще? — хрипло спросил Бомбатта.

— У тебя что, носа нет? — поинтересовался киммериец.

— Горелое дерево, — сказал Акиро.

— Точно, — согласился Конан. — И побольше, чем костер.

— Что будем делать? — спросил Малак.

Конан лишь рассмеялся, а потом ответил:

— Угадай! Все просто: поедем вперед и посмотрим, что там горит.

Еще три поворота узкого коридора — и они оказались по ту сторону хребта, на открытом пространстве.

Правда, к неудовольствию Конана, они попали прямо в середину большой деревни, пристроившейся у самого склона. Жалкие лачуги связывали пыльные тропинки, которые никак нельзя было назвать улицами. За крайними домами поднималось с десяток столбов дыма. Несколько детей возились в пыли вместе с тощими собаками. Их старшие товарищи, такие же грязные, как и малышня, если не хуже, с удивлением и тревогой уставились на незнакомцев.

— Накинь капюшон, Дженна, — тихо сказал Конан.

— Но мне же будет жарко! — запротестовала она.

Тогда Бомбатта молча сам накинул ей на голову белый треугольник и натянул его ей поглубже на глаза.

Конан кивнул. Чужеземцы могли нарваться на неприятности, даже просто проезжая через деревню; еще более вероятны были эти неприятности, если местные жители обнаружат в их компании красивую молодую девушку.

— Ни в коем случае не останавливаться. Ни под каким предлогом, пока не выберемся из деревни, — сказал Конан и, положив меч поперек седла, поехал вперед. Остальные последовали за ним в том же порядке, что и раньше.

— Послушай, Малак, — обратился Акиро к маленькому вору, — если тебе даже что-нибудь понравится в этой дыре, постарайся ничего не воровать.

— Я? — Руки Малака потянулись было к корзине с финиками, но вовремя убрались обратно. — О, прекрасная грудь божественной Фидессы, я что, по-твоему, совсем дурной?

Подозрительные взгляды провожали их. Одни оценивали лошадей и снаряжение, другие пытались проникнуть под плащ Дженны.

Но людей было маловато для такой деревни. Лишь проехав почти до конца деревни и увидев перед собой те самые дымные пепелища, Конан понял, что большинство жителей деревни собрались здесь, привлеченные жестоким зрелищем.

Шесть солдат в кожаных нагрудниках и шлемах с красным крестом стояли широким кругом, опираясь на копья, вокруг женщины, сжимавшей в руках деревянный шест, длиннее ее

самой, а толщиной в два пальца. Кожа цвета полированного черного дерева выдавала, что ее родина лежит далеко-далеко на юге. Полоска ткани на небольшой груди и вторая, едва ли чуть пошире, — вокруг бедер, — вот и вся одежда, прикрывавшая сильное тело. Толстая веревка, завязанная на одной из щиколоток, удерживала ее в шаге от вбитого в землю кола.

— Эти люди — не солдаты Заморы, — сказала Дженна. — Разве мы уже вышли за границу Заморы? По-моему, нет.

Конан подумал, что сейчас — не лучшее время для лекции по поводу ситуации в приграничных землях. Солдаты носили доспехи одного из городов-государств Коринфии. Горы на границе Коринфии и Заморы обе стороны объявляли своими. Местным жителям приходилось сполна платить налоги тем, чьи солдаты добирались до их деревень. В остальное время они плевать хотели на свою принадлежность тому или иному государству.

Чернокожая женщина сделала шаг, чтобы ощутить веревку и нащупать узел. При этом она не спускала глаз с окруживших ее солдат. Стоило ее пальцам коснуться узла, как один из них сделал выпад вперед, пытаясь уколоть ее копьем.

Женщина отскочила, насколько ей позволяла веревка. Шест в ее руках закрутился, как живой. Солдат отскочил в другую сторону с довольным смехом. В это время другой попытался со спины достать ее острием копья. Ей удалось увернуться и от этого укола. Но третий все же зацепил ее наконечником.

— Что она сделала такого, чтобы заслужить эти издевательства? — спросила Дженна.

Один из толпы зрителей зло бросил ей в ответ:

— Она — разбойница. — Человек изогнул шею, пытаясь заглянуть под капюшон. Конан сжал рукоять меча покрепче. — Мы схватили и другого. Его мы замучили не торопясь. А потом пришли солдаты. Теперь нам самим до нее никак не добраться.

— Да, они уж займутся ею в свое удовольствие, — сказал другой человек, тоже попытавшийся рассмотреть лицо девушки и фигуру. — Только зря они рискуют. Не стоило ей этот шест отдавать. Она им убила двух человек, а потом чуть не смылась.

— Бомбатта, — сказала Дженна, — ты должен остановить их. Что бы она ни сделала, эти люди не имеют права так обхо-

диться с нею. Они пришли из Коринфии, а эта земля принадлежит Заморе.

— Бандиты и воры заслуживают смерти, — хриплым голосом ответил Черный воин. — А сейчас — время ехать дальше.

Девушка подъехала к Конану и, заглянув ему в лицо, спросила:

— А ты тоже ничего не сделаешь?

Конан глубоко вздохнул. Обстановка накалялась с каждой минутой. Все больше глаз, повернувшись к ним, придирчиво оценивали стоимость их вещей и оружия, прикидывали и то, сколько можно получить на рынке за девчонку, окажись она симпатичной. В другой ситуации все это было бы неприятно, но не так опасно. А сейчас жители деревни, разгоряченные кровавым зрелищем, озлобленные нападением разбойников, лишь искали повода, чтобы сорвать злость. И повернуться к ним спиной, ничего больше не сделав, означало дать им этот повод.

— Приготовились, — тихо скомандовал Конан.

— Да хранит нас Бел, — забормотал молитву Малак, пока Конан пробирался сквозь толпу.

Возбужденные зрители неохотно расступались перед конем. Приветственно кивнув солдатам, он въехал в их круг. Они переглянулись, не понимая, чего хочет этот незнакомец. Конан поднял меч.

— Не порти удовольствие, не убивай ее! Дай повеселиться, — раздались отдельные возгласы. Чернокожая женщина стояла с шестом в руках, недоверчиво глядя на киммерийца.

Конан улыбнулся ей, надеясь, что будет понят. Меч взлетел и опустился, перерубив веревку у самой ноги. Их глаза встретились. На лице девушки не дрогнул ни один мускул. Ни капли страха, восхищенно подумал Конан.

— Что он сделал? — закричал один из солдат. — Он что, убил ее? Мне отсюда не видно.

Небрежно и неторопливо Конан выехал из круга, провожаемый подозрительными взглядами. Прежде чем он присоединился к своим спутникам, черная женщина воспользовалась подаренным ей шансом. Ее шест засвистел в воздухе, вращаясь с неимоверной скоростью. Она бросилась в атаку.

— Поехали, живее, — прокричал Конан.

Конец шеста разорвал горло одного из солдат прежде, чем они успели сообразить, что их пленница освободилась от при-

вязи. Затем деревянное орудие, отскочив от шлема, неожиданно ударило второго солдата под колени, сбив с ног.

Еще один выпад копьем был отбит, а шест вонзился в лицо второй жертвы.

Толпа с криками расступилась перед мечом Конана, описывающим круги в воздухе, и перед его всхрапывающим конем. Бомбатта перехватил поводья Дженны, хотя она и сопротивлялась, что-то крича Конану, который не слышал ее из-за общего шума, и показывая рукой в сторону сражающейся женщины.

Трое солдат в считанные мгновения пали жертвами страшного в этих маленьких черных руках оружия. Трое оставшихся остановились в нерешительности. Разящий шест взлетел над головой чернокожей девушки, и она издала пронзительный воинственный крик. Троица, переглянувшись, пришла к общему решению: покинуть поле боя как можно скорее. Еще один, победный, крик вырвался из ее груди, и девушка бросилась вдогонку своим обидчикам.

Конан со злостью перехватил поводья лошади Дженны. Она хотела что-то сказать, но киммериец пустил животных таким бешеным галопом, что ей оставалось только покрепче ухватиться за луку седла, чтобы не свалиться на землю.

Жители деревни грозили им вслед кулаками, то тут, то там в воздух поднималось копье или ржавый меч, во никто не сделал ни малейшего усилия, чтобы догнать удаляющихся всадников.

Только когда деревня скрылась за поворотом долины, Конан придержал лошадей и вернул девушке поводья.

Она выхватила их из его рук и, задыхаясь, спросила:

— Почему мы оставили эту женщину там, в деревне? Она...

— У нее теперь куда больше шансов, чем час назад, — буркнул Конан. — И вообще, мы приехали сюда, чтобы спасать разбойников или искать Ключ?

Ему стоило немалых усилий сдержать гнев: эта дура так и не поняла, какой опасности она подвергала всех их.

Цокот копыт вдали заставил Бомбатту разжать зубы:

— Коринфийцы. Они, конечно, не забудут сообщить о нас в своем докладе начальству.

Акиро прикинул:

— Они наверняка забудут упомянуть о чернокожей девуш-

ке. Зато нас окажется в несколько раз больше. Еще бы, одно дело — быть разбитыми большим отрядом вооруженных людей, и совсем другое — потерпеть поражение от одной женщины.

Дженна переводила взгляд с одного из говорящих на другого.

— Мы все равно должны были сделать это, — упрямо твердила она. — Эта женщина не заслужила издевательств и пыток.

— Куда дальше? — спросил ее Конан, с трудом сдерживая себя.

Дженна махнула рукой вдоль долины. Ну что ж, подумал киммериец, по крайней мере, не назад к деревне. В дальнейший путь они отправились в полном молчании.

Глава 10

Небольшая долина, по которой они ехали, плавно перешла в другую, та — в следующую, а та — в узкий извилистый каньон, дно которого было загромождено большими валунами и обломками скал. Карпашские горы нависали над ними: высокие пики блестели снежной белизной, более низкие вершины покрывали пятна выжженных солнцем рощиц и зарослей кустов.

Конан посмотрел на солнце, стоявшее на полпути к закату, и прикинул, сколько оставалось времени. Всего три дня, а они не нашли пока что даже Ключ, не говоря уже о Сокровище. А вернуться в Шадизар надо не позже ночи третьего дня... Конан до боли сжал в руке золотой амулет.

Малак догнал ехавшего впереди всех киммерийца и сообщил:

— За нами кто-то едет, Конан.

Тот кивнул:

— Я знаю.

— По-моему, он один, но он уже довольно близко.

— Значит, надо отсоветовать ему следить за кем попало, — сказал Конан. — Ты и Акиро останетесь с девушкой. И не приближайтесь ко мне. Я сам вас догоню.

Он натянул поводья и подождал, пока с ним поравнялся Бомбатта.

— За нами кто-то едет, — сказал он человеку со шрамом.

— Я слышу, — ответил тот.

— Надо бы убедить его отстать. Попробуем вдвоем?

Бомбатта бросил полный сомнения взгляд на Дженну и с явной неохотой утвердительно кивнул.

Остальные, не давая неизвестному повода насторожиться, последовали дальше, не останавливаясь.

Конан с Бомбаттой придержали лошадей за двумя большими валунами, почти перегораживавшими путь через каньон.

Обнажив клинки, они застыли в ожидании.

Не успела Дженна со спутниками скрыться за поворотом каньона, как хруст гравия под копытами возвестил о приближении незнакомца. Конан недовольно поморщился: человек явно не пытался скрыть своего приближения — и это настораживало. Он бросил взгляд на Бомбатту — тот тоже весь превратился в напряженное ожидание.

Стоило морде лошади показаться между валунов, как Конан страшным голосом крикнул: «Стой! Кто идет?»

В следующее мгновение он застыл с открытым в изумлении ртом; по другую сторону тропы Бомбатта сыпал проклятиями.

Переводя взгляд с одного на другого, перед ним стояла чернокожая женщина, спасенная ими в деревне. Она ехала верхом на кобыле, намного мельче, чем их кони, на которой было прилажено военное седло коринфийской кавалерии. Сзади к седлу был приторочен большой бурдюк с водой.

— Мое имя — Зула, я воин горного народа, живущего к югу от страны, называемой вами Кешан. Я хотела бы знать имя того, кто спас меня от смерти.

— Мое имя Конам, родом из Киммерии.

Зула пристально смотрела ему в лицо:

— Я даже не поверила себе, когда впервые увидела твои глаза. У многих людей в твоей Киммерии такие глаза, цвета сапфира?

— Хватит разговоров! — рявкнул Бомбатта. — Узнала то, что хотела, — и проваливай подобру-поздорову.

Женщина, казалось, даже не заметила его присутствия и не слышала резких слов.

— Я поеду с тобой, Конан из Киммерии. Быть может, у меня будет шанс отплатить тебе тем же, что ты сделал для меня.

Конан медленно покачал головой. Этот разговор о долге за спасенную жизнь был слишком похож на его мысли о Валерии. Явно это какой-то знак, но какой?

— Я сделал это не ради спасения твоей жизни, а для того, чтобы дать нам возможность в общем беспорядке смыться из этой деревни. Ты мне ничем не обязана.

— Важны не причины, а поступки. Только поступки. Благодаря тому, что ты сделал, я жива и на свободе, а если бы не ты — то была бы в плену, а то и мертва.

Прежде чем Конан смог сформулировать ответ, к ним быстрой рысью подъехали Дженна и оба ее спутника. Конан гневно посмотрел на Малака и Акиро:

— Я что, непонятно объяснил, что вы должны охранять Дженну, не приближаясь ко мне и Бомбатте? А что, если бы за нами увязался эскадрон коринфийской кавалерии? Так-то вы оберегаете Дженну?

Малак виновато улыбнулся и погрузился в изучение поводьев вьючной лошади. Акиро лишь пожал плечами и вздохнул:

— Я уже слишком стар, чтобы не позволять женщине делать то, что ей взбредет в голову.

— Не прикидывайся глупым, Конан, — сказала Дженна. — Я прекрасно слышала, как ты согласился с Малаком, что за нами едет всего один человек, — она повернулась к Зуле: — Жители деревни называли тебя разбойницей.

— Они лгали, — презрительно ответила чернокожая всадница. — К югу от их деревни есть другая, много меньше этой. Жители большой деревни увели оттуда насильно нескольких молодых девушек, а меня и других наших воинов наняли, чтобы вернуть их. Ночью мы подожгли пару сараев, чтобы отвлечь внимание этих псов, которые называют себя мужчинами. Нам удалось освободить девушек, но мой боевой товарищ, Т'кар, был ранен и не смог уйти, а я не могла оставить его.

— Значит, поэтому они и схватили тебя? — тихо, затаив дыхание, спросила Дженна. — Ты поступила храбро. О таких поступках слагают песни...

— Он был моим братом по оружию, — просто ответила Зула.

Дженна вскинула голову, явно приняв какое-то решение.

— Ты поедешь с нами.

— Нет! — крикнул Бомбатта. — О, всемогущий Митра! Ты так и будешь подвергать опасности все наше дело? Вспомни о пророчестве.

— Я что-то не припоминаю в нем ни слова, запрещающего женщине сопровождать меня. — Ее голос зазвучал твердо, но все же она повернулась к Конану, словно обращаясь за поддержкой: — Скажи ей, что она может ехать со мной. У тебя есть Малак и Акиро, а у меня только Бомбатта, да и тот только и делает, что кричит на меня. Раньше он никогда не повышая на меня голоса.

Малак со смехом влез в разговор:

— Да где ей угнаться за нами, на этой-то коринфийской овце!

Зула не была намерена переводить дело в шутку, но процедила сквозь зубы:

— Да уж ты-то даже во весь рост пройдешь под брюхом любой овцы, коротышка.

Конан прикоснулся к своему амулету. Бомбатта, может, и прав. А что, если они и вправду нарушат условия пророчества, а значит — рискуют не выполнить его, и он лично — останется без Валерии. Но все же эта ситуация — явный знак судьбы.

— Я не скажу «нет», — сказал он наконец, Бомбатта выругался, но Дженна уже сломила его сопротивление своим энтузиазмом.

— Значит, ты поедешь со мной.

— Я поеду с Конаном, и только поэтому — с тобой.

Дженна, казалось, не заметила поправки, так она была рада.

— Ладно, тогда давайте поехали все, а там разберемся, — подвел итог Конан, поворачивая коня и направляясь дальше в глубь каньона.

* * *

В кроваво-красном свете Камня Амон-Рама внимательно изучал двигающиеся фигуры. Еще двое, отметил он и внимательно присмотрелся к толстенькому желтокожему человечку с седыми усами.

От него исходила Сила! Колдун... Но не такой уж и сильный по сравнению с самим стигийцем.

— Идите же ко мне, — зловеще улыбаясь, шептал он, — приведите ее ко мне.

* * *

— Ну, а когда ты вернешься в Шадизар с Ключом и Сокровищем, что тогда?

Дженна с удивлением уставилась на свою спутницу. Она даже не задумывалась об этом.

— Ну, я буду жить во дворце, как и раньше, — на ее лице отразилась какая-то тень неудовлетворенности, но что еще она могла предположить? — Это моя судьба и предназначение, — заключила она.

Зула только хмыкнула.

Сама не понимая почему, Дженна чувствовала себя совсем разбитой и рассеянно переводила взгляд с одного из своих спутников на другого. Конан по-прежнему ехал впереди, за ним Акиро с Малаком, а замыкал их процессию Бомбатта, напряженно всматривавшийся в окружавшие их склоны, словно принюхиваясь к запаху опасности, которая могла бы подстерегать их повсюду, разлитая даже в предвечернем кроваво-золотистом свете солнца.

Но все же больше всего ее мысли занимал киммериец. Он был так непохож ни на кого из известных ей людей и персонажей. Такие, как Акиро и Малак, попадались в сказках, рассказанных ей ее служанками. Но высокому северянину не находилось места в этих историях про утонченных принцев и изящных принцесс. Дженне никак не удавалось разобраться в тех чувствах, которые он внушал ей. Они не были похожи на те, которые описывались в стихах и песнях. Да и трудно было бы представить его героем этих песен, вручающим золотую розу в хрустальных каплях росы, чтобы напоминать о себе, когда он уедет в дальние страны, и всякое такое. Скорее уж он перекинул бы ее через седло перед собой и... а что потом? Она не могла себе даже представить, но что бы он ни сделал — это всегда будет не так, как описано в сказках.

Зула, наверное, могла бы многое растолковать ей. Но что-то мешало Дженне спросить ее напрямую. Она решила постепенно подвести ее к разговору о Конане.

— Женщины-воины, — начала она, — это так странно. Это обычно в твоей стране?

Темнокожая женщина кивнула:

— Наши горы окружены недругами. А нас очень мало. Мы не можем позволить себе роскошь предоставить лишь мужчинам браться за оружие. Все должны уметь воевать, если мы хотим выжить.

— Я даже не знаю, есть ли в моей стране женщины-воины, — Дженна заинтересовалась этой темой. — Скажи, а я смогла бы стать воином? — спросила она, справедливо полагая, что такая жизнь сильно отличалась бы от поднадоевшего ей существования в дворцовых стенах.

— Быть может, если твоя воля выдержит тяжелые тренировки, испытания, лишения. И если у тебя хватит решимости.

Это тяжелая жизнь, и главное — нужно всегда быть готовой к смерти. Собственной смерти или гибели близкого человека.

Дженна тихо, стараясь не задеть женщину, спросила:

— Т'кар. Ты назвала его твоим боевым товарищем. А он... он был твоим возлюбленным?

— Любовником? Да, и я тебе скажу, лучшим любовником из всех мужчин, которых я знала.

— А как... как это все началось? Между тобой и Т'каром?

Зула рассмеялась, словно вспомнив о чем-то веселом:

— Многие женщины хотели быть с ним. Еще бы — такой красивый и мужественный. Я сказала, что любая, которая захочет разделить с ним ложе, должна будет сначала выйти на поединок со мной. Никто не рискнул сразиться, а когда Т'кар увидел это, он пригласил меня в свой дом.

Дженна задумалась. Все это было так непохоже на то, что рассказывалось в сказках.

— Значит, ты просто решила быть с ним, сама выбрала его. Мужчинам это нравится?

— Некоторым — да. Настоящим мужчинам. А остальные боятся таких женщин. У них кишка тонка.

— А кого из тех, кто едет с нами, ты выбрала бы? Может, Малака, а?

— Ну, скажешь тоже. Ничего себе шуточки. Если говорить серьезно, то я выбрала бы Конана...

— Потому что он спас тебе жизнь? — Дженна, сама не понимая почему, закипела от гнева. — А почему не Бомбатту?

— Этот считает, что грубость добавляет ему силы. Хотя его ничего не стоит привязать к себе. А Конан может быть сильным и добрым одновременно. Привязать его — нелегкое дело, если вообще это возможно, пока он сам не захочет. А лучше уж спать с кроликом, чем с мужчиной, который тебе легко достался.

Зула искоса посмотрела на Дженну, и та, понимая, что ей не удалось скрыть своего смущения, покраснела еще больше.

— Не бойся, девочка, я не собираюсь отбивать его у тебя.

— Отбивать?.. У меня... Да ведь он и не мой вовсе... — Она выпрямилась в седле и, подражая голосу Тарамис, величественно произнесла: — И не называй меня девочкой. Я — женщина.

— Конечно. Извини, Дженна. — Зула помолчала, прежде чем продолжить: — У моего народа есть обычай. После смерти

любовника я не могу спать ни с одним мужчиной в течение года. Если бы вчера погибла я, то Т'кар поступил бы так же.

Настал черед Дженны ехать молча, переваривая все услышанное. Мало что могло помочь ей. Никто вокруг не собирался вступать с ней в поединок за Конана, если бы даже она знала, как нужно драться. И если бы она была уверена, что именно это ей нужно. А что касается остального... Она, как бы невзначай, спросила:

— Зула, ты тут говорила что-то, кажется — спать с мужчиной. А что это такое?

— Видят боги! — воскликнула Зула. — Да ты и вправду ребенок.

Дженна уже открыла рот для гневного окрика, но замерла, так и не закрыв его. Перед ними открылась новая гора, вернее, половина горы — потому что ее вершина исчезла много веков назад. Даже с их места было понятно, что за этими обломанными склонами скрывается большой кратер.

— Конан, — прошептала она, а затем громко крикнула: — Конан! Там Ключ! Я чувствую, как он тянет меня. Он там — в кратере!

Она резко пустила свою лошадь в галоп.

Глава 11

Стой, Дженна, — уже в десятый раз крикнул Конан, понимая, что уже поздно. Она не только доскакала до самого верха, но и перевалила через гребень на ту сторону и скрылась из виду. Изрыгая проклятья, он рванулся вслед за нею так быстро, как только мог двигаться в гору его конь. Остальные отстали, но Конану было не до них. Он доскакал до гребня и замер, пораженный открывшимся зрелищем.

На дне гигантской впадины лежало озеро. Даже легкое дуновение ветерка не нарушало зеркальной глади. По двум сторонам озера возвышались отвесные обрывы. Впереди под ним был небольшой пляж с черным песком, окаймленный полосой кустов. Лошадь Дженны была уже на полпути к кромке воды. А на другом берегу возвышалось огромное сверкающее сооружение, вид которого заставил волосы на затылке Кована встать дыбом.

Когда он наконец поравнялся с Дженной, ее взмыленная лошадь уже, шумно фыркая, пила воду из озера. Сама же она не отрываясь глядела на хрустальные своды и башни. Высокие стены кратера раньше времени сгустили вечерние сумерки над берегом озера.

— Ключ во дворце? — спросил Конан.

Дженна радостно кивнула:

— Да, я чувствую, как он тянет меня.

— Тогда нам нужно выбраться из кратера и обойти гору с другой стороны. По-другому туда можно добраться только вплавь.

Первыми их нагнали Бомбатта и Зула, затем Акиро и, наконец, Малак, со второй лошадью в поводу.

— Все в порядке, дитя? — взволнованно крикнул Бомбатта, и в тот же миг, словно эхо, раздался голос Зулы:

— Дженна, с тобой ничего не случилось? — Человек со шрамом и чернокожая женщина недоверчиво переглянулись.

— Только здесь, — настойчиво сказала Дженна, — это — единственный путь.

— Но как? — спросил Конан.

Даже Бомбатта недоверчиво посмотрел на девушку.

— Можно проехать в обход, малышка. Какая разница?

— Нет, только здесь, — повторила Дженна.

Малак неожиданно соскользнул с лошади и деловито направился к зарослям кустарника. Через минуту он вновь показался оттуда, таща за собой длинную узкую лодку из кожи, натянутой на деревянную раму.

В руке он зажал несколько тонких бечевок и костяных крючков.

— Я думаю, местные рыбаки не очень обидятся, если мы воспользуемся их посудиной. Весла там, внутри.

— Очень кстати, — пробормотал Акиро. — Даже слишком удачно, чтобы быть случайностью.

— Что ты имеешь в виду? — спросил его Конан.

Приглаживая длинные усы, колдун мрачно смотрел на хрустальный дворец, щурясь, несмотря на то что солнце уже скрылось.

— Я и не знал, что жители Карпашских гор заядлые рыболовы. Да даже если и так, ты сам рискнул бы порыбачить под стенами такого...

— Но... вот ведь лодка... крючки... весла. Ты же не станешь отрицать, что видишь это своими глазами.

— Я могу не верить любому своему чувству. Кроме чувства опасности, — ответил колдун. — И мне кажется, что кто-то знал, что мы должны прийти именно сюда.

Малак бросил крючки и бечевки, словно они превратились в ядовитых змей, и отскочил от них, вытирая руки о штаны.

— Этот колдун из Стигии узнал, что мы приближаемся? О, Великий Бамба!

— Все равно остановимся на ночь здесь, — сказал Конан, слезая с коня, — только не разжигая костра. Знает он о том, что мы здесь, или не знает, нет нужды извещать его об этом.

— Надо сейчас же переправиться на тот берег, — сказала Дженна. — Сейчас же. Я вам говорю, что Ключ — там.

— Там он полежит и до утра, — ответил киммериец. С явной неохотой она в первый раз оторвала взгляд от дворца. Ее губы скривились в недовольной гримасе, но Конан не дал ей

расхныкаться: — У меня не меньше причин поторопиться, чем у тебя, Дженна. Но переправляться мы будем на рассвете.

— Он прав, дитя, — подтвердил Бомбатта, — уже темно, и, если лодка перевернется, ты можешь утонуть раньше, чем я увижу, где ты... Я не могу так рисковать.

Дженна ничего не ответила, и Конан переключил свое внимание на Малака:

— Уезжай, если хочешь. Никто не мог предположить, что этот проклятый Амон-Рама будет поджидать нас. Ты сделал свое дело. Считай, что камешки твои.

— Какие камешки? — эхом откликнулся Бомбатта, но друзья не обратили на него внимания.

Малак шагнул к лошади, но вдруг остановился.

— Конан, я... понимаешь, если бы был хоть какой-то шанс. Но он знает, что мы здесь. Сверкающее око Балора! Ты же слышал, что сказал Акиро.

— Да.

— Но ты останешься? — спросил Малак.

Конан кивнул. Маленький вор пробурчал:

— Я не собираюсь карабкаться по горам один ночью. Поеду утром.

— Ну ладно, остаемся здесь ночевать, так хотя бы поесть перед сном, — проворчал Акиро, вылезая из седла и доставая из мешка сушеное мясо и финики.

Все притихли. Этот кратер как-то давил на тех, кто попадал сюда. Лишь Дженна искрящимися глазами смотрела на дворец, чувствуя близость того, ради чего они проделали весь этот путь.

Когда ночная тьма спустилась на озеро, лошади уже были стреножены, а сушеное мясо и фрукты съедены. Дженна растянулась на земле, завернувшись в свои одеяла. Зула, ко всеобщему удивлению, села, поджав ноги, рядом с нею, что-то тихо напевая, пока та не заснула.

Бомбатта ревностно поглядывал на чернокожую девушку, но взгляд ее темных глаз всякий раз заставлял его промолчать и оставить ее в покое.

Когда вышла луна, тьма несколько рассеялась. Кратер, казалось, притягивал лунный свет, делая его сильнее и ярче. В этом причудливом освещении можно было даже разобрать черты лица и выражение стоящего рядом человека.

Конан с Акиро сидели, глядя на дворец, сияющий и переливающийся в лунном свете, словно алмаз на черном бархате.

— Это место давит на меня, — сказал после долгой паузы киммериец, — не нравится мне здесь.

— Это место и не создано для того, чтобы нравиться. Здесь хорошо себя чувствуют только колдуны. Я чувствую энергию, исходящую даже от скал. В этом месте рушатся привычные связи, разваливается то, что казалось монолитным. Все барьеры ослабевают, границы размываются, даже одно произнесение имени может вызвать душу покойного.

Кожа Конана покрылась мурашками. Он поспешил приписать это ночной прохладе.

— Хотел бы я поскорее выбраться отсюда и вернуться в Шадизар, привезя эти штуки, которые так нужны Тарамис.

Вдруг крик ужаса разорвал тишину ночи. Дженна билась под своим одеялом, широко раскрыв невидящие глаза, крича: «Нет! Нет!»

Бомбатта вскочил, держа в руке обнаженную саблю. Малак судорожно боролся с одеялом, пытаясь выбраться из-под него, с кинжалом в каждом кулаке. Зула прижала стонущую девушку к груди и забормотала что-то, успокаивая ее.

Неожиданно руки Дженны обвились вокруг черных плеч. Рыдания сотрясали ее тело.

— Это было ужасно! Ужасно.

— Сон, — сказал Бомбатта, убирая саблю в ножны. Он встал на колени, попытавшись забрать девушку у Зулы, но она лишь крепче прижалась к женщине.

— Это всего лишь сон, малышка, — сказал он мягко, — не больше, чем дурной сон. Вот и все. Постарайся опять уснуть.

Зула пристально посмотрела на воина в черных доспехах поверх все еще обнимавшей ее Дженны и сказала:

— Сны бывают вещими. Пусть она расскажет, что ей приснилось.

— Согласен, — сказал Акиро. — В снах часто появляются предзнаменования. Расскажи нам, Дженна.

— Да это всего лишь детский кошмар, — прохрипел Бомбатта. — В этом дьявольском месте может присниться что угодно.

— Говори, — обратился к девушке Акиро.

Чуть успокоившись на руках у Зулы, Дженна начала рассказывать, все еще вздрагивая:

— Мне приснилось, что я еще совсем дитя, едва научившееся ходить. Я проснулась в своей кроватке и увидела, что кормилица спит. Мне захотелось к маме, и я побежала по темным коридорам туда, где была спальня моих родителей. Их кровать стояла под балдахином в середине комнаты. Я увидела, что они спят. Но в изголовье их кровати появилась еще одна фигура — молоденькой девушки или мальчишки. Слабый свет ночника как-то странно отразился от ее рук. Вдруг я поняла, что в этих руках был зажат кинжал. Кинжал взлетел в воздух и опустился. Из груди отца вырвался хрип, разбудивший маму. Она успела прокричать только имя, и еще один удар кинжала оборвал ее жизнь. Я побежала. Мне хотелось кричать, но язык словно прилип к гортани. Все, что мне оставалось, — это бежать, бежать...

Зула резко тряхнула ее, а потом снова нежно прижала к себе.

— Все в порядке, Дженна. Ты теперь в безопасности.

— Имя, — настойчиво спросил Акиро. — Чье имя она произнесла?

Дженна опасливо выглянула из-под обнимавших ее рук Зулы.

— Тарамис, — прошептала она. — Тарамис. Но почему мне снится этот ужас? Почему?

Никто не проронил ни слова, пока Бомбатта не нарушил молчания, небрежно бросив:

— Обычный кошмар нервной, изнеженной девчонки. Идиотский сон, навеянный идиотским местом, У меня самого такое в голове творится...

— Это-то видно, — сказал Акиро и повернулся к Зуле: — Ты посмотришь за ней?

Чернокожая женщина кивнула и снова запела колыбельную своего народа. Бомбатта сел по другую сторону от Дженны, собираясь тоже сторожить ее сон остаток ночи. Два воина, мужчина и женщина, не мигая смотрели друг на друга.

Вместе с Акиро Конан подошел к кромке воды. Помолчав, он тихо сказал:

— Когда Дженна едва умела ходить, Тарамис было лет шестнадцать или около того. Возраст, вполне подходящий, чтобы всерьез позавидовать титулу наследного принца, своего брата, да и его богатству.

— Может быть, это все-таки просто сон.
— Может быть, — сказал Конан. — Хорошо, если так.

* * *

Амон-Рама пристально уставился в глубины Сердца Аримана, рассматривая фигуры спящих людей. Все уснули. Последним сомкнул веки старый желтокожий колдун, все пытавшийся поймать энергию, которой, казалось, был залит весь кратер. Стигиец лишь недобро улыбался. Колдун долго мозолил ему глаза, когда все остальные уже уснули, кто свернувшись под одеялом, а кто и сидя, несмотря на то что собирался бодрствовать всю ночь напролет. Но вот и старик забылся сном. Утром они придут, и тогда...

Глубокая морщина прорезала его лоб. Утром. Как долго он ждал, и вот теперь, когда осталось лишь несколько часов, нетерпение просто сжигало его изнутри. Ничто уже не могло помешать выполнению его планов. Нужно было всего лишь подождать. Но почему словно муравьи забегали по его телу, заставляя зудеть и гореть кожу?

Он оторвался от Сердца, и свет сразу померк, оставив лишь красный, краснее рубина, светящийся камень. Нет, он не сможет дождаться утра. Нужно кончать с этим.

Он быстро вышел из зеркального зала и поднялся по сверкающим лестницам и коридорам в самую высокую башню дворца. С ее высоты он посмотрел на дальний берег озера, хотя без помощи магического кристалла человеческие глаза были бессильны против темноты. Из бесчисленных складок своего кроваво-красного одеяния он извлек черный мелок, сделанный из жженой кости убитых девственниц.

Быстрыми движениями он начертил на полу пентаграмму, оставив один разрыв, чтобы вступить внутрь. На каждом луче звезды он начертал два символа: один — одинаковый на всех пяти концах, а другой — отдельно для каждого. Эти символы усилят магическое воздействие пентаграммы. Подобрав мантию, он ступил внутрь пентаграммы и одним движением мелка завершил дьявольскую фигуру.

Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее он начал читать заклинания нараспев. При этом даже он сам не слышал ни звука. Эти гимны не предназначались для человеческого уха. Только после долгих лет болезненных тренировок он научился

произносить их. И вот теперь в том месте, где размывались границы и рушились связи, Амон-Рама взывал к силам перемен и разрушения.

Словно сама ночная тьма сгущалась вокруг него, становясь плотнее, скручиваясь во что-то жесткое, скрывая его, словно густой дым. Этот дым менялся, принимая форму. Форму крыльев, хлопнувших в воздухе на высоте четырех человеческих ростов. Тяжелые когти заскрипели, оставляя царапины на поверхности алмазно-твердой крыши башни. Там, вся пронизанная черными лучами, стояла гигантская птица, орел, состоящий из клубов дыма.

Ударили огромные крылья. Но ни звука не разнеслось вокруг — потому что воздух, в котором они бились, не был земным воздухом. Огромная тень взлетела в ночное небо. Хищная птица в несколько взмахов крыльев достигла противоположного берега озера.

Ни единое дуновение не потревожило сон чернокожей женщины и могучего воина, сидевших по обе стороны от укрытой одеялом девушки. Когти крепко обхватили ее хрупкое тело, но она даже не пошевелилась во сне.

Создание темных сил взлетело вверх и понеслось над озером к сверкающему под звездами шпилю башни. Снизившись, птица снова обернулась клубами дыма, втянувшимися в пентаграмму на полу, оставив в ее центре Амона-Раму, держащего Дженну на руках.

Он осторожно стер ногой один из лучей магической фигуры и вышел из нее. Остальное можно стереть и потом. Сейчас есть дела поважнее. Лицо старого колдуна перекосила непривычная улыбка, когда спящая девушка, не открывая глаз, повернула к нему голову. Да, ему предстояли очень важные дела.

Хрустальные ступени вели его вниз, в залы дворца. Он почти бегом ворвался в зеркальный зал, прошел его насквозь и оказался в комнате, непохожей на все остальные в этом сверкающем сооружении.

В этом дворце повсюду было светло безо всяких светильников. Свет излучали сами хрустальные стены и потолки. Здесь же была темнота. Стены были скрыты в полнейшей мгле, так же как пол и потолок. Комната казалось бесконечной. И во всей этой бесконечности лишь в двух местах брезжил свет. Дверной проем светился ярким огнем, но этот свет ни на шаг

не проникал внутрь, не освещая ни пола, ни пространства за входом. Неизвестно откуда исходил свет второй освещенной точки. Узкий круг выхватывал из темноты огромную кровать, выложенную шелковыми подушками и покрывалами. На нее-то Амон-Рама и положил свою легкую ношу.

Он смотрел на нее сверху вниз — в плоских черных глазах не было никакого выражения. Затем он медленно провел рукой по изгибам ее тела — от маленькой ступни к округлым бедрам, по тонкой талии и высокой груди. Все нормальные страсти и пороки были давно выжжены в нем его черным чародейством, но оставались другие, еще более страшные, приносившие ему мрачное удовольствие. И раз он собирался использовать девчонку для другой цели, не той, ради которой берегла ее чистоту эта глупая Тарамис, — то почему бы ему не отдаться этим порокам, когда в его руках оказалась такая соблазнительная жертва. Но это потом, когда он разделается с остальными. Теперь, когда она наконец в его власти, нетерпение улетучилось. Настало время подготовки.

— Услышь меня! — воззвал он. Голос прокатился по всем закоулкам хрустального дворца. — Пусть не останется ни одного окна, ни единой двери, трещины, отдушины. Так я хочу, и так должно быть!

Дворец ответил низким гулом, словно огромный хрустальный колокол. Дело сделано: дворец стал неприступен — словно запечатан сургучом.

— А теперь посмотрим, как они обрадуются с утра пораньше, — пробормотал колдун.

Бросив последний взгляд на неподвижную Дженну, он вышел из черной комнаты. Дверь за ним захлопнулась, и теперь только узкое пятно света оставалось вокруг крепко спящей Дженны.

Глава 12

Непроницаемая жемчужная темнота все еще наполняла кратер, когда Конан проснулся. Ему даже не нужно было смотреть на чуть побледневшее небо, чтобы понять, что рассвет уже близок. Чтобы переправиться через озеро на рассвете, встать нужно было затемно, так что проснулся он вовремя. Эта способность вставать тогда, когда нужно, нередко помогала ему в жизни, хотя следовало признать, что чрезмерные возлияния накануне могли отключить этот внутренний голос.

Откинув одеяло, он вложил в ножны меч, который пролежал рядом с ним всю ночь, и встал, потягиваясь. Нахмурившись, но все еще не понимая, он уставился на пустое ложе Дженны. Он оглядел склон кратера за спиной, пересчитал мирно спавших лошадей и только тогда затряс спящих Акиро и Малака, спокойно сказав им:

— Вставайте, Дженна пропала. Просыпайтесь же.

Оставив их — Малака, сыплющего проклятиями и ругательствами, и Акиро, бормотавшего что-то про старость не радость и юнцов, посмевших потревожить усталые кости, — он подскочил к спящим по обе стороны от одеял Дженны Бомбатте и Зуле. Его сапог с размаху влетел в ребра похрапывающего вояки.

Со стоном, переходящим в ругательства, Бомбатта вскочил и потянулся было к рукояти сабли.

— Я убью тебя, ворюга! Да я...

— Дженна исчезла, — ледяным голосом произнес Конан, — ты только что не привязал ее к себе — и вот, получите. Она, быть может, уже мертва.

Ярость Бомбатты улетучилась при первых же словах. Он, словно оцепенев, уставился на пустую постель.

— Лошади все на месте, — крикнул Малак.

Черный воин прохрипел:

— Еще бы нет. Куда бы Дженна уехала от своей цели, от предназначения? .

— Предназначения! — взорвалась Зула. — Это вы решили, что в этом ее предназначение! А может, она решила сама выбрать себе судьбу?

— Ну, если ты, черномазая, сделала с ней что-нибудь...

— Я? Да я ни за что в жизни не причинила бы ей зла. Это ты считал, что она игрушка в той игре, которую вы затеяли.

Шрамы белыми линиями выступили на лице воина.

— Ах ты грязная, вонючая шакалиха! Я тебя на куски...

— Все поединки оставим на потом, — развел их Конан. — Сейчас главное — найти Дженну.

Напряженность между сцепившимися ослабла, но не исчезла. Бомбатта вогнал в ножны саблю, а Зула с явной неохотой опустила уже занесенный для удара шест.

Акиро встал на колени у постели Дженны, и его руки заскользили поверх одеял. Его глаза были закрыты, губы беззвучно шевелились. Когда он на секунду раскрыл веки, лишь белки глаз оказались видны. Малак отвернулся — его чуть не стошнило.

Наконец старик объявил:

— Девочку унесла птица.

— Старый дурак, — пробормотал Бомбатта, но колдун продолжал, словно не слыша его слов:

— Огромная птица, сотканная из дыма и тумана, двигающаяся совершенно бесшумно. Она унесла ее в лапах. — Наконец в глаза старика вернулись зрачки, и он встал с колен.

— Говоришь, он старый дурак? — повернулся Конан к Бомбатте. — Нет, приятель. Это ты дурак. И я. Могли бы и предположить, что этот стигиец что-нибудь предпримет.

— Куда унесла ее птица? — спросила Зула.

Акиро ткнул пальцем в сторону хрустального дворца:

— Конечно, туда.

— Тогда вперед, — сказала она.

Конан молча кивнул. Как один, они с Бомбаттой бросились к лодке и вытащили ее к воде.

— Но она может оказаться заколдованной, — запротестовал Малак. — Акиро же сам вчера говорил...

— Это наш единственный шанс, — оборвал его Конан, стоя по колено в воде и придерживая лодку. — Садись, живее.

В один миг все расселись по местам: Зула в центре, между Акиро и Малаком, Конан и Бомбатта — на носу и на корме. Весла в сильных руках вонзились в воду, и лодка, вспарывая поверхность зеркального озера, заскользила прочь от берега.

— Чаша Сигина! — взвыл Малак. — Я совсем забыл. Я же уезжаю сегодня утром. Поворачивай назад!

Конан ни на миг не прервал равномерное движение рук и плеч.

— Плыви! — бросил он Малаку.

Маленький воришка посмотрел на полоску воды, отделявшую их от берега, и весь передернулся.

— Вода — это для питья, — печально заявил он, — конечно, если нет вина.

Ни волны, ни ветер не тормозили движения, и лодка чуть не вылетела из воды, влекомая веслами в руках двух сильных мужчин. Хрустальный дворец сверкал, быстро приближаясь, словно вырастая из земли и воды. От него в озеро выдавалась пристань, самая обыкновенная по форме, но словно сделанная из цельного драгоценного камня. В тот миг, когда они добрались до дворца, все сооружение вспыхнуло костром искр и радуг.

Конан придержал лодку у пристани, пока все выбрались из нее. Затем, выскочив на сверкающий камень, он вытащил лодку из воды. Ни один вор не продержался бы в Шадизаре так долго, если бы не умел вовремя продумать пути к отступлению. Сейчас озеро было спокойным, но ему не хотелось рисковать, если случайная волна унесет прочь их суденышко, которое вполне могло стать их единственным способом бегства из этого странного места.

Наконец он повернулся к дворцу и внимательно осмотрел его. Далеко вправо и влево уходили сияющие колоннады. Над ними к самому небу взлетали граненые купола и шпили.

— Невероятно, — пробормотал Акиро, положив ладони на зеркальную стену, — нигде ни одного стыка. Он действительно весь сделан из одного камня. Весь. Невероятно.

— Лучше, если бы это был нормальный мрамор, — озабоченно сказал Конан, — я бы смог найти способ забраться по нему. Ладно, пошли. Нужно найти какую-нибудь дверь или что-то в этом роде.

— Здесь нет дверей, — возразил Акиро, — ни одной.

Конан хотел поинтересоваться, откуда старик это узнал, но решил принять его слова на веру и рявкнул:

— Так как же тогда, о Девятое Небо Зандру, мы попадем внутрь?

Акиро удивленно заморгал:

— Ну, найти вход нетрудно. Он здесь всего один, — Акиро подошел к краю пристани и ткнул пальцем в воду. — Там внизу я чувствую отверстие. Оно достаточно широкое, чтобы пролезть в него.

— Может, ты еще и воду из озера вычерпаешь? — с сомнением поинтересовалась Зула.

— Не люблю я воду, — пробурчал Малак, не отрывая глаз от дворца.

Конан наклонился над зеркалом воды. Ничего. Лишь его собственное отражение глядело на него снизу вверх. Невозможно, подумал он, не может быть, что колдун отгрохал такой дворец без окон, без дверей и оставил такой простой вход. Ловушка, подумал он, — мышеловка с Дженной в качестве приманки. Что ж, пусть охотник узнает, что за зверя он собрался поймать. Конан глубоко вздохнул и бросился в воду. Лишь слабый всплеск обозначил место, где он нырнул.

Сильные руки Конана все глубже погружали его вдоль стены пристани. Ни единой ракушки, ни зеленого стебелька водорослей не зацепилось за хрустальную поверхность, и под водой рассыпавшую искры и сполохи.

Он быстро нашел отверстие — широкую трубу диаметром почти с его расставленные руки. Железные прутья преграждали вход в него. Примерившись, Конан уперся ногами в стену и потянул один из прутьев. Безрезультатно...

Неожиданно рядом с руками Конана появилась еще одна пара рук. Повернув голову, он увидел Бомбатту, выглядевшего необычно без своего шлема и доспехов. Вдвоем они ухватились за решетку. Мышцы и жилы напряглись до предела. Легкие словно сжигало огнем.

Неожиданно один из прутьев с резким хрустом оторвался от стены. Облако пузырьков поднялось на поверхность. Сжимая в руке обломок, Конан налег на него как на рычаг. Один за другим были выломаны или отогнуты все прутья.

Вылетев на поверхность, киммериец судорожно глотал воздух. Он даже не оглянулся, когда, так же тяжело отдуваясь, ря-

дом с ним всплыл Бомбатта. Три изумленных физиономии наблюдали за ними с пристани.

— Путь открыт, — сказал Конан между вдохами, — пошли.

— Да подожди ты хоть секунду, — взмолился Акиро. — Восстанови дыхание. А пока, чтобы не терять времени, составим план.

— Времени нет, — отрезал Конан и, сделав последний вдох, снова ушёл в глубину.

Он легко вошел в черную трубу и сильными гребками стал продвигаться по ней. Тридцать шагов — свет за спиной почти померк. Сорок — он почувствовал, что скоро понадобятся воздух. Пятьдесят — впереди забрезжил свет! Он быстро подплыл к концу и, сдерживая скорость, стал подниматься. На поверхности он появился почти бесшумно, лишь несколько капель упали с мокрых волос.

Он оказался в колодце, стены которого представляли собой тот же камень, из которого был выстроен весь дворец. В воде плавало деревянное ведро. Веревка от него тянулась вверх. Конан осторожно потянул за веревку. Она не поддалась.

Зловещая улыбка расплылась по его лицу. Этот Амон-Рама или забыл про этот вход — и, значит, ему не чужды обычные человеческие слабости, — или просто безмерно самонадеян, считая свою ловушку совершенной. Но там, на севере, где вырос Конан, говорили так: кто поймает киммерийца, поймает собственную смерть.

Кто-то всплыл рядом с ним, отдуваясь и фыркая. Звуки эхом понеслись вверх. Но киммериец даже не посмотрел, кто нарушил тишину. Сейчас в его голове была лишь одна мысль. Схватив веревку, он полез вверх, перехватывая ее руками. Киммериец вошел в западню — значит, он начал охоту.

* * *

В зеркальном зале, стоя у Камня, Амон-Рама задумчиво почесал свой острый подбородок.

Итак, они попали во дворец. Он, конечно, дал маху, забыв про колодец, из которого во дворец поступала вода. Но как же быстро они разыскали его. Неплохо для мелкого колдунишки.

Ухмыляясь, он потрогал рукой одно из зеркал. Нет, конечно, его ошибка не оставляла им ни единого шанса даже на то, чтобы спастись бегством, не говоря о том, чтобы победить все

силы темной магии, противостоящие им. Этот дворец был его дворцом. Настолько его, что ему позавидовал бы любой обладатель дворца или замка.

Хруст выламываемых прутьев донесся до него. Дыхание чужаков, звук их шагов — все передавалось ему немедленно. Но сейчас ему было даже не до незваных посетителей. Дворец сам позаботится о них.

А сейчас настало время подготовки. Одно слово заклинания, движение рукой — и золотые портьеры поднялись, открыв взору сотню зеркал, составлявших стены зала. В каждом из них отражалось пылающее Сердце Аримана, но ни в одном не было видно отражения самого колдуна. Многолетние занятия черной магией сказались не только на зачерствевшей душе, но и произвели свой эффект на тело. У него не было отражения. Ни одно зеркало, никакая другая поверхность не возвращали ему собственного изображения.

В ряду зеркал было лишь два разрыва. Один — вход из коридора. Через второй он видел в беспросветной мгле освещенное пятно постели со все еще неподвижной Дженной на ней. Через него и проследовал Амон-Рама. Из зала донесся звук, словно от камня, упавшего в воду. Одно из зеркал треснуло. Сто одно отражение и само Сердце Аримана замерли в ожидании.

* * *

Акиро чуть не с хрюканьем перевалился через бортик колодца и замер, не замечая стекающей с него воды, рассматривая стены и орнамент из золота и серебра, настолько тонко высеченный в камне, что казалось невозможным, чтобы человеческая рука выполнила такую тонкую работу. Повсюду висели занавеси с вышитыми магическими словами и символами. Под ногами расстилались ковры, на глазах менявшие цвет.

— Акиро? — окликнул его Малак.

Старик лишь восхищенно покачал головой. Ни одной обыкновенной вещи. Все сделано при помощи колдовства. Ни одной из этих вещей еще не касалась рука человека.

— Акиро!

Колдун гневно обернулся: Малак в луже воды, с прилипшими ко лбу волосами, выглядел словно спасшаяся после потопа крыса.

— Ну?

— Они уходят, — сказал Малак.

Акиро взглянул в направлении, указанном Малаком, и издал пронзительный крик-предупреждение.

Бомбатта и Зула как раз скрылись за углом коридора, а Конана уже и след простыл.

— Глупцы, стойте! — кричал он, передвигая как можно быстрее старые ноги. — Слабоумные! Вы врываетесь в обитель великого колдуна, как в дом богатого купца. Здесь ведь неизвестно что может случиться!

Повернув за угол, Акиро увидел впереди остальных; Конан был намного дальше всех. С мечом в руке киммериец рванулся в дверной проем, и в тот же миг дверь опустилась за ним, отделяя его от всех его спутников. Бомбатта и Зула обрушили на дверь град ударов шестом и рукоятью меча.

Ругаясь на разных древних языках, Акиро подбежал к ним, лишь чтобы убедиться, что прохода нет. Дверь была прозрачна как стекло: они ясно видели киммерийца, оглядывающего зеркальную комнату, ни на секунду не опустив меч. Но при этом лупить по ней было столь же эффективно, как пытаться голыми руками выбить тяжелые, окованные железом крепостные ворота.

— Да он что, не слышит нас? — воскликнул Малак и позвал: — Конан! Когти Огуна! Конан!

Зула опустилась на четвереньки, разглядывая пол:

— Если бы удалось ее приподнять... Нет! Ни единой щелки!

— Отойди назад, — пророкотал Бомбатта, перехватывая саблю обеими руками. — Если ее вообще можно разбить — я разобью ее!

— Все отойдите назад! — умудрился перекричать его Акиро. — И всем молчать! — добавил он, роясь в мешочках на своем поясе и в складках мокрой одежды. При этом он не переставал нервно бормотать: — Это вам не кабацкая драка, и не пьяный солдат заперся там с какой-то девкой. Нечего зря мечами махать. Этот стигиец — колдун что надо. Мне до него... Так что ведите себя соответственно, а не то всем нам...

Сияя от удовольствия, он наконец извлек откуда-то крохотный флакончик, запечатанный чистейшим воском, с нацарапанным символом силы.

Вдруг Бомбатта хлопнул себя по лбу:

— Да пропади он пропадом, этот варвар. Нам нужно найти

Дженну, а с чего мы взяли, что она там? Ну, а вор пусть сам выпутывается.

— Она здесь, — сказал Акиро, счищая воск с крышки. Это нужно было сделать осторожно, чтобы не нарушить целостность содержимого. — Неужели ты не чувствуешь... Хотя что с тебя взять. Девчонка там. Там, где сходятся все силы, вся энергия, пронизывающая дворец.

Остаток воска отлетел в сторону, открыв темное блестящее содержимое. Акиро коснулся этой массы ногтем левой руки, начертал несколько рун на правой стороне двери. Те же надписи он сделал слева ногтем правого мизинца.

Акиро недовольно поморщился, когда его знаки зашипели, словно масло на раскаленной сковородке. Но с этим ничего нельзя было поделать. Он начал молча читать заклинания, лишь шевеля губами. Появилась сила, он ощутил ее всем телом, сила реализовалась в давлении. Он вызвал силу, способную открыть то, что открыть нельзя, поднять то, что нельзя оторвать от земли. Давление росло, подчиняясь силе заклинаний. По лбу колдуна ручьем стекал пот. Давление становилось все сильнее и сильнее.

Вдруг старик зашатался, застонал и упал бы на пол, если бы не ткнулся лбом в дверь.

— Ну? — спросил Бомбатта.

Акиро трясло, словно в лихорадке. Он в изумлении глядел на дверь. Сила все еще была здесь. Она давила, давила так, что остальные двери любого замка распахнулись бы как легкие пушинки... Стеклянная дверь стояла незыблемо.

— Слишком могущественный колдун. Невероятная сила, — прошептал Акиро.

Помолчав, он добавил, глядя сквозь прозрачную дверь в зеркальную комнату:

— Если вы верите в каких-нибудь богов — помолитесь им.

Глава 13

Конан медленно обходил зеркальный зал, держа меч наготове. Огромные зеркала тысячекратно повторяли его напряженную фигуру, отражая отражения отраженных отражений. И столько же раз был повторен в них мерцающий багровый камень на тонком постаменте в центре комнаты. Ряд зеркал нигде не прерывался, и Конан понял, что потерял то из них, которое упало вслед за ним, когда он ворвался в зал.

Сначала он обходил камень, лишь с опаской поглядывая на него. Это мерцание и кроваво-багровый цвет подсказали Конану, что это не просто украшение. Все эти магические штучки — лучше их не трогать, если не знаешь хорошо, для чего они и чего от них ждать. А если и знаешь, то тоже лучше особо не соваться — все равно хорошего от них не дождешься. Но поскольку больше в комнате ничего и никого не было, Конан все же приблизился к нему и протянул руку.

— Ты не очень-то терпелив, варвар.

Конан обернулся, ища того, кто произнес эти слова. Обнаружив его, он изумился не меньше, чем в первый момент, услышав их.

Одно из зеркал больше не отражало его самого. В нем появилась фигура человека в кроваво-красной хламиде с капюшоном. В голове Конана пронеслось, что по крайней мере по голосу и размерам это был человек, не больше и не страшнее любого другого. Глубокий капюшон скрывал лицо, и даже кисти рук были скрыты под складками мантии, спускавшейся до самого пола.

— А уж тебя-то я вовсе терпеть не намерен, стигиец. Верни девушку или...

— Ты начинаешь утомлять меня, — два десятка голосов, как две капли воды похожих на голос фигуры в капюшоне, зазвучали за спиной киммерийца. Подозревая, что это лишь фо-

кус, чтобы отвлечь его внимание, Конан все же рискнул обернуться. Увиденное заставило его остолбенеть. Уже двадцать зеркал отражали фигуру в капюшоне.

— Девчонка моя, и ты ничего не сделаешь.

— Это Она, и Она будет принадлежать мне.

— Твои мышцы и сталь бессильны против моей силы.

Конан почувствовал, что у него закружилась голова.

Одно за другим зеркала менялись. Вот уже почти сотня отражений колдуна со всех сторон обступила киммерийца. Зубы Конана сжались, волосы встали дыбом. Но слишком часто судьба пыталась нагнать на него страху. И страх, этот похититель воли и разрушитель силы, был так же знаком ему, как и мрачный образ смерти. Но если встреча с нею была в итоге неизбежной, то сила страха была не настолько велика, чтобы киммериец уже тысячи раз не побеждал ее своей волей.

— Ты что, запугать меня задумал, колдунишка несчастный? Плевать я хотел на твою силу. Ты прячешься за ней, как трусливый шакал, боясь выйти и встретить меня в бою как мужчина.

— Храбрые слова, — проворковали, как одно, все отражения, — может быть, я и последую твоему совету.

Неожиданно два отражения бросились одно навстречу другому. Две теня в багровом облаке столкнулись в дальнем конце зала, оставив там фигуру в капюшоне.

— Не думаю, что тебе это понравится, варвар. Ты будешь умирать долго и мучительно. Не раз ты со стоном призовешь к себе смерть, моля о ней как об избавлении. Твоя сила — ничто по сравнению с моей.

Одно за другим кровавые облака слетали к фигуре в дальнем конце комнаты, и с каждым из них она становилась чуть выше и мощнее.

Дважды, когда багровые тени проносились мимо него, Конан пытался поразить их мечом. Сталь проходила сквозь них как сквозь воздух, лишь слегка вздрогнув, давая понять, что клинок встретил что-то на своем пути. Киммериец встал неподвижно, предпочитая подождать, а не тратить силы понапрасну. Наконец последнее зеркало внесло свою лепту в создание существа, стоявшего перед Конаном. Эта фигура больше чем на голову превышала его рост и была раза в два шире.

— И это ты называешь выйти лицом к лицу? — Конан брезгливо поморщился, — Ну, тогда давай же, вперед!

Гигантская тень откинула капюшон, и Конан вздрогнул. Стоголосый смех прокатился по залу. Поверх багровых одеяний оказалась обезьянья голова, черная как сажа, с белыми сверкающими клыками, созданными, чтобы рвать мясо. Черные глаза налились злобным огнем. На толстых волосатых пальцах рук показались тигриные когти. Одежда медленно сползла на пол, обнажив массивное, покрытое редкой черной шерстью тело и толстые ноги с копытами. Ни звука не исходило от этого существа. Не было слышно даже дыхания.

Произведение черной магии, подумал Конан, это точно. Но может, оно все-таки окажется уязвимым для стали? С криком он бросился вперед; его меч, словно бешеная мельница, вспарывал воздух. Чудовище с неожиданной для такой махины легкостью отскочило в сторону. И, лишь слегка махнув лапой, оно оставило четыре кровавых полосы на груди Конана.

Конан снова и снова атаковал с мрачной решимостью обреченного. Еще трижды он пытался поразить чудовище. Трижды оно уворачивалось от удара, как ртуть.

Кровь капала из ран на плече Конана, на его ноге и на лбу. Смех в сто глоток был ответом на проклятия, которые себе под нос пробормотал Конан. Движения монстра были все так же легки, а запыхавшийся, обливающийся потом и кровью Конан даже не поцарапал его кончиком меча.

Вдруг черная обезьяна сама бросилась в атаку, в один миг схватив его когтистыми лапами и поднеся к оскаленной пасти. Конану не хватило времени, чтобы замахнуться и рубануть мечом или нанести колющий удар. Все, что ему оставалось, — это полоснуть по оскаленной морде наискось — через глаза, нос и рот, что он и сделал, вложив в удар все оставшиеся силы. Зеленый зловонный гной хлынул из раны, когти чудовища впились в бока киммерийца, и он почувствовал, что летит через весь зал, отброшенный сильными лапами.

«Плохо дело», — пронеслось в голове Конана прежде, чем он с размаху влетел в стену, чуть не раздавив грудную клетку от такого удара. Почти без сознания он сполз на пол. Последним усилием воли он пытался восстановить дыхание, встать на ноги, чтобы успеть встретить чудовище раньше, чем оно бросится на него. Когда ему удалось-таки подняться, он замер в изумлении.

Гигантская обезьяна стояла на четырех лапах и мотала го-

ловой, разевая пасть, словно издавая стоны агонии. Но из ее рта не доносилось ни звука. Зато этот стон, стократно усиленный, был слышен из каждого зеркала, где корчилась и стонала фигура колдуна.

Вдруг Конан осознал, что не все зеркала изображали одно и то же. То, об которое он ударился, покрылось паутиной трещин и отражало лишь фрагменты комнаты, но в этих осколках Конан увидел и себя и обезьяну, — все, кроме самого мага. Его клинок воткнулся в соседнее зеркало. Не успело оно осыпаться серебряным дождем осколков, как изображение Амона-Рамы в нем исчезло, а стоны оставшихся перешли в крики.

— Ну, теперь я тебе устрою, колдун! — Конан почти перекричал душераздирающие звуки, исходившие из зеркал.

Он побежал вдоль стены, нанося удар по каждому из зеркал. Одно за другим исчезали изображения человека в кровавой одежде. Его крики перешли в вой, а затем в отчаянный визг.

Скрежет когтей по хрустальному полу предупредил киммерийца об опасности. Он успел упасть на пол и откатиться в сторону, когда обезьяна снова бросилась на него. Меч сверкнул в воздухе, оставив глубокую рану в боку чудовища. Не менее глубокой оказалась и рана, полученная Конаном. Но главное, что он успел понять, это то, что чудовище двигалось медленнее, чем раньше. Не быстрее тренированного человека. Он бегом пересек зал, не обращая внимания на монстра. Добить мерзкую обезьяну не означало поразить самого Амона-Раму.

У противоположной стены Конан стал громить зеркала одно за другим. Стоны, исходившие от оставшихся отражений, выражали запредельную боль и отчаяние. Краем глаза Конан увидел, что гигантская обезьяна снова рванулся к нему; ее единственный целый глаз горел фанатическим огнем. Он заметил, что даже в пылу сражения чудовище старается держаться подальше от пылающего красного Камня.

Неожиданно меч Конана со звуком, словно его уронили в воду, прошел сквозь одно из зеркал. Киммериец остолбенел. Меч не разбил зеркало, а проткнул его и изображение Амона-Рамы заодно. В зале воцарилась гробовая тишина, нарушаемая только падавшими время от времени осколками разбитых зеркал. Те, что остались целы, давали обычное отражение, как нормальные зеркала. Обезьяноподобное чудовище исчезло,

словно его и не было вовсе. Лишь горящие раны Конана напоминали ему, что оно было куда как реальным и смертельно опасным.

Из-под кровавого капюшона на Конана глядело лицо с носом, похожим на клюв. Глаза никак не могли поверить в то, что произошло, и с ненавистью и тоской смотрели на молодого киммерийца. Вдруг огненный шар появился в том месте, где клинок Конана проткнул одежду мага. Шар прокатился по мечу и взорвался у самых рук Конана, отбросив его, словно камень из катапульты. Не успел он встать на ноги, тряся головой, чтобы привести себя в чувство, как Амон-Рама шагнул из зеркала в зал. Поверхность зеркала сначала выгнулась перед ним, а потом растаяла, как легкое облачко пара.

Черный маг не посмотрел на Конана. Он лишь дотронулся до меча, торчавшего из его груди, словно желая убедиться в его реальности. Неверными, шагами он направился к багровому Камню.

— Невозможно, — бормотал стигиец, — вся сила, вся воля могли быть моими. Должны были быть моими...

Его руки сомкнулись на горящим Камне. Долгий, казавшийся бесконечным вой вырвался из его горла; по сравнению с этим все звуки, которые он издавал до того, показались бы тихим шепотом. Сквозь его пальцы прорвалось алое пламя. Оно становилось все ярче и ярче. Казалось, что сам колдун постепенно окрашивается в этот алый цвет.

— Кром! — прошептал киммериец, глядя на это.

Кроваво-красный свет растекся по рукам и по всему телу Амона-Рамы; вот он уже превратился в кренящуюся статую из кровавого пламени, и вдруг его тело стекло на пол, превратившись в алую лужу, кипящую и пузырящуюся.

Ярко-красный пар поднимался в воздух и таял под потолком, пока наконец на полу не осталось ничего, кроме меча киммерийца. Исчезла и прозрачная опора Камня, оставив его висящим в воздухе.

Осторожно, бросив не один подозрительный взгляд на Камень, Конан поднял свое оружие. Рукоятка из акульей кожи обжигала пальцы, но сам меч казался невредимым. Конан быстро отскочил подальше от висящего Камня. Подумать только! Он чуть было не дотронулся до него, когда Амон-Рама затеял свою смертельную игру.

С громким звоном разлетелось на куски еще одно зеркало, и спутники Конана ввалились в зал.

— ...а я же говорил, что сработает... — оборвал сам себя на полуфразе Акиро.

— Слезящиеся глаза Раванны! — презрительно ответил Малак. — Ты утверждал, что ему везет. Какое уж тут везение. Просто этому стигийскому вонючке следовало бы подумать хорошенько, прежде чем связываться с Конаном и Малаком.

Акиро повернулся к киммерийцу:

— Тебе и вправду повезло. Но однажды везение оставит тебя, и что тогда?

— Ты видел? — спросил Конан, когда смог вымолвить хоть слово.

Акиро кивнул, а Зула вся передернулась.

— Эта обезьяна, — пробормотала она, оглядываясь, словно подозревая, что та просто где-то спряталась.

— Она исчезла, — сказал Конан. — Ладно, надо найти Дженну и этот проклятый Митрой Ключ и сваливать отсюда поскорее.

Словно бы произнесенное имя пробудило ее, Дженна появилась в зале из того же проема, из которого вышел Амон-Рама. За ее спиной осталась беспросветная темнота.

Она даже не взглянула ни на кого, а медленно пошла по направлению к неподвижно висящему Камню.

— Нет! — в один голос закричали Конан и Бомбатта, но прежде, чем они успели сделать хоть шаг, она протянула руку и взяла Камень в свою ладонь.

— Сердце Аримана, — тихо сказала она, глядя с улыбкой на кроваво-красный Камень, лежащий у нее на ладони. — Конан, это и есть Ключ.

— Что? Эта штука? — начал было Конан, но его вопрос был прерван резким толчком пола. Стены задрожали. Отовсюду послышались хруст и треск.

— Я должен был сообразить раньше, — взвыл Акиро. — Этот дворец построен волей Амона-Рамы, и теперь, с его смертью... Что вы стоите, вы разве не поняли? Бегите, бегите, или мы все последуем вслед за стигийцем! — Словно в подтверждение его слов, раздался новый удар в пол.

— К колодцу! — скомандовал Конан. Хотя мысль о таком заплыве, когда весь дворец мог рухнуть в воду в любую минуту, не улыбалась никому, даже самому киммерийцу.

Акиро тряхнул головой:

— Дайте мне попробовать сделать то, что я могу, когда ушло противостояние Амона-Рамы. — Он бросил многозначительный взгляд на Малака. — Смотри!

Его руки задвигались почти так, как они это делали тогда, когда Конан бросился спасать его от смерти на костре. И снова огненный шар стрелой сорвался с ладоней старика и влетел в хрустальную стену. На этот раз взрыва не было. Лишь часть стены рассыпалась на мелкие осколки, открыв рваную дыру размером с обычную дверь.

— Сюда, — сказал Акиро. — Ну, Малак, ты видел что-нибудь подобное?

Дворец снова задрожал, и уже безо всякого колдовства кусок потолка и одной из стен обрушился на пол, брызнув фонтаном осколков.

— Потом обсудим наши победы, — сказал Конан, хватая Дженну за руку.

Остальные, не мешкая, устремились за ним.

Они бежали вниз по коридорам и залам неземной красоты. Всякий раз, когда очередная стена преграждала им путь в том направлении, которое они для себя выбрали, Акиро пробивал еще одну дыру при помощи своих заклинаний. Удары по полу и стенам становились все чаще и чаще, пока не слились в один монотонный гул.

Рассыпался резной орнамент, сыпались осколки со стен, дважды громадные сверкающие плиты обрушивались за их спинами на пол.

Еще одно заклинание Акиро, еще один огненный шар — и они оказались на пристани. От дворца по озеру шли беспорядочные волны. Конан спихнул лодку в воду. На ее дне лежали доспехи Бомбатты.

Усадив в лодку Дженну, киммерийцу пришлось удерживать ее, сопротивляясь попытке Бомбатты отплыть раньше, чем в нее заберутся остальные.

Когда все оказались на своих местах, Конан схватил весло.

— Давай! — крикнул он Бомбатте, и тот, не говоря ни слова, вогнал весло в воду.

За ними хрустальный дворец играл всеми цветами сошедшей с ума радуги. От высоких шпилей сильные лучи били вверх, в небо.

— Быстрее, — торопил Акиро, оглядываясь через плечо. — Быстрее!

Он внимательно посмотрел на Конана и Бомбатту, надрывавшихся, работая веслами на пределе сил. Хмыкнув, он опустил в воду руки и забормотал заклинания. Перед носом лодки образовалась небольшая волна, которая повлекла суденышко быстрее, чем все усилия гребцов. Малак вслух пытался вымолить путь к спасению у всего знакомого ему пантеона добрых и злых богов и божков.

— Не слишком ли много колдовства? — буркнул Конан.

— Может быть, — ответил Акиро. — А ты бы предпочел подождать, пока дворец...

С невероятным грохотом хрустальный дворец осел и обрушился. Сначала в спину беглецам ударил мощный шквал ветра. Затем они увидели, что их нагоняет огромная волна. Стена воды подхватила и понесла их суденышко к дальнему берегу. Все, что мог сделать Конан, — это опустить весло в воду и стараться держать лодку прямо перпендикулярно волне. Повернись они чуть-чуть боком к ревущему потоку — и все пропало.

Пляж с черным песком приближался невероятно быстро и вдруг исчез под набежавшей волной. Сильный удар возвестил о том, что лодка вылетела на берег, выбросив при этом всех их в бурлящую воду. Конан смог встать на ноги, сопротивляясь попыткам воды вывести его из равновесия и утащить обратно в озеро. Дженну выбросило дальше, и, когда ее понесло обратно, киммерийцу удалось схватить ее за одежду и притянуть к себе. Она одной рукой обняла его за шею и так замерла, прижавшись к нему, когда схлынувшая вода оставила их на высоте четверти склона кратера.

— Ты цела? — спросил он девушку.

Она кивнула, а затем поднесла поближе руку, которой не обнимала его:

— Я даже не потеряла Ключ! — Багровый свет пробивался между ее пальцами.

Киммериец вздрогнул и не стал пытаться удержать ее, когда она шагнула в сторону. Из-под одежды она извлекла небольшой бархатный мешочек, в который и положила горящий Камень.

Конан тряхнул головой. Чем дальше продолжалось их путешествие, тем меньше ему нравилась вся эта затея. И на это бы-

ли свои причины. Конан, задумавшись, сжал в кулаке золотого дракона — амулет, подаренный Валерией.

Он был приятно удивлен, увидев, что все его спутники не только живы, но и способны стоять на ногах, хотя и получили немало синяков и ссадин и к тому же промокли до костей. Страх отогнал стреноженных лошадей, и теперь они, нервно всхрапывая, стояли выше на склоне. Лодка лежала внизу, у кромки воды, там, где еще недавно был их лагерь. От него мало что осталось: едва ли половина кожаных мешков для воды да одинокое одеяло, застрявшее в ветках кустарника.

На другом берегу единственным напоминанием о дворце оставалась огромная яма, с ревом заполняемая озерной водой. Акиро почти с сожалением и тоской глядел туда, тихо повторяя:

— И все — творение его воли! Это было потрясающе.

— Потрясающе? — Зула не верила собственным ушам. — Великолепно?

— Я бы хотела выбраться отсюда поскорее, — сказала Дженна. — Я теперь чувствую зов Сокровища, как раньше чувствовала Ключ.

При этих словах Бомбатта поспешил к ней, загораживая девушку от Зулы и Конана, словно главная опасность исходила от них.

Малак приложил руки к уху Конана и тихо, чтобы никто другой не разобрал его слов, сказал ему:

— Сокровище. Я не хуже колдунов понимаю в этом толк. Надеюсь, что на этот раз наши и их интересы не пересекутся. То, что не понадобится этой дворцовой кукле, вполне можем оприходовать мы с тобой, а? Скоро вернемся в Шадизар и заживем — как кум королю.

— Скоро, скоро, — согласился Конан.

Его глаза беспокойно поглядывали на Дженну, а рука так сжала амулет, что золотой дракон словно впечатался в ладонь.

— Уже скоро.

Глава 14

Конану начинало казаться, что лекарства Акиро были хуже, чем раны, которые они были призваны лечить... Их маленький караван продолжал путь на юг. Над ними по-прежнему нависали серые горы. Их склоны были изрезаны узкими ущельями, удобными для нападения. В густом кустарнике можно было нарваться на засаду, но Конан не мог сосредоточиться ни на чем, кроме своих повязок, закрывавших раны, оставленные когтями чудовищной обезьяны. Наложенная под повязкой мазь жгла как огонь. Конан судорожно потянулся к льняному полотну, обмотанному вокруг его груди.

— Не делай этого, — остановила его Дженна, — Акиро сказал, что не следует беспокоить раны.

— Это все чушь, — возразил Конан. — Такие царапины я получал и раньше. Промыть их и оставить открытыми. Вот я все, чем я лечился всю жизнь.

— Это не царапины, — твердо сказала она.

— Да еще, эта вонь...

— Это же приятный аромат целебных трав. Я начинаю удивляться, как ты вообще умудряешься как-то обходиться без посторонней помощи. Я тебе повторяю: оставь свои повязки в покое. Акиро говорит, что эта мазь вылечит целиком все раны за два дня. Конечно, не очень-то верится, но он еще попросил, чтобы я не спускала с тебя глаз, чем я и занимаюсь.

Конан обернулся, чтобы посмотреть в глаза старому колдуну. Тот с показным равнодушием встретил его взгляд. Малак и Зула, похоже, и вовсе были рады левому развлечению и внимательно слушали диалог Конана и Дженны. Бомбатта казался погруженным в свои мысли, но по его глазам было видно, что он не заплакал бы, окажись раны, нанесенные колдовской обезьяной, смертельными.

— Должна сказать, что ты не выглядишь благодарным Акиро за то, что он так старается сделать для тебя. А ты...

— О, великий Митра, — взмолился Конан и довольно грубо поинтересовался: — Слушай, девочка, может, ты займешься чем-нибудь другим?

Лицо Дженны помрачнело, глаза погасли, и Конан понял, что погорячился.

— Прости меня, — коротко сказала она и попридержала лошадь, чтобы поотстать от киммерийца.

Ее место тут же занял Малак. Конан повернулся к приятелю и сказал:

— Иногда мне кажется, что эта девчонка мне куда больше нравилась, когда шарахалась от собственной тени.

— А мне вообще нравятся только такие, которых можно полапать самому... — маленький вор осекся, заметив холодный взгляд Конана. — Слушай, я ведь не о девчонке хотел поговорить. Ты соображаешь, где мы едем?

— Думаю, да.

— Тогда почему мы не свернем куда-нибудь? Еще немного, и мы вплотную подберемся к деревне, где встретили Зулу. Не думаю, что ее жители обрадуются, увидев нас снова. Нам просто везет, что нас до сих пор не встретили градом стрел из кустов.

— Да знаю я, — сказал Конан.

Он посмотрел на Дженну. Она ехала опустив голову и закрыв лицо капюшоном. Она явно была очень расстроена.

— Мы должны ехать дальше, опять через деревню? — крикнул он ей.

Дженна выпрямилась, отчаянно пытаясь собраться с мыслями.

— Что? Какая деревня? — она осмотрелась и показала на восток, в узкое ущелье между двумя покрытыми снегом вершинами. — Нам туда.

— Хоть всем богам молись с этой красавицей, — вздохнул Малак.

В этот момент из зарослей им навстречу вылетел целый эскадрон — человек сорок — коринфийских кавалеристов, сверкающих лезвиями мечей.

Конан не стал тратить время на проклятия, да если бы и захотел — не успел бы. Его меч едва успел взлететь в воздух, чтобы отразить удар клинка коринфийца, вознамерившегося проломить Конану череп. Одновременно, высвободив ногу из стре-

мени, Конан ударом сапога выбил другого нападающего из седла. Мгновение спустя удар меча перерезал горло первому противнику. Конан успел заметить Малака, подпрыгнувшего под меч коринфийца и вонзающего ему кинжал под полированную грудную пластину доспехов. В этот миг еще один всадник налетел на киммерийца.

— Конан! — отчаянный крик донесся до него даже сквозь общий гвалт. — Конан!

Конан бросил взгляд в том направлении, откуда шел звук; от увиденного у него перехватило дыхание. Смеющийся солдат схватил Дженну за волосы, и только то, что она судорожно ухватилась за седло, спасло ее от падения под копыта.

Один лишь взгляд, но когда Конан повернулся вновь к своему противнику, тот содрогнулся, увидев в сапфировых глазах свою смерть. Он по-прежнему крепко держал в тренированных руках свой меч, но уже ничего не мог противопоставить ярости северянина, сошедшегося с ним в поединке. Трижды скрестились их мечи, а затем Конан повернул коня, оставив окровавленное тело на камнях долины.

Киммериец бросил коня галопом в сторону, где Дженна продолжала кричать, держась одной рукой мертвой хваткой за седло, а второй пытаясь вырвать волосы из сжимавшего их кулака или хотя бы ослабить боль. Коринфиец откинул голову назад, заливаясь смехом.

— Эрлик тебя подери, собака! — проорал Конан, привстав на стременах, чтобы вложить в удар всю силу и вес своего массивного тела.

Его злость была так велика, что он даже не заметил, как клинок перерубил шею коринфийца. Голова солдата оторвалась от плеч и с последней гримасой смеха на губах отлетела под копыта лошадей. Кровь фонтаном забила из обезглавленного туловища, некоторое время еще простоявшего прямо в седле, а затем рухнувшего вслед за головой. Пальцы, вцепившиеся в волосы Дженны, чуть не утащили ее вслед за мертвым телом, пока не ослабили свою последнюю хватку. Девушка почти легла на шею лошади, глядя безумными, вытаращенными глазами на обезглавленное тело рядом с ногами ее лошади.

Не больше секунды потребовалось Конану, чтобы оценить ситуацию на поле боя. Малак, верхом на коринфийской лоша-

ди, уже тянулся к крупу другой, хватая ее наездника за красный плюмаж на шлеме. Миг — и по открытой шее коринфийца полоснул отточенный кинжал шадизарского вора. Вспышки и гулкие удары сопровождали судорожные метания Акиро по долине, Стоило ему остановиться, чтобы начать заклинания и магические движения руками, как кто-нибудь из нападавших подлетал к нему с диким воплем, занося оружие. Акиро встречал их вспышками и громоподобными раскатами, которые, однако, не наносили никому вреда. С каждым разом у старика оставалась все меньше времени, чтобы в перерывах между нападениями сосредоточиться и преподнести коринфийцам более действенные доказательства магической силы. Зула и Бомбатта пытались держаться рядом с Дженной, но мощи сверкающей сабли и со свистом рассекающего воздух, шеста едва хватала, чтобы просто сдержать натиск наседавших коринфийцев и отражать град их ударов.

Казалось, что число уже погибших коринфийцев должно было остановить их товарищей. Слишком высокую цену приходилось платить за победу над этой странной компанией. Но, эскадрон уже вошел в раж битвы, а кроме того — и Конан уже имел возможности убедиться в этом в своих странствиях, — умирать храбро и глупо там, где была возможность избежать этого, было одной из характерных традиций воинов из коринфийских городов.

— Уходим врассыпную! — крикнул Конан.

Два всадника бросились на него одновременно. Широкий меч описал круг, отхватав занесенную для удара руку по локоть и глубоко вонзаясь в плечо второго противника.

— Уходим! Их слишком много. Уходим!

Схватив поводья лошади Дженны, Конан направил своего коня галопом в сторону ущелья, куда Дженна собиралась повернуть их маленький отряд.

Три коринфийца бросились наперерез беглецам. Удивленные ухмылки пробежали по их лицам, когда они увидели, что Конан не собирается сворачивать, а несется прямо на них.

Удивление сменилось смятением, когда тяжелый, крупный конь киммерийца ударом корпуса сбил с ног небольшую коринфийскую кобылу, вдавив копытами в каменистую землю ее всадника.

Ошеломленные, двое оставшихся помышляли уже не столь-

ко о нападении, сколько о защите. Даже связанный необходимостью удерживать лошадь Дженны, Конан быстро напомнил им о том, что лучшая защита — это нападение. Свой путь к указанному Дженной ущелью он продолжил, оставив позади еще два трупа и одного стонущего на земле противника.

Он не позволил себе даже обернуться назад. А что если, оглянувшись, он увидит, что кто-то из друзей нуждается в срочной помощи? Броситься на выручку? Он не имел на это права.

Дженна. Ее нужно довести до Сокровища, затем — вернуться с ней в Шадизар. Ради Валерии. Да и если бы не эта история с оживлением Валерии, Конан уже понял, что все равно не покинул бы девушку.

Все, что ее ждет, — это упасть с перерезанным горлом или повиснуть перекинутой через седло любого из коринфийцев, решившего отвлечься от неравного боя ради такой соблазнительной пленницы.

Сжав зубы до боли, он поскакал вперед, увлекая за собой Дженну и стараясь не слышать звуков боя, доносившихся из-за спины.

Глава 15

Серо-жемчужные тени гор уже скрестились над ущельями, когда Конан наконец натянул поводья. Конечно, он не гнал лошадей галопом все это время — такой скачки животные не вынесли бы и на равнине, не то что в этом нагромождении скал, череде подъемов и спусков, — но ни один конь не может скакать бесконечно, даже на умеренной скорости. А кроме того, киммериец хотел присмотреть подходящее для ночлега место до того, как совсем стемнеет.

Он обернулся к Дженне, чтобы выяснить, как она пережила все это. Щеки девушки были покрыты слоем пыли, прорезанной следами скатившихся слез. Она была погружена в такое же молчание, каким встречала все его вопросы в начале путешествия. Вцепившись обеими руками в седло, она изъявила не больше желания взять поводья, чем во время всей их бешеной скачки.

Видя, что на все его вопросы и замечания она отвечает, лишь утвердительно или отрицательно кивая головой, он был вынужден признать, что его грубость в последние несколько часов тоже сыграла в этом свою роль. Казалось, что единственным ее занятием оставалось молча смотреть на него. Это заставляло Конана беспокоиться — не повредилась ли она в уме, побывав впервые в жизни в самой заварухе боя.

— Ну, ты как, в порядке? — довольно грубо спросил он ее. — Ну? Скажи ты хоть что-нибудь!

— Ты... ты был страшен, — тихо сказала она. — Они с таким же успехом могли размахивать не мечами, а прутьями.

— Пойми, то, что ты видела, — это поединок рыцарей, а не игра, в которую ты все еще пытаешься играть, не замечая ничего вокруг.

Сам удивляясь охватившему его раздражению, он предпочел переключиться на поиски места для ночлега.

— Просто я никогда раньше не видела ничего подобного. То, что произошло с Зулой в деревне, бой у дома Акиро — все это было как-то по-другому. Это почти не касалось меня. Я смотрела на все как на какое-то представление, как на жонглеров или дрессированных медведей.

Конан не смог удержаться, чтобы не пробурчать в ответ:

— В этих спектаклях погибли живые люди. Конечно, для нас лучше, что погибли они, а не мы, но суть дела это не меняет. Никто не погибает ради удовольствия или неудовольствия зрителей.

Наконец он заметил симпатичное местечко — небольшую площадку, почти окруженную десятками валунов ростом выше, чем всадник на лошади. Натянув поводья, он повернул коня к приглянувшемуся месту.

— Я не хотела тебя обидеть, Конан.

— А что, я похож на обиженного? — резко возразил он.

Он провел ее лошадь в узкий проход между камнями. Туда, где на прикрытом со всех сторон пятачке смогли разместиться и они сами и их лошади. Валуны прикроют их от холодного горного ветра и, что самое главное, — от взглядов тех, кто может вознамериться искать беглецов. Спешившись сам, Конан помог Дженне слезть с седла и усадил ее, занявшись расседлыванием лошадей.

— Разведи костер, — попросила она, кутаясь в плащ, — мне холодно.

— Никаких костров!

Даже если бы в этом каменном мешке и было чему гореть, он все равно не стал бы рисковать, раскрывая их тайное пристанище.

— Вот, держи, — сказал он, протягивая девушке конские подседельные попоны.

— Но они так пахнут, — поморщилась Дженна, но прежде, чем он успел что-то сказать, она накинула грязные истертые полотна поверх плаща, не переставая, однако, шмыгать носом.

К седлу Конана был привязан мешок с сухим мясом. Этого хватило бы на несколько дней. Вода, однако, могла стать проблемой. Единственный бурдюк был наполовину пуст.

— Как ты думаешь, а им удалось выбраться? — неожиданно спросила Дженна. — Бомбатте, Зуле и всем остальным?

— Может быть.

Конан резким движением сорвал повязку с головы и принялся за ту, что прикрывала рану на груди.

— Нет! — воскликнула Дженна. — Не трогай их. Акиро сказал...

— Акиро и остальные, может быть, уже мертвы. И во многом по моей вине.

Конан стер повязками слой мази, закрывавший раны. К его удивлению, от них остались лишь тонкие розовые полоски, словно после долгих недель лечения.

— Я слишком увлекся своими ранами, жжением и запахом от повязок. Если бы не это, коринфийцам ни за что не удалось бы застать нас врасплох.

Он с тяжелым вздохом отбросил в сторону грязные тряпки повязок.

— Ты не виноват, скорее уж я. Это ведь я приставала к тебе, как ребенок, и дулась на тебя, вместо того, чтобы вовремя указывать путь. Если бы не это, мы свернули бы раньше, чем они напали на нас.

Конан потряс головой:

— Это глупости, Дженна. В том ущелье ты смогла бы увидеть нужный путь лишь на несколько мгновений раньше. Коринфийцы все равно напали бы на нас, только увидев, что мы поворачиваем.

Он приступил к ужину, оторвав кусок вяленой баранины, по жесткости не уступавшей плохо выделанной коже, да и по вкусу мало чем отличающейся от нее. Дженна задумчиво хмурилась.

— Ну, положим, от меня ждать большего было нельзя. Но ты — ведь твой взгляд может проникнуть сквозь стены и за углы, ты видишь и чувствуешь любую опасность. Я и представить себе не могла, что буду путешествовать в сопровождении двух волшебников. Слушай, а почему ты не хотел с самого начала приделать всем нам крылья и в один миг добраться до цели?

Конан чуть не подавился куском мяса. Восстановив дыхание, он исподлобья посмотрел на нее, но лицо Дженны, как всегда, выражало лишь полную невинность. Неужели она и впрямь верила в то, что говорила, верила, что он... Ну нет, он еще не полный дурак, чтобы не почувствовать насмешки. Конан уже открыл рот, чтобы огрызнуться, но понял, что любой ответ лишь усугубит его дурацкое положение.

— Ешь, — сказал он сурово, бросая к ее ногам кусок вяленого мяса.

Дженна аккуратно взяла его и принялась жевать. Киммерийцу показалось, что уголки ее губ растянулись в тщательно скрываемой улыбке. Этого еще не хватало, недовольно подумал он.

Сиренево-голубые сумерки спустились над горами.

Дженна, закончив скромный ужин, стала подыскивать местечко поудобнее, чтобы лечь спать. Она раскладывала попоны и одеяла то так, то эдак на жестких камнях и вдруг жалобно попросила:

— Мне холодно. Сделай что-нибудь.

— Костра не будет. У тебя есть чем укрыться.

— Тогда забирайся ко мне под одеяло. Если ты не позволяешь мне согреться у огня, будь любезен согреть меня сам.

Конан уставился на нее. Нет, подумал он, надо же быть таким ребенком.

— Я не могу. Это... ну, в общем, я не буду.

— Но почему нет? Тетя зачем тебя послала? Я тут околеваю от холода, а ему и в голову не придет спасти меня от таких мучений.

Конан застонал и засмеялся одновременно. Послали козла сторожить капусту. Ему даже пришлось встряхнуться, чтобы отогнать ненужные мысли.

— Подумай, Дженна. Тебе следовало бы поостеречься Тарамис, когда ты вернешься в Шадизар.

— Бояться тети? С чего бы это?

— Я не знаю истинной причины, — тихо сказал он, — но короли и королевы, принцы и принцессы — они думают не так, как остальные люди. И совсем по-другому понимают, что такое добро и что такое зло.

— Тебя беспокоит мой сон? Бомбатта был прав. В этом кратере и не такое приснится. А тетя любит меня. Она вырастила меня, заменив отца и мать.

— Может, оно и так, Дженна. Но если вдруг когда-нибудь тебе понадобится моя помощь, передай с кем-нибудь пару слов в таверну Абулетеса в Шадизаре. Я приду. И уж мне точно удастся найти для тебя безопасное место.

— Я так и сделаю, — ответила она, хотя было видно, что ей и в голову не могла прийти мысль, что это может понадобить-

ся. — Но я так и не согрелась, — тянула она свое и даже приподняла край одеяла.

Еще несколько мгновений киммериец колебался. Наконец, бурча что-то про то, что и вправду похолодало, что нет ничего страшного в том, чтобы согреть друг друга, снял пояс с мечом и устроился рядом с девушкой. Она натянула ему на плечи не только пропахшие конским потом попоны, но и часть своего плаща. Пока он поправлял одеяла, Дженна прижалась к нему. Инстинктивно Конан обнял ее. Его ладонь легла на изгиб ее бедра и отскочила как ошпаренная, судорожно пометалась вдоль тела и наконец успокоилась на талии девушки.

— Так даже теплее, чем я предполагал, — пробормотал он, вытирая пот со лба. — Лучше, наверное, отодвинуться чуть-чуть.

«Да не железный же я, — подумал он, — и сколько еще выдержки могут требовать боги от мужчины из плоти и крови».

Дженна еще плотнее придвинулась к нему и дотронулась пальцем до золотого амулета:

— Расскажи мне о Валерии.

Конан удивленно хмыкнул. Дженна подняла глаза:

— Я ведь не глухая. Я слышу твои разговоры с Малаком, да и с Акиро. Скажи, какой женщиной она была?

— Какой? Она была единственной из тысяч тысяч других. Наверное, таких больше нет. Воин, друг, боевой товарищ, спутник в путешествиях...

— И любовница? — добавила она к его перечислению. Конан хотел что-то ответить, но она поспешила опередить его: — А в твоем сердце остался хоть уголок для другой женщины?

Конан думал, как описать ей их отношения с Валерией. Как она бросалась к нему в постель со страстью тигрицы и как через несколько часов с не меньшей яростью могла закатить ему оплеуху, если он чересчур явно заглядывался на какую-нибудь трактирную девчонку.

— Понимаешь, — начал он осторожно, — между мужчиной и женщиной есть такие отношения, о которых ты ничего не знаешь и поэтому не сможешь правильно...

— Много ты понимаешь, — Дженна попыталась изобразить уверенность в голосе. — Мы с Зулой хорошенько обсудили разные способы... это... вот, чтобы заарканить мужика.

Конан рассмеялся, но вдруг почувствовал, что она взяла его

руку и опустила ее под расстегнутое платье. Он невольно обнял ладонью маленькую грудь.

— Слушай, ты сама не понимаешь, что делаешь, — хрипло прошептал он.

Не успел он договорить, как она резко навалилась на него всем телом. От неожиданности он перевернулся на спину, и она оказалась на нем, все крепче прижимаясь к его груди.

— Тогда научи меня, — прошептала она, и ее сладкие губы выкинули из его головы весь здравый смысл.

* * *

Холодный ночной ветер хлестал Шадизар, словно жесткая метла, старающаяся вымести из города всю его явную и скрытую грязь.

Тарамис приняла этот ветер как предзнаменование. Знак ухода старого и прихода нового рассвета. Ее платье — золото на небесно-голубом — тоже означало неизбежный приход нового дня, новой эпохи.

Темные глаза обежали большой внутренний двор, вымощенный большими полированными плитами светлого мрамора и окруженный алебастровой колоннадой. Выходившие во двор балконы были пусты; ни единого огонька не мигало в темных окнах. Страже было строго приказано не подпускать никого близко ко двору.

Окруженная свитой жрецов, она смотрела на спящую фигуру Дагота — прекраснейшего из мужчин. Жрецы новой веры, возрожденной из тьмы веков, были одеты в золоченые мантии, спадавшие до пят.

Голову каждого венчала корона с выгравированным на лбу широко открытым глазом — символом бодрствования служителей Спящего Бога.

Самая высокая корона венчала того, кто стоял рядом с принцессой, сжимая в руке длинный жезл с алмазом на конце, вставленным в оправу в форме глаза. Это был Ксантерес — Верховный жрец. И действительно, он был выше всех остальных — не считая, конечно, Тарамис.

— Настала третья ночь! — неожиданно произнесла она торжественным голосом.

Круг жрецов откликнулся эхом:

— Третья ночь до Ночи Пробуждения.

— Благословенна будь Ночь Пробуждения, — пропел верховный жрец.

— Спящий Бог никогда не умрет! — воззвала принцесса, и ответ жрецов эхом вернулся к ней:

— Там, где есть вера, — нет места смерти!

— Пусть прольется на нашего Бога то, что должно пролиться в эту ночь.

— Славься та, кто окропит Спящего Бога, — нараспев ответил хор жрецов.

Негромко зазвучали свирели, сначала медленно, а затем все быстрее и громче. Еще двое жрецов с коронами на головах появились из колоннады. Между ними шла девушка; ее толстые косы были аккуратно уложены вокруг головы, платье сияло снежной белизной. Введя ее в круг, жрецы сняли с нее одежду, и, не стыдясь своей наготы, девушка шагнула вперед, к изголовью ложа Дагота. Тарамис и Ксантерес подошли и встали по обе стороны от нее.

— Ания! — позвала ее Тарамис; девушка с усилием отвела взгляд от лежащей фигуры. — Ты первая, избранная Спящим Богом за твою непорочность.

— Я не достойна такой чести, — прошептала она.

— При рождении ты была отмечена Спящим Богом. Служишь ли ты ему и по сей день добровольно?

Тарамис знала ответ еще до того, как искры экстаза запрыгали в глазах девушки. Жестокая принцесса долго и хорошо готовилась сама и готовила других к этому действу.

— Я, недостойная, молю о разрешении служить ему.

Свирели залились громкими трелями.

— О Великий Дагот, — крикнула Тарамис, — прими наше подношение. Прими первое помазание перед Ночью Твоего Возвращения.

Ни один мускул не дрогнул на лице Ксантереса, когда его пальцы, вцепившись в волосы Ании, резко наклонили ее над головой алебастровой фигуры. Еще одно движение — и ее голова запрокинулась к небу, оставив открытым незащищенное горло. Из складок мантии появился позолоченный кинжал; он блеснул в воздухе — и вот уже алый фонтан брызнул на лицо Спящего Бога.

— О Великий Дагот! Твои слуги приносят тебе первую жертву! — воскликнула Тарамис.

Хор жрецов вторил ей.

Тарамие рухнула на колени и в поклоне опустила к Мраморному полу голову. Ее молитва взлетела к ночному небу:

— О Великий Дагот! Твои слуги ждут Ночи Твоего Пришествия. Я жду Ночи Твоего Пришествия.

Усиленная хором жрецов молитва вновь и вновь отражалась от дворцовых стен:

— О Великий Дагот! Твои слуги ждут Ночи Твоего Пришествия!

Тело Ании вздрогнуло в последний раз и затихло там, где она упала, всеми забытая в луже уже остывшей крови на розовом мраморе пола.

Глава 16

Каменистым было дно ущелья, по которому двигался конь Конана. Каменным было и выражение лица его седока.

Конан старался занять все свои мысли лишь только наблюдением за дорогой, не позволяя себе отвлекаться ни на что другое.

— Ну, поехали же быстрей, — время от времени восклицала Дженна. — Я же знаю дорогу, поехали быстрее!

Он подождал, пока лошади перебрались через каменную гряду, отделявшую их от склона другого ущелья, и только тогда ответил:

— Я могу за два дня довести тебя до Шадизара. За один день — если мы до смерти загоним лошадей...

Он замолчал, в который раз, подсчитывая оставшиеся дни и ночи. Теперь многое зависело от того, сколько еще смогут продержаться их кони и как быстро они смогут скакать.

— Я решил вернуться.

— Но мое предназначение!..

— В твое предназначение не входит погибнуть в этих горах. Я доставлю тебя во дворец твоей тети.

— Ты не посмеешь препятствовать моему предназначению!

— Да пошло оно, твое предназначение...

Дженна подогнала лошадь и поравнялась с ним.

— А Валерия? Да, это я тоже слышала, и я знаю, что за награду тебе обещала тетя.

Титаническим усилием Конану удалось сохранить бесстрастное выражение на лице. Да, долг должен быть отплачен. Отплачен любой ценой. Но платить должен и может только он, но не Дженна.

— Я могу защитить тебя по дороге. Но не в том случае, если мы сами будем нарываться на неприятности. Неужели ты думаешь, что твое Сокровище будет лежать просто так, на блюдечке.

— Валерия...

— Она не просила меня обменять твою жизнь на ее. А теперь замолчи и поезжай за мной.

Некоторое время она и вправду ехала молча, лишь про себя всхлипывая и беззвучно шевеля губами. Занятый своими мыслями, Конан даже не заметил ее расстройства и раздражения.

Неожиданно она снова взмолилась:

— Это где-то здесь. Я чувствую, Конан. Пожалуйста, сверни туда. Я прошу тебя!

Сам того не желая, он обернулся туда, куда указывала Дженна. Не самая высокая из окружающих гор. Такие же серые склоны. Но у подножия рассыпались гигантским ковром изломанные скалы — каменные столбы и шпили. Лабиринт, — вспомнил Конан, как называла их путешествие Дженна. Это был настоящий лабиринт. В его закоулках можно было спрятать целую армию. Нет, это не место для девчонки, даже если там и находится столь нужное для Тарамис Сокровище. Киммериец решил обогнуть гору с юга. Он не сказал Дженне ни единого слова.

— Конан!

Он закрыл уши руками, не желая слышать.

— Конан!

Вдруг до его сознания дошло, что уже не Дженна, а кто-то другой окликает его. Рука сжала рукоять меча: то, что звавший знал его по имени, еще ни о чем не говорило. Вдруг из-за бугра вылетела низкорослая лошаденка, оседланная на коринфийский манер. Верхом на ней восседал маленький, худенький черноглазый человек.

Рот Конана растянулся до ушей:

— Малак! А я думал, что ты...

— Еще не хватало. Я слишком красив, чтобы умереть.

По пятам за Малаком скакали остальные: Бомбатта, Зула и Акиро, трясущийся в седле и что-то бормочущий про старые кости. Чернокожая женщина сразу метнулась к Дженне, и обе застыли, уткнувшись лицом друг другу в плечи.

— А как же коринфийцы? — спросил Конан. — И как вы нашли нас?

Акиро открыл было рот, но Малак поспешил вмешаться в разговор:

— Когда они увидели, как ты рванул в ущелье, чуть не половина этих ребят двинулись следом, на скаку решая, кому первому достанется девчонка. Ну, что вы на меня уставились? Видит Митра, это они сказали, а не я! В общем, их стало поменьше, и у Акиро появился шанс заняться любимым делом. Давай, расскажи им, что ты такое сотворил.

Акиро снова попытался что-то сказать, и снова Малак перебил его, залившись звонким смехом:

— Он напустил на них тигра. Размером эта киска была со слона. Ты бы видел, что стало с их лошадьми! Ладно, Акиро, рассказывай дальше...

— Это была лишь слабая иллюзия, — осторожно начал Акиро, все поглядывая на Малака, видимо, опасаясь, что тот снова перебьет его. — Все-таки времени было совсем мало, да и условия — не те. Это был лишь зрительный обман, правда — с запахом тигра. Он и двигаться-то не мог. Но, к счастью, их лошади об этом не знали. Они словно взбесились от ужаса. Наши, впрочем, тоже. Но как бы то ни было, это дало нам возможность смыться. Правда, без запасной кобылы, но зато с целыми шкурами.

Слишком много колдовства в этом путешествии, снова подумал Конан, но, честно говоря, он ничего не имел против, когда оно спасало жизнь его друзей.

— Отлично, что вы нашли нас. Мы вместе влезли в эти горы и вместе должны выбраться отсюда. Нет, нам просто повезло, что мы встретились.

Малак уже раскрыл рот, но осекся под колючим взглядом Акиро.

— Тут нет никакого везения. Вот, смотри, — он протянул Конану кожаный шнурок с маленьким, покрытым резьбой камнем на конце. Легким движением Акиро пустил камень по кругу, но круг тотчас превратился в овал, а затем камень маятником закачался по прямой линии, соединяющей Конана и колдуна.

Киммериец невольно задержал дыхание:

— Не люблю я, когда такие штучки связаны со мной.

— Не с тобой, а с амулетом. Найти такую штуку легче, чем живого человека. Другое дело, если бы у меня был твой волос или хотя бы лоскуток твоей одежды. Мы бы нашли тебя еще быстрее.

— Кром! — выпалил Конан.

Еще не хватало, чтобы кто-нибудь из колдунов, пусть даже и дружелюбный пока что Акиро, заполучил себе его волос.

Воспользовавшись молчанием Конана, Акиро продолжил:

— А так, настроившись на неживой предмет, мы потратили уйму времени, чтобы точнее определить направление. Это похоже на поиск выхода в темноте в незнакомом доме.

— А Бомбатта, тот и вовсе не хотел ждать, пока мы разберемся с этой штукой, — не удержавшись, влез в разговор Малак. — Он сказал, что не доверяет колдунам...

Тут он снова осекся и опасливо поглядел на Акиро.

— Все в порядке, Малак, — успокоил его Акиро. — Я уже почти закончил.

Все это время Бомбатта, не слезая с коня, переводил взгляд с Конана на Дженну и обратно. Наконец он громогласно произнес:

— Он не причинил тебе вреда, дитя?

Дженна вздрогнула и прервала разговор с Зулой.

— Что? О чем ты, Бомбатта? Конан защищает меня так же, как и ты.

Ее ответ, похоже, не удовлетворил воина в черных доспехах. Его лицо потемнело, шрамы резче выступили на коже. Он, поколебавшись, повернулся к Акиро и спросил его:

— Эй, колдун, я должен знать правду. Скажи, невинна ли она по-прежнему?

— Бомбатта! — охнула Дженна, а Зула, стоя рядом с нею, выпалила:

— Это не тот вопрос, на который нужно отвечать тому наглецу, который посмел задать его.

— Скажи правду, колдун, — настаивал Бомбатта, — наша жизнь и многое другое, о чем ты даже не можешь подозревать, зависит от этого.

Акиро разомкнул губы и утвердительно кивнул.

— Она невинна. Я это ощущаю так сильно, что только удивляюсь вам, не чувствующим этого.

Подождав, когда Бомбатта, облегченно вздохнув, отойдет, Акиро наклонился к Конану и сказал:

— Я уже говорил, что здесь все дело в душе, а не в плоти.

Конан покраснел, а затем покраснел еще сильнее, осознав, что краснеет.

— Ну ты, соглядатай. Только не надо пробовать на мне свое ясновидение. Надеюсь, ты ночью не подглядывал?

— Вспомни тот флакон, который я дал тебе. Выпей его содержимое — и скачи отсюда. Бери девчонку, если хочешь, — и вперед. Я не сомневаюсь, что она за тобой хоть на край света... в крайнем случае, через пару таких ночей. А здесь тебе больше нечего ждать. Разве что новых ран. Только учти, раны души куда труднее залечить, чем раны на теле.

Рука Конана нащупала в поясном мешочке каменный флакон. Валерия... Неоплаченный долг...

Голос Дженны словно разбудил его:

— ...и он говорил мне, что не поедет туда со мной. Но нам надо именно туда. Я знаю...

Бомбатта с презрительной усмешкой повернулся к киммерийцу:

— Эй ты, вор, забыл свою ненаглядную Валерию? Может, коринфийцы вытряхнули из тебя последнее мужество? Да и было ли оно у тебя...

Глаза Конана блеснули таким холодом, что Бомбатта оборвал фразу на полуслове. Его пальцы снова сжали саблю так, что казалось, рукоятка рассыплется в пыль в кулаке. Конан же даже не прикоснулся к своему оружию.

Спокойствие, повторял он про себя. Человек, лишенный терпения, не протянул бы долго в его родной Киммерии.

Время еще не пришло. Свои счеты они сведут позднее. Когда он заговорил, его голос был холоден и спокоен:

— Я не поведу ее туда, куда она хочет, один, без еще нескольких пар внимательных глаз и еще нескольких острых клинков. Теперь они у нас есть. Давай-ка не будем тянуть время. Нам обоим позарез нужно вернуться в Шадизар завтра ночью. И у нас есть одно дело, которое нужно будет утрясти по возвращении.

— Я жду не дождусь, когда мы сможем взяться за это дело, — прохрипел Бомбатта.

— А я уже решаю, чем заняться после, — сказал Конан, встряхивая поводьями.

Глава 17

Им пришлось потратить почти полдня, чтобы добраться до чудовищных ломаных каменных пальцев. Вблизи эти громады показались Конану не более привлекательными, чем издали. Каменные стены все теснее обступали их, и вот уже путники вынуждены были двигаться цепочкой, по одному. Сотни миниатюрных каньонов и ущелий переплелись в огромной каменной паутине. Иногда по дюжине узких проходов открывалось на выбор перед ними (причем один хуже другого для продолжения движения и для копыт лошадей) за очередным поворотом.

— Направо, — слышался голос Дженны из-за плеча Конана. — Еще правее. Нет, не этот. Вот тот, туда! Я чувствую, оно уже так близко! Мы бы двигались вдвое быстрее, если бы вы пустили меня вперед.

— Нет! — рявкнул Бомбатта.

Конан промолчал, обшаривая глазами три коридора, открывшиеся перед ним и ведущие в разные стороны этого лабиринта. Уже не в первый раз Дженна просилась вперед, и он давно устал объяснять ей всю опасность такого решения. Бомбатта же не только опасался за девушку, но и очень не хотел оставлять ее рядом с Конаном, не говоря уж о том, чтобы киммериец оказался между ним и ею. Впрочем, Конану сейчас было не до рассуждений на эти темы.

— Почему мы стоим? — раздался возглас Дженны. — Сюда, нам нужно сюда, — она показала на центральный коридор.

— Здесь слишком узко для лошадей, — сказал Конан, слезая со своего коня и с трудом пробираясь между его боком и каменной стеной. — Придется оставить их здесь.

Ему совсем не нравилась эта идея. А вдруг с лошадьми что-нибудь случится? Без них им как своих ушей не видать Шадизара вовремя. Его спутники тоже спешились и, связав передние ноги своих коней, пробрались к Конану.

— Малак, — сказал он, — я думаю, тебе лучше остаться с лошадьми.

Тот огляделся, окинув взглядом вздымавшиеся вокруг каменные стены, и поежился.

— Остаться здесь? Лук Сигина! Конан, я-то думал, что нам не стоит разделять наши силы, что мы будем держаться все вместе. Да здесь и вздохнуть-то нечем!

Собравшись уже ответить порезче, Конан вдруг задумался. Он ведь и сам изрядно мучился в этих каменных щелях. Ему тоже казалось, что эти громады закрывают доступ воздуху. Он внимательно посмотрел на лица своих спутников. Дженна — вся нетерпение, Зула — ожидание; ожидание нападения в любой момент и с любой стороны. Бомбатта, по обыкновению, хмурился и что-то недовольно бурчал. Акиро, тоже как обычно, задумался о чем-то. Может, это удушье — только плод его воображения?

— Хорошо, остаемся все вместе.

Конан вынул из ножен меч и кинжал.

— Так я буду отмечать наш путь, — сказал он, процарапав стрелу на стене коридора, — тогда будет легче найти лошадей. И держитесь поближе друг к другу.

К радости сгорающей от нетерпения Дженны, Конан двинулся вперед, хотя и не так быстро, как ей бы хотелось. Через каждые десять шагов он чертил на камнях очередную стрелу. Если случится самое страшное, думал он, то даже одна Дженна сможет найти лошадей. Даже, одна она будет иметь возможность спастись.

Подчас коридор был настолько узок, что даже Зула или Дженна не могли свободно пройти между стенами; остальным же приходилось протискиваться, царапая плечи, спины и бока. Но как бы трудно ни было продвижение, меч Конана всегда был наготове, так же как и кинжал, не менее полезный, случись какая-нибудь заварушка в этой тесноте.

Чем дальше они углублялись в этот лабиринт, тем сильнее он ощущал нависшую опасность. Что-то висело в воздухе, исходило от серых камней; что-то зловещее, недоступное ни зрению, ни слуху, ни обонянию, но ощущаемое какими-то древними, первобытными инстинктами.

Конан обернулся, чтобы посмотреть на остальных.

На всех лицах было написано то же чувство. На всех, кроме лица Дженны.

— Почему мы идем так медленно? — вновь и вновь спрашивала девушка. Она попыталась обойти киммерийца, но тщетно — ширины прохода едва хватало для его крепкого тела. — Мы ведь уже почти на месте.

— Акиро, что скажешь? — спросил Конан.

Лицо седого колдуна было перекошено, словно от какой-то мерзости, попавшей на язык.

— Я это почувствовал, еще когда мы только вошли в эти щели. Но теперь это чувство все сильнее и сильнее. Это... заклятие, черная магия. Но оно настолько древнее, что вряд ли реально угрожает нам. Оно потеряло свою мощь еще несколько веков назад.

Конан кивнул и снова двинулся вперед, но слова Акиро вовсе не убедили и не успокоили его. Его чувства, конечно, не были сверхъестественными, но они до сих пор сохраняли ему жизнь там, где ничего не стоило погибнуть. И сейчас они предупреждали его об опасности. Поэтому ни на миг не ослабевали его руки, державшие оружие.

Неожиданно коридор вывел их на открытое место. Здесь скалы были убраны, а их остатки образовали сложный узор на открытой площадке. На эту площадку выходил портал какого-то огромного храма, вырытого, видимо, прямо в толще горы. Массивные резные колонны украшали вход. Некогда два десятка статуй охраняли его. Каждая — в четыре человеческих роста высотой. Лишь одна из них уцелела — обсидиановый воин, сжимающий в руках гигантское копье. Черты его лица были стерты ветрами и дождями. От других статуй остались лишь черные постаменты да обрубки ног.

Конан убрал в ножны кинжал и схватил за руку Дженну, уже собравшуюся бежать к храму.

— Поосторожнее, девочка, — сказал он ей. — Мы здесь все рискуем, но хотелось бы рисковать поменьше.

Бомбатта сжал ее вторую руку. Оба уставились друг на друга поверх ее головы. Теперь их связывало еще и обещание выйти на смертельный поединок.

Еще одна причина поскорее вернуться в Шадизар, мелькнуло в голове у Конана. Таким обещаниям негоже долго оставаться невыполненными.

— Пустите меня, — сказала Дженна, извиваясь в тисках их рук. — Я должна найти Рог. Он там, внутри! Пустите же меня.

Зула, злобно глядя на обоих воинов, положила руки на плечи Дженны:

— Вы решили разорвать ее? Или, может, раздавить промеж ваших боков?

Конан разжал руку, за ним и Бомбатта. Зула отвела девушку в сторону, что-то тихо говоря ей на ухо. Конан не мигая смотрел на Бомбатту.

— Это дело нужно решить, вор, — прохрипел воин со шрамами.

— В Шадизаре, — уточнил Конан, и его противник кивнул в знак подтверждения.

Когда они подошли ко входу, Акиро принялся, слюнявя палец, стирать пыль с пьедестала статуи, чтобы прочесть сохранившиеся надписи. Их, правда, осталось немного.

— Что ты там высматриваешь? — привычно подцепил старого колдуна Малак. — Читаешь декоративный орнамент? Много ума не надо. Да и рисуночки-то так себе. Видал я такие — их только одноглазый пьяница может нацарапать. А нормальный человек придумает что-нибудь поприличнее.

Акиро со вздохом выпрямился и вытер руки.

— Я бы смог прочесть это, по крайней мере большую часть, если бы они получше сохранились. Это не украшения, а надписи. Последние слова на этом языке были записаны три тысячи лет назад, и уже тогда он был древним и мертвым языком. Нет, тут почти ничего не осталось. Может, внутри найдется еще что-нибудь.

— Мы тут не для того, чтобы расшифровывать древние письмена, — рявкнул Бомбатта.

По правде говоря, Конан был с ним согласен, но он лишь негромко поторопил всех:

— Пойдемте же внутрь.

Стая скальных голубей сорвалась со своих гнезд, свитых под капителями колонн. Их крылья, словно взрыв, разорвали неподвижную тишину.

Конан подошел к высоким бронзовым дверям, позеленевшим от времени. Сквозь пыль и зелень на каждой двери просматривалось изображение открытого глаза. Конан. Не очень веря в успех, сильно потянул за кольцо, вделанное в одну из створок.

К его удивлению, дверь подалась, хотя и неохотно, сильно

скрипя. Конан был доволен, услышав такой скрип. Если бы люди пользовались этими дверьми, то наверняка смазали бы петли. Но это вовсе не было поводом расслабляться.

— Всем внимание, — скомандовал он, — оружие наизготовку.

Конан шагнул внутрь.

За большими дверями пол был покрыт многовековым слоем пыли. В стены были вделаны позолоченные держатели для факелов. Потолок терялся в тени, а само помещение уходило дальше, в глубь горы.

Вдруг раздался короткий визг Зулы: по ее босой ноге пробежал паук величиной с ладонь.

— Это всего-то паук, — ехидно сказал Малак, раздавив насекомое и пнув сапогом то, что от него осталось, — вовсе нечего бояться этих...

Маленький воришка, коротко вскрикнув, замолчал, увидев, как шест Зулы метнулся к самой его переносице. Скосив глаза, он с ужасом смотрел на смертоносное оружие, лишь на ладонь не дошедшее до его лица.

— Я вовсе не боюсь, — прошипела Зула. — Просто я не люблю пауков. И крыс, — добавила она, покосившись в сторону раздававшегося из темноты попискивания.

Конан снял со стены факел и полез за кремнем.

— Если, конечно, эта штука будет гореть...

Губы Акиро шевельнулись, и неожиданно пламя заплясало между его пальцами. Он поднес их к факелу, загоревшемуся с хорошо слышным в тишине потрескиванием.

— Она будет гореть, — сказал колдун.

— А ты не можешь подождать, если тебя не просят лезть с твоими колдовскими штучками? — недовольно поинтересовался Конан.

Акиро виновато пожал плечами.

Бомбатта и Малак зажгли свои факелы от факела Конана. Теперь, при свете, они смогли лучше рассмотреть огромный зал. Их ноги потревожили пыль, не тронутую до них никем. Лишь цепочки мелких крысиных следов тянулись из угла в угол.

Скелеты зверьков и каких-то мелких птиц валялись тут и там в пыли, некоторые — скрытые под ее слоем, некоторые — поверх нее. Отовсюду слышалось недовольное пищание. В сот-

нях бусинок глаз отражался свет беспокоивших их факелов. Сотни носов принюхивались к незнакомому запаху людей.

Зула что-то бормотала и вертела головой, словно стараясь смотреть во все стороны сразу. Малаку тоже было не до шуток над ее страхами.

Он, в свою очередь, всячески старался не смотреть в сторону искрящихся глаз; в его монотонном бормотании смешались проклятья и молитвы, возносимые к дюжине богов одновременно.

В дальнем конце зала широкие ступени вели к возвышению с троном на верхней площадке.

Перед троном лежала маленькая горка высохших от времени костей. Другая часть скелета покоилась на сиденье трона, увенчанная черепом, пустые глазницы которого слепо взирали на Конана и его спутников. Доспехи, одежда, корона — все, что когда-то было на этом человеке, — все превратилось в пыль, рассыпалось прахом по полу.

Дженна ткнула пальцем вправо, показав на широкий сводчатый дверной проем, наполовину скрытый в темноте.

— Вот путь к Сокровищу, — сказала она. — Нам нужно сюда.

Конан с некоторым облегчением воспринял то, что Сокровище, Рог — кажется, так его называла Дженна, — оказался не среди праха, окружавшего трон.

Много лет назад тот меч, который он сейчас сжимал в руках, был взят им у подножия другого трона, не слишком отличавшегося от этого.

Киммерийцу вовсе не улыбалось повторить этот опыт.

Бомбатта поспешил к арке и сунул в нее факел.

— Еще одна лестница, — поморщился он, — сколько же еще нам надо лезть в брюхо этой проклятой горы?

— Сколько нужно, столько и будем лезть, — сказал Конан.

Оттеснив Бомбатту в сторону, он первым шагнул вперед.

Глава 18

Необычайно широкая лестница спирально уходила в глубь горы. Кое-где были видны следы землетрясения, быть может, того же самого, которое уничтожило статуи у входа в храм. В одном месте лестницу пересекал разлом, словно кто-то, разрезав коридор поперек, отодвинул одну часть от другой на расстояние ладони. Трещины помельче сплошной паутиной покрывали стены. Настоящей паутины, правда, тоже хватало, как и ее строителей. При прикосновении факела толстые пыльные сети вспыхивали и таяли в воздухе.

— Не нравятся мне эти штуки, — шепотом сказал Малак.

— Тогда подожди наверху.

— С крысами? — в голосе Малака сквозило такое отвращение, что Зулу чуть не стошнило.

С последним поворотом лестницы они оказались в большом помещении с высоким сводчатым потолком, который поддерживали позолоченные колонны. Часть из них обрушилась, и куски камня со слоем позолоты устилали мозаичный пол. Резьба на потолке представляла череду каких-то символов, лишь один из которых был знаком Конану: открытый глаз, такой же, как и на бронзовых дверях, повторялся чаще всего среди других фигур. Что они обозначали — Конан даже не пытался догадаться.

— Конан, — позвал его Акиро, — похоже, что, не считая лестницы, здесь есть еще один выход.

Старик стоял в дальнем конце зала у широкой двери, сделанной, видимо, из стали, но без единого пятнышка ржавчины. Не было на этой странной двери и никаких петель — словно кто-то просто вмуровал в каменную стенку металлическую плиту.

— Нам туда, оно там, — прошептала Дженна, завороженно глядя на дверь или на что-то, скрытое за нею.

На гладкой поверхности двери не было ничего, кроме вез-

десущего глаза и двух барельефов оскаленных голов демонов; из их пастей выдавались вперед острые клыки, наподобие кабаньих. Подумав мгновение, Конан ткнул мечом в каждый из оскаленных ртов. Из одного из них вывалилась, извиваясь, огромная ярко-красная сороконожка. Ее укус означал бы неизбежную мучительную смерть. Малак, передернувшись, отскочил с ее дороги, когда она, извиваясь, поползла искать себе новое укрытие.

Убрав меч в ножны и отдав Зуле факел, Конан наклонился перед дверью. Как он и предположил, его руки удобно легли в оскаленные пасти барельефов. Все тело могучего киммерийца напряглось.

— Так это же ручки! — воскликнул Малак, показывая на головы демонов.

Напрягая каждый мускул, Конан уже начал сомневаться в том, что он и Малак пришли к верному выводу.

Металлический лист поддавался не больше, чем если бы он и впрямь был частью горы. В этот момент Бомбатта присоединился к Конану, взявшись обеими руками за одну из голов. Двое сильных мужчин объединили свои усилия. Вены на их телах вздулись, каждый сустав и мускул, казалось, был готов закричать. Перед глазами поплыли разноцветные круги... но все же дверь, наполняя помещение металлическим скрежетом, поддалась и пошла вверх, пока не остановилась над головами поддерживавших ее Конана и Бомбатты.

— Вперед! — сдавленно прохрипел Конан. — Живее.

Когда все остальные проскользнули между ними, Бомбатта тоже бросился вперед, оставив Конана одного. Все тело киммерийца задрожало от удвоившегося веса, но он все не отпускал тяжелую плиту, стоя в нерешительности. Отпустить ее сейчас — и она захлопнется, перекрыв выход. А на обратной стороне ему пока не удалось обнаружить ни голов демонов, ни других приспособлений, чтобы открыть ее изнутри. Так они окажутся в ловушке. Но если ему не удастся придумать способ оставить ее открытой, то все равно, еще миг — и он будет вынужден ее отпустить.

Задумчиво бормоча что-то, Акиро шагнул к стене, из которой выступал бронзовый рычаг с большим набалдашником в виде все того же глаза. Одно движение — и рычаг по самую ручку ушел в стену.

Конан вздрогнул. Вес стальной плиты перестал вдавливать его в пол. Он осторожно ослабил упор — дверь не шелохнулась. Со вздохом облегчения Конан сделал шаг в сторону.

— Премного благодарен, — сказал он Акиро, — но хотелось бы знать, не мог ли ты точно так же сам открыть ее?

— Конечно, мог. Но ведь мне сказали не соваться, пока меня не спросят. А на этот раз никто...

— Ладно, где остальные? — оборвал его Конан.

Факел Акиро одиноко горел в темноте, освещая лишь узкий коридор, из которого не доносилось ни звука, ни проблеска света. Сыпля проклятия, Конан бросился вперед. Акиро с трудом поспевал за ним. Неожиданно они влетели в большую круглую комнату и остолбенели от изумления. Их товарищи тоже были там и тоже обалдело взирали на открывшееся их глазам зрелище.

Прямо напротив двери из стены выступала огромная каменная голова, больше человеческого роста. Еще две двери по сторонам круга выходили в комнату. Одна из них была погребена под грудой завалившихся ее обломков скалы и булыжников. Стены были покрыты рельефными изображениями невиданных животных с драгоценными камнями вместо глаз, когтей и рогов.

На равном расстоянии друг от друга в стенку были вмурованы большие золотые пластины, покрытые надписями на неведомом языке. Низкий купол потолка был выложен ониксом и инкрустирован алмазами и сапфирами, блестевшими в свете факелов, как звезды на ночном небе.

Акиро бросился к одной из золотых плит и стал возбужденно водить пальцами по гравированным сторонам.

— Это тот же язык, что и там, наверху, у постаментов. Я, пожалуй... да, я смогу прочесть эти записи. Вот, слушайте: на тридцатый день Великой Битвы боги вступили в войну, и горы задрожали от их шагов...

Колдун продолжал что-то говорить, но Конана больше интересовало, что собирается делать Дженна. Она — единственная, кого не привело в волнение роскошное убранство комнаты. Все ее внимание было нацелено на страшную каменную пасть. Она подошла к ней. Под ее ногами оказался мраморный круг, покрытый вырезанными на нем руками. В его центре была высечена пятиконечная звезда. Конан вздрогнул. Он знал

могущество этого страшного колдовского знака — пентаграммы — средоточия колдовской силы.

Конан уже поднял руку, чтобы остановить девушку, но вновь в его голове возник образ Валерии. Будь что будет, решил он, — ведь Дженна сама все время говорила, что в этом ее предназначение, что она родилась, чтобы исполнить его. Ему оставалось лишь, сжав кулаки, смотреть и ждать, чем все это кончится.

Из складок платья Дженна извлекла черный бархатный мешок с Сердцем Аримана. Камни звездного неба вспыхнули в его багровом свете. Дженна осторожно опустила камень Сердца в центр пентаграммы, где он нашел себе место в вырезанной точно под нею лунке. Впав в транс, девушка нараспев стала произносить какие-то заклинания на ей самой неведомом языке.

С каждым ее словом свет Сердца Аримана усиливался, хотя теперь он шел лишь в одну сторону, ярким лучом освещая огромную каменную голову. В глубине ее глаз промелькнули какие-то тени.

— Она оживает, — прошептала Зула.

Малак приступил к перечислению богов.

— Мы должны остановить ее. Пожалуйста, Конан, — вдруг умоляющим голосом затараторил Акиро, дергая киммерийца за рукав, однако неожиданный приступ удушья оборвал его просьбы.

Каменные челюсти беззвучно распахнулись. Трое взрослых мужчин могли бы за один присест быть проглочены такой пастью. В глубине этого чудовищного рта пылал огонь. Такого пламени Конан еще никогда не видел. Словно сама кровь превратилась в огонь.

Все, даже Бомбатта и Конан, попятились, закрывая глаза руками. Жар, шедший из пасти, казалось, выжжет даже воздух и камни стен.

Несмотря на резь в глазах, Конан сумел рассмотреть в глубине этой топки легкую подставку, наподобие той, на которой покоилось Сердце Аримана в хрустальном дворце. На этом постаменте возвышался золотой рог, похожий на бычий. Ни на рог, ни на его опору, похоже, не действовала огненная буря, ревевшая вокруг.

Дженна продолжала не мигая смотреть в глубь пылающей

пасти. Ее руки медленно, словно во сне, поднялись к плечам, и через мгновение платье соскользнуло на пол, подставив кровавым отблескам пламени стройное нагое тело. Родинка на ее груди вспыхнула тем же алым светом. Быстрыми, уверенными шагами она приблизилась к страшной пасти. Бомбатта, не пошевелив ни единым мускулом, смотрел на нее. В его черных немигающих глазах металось отражение языков пламени.

— Нет! — закричал Конан.

Но было уже поздно. Дженна шагнула в ревущее пламя.

Мятущиеся языки огня словно взбесились, ощутив вторжение. Казалось, что через миг от девичьего тела не останется и пепла, но она шаг за шагом шла вперед, целая и невредимая. Взяв золотой Рог обеими руками, она так же медленно вышла из беснующегося пламени и снова встала в пентаграмму.

Все присутствующие словно окаменели на своих местах. Вдруг Дженна вздохнула, осела и чуть не упала. Лишь Зула, бросившись вперед, поддержала ее. Чернокожая женщина быстрыми движениями набросила на Дженну ее платье.

— Дело сделано, — тихо отчеканил Бомбатта. — Рог в ее руках.

— Конан, — весь трясясь, неуверенно начал Акиро, — очень важно, чтобы ты узнал кое-что!..

Вдруг порыв ледяного ветра хлестнул их по лицам, чуть не погасив факелы. Погасло пламя в каменной топке. Ветер прекратился так же неожиданно, как и начался, оставив после себя лишь холод.

— Конан, — снова заговорил Акиро.

— Потом, — отрезал Конан, которому до смерти надоело все, что касалось магии и колдовства. — А сейчас — уходим отсюда!

Едва дождавшись, пока Дженна положит обратно в мешок Сердце Аримана, он бросился к выходу из этой страшной, таинственной комнаты.

Глава 19

Конан, как обычно, возглавлял процессию, двигавшуюся по узкому коридору. Дженна несла золотой Рог, крепко прижав его к груди. Бомбатта и Зула прикрывали ее с двух сторон. Киммериец, хоть и был счастлив тем, что Дженна осталась жива, — все равно не мог без содрогания вспоминать о том, что ей пришлось пережить. Кроме того, его беспокоило, не причинит ли ей вреда эта загадочная штуковина, которую она так бережно несла.

Акиро дернул Конана за рукав.

— Я должен поговорить с тобой, — тихо сказал он, опасливо поглядывая на Бомбатту, — но один на один. Это срочно.

— Да-да, конечно, — рассеянно согласился Конан. Ему уже поперек горла стояли всякие колдовские штуки, с которыми он слишком много встречался за свою еще не очень долгую жизнь. Еще больше он невзлюбил всякую магию за время этого путешествия. Весь его опыт общения с волшебством подсказывал, что от прижатого к груди Дженны предмета веет чем-то недобрым. Ему еще больше захотелось выбраться из этого места и поскорее вернуться в Шадизар.

— Да, Акиро, с глазу на глаз... Потом, попозже.

Малак бегом вырвался вперед, чуть не пританцовывая от желания поскорее выбраться из мрака подземелья.

— Быстрее, — крикнул он через плечо, — это место проклято всеми богами! Надо выбираться отсюда. Живее! — Он скрылся из виду за поворотом.

— Вернись, придурок, — крикнул Конан, — нашел место для прогулок в одиночестве.

Ворвавшись в зал с золотыми колоннами, Конан оборвал себя на полуслове и замер. Малак тоже стоял рядом, нервно вращая глазами. Кроме них в зале находилось не меньше двух дюжин воинов в доспехах какого-то древнего образца, стоявших опершись на длинные копья. Самый маленький из них

все равно был на полголовы выше Конана и Бомбатты и намного шире в плечах. Их кожа была черной, как обсидиан стоявшей у входа статуи. Конана даже удивило, что эти великаны дышали — их грудь равномерно поднималась и опускалась. Значит, они не статуи, а живые люди, — первое, что подумал киммериец.

Двое из черной когорты шагнули вперед, из-под бронзового шлема одного из них спускались по плечам длинные локоны седых волос. На другом не было шлема, но из-под кожаной круглой шапочки тоже выбивались рыжие пряди. Первым нарушил молчание седой воин, обратившись к Дженне:

— Мы долго ждали Тебя, Ту самую. Мы спали, как спит наш бог, и мы проснулись в день твоего прихода. Приближается Ночь Великого Пробуждения.

— Эта девушка — не та, которую вы ждете, — не очень веря в это сам, начал Конан. — Просим прощения, если мы потревожили ваш храм, но мы долго были в пути, и теперь нам нужно идти.

Говоря, Конан внимательно присматривался к воинам. Он хотел бы избежать схватки, если это было возможно. Но эти люди сказали, что сооружение — их храм. А Конан по собственному опыту знал, как могут разъярить людей чужеземцы, вторгшиеся в их святилище.

— Вы можете идти, — последовал ответ. — За то, что вы привели к нам Ее, мы дарим вам жизнь. Но Она останется с нами.

Сделав все возможное, чтобы это выглядело случайным, Конан сделал шаг и встал между великаном и Дженной.

— Она — не та, которую вы ждете.

Но седой воин, словно не слышал его, вновь обратился к Дженне:

— Долгие века мы спали, храня Рог Дагота и ожидая Тебя, Ту, которая может дотронуться до него. А теперь Спящий Бог проснется, и его карающая рука сметет предавших...

Конан краем глаза уловил какое-то движение: это Бомбатта безо всякого предупреждения бросился вперед и всадил кинжал в горло говорившего стражника. Кровь хлынула изо рта черного гиганта, он покачнулся и рухнул на пол.

— Назад! — крикнул Конан. — Быстро!

Вперед пути не было. Разве что сквозь строй яростно сжи-

мавших копья великанов. Киммериец ткнул факелом в лицо одного из них и, выхватив меч и отбив им удар копья второго, всадил его в живот третьему.

Металлический скрежет донесся из-за его спины. Отбиваясь от все большего числа ножей, он все же рискнул обернуться. Дверь быстро опускалась и вот-вот была готова совсем захлопнуться.

С громогласным кличем киммерийских воинов он бросился на противников, вращая разящим мечом. Несмотря на явное численное превосходство, они, озадаченные такой дерзостью, подались назад. Неожиданно для них киммериец бросился на пол и подкатился к уже почти опустившейся двери. Ее низ расцарапал Конану плечо, когда тот пролезал в оставшуюся щель. Мгновение спустя толстая железная плита опустилась на свое место, отгородив его на время от преследователей.

Акиро, Малак и Зула молча смотрели на него.

— Чего уставились? — сказал он, вскакивая на ноги. — Надо сваливать отсюда. Если эти ребята, стараясь зацепить меня, успели засунуть под дверь пару наконечников своих копий, они эту железяку в два счета поднимут.

—. Посмотрим, что я смогу сделать, — сказал Акиро. Вывернув мешочек, висевший на поясе, он достал нужный ему флакончик и начал выводить его содержимым какие-то символы на двери.

— Мог бы и свистнуть, чтобы предупредить, что вы запираете дверь, — бросил Конан Малаку.

— Это все Бомбатта, — ответил тот. — Он первым схватил девчонку и бросился сюда. Я так думаю, что это он и дернул за рычаг, не предупредив никого.

— Вот, — вздохнул Акиро. — Это задержит их на некоторое время.

На двери, словно раскаленные угли, бордово-красным светом пылали какие-то символы. Но Конан вдруг осознал, что его не интересует ни дверь, ни враги за нею.

— Где Дженна? — вопросил он. — А Бомбатта?

Зула резко обернулась и осмотрела темный зал.

— Я... я так волновалась за тебя, — виновато прошептала она, — что я даже не... если только этот громила... если он хоть пальцем...

Конан уже не слушал ее. Ворвавшись в круглый зал, он бро-

сился к единственному возможному выходу — незаваленной двери.

Мрачные мысли пронеслись в его голове. Наверное, Бомбатта решил один привезти Дженну в Шадизар, чтобы, представив все дело по-своему, оставить его без награды. Это было бы в стиле черного заморийца — похитить шанс Валерии на воскрешение лишь для того, чтобы досадить ему. Нет, нечего ждать возвращения в Шадизар, чтобы расквитаться с ним. Нужно свести счеты немедленно!

Коридор был прямой как стрела, без единого поворота, разветвления или боковой двери. Он, словно туннель, был пробит в толще скалы, и его стены, пол и потолок представляли собой монолит. Пыль покрывала пол ковром, и в свете факела две цепочки следов, судя по длине шагов бежавших людей, вели Конана дальше и дальше по коридору.

Коридор неожиданно оборвался, выйдя в квадратный зал с множеством резных колонн. Эти дряхлые, полурассыпавшиеся колонны поддерживали потолок, весь покрытый трещинами и разломами. Было видно, что легкого толчка хватит, чтобы обрушить многие из колонн.

Света факела хватало, чтобы разглядеть темный прямоугольник на противоположной стене — дверь, ведущую куда-то дальше. Следы вели прямо к ней, но Конан замедлил свой сумасшедший бег. Бомбатта мог спрятаться где-нибудь за колонной, и ровная цепочка следов привела бы в западню. Крадучись, готовый прыгнуть в любую сторону, сжав в руках меч, Конан пробирался через лес колонн. Его глаза обшаривали темноту, ловя малейшее движение.

— Дженна, — позвал он, сначала тихо, а затем громче: — Дженна!

Вдруг он увидел Бомбатту, стоящего рядом с дверным проемом с толстым ржавым железным ломом в руках. Вдруг он резким движением вогнал лом в глубокую трещину в одной колонн и навалился на рычаг всем телом:

Конану показалось, что время замедлило свой бег. Словно в тяжелом сне, колонны и потолок стали медленно обваливаться. Пыль и камни посыпались дождем на киммерийца. В один миг он развернулся и бросился прочь от каменного водопада. Но тут что-то тяжело ударило его по затылку, голова закружилась, и полный мрак окутал киммерийца.

* * *

Дженна напряженно всматривалась в коридор, откуда они с Бомбаттой пришли и куда он снова решил вернуться, приказав ей строго-настрого не сходить с места. Пока они бежали, Дженна болталась за ним, словно какой-то мешок. Сейчас она злилась на него. Мало того, что он волок ее за собой, как куклу, так еще и не стал слушать то, что она хотела сказать ему. А теперь она ждала его, даже не глядя на солнечный луч, пробивавшийся сквозь щель за большим обломком скалы. Там, за камнем, был день, солнце, обратный путь домой, в Шадизар. Но по другую сторону, в глубине горы, оставался Конан. А что, если он ранен и она нужна ему? А если он...

Тяжелые шаги возвестили о возвращении Бомбатты. Он бегом появился из коридора.

— Что с ним? — тревожно спросила девушка.

Пыль и грязь покрывали лицо воина в черных доспехах, по щеке текла кровь. Он посмотрел на девушку и вдруг нервно закричал:

— А где Рог, девчонка? Девятое Небо Зандру! Если ты его потеряла...

— Вот он, — дожидаясь, она завернула драгоценную ношу в куски ткани, оторванные от плаща. Да, она помнила, что Рог Дагота — ее предназначение, но что-то в этой вещи было такое, из-за чего она не хотела касаться ее руками, И Сердце Аримана, и Рог Дагота лежали, обмотанные несколькими слоями белой шерсти, и Дженне хотелось, чтобы этих слоев было как можно больше.

— Где... где все остальные?

— Погибли, — коротко бросил Бомбатта. Напрягая сильные мышцы, он навалился на загораживающий выход камень.

Дженна опустилась на пол как подкошенная. Погибли? Нет, Конан не мог умереть. Она не могла себе этого представить.

Да и другие — Зула, Акиро, даже Малак, — все они стали близкими и важными для нее. Никого из них не хотела бы она видеть мертвым или раненым. Но этот голубоглазый молодой киммериец! Его руки, такие мягкие и нежные, когда они не сжимают меч, его лицо... Он был кем-то особым для нее.

— Я не верю, — прошептала она.

Огромный валун с грохотом выкатился наружу и понесся

вниз по склону, подняв облако пыли и увлекая за собой другие камни.

— Я же слышала, как он звал меня!

— Пошли, Дженна. У нас мало времени.

Бомбатта железной хваткой сжал ее запястье и потащил к выходу. Они вылезли на самом краю большого двора перед храмом. Солнце уже клонилось к западу. Поглядывая на бронзовые двери, ругаясь на ходу, Бомбатта тащил Дженну за собой в каменный лабиринт.

— Я не верю, что Конан мертв, — сказала она во весь голос.

— Вот наш знак, — словно не расслышав ее, Бомбатта ткнул в стрелу, нацарапанную на каменной глыбе. — Теперь — вперед. Надо найти лошадей. Тогда до темноты мы будем уже далеко отсюда.

— Бомбатта, я не могу поверить в это. Скажи, ты сам видел, как он погиб?

— Да, я видел, — хриплым голосом сказал тот, даже не замедлив шаг и не ослабив кулак, сжимавший ее руку. — Он бежал, позорно бежал, как и подобает трусливому псу, вору. Эти черные верзилы проткнули его насквозь, как и всех остальных. Мне пришлось обрушить потолок, чтобы оторваться от погони. А, вот и лошади.

Стреноженные животные стояли все вместе. Дженна даже не обратила внимания, далеко ли отбрели лошади от того места, где их оставили. Ее мысли были заняты другим.

— Может быть, он только ранен, — начала она, но осеклась, наткнувшись на что-то новое во взгляде Бомбатты.

— Мы можем поехать отсюда куда угодно, — сказал он негромко, — например, в Аграпур. Колдун Турана или сам король Илдиз дадут за эти вещицы столько, что нам хватит купаться в роскоши до конца наших дней. — Он сильными руками поднял ее и усадил в седло. — Стереги их, Дженна, — закончил он, распутывая ноги лошадей и привязывая их поводья так, чтобы те встали гуськом.

— Что ты делаешь? — удивленно спросила она. — Мы не можем забрать всех.

— Они нам понадобятся. До Аграпура путь неблизкий.

— Какой еще Аграпур. Мы возвращаемся в Шадизар. А лошадей забирать нельзя, пока есть хоть какой-то шанс, что остальные остались живы. Если ты хочешь забрать всех

лошадей, отведи меня обратно в храм и покажи мне тела погибших.

Бомбатта покачал головой:

— Это слишком опасно.

— Опасно или нет, но я не оставлю их, не убедившись, что они уже мертвы.

Злоба, исказившая лицо Бомбатты, заставила сердце девушки сжаться от страха. Ей стоило огромного труда остаться сидеть прямо с высоко поднятой головой и, не мигая, смотреть ему в глаза.

Бросив поводья остальных лошадей, Бомбатта подогнал своего коня поближе к Дженне.

— Он, он! Все время только о нем! Да ты пойми. С этими вещичками мы могли бы податься куда угодно, — каждое слово вылетало из его рта словно кусок железа. — Куда только захотим.

Вдруг его иссеченное шрамами лицо перекосилось от боли. Дженна в изумлении уставилась на него: никогда раньше она не видела, чтобы Бомбатта чувствовал боль. Гримаса исчезла через одно мгновение, лишь в глазах затаилась боль, погасив огонь и сделав их пустыми и темными.

— Мы едем в Шадизар, — хрипло сказал Бомбатта и, взяв в руки поводья ее лошади, повел ее по каменному лабиринту.

Дженна крепко прижимала к груди сверток с тем, ради чего она пережила столько опасностей во время этого путешествия. Она не позволила себе оглянуться. Вопрос был прост: Конан или ее предназначение. Одно — ценой другого. Она лишь поразилась тому, как это оказалось больно. Как только боги позволяют, чтобы человек терпел такую боль. Как они смеют ставить ее перед таким страшным выбором! Всхлипывая, вздрагивая от плача, она бессильно сидела в седле и позволила вести себя туда, куда направлялся Бомбатта.

Глава 20

Конан вдруг ощутил, что сознание вернулось к нему, и тотчас же все вспомнил, сжав в руке меч. Акиро и Зула изумленно смотрели на него. Малак, запустив в темноту камень величиной с кулак, вытер о штаны руки и сказал:

— Ты вовремя очухался, киммериец. А то я уж было подумал, что ты решил тут проваляться, пока мы все не помрем.

— Сколько? — коротко спросил Конан.

Голова все еще болела. Струйка запекшейся крови застыла на затылке.

Малак лишь пожал плечами. Акиро ответил за него:

— Может, два поворота песочных часов, может, чуть больше. Трудно сказать точнее. Мы нашли тебя лежащим, словно быка, которого оглушили ударом по голове, Я попытался сделать что-то, но раны головы — такое дело, что лучше оставить их затягиваться естественным путем.

— У меня есть кое-какие травы, которые могут помочь при ушибах головы, — сказала Зула, — но здесь нет воды, чтобы размочить их.

Киммериец кивнул, и ему вдруг показалось, что комната закружилась вокруг него. Усилием воли он заставил мир принять нормальное положение. Слабость была сейчас непозволительной роскошью.

Дальний угол зала представлял собой груду остатков колонн, придавленных сверху глыбами рухнувшего свода. Малак, вскарабкавшись по ним, установил повыше их факелы, которые теперь равномерно освещали своим желто-красным светом часть зала. Кроме факелов, в зале появился еще один источник света: из коридора, по которому они пришли, бил ярко-голубой луч, резавший глаза.

— Это еще что? — спросил Конан.

— Кое-какая защита, — ответил ему Акиро. — Я успел подготовить девять огненных преград, прежде чем эти громилы

успели открыть дверь. Тогда мне пришлось привести в действие первую из них. Эта штука поможет нам некоторое время продержаться. Но остальные восемь преград я буду устанавливать только по одной, не раньше, чем догорит предыдущая. Здесь все и так еле дышат — было бы опасно включить слишком большую силу.

— Сколько еще?.. — хотел спросить Конан, но вопрос повис в воздухе, не нуждаясь больше в ответе.

Голубое мерцание сначала участилось, а затем резко пошло на убыль. Акиро начал спешно чертить в пыли на полу свои закорючки. С последней вспышкой старого луча с того же места забил новый. Лишь стон разочарования донесся с другой стороны в момент смены. Акиро прислушался, а затем сказал:

— Первая степень отработала свое. И надо сказать, неплохо. Хотя ее бы хватило куда на большее, если бы не колдун среди тех верзил. Если этому идиоту Бомбатте захотелось ввязать нас в бой с ними, он мог бы постараться угрохать того с рыжими волосами. Он у них ведает всеми колдовскими делами. Без него этим черным ребятам было бы и дверь-то ни за что не открыть, не то что снять огненную стену. А теперь я должен противостоять ему, действуя почти что голыми руками.

— Я вообще не понимаю, зачем ему это понадобилось. Они даже не сделали ни одного угрожающего шага, а он... — раздражений сказала Зула.

Не дав ей договорить, Конан возразил:

— Я сомневаюсь, что они отпустили бы нас подобру-поздорову. Особенно вместе с Дженной. И я не мог позволить заколоть меня словно свинью, если уж Бомбатта заварил эту кашу.

— Все правильно, — вставил Малак. — Если на тебя нападают, ты защищаешься. А если потом выяснится, что все это произошло по ошибке, то победитель потом воздает искупительную жертву богам — и дело с концом.

— Не всегда это лучший путь, — подумав, сказал Акиро, — но эти громилы — отвратительные ребята, попросту говоря — изрядные мерзавцы.

— С чего ты взял? — возразила Зула.

— Просто ты не умеешь читать на древних языках, как я. То заклятие, которое мы все ощутили, как только вошли и каменный лабиринт, было наложено ими и их приятелями. Человеческие жертвы — это лишь одна из мерзких составляю-

щих таких заклятий. Те шаманы, с которыми вы... э-э... скажем, помогли мне разобраться, — просто невинные дети по сравнению с ними.

— По мне — хоть людоеды, — сказал Конан. — Сейчас не до них. Главное — выбраться отсюда. Бомбатта и Дженна с каждой минутой приближаются к Шадизару. Не сомневаюсь, что наш великий воин представит все происшедшее в нужном ему свете. А я не хотел бы лишиться обещанного вознаграждения.

Акиро сочувственно поглядел на него, а Зула, помявшись, тихо сказала:

— Но я думала... мы думали, что... Дженна... — Она лишь безнадежно махнула рукой в направлении груды обломков.

— Бомбатта обрушил все это на мою голову, — сказал Конан. — Ему не терпелось посчитаться со мной, не дожидаясь возвращения. Но я не думаю, что он заодно похоронил себя и Дженну. Мы должны выбраться отсюда и попытаться догнать их. И не смотрите на меня как на сумасшедшего. Я прекрасно видел, где заканчивается эта комната. Отсюда до коридора, куда нырнул Бомбатта, всего несколько шагов. А нам и нужно-то всего лишь высвободить узкий лаз, только чтобы пролезть человеку. У нас еще останется ночь и день, чтобы добраться до Шадизара.

С этими словами он обхватил руками кусок колонны размером с человеческое туловище и отбросил его в сторону, освобождая остальным поле деятельности — нагромождение камней поменьше.

Не говоря ни слова, Зула принялась за дело, правда, все еще недоверчиво косясь на наваленные глыбы. Малак чуть задержался, чтобы, хитро прищурившись, спросить Акиро:

— Не хочешь ли помочь? Неужели ты не можешь разнести всю эту кучу хлама одним движением руки?

— Ты вновь лишь демонстрируешь свое невежество, — возмущенно буркнул колдун. — Я должен неотрывно поддерживать усилием воли огненную преграду и вовремя пустить в действие следующую ступень защиты, когда ослабнет эта. Иначе первым предупреждением о появлении наших приятелей станет острие копья, воткнувшееся тебе в задницу.

— Ах ты, старый жулик! Включи ты сразу все свои огонечки и принимайся за работу.

— Слушай, разве я когда-нибудь учил тебя, как лучше воровать? Позволь мне самому заняться тем, в чем я разбираюсь лучше тебя.

* * *

Конан работал как одержимый. Два камня вылетели из-под его рук в то время, пока Зула и Малак вместе откатывали один. Пот ручьями лился с него, почти смыв грязь и оставив влажную кожу блестеть в свете факелов.

Когда вдруг обрушился град камней, уничтожив результат всех их стараний, он отогнал всех подальше назад, чтобы работать без помех, твердя про себя лишь два имени: Дженна и Валерия.

Дженна. Валерия. Найти Дженну. Отплатить долг Валерии...

Когда еще раз Акиро пришлось заменить голубой луч защиты, Малак тихонько прикоснулся к его плечу:

— Слушай, а ты и вправду можешь читать эти золотые пластины?

— За работу! — рявкнул на него Конан.

Акиро же явно решил поговорить:

— Да, я могу прочесть большую часть того, что выбито на них. Эта золотая штуковина — Рог Дагота.

— Да, так его называл тот черный бугай, — вставил Малак.

— Не перебивай. Тысячелетия тому назад между богами началась война. В те времена это было частым делом. В страшной битве Дагот был повержен: из него выдернули Рог и далеко спрятали. В этом Роге заключена его жизненная сила, а без него он тотчас же обратится в камень. Если верить этим преданиям — сейчас он спит, но как только Рог будет возвращен на свое место, он пробудится.

— А, так вот зачем он нужен Тарамис, — сказал Конан, не прерывая работы. — Значит, она решила разбудить бога. А тот и вправду сможет вернуть мне Валерию.

— Да, — вздохнул Акиро. — Я полагаю, что Дагот смог бы оживить мертвого человека.

— Значит, Тарамис мне не соврала, — удовлетворенно подытожил Конан.

Этот вывод словно придал киммерийцу новых сил. Остальные, устав, замедлили работу, а он все продолжал расшвыривать камни — быстрее и быстрее.

Зула пыталась продержаться в его ритме, но почувствовала слабость и упала. Конан отнес ее на руках к Акиро, а сам вновь взялся за работу. Когда Малак тоже свалился, он лишь отпихнул его ногой ровно настолько, чтобы не завалить выгребаемыми камнями.

Он смутно понимал, что уже наверняка докопался до конца комнаты, но обломки скалы вновь и вновь вырастали впереди. Задуматься об этом означало признать возможной мысль о поражении. Чтобы не дать этому настроению овладеть собой, Конан продолжал изнурительный труд, снова и снова наваливаясь на преградивший ему путь завал. Камень за камнем. Обломок за обломком. Дженна. Валерия. Два образа почти слились в один. Валерия. Дженна. Нет, он не остановится, пока может шевелить руками.

Он ухватился за очередной обломок свода, раскачал его и выдернул из груды других. Раздался грохот осыпавшихся камней, и Конану лишь чудом удалось отскочить, не дав булыжникам завалить себя по пояс.

Но, уворачиваясь, Конан успел заметить светлое пятно, мелькнувшее впереди. Вернувшись к кромке завала, он недоверчиво посмотрел в ту сторону. Свет явно пробивался из-за каменной груды.

Конан метнулся туда, где, поджав ноги и уставившись в голубой огонь, сидел Акиро. Зула молча лежала рядом, а Малак лишь приподнял голову и вяло поприветствовал его:

— А, вот и наш рудокоп. Ты тоже притомился, киммериец? Неплохо поработали. Эрлик меня подери, если это не так.

До Конана не сразу дошло, что его приятель шутит.

— Я добрался, — тяжело сказал он. — Там свет. Может быть, дневной.

При этих словах Малак вздрогнул:

— Отлично, киммериец! Клянусь костями Митры и Девятым Небом Зандру! Им не удастся остановить нас.

— А ты уверен, Конан? — негромко переспросил Акиро.

— Если это факелы в другой комнате, то они там должны гореть десятками. Проход поднимается вверх, он должен выходить на поверхность.

На самом деле, подумал Конан, этот коридор мог вести в преисподнюю, но ему нужен был именно путь наверх, и он не хотел и не мог признать другого выхода.

— Будем надеяться, что это лучи солнца, — подытожил Акиро. — Сейчас включена уже седьмая ступень. Остались еще две. Забирай Зулу и Малака и выбирайтесь скорее. Я пойду за вами, как только смогу. Давай, приятель, пошевеливайся со своими дружками.

Зула попыталась встать, но киммерийцу пришлось почти нести ее да еще и помогать Малаку карабкаться на каменный склон. Но стоило обоим ослабевшим увидеть свет впереди, как они рванулись к нему, развив неплохую скорость.

Акиро продолжал поторапливать их, и было в его голосе что-то такое, что и впрямь заставляло пошевеливаться побыстрее.

Коридор оканчивался квадратным люком в площадке перед храмом. Солнце начинало свой путь с востока на запад. Малак и Зула смотрели на красный диск, словно все еще не веря, что вновь видят его.

Конана же интересовал только храм, его колоннада и обломки статуй. Если только черные великаны не были полными дураками, то они должны были оставить часовых. Но ничто не шелохнулось в тени колонн, пока беглецы перебегали двор. Лишь снова стая голубей, хлопая крыльями, сорвалась со своих гнезд под капителями.

С другой стороны, подумал Конан, какой смысл оставлять охрану здесь, наверху, если все противники заперты, словно крысы в подземелье.

Ржание быстро вывело их к лошадям. Конан отметил снятые с их ног путы и связанные поводья. Остальные, не обращая ни на что внимания, бросились к бурдюкам с водой.

Несмотря на душившую его жажду, первым делом Конан плеснул несколько раз в рот своему коню. Затем, запрокинув голову, он припал к мешку с водой и пил, захлебываясь, пока вода не залила ему все лицо.

Под конец он снова дал попить своему коню: животному не меньше нужно было освежиться, если ему предстояла долгая скачка.

Вдруг словно двойной удар пришелся по его ногам. Это вздрогнула земля, причем толчок явно шел со стороны храма. Малак, сдерживая взбрыкивающую от страха лошадь, пробормотал:

— Это еще что такое, во имя Девяти Имен Кепры?

Акиро, глядя в небо, пробурчал:

— Я немножко изменил заклинание. Когда седьмая ступень рухнула, две оставшиеся сработали вместе. Теперь смею вас заверить, эти мерзавцы больше не проснутся, чтобы губить невинных во имя своего Дагота. — Неожиданно он улыбнулся, глядя на Малака: — Теперь ты понял, почему я не мог поставить сразу все девять ступеней?

— То, что они не доставят нам больше хлопот, — просто великолепно, — сказал Конан, запрыгивая в седло, — но если мы хотим добраться до Шадизара до темноты, чтобы успеть на церемонию пробуждения этого Дагота, — то нам нужно двигаться немедленно. Я не хочу, чтобы Бомбатта лишил меня шанса на воскрешение Валерии.

Улыбка испарилась с лица Акиро:

— Знаешь, Конан, я не сказал тебе раньше, потому что думал, что нам суждено погибнуть. А человеку не стоит говорить перед смертью горькие вещи. А сейчас, боюсь, слишком поздно. Я пытался предотвратить это; ты помнишь, как я не хотел пускать ее в эту огненную пасть. Но мне не хватило настойчивости.

— Хватит причитать, Акиро, — раздался громовой голос Конана. — Говори, что ты там начитал на этих золотых пластинах, или я отправлюсь в Шадизар один.

— На скрижалях выбито, что ритуал Пробуждения занимает три ночи. Каждую ночь в жертву приносится девушка. На третью ночь жертвой становится Она, Та, Которая приносит Рог, невинная. Ею суждено стать Дженне.

— Может быть, это не она, — предположила Зула. — Этот Бомбатта, вечно пожирающий ее глазами, не стал бы отправлять ее на верную смерть.

— Бомбатта знал, что Дженна и есть Та самая. Он знал и то, что ей уготована смерть.

Конан прикоснулся к золотому амулету. Боль охватила его. Он готов был взвыть, как раненый волк. Валерия!

— Дженна не умрет, — выдавил он из себя, не разжимая зубов.

— Слушай, мне тоже нравится девчонка, — возразил Малак, старательно не замечая гневных взглядов Зулы, — но рассуди сам: мы все измучены, нам просто не добраться до Шадизара до темноты, даже загнав лошадей.

— Когда мой конь сдохнет, — ответил Конан, — я побегу, затем поползу. Но я клянусь всеми богами, что Дженна не погибнет сегодня ночью, даже если мне нужно будет для этого поплатиться жизнью.

Не дожидаясь, пока остальные последуют за ним, Конан пришпорил коня, включаясь в гонку наперегонки с бегущим по небу солнцем.

Глава 21

Тарамис с балкона оглядывала мраморный двор, в центре которого под пологом из золотого шелка лежал Спящий Бог. Полог закрывал от солнца лишь саму статую. Жаркое светило нещадно сжигало жрецов, распевающих вокруг мраморного ложа свои молитвы.

Тарамис обежала взглядом остальные балконы и окна, хотя прекрасно знала, что никаких непрошеных свидетелей там оказаться не может. Вот уже три дня эта часть дворца была только что не запечатана. Ни один раб или слуга не мог прийти в эти покои без ее личного разрешения. Любого, кто попытался бы это сделать, стража разорвала бы в клочья.

Другое беспокоило Тарамис, по другому поводу возносила она свои молитвы.

Она нерешительно подняла голову, надеясь, что солнце остановит свой неудержимый бег. Нет, оно уже перевалило зенит. Если Бомбатта не привезет девчонку через несколько часов, если они не нашли того, за чем их послали... Такой день наступит лишь через тысячу лет. Тарамис облизала губы. Нет, только не это. Такого не могло случиться. Она не могла позволить себе умереть, зная, что через тысячу лет кто-то другой обретет Силу и Бессмертие.

Легкое покашливание за спиной заставило ее обернуться, готовую разорвать того, кто осмелился побеспокоить ее.

Перед нею стоял Ксантерес, как всегда невозмутимый, но с каким-то незнакомым огоньком в глазах.

— Она вернулась, — провозгласил он, — Бомбатта привел ее.

Тарамис отбросила подобающее ей достоинство и, оттолкнув седовласого жреца, бросилась по коридорам и залам дворца навстречу прибывшей племяннице.

Наконец в приемном зале она увидела стоящего Бомбатту, пыльного, пропахшего потом, держащего в руке свой черный шлем, и Дженну, бережно прижимавшую к груди что-то за-

вернутое в грязную тряпку, бывшую некогда тонкой белой шерстью.

Тарамис едва заметила высокого воина. Все ее внимание было обращено на измученную дорогой девушку.

— Ну? Он у тебя? — прошептала она, медленно подходя к ней. — Ради всего, что есть священного в этом мире, скажи — он у тебя?

Дженна неуверенно протянула вперед сверток. Она еле стояла на ногах, но принцессе было не до таких мелочей.

Верховный жрец уже был здесь. В его руках сверкала золотая чаша.

— Положи сюда То, Что ты принесла, дитя, — сказала Тарамис.

Сначала в руках Дженны багровым светом полыхнуло Сердце Аримана. Тарамис затаила дыхание. Грязные тряпки упали на пол, и в руках Дженны засверкал Рог Дагота. Он тоже занял свое место в золотой чаше на хрустальной подставке. Принцессе пришлось побороться с искушением дотронуться до него, хотя она прекрасно знала, что такое прикосновение означало бы верную гибель для каждого, кроме Дженны. Пока что. Чуть позже он будет доступен только ей — возлюбленной Дагота.

С явным усилием Тарамис закрыла чашу и протянула ее Верховному Жрецу:

— Возьми ее и храни как зеницу ока.

Когда жрец, поклонившись, вышел, она позволила себе обратить внимание на Дженну и Бомбатту. Девушка вдруг непроизвольно почесалась.

— Где служанки из купальни? — строгим голосом спросила Тарамис. — Куда подевались эти глупые девчонки?

Две девушки в белых платьях, с косами, уложенными вокруг головы, вбежали в комнату и упали на колени перед принцессой.

— Госпожа Дженна устала после дальней дороги. Ее нужно выкупать и сделать ей освежающий массаж. Разотрите ее благовонными маслами и оденьте соответственно сегодняшнему случаю.

Дженна устало, но тепло улыбнулась подбежавшим к ней девушкам.

— Я так рада вас видеть. Кажется, целую вечность я не мылась в нормальной ванне. А где Ания и Лиела?

Девушки побледнели, и Тарамис поспешила прервать затянувшееся молчание.

— Они приболели, девочка. Ты увидишь их позже. Отведите ее в ванную. Вы что, не видите, что она вот-вот упадет?

Проводив их глазами, Тарамис обернулась к Бомбатте.

— Дело сделано, — гордо заявил он, но в его голосе мелькнуло что-то, заставившее ее нахмуриться. Ее мысли заметались, выискивая то, что могло остаться невыполненным.

— Этот вор. Он мертв?

— Мертв.

— Ты сам вонзил меч в его сердце?

— Нет, но...

Ладонь принцессы, взлетев, со звонким хлопком опустилась на изувеченную щеку.

— Когда Рог окажется в Ее руках, — процитировала она древний Свиток, — вор с голубыми глазами должен умереть. Пока он жив — опасность выглядывает из-за его плеча и смерть висит на кончике его клинка. Ты что, забыл, что написано в Свитке?

— Этот варвар похоронен едва ли не под целой горой, обрушенной на его голову.

— Идиот. Если ты сам не видел его бездыханное тело... Я не могу позволить себе ни единого шанса на неудачу. Поднимай стражу по общей тревоге. Всех! Всех до единого!

— Из-за одного-то ворюги, который уже наверняка мертв?

— Делай, что приказано! — холодно скомандовала она. — Чтобы мышь не проникла во дворец, не наткнувшись на острие копья.

Не дожидаясь ответа, она вышла из зала. Рог! Наконец-то он принадлежит ей. И если пока что она не может прикоснуться к нему, то, по крайней мере, любоваться им — теперь в ее власти.

* * *

Шадизар называли Городом Дьявола, и мало что могло удивить или заинтересовать его жителей, которые уже повидали, казалось, все, что только может случиться под небесами. Но даже они, расступаясь, опасливо давали проехать четырем всадникам, с первыми сумерками вступившими в город. Их лошади еле дышали, сами они казались утомленными тяжелой и опас-

ной дорогой. Но что-то в их глазах и особенно в сапфировых зрачках ехавшего впереди черноволосого гиганта заставляло даже видавших виды городских стражников отводить глаза, чтобы не встретиться с ними взглядом.

Неподалеку от дворца Конан знал небольшую конюшню, владельцу которой и были вручены их измученные животные.

Прежде чем Конан успел броситься бегом ко дворцу, Акиро поймал его за рукав:

— Постой-ка, мой юный друг. Неплохо бы составить план.

Киммериец даже не притормозил. Акиро продолжал висеть на его руке, часто перебирая ногами. Малак и Зула следовали рядом.

— Времени нет на болтовню, — огрызнулся Конан. — Ты что, разве не видишь, где уже солнце?

Наконец в поле их зрения оказался дворец Тарамис. Тяжелые, обитые железом ворота были заперты. Шесть стражников, сверкая наконечниками копий, выстроились перед ними. На стене такие же черные фигуры маячили через каждые два-три шага.

Колдун затолкал Конана обратно в узкий переулок.

— Ну, теперь ты согласен, что нам нужно хорошенько подумать?

Малак нагло схватил с соседнего прилавка апельсин. Лоточник открыл было рот, но, посмотрев внимательно на спутников маленького наглеца, решил промолчать.

— Какой уж теперь план, — не торопясь сказал Конан. — Я должен попытаться спасти ее. Я поклялся сделать это. Но тут и дураку ясно, что ничего не выйдет. Нас всех прибьют, как только мы туда сунемся. Так что давайте лучше прощаться. Вам там делать нечего.

— Я пойду с тобой, — яростно вращая глазами, прохрипела Зула. — Ты спас мне жизнь, и я пойду за тобой до конца, пока не смогу отплатить тебе тем же.

— Вы что, совсем рехнулись? — отчаянно воззвал к ним Акиро. — Тут и целой армии делать нечего. Куда вы лезете?

При этих словах рот лоточника снова широко открылся от удивления.

— Слушай, ты, колдун, — донесся голос Малака из-за груды апельсинов. — Ты-то не можешь помочь? Какое-нибудь там заклинание, а?

— Нет проблем. Можно закатать в эти ворота такой огненный шар, что он пробьет их, словно пергамент. Но для этого я должен долго стоять в открытую перед входом, делая магические жесты и громогласно произнося заклинания. Сами понимаете, что кто-нибудь из этих болванов не упустит возможности попробовать на мне остроту своего копья. А вам только и останется, что вступить в бой с парой сотен стражников, если не больше.

Снова подобрав челюсть, но широко раскрыв от изумления глаза, продавец апельсинов почел за благо бежать подальше от этой странной компании.

Проводив его взглядом, Малак сказал:

— Нет, что-то в этой идее не то... Подумать только! Сколько сложностей — и все ради того, чтобы пробраться во дворец. Если учесть то, сколько намучился мой шурин, чтобы выбраться из него.

— А я-то думал, что он так и сгинул в дворцовых подземельях, — с отсутствующим видом пробормотал Конан, не отрывая глаз от дворца и от заката.

— Двое из них погибли там, а вот третьему удалось вырваться... — тут он запнулся, увидев, как сфокусировался на нем взгляд Конана, как полезли вверх брови на лице Акиро и как напряженно уставилась на него Зула. — Да нет же, о чем это я... Все они там и того... Оттуда разве выберешься. Да и с чего вы решили, что я должен знать что-нибудь о том подземном ходе, через который он удрал... то есть я хочу сказать, не удрал, а погиб в темнице. И вообще, я стал часто забывать даже более нужные в каждодневной жизни вещи...

— Может, ему башку расколоть? — задумчиво предложила Зула.

— Тогда он не сможет говорить, — возразил Акиро. — Но вот яйца ему для этого не понадобятся. Можно устроить так, что они у него просто отсохнут. Дело нехитрое.

Конан, поглаживая рукоять кинжала, дал понять, что для этого вовсе не нужно применять колдовские методы.

Малак внимательно посмотрел в глаза каждому, вздохнул и печально сказал:

— Ладно, уговорили. Покажу вам то, что знаю.

Конан лишь молча ткнул его в плечо, предлагая бежать впереди, показывая дорогу. Их путь и вправду был странным —

извилистым, как след змеи. Причем они все дальше уходили от дворца, пробираясь по этим пропахшим дерьмом закоулкам. Неожиданно Малак подбежал к задней стене какого-то дома, где находилась каменная дверь, ведущая в погреб.

Киммериец склонился над ведущими в темноту ступенями.

— Нужен свет, — недовольно поморщившись, сказал он. — Акиро?

Маленький огонек затрепетал на кончиках пальцев колдуна. Они оказались в грязном и давно не используемом подземелье. Пыль и паутина покрывали все сплошным ковром. Акиро нашел воткнутый в щель между камнями факел и предпочел воспользоваться им, как более естественным источником света.

— Неужели отсюда можно добраться до дворца? — недоверчиво спросила Зула.

Встав на четвереньки, Малак отсчитывал большие квадратные камни на полу вдоль одной из стен.

— Вот, — сказал он, показывая на один из них, внешне ничем не отличавшийся от других. — Кажется, этот, если я не ошибаюсь.

— Тебе же хуже, если ты ошибаешься, — мрачно отозвалась Зула.

Конан наклонился над камнем. Щель с одной его стороны была достаточно широкой, чтобы просунуть пальцы. Приподняв слегка камень, Конан перехватил его поудобнее и в два счета вывернул его наружу. Открывшийся колодец был выложен камнем, в одной из стен виднелись углубления, вполне подходящие, чтобы поставить ногу или ухватиться рукой.

Заглянув туда, Акиро сказал:

— Кто бы ни строил этот дворец, он знал свое дело. Даже в самой сильной крепости должна быть парочка тайных выходов за ворота.

Конан уже влез в дыру по пояс.

— Ты не забыл про две сотни стражников? — поинтересовался Малак. — Лук Сигина! Киммериец, я тебя уверяю: от того, что окажешься внутри дворцовых стен, их ведь не станет меньше.

— Ты абсолютно прав, — ответил Конан. — Этот ход лишь ненамного увеличивает наши шансы. Но тебя это не касается.

Свое дело ты сделал. Наш договор остается в силе. Ты свободен и можешь не соваться дальше.

Зула лишь презрительно сплюнула, и рот Малака скривился в ухмылке:

— Вот уж не думал, что побрякушки Амфарата будут стоить мне так дорого.

И он тоже полез вниз по колодцу, с трудом поспевая за Коналом.

Глава 22

Сумерки уже спускались над Шадизаром, когда Тарамис вновь вышла на балкон, глядя на Спящего Бога. Полог исчез, а вокруг ложа появилось несколько новых жрецов. Ее четыре телохранителя и еще шесть лучших, лично отобранных Бомбаттой воинов в черных доспехах стояли по стенам дворца. Тарамис это не нравилось. Эти ребята служили не за страх, а за совесть. Их не проймешь жестоким зрелищем. Но в Свитках было сказано, что на Церемонии Пробуждения не должны присутствовать лишние свидетели. Она была вынуждена пойти на это из-за тупости Бомбатты.

По правде говоря, маловероятно, чтобы этот вор остался жив. А если даже и так, то что он может сделать — несчастный уличный ворюга — против всего ее могущества, против высоких стен и мощной стражи. Но в Свитках прямо говорится о возможной... нет, об очень вероятной опасности срыва всего дела, если вор останется в живых. А этот придурок — Бомбатта еще и исчез куда-то в дворцовых закоулках, обидевшись на ее ругань. Ладно, когда ночь пройдет, у нее еще будет время придумать ему наказание.

Еще один взгляд на темнеющее небо — и Тарамис вернулась в свои покои. Ей еще многое нужно было успеть.

Из шкатулки черного дерева, выложенной серебром, она достала маленький пергаментный пакетик. Из прозрачного кувшина в золотую кованую чашу было налито вино. В него и посыпался белый порошок из мешочка, бесследно растворяясь в бордовом напитке. Рядом с первой чашей на том же лакированном столике стояла еще одна. Порошок не был колдовским зельем, ни одно заклинание не усиливало его действие. Сегодня ночью не допускалось никакого колдовства, кроме того, что было связано с Церемонией Пробуждения.

Принцесса хлопнула в ладоши и приказала вбежавшей рабыне:

— Попроси госпожу Дженну прийти ко мне.

Скоро, думала она про себя, уже совсем скоро.

* * *

С факелом в вытянутой руке Конан, пригнувшись, несся по низкому коридору.

— Не так быстро, — пожаловался Малак. — Кости Великого Митры, неужели тот, кто это строил, не мог сделать туннель в рост человека?

— Тебе-то что, ты и здесь не очень-то нагибаешься, — сказала Зула, подгоняя его тычками шеста под ребра.

Малак гневно посмотрел на нее, но сказал лишь, что надеется на ступеньки в конце туннеля.

— Не улыбается мне еще раз карабкаться по стене.

Конан выругался, когда его факел высветил глухую стену впереди. Но выяснилось, что потолок здесь был выше, а в одном месте уходил вверх узкий лаз, наподобие того, по которому они спускались в туннель. Конан без колебаний полез вверх.

Акиро хриплым голосом позвал его:

— Конан! План! Ты ведь не знаешь, что там наверху.

Конан продолжал карабкаться вверх. С факелом в руке это было нелегко. Одна ошибка, потеря равновесия — и падение на каменный пол было бы неизбежным.

Наверху у самого конца колодца Конан обнаружил железный держатель для факела, вмурованный в стену. В камень над головой было вделано кольцо — чтобы помочь закрыть лаз за беглецами, если вдруг случится так, что хозяевам дворца придется воспользоваться тайным ходом для спасения своей жизни. С другой стороны на камне не было никаких запоров: никто не предполагал, что непрошеные гости смогут найти вход и появиться снизу.

Высунув факел и голову, Конан увидел, что оказался в тюремной камере: голые каменные стены, гнилая солома на полу, крысы... Выглянув через глазок в коридор, Конан увидел, что тяжелый засов не задвинут. Толкнув дверь плечом, он поморщился — ржавые петли отчаянно заскрипели. Но темный коридор был пуст. Ни одного звука не раздалось в ответ на скрип.

— Мог бы и подождать, — прошипел Акиро, вылезая из люка. — В конце концов, откуда ты знаешь, куда мог привести этот подземный ход?

— Куда же еще, как не в тюрьму, — возразил Конан. — Едва ли родственничек Малака сумел найти выход из тронного зала или спальни Тарамис.

Старый колдун аж крякнул от удивления:

— Логично. Я даже не ожидал от тебя такого стройного умозаключения. Обычно ты предпочитаешь решать проблемы не головой, а силой рук и остротой сжатого в них клинка.

Малак, которому Зула помогла вскарабкаться наверх, обиженно пробурчал:

— Откуда вы знаете, что мой шурин выбрался из дворца, не освоив сначала спальню принцессы? Все мужчины в нашей семье пользовались успехом у женщин.

Зула фыркнула, и Малак приготовил новый аргумент для продолжения дискуссии.

— Потом, — оборвал их Конан.

Все четверо выбрались в коридор. Выбор направления оказался делом нетрудным. Один конец коридора тонул в непроницаемом мраке, из другого шел слабый свет. Подойдя поближе, Конан и его товарищи увидели, что попали в комнату тюремщика.

Большое кубическое помещение было ярко освещено множеством факелов. В противоположном углу была видна лестница, уводившая вверх, в дворцовые переходы. Но между лестницей и тюремным коридором сидел сам дворцовый тюремщик — здоровенный, толстый мужик, у которого на руках и на груди явно было больше волос, чем на голове. В толстых коротких пальцах он сжимал изрядный ломоть жареного мяса и, громко чавкая, отрывал от него кусок за куском. Он успел бы пробежать половину лестницы, подняв тревогу прежде, чем Конану удалось бы порезать его мечом.

И все же киммериец напрягся, чтобы ринуться вперед. Вдруг рука Зулы коснулась его плеча. Чернокожая девушка молча покачала головой. Неожиданно она скинула полоску ткани, закрывавшую ее маленькую грудь, и обмотала ее вокруг бедер. Малак оценивающе рассматривал ее, но она даже не взглянула на маленького вора. Затем, изобразив приветливую улыбку на лице, она шагнула в комнату, опираясь на шест как на дорожный посох.

Толстый тюремщик так и застыл с недоеденным куском в руках.

— Из какого Девятого Неба Зандру ты вылезла? — прорычал он. — У меня таких в тюрьме не числится.

Зула ничего не ответила, а лишь ближе подошла к нему, покачивая бедрами.

— Если ты не узница, то какого черта ты там делала? А раз ты не должна была быть там, но была, то тебя можно и подвергнуть допросу. Болезненное, надо сказать, мероприятие... Что ты молчишь? Язык проглотила? Ну и ладно. В общем, так. Если ты, ведьма, не хочешь понюхать каленых щипцов и повисеть на дыбе, то я рекомендую отнестись ко мне как к богу во плоти и как к земному возлюбленному в одном лице. Вот так-то.

С этими словами он направился к ней. Улыбка не сошла с лица Зулы, лишь шест был поудобнее перехвачен обеими руками. Один взмах — и из-под кадыка тюремщика забил кровавый фонтан. Его глаза чуть не повылезали из орбит; согнувшись пополам, он упал на колени, и еще один удар шестом в основание черепа довершил дело. Зула спокойно восстановила целостность своего костюма.

— Весьма эффективно, — улыбнулся Акиро, подмигивая девушке. Малак при этом всячески старался даже случайным взглядом не зацепиться за едва прикрытую грудь.

Ни секунды не мешкая, Конан бросился вверх по широким каменным ступеням. Остальные последовали за ним по пятам.

* * *

— Тетя, ты звала меня? — спросила Дженна, появившись в дверях.

Тарамис улыбнулась, по-семейному и, как ей казалось, естественно. Дженне предстояло сыграть еще одну роль, и она была неплохо подготовлена к ней.

Черный шелк укрывал ее от шеи до пят. Волосы волной спускались по плечам. Черное платье — символ черноты Великой Ночи. Бледное лицо — сама невинность. И рядом — огненно-алый шелк, подчеркивающий чувственные изгибы тела Тарамис.

— Да, дитя мое, — ответила Тарамис. — Сегодня тебе предстоит выполнить твое Предназначение. До конца. Выпей со мной праздничный кубок. Ты теперь женщина, уже достаточно взрослая для того, чтобы узнать вкус вина.

Дженна нерешительно взяла чашу обеими руками и всмотрелась в рубиновую жидкость.

— Я часто хотела попробовать. Мне было так интересно.

— Тогда пей. Пей все, до дна. Так вкуснее.

Тарамис нервно ждала и облегченно вздохнула, увидев, как Дженна запрокидывает голову и подносит чашу ко рту.

Девушка легко рассмеялась, отставив почти опустевшую чашу.

— Так тепло. Во мне словно бежит жидкий огонь.

— Голова не кружится? Такое иногда бывает, — участливым голосом сказала Тарамис.

— Не знаю... Я... я чувствую... — икнув, девушка замолчала.

Взяв из несопротивляющихся пальцев чашу, Тарамис посмотрела в широко раскрытые глаза Дженны. Вино не подействовало бы так быстро и так сильно. Порошок. Это его эффект.

— На колени! — приказала Тарамис.

Улыбаясь, как если бы это было обычным делом, Дженна встала на колени перед принцессой.

Отлично, подумала Тарамис. Порошок действует лучше любого заклинания.

— Вставай, дитя мое, — обратилась она к Дженне и, обернувшись, позвала Верховного Жреца: — Ксантерес! Она готова!

Жрец вошел в комнату с золотой чашей в руках. Тарамис сама открыла ее и сказала:

— Возьми Рог, Дженна.

Ее глаза ревниво следили за руками Дженны. Ничего, думала Тарамис, завтра утром она будет единственной, кому будет даровано право прикасаться к Рогу и Сердцу. Завтра утром.

Четыре удара гонга пронеслись по дворцу. Наступила ночь.

— Пойдем, дитя мое, — сказала Тарамис.

С Рогом на вытянутых руках Дженна последовала за ней навстречу судьбе.

* * *

Конан бесшумно ступал по коридорам дворца, не обращая внимания ни на великолепные ковры вендийской работы, устилавшие пол, ни на гобелены из Иранистана, свисавшие со стен, на которых горели позолоченные светильники. Его спутники едва поспевали за ним.

Стражники стояли чуть ли не на каждом шагу. Несколько раз Конану и его товарищам приходилось прятаться в боковых переходах за занавесями, пережидая, пока мимо пройдет патруль — десяток воинов в черных доспехах. Разобраться с такой компанией, не подняв шума, было невозможно. А Дженну следовало разыскать, не вызвав никакой тревоги, если только они хотели сохранить хоть малейшую надежду на то, чтобы выбраться с нею из дворца живыми.

Киммериец шагнул из одного коридора в другой. Скрип кожаной одежды дал ему шанс. По обе стороны от входа, прислонившись к стене, стояли два стражника в черных доспехах и шлемах с забралами. Их руки рванулись к рукояткам сабель.

Времени на размышления не оставалось. Надо было действовать.

Сжимая меч двумя руками, Конан метнулся влево и вонзил клинок под эбеновую пластину. Стражник успел лишь до половины вынуть саблю из ножен. Продолжая начатое вращение, Конан выдернул меч из тела жертвы. Второй страж, выхватив саблю, совершил ошибку, занеся ее для рубящего удара, вместо того чтобы колоть. Меч Конана воткнулся под занесенную руку. Еще мгновение, и Конан, шагнув вперед, довершил дело, полоснув клинком по шлему изо всех сил. Первое тело еще не затихло на полу, когда труп второго стражника уже рухнул на него.

Малак восхищенно присвистнул. Зула тоже смотрела на Конана, оцепенев.

— Ты... такая скорость... Я никогда...

— Вот что, — прервал ее Конан. — Этих двоих или обнаружат в виде трупов, или, по крайней мере, хватятся очень скоро, независимо от того, будем мы их прятать или нет.

— Ты хочешь сказать, что все двести, или сколько их там, стражников узнают, что мы здесь? — голос Малака задрожал. — Костлявая задница Данха!

— Проваливай обратно в тюрьму и выбирайся отсюда, — презрительно бросила Зула. — Путь пока открыт.

Малак состроил ей рожу, а потом вытащил кинжалы.

— Всегда мечтал стать героем, — сообщил он.

Конан сказал:

— Я думаю, прятаться дальше нет смысла. Надо найти Дженну. И побыстрее!

Словно леопард, он бросился вперед, подгоняемый опустившейся за окнами темнотой.

* * *

Взрыв молитв жрецов встретил маленькую процессию, появившуюся во дворике.

Тарамис знала, что хвалебные молитвы возносятся Дженне, но и она ощущала себя причастной. Ведь кто, как не она, сумел организовать все для этого триумфа своей племянницы.

Тарамис стояла рядом с Дженной, придирчиво поглядывая на нее и на стоящего рядом Верховного Жреца. Тот, сменив чашу на золотой посох, увенчанный алмазным глазом, тоже с удовлетворением внимал благодарным молитвам своих единоверцев.

— Спящий Бог никогда не умрет, — привычно затянула Тарамис.

— Там, где есть вера, — нет смерти, — последовал ответ стоявших на коленях жрецов.

Тарамис широко развела руки.

— Пришла Ночь Пробуждения, — крикнула принцесса, — ибо вернулась Она.

Эхом прокатился ответ:

— Слава Ей, служащей Спящему Богу!

Десяток стражников отступили в тень колоннады, как было приказано. Заиграли флейты, возвещая наступление времени жертвоприношения. На черном бархате неба звезды выстроились в том порядке, в каком они бывают лишь раз в тысячу лет. Настал момент.

Власть, сила, думала Тарамис, слушая замолкающее эхо молитв. Власть и бессмертие. Завтра они будут принадлежать ей.

* * *

Конан был вынужден остановиться, когда высокий, едва ли не выше и шире в плечах, чем он сам, человек в черном шлеме с саблей в руке шагнул навстречу ему из бокового коридора.

— Я знал, что ты придешь сюда, мерзкий вор, — тихо сказал Бомбатта. — Как только я наткнулся на трупы, я понял, что ты жив. И я понял, что ты направляешься в центральный двор, чтобы спасти ее. Но если Дженна не может быть моей, она не достанется никому из смертных. Она отправится к богам, вор.

Сабля блеснула в свете масляных ламп. Конан жестом приказал своим спутникам отступить. В этом узком коридоре, увешанном портьерами, они бы только мешали ему. Киммериец держал меч прямо перед собой, сжимая рукоятку обеими руками.

— Что, язык проглотил? — спросил Бомбатта. — Девчонка умрет через несколько мгновений в самом центре Дворца. Я рад увидеть отчаяние на твоем лице, вор. И я счастлив утешить свое горе от этой утраты тем, что могу наконец убить тебя.

— У меня нет времени на разговоры, — ответил Конан. — А тебе пришло время умереть.

Оба клинка взвились в воздух. Грохот сталкивающейся стали заполнил весь коридор. Атаки и контратаки, уколы и рубящие удары, защита и обманные финты — все это следовало с такой скоростью, что казалось единой каруселью сверкающей стали и искр.

Неожиданно меч Конана был вывернут из его рук. Предчувствуя победу, Бомбатта ухмыльнулся. Но в тот же миг сапог киммерийца точным ударом отправил его саблю в другой угол. Оба противника бросились навстречу друг другу. Сначала каждый попытался дотянуться до кинжала; но затем Бомбатта сжал голову Конана руками и стал поворачивать ее. Киммериец тоже схватил одной рукой за гребень шлема, а другой — за нижний край забрала, пытаясь свернуть противнику шею. Главным звуком боя стало тяжелое дыхание. Вздулись могучие мускулы, напряглись, сопротивляясь, шеи, сильные ноги переступали в поисках лучшего упора и для сохранения равновесия.

Раздался негромкий, но отчетливый хруст, и Конан вдруг обнаружил, что продолжает сжимать мешок с костями, а не грузного противника. Отпущенное тело Бомбатты шумно упало на пол.

— Самое время сматываться отсюда, — сказала Зула, — а мы даже не знаем, где искать ее.

Конан покрутил головой, восстанавливая подвижность шеи.

— То есть как не знаем? Этот болван все сказал нам. Она в центральном дворике дворца.

— Еще он сказал, что через несколько мгновений она умрет, — напомнил Малак.

— Тогда у нас нет времени на болтовню, — подытожил Конан. — Вперед!

* * *

— О Великий Дагот, — продолжала Тарамис, — в Ночь Пробуждения мы, твои слуги, приходим к тебе.

Флейты зашлись в безумной мелодии, когда она прикоснулась к руке Дженны. Вдвоем с Ксантересом они подвели несопротивляющуюся девушку к голове лежащей фигуры.

— О Великий Дагот! В Ночь Пробуждения твои слуги взывают к тебе! — нараспев тянула Тарамис, а затем зашептала на ухо Дженне: — Рог, малышка. Установи его, как я тебе говорила.

Дженна вздрогнула, в ее глазах мелькнуло сомнение. Тарамис вся сжалась: неужели порошок перестал действовать! Но затем, все так же не понимая, что происходит вокруг, Дженна вставила Рог в углубление на лбу Дагота.

Дрожь пробежала по огромному алебастровому телу. Мрамор обмяк и принял оттенок человеческой кожи.

Ликование охватило Тарамис. Ничто, ничто больше не могло помешать ее мечтам. Спящий Бог просыпался. Оставалось лишь довести дело до конца.

— О Великий Дагот, — позвала она, — прими нашу жертву и подношения тебе. Прими третье окропление. Окропление Ее кровью.

Дженна даже не вздрогнула, когда Ксантерее схватил ее за волосы левой рукой и наклонил ее голову над полуожившей головой статуи. Изогнутый резной кинжал взлетел в воздух, сверкнув в звездном свете.

* * *

Ворвавшись в большой двор, Конан в один миг увидел все, что здесь происходило. Он заметил и черных стражников, и склонившихся жрецов, и подрагивающий Рог, торчащий из какой-то гигантской головы. А главное, он увидел Дженну, стоявшую с открытым горлом, подставленным ножу, сверкающему в руках старого, седобородого человека.

Всего лишь миг понадобился ему, чтобы все это увидеть и оценить ситуацию, В следующий миг он уже действовал. Перекинув меч в левую руку, он обрушил сжатый кулак на шлем стоявшего справа охранника, следующим движением перехватив выпадающее из ослабших рук копье. В тот момент, когда кинжал жреца пошел вниз, Конан метнул копье. Кинжал со звоном упал на мраморные плиты, за ним, наваливаясь на

древко, последовал седобородый Верховный Жрец, подставив небу горло с торчащим окровавленным наконечником копья.

Хаос воцарился во дворике. Черные стражи ринулись к Конану, который не без удивления обнаружил рядом с собой Малака, сжимающего кинжалы в обеих руках. Зула, нещадно обрушивая на спины жрецов шест, прорывалась к Дженне, чтобы, схватив ее за руку, оттащить от вздрагивающей и извивающейся фигуры на мраморном ложе.

— Еще не все потеряно, еще есть время! Я все исправлю! — стонала Тарамис, на четвереньках бросившись к упавшему кинжалу.

Гигантская фигура села, сверкая золотым Рогом посреди лба. Холод наполнил весь двор при первом же движении прекрасного тела. Красивая голова повернулась, большие глаза, сверкающие золотым огнем, обвели взглядом дворцовый двор. Неожиданно голова запрокинулась, и Дагот застонал. Он начал вставать на ноги, и при этом его стоны возвещали о величайшей боли, испытываемой им.

Ужасающий звук словно вывел Конана из паралича. Он перехватил меч и приготовился к бою, но стражники, побросав копья, метнулись мимо него к выходу. Что-то более страшное, чем сталь клинка киммерийца, гнало их прочь.

Под кожей Дагота набухли узлы мышц. Они росли, но чем дальше, тем больше отличались от нормальных человеческих форм. Кожа на лице превратилась в чешую, лоб скосился назад, а челюсти, наоборот, сильно подались вперед. Острые клыки прорвали губы. Руки и ноги стали тоньше, а на концах пальцев выросли длинные когти.

Кожа на спине лопнула и выпустила на свободу черные кожаные крылья огромной летучей мыши. В центре двора встала гротескная фигура, напоминающая мужское тело, но втрое превышающая человеческий рост. Лишь золотые глаза, не изменившись, горели все тем же жутким огнем. Эти глаза замерли на Тарамис, стоящей на коленях с прижатым к груди кинжалом. На лице принцессы не было никаких других чувств, кроме ужаса.

— Ты! — словно гром прокатился по дворцу. — Ты своими устами обещала быть моей, Тарамис.

Надежда мелькнула в лице принцессы.

— Да, — выдохнула она и, вскочив на ноги, бросилась к

своему богу. — Я обещана тебе! А ты — ты дашь мне власть и бессмертие. Ты...

Клешнеобразные лапы подтащили женщину поближе, и огромные крылья на миг скрыли ее. Крик, в котором смешались неверие, разочарование и нестерпимая боль, донесся из-за черных крыльев.

Когда они распахнулись, лишь алое шелковое платье слетело к ногам Дагота...

— Вот что значит познать бога и быть познанной богом, — вновь прокатился громовой голос.

Зула с ужасом смотрела на кровавое пятно алого шелка. К счастью, Дженна не воспринимала происходящее вокруг нее.

Бросившись вперед, Конан схватил обеих за руки и подтолкнул к выходу из дворца.

— Бегите! — скомандовал он им, и они побежали.

— Нет, смертный! — раздался удар грома. — Это Она. И Она принадлежит мне!

Конан почувствовал, как вздрогнула земля, когда Дагот сделал шаг. Женщины не могли пошевелиться от ужаса. Настало время вступить в бой за них. Впервые в жизни Конан был уверен, что противник перед ним — сильнее него, что его нельзя победить. И все же он вышел навстречу богу.

Огненный шар прорезал воздух над его головой и ударился о грудь Дагота. Он отскочил, словно булыжник от горы.

— Беги, киммериец, — закричал Акиро, — Эрлик тебя раздери! Беги же! Я ничего не смогу поделать с этой тварью!

Крылья Дагота хлопнули за его спиной, и Акиро упал на пол, откатившись к стене двора.

— Ну а ты, смертный, — прогромыхал Дагот в сторону Конана, — ты что, хочешь сразиться с богом? Побойся кары за такую дерзость.

Конан действительно почувствовал захлестнувшую его волну страха. Этот страх смел в нем все — все, называвшее себя Конаном из Киммерии. Теперь посреди дворца стояло существо из далеких времен. Существо, не знавшее ни имен, ни огня, ни богов. Это существо привыкло восполнять недостаток когтей и клыков, а также меньшую, чем у медведя или тигра, силу большой яростью и волей к жизни. У этого существа был только один ответ на страх. С ревом, когда-то приводившим в ужас древние пещеры, Конан бросился вперед.

Дагот лишь громоподобно хохотал, в то время как раны, наносимые мечом Конана, затягивались, лишь только киммериец вытаскивал клинок из них. Клещевидные лапы сомкнулись вокруг его тела и поднесли свою жертву к изогнутым клыкам.

Извиваясь в последних попытках вырваться, Конан услышал неясные слова, обращенные к нему. Одно из них крепко отпечаталось у него в голове: «Рог!» Затем звуки сложились в крик Акиро:

— Его единственное уязвимое место — это Рог!

Конан смотрел в золотые глаза без страха. Это чувство покинуло его еще до того, как он бросился на Дагота с мечом. Он спокойно принял выбор: убить или быть убитым.

Киммериец засмеялся, выпуская меч и хватаясь обеими руками за сверкающий Рог. Его сильные плечи напряглись, и Рог вылетел из чудовищной головы. Дикая боль перекосила мерзкую рожу бога, и он открыл рот пошире, чтобы разорвать в клочья смертного, доставившего ему такие страдания. Но ярость атаки не так-то легко было выбить из Конана. Почувствовав, что Рог оказался у него в руках, киммериец перевернул его острым концом вперед, вонзил в один из золотых шаров, ало уставившихся на него, и надавил что было мочи.

Все стоны и крики, которые Дагот издавал до сих пор, показались легким шепотом по сравнению с раздавшимся в этот момент ревом. Конан отлетел в сторону и рухнул на мраморные плиты. Рев все не прекращался. Звук становился все выше и выше... Вот уже уши перестали ощущать его, лишь кожу словно кололи бесчисленные раскаленные иглы. Сжав руками голову, Конан попытался встать. Он должен сражаться. Он должен убить. Он должен...

Вдруг он, несмотря на всю боль, понял, что может видеть небо и звезды. Видеть их сквозь Дагота. Гигантская тень все еще висела в воздухе дворцового дворика, с каждой секундой становясь все менее плотной, почти неосязаемой. Неожиданно Дагот стрелой взмыл в небо и растворился там. Исчезла и боль в голове Конана.

Киммериец недоверчиво осмотрел двор. Жрецы разбежались кто куда. Из стражников остались лишь те, кому обеспечили покой они с Малаком. Зула склонилась на Дженной, обхватив и прикрыв ее своими руками.

— Она рухнула на землю, когда ты вырвал этот Рог, — сказала Зула, — но я думаю, что это не страшно. Она скоро очнется.

— Эй, Конан! — раздался голос Малака, лежавшего у основания одной из колонн. Акиро, что-то причитая, перевязывал какой-то золотистой тряпкой кровоточащую рану на боку маленького воришки. — Я тут наткнулся на копьецо, но дело не в этом. Мы победили! Яйца Ханнумана! Мы победили!

— Как знать, — устало сказал Конан. Он сжал амулет на своей груди так сильно, словно хотел раздавить золотого дракона. — Скорее всего, да.

Эпилог

С резного алебастрового балкона прекрасного мраморного дворца, некогда принадлежавшего Тарамис, Конан смотрел на всходящее над горизонтом солнце. Второй раз он встречал здесь восход. На размышления и принятие решения у него были день и ночь. Приняв решение, он отдал несколько приказаний и даже пригрозил кое-кому из слуг мечом, когда те попытались поставить под сомнение правомочность его требований.

— Господин Конан, — раздался голос одной из служанок, — принцесса Дженна... э-э... просит вас зайти к ней.

Женщина споткнулась на середине фразы от непривычного сочетания слов. Никогда раньше аристократки Заморы никого не просили, а только приказывали. Особенно принцессы.

— Никакой я не господин, — сказал Конан, а затем быстро добавил: — Ладно, веди меня к принцессе Дженне.

Зал, в котором он оказался, был предназначен для неформальных аудиенций. Трон был поднят всего на высоту одной ступени, да и сам представлял собой резное кресло черного дерева безо всяких драгоценных украшений. Дженна прекрасно смотрелась на нем в своем белом платье.

Все остальные присутствующие, казалось, тоже более-менее очухались после всех приключений. Малак довольно сжимал в руке золоченый кубок с каким-то напитком, явно не похожим на воду. Руки Акиро нетерпеливо поглаживали целый ворох древних рукописей и свитков. Зула, опершись на шест, стояла у трона Дженны как верный телохранитель.

— Конан, — Дженна улыбнулась входящему юноше, — наконец-то. Знаешь, король Тиридатес признал меня наследной принцессой Заморы и передал мне всю собственность и богатства Тарамис.

— Прими мои поздравления, — сказал он. При этом лицо Дженны стало серьезным.

Затем улыбка снова появилась на ее губах, и новоявленная принцесса сказала:

— Я попросила всех вас прийти сюда, потому что у меня есть просьба к каждому из присутствующих. Малак, сначала ты. Я прошу тебя остаться со мной. Ты можешь жить во дворце, постоянно напоминая мне, что даже тот человек, которого все считают глупым и трусливым, может быть храбрым и, главное, добрым.

— Даже моя мать не называла меня добрым, — негромко произнес Малак, внимательно глядя на золотой кубок в своих руках. — Но я, пожалуй, останусь здесь. На время.

— Лучше всего — сразу приставить к нему охрану, — съехидничал Акиро.

— Акиро, ты тоже останься со мной, — сказала Дженна. — Ты мудрый человек, а мне в будущем понадобятся мудрые советы.

— Это невозможно, — ответил колдун. — Я получил то, ради чего вмешался в это дело, — Свитки Скелоса. Но я не могу остаться здесь, пока там эти мерзкие шаманы продолжают свои страшные жертвоприношения. Я поклялся положить этому конец.

— Я дам солдат в твое распоряжение, чтобы помочь тебе поскорее разобраться с этими шаманами. А потом, когда ты надумаешь вернуться, я отведу тебя в комнаты, где Тарамис собрала множество всяких колдовских книг и волшебных предметов. Ты сможешь изучать их столько, сколько захочешь.

— Солдаты? — пробормотал Акиро. — Ну, я думаю, солдаты вполне справятся с этими мерзкими шаманишками. Так ты говоришь, что там есть несколько комнат? А сколько их, поточнее?

— Много, — рассмеялась Дженна. — Зула, ты тоже должна остаться со мной. Ты уже очень многому научила меня и как женщина, и как воин. Но еще большему мне предстоит учиться. Например, обращаться с шестом так, как ты.

Чернокожая женщина вздохнула с сожалением:

— Я не могу. Я обязана жизнью Конану, и я должна следовать за ним, пока...

— Нет! — резко оборвал ее Конан. — Долг нельзя отплатить таким образом!

— Тогда как?..

— Пойми, Зула. Я и сам только недавно осознал это. Есть долги, которые нельзя отдать подобным образом. Спаси жизнь другого человека — и тогда я буду считать, что ты расплатилась со мной.

Зула кивнула и повернулась к Дженне:

— Я остаюсь, Дженна. И с большой радостью.

— Конан, — начала Дженна и поспешила продолжить прежде, чем он успеет оборвать ее, — послушай меня, Конан. Останься со мной. Ты будешь сидеть рядом со мной на этом же помосте, на таком же троне, ты...

— Я не могу, — вежливо, но твердо сказал Конан.

— Но почему? Клянусь всеми богами, я хочу, чтобы ты остался. Ты мне нужен!

— Я живу своим умом и своим мечом. Неужели я буду нужен тебе в виде комнатной собачки? А это все, чем я могу стать здесь. Дворцы и шелка — это не по мне.

— Тогда я пойду с тобой, — сказала она и вся напряглась, когда он рассмеялся.

— У туранцев есть такая поговорка, Дженна: орел не бегает по горам, а леопард не летает в небе. Ты принесешь в мою жизнь столько зла и боли, сколько я принесу в твою. Я живу, день за днем сражаясь за свою жизнь или мчась с ней наперегонки на верном коне. Это мой путь, и тебе на нем нечего делать.

— Но, Конан!..

— Прощай, Дженна, и пусть все боги хранят тебя. Будь счастлива.

Он повернулся и вышел из зала. Она еще несколько раз позвала его, но он не обернулся. Как он и приказал, конь уже ждал его, оседланный и отдохнувший, у самых ворот дворца.

* * *

Солнце уже стояло в зените, когда он добрался до каменного алтаря на равнине. Ветер нанес песка и грязи вокруг, и Конан подумал, что Малаку придется потрудиться, чтобы найти точное место, где зарыты драгоценные камни. Кроме этого, ничего не изменилось.

Сняв золотой амулет с груди, он положил его на алтарь. Из мешочка на поясе он извлек флакон, который всучил ему Акиро. Как же давно это было! С тех пор прошла целая веч-

ность. Что ж, некоторые долги не удается отдать напрямую тем, кому они были обещаны...

— Прощай, Валерия, — негромко сказал он и, сорвав закрывающую флакон печать, выпил одним глотком содержимое.

Жар пробежал по всему его телу. Глаза зажмурились, словно от яркого света. Даже конь невольно задрожал под седоком. Когда Конан снова открыл глаза, жар исчез. Какая-то золотая вещица блеснула перед ним. Какая-то подвеска в виде дракона, подумал он, почему-то оказавшаяся на этой странной груде камней. Он свесился с седла, наклонившись над побрякушкой. Но что-то остановило уже протянутую руку. Что-то непонятное, неведомое твердило ему, что не следует брать эту вещицу. Не иначе, колдовство какое-то, подумал он.

Ну и ладно, в Шадизаре полно незаколдованного золота и девочек, мечтающих усесться к нему на колени и помочь потратить все честно украденное им. Со смехом он пришпорил коня, и тот галопом понесся к городу. Ни разу Конан не обернулся, чтобы взглянуть на эти камни. Не потому, что боялся, а просто не хотел. Он уже совсем забыл о них.

СЕРДЦЕ ХАОСА

Пролог

Штормовой ветер, дувший от сокрытого в полуночной мгле моря Вилайет, бился о гранитные стены резиденции служителей Культа Хаоса. Сама резиденция напоминала небольшой город с безлюдными улицами. Не только буря и поздний час заставляли его обитателей лежать в кроватях и молиться о сне. Лишь немногие могли вслух назвать истинную причину, остальные лишь молча думали о ней. Боги возвышают человека, и они же низвергают его. Но каждый надеется, что гнев богов пройдет мимо него.

Человек, которого теперь называли Джандар, не знал, вмешиваются ли боги в дела смертных, да и существуют ли сами боги. Но он твердо знал, что и в этом мире есть Великие Силы. Настоящие Великие Силы, одну из которых он научился употреблять себе на пользу и даже сумел в некотором роде подчинить ее. А боги — пусть они остаются для тех, кто сейчас спал в лагере и кто называл его Великим Господином.

Сейчас этот человек в оранжевом одеянии сидел скрестив ноги перед источником той самой Силы. Помещение, в котором он находился, было пустым. Ничто не украшало ни мраморные стены жемчужного цвета, ни арки двух входов. Простые круглые колонны поддерживали купол, возвышавшийся над небольшим — не более десяти шагов в длину — мелким бассейном. Этот бассейн явно был самой важной деталью помещения, в котором не было ни резных фризов, ни орнаментов, ни скульптур. Никакая работа по камню, никакие украшения не могли сравниться с этим бассейном и с Силой, исходившей от него.

То, чем был наполнен бассейн, лишь на первый взгляд могло показаться водой. Голубая поверхность испускала серебряное свечение. Джандар медитировал, погрузившись в лучи Силы, а бассейн сверкал все сильнее и сильнее. Казалось, что уже тысячи светильников освещают зал.

Поверхность бассейна забурлила, над нею поднялся густой туман, вставший куполом над бассейном. Яркие вспышки линии Силы прочертили обе полусферы — бассейн и купол тумана над ним.

Лишь однажды Джандар видел, как жидкость, наполнявшая Сосуд Великого Хаоса, выплеснулась из бассейна. И, честно говоря, ему не хотелось бы увидеть это снова. Когда-то это должно случиться вновь. Но не здесь, не сейчас.

Он чувствовал, как Сила проникает в самую глубину его тела. Настала пора действовать. Он медленно встал и вышел через одну из арок в узкий, освещенный бронзовыми светильниками, коридор, ступая босыми ногами по прохладным мраморным плитам. Джандар с гордостью не носил красивых одежд и ярких украшений. Даже сандалии были ему не нужны. Он, как и Сосуд Силы, не нуждался в украшениях.

Коридор привел его в круглое помещение — святилище. Стены зала были покрыты резным орнаментом, высокий потолок поддерживали алебастровые колонны. Свет исходил от золотых чаш-светильников, подвешенных на серебряных цепях. Тяжелые бронзовые двери преграждали главный вход. Их поверхность была покрыта рисунком, изображавшим сам Хаос. Эти узоры выполнил художник, познавший Силу, но сошедший с ума, не выдержав ее тяжести. Да, Сила не может принадлежать каждому.

В зале собралось сорок человек — пятая часть Избранных. Им-то и было нужно роскошное убранство помещения, чтобы подчеркнуть блеск и величие их миссии. Но самый важный предмет святилища — алтарь, стоящий точно в центре круглого зала, был сделан из куска ничем не украшенного черного мрамора.

Сорок голов повернулись к вошедшему Джандару. Сорок пар глаз почтительно проводили его. Сорок пар ушей напряженно ловили любое слово, произнесенное им.

Все присутствующие были одеты в оранжевые одежды, как того требовали предписания Культа. Эти же правила обязывали мужчин бриться наголо и запрещали женщинам стричься.

— Я пришел от Вместилища Первопричины, — нараспев произнес Джандар.

Почтительный вздох присутствующих был ему ответом, словно он только что говорил с богами. Хотя для служителей

Культа это и было почти одно и тоже. Ведь они считали, что их допустили до самых сокровенных тайн учения, тогда как на самом деле они ничего не знали о его истинных целях.

Джандар медленно проследовал к алтарю, ловя на себе взгляды тех, кто почитал его как божество во плоти. При всех своих амбициях он себя таковым не считал. Пока.

Джандар был высокого роста, крепко сложенный, но при этом стройный. Некрупные черты лица в сочетании с бритой головой затрудняли определение его возраста, хотя что-то в его темно-карих глазах говорило о немалом жизненном опыте. Чуть оттопыренные уши придавали ему вид существа из другого мира. Зачастую один лишь его взгляд убеждал собеседника, что перед ним — великий мудрец, еще до того как Джандар произносил хоть слово. На самом деле, ему не было еще и тридцати.

Он воздел руки к небу.

— Слушайте меня! — раздалось в зале.

— Мы слушаем, Великий Господин, — в один голос ответили сорок ртов.

— *В начале* не было ничего. Все пришло из ничего.

— И все должно уйти в ничто.

Губы Джандара тронула легкая улыбка. Эта фраза — знамение, пароль его последователей — всегда забавляла его. Безусловно, все обратится в ничто. Несомненно. Но не так скоро. По крайней мере, он сам не торопился.

Совеем мальчишкой, еще до того как он впервые поменял имя, судьба забросила его за море Вилайет, за далекую Вендию, в почти легендарный Кхитай. Там, в услужении у черного мага — старого человека с длинными седыми усами и кожей цвета старой слоновой кости — он многому научился.

Но провести жизнь в поисках тайного знания — это было не по нему. В конце концов молодой ученик убил старого мудреца, чтобы завладеть его магическими талисманами и свитком тайных заклинаний. Прежде чем он освоил малую часть этого богатства, убийство было раскрыто, и Джандара бросили в тюрьму. Но к тому времени он уже обладал знаниями и силой, достаточными, чтобы выбраться из каменного мешка. Разумеется, после этого ему пришлось бежать из Кхитая. Позднее в его жизни было еще несколько таких бегств. Но каждый урок судьбы шел Джандару на пользу. Сейчас его путь ле-

жал вперед и вверх, к заоблачным, почти недоступным для смертного, высотам.

— Сначала все родилось из ничего. А до этого был Хаос.

— Благословен будь Великий Хаос! — последовал ответ.

— Естественным состоянием Вселенной был и остается Хаос. Но появились боги, сами по себе — лишь порождение Хаоса, — и навязали миру порядок — неестественный, нечестивый порядок, этот бунт против Хаоса, породившего их.

Голос Джандара проникал в мозг его слушателей, будил их ужас, затем рассеивал его, пробуждал надежды и рвение.

— Боги навязали человеку нечестивый дар, лишив большую часть человечества истинного знания. Ибо это знание — не от богов. Оно пришло из Хаоса, из великого естественного беспорядка, который боги связали и навязали миру и человеку в виде насильственного порядка.

Он сделал паузу и протянул руку к слушателям, словно желая обнять их. Огонь экстаза зажегся в глазах тех, к кому он обращался. Они замерли в ожидании так нужного им его благословения.

— Вы настойчиво работали над собой, чтобы избавиться от нечестивости этого мира. Ваши земные ценности отброшены в сторону. Вы сами отказались от плотских удовольствий. Теперь, — его голос прогремел, как раскат грома, — теперь вы — Избранные.

— Благословен будь Великий Хаос! Мы избраны Великим Хаосом!

— А сейчас пусть введут женщину по имени Натрин, — скомандовал Джандар.

В зал втолкнули госпожу Натрин, жену лорда Таримана. Сейчас она меньше всего походила на жену одного из Семнадцати Советников, самых приближенных к королю Турана Йилдизу вельмож. Раздетая, со связанными ногами, она не смогла бы устоять на ногах, если бы двое из Избранных не поставили ее прямо, грубо тряхнув.

Ее руки были связаны за спиной. Широко раскрытые глаза были полны ужаса, губы непрестанно шевелились, пытаясь вытолкнуть кожаный кляп. Ее стройное, красивое тело было покрыто потом от страха. Никто, кроме Джандара, не смотрел на нее как на женщину — Избранным запрещалось и думать о плотских удовольствиях.

— Ты попыталась предать меня, Натрин.

При звуке голоса Джандара женщина вздрогнула словно от укола. Некоторое время назад она, как и многие другие скучающие жены местных аристократов, увлеклась изучением доктрины Культа.

К несчастью, высокое положение ее мужа привлекло к ней особое внимание Джандара. Своими заклинаниями он сумел проникнуть во все затаенные уголки ее жизни. У большинства аристократок Турана были секреты, ради сохранения которых они готовы были пойти на все, даже на убийство. Натрин, со своими пороками и любовниками, не была исключением. Натрин возмутило такое вмешательство в ее жизнь, но она была вынуждена исполнить волю Джандара и надавить кое в чем на своего мужа.

Но затем колдовские чары поведали Джандару, что женщина решила рассказать обо всем мужу и положиться на его милость. Люди Джандара не убили ее там, где застали, — во дворце ее мужа, а привели живую в резиденцию Культа. Натрин ждала и боялась смерти, но Джандар приготовил для нее кое-что похуже.

— Приготовьте ее, — раздалась команда.

Женщина, извиваясь, попыталась вырваться из рук, тащивших ее за запястья и лодыжки к черному камню — алтарю. Кляп был вынут, сухие от ужаса губы прохрипели:

— Смилуйся, Великий Господин! Позволь мне служить тебе!

— Этим ты сейчас и занимаешься, — ответил Джандар.

Из чаши чеканного золота, преподнесенной одним из Избранных, Джандар взял нож с серебряным лезвием. Чаша была поставлена рядом с алтарем. Стоны Натрин смешались с речитативом Джандара, призывавшего себе на помощь Силы Хаоса. Хотя он не кричал, его голос, словно гром, метался между стенами.

Джандар почувствовал Силу в себе, струящуюся сквозь него энергию. Над алтарем засиял голубой купол, покрывший камень, жертву и колдуна. Избранные рухнули на колени и прижали лица к мрамору пола. Нож Джандара сверкнул в воздухе. Последний крик Натрин — и лезвие по самую рукоятку вошло в тело под левой грудью.

Быстро наклонившись, Джандар подхватил золотую чашу и резким движением поднес ее к ране. Поворот лезвия — и в

чашу хлынула алая струя. Лишь несколько красных капель упали на мрамор пола.

Вынув клинок из тела, Джандар поднял чашу и нож вверх, ледяным голосом призывая Силу, вызывая жизнь, которая не будет жизнью, и смерть, которая не будет смертью. Не опуская чашу, он наклонил ее, выливая кровь Натрин. Алая струя растворилась в воздухе, не долетев до каменного пола. С последней каплей погас и мерцающий купол.

С довольной улыбкой Джандар выпустил из рук чашу и нож. Орудия колдовства со звоном рухнули на пол. Красоту тела Натрин уже не обезображивала рана на груди.

— Проснись, Натрин, — скомандовал колдун, разрезая спутывавшие ее веревки.

Веки женщины вздрогнули и приподнялись. Ее взгляд, полный ужаса и какой-то пустоты, неотрывно следовал за Джандаром.

— Я... я умерла... — прошептала она. — Я уже видела подножие трона Эрлика.

Вся дрожа, она подобрала под себя руки и ноги, свернувшись клубком.

— Мне холодно, — пожаловалась она.

— Конечно, так и должно быть, — словно издеваясь, сказал Джандар. — В твоих венах больше не течет кровь. Ты уже не жива. Но ты и не мертва, Натрин. Ты — где-то посредине. И пока настоящая смерть не найдет тебя, ты будешь служить и подчиняться мне.

— Нет, я не буду...

— Молчать! — прикрикнул Джандар.

Протест Натрин оборвался на полуслове.

Джандар обернулся к своим последователям.

Они наконец-то посмели оторвать лица от пола и почтительно смотрели на своего повелителя, ловя каждое его движение и слово.

— За что вы сражаетесь? — задал он традиционный вопрос.

Из складок своих одеяний Избранные выхватили тонкие острые кинжалы и взмахнули ими в воздухе.

— За беспорядок, смятение, анархию — вот за что мы боремся!.. За Священный Хаос!.. За Смерть!

— Тогда вперед! — скомандовал Джандар.

Кинжалы исчезли, и Избранные цепочкой вышли из святи-

лища и отправились искать тех, чьи имена были названы им ранее.

Джандар остановился в задумчивости. Жаль, очень жаль, что старый колдун, его учитель, не дожил до этого дня. Насколько же дальше него ушел ученик, и какое величие еще ждет его впереди!

Джандар щелкнул пальцами, и та, кто уже лишь отчасти была госпожой Натрин из Турана, покорно последовала вслед за ним из святилища.

Глава 1

Многие города были прозваны «Великими» или «Порочными», но Аграпур не нуждался ни в каких прозвищах. Могущество и порочность столицы Турана, города белоснежных башен и золотых куполов, были столь известны, что поминать их лишний раз было бы столь же разумно, как покрывать золото позолотой.

Больше тысячи золотых дел мастеров было внесено в свитки ремесленных гильдий Аграпура. Вдвое больше — чеканщиков серебра. Еще больше — ювелиров и гранильщиков драгоценных камней. Они да еще множество торговцев шелком и благовониями услаждали прихоти горячих черноглазых аристократок и придворных дам. За алебастровыми стенами Аграпура можно было встретить любой порок — от порошков, вызывающих сны наяву, и приворотных зелий, продаваемых смуглыми иранистанцами, до страшных публичных домов улицы Голубок.

Туранские триремы бороздили от края до края море Вилайет. Торговые суда причаливали к пристаням Аграпура с грузами, привезенными из дюжины стран. Товары еще двух десятков государств приходили на рынок Аграпура караванными тропами. Изумруды и обезьяны, слоновая кость и павлины — все, что только мог представить себе покупатель, немедленно предлагалось ему десятком торговцев. Вонь пота рабов из Каваризма смешивалась с ароматом офирских апельсинов, мирры и гвоздики из Вендии, розового масла из Хаурана и тонких духов из Зингары. Высокие, сильные купцы из Аргоса и темнокожие торговцы из Шема заполняли улицы города. Дикие горцы с Ибарра сталкивались лицом к лицу с коринфийскими студентами, а кофийские наемники стояли у прилавков кешанских. В общем, на улицах Аграпура ежедневно знакомились люди, до того считавшие, что страна его собеседника — выдумка фантазеров.

Однако все чудеса этого города, похоже, мало занимали высокого юношу, с грацией выслеживающего добычу тигра продвигавшегося по переполненным улицам. Положив руку на кожаную оплетку рукояти меча, он с одинаковым равнодушием проходил мимо мраморных дворцов и прилавков торговцев. Пыль дальнего путешествия покрывала его загорелое лицо, на котором живыми казались лишь настороженно посматривающие вокруг голубые глаза. Красный плащ молодого человека стоял колом от въевшегося пота и грязи. Парень только что проделал долгий путь из Султанапура, откуда был вынужден срочно уехать, не собрав вещей и не попрощавшись с друзьями. Это бегство было единственным способом избежать топора палача за контрабанду да еще кое-какие грешки перед королевским двором.

Этого юношу судьба забросила далеко от холодных хребтов его родной Киммерии. Несколько лет он промышлял воровством в Немедии, Заморе и в городах-государствах Коринфии. И хотя ему еще не было и двадцати лет, он, подумав, решил сменить род занятий. На своем пути он встречал немало нищих стариков, в юности бывших ворами, но никогда ему не приходилось слышать о богатом воре. Золото, приносимое воровством, уплывало из рук, как вода сквозь сито. Киммерийцу это было не по нраву. И даже неудача с контрабандой не поколебала его уверенности навсегда распроститься с кражами. В Аграпуре можно найти все. По крайней мере так говорили люди. Но на данный момент ему был нужен всего лишь трактир «Синий бык», Это все, что ему успели назвать друзья в Султанапуре, сказав, что там можно поживиться кое-какой информацией. А уж вор-то знал, как важно получить вовремя нужную информацию.

Неожиданно его размышления были прерваны странной, фальшиво звучащей музыкой. По заполненной людьми улице к киммерийцу двигалась странная процессия. Впереди шел худощавый смуглый сержант туранской армии, в широких шароварах и спирально закрученном тюрбанообразном шлеме. На боку у него висела изогнутая сабля. Следом за сержантом шел солдат с большим барабаном, за ним — еще двое, с немыслимо хрипящими трубами. Основную часть колонны составляли с десяток солдат с алебардами, выстроившихся в каре и не то сопровождавших, не то охранявших дюжину молодых пар-

ней в гражданской одежде, пытающихся идти в ногу. Сержант встретился взглядом с высоким юношей и резко остановился прямо перед ним.

— Да будут твои боги милостивы к тебе. Ты, как я вижу, ищешь... — Сержант вдруг прервал свою привычную вербовочную речь и воскликнул: — Митра! Ну и глаза!

— Какое тебе дело до моих глаз, — пробурчал юноша, напрягая мышцы.

— Никакого, приятель, — ответил сержант, подняв руку в примирительном жесте, — просто я никогда раньше не видел глаз цвета моря.

— Там, откуда я родом, не часто встретишь человека с темными глазами.

— Понятно. Путник из дальних стран. Ищешь приключений. А у кого их больше, чем у солдата короля Турана Йилдиза. Мое имя — Алсаам. А как зовут тебя?

— Конан. Но я не собираюсь служить в твоей армии.

— Да ты только подумай, Конан, — с привычной сладкой настойчивостью продолжил убеждать его Алсаам, — представь, как ты возвращаешься из похода. С тобой — твои трофеи. Столько, сколько ты можешь унести. Герой и покоритель. От баб отбоя не будет. Да ты посмотри на себя. Ты прирожденный воин.

— Поговорил бы ты с ними, — предложил Конан, показывая на группу кочевников-гирканийцев в накидках из овечьих шкур и штанах из овечьей же шерсти. На головы кочевников были плотно натянуты полностью прикрывавшие волосы войлочные шапки, надвинутые на лоб. Глаза гирканийцев с подозрением следили за всем происходящим вокруг.

— Похоже, они рвутся в герои, — продолжил Конан со смехом.

На лице сержанта появилась кислая улыбка.

— В них ни на грош дисциплины нет. Странно, что они вообще оказались здесь. Обычно они не любят бывать на этом берегу моря Вилайет. Да ну их. А ты все-таки подумай. Приключения, слава, добыча, женщины...

— Я вовсе не собираюсь становиться солдатом, — отчеканил Конан.

— Может, если бы мы посидели где-нибудь, выпили вместе, я смог бы тебя убедить, — вздохнул сержант. — Ну да лад-

но. Мне еще надо норму выполнить. Король Йилдиз решил увеличить армию. А большую армию не создают просто так. Ее используют. Помяни мои слова. Трофеев будет — выше головы.

Алсаам повернулся к своим подчиненным:

— Пошли. Вперед шагом марш.

— Минутку, — остановил его Конан, — не подскажешь, как добраться до «Синего быка»?

Сержант брезгливо поморщился:

— А, этот свинарник. Он недалеко от порта. Улица Лотосовых Снов. Там такие ребята — за рваные башмаки глотку перережут. Шел бы ты лучше в «Тоскующую Девственницу». Это на Монетной. Там выпивка недорогая, девочки чистенькие... Да, если все-таки надумаешь — найди меня. Спросишь сержанта Алсаама в полку генерала Мундара Хана.

Конан отступил на шаг, чтобы дать пройти солдатам и новобранцам, безуспешно пытающимся идти в ногу. Проводив их взглядом, он повернулся и увидел, что чуть не оказался в середине другой процессии. На этот раз кортеж состоял из двух десятков человек в оранжевых одеждах: мужчины — наголо бритые, женщины — с длинными, спускающимися по спине косами. Предводитель колонны бил в бубен, и они шли, негромко напевая что-то, не замечая никого и ничего вокруг. Чтобы отойти с пути процессии, Конан сделал два шага и оказался в самой середине группы гирканийских кочевников, невольно растолкав их.

Темные глаза злобно повернулись к нему. Руки гирканийцев плотно сжимали рукояти кривых кинжалов. Конан чуть не выхватил свой меч, уверенный, что это его неделикатное вторжение вызвало такое недовольство. Но взгляды кочевников лишь скользнули по нему, а затем с еще большим холодом и ненавистью обратились к процессии. Конан изумленно глядел, как кочевники, не обращая на него внимания, проследовали за группой одетых в оранжевое людей.

Пожав плечами, Конан пошел своей дорогой. В конце концов, подумал он, никто еще не говорил, что Аграпур — город без странностей.

По мере приближения к заливу ему становилось все более понятно, что, несмотря на все странности, Аграпур не столь уж отличается от других городов. Позади остались дворцы знати, лавки богатых купцов и дома зажиточных горожан. Здесь же

вонь гниения висела в воздухе. Дома, казалось, готовы были рухнуть в любой момент. Зловонная жижа хлюпала под ногами. Торговцы предлагали фрукты слишком перезрелые, гниющие — такие, которые невозможно было бы продать где-либо еще. Повсюду — нищие, настойчиво цепляющиеся за проходящих мимо моряков. Шлюхи, едва ли не в большем количестве, чем нищие, носили платья из прозрачного шелка, не столько скрывавшего, сколько подчеркивавшего формы груди и бедер. Пот, специи, гниющие отбросы и нечистоты создавали густую завесу вони, которую не мог развеять даже морской ветер. Не менее плотно висели в воздухе и причитания нищих, подбадривающие крики проституток, зазывания торговцев.

Вдруг сквозь всю эту какофонию до Конана донесся тонкий девичий голос:

— Если будете спокойными и терпеливыми, то хватит всем.

Заинтересовавшись, Конан посмотрел в сторону, откуда доносился голос, но не увидел ничего, кроме толкущихся нищих, стремящихся пробраться к одной цели, прижатой к стене полуразвалившегося дома. Кто или что это было — киммериец не разобрал. Он видел лишь все новых нищих и проституток, толкающихся и пытающихся проложить себе путь вперед, к стене. Неожиданно посреди толпы вдруг выросла девушка, видимо вставшая на скамью.

— Потерпите, — крикнула она. — Я дам вам все, что у меня есть.

В руках она держала объемистую корзину, полную драгоценностей. Раз за разом девушка опускала руку в корзину и протягивала то или иное украшение толпящимся вокруг. Каждое движение сопровождалось взрывом криков и стонов.

Конан покачал головой. Девочка явно была не из портовых кварталов. Ее платье из кремового шелка было богато украшено драгоценными камнями и золотой вышивкой. При этом оно было так скроено, что не выявляло и не подчеркивало ее соблазнительных форм, которые, однако, не ускользнули от внимательного взгляда киммерийца. На ее лице не было ни капли косметики, но она все равно была очень хорошенькой. Волосы цвета воронового крыла спадали до пояса и обрамляли овальное лицо с кожей цвета темной слоновой кости. Карие глаза ярко сверкали на этом тонком лице. Какого черта она здесь делает, удивился Конан.

— Мне! — раздался вопль из толпы.

Другой голос подхватил:

— И мне, и мне!

Девушка продолжала испуганно уговаривать:

— Подождите. Пожалуйста.

— Еще!

— Давай!

Трое мужчин с косичками, завязанными на манер моряков, заинтересовались происходящим и начали прокладывать себе дорогу сквозь толпу.

Нищие попытались было не пропустить их, но пары ударов тяжелых матросских кулаков, оказалось достаточно, чтобы толпа расступилась. И хотя женщины продолжали визжать, а нищие бормотать вполголоса ругательства, ничто уже не мешало матросам добраться до цели.

Конан знал, что ему следовало идти своей дорогой. В конце концов, это не его дело, ему еще надо найти «Синего быка», а тут и без него разберутся... Но почему же, черт возьми, он не двигается с места?

Через мгновение сильные, жилистые руки вырвали у девушки корзину. Она отчаянно вскрикнула, когда ее пальцы безжизненно разжались, но попыталась вновь схватить свою ношу.

Корзина, словно мяч, полетела из рук одного моряка к другому. С каждым броском часть ее содержимого высыпалась, и нищие бросались на камни мостовой, ломая и обдирая колени и пальцы, пытаясь схватить упавшие драгоценности. Женщины колотили друг друга и царапали лица соперниц, тоже пытаясь урвать свою долю. При этом их жалкие одежды спадали на землю, но никто вокруг не обращал на это внимания.

Вдруг один из матросов — человек, через переносицу которого шел длинный шрам, оканчивавшийся под повязкой, закрывавшей его правый глаз, — вскочил на скамейку рядом с девушкой и заорал:

— А я вот чего хочу!

С этими словами он сгреб ее в объятия и толкнул в руки своих приятелей.

— Эрлик побери всех этих дур, — пробормотал Конан.

Как охотящийся зверь, проскользнул он сквозь круг дерущихся, ползающих по мостовой нищих и проституток. Одно-

глазый и его приятели — долговязый кофиец и остроносый иранистанец в красной косынке, завязанной вокруг головы так, что из-под нее торчала только косичка, — все трое были слишком увлечены девушкой, чтобы заметить приближение киммерийца. Девушка визжала и вырывалась, но что могли сделать ее слабые кулачки, наносившие удары по плечам и рукам, выдубленным суровыми ветрами моря Вилайет.

Рука Конана легла на шею кофийца и легко ткнула его лицом в грязную лужу рядом с упавшей корзиной. Нос иранистанца хрустнул под ударом тяжелого кулака, а еще один удар отправил человека со шрамом к приятелям на камни мостовой.

— Найдешь себе другую бабу, — гаркнул Конан, — на твой век тут шлюх хватит.

Девушка уставилась на него, явно сомневаясь в том, что этого парня следует расценивать как спасителя.

Одноглазый вскочил на ноги и сплюнул:

— Я тебе кишки вырву, а что останется — скормлю рыбам! — В его руке блеснул кривой кинжал каваризмийской работы.

Двое других тоже поднялись и выхватили из-за поясов кинжалы. Иранистанец не особо лез вперед, вытирая текущую из носа кровь, ограничился лишь злобными взглядами и ругательствами. Котиец же, напротив, был готов проучить обидчика. Он небрежно перекидывал кинжал из руки в руку, угрожающе ухмыляясь:

— Мы тебя за ноги к рее подвесим, ублюдок. Ты еще вволю поорешь, прежде чем сдохнешь.

Среди уроков, которые жизнь преподала Конану, был и такой: если пришло время драться, то дерись, а не трать его на разговоры. Молниеносным движением киммериец выхватил из кожаных ножен меч, который описал дугу в воздухе и в следующее мгновение уже воткнулся в нижнюю челюсть кофийца. Кинжал выпал из ослабевшей руки и со звоном упал на камни. Тело его обладателя рухнуло сверху.

Оставшиеся двое были не из тех, кто тратит время на причитания по погибшему товарищу. Такие на море не выживают. Не успел долговязый упасть, как оба бросились на молодого киммерийца. Клинок иранистанца скользнул по предплечью Конана, но пинок ногой в живот заставил длинноносого со-

гнуться в три погибели. Одноглазый, пригнувшись, бросился вперед и нанес удар сбоку. Конан успел отпрянуть, но все же почувствовал, как лезвие кинжала прошло сквозь тунику и полоснуло по ребрам.

Мгновение спустя меч киммерийца воткнулся в тело одноглазого в том месте, где шея соединяется с плечом, уйдя при этом на две ладони внутрь. Одноглазый вскрикнул и, подняв руки, попытался помешать клинку противника. Сталь звякнула о сталь, но силы уже покинули моряка. Конан отпихнул ногой труп (потому что упавшее на мостовую тело уже было трупом) и обернулся, чтобы встретить третьего противника.

Иранистанец, хотя и поднялся на ноги, не торопился нападать на Конана. Наоборот, тупо поглядев на трупы друзей, он резко повернулся и бросился бежать по улице с криком: «Убийство! Убийство!», не обращая внимания на то, что сам размахивает окровавленным кинжалом. При этом всех нищих и проституток, замерших на месте во время поединка, как ветром сдуло. Конан поспешил обтереть меч куском туники одноглазого и спрятать клинок в ножны. Мало что могло быть хуже, чем оказаться схваченным городской стражей прямо рядом с телом. Особенно в Туране, где стража имела обыкновение пытать задержанного, пока тот не признается. Схватив девушку за руку, Конан присоединился к общему бегству, волоча ее за собой.

— Ты убил их, — словно не веря своим глазам, произнесла она. — Они, может, убежали бы, накричи ты еще раз на них.

— Может быть, лучше было бы вообще не вмешиваться, а оставить тебя им? Эти ребята взнуздали бы тебя и загнали, как почтовую лошадь. Так что молчи и пошевеливай ногами!

Он потащил ее какими-то переулками и узкими проходами, пропахшими мочой и дерьмом, мимо отвратительных кабаков с заблеванными порогами. Оказавшись на достаточном расстоянии от места происшествия, Конан перешел на шаг — бегущая пара была бы слишком приметна, — но не остановился. Ему хотелось быть на более чем достаточном расстоянии от трупов, на которые стражники слетятся как мухи. Киммериец продолжал лавировать между большими телегами, на которых товары из порта перевозились в центр города. Девушка неохотно следовала за ним, и то только потому, что его пальцы, словно стальные браслеты, держали ее тонкое запястье.

Наконец Конан нырнул в узкий тупик, затащил девушку за собой и, остановившись, внимательно огляделся. Вряд ли стражники смогли проследить его путь непосредственно, но рост киммерийца и его голубые глаза были хорошей приметой даже в таком большом городе, как Аграпур.

— Спасибо за помощь, — неожиданно холодным и внушительным тоном произнесла девушка, направляясь к выходу из тупика. — Мне пора, — добавила она.

Конан вытянул руку, преграждая ей путь. При этом ее грудь ткнулась в мощное предплечье юноши. Девушка вспыхнула от смущения.

— Не сейчас, — сказал он.

— Пожалуйста, — попросила она, стараясь не смотреть ему в глаза. Ее голос задрожал. — Я... я — девушка. Мой отец даст тебе много денег, если ты вернешь меня ему... такой же... — Румянец на ее щеках стал еще гуще.

Конан поперхнулся:

— Не нужна мне твоя девственность, детка. Ответь-ка мне лучше на пару вопросов.

К его удивлению, девушка обиженно заморгала и с горькой усмешкой сказала:

— Я, полагаю, должна быть счастлива, что даже убийцы предпочитают стройных, изящных девушек. Да, я знаю, что я — корова. Отец часто говорил мне, что я создана для того, чтобы... чтобы выносить многих сыновей и выкормить их всех самой, — тихо договорила она, покраснев до ушей.

Дурак же твой папаша, подумал Конан, оглядывая ее. Эта девушка была создана больше чем только для вынашивания сыновей. Хотя, признаться, любой, которому доведется стать отцом ее детей, наверняка сочтет это мероприятие весьма приятным.

— Не верь глупостям, — попытался успокоить ее Конан. — Ты доставишь много радости любому мужчине.

— Правда? — недоверчиво спросила она. Ее полные слез глаза ласково глядели на лицо киммерийца — совсем невинно, убеждал себя он.

— А как... как загоняют почтовую лошадь?

Конан долго не мог понять, с чего она задала ему этот вопрос, а когда сообразил, то не мог скрыть улыбки.

— Долго и основательно... не давая ни минуты передышки. В общем, мерзкое дело.

Она снова покрылась румянцем до самого воротника платья. Конан закашлялся. Девушка краснела так легко и так очаровательно.

— Как тебя зовут, малышка?

— Ясбет. Отец зовет меня Ясбет.

Она посмотрела на улицу, запруженную телегами и повозками, и вдруг спросила:

— Как ты думаешь, корзина... ну, то, что от нее осталось, будет там, если мы вернемся? Вообще-то она мамина, и Фатима жутко разозлится, если я ее потеряю. Даже больше, чем из-за украшений. Хотя она и так с ума сойдет от всего, что случилось.

Конан покачал головой:

— Как корзина, так и драгоценности поменяли с тех пор как минимум трех хозяев. У кого-то их перекупили, кто-то заплатил жизнью. Да, а кто такая Фатима?

— Моя няня, — ответила она, а затем вздрогнула и недовольно посмотрела на него, словно он обманом заставил ее раскрыть секрет.

— Ах, няня! — рассмеялся Конан. — Может, у тебя до сих пор и кормилица есть?

— Это отец так решил. Он считает, что няня должна присматривать за мной, пока я не выйду замуж. Мне это уже порядком надоело. Фатима думает, что мне все еще пять лет, а отец всегда слушает ее советы. — Ее голос все слабел и почти превратился в шепот. — Я вообще не знаю, чем все это для меня кончится. Фатима просто запрет меня в моей комнате, а то и... — Ее руки инстинктивно дернулись назад, словно пытаясь закрыть ягодицы от удара розгой.

— Ой, стоило бы... — задумчиво сказал Конан.

— Что стоило? Ты о чем? Что я сказала? — вздрогнув и покраснев, затараторила Ясбет.

— Стоило бы повнимательнее следить за тобой. Не удивлюсь, если твой отец наймет еще пару-тройку нянюшек для тебя.

На самом деле, Конан счел бы и порку вовсе не лишней, но решил поберечь достоинство девушки и не говорить об этом.

— Ну а теперь ответь мне, Ясбет. Что это ты надумала? Что за шатания по улицам с раздачей драгоценностей? Какая дурь на тебя нашла?

— Это не дурь! — запротестовала она. — Я хотела сделать

что-нибудь сама, лично. Ты даже не представляешь, как я живу. Фатима следит за каждым моим шагом. Мне нельзя ничего решить самой. На этот раз я была вынуждена перелезть через ограду сада без разрешения.

— Но раздавать украшения нищим и шлюхам?

— Эти... эти женщины... Я не собиралась давать им ничего. Просто я решила помочь бедным, а кто может быть беднее, чем нищие... Ничего, теперь отец поймет, что я больше не ребенок. Я вовсе не жалею, что отдала эти побрякушки. Они не так уж дороги мне. Зато помогать бедным — благородно!

— Да тебе и шестерых нянек мало! Детка, неужели тебе не пришло в голову, что с тобой может что-то случиться? Если ты хочешь помочь бедным, поспрашивай у своих слуг. Они наверняка знают нуждающихся людей. И лучше было бы продать украшения, а беднякам отдать деньги.

Ясбет фыркнула:

— Даже если все мои слуги не были бы заодно с Фатимой, все равно — где бы я нашла честного покупателя на эти камни? Меня обманули бы или послали за отцом, чтобы вести переговоры с ним. А уж он-то точно прислал бы Фатиму, чтобы та забрала меня домой. Только такого унижения мне и не хватало.

— Думаешь, перекупщики драгоценностей узнали бы тебя? — недоверчиво переспросил киммериец. — Они знают твоего отца? Интересно, кто же он? Король Йилдиз?

Она вздрогнула и умоляюще посмотрела на него:

— Ты ведь не поведешь меня к отцу, правда?

— А почему бы и нет. Негоже тебе шататься по городу без сопровождающего, малышка.

— Но ведь тогда он узнает о том, что случилось сегодня, — она всхлипнула, — а потом и Фатима...

Облизнув губы, она наклонилась к Конану и прошептала:

— Послушай меня, пожалуйста, я...

Неожиданно она поднырнула под его руку и выскочила на улицу.

— Вернись, дура! — заорал Конан и бросился за ней.

Ясбет проскользнула чуть ли не под колесами большой повозки и скрылась из виду на другой стороне улицы. Телеги двигались вплотную друг к другу, и Конан некоторое время не мог пробраться между ними. Когда же ему наконец удалось попасть на другую сторону, Ясбет нигде не было видно. Гончар-

подмастерье раскладывал на пороге лавки изделия своего учителя. Торговец коврами предлагал свой товар. Моряки и портовые девки входили и выходили из трактира. Но девушки и след простыл.

— Вот ведь дурная девчонка, — пробормотал Конан.

В этот момент порыв ветра пошевелил заскрипевшую старую вывеску над трактиром «Синий бык». Ну что ж, что ни делается — все к лучшему. Аграпур, похоже, становился удачным городом для Конана. Подтянув пояс с ножнами и поправив плащ на плечах, киммериец шагнул на каменные плиты входа в трактир.

Глава 2

Изнутри «Синий бык» был скупо освещен коптящими факелами, вставленными в грубые железные держатели на стенах. Дюжина посетителей сидели, попивая вино за столами, которые, как и каменный пол, были необычно чистыми для такого рода заведения.

Три моряка упражнялись в метании ножей, всаживая их в специально подвешенную на стене доску с нарисованным углем изображением сердца. Каменная стена вокруг доски была иссечена десятками тысяч промахов.

Пара шлюх дефилировала между клиентами, зазывно покачивая бедрами и почти обнажив свои прелести. Девушки-подавальщицы в костюмах, едва ли более солидных, чем у проституток, сновали туда-сюда с кубками и чашами. Запах прогорклого вина и прокисшего пива ничем не уступал по мерзости уличной вони.

Увидев за стойкой хозяина — высокого лысого мужчину, вытиравшего большой тряпкой столешницу, — Конан понял причину чистоты, царившей в этом заведении. Он знал этого человека. Его звали Фериан. Этот Фериан был одержим манией чистоты, что вообще-то не свойственно людям его профессии. Говорили, что он был вынужден бежать из Бельверуса в Немедии после того, как убил человека, заблевавшего только что вымытый пол трактира.

Но как источник информации он был непревзойден. Если, конечно, он не изменил своим правилам, то из него можно будет вытянуть все новости Аграпура, а не только то, о чем болтают все подряд на улицах.

Фериан улыбнулся, когда Конан положил локти на стойку, хотя при этом в его глазах застыла настороженность. При этом сам он не перестал тереть тряпкой крышку стойки.

— Разрази меня гром, киммериец! — тихо сказал Фериан. — Вот уж вправду, все дороги сходятся в Аграпуре. По

крайней мере, здесь так говорят, а увидев тебя тут, я готов с этим согласиться. Еще через год вся честная компания из Шадизара переберется сюда.

— А кто еще из Шадизара здесь? — спросил Конан.

— Руфо, фальшивомонетчик из Кофа. Старина Шарак, астролог. Да, еще Эмилио.

— Эмилио! — воскликнул Конан. Коринфиец Эмилио был лучшим вором в Заморе, не считая Конана. — Он же поклялся, что никогда не уедет из Шадизара.

Фериан усмехнулся:

— А до этого он клялся, что никогда не уедет из Коринфии. Но и оттуда, и из других мест он был вынужден смываться. И все по одной и той же причине: его застукивали в постели не той женщины, какой следовало. На этот раз папаша девицы взялся за дело серьезно. Но еще больше хотела добраться до Эмилио мамочка опороченной девчонки. Поговаривают, что этот герой спал с обеими, да еще и прихватил кое-что из фамильных драгоценностей. Так эта старшая стерва даже наняла компанию бандюг, чтобы те оттяпали Эмилио его главное достоинство. Я слышал, что он сбежал из города, переодевшись нищей старухой, и до сих пор покрывается потом при одном напоминании об этой истории. Спроси его сам при случае. Заодно увидишь, как человек может сразу покраснеть, позеленеть и почернеть, проглотив к тому же язык. Он сейчас наверху, с одной из девок. Хотя после того, что он выпил, он вряд ли сможет быть ей полезен.

— Ну, тогда он ее до утра не выпустит, — рассмеялся Конан, — Эмилио не признает себя побежденным.

Киммериец выложил на стойку пару медяков:

— У тебя не найдется кхораджанского эля? В глотке пересохло.

— Есть ли у меня эль из Кхораджана? Он у меня еще спрашивает! Да у меня есть вино и эль из таких стран, о которых ты даже не слышал. Да что там. У меня есть пиво из таких мест, о которых я и сам не слышал!

Фериан выудил из-под стойки большой бочонок и, наполнив большую кружку, спросил Конана:

— А как пошли дела на Золотом побережье? Я слышал, тебе пришлось сматываться оттуда в изрядной спешке.

Конану стоило большого труда не выдать свое удивление.

Не торопясь, он сделал пару больших глотков и вытер губы, затем сказал:

— Откуда ты знаешь, что я был в Султанапуре? И с чего ты взял, что мне пришлось бежать оттуда?

— Тебя видел там дней десять назад Зефран, работорговец. Он заходил ко мне, когда возвращался в Каваризм.

Самой большой ошибкой трактирщика было то, что он всегда давал людям понять, что он о них знает. Когда-нибудь ему всадят нож в бок за это.

— А что до остального, — продолжил Фериан, — то я вижу тебя перед собой усталого, покрытого пылью. А ты, насколько я знаю, никогда не был любителем путешествовать для собственного удовольствия. Вот, собственно, и все.

Конан отхлебнул из кружки и прикинул, что стоит рассказать трактирщику. Киммериец знал, что Фериан готов выложить кое-какую полезную информацию за какое-либо не менее ценное известие.

А одна из новостей, которую собирался выдать Конан своему приятелю, была, наверняка, весьма стоящей информацией. Если, конечно, кто-то не обогнал киммерийца на его пути в Аграпур.

— В Султанапуре здорово прижали контрабандистов, — наконец заговорил Конан. — Братство Побережья рассыпалось. Ребята сидят в своих норах и носа на улицу не высовывают. Пройдет не один месяц, прежде чем хоть один тюк шелка появится в этом городе, не пройдя портовую таможню.

Фериан безразлично хмыкнул, но загоревшиеся глаза выдавали его. Еще до восхода с ним щедро рассчитаются те, кто по его наводке решит направить караван с товаром на султанапурский рынок.

— А что ты мне расскажешь об Аграпуре?

— Ничего, — отрезал Фериан.

Конан удивленно посмотрел на трактирщика. Это было не в правилах человека, известного своей скрупулезной точностью. Фериан никогда не платил за информацию меньше, чем она стоила.

— Ты сомневаешься в том, что я тебе рассказал? — спросил киммериец.

— Не в том дело, Конан. Нет, я, конечно, могу тебе рассказать все то, о чем судачат на каждом углу. Йилдиз усиливает ар-

мию и посматривает на соседние страны, Культ Хаоса собирает все больше последователей...

— Культ Хаоса! — воскликнул Конан. — Это еще что такое, Митра его побери!

Фериан скорчил недовольную физиономию:

— Да ну, чушь какая-то. Ходят себе по улицам в оранжевом. Бритые наголо.

— А, видел, видел. Напевают что-то под бубен.

— Вот-вот, это они и есть. Они проповедуют, что все люди обречены и что бессмысленно накапливать земные сокровища. — Фериан высморкался и продолжил: — А что до сокровищ, то культ неплохо живет. Какую резиденцию себе отгрохали! Целый город. Ведь каждый, кто хочет посвятить себя Хаосу, должен отдать все свои богатства культу. Ну, всякие сынки да дочки богатых купцов, а то и кое-кто из аристократов внесли свою лепту. Я уж не говорю про богатых вдовушек. Родственники новообращенных подавали жалобы в королевскую канцелярию, но что толку? Культ исправно платит налоги, чего не скажешь о других храмах. Да еще и делает неплохие подарки кому нужно, правда, это не афишируется. Резиденция Культа — недалеко от города, к северу по побережью. Если бы знать, где там у них хранятся драгоценности... Ты с твоими талантами за одну ходку сделал бы себе состояние, — говоря это, трактирщик весь засветился.

— Я больше не ворую, — оборвал его Конан (при этом Фериан сразу сник). — Что еще ты мне можешь рассказать?

Трактирщик тяжело вздохнул:

— Я сейчас знаю меньше, чем местные шлюхи. Их клиенты, по крайней мере, иногда болтают во сне. За последние три месяца большая часть тех, кто поставлял мне информацию, была убита. Всякие там слуги аристократов, ну да тебе известно, у кого я узнаю новости. То же самое и с теми, кто сообщал мне о том, что происходит в Гильдии купцов. То, что ты мне рассказал, — единственная информация за весь месяц. Так что, премного признателен, — недовольно добавил он. Фериан был не из тех людей, которые любят ходить в должниках. — Как только я узнаю хоть что-то стоящее, я сразу же передам это тебе.

— Я хочу знать новости действительно первым. Другим ты расскажешь это не раньше, чем через два дня.

— Через два дня! Еще скажи — через год. Новости прокисают быстрее, чем молоко на солнце.

— Два дня, — настойчиво повторил Конан.

— Ладно, два так два, — пробурчал его собеседник.

Конан улыбнулся. Нарушить данное слово — такого за Ферианом не водилось. Но что же это за непонятные убийства?

— Слушай, неужели за такой короткий срок убито столько людей?

— Это еще не все, приятель. — К удивлению Конана, Ферианнал ему еще кружку, не спросив денег. — Погибло очень много людей. В Аграпуре такого еще никогда не бывало. За три месяца — больше убийств, чем за весь прошлый год. Можно подумать, что тут какой-то тайный заговор. Да только кому придет в голову устраивать заговор против слуг, стражников и других незаметных и небогатых людей? Нет, это какое-то дикое совпадение. Я так думаю...

— Конан! — раздался громкий крик, заставивший киммерийца обернуться.

На нижней ступеньке лестницы, ведущей из общей столовой в комнаты постояльцев, стоял Эмилио, обнимая худенькую, изящную девушку, весь наряд которой состоял из полосы красного шелка, которую она обмотала вокруг себя, прикрыв самые деликатные части тела. Девушка пыталась поддержать явно перебравшего Эмилио в вертикальном положении, что было нелегкой задачей. Эмилио был ростом почти с Конана, хотя и не так широк в плечах. Его большие глаза и правильные черты лица притягивали женщин, как магнит.

— Прими мои поздравления, Эмилио, — отозвался Конан. — Вроде больше не прикидываешься бедной старушкой.

Взяв кружку, он направился к лестнице. Эмилио отослал девушку, шлепнув ее по мягкому месту, и смерил Конана взглядом.

— Кто тебе рассказал эту басню? Фериан, наверное? Лысый мешок с дерьмом! Это вранье, я тебя уверяю. Чушь собачья. Я просто уехал из Заморы в поисках... — он помолчал, подбирая нужное слово, — в поисках лучших пастбищ. И ты — тот человек, с которым я больше всего хотел бы обсудить эту тему.

Конан явно почувствовал в тоне приятеля деловое предложение.

— Нам больше не по дороге, Эмилио, — ответил он.

Эмилио, казалось, не расслышал возражения киммерийца. Он схватил за руку проходящую мимо подавальщицу и крикнул ей:

— Вина, девочка! Слышала?

Она кивнула и поспешила отскочить в сторону, чтобы избежать неминуемого щипка. Эмилио попытался дотянуться до нее и чуть не упал. С трудом сохранив равновесие, он доплелся до ближайшего стола и плюхнулся на стоявший рядом табурет. При этом он небрежным жестом предложил Конану сесть рядом.

— Садись, садись, старик, — пьяно улыбаясь, проговорил он. — Сейчас эта девчонка принесет вина, и мы с тобой выпьем.

— Я, кажется, никогда не видел тебя таким пьяным, — сказал Конан, опускаясь на табурет, — празднуешь что-нибудь или, наоборот, топишь горе?

Его собеседник таинственно закатил глаза:

— Ты что, не знаешь, что блондинки здесь идут на вес рубинов? Эти туранские мужики готовы на все, лишь бы заполучить светловолосую любовницу. А если у нее еще и голубые глаза — тут они и мать родную зарежут.

— Ты что, работорговлей занялся? Я о тебе лучше думал.

Не удостоив приятеля ответом, Эмилио продолжил:

— В этих женщинах больше страсти, чем в других. Я думаю, все дело в волосах. Чтобы придумать какой-нибудь цвет волосам женщины, боги забирают часть ее жара. А у блондинок он остается весь нетронутым. Хотя это только мои домыслы. Но как бы то ни было, а Давиния — она горячей, чем кузнечная топка. А этот жирный генерал не успевает позаботиться о ее страсти. Слишком много времени занимает военная служба. — Хотя Конан почти перестал понимать, о чем ведет речь Эмилио, он решил дать пьяному приятелю выговориться. — В общем, я взял на себя труд обслуживать ее. Но ей нужны всякие штучки, побрякушки. Я ей говорю: на хрена тебе какое-то ожерелье? Ты сама — драгоценность. А она опять за свое. Говорит, что это ожерелье — волшебное. Что женщина, которая его носит, становится неотразимой. Тринадцать рубинов, каждый — с большой палец величиной. Каждый закреплен золотой оправой на перламутровой раковине. В общем, вещичка стоящая. Надо бы ее прихватить. — Эмилио рыгнул, на-

клонился к Конану и доверительно сообщил: — Эта дура собиралась рассчитаться со мной своим телом. Разбежалась. Я ее имел столько, сколько хотел. Сто золотых монет, сказал я ей. Сто. Золотых, как ее волосы. Такие мягкие, шелковистые. А какая у нее кожа... обалдеть!

Девушка-подавальщица подошла к их столу с кувшином в руках, но не торопилась ставить его на стол, вопросительно глядя на приятелей. Конан не дал понять, что собирается платить. Ему пока что не светили сто золотых монет. Девушка ткнула кулаком в бок Эмилио. Тот повернулся к ней, тупо смотря и не произнося ни слова.

— Или один из вас платит, или я уношу вино, — твердо произнесла девушка.

— Эх, не умеют здесь ценить хороших клиентов, — пробурчал Эмилио и полез в висевший на поясе кошелек, откуда извлек необходимую сумму. Потом он снова уставился на киммерийца: — Конан! Откуда ты свалился? Нет, просто замечательно, что ты здесь. У нас есть возможность снова поработать вместе, как раньше бывало.

— Мы вместе никогда не работали. И я больше не ворую.

— Чушь. Лучше послушай меня. К северу от города, совсем недалеко, есть место, где всяких побрякушек — завались. У меня есть там дело: стащить... э-э... в общем, стащить там одну штуку. Пойдем со мной. Ты там себе наберешь столько, что хватит на полгода роскошной жизни.

— Это твое местечко, часом, не хранилище драгоценностей Культа Хаоса?

Эмилио откинулся, чуть не свалившись с табуретки:

— А я-то думал, что ты еще ничего не знаешь про Аграпур. Слушай меня. Те семеро, которые, как предполагают, пошли на дело туда и бесследно пропали, — все они были туранцами. Этим местным воришкам далеко до нас с тобой. Они бы ни дня не продержались ни в Шадизаре, ни в Аренджуне. Честно говоря, я вообще не верю, что они решились на такое дело. Скорее всего, пропали где-нибудь, а другие придумали эту историю. Так всегда бывает. Рассказывают страшные сказки про те места, где просто никто не бывал.

Конан хранил молчание.

Не воспользовавшись кружкой, Эмилио припал к кувшину и не отпускал его, пока тот изрядно не полегчал.

Затем коринфиец снова нагнулся над столом и негромко продолжил:

— Я точно знаю, где там у них драгоценности. На восточной стороне лагеря есть сад с единственной башней посредине. Там-то они и хранят самые дорогие украшения и разную древнюю ерунду. Эти дураки ходят и любуются своими побрякушками. Это должно им внушить мысль о бесполезности золота и камней. Видишь, я все знаю об этом деле. Я уже стольких людей расспросил, наверное, сотни.

— Если ты со столькими говорил, то неужели ты думаешь, что никто не сообразил, что ты затеял? Выбрось это из головы, Эмилио.

Неожиданно к их столу подошел гирканиец в войлочной шапке. От его шерстяной одежды за пять шагов разило потом. От уха, от которого осталась лишь половина, до угла рта этого человека тянулся глубокий шрам, придававший лицу подобие улыбки.

Краем глаза Конан заметил еще четверых кочевников, наблюдавших за ним из другого угла комнаты. Киммериец не стал бы утверждать наверняка, но ему показалось, что именно эту пятерку гирканийцев он встретил сегодня на улице. Но подошедший лишь мельком взглянул на Конана, обратив все свое внимание на его приятеля.

— Ты — Эмилио из Коринфии, — гортанно сказал он, — мне нужно говорить с тобой.

— Отвяжись, — сказал Эмилио, даже не посмотрев на того, — не знаю я никакого Эмилио и никаких коринфийцев. Слушай, Конан. Я дам тебе половину того, что эта стерва обещала мне за ожерелье. Двадцать золотых монет.

Конан чуть не рассмеялся. Пьяный не пьяный, а надуть приятеля Эмилио не забудет.

— Я сказал, что мне нужно поговорить с тобой, — повторил гирканиец.

— А я сказал — проваливай! — закричал вдруг Эмилио, побагровев.

Схватив кувшин, он с размаху ударил им по голове гирканийца. Секунду-другую тот простоял, обливаясь остатками вина, а затем рухнул на пол в груду черепков.

— Кром! — буркнул Конан: четверо пропахших потом кочевников направлялись к ним.

Конан, не вставая с табурета, резко развернулся и сильно пнул одного из гирканийцев. Человек остановился как вкопанный, согнувшись пополам. Здоровенный кулак киммерийца обрушился на голову противника, рухнувшего на пол от такого удара.

Эмилио извивался на полу между двумя гирканийцами. Схватив одного из них за плащ, Конан оттащил его от коринфийца.

Кочевник резко повернулся, замахиваясь кинжалом. На его лице отразилось удивление, когда ладонь киммерийца, перехватив его запястье, совершенно обездвижила руку с клинком. У Конана не было времени замахнуться изо всех сил, но даже короткого тычка ему хватило, чтобы сбить противника с ног и отправить его на пол, где уже валялись двое его приятелей.

Конан осмотрел комнату в поисках остававшихся гирканийцев. Но никто больше не проявлял желания нападать на него. Эмилио, пошатываясь, вставал на ноги, разглядывая кровоточащую рану на плече. Фериан молча направлялся к стойке, держа в руках здоровенную скалку. Через мгновение Конан разглядел торчащие из-за стола ноги, обутые в башмаки из овечьей кожи.

— А теперь — вытащите их отсюда! — заорал Фериан, убирая деревяшку под стойку. — Вы запачкали мне пол, так сделайте одолжение — очистите его. Вытащите их немедленно. Я кому сказал!

Конан взял одного из валяющихся без сознания за ноги и потащил его к выходу.

— Давай, Эмилио, — сказал он, — помогай. А не то тебе придется вступить в поединок с Ферианом.

Недовольно хмыкнув, коринфиец все же взялся за ступни другого кочевника. Вдвоем с Конаном они вытащили всех пострадавших на улицу, уже покрытую ночной темнотой, и уложили их у лавки торговца коврами.

Когда они закончили это дело (причем Конан удостоверился, что все кочевники живы), коринфиец внимательно посмотрел на руку и вздрогнул.

— Знаешь, Конан, у меня какое-то дурное предчувствие, — сказал он, — жаль, что ты не хочешь пойти на дело со мной.

— Пойдем лучше со мной, — отшутился Конан, — пойдем внутрь, выпьем еще вина и потолкуем с девочками.

— Ты иди, Конан, — покачал головой Эмилио, — ты иди... а я... — Он неожиданно сломя голову бросился бежать в ночную тьму.

— Эмилио! — крикнул Конан, но ответом ему был лишь свист ветра.

Ругаясь про себя, Конан вернулся в трактир.

Глава 3

Когда наутро Конан спустился в столовую «Синего быка», его сопровождала одна из девушек, постоянно обслуживавших клиентов этого трактира. Он положил ей руку на плечо, а она всячески пыталась поплотнее прижать его ладонь к своей груди.

Ткнувшись губами в массивное плечо киммерийца и взглянув на него снизу вверх, девушка негромко спросила:

— Вечером? — И добавила: — С тебя — полцены.

— Пожалуй, да, Заша, — сказал он, хотя прекрасно понимал, что даже за половину цены едва ли сможет провести с ней еще несколько ночей, — а теперь иди. У меня дела.

Она, танцуя и покачивая бедрами, убежала со звонким смехом, — что ж, пожалуй, еще одну ночь Конан мог себе позволить.

Забегаловка была почти пуста в такой ранний час. Двое моряков в углу пытались лечить подобное подобным — заливая похмелье еще большим количеством вина, вытаскивая ради этого последние медяки из кошельков.

Одинокая проститутка, отработавшая свое, сидела в углу, массируя себе ноги.

Фериан наполнил кружку кхораджанским элем, не дожидаясь заказа.

— Ну, есть что-нибудь стоящее внимания? — поинтересовался Конан, надеясь, что трактирщик постарается вернуть свой долг как можно скорее.

— Этой ночью, — начал Фериан, следя взглядом за тряпкой, которой возил по стойке, стирая с нее пыль, — стало известно, что Темба из Кассалии, перекупщик драгоценностей, важная шишка в торговой Гильдии, участвовал в тайных оргиях в храме Хаммирана. После этих мероприятий из храма исчезли бесследно четырнадцать девственниц и пять жриц. Наверное, теперь их можно разыскать где-нибудь на невольничь-

ем рынке. Тембе придется изрядно раскошелиться на храм, чтобы замять это дело. Кроме того, за ночь произошло по крайней мере двадцать убийств. Это только то, о чем мне уже известно. Я думаю, что еще о стольких же мы пока просто не знаем. Далее, пять дочерей лорда Бараша были застуканы, когда развлекались в конюшне с конюхами. Теперь их собираются отправить в монастырь Вары, как и принцессу Эсмиру, если, конечно, это не пустая болтовня.

— Мне нужно что-нибудь дельное, — прервал его киммериец, — что мне проку от девственниц да принцесс? Давай выкладывай.

Фериан усмехнулся, но не оторвал внимательного взгляда от своей тряпки.

— А вот последнее-то как раз и интересно. Эсмира — дочь принца Рошманли, главного из Семнадцати Советников короля Йилдиза. В этом городе грязных сплетен о ней говорили только то, что эта девушка — сама невинность. Однако ее решили отправить скрести полы храма и спать на жесткой циновке, пока ей не подберут мужа.

Неожиданно трактирщик ударил по столу кулаком и сплюнул. Плевок попал на деревянную стенку стойки, но Фериан даже не заметил этого.

— О Великий Митра! Киммериец, что тебе от меня нужно? Накануне вечером я сказал тебе, что не знаю ничего. Неужели ты думаешь, что я колдун и за одну ночь выясню ради тебя что-нибудь этакое? Если на твои вопросы могут ответить небеса, спроси старого Шарака. Он....

Вдруг взгляд Фериана упал на плевок, повисший на стойке. Трактирщик с остервенением бросился вытирать его, словно боясь, что слюна прожжет доски.

Конан поискал взглядом знакомого ему по Шадизару астролога и увидел старика, опустившегося на табурет прямо перед входом. На нем была все та же старая хламида, похожая и на плащ и на тунику, запомнившаяся Конану еще в Шадизаре. Седых волос на голове старика осталось совсем мало. Он, как обычно, опирался на длинный черный посох, который он называл волшебным, хотя никто никогда не видел, чтобы старик пользовался им в магических целях. Жидкие, но длинные усы обрамляли тонкий рот и спускались по подбородку. В костлявых, узловатых пальцах астролог держал несколько свитков.

Фериан еще раз протер крышку стойки и с сомнением оглядел ее.

— Не нравится мне мой долг, — пробурчал он.

— Я тоже не люблю, когда мне должны, — ледяные глаза Конана буравили кружку с элем, — особенно мне это не нравится, когда я вижу, что отдавать долг никто не собирается.

— Я всегда плачу, — запротестовал его собеседник, — что-что, а это известно всем. От Шахпура до Шадизара. От Кутчемеса — до...

— Ну, так заплати мне.

— Трон Черного Эрлика! Да, может, твоя информация не стоит и двух медяков!

Конан заговорил тихо, не громче, чем шелестит нож, вынимаемый из ножен:

— Ты хочешь сказать, что я лжец, Фериан?

Фериан моргнул и судорожно сглотнул.

— Нет, что ты, Конан, — натужно засмеявшись, сказал он. — Ты неправильно понял меня. Просто я хотел сказать, что эта информация может оказаться не настолько ценной для других. Вот и все.

— Да если с тобой не рассчитались золотом сегодня же ночью, — презрительно усмехнулся Конан, — я готов податься в жрецы Асуры.

Фериан пробурчал себе под нос и наконец выдавил:

— Ну, положим, я уже имею представление о том, сколько стоит твоя новость.

Конан расплылся в улыбке, однако трактирщик не почувствовал себя уютнее.

— Ну, если ты и впрямь представляешь себе ее ценность, Фериан, то почему бы нам не договориться о другой оплате долга?

— Заплатить по-другому? — глаза трактирщика забегали по-крысиному подозрительно. — А как?

Конан явно тянул время, неторопливо потягивая эль.

— Ну, киммериец, что ты предлагаешь? Как я должен расплатиться?

— Начнем с крыши над головой.

— Крыши? Ты хочешь пожить у меня? Пожалуйста. Можешь занять комнату на... на десять дней.

— Ты же человек чести, — ехидно заметил Конан и уточ-

нил: — Твою лучшую комнату, а не свинарник, в котором я спал сегодня.

Фериан сально ухмыльнулся:

— Насколько я могу судить по лицу Заши, у тебя не так много времени оставалось на сон.

Посмотрев на выражение лица Конана, он поспешил согласиться:

— Ладно-ладно. Лучшая комната — твоя.

— И не на десять дней. На месяц.

— На месяц!

— И кое-какую информацию.

— Ему еще и информацию. Мы же договорились, что все это — вместо информации.

— Информацию, — твердо сказал Конан. — Я не настаиваю, чтобы оказаться единственным, кто узнает от тебя эту новость, как мы договаривались раньше. Но я хочу, чтобы ты рассказывал мне все, что узнаешь. И своевременно. В течение всего месяца.

— Я еще не согласился на месяц!

— Да, еще. Еда и выпивка. И учти, у меня зверский аппетит, — рассмеялся Конан. Обхватив кружку, он опрокинул себе в рот ее содержимое. — Не откажусь еще от одной кружечки.

Кожа на бритом черепе Фериана задвигалась от злости.

— Может, что-нибудь еще? Весь трактир, например? Мою жену? Да, у меня еще есть дочь. Она живет где-то в Заморе. Хочешь, я отправлюсь на поиски и привезу ее тебе прямо в постель.

— А она ничего? — поинтересовался Конан. Он помолчал, как бы обдумывая решение, а затем покачал головой: — Нет, я думаю, что стол и жилье — этого будет достаточно.

Фериан только икнул и выпучил глаза.

— Конечно, — продолжил Конан, — при всем этом твой долг остается за тобой. Надеюсь, ты понял, что я жду по-настоящему стоящей информации. Я тебе подкинул ценную новостишку и ждал чего-нибудь подходящего взамен. Тебе же лучше, если ты выкопаешь что-нибудь поскорее, — лицо киммерийца помрачнело, и в голосе послышался скрежет металла, — а то ведь ты знаешь, мы, варвары, не такие понимающие, как вы, цивилизованные люди. Вдруг дней через десять я решу, что ты просто вздумал провести меня? Это ужасно разозлит

меня. Я могу даже... — Его руки крепко впились в стойку, словно он собирался опрокинуть ее.

Фериану пришлось чуть ли не силой расцепить застывшие губы, чтобы прохрипеть:

— Нет! Не надо. Договорились. Решено — месяц и все остальное. Договорились.

— Договорились, — подтвердил Конан.

Трактирщик с тоской смотрел на него.

— Месяц! — простонал он. — Мои официантки будут проводить время в твоей постели. Какие из них после этого работницы! Слушай, киммериец, не трогай ты их. Ладно? Ты просто попользуешься тем, что я мягкий, добрый человек.

— Я и не знал, что ты этим болен. Может, есть какое-нибудь лекарство от такой напасти, как доброта и мягкость?

— Спасибо Митре, что большинство твоих соплеменников обожает ваши богом забытые мерзкие скалы. Если еще парочка таких, как ты, спустилась бы с них и отправилась на юг, то все — вы бы прибрали к рукам весь мир.

— Да брось ты убиваться. Согласись, что ты заработал на мне раз в двадцать больше, чем потратишь.

Фериан хмыкнул:

— Только не лапать моих служанок, киммериец. Понял? А теперь вали отсюда. Если я хочу отработать убытки от тебя, я должен еще что-то делать. Иди поговори с Шараком.

Молодой киммериец взял кружку с элем и, смеясь, направился к старику.

— Он, по крайней мере, расскажет мне, что говорят звезды.

Астролог впился взглядом в подходящего к нему юношу. Вдруг его губы растянулись в улыбке:

— Я было подумал, что это ты, Конан, но не поверил своим глазам. Да, я уже не тот, что был двадцать, да даже десять лет назад. Садись. Я бы предложил тебе стаканчик вина, но мой кошелек плоский, как грудь моей покойной жены. Да хранят боги ее старые кости, — добавил он таким тоном, каким повторяют в тысячный раз ставшую уже привычной фразу.

— Не волнуйся, Шарак. Я закажу вина.

Но стоило Конану повернуться, как одна из подавальщиц поставила перед ним горшочек с чечевичным супом, положила добрую краюху хлеба и налила большую чашу вина. Выполнив ранее сделанный заказ, она повернулась, вопросительно глядя

на юношу. Вдруг ее лицо вытянулось, и она с визгом отскочила от стола. Шарак ехидно захихикал. Девушка, потирая зад, ушла прочь.

Шарак далеко не сразу взял себя в руки и еще некоторое время продолжал довольно посмеиваться. Наконец он смог говорить. Первым делом он заявил:

— Главное, чтобы они поверили, что ты уже слишком стар и что тебя нечего бояться. Тут-то ты их и прихватываешь.

Конан запрокинул голову и от души захохотал.

— Нет, ты совсем не стареешь, — сказал он, отсмеявшись.

— Я — старый дурак, — сказал Шарак, запуская роговую ложку в суп. — Так говорит Фериан, и я, похоже, начинаю верить, что это так. Он два раза в день кормит меня. Если бы не это, мне бы пришлось питаться тем, что подадут на улицах, или отбросами на помойках. Так бывает почти со всеми, кто доживает до моих лет. Фериан чуть ли не единственный мой клиент. За харчи я читаю ему то, что говорят звезды. Каждый день. Такая тоска, скажу я тебе.

— А почему нет клиентов? Ты ведь читаешь по звездам, как писец — свой пергамент. Твои предсказания всегда сбывались, хотя в первый момент они зачастую были мне непонятны.

— Да ну их, этих туранцев,— вздохнул старик.— В дурной час я решил перебраться сюда. Эти ребята половины звезд не знают. А эти местные астрологи... Таких ошибок, как они, я с детства уже ребенком не делал. Так они еще и приперли меня к стенке тем, что я — не член их Гильдии. Мне просто повезло, что на кол не посадили. Хотя результат, в общем-то, такой же. Только с отсрочкой приговора. Без разрешения Гильдии я не могу открыть свое дело. Меня сразу же арестуют. Кое-кому из чужеземцев я иногда читаю звездные карты, но они платят мне стаканом вина или парой лепешек вместо серебряной монеты, которую берут другие. Да окажись у меня хоть одна серебряная монета — я тотчас же вернулся бы в Замору.

С тяжелым вздохом он снова принялся орудовать ложкой.

Конан немного помолчал, а затем медленно развязал кошелек на поясе и извлек оттуда серебряную монету.

— Расскажи мне мой гороскоп, Шарак.

Старик так и застыл с ложкой на полпути ко рту. Он уставился на монету, потом заморгал и посмотрел на Конана:

— Зачем?

— Я хочу знать, чего мне ждать от этого города, — задумчиво ответил молодой человек. — Тебе я верю больше, чем любому члену Гильдии. Так пусть эта монета достанется тебе, а не им. Кроме того, она слишком тяжела для моего кошелька.

Шарак поколебался, затем кивнул. Не дотрагиваясь до монеты, он начал левой рукой разворачивать свитки, одновременно обтирая от супа правую. Когда нужный свиток был разложен на столе, астролог вытащил из складок своей заношенной туники восковую дощечку. Почти водя носом по пергаменту, он начал копировать нужные ему линии и символы на доске.

— Разве тебе не нужно знать, когда я родился и всякое такое? — спросил Конан.

— Я с закрытыми глазами нарисую карту твоего рождения, — ответил Шарак, не отрывая взгляда от пергамента. — Изумительная карта. Просто невероятная... М-м... Колесница Митры — позади...

— Изумительная? Ты мне никогда не говорил об этом.

Вздохнув, старик поднял голову, чтобы взглянуть на киммерийца.

— Невероятная. Это я так. Ты бы мне просто не поверил, расскажи я тебе все это. А значит, ты не стал бы верить и всему остальному, что я тебе говорю. Следовательно, я не мог быть тебе полезен. Вот почему я молчал. Ну а теперь ты позволишь мне сделать то, за что ты мне платишь? — И, не дожидаясь ответа, он снова погрузился в свои расчеты. — Ага. Кровавая звезда входит в дом Скорпиона сегодня ночью. Это очень важно.

Конан сосредоточил внимание на выпивке. В зале появились посетители — в основном, как обычно, моряки и проститутки.

Наблюдать за женщинами было интересно. Одна — невысокая, пышная, в ожерелье из монет — напомнила ему о Ясбет. Конан был бы рад узнать, что она дома, цела и невредима. Еще больше он был бы рад увидеть ее у себя в комнате, в своей постели. Но если это невозможно — пусть сидит дома со своей Фатимой. Хотя, найди Конан эту девушку, — его жизнь в Аграпуре стала бы приятней. Интересно, чего Эмилио так расписывал свою блондинку... как там ее? Кажется, Давиния. Неужели эта редкая для Турана блондинка действительно так хороша? А что, если...

— У меня все готово, — прервал Шарак его размышления.

Конан вздрогнул и уставился на восковую доску, всю испещренную какими-то линиями и значками.

— Ну и что это значит?

— Все неясно, — начал старый астролог, покручивая ус. — Есть знаки блестящих возможностей и смертельной опасности. Смотри: конь и лев сочетаются в доме Драмата, и в то же время Три Девы...

— Шарак, я не отличу дом Драмата от дома соседа-гончара. Что все это означает?

— Что означает? Все вы так: что значит, что значит? Всем наплевать на самое важное и интересное. На то, как... Да ладно. Первое: чтобы пойти вперед, тебе нужно отступить назад. Чтобы стать тем, кем тебе суждено стать, тебе придется стать тем, кем ты уже был.

— Что толку, — пробурчал Конан, — мало ли кем я был.

— Но это очень важно. Если тебе не удастся совершить это, ты не выберешься из Аграпура живым. Ты уже встал на этот путь и сам заставил события идти таким чередом.

Конана вдруг зазнобило.

— То есть как это — я сам заставил что-то или кого-то? Я здесь всего-то один день.

— И что? Ты ничего не делал? Ни с кем не разговаривал?

Конан только тяжело вздохнул:

— А про золото там есть что-нибудь?

— Золото будет у тебя в руках. Но это не важно. И оно влечет за собой большую опасность.

— Золото всегда важно. И всегда опасно. А про женщин что?

— Эх, молодость, — проворчал Шарак, — тут на твоем пути две женщины. А за ними — опять опасность.

— Женщины, пожалуй, всегда так же опасны, как и золото, — со смехом ответил Конан.

— Одна из них — черноволосая, а другая — наоборот, со светлыми волосами.

Смех киммерийца неожиданно оборвался. Блондинка? Давиния? Нет! Это означало бы пойти на кражу вместе с Эмилио, а он решил раз и навсегда развязаться с воровством. Но ведь Шарак только что сказал, что ему предстоит стать тем, кем он когда-то был. Нет. Конан попытался прогнать эту мысль. С воровством покончено. Слова астролога, наверное, относятся к чему-нибудь другому.

— Что еще? — хрипло спросил он.

— Я не виноват, если тебе не все понравится, Конан. Я только читаю то, что говорят звезды.

— Что еще, я тебя спрашиваю!

Шарак тяжело вздохнул:

— Не вини меня, если... Здесь снова большая опасность, связанная с дальней дорогой. Вот эти звезды, — он показал на группу связанных множеством линий точек, — указывают на путешествие по воде. А эти — показывают сушу. Непонятно мне это.

— Если хочешь знать мое мнение, то мне вообще ни черта не понятно, — пробурчал Конан.

— А здесь все становится и вовсе неясным. Желтый цвет приобретает огромную важность.

— Золото...

— Наплевать на него. Тут про него ничего нет. А с этим желтым цветом связана еще большая опасность.

Киммериец явственно заскрипел зубами:

— Тебя послушать, так даже дышать — и то опасно.

— Похоже, что так и есть, если верить карте. А что до остального, то число тридцать и красный цвет связаны между собой и тоже кое-что значат. Кроме того, это сочетание Обезьяны и Змеи говорит, что действовать придется быстро и решительно. Малейшее сомнение — и момент упущен. А тогда — только смерть.

— Ладно, чему быть — того не миновать, — задумчиво сказал Конан. — Меня не запугают ни звезды, ни боги, ни демоны.

Шарак нахмурился и вдруг пододвинул монету к Конану:

— Если тебе так не нравятся мои предсказания, то я не возьму плату.

Кровь словно вскипела в жилах юноши:

— Не твое дело, нравятся мне твои слова или нет. Забирай деньги, а я учту то, что ты мне наговорил.

Старик-астролог неожиданно заговорил совсем другим тоном:

— Мне восемьдесят два года. И за всю жизнь у меня не было никаких приключений, — он сжал ладонью свой посох, лежащий на столе, — в этой штуке есть магическая сила, киммериец. Так что я могу быть очень полезен.

Конан подавил улыбку:

— Я не сомневаюсь в этом, Шарак. Если мне понадобится такая помощь, я позову тебя, не беспокойся. А пока что помоги мне в другом деле. Ты не знаешь, где можно найти Эмилио в такой час?

— Этого пустомелю? — недовольно переспросил Шарак. — Он шляется по таким местам, что диву даешься, как он еще жив. Одно хуже другого. Я могу назвать десяток самых загаженных кабаков и борделей, где он имеет обыкновение проводить время. Я могу помочь тебе разыскать его, если это действительно нужно, хотя ума не приложу, на что он тебе сдался?

— Когда поешь, поищешь в своих свитках ответ.

— Я лучше поищу этого парня по борделям.

Конан рассмеялся и встал из-за стола, а Шарак вернулся к своему супу.

Повернувшись к двери, киммериец встретился взглядом с только что вошедшим человеком — смуглым, черноволосым, в тюрбаноподобном шлеме туранской армии. Судя по полосе на его тунике, он был офицером. Фериан вскочил ему навстречу, чтобы обслужить поскорее. При этом он недовольно нахмурился. Военные не были частыми гостями «Синего быка», и остальные гости их не жаловали.

— Я ищу человека по имени Эмилио-коринфиец, — обратился посетитель к Фериану.

Конан вышел на улицу, не дожидаясь ответа трактирщика. Это дело его не касалось. По крайней мере, он на это надеялся.

Глава 4

В седьмой трактир Конан зашел, пошатываясь от выпитого эля и вина. Шлюх в нем было больше, чем в других, и Конан сообразил, что верхние этажи здания заняты борделем. За столами и у стойки толпились плечом к плечу моряки и представители различных ремесленных цехов и купеческих гильдий. По соседству были видны и шелковые, вышитые золотом и серебром туники аристократов. Их тонкие, изящные пальцы щипали и прихватывали девушек не менее ловко, чем грубые лапы матросов.

Киммериец пробился к стойке и с грохотом опустил на нее два медяка.

— Вина, — потребовал он.

Подавальщик сунул ему грубую глиняную чашу, до краев наполненную пахнущей кислятиной жидкостью, и сгреб монеты. Лицо трактирщика напоминало морду змеи — худое, с маленькими подозрительными глазками и тонким ртом. Он был не из тех, кто запросто отвечает на вопросы. Другой посетитель позвал его, и трактирщик, вытирая руки о передник, пошел выполнять заказ.

Конан сделал глоток и сморщился. Вино было разбавлено, а его запах соответствовал вкусу.

Разглядывая помещение, он встретился взглядом со странно одетой проституткой. Она залезла на стол, чтобы танцевать перед полудюжиной матросов, хватавших ее за голые ноги. Ее вспотевшая грудь была обнажена, а весь наряд состоял из длинной полосы ткани шириной с ладонь, которую она обмотала вокруг бедер и пропустила между ног.

Странным же было то, что темная вуаль закрывала ее лицо книзу от горячих темных глаз до шеи. Уличные девки никогда не прячут лица. Наоборот, они размалевывают его, чтобы издалека привлекать внимание мужчин. А в этом зале Конан заметил еще трех женщин, чьи лица были скрыты вуалями.

Конан поймал трактирщика за полу туники, когда тот проходил мимо него:

— Я никогда не видел, чтобы шлюхи прятали лицо. Они что, скрывают сифилитические язвы?

— А ты, видать, недавно в Аграпуре, — с легкой улыбкой сказал тонкогубый трактирщик.

— Только что приехал. Так что с этими бабами?

— Говорят, что некоторые благородные дамы, которым наскучили их добропорядочные мужья, приходят в такие заведения, чтобы отвести душу, почувствовав себя настоящей проституткой. Ну, так они развлекаются. А лица они закрывают, чтобы их мужья, которые точно так же, как и менее благородные мужчины, ходят время от времени в бордель, не узнали их. Так говорят. А какой мужик откажется всего-то за серебряную монету трахнуть жену какого-нибудь лорда?

— Наверное, дело доходит до убийства, если какой-нибудь аристократ узнает, что только что купил свою собственную жену?

— А вот не угадал. Эти на вуальки не клюют. Подумай, сам, кто захочет рисковать, — такой позор: узнать в шлюхе жену?

И вправду, вокруг каждой женщины с закрытым лицом толпились матросы и грузчики, иногда торговцы, но аристократы демонстративно не замечали их существования.

— Попробуй какую-нибудь из них, — предложил человек со змеиным лицом. — Узнаешь, по-другому ли будет держаться под тобой какая-нибудь аристократка.

Конан приложился к чаше, словно прикидывая. Если бы его сейчас интересовало приятное времяпрепровождение, он предпочел бы честную проститутку, а не прикидывающуюся оной аристократку. Но сейчас ему было важно разговорить трактирщика. Этот парень явно имел свое с каждой из тех, с кем развлекались его посетители на верхних этажах. А следовательно, он будет более разговорчив, если увидит в Конане возможного клиента. Прикинув, Конан опустил чашу.

— Дело такое... стоит подумать, — протянул он, разглядывая ближайшую женщину. Настоящая кабацкая девка с размалеванным лицом, голым, как ее танцующая задница.

Как бы невзначай Конан сообщил:

— Да я тут приятеля ищу. Мы не встретились, как договорились. А я так думаю, что сюда он наведывается частенько...

Трактирщик отпрянул, и его голос мгновенно стал ледяным:

— Посмотри вокруг. Если он здесь, ты его увидишь. Если нет — извини уж...

Пожав плечами, хозяин заведения решил было уйти, но Конан, перегнувшись через стойку, схватил его за руку, всячески стараясь изобразить на лице дружелюбную улыбку:

— Я тут его не вижу. Но он очень нужен мне. Его зовут Эмилио из Коринфии. Я готов заплатить столько, сколько стоит ночь с этой шлюхой, тому, кто поможет мне разыскать его.

Если Шарак прав (а он всегда оказывался прав), Конану и вправду позарез нужно было найти Эмилио.

Лицо трактирщика стало еще больше похоже на змеиную морду, но его глаза сверкнули при имени Эмилио.

— Мало кто согласится заплатить за то, чтобы найти приятеля. Может быть, этот, как ты его назвал, — Эмилио? — вовсе тебе и не друг. Может, он вовсе не рвется увидеть тебя. Ашра! Вышвырни отсюда этого придурка с бледными глазками.

— Слушай, — продолжал Конан, — я могу доказать, что знаю его. Он...

Тяжелая рука опустилась на плечо киммерийца, и гортанный голос произнес:

— Проваливай отсюда.

Конан повернул голову ровно настолько, чтобы оценить здоровенную ладонь, ломаные суставы и шрамы на пальцах. Затем его взгляд скользнул по руке, которая была толще, чем нога нормального человека. Затем — еще выше. Этот Ашра и вправду был на голову выше даже самого Конана и к тому же вполовину шире в плечах. При всем этом на нем не было ни капли жира. При всех шрамах на руках лицо и широкий нос этого великана не были обезображены ни единой царапиной. Мало кому удавалось даже достать до его головы, промелькнуло в мозгу киммерийца.

Конан пытался придать своему голосу самые примирительные интонации. Драка редко дает информацию.

— Я ищу человека, а не неприятностей. Убери руку, и я...

Вместо ответа верзила ткнул Конана в плечо. Киммериец позволил себе развернуться, как бы от удара. Но улыбка на лице Ашры оставалась недолго — лишь до того момента, когда кулак киммерийца влетел тому в бок, с явным хрустом ломае-

мых ребер. Вокруг раздались крики посетителей, отскакивающих от дерущихся. Второй кулак Конана тоже вошел в грудную клетку великана, и опять раздался хруст ломаемых костей.

С ревом Ашра схватил голову Конана обеими руками и сжал, словно желая раздавить череп противника. Но волчий огонь уже загорелся в глазах киммерийца. Он просунул руки между локтями Ашры и тоже схватил голову противника — одной рукой сверху, а другой снизу, за подбородок. Конан надавил изр всех сил, и бычья шея медленно-медленно стала поддаваться. Сделав шаг, Ашра вдруг ослабил хватку, но тотчас же перехватил Конана, сжав его обеими руками на уровне груди, решив сломать ему позвоночник.

Улыбка на лице киммерийца могла заморозить кровь в жилах нормального человека. Он понял, что через несколько мгновений сломает шею вышибалы. Но убийство заткнет рот трактирщику лучше любого кляпа. Неожиданно Конан ослабил хватку. Ашра засмеялся, решив, что уже победил. Вдруг руки киммерийца взлетели в воздух и со всего размаху ударили открытыми ладонями по ушам противника.

Ашра застонал и отпустил Конана, закрыв руками кровоточащие уши. Освободившись, киммериец нанес два удара кулаками по уже сломанным ребрам, а затем еще один — в сердце противнику. Глаза Ашры вылезли на лоб, ноги подкосились, но он не упал. Конан ударил еще раз. Ни разу не ломанный нос верзилы брызнул фонтаном крови. Ашра медленно повалился навзничь, сломав стоявший позади него стол. Из последних сил он попытался встать, но затих, потеряв сознание.

Вокруг упавшего собралась шушукающая толпа. Двое взяли его за ноги и, кряхтя, потащили к выходу. Многие женщины тепло смотрели на Конана, облизывали губы, покачивали бедрами. Среди прочих и те, что носили вуали. Не обращая на них внимания, Конан вернулся к делу.

На лице трактирщика было почти такое же выражение, как у поверженного Ашры. В его руке так и осталась сжатой большая деревянная колотушка.

Конан вынул тяжелую деревяшку из рук трактирщика и взялся обеими руками за середину толстой ручки. Напряглись сильные мышцы — и два обломка с треском упали на стойку.

Трактирщик облизнул пересохшие губы, глядя на Конана как на привидение.

— Я еще не встречал человека, которого Ашра не мог бы разорвать пополам голыми руками, — пробормотал хозяин кабака.

Затем его взгляд упал на обломки колотушки, и змееподобное лицо вытянулось еще больше. Вдруг в почти остекленевших глазах сверкнула мысль.

— Слушай, — обратился трактирщик к киммерийцу, — а тебе работа не нужна? Место, занятое этим мешком мяса, ты освободил себе сам. Серебряная монета в день. Плюс комната, еда, выпивка и любая девочка на выбор, если она в этот момент не с клиентом. Мое имя — Манилик. А как зовут тебя?

— Я не намерен становиться вышибалой, — сухо ответил Конан. — А теперь выкладывай, что тебе известно об Эмилио.

Манилик мгновение колебался, а затем натянуто засмеялся:

— Похоже, ты и вправду знаешь его. Просто я умею держать язык за зубами. Ты ведь меня понимаешь? Сболтнешь что-нибудь лишнее, а потом и без языка остаться недолго. А я свой язык не на помойке нашел.

— Можешь высунуть его. Где Эмилио?

— Знаешь, чужестранец, это ведь проблема... нет, я все понял, я знаю кое-что об Эмилио, — заверещал трактирщик, увидев, как поднимается над стойкой тяжеленный кулак, — знаю, но очень мало. И потом, я его уже три дня не видел.

— Три дня, — пробормотал Конан. Никто из встреченных им не видел Эмилио позже, чем три дня назад. — Этот идиот наверняка развлекается со своей чертовой Давинией.

— Давиния? — в голосе трактирщика послышалось удивление. — Если ты знаешь о ней, то, может быть, знаешь и... — Он затрясся от нервного смеха под холодным взглядом Конана.

— А что тебе известно о Давинии, Манилик?

Трактирщик вздрогнул от того, как спокойно был задан вопрос. Это спокойствие напоминало покой могилы. Может быть, его собственной. Поэтому он не торопился с ответом. Слова срывались с его губ редко, как капли воды в пересохшем источнике.

— Она — любовница генерала Мундара Хана, вар... э-э, чужестранец. Опасная женщина для Эмилио. Он ей нужен даже не как мужик. Эта стерва хочет использовать его для каких-то

своих целей. Она появилась в Аграпуре года два назад, с караваном какого-то заезжего торговца слоновой костью. Торговец уехал, а она осталась. Осталась в доме мелкого перекупщика драгоценностей. Потом она несколько раз меняла мужиков с большой пользой для себя. Сначала — средней руки торговец коврами, затем третий в городе судовладелец, а теперь — Мундара Хан, двоюродный брат короля Йилдиза. Мог бы быть принцем, не будь его мать наложницей в гареме.

Слова слышались все реже и реже. Наконец Манилик совсем замолчал. Его рот перекосила гримаса боли, оттого что ему пришлось задаром выдавать то, что в другой ситуации он бы выгодно продал.

Конан нагло соврал, рассмеявшись и поинтересовавшись:

— Ты и дальше будешь мне рассказывать то, о чем болтают на каждом углу? Я уже слышал, как кабацкие девки обсуждали, сможет ли Давиния перебраться в постель к самому Йилдизу.

— Я и не знал, что это так хорошо известно, — оправдываясь, забормотал трактирщик, — тогда Эмилио следует побыстрее исчезнуть отсюда. Слухи скоро дойдут до генерала, и тогда твоему приятелю не поздоровится. Только пусть сначала с долгами рассчитается. Он тут что-то молол про золотишко, которое собирался подзаработать на каком-то деле. Если увидишь его и если ты действительно друг коринфийцу — предупреди его, что Нарксес-замориец очень злится на него и собирается либо получить обратно долг, либо всадить Эмилио нож в ребра. Только не проговорись, что это я предупредил тебя и твоего дружка. Мне вовсе не улыбается, чтобы замориец явился по мою душу прежде, чем Эмилио отправит его на тот свет.

Манилик нервно облизнул губы. Сама жадность во плоти. Конану было ясно, что при первой же возможности трактирщик отправит гонца, чтобы предупредить и Нарксеса. Кто из двоих — Эмилио или Нарксес — останется в живых, Манилику наплевать. Он просто потребует у победителя вознаграждение за вовремя переданное предупреждение. Но в планы Конана вовсе не входило добавлять неприятностей коринфийцу.

— Значит, он говорил, что собирается перехватить кое-какое золотишко?

Трактирщик только пожал плечами:

— Ты, быть может, знаешь об этом больше меня, незнакомец.

Конан, мрачно улыбаясь, вышел из трактира не попрощавшись. За первым же углом он остановился и стал ждать. Закатное солнце огненным шаром опускалось где-то за крышами, окрашивая город в кровавый цвет.

Через несколько минут из дверей кабака выскользнула, на ходу натягивая капюшон плаща, одна из подавальщиц — худенькая черноволосая девушка.

Конан схватил ее за руку и утянул в узкий проход между домами. Глаза и рот девушки так и остались широко раскрытыми от удивления. Она даже не вскрикнула.

— Значит, Манилик послал тебя к Нарксесу, — скорее утвердительно, чем вопросительно произнес Конан.

Очнувшись, она зло посмотрела на киммерийца:

— Я тебе ничего не скажу. Отпусти меня.

Разжав пальцы, Конан даже слегка подтолкнул ее к середине улицы:

— Ну что ж. Иди. Никогда я еще не видел, чтобы человек так торопился подставить под нож свое горло.

Девушка в нерешительности остановилась, потирая руку и разглядывая подпрыгивающие на булыжниках телеги. Матросы и торговцы сновали между большими колесами. Один рывок — и она затеряется в толпе. Но что-то удерживало ее на месте и заставляло спросить:

— А что Нарксес может иметь против меня? Я его ни на грош не обсчитала. Всегда молчала о том, что слышала, когда он спьяну болтал лишнее.

— Так ты что, не знаешь? — с преувеличенным недоверием спросил Конан. — Про алтарные делишки?

— Чего я не знаю? Какие еще делишки?

— Я слышал, как Манилик говорил, что посылает девчонку к Нарксесу, чтобы... — тут он прервался и покачал головой, — нет, лучше тебе и не знать этого. Все равно от судьбы не уйдешь.

Девушка натужно засмеялась:

— Не пытайся запугать меня. Я всего-то должна сказать Нарксесу, что Манилик хочет поговорить с ним. А что ты слышал?

Конан только хмурился, словно раздумывая. Наконец девушка не выдержала и шагнула к нему, положив дрожащую руку на плечо:

— Ну, скажи мне. Пожалуйста.

— Не думаю, что это поможет, — с деланной неохотой ответил Конан, — Нарксес найдет тебя, куда бы ты ни сбежала.

— Мои родители живут в деревне, далеко от города. Он никогда не найдет меня там! Ну, скажи же!

— Нарксес продает молодых девушек Культу Рока для жертвоприношений, — наугад соврал Конан и тотчас же стал добавлять устрашающие детали: — Тебя привяжут к алтарю, перережут горло и соберут твою кровь в священную чашу, а потом...

— Нет! — воскликнула она, отшатнувшись и схватившись рукой за горло. Ее лицо позеленело, казалось, что девушка вот-вот упадет в обморок. — Я никогда не слышала, чтобы Культ Рока устраивал человеческие жертвоприношения. И вообще, закон запрещает приносить в жертву свободных граждан.

— Разве кто-нибудь узнает об этом, когда ты тихо умрешь, а твое тело будет выброшено в море, — Конан пожал плечами. — Нет, если ты мне не веришь, отправляйся к своему Нарксесу. Может быть, он тебе все толковее разъяснит по дороге к лагерю Культа.

— Что же мне делать? — простонала девушка, делая несколько нервных шагов то в одну, то в другую сторону. — У меня нет ни денег, ни чего-нибудь ценного. Только та одежда, что на мне. Как же я доберусь до своих родителей?

Вздохнув, Конан выудил горсть медяков из мешочка, висевшего на его поясе. Эмилио рассчитается с ним, узнав, на что пошли деньги.

— Держи. На дорогу тебе хватит.

— Спасибо, спасибо, — пробормотала она и, сжав в кулаке монеты, побежала по улице.

Хоть бы поцеловала на прощание, подумал Конан, провожая ее взглядом. Что ж, если повезет, то Манилик только к концу завтрашнего дня разберется в том, что случилось. Значит, есть день. День, чтобы найти Эмилио, не боясь наткнуться на его труп. История, которую Конан сочинил для девочки, оказалась даже более убедительной, чем он сам ожидал. С довольной улыбкой киммериец зашагал по улице.

В сгустившихся сумерках он не заметил бритоголового человека в оранжевой одежде, который, стоя в переулке рядом с трактиром, с интересом наблюдал за ним.

Глава 5

Ночь спустилась на резиденцию Культа Рока. Ни единый луч света не нарушал темноты, ибо все служители Культа просыпались, работали, ели и ложились спать только по команде. Ни единой монеты не тратилось на освещение. Однако в зале, где Джандар принимал сорок своих самых верных последователей, бронзовые лампы в виде львиных лап ярко освещали алебастровые стены с барельефами и многоцветную мозаику пола. Все сорок Избранных встали на колени при появлении Джандара. Каждый приложил ко лбу кинжал.

— Благословен будь Священный Хаос! — затянули они свое ритуальное приветствие. — Благословен будь беспорядок, смятение и анархия!

— Благословен будь Священный Хаос! — в тон им ответил Джандар, одетый в такую же оранжевую тунику, что и все остальные.

Он окинул взглядом золотую, с изумрудными инкрустациями, шкатулку, стоявшую на треножнике перед ожидающими его людьми. Пальцы Джандара, словно змеиные языки, быстро пробежали по запечатанным крышкам четырех десятков каменных флаконов, стоявших в шкатулке. Даже сквозь камень он чувствовал свежесть крови, наполнявшей каменные сосуды.

Один из присутствующих нарушил молчание:

— Все было выполнено в назначенное время, Повелитель.

Джандар лишь бросил на него раздраженный взгляд. Естественно, что те, чья кровь сейчас покоилась в этих флаконах, были убиты в том месте и в то время, когда он приказал это сделать. Те, кто убивал, не знали, зачем они это делают, не знали, зачем нужно собрать кровь жертвы, пока ее сердце еще бьется. Они верили, что служат великой цели, и умели подчиняться. Джандару этого было вполне достаточно.

— Идите, — скомандовал он. — Вас ждет еда и вино. Потом — спать. Идите.

— Благословен будь Священный Хаос, — пропели они и, вытянувшись цепочкой, вышли из зала.

Джандар подождал, пока за ушедшими закроется тяжелая бронзовая дверь, и только тогда снова заговорил:

— Че Фан, — позвал он, — Суйтай. Ко мне.

Двое высоких, сухощавых мужчин, одетых в черное, появились словно из-под земли. Стоило большого труда рассмотреть поворотную каменную плиту в стене, из-за которой они вышли. Увидев их, любой человек обратил бы внимание на столь необычных даже для видавшего виды Аграпура людей. Сильно раскосые глаза, кожа цвета пергамента, потемневшего на солнце. Они настолько сильно отличались от всех других, что невозможно было бы определить их возраст. Они были похожи, как близнецы. Тот, которого звали Че Фан, был, пожалуй, чуть повыше ростом. По призванию и профессии они были убийцами и могли убивать голыми руками.

Суйтай взял шкатулку, а Че Фан открыл в стене маленькую деревянную дверь, лакированную и отполированную до зеркального блеска. Джандар шагнул в узкий коридор, оба желтокожих человека следовали за ним по пятам. Бритоголовый колдун старался, чтобы эти двое пореже попадались на глаза людям. Даже Избранные редко встречались с ними.

Коридор привел их в другое помещение, в центре которого располагался круг черной, хорошо перекопанной земли. Тринадцать столбиков высотой по пояс окружали этот круг.

Привычными движениями Суйтай начал расставлять каменные флаконы, слегка вдавливая их в землю. Он расположил их четырьмя группами в форме крестов.

— Повелитель, — заговорил Че Фан хриплым шепотом, — мы следуем за тобой повсюду, куда ты нам прикажешь. Но наша жизнь пуста.

Джандар посмотрел на него в изумлении. Ни один из этих убийц никогда не заговаривал первым.

— Может, вы предпочитаете оказаться там, где я вас подобрал?

Че Фан вздрогнул. Его и Суйтая замуровали заживо в стене тюрьмы в Кхитае, куда бросили и Джандара. Во время своего побега он случайно освободил и их. Тогда оба поклялись следо-

вать за ним повсюду и служить ему до смерти. Судя по испуганному виду убийцы, Джандар понял, что тот вполне правдоподобно представил себя вновь в каменном мешке.

— О нет, Повелитель, — наконец выдавил из себя кхитаец, — мы, Суйтай и я, лишь просим чаще использовать наши способности в деле. Ведь с тех пор как... — Тут его голос снова задрожал: второй убийца ничем не поддержал своего товарища, а молча, не глядя на него, продолжал выравнивать флакончики.

Лицо Джандара потемнело. В этом «с тех пор» он почувствовал намек, напоминание о его поражении, случившемся несколько лет назад. Колдуну стоило больших усилий не сорваться на крик. Но и без этого его голос мало уступал по мелодичности скрежету железа о камень.

— Идиот! Ваши способности, как вы их называете, уничтожают саму сущность человека, как вы оба прекрасно знаете. Мне ничего не остается после ваших убийств. Когда мне снова потребуется ваш талант, и если он мне понадобится, я прикажу вам действовать. Или, может быть, вы хотите сейчас встать в круг и получить последний приказ?

Суйтай резко отскочил от круга земли.

— Нет, Повелитель, — хрипло ответил Че Фан, — я молю о прощении за мою дерзость.

Оба убийцы, как один, согнулись в глубоком поклоне.

Выдержав паузу, Джандар заговорил:

— Можете выпрямиться. Нам еще предстоят тяжелые дни, когда даже вас утомит столь любимое вами дело. А теперь можете идти. У меня тут есть чем заняться одному.

Как только они скрылись за дверью, Джандар переключил все свое внимание на более важные для него вещи.

Из складок своего одеяния он извлек черный мелок. На верхней площадке четырех равноудаленных от круга столбиков он начертил древние кхитайские символы четырех времен года. При этом он нараспев произносил какие-то слова на незнакомом даже ему языке. Но хотя он и не знал значения этих слов, результат их произношения был ему знаком. На следующих четырех столбиках были начерчены символы четырех сторон света, затем — четырех стихий. При этом Джандар ни на секунду не переставал начитывать свои заклинания. Оставался лишь один столбик, верхняя площадка которого была свобод-

на. На нем Джандар начертил символ жизни, а затем поверх него — знак смерти.

В зале стало холодно, последние слова заклинаний вылетали изо рта с облачками пара. От черной земли поднялась серебристо-голубая мгла, как над волшебным бассейном, только более бледная и почти прозрачная. Джандар почувствовал, как Сила входит в него.

В центре светящегося облака мелькнула яркая вспышка, и воздух в зале содрогнулся, как от удара грома. Стоявшие в круге каменные флаконы рассыпались в пыль, и земля жадно впитала пролившуюся кровь.

Не прекращая заклинаний, Джандар сосредоточился на Силе, лившейся по его венам, и заставил ее сделать то, что ему нужно. Каждая частичка его существа требовала, просила, умоляла о чуде вызывания, воскрешения мертвых.

Политая кровью земля зашевелилась. По ней поползли трещины. Вдруг в одной из трещин показалась извивающаяся рука мертвенно-зеленого цвета с ногтями, похожими на ногти дикого зверя. Рядом с ней появилась еще одна, потом еще. Так по всему кругу потянулись из-под земли страшные руки, стремящиеся прорыть, прокопать себе путь наверх. Попавшие в рабство Джандару, эти создания мало чем походили на людей, хотя были тем, что осталось от убитых по приказу колдуна мужчин и женщин. Сейчас между ними не было разницы ни по полу, ни по возрасту. Все были одинаковы. Голая кожа плотно обтягивала купола черепов, на которых светились страшным огнем глаза, видевшие могилу изнутри. Безгубые рты издавали какофонию стонов и завываний.

Джандар прекратил читать заклинания и тотчас же почувствовал, как Сила уходит из него, словно вода из решета. Вместе с Силой исчезала и светящаяся мгла. Страшные создания повернулись к Джандару и, впервые увидев его, застонали и завыли еще громче.

— Молчать! — крикнул он, и в воздухе повисла гробовая тишина.

Он вызвал их, и им оставалось только подчиняться, хотя кое-кто и глядел на своего повелителя с неосознанной яростью. Такие находились в каждой партии.

— Слушайте меня. Каждый из вас должен вернуться в тот дом, где он служил при жизни. Там, в плотском обличье, вы бу-

дете смотреть и слушать. То, что скрывают ваши бывшие хозяева и хозяйки, вы расскажете мне, когда я вас вызову в следующий раз. Ничего больше вы не посмеете сделать без моего приказа.

— Слушаю и повинуюсь, — раздались нестройные голоса.

— Тогда во имя крови, земли и Силы Хаоса, которой я вызвал вас, — пошли прочь!

В воздухе раздался сильный хлопок, и уродливые формы исчезли.

Джандар усмехнулся и вышел из зала. Он уже знал о секретах Турана больше, чем любые десять самых информированных людей. Он уже мог влиять на самые важные в стране решения, вовремя шепнув в нужное ухо кое-что из того, что было ему известно и о чем обладатель этого уха предпочел бы хранить молчание. Фактически, он сам принимал эти решения. Скоро сам трон падет к его ногам. Джандар вовсе не жаждал, чтобы его роль истинного правителя Турана стала известна всем. Хватит и осознания того, что он правит. Сейчас Тураном, затем последует Замора, а затем...

— Повелитель!

Джандар, вырванный из сладких грез, недовольно посмотрел на бритоголового мужчину, нагнавшего его в одном из коридоров.

— Почему ты беспокоишь меня, Зефран? — спросил колдун. Ведь даже Избранным не позволялось заговаривать с ним первыми.

— Простите меня, Великий Господин, — сказал Зефран, низко поклонившись. — Но я оказался свидетелем одной очень знаменательной встречи в городе, на закате.

— Какой еще знаменательной встречи? Что за чушь?

— Какой-то варвар рассказывал одной девчонке о жертвоприношениях Культа и об использовании крови жертв в магических целях.

Джандар сжал кулаки так, что пальцы побелели:

— Кто это был? Гирканиец?

— Нет, Повелитель.

— Другого не может быть.

— Господин, его кожа там, где ее не покрыл загар, бледнее, чем у любого из нас. А самое странное — это его глаза. Синие, как море.

Джандар прислонился к стене. В Гиркании, по ту сторону моря Вилайет, он впервые основал Культ, выстроил Сосуд Силы. Он мог бы превратить дикие воинственные племена гиркайнийцев в единую силу, послушную его слову. Он послал бы эту гигантскую лавину всадников на завоевание Турана, Заморы, а затем и дальше на запад, к Великому Океану.

Но он невнимательно отнесся к поведению оживленных. Кое-кому из них удалось передать правду о Культе живым. Тогда эти кочевники ополчились против него, начали убивать его последователей. Только ценой потери всего созданного он смог избежать неминуемой смерти. Но эти дикари — гиркайнийцы — затаили гнев на него до поры до времени и только ждали возможности отомстить. Где-то в глубине души Джандар боялся их. Хотя сейчас это было, наверное, смешно.

— Повелитель, — удивленно переспросил Зефран. — Я не понимаю, почему горстка гиркайнийцев так обеспокоила вас. Те немногие, которых я видел в городе...

— Ты ничего и не поймешь, — оборвал его Джандар. — Этот варвар. Ты убил его?

Зефран только смущенно вздохнул:

— Господин, я потерял его в толпе у порта.

— Идиот! Поднимай своих людей! Найти этого варвара! Он должен умереть. Нет! Привести его ко мне. Я должен выяснить, кто еще знает то, что не должен знать никто. Ну, чего ты ждешь? Давай, пошел отсюда! Живее, придурок!

Зефран убежал, оставив Джандара в лихорадочных раздумьях. Нет. Не может быть. Он не может позволить себе еще одну неудачу. Пусть мир погибнет, если это будет нужно. Но он больше не потерпит поражения.

Глава 6

Конан спустился по лестнице, ведущей в общий зал «Синего быка», с величайшей осторожностью. Он не был уверен, что его череп разлетится на куски при одном неверном шаге, но предпочитал не рисковать. Предыдущая ночь осталась в памяти как непрерывное хождение из одного трактира в другой. Стакан опустошался за стаканом. И вот награда за все старания — голова как чугунный котел.

С тяжелым вздохом Конан опустился на скамейку рядом с Шараком, увлеченно орудовавшим ложкой в горшке с супом.

— Как ты можешь это есть, Шарак? — пробурчал киммериец. — От одного запаха наизнанку выворачивает.

— Все дело в правильном образе жизни, — хихикнул Шарак. — Я живу подобающим образом, и мне не приходится мучиться от избытка винных паров в голове. По крайней мере не часто. И это приносит мне удачу. Этой ночью, расспрашивая трактирных девок про Эмилио, я выяснил, что они обожают заморийскую астрологию. И знаешь почему?

— Что ты выяснил про Эмилио, Шарак?

— А все потому, что она — иностранная. А для этих дур все привозное лучше родного. Конечно, многие предлагали расплатиться не монетой, а натурой. — Шарак снова захихикал. — И я провел ночь с девочкой с восхитительной грудью и...

— Шарак! Что с Эмилио?

Старик вздохнул:

— Знаешь, если бы тебе пришло в голову прихвастнуть немного, я бы не стал тебя перебивать. Ничего особенного я не узнал. Три человека, из них две шлюхи, сказали мне, что Эмилио вчера отправился на дело. Грозился заработать много золота.

— Я разыщу его, чего бы мне это ни стоило, — сказал Конан, но уже без особого энтузиазма. К нему все больше приходила уверенность в том, что Эмилио мертв. Погиб, пытаясь украсть ожерелье.

— Почему я не пошел с ним! — воскликнул киммериец.

— Куда? — спросил Шарак. — Подумай, скольким людям этот болтун рассказал о своем деле. Ты представляешь, как многие ждали его появления, пряча кинжал за пазухой. И этот Нарксес, и Фентрас из Кофа, и даже этот сержант, который приходил сюда расспрашивать об Эмилио. Если этот парень остался в живых, то в Аграпуре его нет. Это уж точно.

— Эмилио хотел забраться в хранилище Культа Рока, Шарак. Я так думаю, что он пошел на дело два дня назад.

— Тогда он точно покойник. Это место пользуется дурной славой у местных воров. Считается опасным даже подумать о том, чтобы поживиться там чем-нибудь.

— Он собирался украсть ожерелье с тридцатью рубинами для женщины со светлыми волосами и просил меня помочь ему.

Старик-астролог уронил ложку в суп:

— Может быть, я что-то напутал... В конце концов, я уже очень стар. Так что все это, вероятно, чистое совпадение. Ну, я про Эмилио и все остальное...

— Может быть, оно, конечно, и совпадение, — усмехнулся Конан, — но что-то не верится мне в это. Я не припомню ни одной твоей ошибки. Здесь, по-моему, все ясно. Я должен пробраться туда и украсть это проклятое ожерелье.

Скамья, на которой сидел Конан, неожиданно скрипнула под тяжестью опустившегося на нее человека.

— А я должен пойти с тобой, — вступил он в разговор.

Конан посмотрел на непрошеного собеседника. Это был тот самый смуглый черноглазый сержант туранской армии, который разыскивал Эмилио.

— Меня зовут Акеба, — добавил он.

Рука Конана легла на рукоять меча.

— Плохая привычка — подслушивать чужие разговоры, — с угрозой в голосе сказал он.

— Мне наплевать, что ты там собираешься воровать, — сказал Акеба. Его руки спокойно лежали на столе. Казалось, он не обращает никакого внимания на меч киммерийца. — Я знаю, что Эмилио не боялся этого места. Но ты говоришь, что он мертв. У меня там есть свое дело, и мне нужен напарник, который прикроет меня со спины, человек, который не боится Культа. Если ты пойдешь туда — я пойду вместе с тобой.

Шарак прокашлялся и спросил:

— Чего ради сержанту туранской армии вламываться в резиденцию Культа ночью, втайне от всех?

Лицо Акебы искривилось, как от боли.

— Моя дочь Зорель. Ее похитили последователи этого проклятого Митрой культа. Хотя она могла и сама присоединиться к ним по наивности. Они не позволяют мне встретиться с нею, но однажды я увидел ее издалека. Она стала совсем другой: не смеется, не улыбается. У нее не лицо, а ледяная маска. Я должен вызволить ее оттуда.

— Твоя дочь, — хмыкнул Конан, — это твое дело. А мне нужно попасть туда, наделав как можно меньше шума. Двое шумят в десять раз больше, чем один. А теперь представь еще сопротивляющуюся и хнычущую девчонку...

— Посмотрим, много ли ты сможешь украсть, если я прикажу своим людям арестовать тебя.

Кулак Конана плотно сжал меч.

— Ты ничего никому не прикажешь из могилы, — прорычал он.

Акеба схватился за свою саблю. Оба встали, явно готовые к поединку.

— Не будьте дураками! — охладил их пыл Шарак. — Ты, Акеба, никогда не увидишь свою дочь, если тебе снимут голову в этом трактире. А ты, Конан, подумай о той опасности, которая тебя ждет. Разве тебе помешает еще один клинок?

— Только не этот солдафон, — ответил киммериец, глядя прямо в глаза туранца, — он привык громко маршировать, а здесь нужна ловкость вора.

— Я три года был разведчиком в войне против горных племен хребта Ибарр. Как видишь, я остался жив и невредим. А на тебя посмотреть, так ты не ловчее быка.

— Разведчик? — с сомнением переспросил Конан. Значит, что-что, а скрытно делать свое дело этот парень умеет. Может быть, Шарак в чем-то и прав. Вполне возможно, что второй клинок окажется не лишним. А кроме того, убей он сейчас сержанта — и придется в ту же секунду бежать из Аграпура.

Конан медленно сел на скамью.

Акеба последовал его примеру. Еще мгновение они напряженно смотрели друг на друга. Вдруг, словно по команде, оба отпустили рукояти своих клинков.

— Ну, а теперь, — сказал Шарак, — попробуем определить функции каждого из нас в этом деле.

— А ты-то тут при чем? — спросил Акеба и перевел удивленный взгляд на Конана. Тот отрицательно покачал головой.

— Я еще не решил, возьму ли с собой Акебу, но ты-то мне точно не нужен. Найди себе на это время девчонку, которая любит астрономию. Могу порекомендовать кое-кого.

— А кто будет стеречь ваших лошадей, пока вы собираетесь геройствовать за стенами лагеря? Мы же договаривались, Конан. Это — мой последний шанс испытать приключения. А кроме того, не забывай про мой волшебный посох. Он может очень даже пригодиться в таком деле.

Акеба нахмурился и внимательно осмотрел посох.

— Просто палка, — сказал он, глядя на Конана.

— Эта штуковина имеет волшебную силу, — подтвердил Конан, пряча глаза.

Секунду спустя темноволосый туранец понимающе улыбнулся:

— Как скажете. А если серьезно говорить о деле — я бы хотел развязаться побыстрее.

— Сегодня ночью, — сказал Конан. — Мне тоже нужно поторапливаться...

— Клятва! — влез в разговор Шарак. — Не забудьте про клятву.

Все трое склонились над столом голова к голове.

Глава 7

Оставив Шарака под большим деревом присматривать за лошадьми, Конан и Акеба бегом бросились к белоснежным стенам резиденции Культа Рока... Над стенами вздымались высокие башни и купола, едва различимые в черном ночном небе. В тысяче шагов море Вилайет билось о прибрежные скалы.

У подножия стены киммериец и туранец размотали заранее приготовленные веревки с железными крючьями на концах. Взмах двух сильных рук — и вот уже крючья, зацепившись за гребень стены, крепко удерживают веревки.

Конан взобрался по веревке с проворством большой обезьяны. Акеба вскарабкался рядом с ним и, не останавливаясь, взгромоздился на гребень стены. Такой ошибки не сделал бы и начинающий воришка: хозяева огороженных домов имеют обыкновение утыкать верхние части стен острыми черепками и осколками камня, чтобы непрошеный гость изрядно исцарапался и изрезался.

Перекинув веревку и поплотнее закрепив ее, Конан спрыгнул вниз, чтобы смягчить удар, он упал, подогнув ноги, и перекувырнулся через плечо. Вскочив, он осмотрелся. Они с Акебой оказались в саду, усаженном самыми экзотическими кустами и деревьями, пугающе шевелящимися на ночном ветру.

— Значит, — сказал Конан, — встречаемся у подножия самой высокой башни.

— Договорились, — подтвердил Акеба.

До этого они крупно поговорили по поводу того, чье дело нужно решать сначала. Акеба считал, что, украв ожерелье, Конан обнаружит их присутствие перед стражей. Киммериец же был уверен, что не удастся вытащить девушку, не подняв тревоги. Женские бараки наверняка охраняются. Эмилио же утверждал, что ожерелье находится в башне без стражи. Шарак предложил компромисс: Конан выяснит, где находится ожере-

лье, и попытается украсть его, а Акеба постарается определить местонахождение дочери. Затем они, встретившись в условленном месте, вдвоем постараются вызволить Зорель. Этот вариант не устраивал до конца обоих, но по крайней мере давал хоть какой-то выход из тупиковой ситуации.

Бросив последний сомневающийся взгляд на туранца, Конан, как пантера, помчался прочь. Он хорошо запомнил описание месторасположения ожерелья, данное Эмилио. Верхний этаж башни, стоящей в стороне от других — на восточной стороне лагеря. Значит, она неподалеку от перебравшихся через восточную стену смельчаков. Вскоре Конан и вправду увидел высокую, квадратную в плане, башню. Он перешел на шаг, прислушиваясь к каждому ночному шороху, затем остановился и внимательно осмотрел башню. Выстроенная из зеленого порфира, она имела лишь один дверной проем внизу и опоясывающий балкон на уровне верхнего этажа. Луковица купола поблескивала в лунном свете, словно усыпанная драгоценными камнями.

Больше всего киммерийца пугало отсутствие стражи. Конечно, для членов Культа башня была музеем ненужных вещей — золота и драгоценных камней. Но за всю свою жизнь Конан не припомнил ни одного человека, который, будучи в здравом уме, не запер бы такие побрякушки на хороший замок и не приставил к ним охрану.

Стены башни были отполированы так, что даже излазившему все киммерийские хребты Конану было нереально забраться по ним. Тогда юноша внимательно присмотрелся к площадке перед входом. Она была вымощена каменными плитами, покрытыми странным орнаментом. Любая из этих плит могла служить спусковым устройством для срабатывания западни, например, ямы с кофийскими кобрами или туранскими степными скорпионами.

Конан уже встречал такие штуки. Он встал на колени и внимательно осмотрел площадку. Из лагеря к башне вела дорожка, выложенная мрамором. Конан присмотрелся к стыку мраморной плиты и камня площадки. Мрамор был немного выше. А кроме того, на край мраморной плиты явно часто укладывали что-то тяжелое, видимо нечто вроде мостков, опиравшихся одним концом на мрамор дорожки, другим — на порог башни, а серединой — на один из камней площадки. Раз-

гадывать, какие из камней могли представлять угрозу, времени не было. Конан прикинул расстояние и решил рискнуть.

Прислушиваясь к каждому шороху, он пошел по дорожке, отсчитывая шаги. Через сорок шагов он остановился и перевесил меч так, чтобы тот оказался за спиной. Еще не хватало, чтобы клинок в самый неподходящий момент поддал хозяину под колени.

Подготовившись, Конан еще раз прислушался. Тишина... Что ж, по крайней мере Акеба еще не поднял шума. Глубоко вздохнув, Конан начал разбег. Площадка все приближалась, наконец, оттолкнувшись изо всех сил от последней мраморной плиты, киммериец взлетел в ночной воздух.

Мгновения полета показались ему вечностью. Наконец носки его сапог коснулись камня. Некоторое время киммериец балансировал на пороге, размахивая руками и рискуя упасть назад, но все же смог последним усилием втащить себя внутрь башни.

Негромко рассмеявшись, он перевесил меч и двинулся вперед. Попробуй подлови киммерийца, подумал он.

На нижнем этаже башни было несколько помещений, но все двери оказались закрытыми, что не очень огорчило Конана. То, что было ему нужно, находилось наверху. Туда, под купол, вела винтовая каменная лестница. Выставив меч вперед, киммериец начал осторожно подниматься. Не встретив никаких препятствий, он добрался до самого верха.

Посеребренный потолок отражал и усиливал лунный свет, превращая его в сказочную иллюминацию. Шесть резных проемов выходили на опоясывающий комнату балкон. А в центре помещения на мозаичном полу возвышались открытые резные ларцы из полированного черного дерева. В них на бархатных подушках лежали драгоценности, стоимость которых трудно было даже вообразить. Корона из рубинов и жемчуга, достойная любого короля. Изумруд размером с кулак. Два десятка сапфиров с палец длиной, ограненных в эротические формы. И еще множество различных украшений, выставленных здесь лишь затем, чтобы внушить мысль о своей бренности и бесполезности.

Нужное Конану ожерелье тоже было здесь. Оно лежало на одной из подушек, мерцая своими камнями в лунном свете. Киммериец привычным взглядом оценил украшение, прежде

чем опустить его в мешочек на поясе. Неважно, имеет оно волшебную силу приворотного камня или нет, но в любом случае Давиния явно не продешевила, пообещав за него сто монет. Конан еще раз обежал глазами помещение. Здесь были сокровища на десять тысяч золотых монет. Фериан был прав. Унеси отсюда сколько сможешь — и станешь богачом.

С некоторым трудом, но без всякого сожаления Конан отогнал от себя эту мысль, С воровством покончено, а то, что он совершил сегодня, — это совсем другое дело. Поддайся он сегодня соблазну — и второй раз заставить себя отказаться от старой жизни будет труднее. Кроме того, жизнь научила юношу, что деньги, вырученные за краденое, уходят из рук, как вода в песок.

Неожиданно в комнате раздался знакомый голос:

— Я надеялся, что ты все-таки придешь.

Конан повернулся и занес меч, но тут же опустил его с улыбкой:

— Эмилио! Я думал, что ты мертв, старина. Забирай это проклятое ожерелье и давай сваливать отсюда.

Высокий коринфиец поднялся по последним ступенькам лестницы. В его руках были меч и кинжал.

— Вполне удачное наказание — охранять то, что собирался украсть, не правда ли?

Волосы Конана встали дыбом:

— Тебя заколдовали?

— Я мертв, — ответил Эмилио и бросился вперед.

Конан отпрыгнул в сторону, и меч Эмилио разнес в щепки один из резных ларцов. Коринфиец снова и снова пытался напасть на Конана, но тот все время держался так, чтобы между ними стоял один из ларцов.

— Что за чушь ты несешь? — увернувшись очередной раз, крикнул Конан. — Ты же человек, а не привидение.

Эмилио глухо рассмеялся:

— Мне приказано убить любого, кто приблизится к башне, но разговаривать мне никто не запрещал. — Он продолжал кружиться между ларцами, выискивая более удачное место для нападения. — Меня схватили здесь же, в этой комнате. Видишь, как далеко я прошел. А затем мне воткнули острую железную трубку прямо в сердце. Я видел, как моя кровь лилась в золотую чашу, киммериец.

— Кром! — вырвалось у Конана.

Он покрепче сжал меч. Убить друга — это зло, даже в отношении того, которого заколдовали и приказали стать убийцей. Но, наверное, это все же меньшее зло, чем самому погибнуть от руки друга.

— Джандар, которого здесь называют Великим Господином, взял мою жизнь, — продолжал Эмилио, не ускоряя, но и не замедляя своего кружения по комнате. — А потом часть этой жизни он снова влил в то, что когда-то было моим телом. И теперь это создание, которое раньше называли Эмилио Коринфийцем, должно подчиняться приказам. Оно... я должен подчиняться.

Вдруг Эмилио резко вскочил на один из ларцов, ломая полки и безжалостно топча драгоценные украшения. Оттуда он бросился на киммерийца. Конан отскочил назад, и его поднятый меч высек искры из клинка коринфийца. В ту же секунду свободная рука Конана мертвой хваткой сжала кисть противника, держащую кинжал.

Пытаясь высвободить оружие, оба сделали несколько шагов в сторону и оказались на балконе. Размахнувшись, Конан изо всех сил пнул Эмилио в пах. Такой удар заставил бы согнуться пополам любого человека, но этот живой труп только хрипло усмехнулся. Рискуя разблокировать меч коринфийца, киммериец резко ткнул рукояткой своего оружия в лицо противнику. Тот отскочил назад, чтобы не упасть на спину. Взмах меча — и Эмилио пришлось отступить еще на шаг: клинок Конана отхватил край его туники. Еще один выпад, и ноги коринфийца оказались на самом карнизе. Несколько мгновений Эмилио еще размахивал руками, пытаясь восстановить равновесие, но затем рухнул с балкона, даже не вскрикнув. Снизу донесся лишь глухой удар.

Тяжело дыша, Конан подошел к краю балкона и посмотрел вниз. В темноте различить детали было невозможно, но то, что Эмилио не выжил после падения (даже если его можно было назвать живым до того), — это бесспорно. В любом случае, подумал киммериец, убить друга — ничего хорошего в этом нет. Не к добру это.

С мечом в руках Конан поспешил вниз, к выходу. Около двери он остановился и присмотрелся. При падении тела Эмилио ловушка сработала: тонкие металлические пики длиной с

человеческую руку выросли между плитами. Некоторые из них пронзили тело коринфийца.

— Последняя услуга старого приятеля... — пробормотал Конан.

Но времени на траурные размышления не оставалось. Нужно было еще разыскать Акебу. Пробравшись между пиками, Конан бегом понесся в сторону самого высокого шпиля, хорошо видного отовсюду в лунном свете.

Неожиданно женский визг разорвал тишину, оборвавшись столь же внезапно. Выругавшись, Конан ускорил бег к башне. Визг, похоже, раздался именно оттуда. Где-то вдалеке ударил гонг. Раз, второй, третий. Раздались далекие крики, кое-где появились алые точки факелов. Конан нырнул в тень высокого шпиля и чуть не наткнулся на Акебу. К удивлению киммерийца, тот прижимал к себе красивую девушку в оранжевом платье, одной рукой удерживая неподвижно ее руки, а другой — зажимая ей рот. Большие черные глаза девушки зло смотрели на обоих мужчин.

— Это твоя дочь? — спросил Конан.

Акеба кивнул, торжествующе улыбаясь:

— Зорель. Мне просто повезло. Она вышла за водой к колодцу. Никто не видел меня.

Крики вокруг становились громче, а факелов, похоже, было уже больше, чем звезд.

— Теперь это не важно, — сухо ответил Конан, — нелегко будет смыться отсюда, да еще с девчонкой, которая, по-моему, вовсе не рвется к родному папаше.

— Я сам выберусь с ней, — холодно произнес туранец.

— Ладно тебе, — примирительно сказал Конан, — уйдем вместе, как пришли.

После того что случилось с Эмилио, киммериец ни за что не оставил бы девушку на милость этих извергов.

— Но нужно... Тсс! — Конан махнул рукой, призывая к молчанию.

Какой-то древний инстинкт подсказал ему, что за ним и его спутниками следят враждебные глаза, приближающиеся с каждой секундой. Но даже отличное зрение Конана не могло помочь ему в этой игре теней. Нет. Одна из теней приняла форму одетого в черное человека. Но, даже будучи уверенным в этом, Конан с трудом удерживал черную фигуру в поле зре-

ния. Казалось, что-то мешало сфокусировать взгляд на ней. Это могло быть только колдовство. Черное, опасное колдовство.

— Митра! — воскликнул Акеба, отдергивая руку от рта своей дочери. — Она укусила меня!

Почувствовав, что рука отца, держащая ее, ослабела, девушка извернулась и впилась ногтями в лицо Акебы. Тот отпрянул, чтобы не дать ей выцарапать ему глаза. Воспользовавшись свободой, девушка бросилась бежать, крича на ходу:

— На помощь! Здесь чужие! Они хотели похитить меня! Помогите!

— Зорель! — закричал Акеба и бросился за ней.

Конан лишь выругался и последовал за ними.

Неожиданно черная фигура выросла рядом с девушкой. Взвизгнув, она отскочила. Человек в черном поднял руку, словно собираясь погладить Зорель по щеке. Девушка замолчала и вдруг рухнула как подкошенная.

— Зорель! — в стоне Акебы слышалось нечеловеческое горе отца, на глазах которого убили его ребенка.

Первобытный инстинкт снова предупредил Конана об опасности. Схватив Акебу за руку, он повалил его на землю, рухнув рядом с ним. Воздух над ними зазвенел от несущихся сквозь него множества стрел, предназначавшихся человеку в черном. Конан лишь замер в изумлении, увидев, как тот, двигаясь с быстротой молнии, отбил две стрелы в воздухе, поймал на лету еще две и, проскользнув между остальными, растворился в темноте.

Вслед за ним промчались с десяток гирканийцев, вооруженных маленькими изогнутыми луками и кривыми ятаганами. Двое из них бросились к Конану и Акебе... но кто-то громко крикнул:

— Нет! Оставьте их! Нам нужен только Баальшам! — И кочевники скрылись в ночной тьме.

Конан медленно встал на ноги, покачивая головой. Откровенно говоря, он ничего не понимал в том, что происходит вокруг, да и не очень-то стремился понять. Нужно доделать свое дело, подумал он, а остальное пусть идет своим чередом.

Акеба наклонился над дочерью и поднял на руки мертвое тело. Его лицо было залито слезами.

— Она умерла, киммериец, — прошептал он. — Он только дотронулся до нее, и она...

— Неси свою дочь и давай двигать отсюда. Что тут еще происходит — не наше дело.

Туранец осторожно опустил Зорель на землю, вынул саблю из ножен и внимательно осмотрел клинок:

— Пролита кровь, и я должен отомстить. — Его голос был тверд.

— Для мести нужна спокойная голова и холодное сердце, — возразил Конан. — Твоя же кровь кипит от гнева. Останься сейчас — и ты погибнешь, скорее всего, даже не увидев того, кто убил твою дочь.

Акеба резко повернулся к киммерийцу, его черные глаза чуть не выскакивали из орбит:

— Мне нужна кровь за кровь моей дочери. Тебе это понятно, варвар? Если понадобится — я начну с тебя.

— Значит, ты готов оставить Зорель червям и воронам?

Акеба прищурился и тяжело вздохнул. Затем он медленно вложил саблю в ножны и поднял дочь на руки. Его лицо напоминало глиняную маску.

— Надо выбираться из этого проклятого места, киммериец, — произнес он безучастным голосом.

Мимо них пробежала группа мужчин и женщин в оранжевом, явно гонимых страхом. Никто даже не посмотрел на двух вооруженных людей с мертвым телом на руках.

Еще дважды им попадались мечущиеся бестолково группы последователей Культа. Крики и стоны, доносившиеся из лагеря, слились в непрерывный шум. Неожиданно в небо взметнулись языки двух пожаров.

Конан с Акебой влетели в кустарник неподалеку от того места, где были оставлены веревки. Вдруг, словно стая куропаток из-под ног, на них выскочили перепуганные люди в оранжевых одеждах.

Конану пришлось отбросить с дороги двух замешкавшихся мужчин. Еще один получил хороший пинок пониже спины. Конан уже примерился, как поудобнее перехватить бегущую наперерез девушку... и вдруг остановился. Это была Ясбет.

— Ты? — крикнул он.

Не задумываясь, киммериец перекинул ее через плечо, словно мешок, и помчался вдогонку за Акебой. Маленькие кулачки девушки забарабанили по его широкой спине, а ноги безуспешно пытались пнуть его в лицо.

— Отпусти меня, — простонала она. — Ты не имеешь права! Пусти!

Добравшись до стены, Конан опустил ее на землю. Ясбет уставилась на него с негодованием оскорбленной королевы.

— Я обещаю, что забуду это, если ты сейчас же уйдешь. За то, что ты сделал для меня в тот раз, я не расскажу... — Она испуганно заморгала при виде того, как Конан достал кинжал и отхватил им несколько кусков ее платья. В несколько мгновений руки и ноги девушки оказалась туго связанными. Прежде чем она сообразила выразить криком свой протест, Конан довершил дело, вогнав ей в рот основательный кляп.

Акеба проверил надежность веревок, свисавших со стены, и повернулся к Конану.

— А это кто? — спросил он, кивнув в сторону Ясбет.

— Еще одна девушка, которую я не хотел бы отдавать на съедение этому Культу, — ответил Конан. — Лезь первым. Я привяжу тело Зорель, а ты втащишь его наверх.

Туранец задумался на несколько мгновений, а затем сказал:

— Сначала — живую девушку. На обеих может не хватить времени. — И, не дожидаясь ответа Акебы, полез вверх. Не обращая внимания на гневное мычание Ясбет, Конан обвязал ее веревкой. Вскоре ее протест был слышен уже со стены. Привязав тело Зорель, Конан замер, прислушиваясь к тому, что творилось в лагере. Он слушал и ждал. Казалось, целую вечность. Наконец конец веревки упал к его ногам. Вскарабкавшись на стену, Конан оказался лицом к лицу с Акебой.

— Я уж было подумал, — сказал киммериец, — что ты бросил меня.

— В какой-то момент, когда тело моей дочери опустилось на землю по ту сторону стены, я и вправду был близок к этому, — сухо сказал Акеба, не глядя на Конана.

Тот кивнул и спокойно сказал:

— Ладно. А теперь пора сваливать, пока не поздно.

Подхватив каждый свою ношу, они бросились бегом к тому месту, где их ждал Шарак с лошадьми. В лагере за их спинами продолжала усиливаться какофония боя и суматохи.

Глава 8

Красное зарево пожара отбрасывало блики на лицо Джандара, когда он, стоя у окна, наблюдал, как посвященные в члены Культа бегали по лагерю с ведрами воды и песка. Одно из зданий горело уже слишком сильно, чтобы можно было надеяться спасти его.

— Ну что? — спросил он, отвернувшись от окна.

Че Фан и Суйтай переглянулись, и первый ответил:

— Это гирканийцы, Повелитель.

Джандар и его собеседники стояли в приемной — первой комнате личных покоев колдуна. Аскетичность, проповедуемая им, и здесь проявлялась во всем. Гладкий, хотя и мраморный, пол без мозаик и узоров; голые стены без ковров и лепных украшений.

— Я знаю, что это гирканийцы! — рявкнул Джандар. — Я слышал, как они кричали: «Смерть Баальшаму!» Вот уж не думал, что мне придется вновь услышать это имя. Сколько их было?

— Дюжины три, Повелитель. Может быть, четыре.

— Четыре дюжины, — прошептал Джандар. — Сколько осталось в живых?

— Жалкая горстка, Повелитель. Мы убили не меньше двух дюжин.

— Значит, вполне вероятно, что два десятка этих мерзавцев еще живы и мечтают добраться до меня, — задумчиво произнес Джандар. — Их надо найти. Вот и работка, по которой вы так соскучились.

— Великий Повелитель, — обратился к нему Суйтай. — В лагере побывали и двое других. Не гирканийцы. На одном из них был шлем туранской армии. Второй — высокого роста, со светлой кожей.

— Варвар? — встрепенулся Джандар. — С голубыми глазами?

— Глаза? — не понимая, переспросил Суйтай, а затем, собравшись, ответил: — Было темно, Повелитель, и в бою мне не удалось приблизиться к нему. Но эти двое ограбили Башню созерцания, украв ожерелье с тринадцатью рубинами и угрохав того парня, которого вы оставили там за сторожа. — Кхитаец помолчал и добавил: — Еще они убили девушку, одну из недавних посвященных. Ее имя Зорель.

Колдун лишь отмахнулся. Он, конечно, наметил эту девушку для своей постели, но ее жизнь или смерть не имели сейчас никакого значения. Второй вор пришел за одним и тем же ожерельем. Это не могло быть случайным совпадением.

— Подождите здесь, — буркнул Джандар кхитайцам.

Плотно прикрыв за собой дверь, он вышел в большой зал с колоннадой, где его ждали с десяток Избранных с Зефраном во главе. Они считали себя телохранителями Повелителя, хотя любой из убийц-кхитайцев мог в два счета уложить их всех. При появлении Господина все низко поклонились.

Джандар обратился к Зефрану:

— Ступай к Башне Созерцания. Там рядом должно валяться тело того вора, которого я поставил туда сторожить. Принесешь тело в Зал Оживления.

— Сию секунду, повелитель, — ответил Зефран, но не двинулся с места, а поспешил добавить: — Это были гирканийцы, Великий Господин. Я уверен, что те самые, о которых я говорил вам. — Зубы Джандара скрипнули, но лицо по-прежнему оставалось бесстрастным.

— Ты знал, что в Аграпуре появились гирканийцы? — тихо спросил он.

— Да, Повелитель. — Зефрана прошиб холодный пот. — Это те... те самые, о которых я говорил вам, Господин. Разве вы не помните?

— Принеси тело, — повторил свой приказ Джандар.

Зефран низко поклонился. Когда он выпрямился, колдуна уже не было видно.

В своей приемной Джандар нервно ходил из угла в угол, не обращая внимания на кхитайцев. Этот болван знал, что в городе появились гирканийцы, и ничего не сказал. Будем так считать. Поэтому Избранные не были оповещены, поэтому и не была установлена слежка. Джандар знал, что стоит начать думать о том, что может случиться, как оно и случается. Так уже

не раз бывало с ним. Поэтому он всячески гнал от себя любое напоминание о Гиркании, но, видимо, в глубине души боялся, что гирканийцы придут за ним. Боялся и ждал...

Так и произошло.

Джандар тщательно продумал и собрал все порошки и другие принадлежности, необходимые для предстоящего колдовства. Рассвет наступит через несколько часов. С первым же лучом солнца большая часть магической силы Джандара исчезнет. При свете дня он не мог призвать к себе Силу и воспользоваться ею, например, для оживления мертвецов. Хотя данное им задание эти полутрупы готовы были выполнять круглые сутки. Может быть, вызвать сейчас тени нескольких воинов и отправить их на поиски гирканийцев? Нет. Мало времени. И потом, это заберет слишком много сил, не оставив возможности совершить второе колдовство. А то, что он задумал, более важно. О гирканийцах, в конце концов, кое-что известно, а вот высокий варвар оставался загадкой. Каждому ясно, что скрытая опасность всегда страшнее той, о которой знаешь.

Джандар жестом приказал кхитайцам следовать за ним. По узкому темному коридору, открывшемуся за панелью в стене, они прошли в зал оживления.

Труп Эмилио был принесен очень быстро. Видимо, Зефран надеялся искупить свою невнимательность быстротой исполнения приказов.

Кхитайцы расположили тело, следуя указаниям Джандара, в центре круга. Затем они удалились, а Джандар в последний раз продумал предстоящие действия. Никогда раньше он не делал подобного и не был уверен, что выбрал правильный ритуал. В его руках не было крови, чтобы вызвать душу умершего. В этом теле крови не осталось с тех пор, как Эмилио умер в первый раз. Подобие души, создающее подобие жизни, было вложено в тело коринфийца колдовством Джандара. Но падение с башни выбило из того и эту псевдожизнь.

Наконец Джандар решился. Он выбрал три равноудаленных от круга столбика. На одном он начертил символ смерти, а поверх него — знак жизни. На втором символ бесконечного множества перечеркивал символ ничтожества сущности. На третьем порядок был начертан поверх хаоса.

Воздев руки к небу, Джандар начал читать свои заклинания. Слова, потерявшие значение, сказанные на языке, исчез-

нувшем в толще веков, отразились от стен. Почти тотчас же колдун почувствовал Силу. Видимо, выбранные им символы не давали полной гармонии. Поэтому он чувствовал, как Сила входит в него яростно и почти неуправляемо.

Серебристая мгла металась в круге, ее клубы летали от одного символа к другому. Тело Джандара пронзила дикая боль. Но он ни на мгновение не прекратил чтения заклинаний.

Постепенно свечение сгустилось в три луча, соединяющие три пары символов. Равносторонний треугольник. Идеальная форма, чтобы сдержать Силу. Боль отступила, и Джандар почувствовал невероятный прилив энергии. Ему казалось, что он вот-вот взлетит и повиснет в воздухе. Пот ручьем стекал по его телу, мокрая одежда прилипла к груди и спине.

— Ты, называвший себя Эмилио Коринфийцем, — произнес Джандар нараспев. — Я призываю тебя в то тело, которое было твоим при жизни. Силами Хаоса, собранными в треугольник, я призываю тебя. Я призываю тебя. Я призываю тебя.

Треугольник ярко вспыхнул. При этом голова Эмилио, запрокинутая назад, перекатилась к плечу. Рот скривился в гримасе боли.

— Не-е-е-т! — простонало тело.

Джандар улыбнулся:

— Говори! Я приказываю тебе. Говори! И говори правду! Ты пришел, чтобы украсть рубиновое ожерелье?

— Да, — сквозь сцепленные зубы прорвался ответ.

— Зачем?

— Для... для Да... ви... нии.

— Женщина? Кто она?

— Любов... ница... Мунда... ра... Хана.

Колдун нахмурился. Уже в течение некоторого времени он безуспешно пытался «заполучить» хотя бы одного из слуг генерала Мундара Хана. Этот человек стоял, пожалуй, ближе к трону, чем кто бы то ни было. А вдруг он также заинтересовался Джандаром, как Джандар заинтересовался им? Нет. Невозможно.

— Ты знаешь высокого варвара? Бледнокожего, с синими глазами, который тоже пришел за этим ожерельем?

— Ко-нан, — послышалось сквозь стон.

Джандар почувствовал, как возбуждение и удовлетворение заиграли в нем.

— Где я могу найти этого Конана?

— Не-е-е-ет! — Голова Эмилио перекатилась к другому плечу, а одна рука дернулась, словно пытаясь закрыть тело от взгляда колдуна.

— Говори. Я приказываю!

Треугольник загорелся еще ярче, но тело не издало ни звука.

— Говори!

Ярче.

— Говори!

Еще ярче.

— Говори! Я приказываю говорить!

Свет стал почти нестерпимым для глаз.

— Я... я... человек!

При этом слове треугольник вспыхнул, как молния, с треском лесного пожара. Джандар отшатнулся, прикрывая лицо руками. Вдруг свет исчез. Исчезла и Сила. И тело. Лишь облачко дыма поднялось к потолку.

— Свободен... — донесся торжествующий стон — последнее, что осталось от Эмилио Коринфийца.

Джандар ощутил слабость во всем теле. Он задрожал и чуть не рухнул на пол. Стало ясно, что этой ночью ему не удастся совершить даже более легкий ритуал, чтобы вызвать другие души. Значит, целый день пройдет, прежде чем он сможет отправить этих полумертвецов на поиски гирканийцев и этого варвара. Конан. Странное имя. Оставалась женщина, Давиния. Любовница Мундара Хана. Что ж, может быть, она сможет быть полезной, и не только в том, чтобы разыскать этого варвара.

Слабым жестом Джандар приказал кхитайцам отнести себя в покои.

Глава 9

Над гранитными стенами, окружавшими дворец Мундара Хана, возвышались порфировые и мраморные башни. Их алебастровые купола отражали солнце. Стражники, стоявшие у ворот с саблями наголо, были более всего частью ритуала. Представить себе нападение на дворец великого генерала Мундара Хана было столь же нелегко, как покушение на резиденцию самого короля Йилдиза.

Но так или иначе, стражников было немало, и они не оценили бы юмора, заяви молодой красивый парень, подойдя к воротам дворца, что хочет видеть любовницу генерала.

Поэтому Конан решил попасть внутрь дворцовой ограды другим путем. Найдя подходящее дерево у самой стены, вдалеке от поста охраны, он полез по ветвям. Один толстый сук шел прямо к стене, но был отпилен, чуть-чуть не доставая до нее. Гребень же этой стены был густо утыкан острыми осколками обсидиана.

За оградой был виден сад с красными кирпичными дорожками и небольшое круглое здание желтого мрамора, покрытое куполом и окруженное колоннадой. Его многочисленные окна и открытые дверные проемы прикрывали легкие шелковые занавеси, колыхавшиеся на легком ветерке.

Расставив для равновесия руки, Конан пробежал по суку и, оттолкнувшись изо всех сил, перелетел через стену, мягко приземлившись в саду.

Оглянувшись и поискав глазами стражников или слуг, киммериец подбежал к желтому сооружению. Оно было двухэтажным. Стены первого этажа представляли сплошной ряд арок-входов. За занавесками были видны белые каменные плиты пола, покрытые шелковыми подушками и прекрасными зерджанскими коврами. В центре комнаты, уткнувшись лицом в подушку, лежала обнаженная женщина, распустив по плечам золотые волосы. Прямо над ней крутился в воздухе

сноп белых страусовых перьев. Кожаный камень, приводивший его в движение, уходил в дыру в потолке.

Конан выругался про себя. Наверху наверняка сидел слуга, крутивший колесо, которое в свою очередь крутило перья. Но путь назад уже был отрезан. Сильная мозолистая рука киммерийца отодвинула прозрачную ткань.

Несколько мгновений он восхищенно разглядывал прекрасное тело женщины. Наконец негромко произнес:

— Не пугайся, Давиния.

Блондинка с визгом перекатилась с одного ковра на другой и схватила кусок синего шелка, почти прозрачного, которым хоть как-то прикрыла свою наготу от груди до колен.

— Кто ты? — зло спросила она.

— Меня зовут Конан. Я пришел вместо Эмилио Коринфийца.

Ее злость перешла в смятение. Давиния облизала губы и неуверенно произнесла:

— Впервые слышу это имя. Если тебя прислал Мундара Хан, то скажи ему, что его подозрения...

— Значит, об этой вещице ты тоже ничего не слышала, — разочарованно протянул Конан, доставая из мешочка на поясе рубиновое ожерелье. Он довольно ухмыльнулся, глядя на ее изменившееся лицо. Большие голубые глаза Давинии округлились, губы беззвучно шевелились.

— Как... э-э... Где? — ее голос сорвался на хриплый шепот. — А где Эмилио?

— Мертв, — отчеканил Конан.

Женщина не выглядела ни удивленной, ни сильно переживающей.

— Это ты убил его?

— Нет, — сказал Конан, не совсем уверенный в том, говорит ли он правду или ложь, — но он мертв. А я принес то ожерелье, которое ты хотела.

— Что ты просишь взамен? — голос Давинии внезапно смягчился. Шелковое покрывало словно случайно сползло на живот, обнажив восхитительную грудь.

Сдерживая улыбку, Конан ответил:

— Эмилио говорил про сто золотых монет.

— Золото? — она усмехнулась и подвинулась поближе, покачивая широкими бедрами. Вдруг она резко прижалась в груди Конана, обняв его за плечи.

— На свете есть вещи более привлекательные для молодого мужчины. Гораздо более привлекательные, — зашептала она ему на ухо.

— Слушай, а как же слуга, который крутит это опахало? — спросил Конан.

— У него нет языка, чтобы рассказать то, что он слышит, — проворковала блондинка. — Сюда никто не входит без моего приглашения, кроме моей камеристки, Ронды. А от нее у меня секретов нет.

— Мундара Хан?

— Он уехал из города на два дня. Ты что, можешь только задавать вопросы?

Она хотела покровительственно поцеловать его и уже потянулась к его губам, но киммериец легко поднял женщину и сам впился в ее губы долгим поцелуем.

Он отпустил ее, лишь когда из ее горла вырвался стон сладкого удушья.

— Ну так... — начала было она, но Конан одним движением развернул ее спиной к себе, заставил опуститься на четвереньки, и тут его тяжелая ладонь со звонким хлопком шлепнула ее по голому заду. Со злобным шипением она перекувырнулась через голову и растянулась на подушках, болтая в воздухе голыми ногами.

— Сначала золото, Давиния, — рассмеялся киммериец.

Вскочив на ноги, она запустила в Конана подушкой.

— Золото? Да я сейчас вызову стражу...

— И никогда больше не увидишь ожерелья, — закончил он за нее. Давиния нахмурилась, а Конан продолжил: — Или я убегу с ним, или стража схватит и передаст меня и ожерелье Мундара Хану. Он будет рад узнать, что к тебе заходят такие ювелиры, как я. Ты говоришь, что он человек подозрительный, ревнивый.

— Соображаешь, Эрлик тебя подери.

— Золото, Давиния.

Она еще раз зло взглянула на него и затем, отпихнув ногами подушки, вывернула одну из плит в полу и начала рыться под нею.

Наконец Давиния вернула на место камень и выложила перед киммерийцем набитый мешочек, тяжело звякнувший, когда его опустили на пол.

— Вот, — презрительно бросила она, — оставь ожерелье, забирай золото и проваливай.

Вот и все, подумал Конан. Или почти все. Да, он получил золото. Количество было неважно. Главное, что было исполнено предсказание Шарака.

Но эта стерва... Она хотела использовать его, использовала Эмилио. Она хотела посмеяться над ним, угрожала... С этой секунды Конаном двигала гордость, знакомая только молодому мужчине.

— Сосчитай, — потребовал он. Давиния, не веря своим ушам, уставилась на киммерийца. Но он, ткнув пальцем в мешок, повторил:

— Пересчитай. Хуже будет, если я обнаружу, что ты обманула меня.

— Чтоб у тебя яйца отсохли, — крикнула она, но, взяв мешок, высыпала его содержимое на пол.

— Раз, два, три...

Каждую монету она бросала в мешочек с таким выражением на лице, словно втыкала кинжал в сердце Конана.

— Сто! — выпалила она и затянула завязки на мешке.

Конан одной рукой легко взял золото, а второй протянул Давинии ожерелье. Та схватила долгожданное украшение и прижала его к груди, зло поглядывая на киммерийца.

Конан не почувствовал никакого чародейства, когда она нацепила ожерелье себе на шею. Но, черт возьми! Эта баба безо всякой магии могла заставить любого мужика забыть обо всем, кроме ее тела.

Конан взвесил мешочек на руке.

— Так вроде и не скажешь сразу, что пяти монет тут не хватает, — задумчиво сказал он.

— Если... если я ошиблась... я дам тебе еще пять монет.

Конан выпустил мешок из руки, расстегнул ремень и положил меч поверх золота.

— Что ты делаешь? — спросила Давиния.

— Дороговато, конечно, для продажной девки. Ну да что с тобой поделаешь. Если ты не хочешь платить то, что обещала, придется взять недостающее более привычным для тебя товаром.

Сдавленный визг вырвался из ее горла. Давиния попыталась было увернуться, но Конан легко поймал ее и сгреб в объя-

тия. Все ее попытки освободиться не дали никакого результата. Кольцо рук киммерийца держало ее, словно железный обруч.

— Неужели ты думаешь, — прохрипела она, — будто я смогу быть с тобою после всего, что здесь произошло? После того как ты издевался надо мной, унижал... и называл проституткой... — ее гневные слова утонули в протестующих всхлипываниях.

— Мундара Хан стар, — тихо сказал Конан, проводя пальцем по спине Давинии от плеч, вниз по позвоночнику и ниже, к восхитительной ложбинке между ее гладких ягодиц. — К тому же он толстый.

Его палец взлетел вверх, чтобы поиграть с золотым локоном.

— Он часто оставляет тебя одну.

Давиния вздохнула и обмякла в руках киммерийца. Две пары синих глаза встретились, и Конан негромко сказал:

— Скажи, и я уйду. Ты хочешь, чтобы я ушел?

Она молча покачала головой.

Конан, улыбаясь, уложил ее на подушки.

Глава 10

На лице Конана все еще играла улыбка, когда он ближе к вечеру переступил порог «Синего быка». Конечно, затевать шашни с любовницей генерала было безумием, но зато каким сладким! Конан поймал себя на том, что мечтает об очередном отъезде Мундара Хана из Аграпура.

Привычная публика заполнила трактир наполовину. Акеба и Шарак заняли столик в углу и о чем-то переговаривались сблизив головы. Вместо того чтобы присоединиться к ним, Конан подошел к стойке.

Фериан поприветствовал его хмурым взглядом и, по обыкновению, завозил тряпкой по столешнице.

— У меня для тебя ничего нет, киммериец. И еще, я хочу, чтобы ты убрал эту девку из моего трактира.

— Она все еще в моей комнате? — спросил Конан. Ясбет, оказавшись в портовом кабаке, не прониклась большим доверием к своему похитителю.

— Там она, — мрачно подтвердил трактирщик, — но я готов принести жертву в любом храме города, если она исчезнет. Она чуть крышу не разнесла, ни одного стекла целого не осталось. Спасибо богам, вроде недавно притихла. Она не шлюха, киммериец. От таких мужики держатся подальше. Ее против воли запросто не возьмешь.

— Пойду проведаю ее, — сказал Конан. — А ты держи глаза и уши начеку.

Он взбежал по лестнице и прислушался. Ни звука не доносилось из его комнаты. Веревка, вставленная в прорезь засова, по-прежнему была хорошо завязана. Мужчина смог бы порвать веревку и откинуть засов, но для Ясбет это служило не хуже железного замка... Если, конечно, она не вылезла в окно. Вообще-то эти узкие щели в стене были бы маловаты даже для девушки, но вдруг... Бормоча проклятия, Конан развязал веревку и влетел в комнату.

Глиняный кувшин разлетелся на куски, ударившись о дверь рядом с его головой. Конану пришлось увернуться еще и от оловянного тазика, тоже брошенного рукой Ясбет. Схватив девушку за талию, он подтянул ее к себе и одной рукой свел за спиной вместе ее запястья.

— Что с тобой, девочка? С ума сошла со своим Культом?

— Пошел в задницу! — с нешуточной злобой выпалила она. — По крайней мере, там со мной обращались прилично. А ты притащил меня сюда связанной, как мешок, и запер, даже не сказав ни слова. Конечно, торопился к своей шлюхе...

— Шлюхе? Что ты мелешь?

— Давиния, — словно ругательство произнесла она это имя. — Ее ведь так зовут. Этот, как его... Шарак зашел ко мне, чтобы попытаться успокоить. Он и сказал мне, что ты пошел к этой... к этой женщине. А у тебя сейчас на роже такое же выражение, как на лице моего отца, когда он возвращается с женской половины дома.

Конан мысленно призвал кое-какие неприятности, в основном тяжкие, на голову Шарака. Вслух же он сказал:

— А какое, собственно, тебе дело, даже если я ходил к двадцати бабам? Да, я дважды спас твою дурацкую жизнь, но нас ничто не связывает.

— А я ничего и не говорю, — все еще твердо сказала она, но ее плечи уже вздрогнули.

Конан выпустил ее запястья, и девушка тихо опустилась на кровать, покрытую старым шерстяным одеялом.

— Ты спас мне жизнь один раз. Тогда. А во второй раз ты просто украл меня.

— Ты не знаешь, что творится в этом страшном месте. Какое злое колдовство совершается там ежедневно.

— Колдовство? — Она нахмурилась, но потом покачала головой: — Нет, ты специально обманываешь меня, чтобы я передумала возвращаться.

— А как тебя вообще угораздило попасть туда? Ты же собиралась перелезть через стену своего сада и тихо вернуться домой.

— Я так и сделала. Только Фатима поймала меня, когда я слезала со стены, и заперла в моей комнате. — Ясбет неуютно заерзала на кровати, явно припомнив некоторую неприятную процедуру.

— Знаешь что, — сказал Конан, — пара ударов розгой — еще не повод бежать куда-нибудь вроде этого Культа.

— Да что ты о нем знаешь! — воскликнула она. — Там женщины заняты делом наравне с мужчинами. Там нет ни богатых, ни бедных.

— Да, но сам-то Культ очень богат. Я видел кое-что из его сокровищ.

— Потому что хотел украсть их!

— А еще я видел человека, которого заколдовали и убили.

— Ложь, — крикнула она, закрывая уши ладонями. — Ты не помешаешь мне вернуться.

— Этим пусть занимается твой отец. Я доставлю тебя ему, пусть даже связанной по рукам и ногам.

— Ты даже не знаешь, кто он, — выпалила она торжествующе и чуть было не показала Конану язык.

— Я найду его, — сказал киммериец, явно желая закончить разговор.

Стоило ему встать с кровати, как Ясбет схватила его запястье обеими руками. В ее глазах горела мольба.

— Пожалуйста, Конан, не возвращай меня отцу. Он сказал, что подыскал мне мужа. Я знаю этого человека. Да, конечно, я стану его женой. Честной и уважаемой. И буду сидеть взаперти вместе с еще полусотней женщин его гарема.

Конан сочувственно покачал головой, но сказал, что лучше, наверное, так, чем вернуться в ряды членов Культа.

Киммериец ожидал, что она бросится с кулаками на дверь, когда он выйдет, но девушка так и осталась сидеть на кровати. Завязав веревку на узел, он спустился в зал. Шарак и Акеба едва взглянули на него, когда он придвинул к их столу еще один табурет.

— ...а я тебе уже сказал, — говорил Шарак, для большей убедительности постукивая узловатыми пальцами по столу, — что любое открытое нападение обернется поражением.

— По какому поводу языки чешете? — поинтересовался Конан.

— Как накрыть этот проклятый Культ Хаоса, — ответил Акеба, — должен же быть способ уничтожить Джандара. Я слышал, что его называют Великим Господином, как короля.

— Еще этот кхитаец, — продолжил свою мысль Шарак. — Но главное — Джандар, основатель и лидер Культа. Он отдает

своему телохранителю приказы. А он не из тех людей, которые убивают без цели.

Конан выглядел более чем удивленным.

— Кхитаец? Убийства без цели? Ребята, вы, похоже, много чего узнали за то недолгое время, что я отсутствовал.

— Ну, не так уж и мало тебя не было, — расплылся в улыбке Шарак. — Как она? Ничего? — тут его взгляд упал на лицо киммерийца, и старик чуть не поперхнулся.

— Ну, так вот, — продолжил он. — Кхитаец, судя по описанию Акебы, человек, который... в общем, я уверен, что этот парень — из Кхитая. И что он — член так называемого Братства Пути. Эти люди — убийцы высочайшей квалификации. — Тут старик нахмурился и закончил: — Только никак я в толк не возьму, при чем здесь эти гирканийцы?

— Никогда не слышал про это Братство, — сказал Конан. — Честно говоря, я не до конца верил, что Кхитай не самом деле существует.

— Я тоже толком ничего о них не знаю, — согласился Акеба, — но старик утверждает, что все это правда. Но будь этот черный мерзавец кем угодно, я все равно убью его.

— Да поверьте мне, — сказал Шарак, — они существуют на самом деле. Когда будешь раза в два постарше, то, может быть, начнешь понимать, что на свете существуют такие вещи, которые ты не вообразишь ни в самых сладких грезах, ни в ночных кошмарах. И будьте оба поосторожнее с этим кхитайцем. Члены Братства Пути — большие специалисты по всяким ядам и, кроме того, умеют убивать одним прикосновением.

— В это я верю, — прохрипел Акеба, — потому что видел своими глазами.

Он поднял ко рту кружку и не опустил, пока она не опустела.

— Тебе, Конан, следует быть особенно осмотрительным, — продолжил астролог. — Я тебя знаю. Ты — натура увлекающаяся. И когда-нибудь ярость погубит тебя. Этот убийца...

Конан покачал головой:

— Это дело Акебы, а не мое.

Шарак негодующе запыхтел:

— Да ты только подумай, Конан! Убийца-кхитаец, месть, гирканийцы, и только богам известно, что еще. Разве можно упускать такое приключение?

— Ты говорил, что мне следует многому научиться, — ска-

зал Конан, — но ты и сам знаешь далеко не все. Ты даже не понимаешь, что приключения — это голодный желудок, ночлег под открытым небом и люди, желающие воткнуть тебе нож в спину. Мне этого в жизни и без того хватает, и я не собираюсь специально искать себе на голову так называемые приключения.

— Он прав, — подтвердил Акеба, положив руку на сухую, узловатую ладонь старика. — Я потерял дочь, и у меня есть причина, чтобы искать убийцу и отомстить ему, а Конан здесь ни при чем.

— Но это же не повод, чтобы оставаться в стороне, — обиженно воскликнул Шарак.

Конан и Акеба с улыбкой переглянулись. В чем-то Шарак был настоящим мудрецом, а в чем-то оставался наивным, как ребенок.

— Ладно, — перевел разговор Конан, — сейчас, я думаю, лучшее, что мы можем сделать, — это выпить. Акебу ничего не сможет утешить. Но пока время хоть чуть-чуть не притупило его боль, можно попытаться ослабить ее вином. Фериан! Кувшин вина! Нет, бочонок!

Трактирщик сам подошел к ним, держа в каждой руке по кувшину темно-красного сольванского вина и прижав локтем к боку кружки.

— Я в бадьях не подаю, — сухо сказал он, — здесь не свинарник.

— Сойдет и так, — ответил Конан, наполняя кружки по кругу, — и отнеси наверх девчонке что-нибудь поесть.

— Еда для нее — сверх уговора, — напомнил Фериан.

Конан вспомнил о золоте, висевшем в мешочке у него на поясе, и улыбнулся.

— Я заплачу.

Трактирщик ушел, бормоча что-то себе под нос, и Конан переключил свое внимание на астролога.

— Слушай, ты, старикашка паршивый, — гаркнул он Шараку прямо в ухо.

Тот чуть не подавился вином и удивленно спросил:

— Что такое? Я ничего не делал...

— Слишком много болтаешь! Зачем ты рассказал Ясбет, что я пошел к Давинии? И что еще ты рассказал ей?

— Ничего. Я попытался успокоить ее рыдания и стоны —

ты ведь не приказал затыкать ей рот кляпом — и подумал: узнай она, что ты ушел к другой женщине — не будет бояться, что ты изнасилуешь ее. Женщины всегда этого боятся. Да что такое, киммериец? Что в этом особенного?

— Ничего, просто эта дура ревнует. Я всего два раза в жизни поговорил с ней, пальцем ее не тронул, а она, видите ли, ревнует.

— Пальцем не тронул? — усмехнулся Акеба. — А кто ее скрутил, как тюк сена?

— В этом, наверное, и заключено очарование нашего киммерийца, — с серьезной физиономией предположил Шарак.

— Вам смешно, а мне чуть башку не раскроили моим собственным умывальным кувшином... Она...

Остаток фразы Конана потонул в хохоте его приятелей. В этот момент к их столу подбежал Фериан.

— Она сбежала, киммериец, — задыхаясь, выпалил он, — клянусь Митрой и Дагоном, я не верил, что она сможет пролезть в это узкое окно, но она вылезла.

Конан вскочил из-за стола:

— Она не могла далеко уйти. Акеба, Шарак, поможете мне найти ее?

Акеба кивнул и тоже встал с табурета. Шарак же скорчил недовольную рожу:

— Если ты не хочешь ее, киммериец, то оставь девчонку кому-нибудь другому.

Не удостоив его ответом, Конан бросился к выходу. Акеба за ним. Шарак, торопливо переставляя посох, последовал их примеру.

Оказавшись на улице, троица разделилась. Не меньше часа Конан метался по ближайшим кварталам, расспрашивая всех, кто попадался ему на пути. Но ни стоявшие на каждом углу шлюхи, ни внимательные торговцы, ни всезнающие уличные мальчишки — никто не видел красивую статную девушку в оранжевом. Лишь удивленные взгляды и отрицательно покачивающие головы были ответом киммерийцу.

Кое-кто из женщин пытался успокоить Конана, предлагая заменить собой беглянку, но тот не обращал внимания на их шутки. Правда, те мужчины, которые в ответ говорили, что и сами не упустили бы случая поймать такую девочку, неожиданно обрывали свои прибаутки под холодным взглядом киммерийца.

Вернувшись к трактиру, Конан застал у входа Акебу и Шарака. На вопросительный взгляд туранца он лишь покачал головой.

— Ну что ж, признаем, что ей удалось сбежать от нас, — сказал старый астролог. — Но это еще не повод торчать всю ночь, предоставив Фериану возможность отдать наше вино кому-нибудь другому. Мне нужно промочить горло после такой беготни.

Кувшины стояли там, где они их оставили. Но Конан не стал пить. Ясбет не выходила у него из головы. Его самого это удивляло, но он ничего не мог с собой поделать. Давиния могла заставить закипеть кровь любого мужчины, а Ясбет привлекала его не больше, чем любая красивая девушка, встреченная на улице. Но он дважды спас ей жизнь. Это заставляло киммерийца чувствовать ответственность перед ней. Ведь девушка действительно нуждается в его помощи.

Рассеянным взглядом Конан наблюдал, как к их стану приближался какой-то гирканиец, сутулый и кривоногий. Запах пота обгонял его на несколько шагов. Немного не дойдя до Конана, кочевник остановился, глядя на того исподлобья.

— Твоя женщина у нас, — сказал он гортанным голосом и подался назад под яростным взглядом киммерийца.

Конан вскочил из-за стола и уже наполовину вытащил меч из ножен, когда Акеба схватил его за руку. Не за ту, которая держала оружие, — благоразумие не подвело опытного воина.

— Выслушай его, прежде чем убить, — потребовал он.

— Говори! — рубанул Конан.

— С тобой хочет поговорить Тамур, — медленно начал гирканиец, постепенно набирая темп. — Ты подрался с некоторыми из наших, поэтому Тамур решил, что ты не захочешь говорить. Тогда мы схватили твою женщину, чтобы ты согласился поговорить с нами.

— Я поговорю. Но если ей причинили зло — я не остановлюсь перед убийством. Отведи меня к ней.

— Позже вечером, — последовал ответ.

— Сейчас.

— Через час после захода солнца за тобой придут. — Гирканиец взглянул на Акебу и Шарака и добавил: — За тобой одним.

Меч Конана вылетел из ножен и сверкнул в воздухе.

— Нет, Конан! — крикнул Шарак. — Если ты сейчас убьешь его, ты никогда не увидишь свою девушку.

— Убью этого, пришлют другого, — буркнул киммериец, но, поколебавшись, положил клинок на стол.

— Проваливай, пока я не передумал, — рявкнул он на кочевника, а затем схватил один из кувшинов и запрокинул голову, явно собираясь осушить его до дна. Гирканиец недоверчиво посмотрел на Конана в последний раз, а затем поспешил выскочить из трактира.

Глава 11

Давиния лежала, довольно потягиваясь, пока Ренда ловкими движениями пальцев втирала в ее кожу ароматное масло. В руках служанки явно было заключено какое-то волшебство, помогавшее госпоже снять напряжение ее любовных утех. А сегодня ей было от чего отдыхать. Этот варвар — мужик хоть куда. И главное, что он еще вернется. Хотя он и не сказал когда, весь ее опыт общения с мужчинами подсказывал ей, что никуда он не денется. Но и сама Давиния не знала, куда себя девать, вновь и вновь вспоминая блаженные мгновения, проведенные в его объятиях. Она была готова молиться любым богам, лишь бы Мундара Хан подольше не возвращался в город.

Стук в дверь оторвал руки Ренды от плеч светловолосой госпожи. С недовольным видом Давиния нетерпеливо ожидала возвращения служанки.

— Госпожа, — раздался голос Ренды, — вас хочет видеть один человек.

Давиния, забыв про свою наготу, вскочила на ноги:

— Варвар?

Она уже рассказала все своей доверенной прислуге. Почти все. Нет, Конан ни за что не решился бы открыть себя, явившись к парадному входу... Но кто же?

— Господа, это Джандар, Великий Повелитель Культа Хаоса.

Давиния удивленно захлопала глазами. Она, конечно, слышала об этом Культе, но ее жизнь была далека от любой веры или религиозных обрядов.

Интересно, с чего это к ней залетела эта важная птица? Может быть, он окажется очень даже забавным.

— Платье, Ренда, — скомандовала она.

— Госпожа, быть может, вы мне позволите...

— Нет. Платье. Быстро.

Она подняла руки, давая Ренде получше расправить на ней

красное шелковое одеяние. Как всегда, служанка больше заботилась о репутации своей госпожи, чем сама Давиния.

Джандар ждал ее в зале для приемов. Двое рабов распахнули резные двери, впуская в зал Давинию. Когда двери за ее спиной закрылись, золотоволосая женщина на секунду остановилась, легким кивком головы ответив на приветствие гостя. Затем она прошла вперед, словно не глядя на Джандара, а на самом деле искоса внимательно разглядывая его.

— Ты... ты не такая, какой я тебя представлял, — сдавленным голосом произнес он.

Она позволила себе улыбнуться, все еще не поворачивая головы. Именно на такой эффект она и рассчитывала.

По первому впечатлению Джандар показался ей очень даже ничего. Хотя, конечно, бритая голова несколько портила общее впечатление. А оттопыренные уши придавали его лицу какое-то животное выражение.

Наконец Давиния посмотрела прямо в глаза посетителю. Что ж, мужчина как мужчина, и манипулировать им будет не труднее, чем всеми другими. Не считая того варвара. Отогнав от себя ненужные мысли, Давиния сосредоточилась на предстоящей беседе.

— Ты хотел меня видеть? Тебя ведь зовут... Джандар, да?

— Да. — Джандар начал приходить в себя. Но лишь частично, как показалось Давинии.

— Ну, — продолжил он, — тебе понравилось мое ожерелье?

— Ожерелье?

— Рубиновое ожерелье, которое украли у меня сегодня ночью.

Его голос был настолько спокоен и даже ласков, что лишь некоторое время спустя до Давинии дошел смысл сказанного. Ее словно ударило молнией. Ожерелье. Да как же она не связала приход Джандара с этим украшением? А все тот проклятый варвар. Она просто забыла обо всем, кроме него.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — сказала она, сама приятно удивившись тому, как твердо прозвучали ее слова.

— Не знаю, понравится ли Мундара Хану, если он узнает, что у тебя есть краденые драгоценности. Скорее всего, он очень заинтересуется тем, кто же принес его подруге такие побрякушки.

— Я купила его... — проговорилась Давиния и поняла, что

попалась на свою же удочку, считая, что полностью завладела вниманием гостя.

— Я знаю, что Эмилио был твоим любовником, — тихо сказал Джандар. — А Конан, он что, занял его место?

— Что тебе нужно? — прошипела она, молясь всем богам, чтобы случилось чудо и ее непрошеный гость исчез.

— Немного информации, — ответил Джандар. — Где я могу найти этого Конана?

— Не знаю, — привычно соврала Давиния.

— Жаль, — его слова, словно стрелы, впивались ей в сердце, — очень жаль.

Давиния лихорадочно искала способ отвлечь Джандара от его цели. Но в ее голове мелькало лишь одно: «очень жаль, очень жаль».

— Можешь оставить ожерелье себе, — неожиданно предложил он.

Давиния удивленно уставилась на Джандара. Видимо, он все же не настолько непробиваем. В глазах бритоголового мужчины она прочла желание быть с нею, обладать ею. Тогда еще не все потеряно.

— Спасибо. Я...

— Надень его для меня.

— Конечно.

Это был шанс, и его надо было использовать. Давиния не торопясь, по-королевски вышла из зала, но, как только рабы закрыли за ней тяжелые двери, бросилась бежать.

Ворвавшись в свою спальню, она до полусмерти перепугала Ренду, поправлявшую разбросанные подушки.

— Расскажи мне все, что ты знаешь про этого Джандара! Только побыстрее, — потребовала Давиния, роясь в своих драгоценностях.

— Я много-то и не знаю, госпожа. Последователи этого Культа проповедуют...

— Не об этом, Ренда!

Разбросав в стороны украшения, Давиния схватила ожерелье и зажала его в кулаке.

— Расскажи мне то, что болтают слуги и рабы, о чем судачат на улицах. Ну же.

— Госпожа, слуги говорят, что он — очень могущественный человек. Один из самых влиятельных в Туране. Еще гово-

рят, что его власть растет день ото дня. Говорят, например, что увеличение армии — его идея. Он сумел убедить в необходимости этого кое-кого из нужных людей, а те в свою очередь убедили короля. Хотя, конечно, Йилдиз давно мечтал об империи. Его не пришлось долго убеждать.

— И все же, — сказала Давиния, — это доказывает большую власть Джандара. Мундара Хану, несмотря на кровное родство, никогда не удавалось уговорить Йилдиза. А как же он этого добивается?

— У всех людей есть свои секреты, госпожа. Джандар ухитряется выведывать то, что люди хотели бы оставить в тайне. Ради этого они готовы выполнить любые просьбы Джандара. Многие говорят, что он колдун и что сам Культ невероятно богат.

— Насколько?

— Наверное, так же, как король Йилдиз.

Практичный ум Давинии немедленно начал работать над тем, как повернуть эту смертельно опасную ситуацию себе на пользу.

— Подай мне плащ. Живо! — скомандовала она служанке.

Когда Давиния вновь появилась перед Джандаром, на его лице отразилось удивление. Алый плащ укутывал женщину от шеи до ступней.

— Я не понимаю... А где же ожерелье?

— Я надела его специально для тебя.

С этими словами она распахнула плащ, под которым на ее прекрасном теле не было ничего, кроме кроваво-красных капель рубинов.

Лишь мгновение простояла она так. Затем, запахнув плащ, она поднялась на цыпочки и пританцовывая пошла по комнате, время от времени искушающе приоткрывая свою наготу, но не так полно, как в первый миг.

Давиния закончила свой танец, опустившись перед Джандаром на колени и спустив плащ с обнаженных плеч. Медленно-медленно она подняла глаза и поняла, что попала в точку. Лицо Джандара горело желанием. Пришел черед решающего удара.

— Варвар по имени Конан сказал мне, что остановился в «Синем быке». Это на улице Лотосовых Грез, рядом с портом.

Некоторое время Джандар смотрел на нее, плохо понимая, что она говорит. Затем он возбужденно пробормотал:

— Он мой! — Лицо Джандара стало абсолютно бесстрастным, и, посмотрев на Давинию, он добавил: — Что толку мужчине от женщины, если она обманывает его?

Давиния ответила с улыбкой:

— Наложница и содержанка должна быть честна и верна своему господину.

По крайней мере, подумала она, женщина должна заставить мужчину поверить в это. Вслух же она добавила:

— Но ты не мой господин. Пока что.

— Я могу забрать тебя с собой.

Давиния лишь покачала головой:

— Стража не выпустит меня. Но в дальней половине дворца есть старый выход. Им не пользуются, поэтому не ставят там почетного караула. Через час после того, как стемнеет, я буду там с моей служанкой.

— Сегодня вечером. Я пришлю за тобой людей.

Он резко наклонился, поднял ее и жарко поцеловал в губы.

Не так хорошо, как Конан, промелькнуло в ее голове. Жаль, конечно, что варвару суждено умереть. Сомнений в том, что задумал Джандар, у нее не было. Но Джандар — это шаг в будущее, а Конан — он из прошлого. А с прошлым Давиния всегда поступала одинаково: она выкидывала его из памяти, словно его никогда и не было.

Глава 12

По мере приближения назначенного часа «Синий бык» наполнялся посетителями — хохочущими проститутками и пьющими мужчинами. Конану было не до веселья и не до вина. Он сидел за столиком со своими друзьями и мрачно глядел на дверь.

— Когда же он придет? — не обращаясь ни к кому конкретно, спросил Шарак. — Я уверен, что уже давно пора.

Ни Конан, ни Акеба не ответили и даже не отвели взгляда от входной двери. Кулак Конана крепко сжимал рукоять меча.

— Тоже мне приключения, — не унимался старик-астролог, — сидишь тут и ждешь неизвестно чего...

— Вот он, — тихо сказал Акеба.

Конан уже стоял у стола.

Длинноносый гирканиец остановился в дверях, кивая киммерийцу и бросая взгляд на улицу.

— Удачи тебе, киммериец, — тихо сказал Акеба.

— И тебе, — ответил Конан.

Пока он шел по комнате к выходу, до него донесся недоумевающий голос старика:

— При чем тут эти пожелания удачи! Они просто хотят поговорить, вот и все...

Ответа Акебы Конан не услышал, если тот и сподобился объяснять что-то Шараку. Опытный сержант наверняка знал, как много людей, вызванных на такой ночной разговор, никогда больше не возвращались.

— Пошли, — сказал Конан гирканийцу, и тот, бросив последний подозрительный взгляд в обе стороны по улице, повел за собой киммерийца.

На город опустилась ночная тьма. Луна, словно серебряная монета, висела низко над горизонтом. Улицы были освещены факелами, горящими у входов в кабаки, из которых доносились веселые голоса, песни, смех, иногда звуки драки.

— Куда ты ведешь меня? — спросил Конан.

Гирканиец не ответил. Он шел, сворачивая явно наугад, постоянно озабоченно оглядываясь.

— Мои друзья не пойдут со мной, — сказал ему Конан. — Я же обещал пойти один.

— Я боюсь не твоих друзей, а... — тут гирканиец замолчал и больше не проронил ни слова.

Конан заинтересовался, чего же так боится его провожатый, но, не придумав ничего подходящего, предпочел сконцентрировать свое внимание на том, чтобы не потерять ориентацию в этих закоулках. Когда длинноносый кочевник остановился перед какой-то дверью и открыл ее, Конан был уверен, что, несмотря на столь долгий путь, проделанный ими, «Синий бык» находится всего-то в паре кварталов к северу. В случае если встреча перейдет в стычку, будет неплохо знать, где находишься.

— Иди первым, — сказал киммериец. Кочевник, ни слова не говоря, повиновался. Деревянные ступени лестницы, ведущей на второй этаж, заскрипели под его ногами. Конан покрепче сжал меч и шагнул вслед за ним.

Лестница привела их к двери, за которой оказалась комната, освещенная двумя коптящими светильниками. Мерзкий запах горелого жира смешивался с запахом пота. С десяток гирканийцев, сидевших в комнате, недобро уставились на Конана, но никто не протянул руку к оружию. Одного из них Конан узнал по шраму на лице. Это об его голову Эмилио разбил кувшин.

— Меня зовут Тамур, — сказал человек со шрамом. — Ты — Конан?

— Да, я Конан, — коротко подтвердил киммериец. — Где девушка?

Тамур махнул рукой, и двое гирканийцев открыли большой сундук, стоявший у стены. Они подняли Ясбет, связанную и с кляпом во рту. Ее оранжевое платье было изодрано и перепачкано, а на пыльных щеках отпечатались высохшие следы слез.

— Я же предупреждал твоего человека. Если с ней что-нибудь случится, я...

— Нет, нет, — поспешил оборвать его Тамур. — Ее платье было таким, когда мы схватили ее около того трактира. Если

бы мы надругались над ней, разве показали бы мы ее тебе, рассчитывая на разговор с тобой.

Может, он и не врет, подумал Конан, вспомнив крохотное окно, через которое пришлось выбираться девушке.

— Развяжите ей ноги.

Один из кочевников перерезал веревку, стягивавшую ноги девушки. Она попыталась встать, но со стоном, заглушенным кляпом, повалилась на крышку сундука. Вопросительно поглядев на Конана, кочевник потянулся ножом к связанным рукам Ясбет и ее кляпу. Киммериец отрицательно покачал головой. Он по опыту знал, что она может натворить или наговорить, если ей дать свободу. Ясбет бросила злобный взгляд на Конана, но, к его удивлению, осталась сидеть неподвижно и тихо.

— Тебя узнали, когда ты был в лагере Баальшама, — сказал Тамур.

— Баальшам? А кто это?

— Ты знаешь его как Джандара. Кто знает, как его зовут по-настоящему? — Тамур вздохнул. — Может быть, будет легче, если я начну издалека, с самого начала?

Люди Тамура поставили на стол флягу с дешевым вином и две глиняные кружки. Сам Тамур сел за одним концом стола, Конан — за другим. Киммериец обратил внимание, что никто из кочевников не становится за его спиной, все старательно держат руки в стороне от оружия. Это казалось странным. За гирканийцами закрепилась слава народа, не обремененного традициями вежливости и благородства. Оказавшись вот так, десять против одного, они могли бы меньше обращать внимание на комфорт гостя.

Конан принял кружку из рук Тамура, но как только тот заговорил, киммерийцу стало не до вина.

— Пять лет назад, — начал свой рассказ кочевник со шрамом на лице, — среди нас появился человек по имени Баальшам. Он и еще два человека со странной желтой кожей. Он продемонстрировал кое-какие познания в магии и был принят нашими шаманами. Тогда он начал свои проповеди о неизбежном возвращении к Хаосу и неотвратимости рока. Среди молодежи его речи пользовались успехом. Ведь он называл западные народы порождением зла и учил, что в один прекрасный день гирканийские всадники переправятся через море Вилайет и очистят погрязшие в пороке земли.

— Ничего себе, замахнулся, — пробормотал Конан. — Но, похоже, у него ничего не вышло?

— Он был уже близок к успеху. Вокруг него собрались тысячи молодых воинов. А кроме того, он стал сильно влиять на Совет Старейшин. Затем по ночам нам стали попадаться странные существа — полулюди, полудемоны. Они поведали нам, что они — души убитых людей, наших друзей и братьев, заколдованные Баальшамом и вынужденные повиноваться ему. То, что им удавалось выследить и разузнать, и служило основой влияния Баальшама на Совет Старейшин.

Ясбет что-то громко замычала сквозь кляп и резко замотала головой, но мужчины не обратили внимания.

— Я видел такое колдовство, — подтвердил Конан, — страшная штука. Ну, и как его выставили? Я не поверю, что этот мерзавец покинул вашу страну по собственной воле.

— В одну ночь против него восстали десять племен. Те самые люди-демоны, которые предупреждали нас, сражались против нас, повинуясь его воле, как и множество молодых воинов — его последователей.

Тамур потрогал шрам на щеке:

— Это мне оставил родной брат. Да, эти воины — наши братья, дети, друзья — погибли все до единого. Даже их девушки бились насмерть. Лишь то, что нас было больше, принесло нам победу. Баальшам бежал, и вместе с ним исчезли демоны. Чтобы предотвратить резню между родами, Совет Старейшин постановил, что никто не вправе требовать отмщения за кровь погибших в этой битве близких. Мы решили вычеркнуть из памяти имена тех, кто пошел за Баальшамом. Но кое-кто из нас не смог забыть, что мы были вынуждены проливать ту же кровь, что течет в наших жилах. Когда заезжие купцы рассказали нам о человеке по имени Джандар и созданном Культе Хаоса, мы поняли, что это — Баальшам. Пятьдесят человек переправились через море, чтобы отомстить ему. Прошлой ночью нас постигла неудача. Теперь нас всего девятнадцать... — Тамур замолчал.

Конан нахмурился:

— Занятная история. А при чем здесь, собственно, я?

— Потому что нам нужна твоя помощь, — неохотно выдавил из себя Тамур.

— Помощь? — воскликнул Конан.

Тамур поспешил продолжить:

— Когда обрушилось здание дворца Баальшама, вырвались на свободу огромные силы. Сама земля плавилась и кипела, как вода. Теперь это место называется Проклятой Землей. Три дня и три ночи наши шаманы работали, чтобы сдержать зло, идущее с этого места. Теперь ни один из нас не может преодолеть барьер этих заклятий. Но там внутри наверняка осталось что-то из колдовских приспособлений Баальшама, которые можно было бы обратить против него самого. Не мог же он забрать с собой все, когда бежал. Но ни один гирканиец не сможет пройти за барьер живым. Ни один гирканиец, — закончил Тамур и пристально поглядел на Конана.

— Я расквитался с Джандаром, — ответил киммериец.

— А расквитался ли он с тобой? Злоба Баальшама не ослабевает со временем.

— А что мне до его злобы. Он не знает, где меня найти. Не знает даже, кто я такой. Пусть его злоба хоть сожрет его самого.

— Ты плохо его знаешь, — настойчиво продолжал Тамур. — Он...

С громким треском обломилась доска пола, и из образовавшейся дыры вылезла серо-зеленая рука, схватившая Конана за лодыжку.

— Это те демоны! — закричал один из кочевников, вытаращив глаза.

Ясбет застонала сквозь кляп. Мужчины, еще толком не понимая, что происходит, схватились за оружие.

Конан вскочил на ноги, пытаясь освободиться. Но эти мертвые узловатые пальцы держали его невероятно цепко. Еще одна уродливая рука появилась из дыры в полу и потянулась к киммерийцу. Его меч свистнул, рассекая воздух: одна рука упала на пол, обрубок второй так и остался висеть на его лодыжке.

Острием меча Конан сковырнул на пол эту мертвую ладонь. В это же время он увидел, как из-под пола лезет страшное создание, с безгубым оскаленным ртом, горящими глазницами, размахивающее обрубками рук.

Увидев лежащие на полу ладони, чудовище потянулось к ним — и одна мертвая плоть мгновенно приросла к другой. Чудовище продолжало прокладывать себе путь в комнату, запросто ломая толстые доски пола.

Вдруг другая пара рук проломила стену, впившись в тело одного из гирканийцев. Конан снес голову карабкающемуся сквозь пол созданию, но даже в таком виде оно продолжало двигаться к своей цели.

Третья голова проломила пол, и появившаяся вслед за ней рука схватила за ногу Ясбет. Девушка вскрикнула и потеряла сознание.

Конан подхватил падающую Ясбет, ударом меча обрубив вцепившуюся в нее мертвой хваткой руку. Больше в этой комнате делать нечего, пронеслось в его голове, если, конечно, он не собирается окончить здесь свою жизнь.

— Бежим! — крикнул он. — Надо выбираться отсюда.

Положив Ясбет себе на плечи, он вылез через окно и выпрыгнул на улицу. Кое-кто из гирканийцев последовал за ним. Не обращая ни на кого внимания, Конан побежал прочь по улице. Некоторое время до него доносились звуки разгоревшегося боя, неожиданно стихшие. Киммериец остановился, но ничего не увидел в темноте.

Из-за его плеча раздался сдавленный стон. Ясбет. Конан опустил ее на землю и, вздрогнув, увидел, что мерзкая ладонь все еще висит на лодыжке девушки. Сыпля проклятиями, он один за другим разогнул мертвые пальцы и, размахнувшись, швырнул серо-зеленую кисть подальше в ночную темноту.

Ясбет снова застонала и вдруг открыла глаза.

— Я... мне снились кошмары... — прошептала она.

— Это был не сон, — сквозь зубы процедил Конан, напряженно ожидая звуков погони. — Но с этим покончено, — добавил он, очень желая, чтобы так оно и оказалось.

— Но эти демоны... ты думаешь, они были на самом деле? — Ее чуть не вырвало. — Откуда они взялись? Зачем? — заревела она.

Конан зажал ей рот и недовольно сказал:

— Я готов поспорить на что угодно, что это дело рук Джандара. И если ты не прекратишь орать на всю улицу, то его милые создания запросто найдут нас. Кто знает, удастся ли так легко скрыться во второй раз.

Он осторожно убрал руку от ее рта.

— Я не верю тебе, — сказала Ясбет. — Ни тебе, ни твоим вонючим гирканийцам!

Правда, голоса она больше не повышала.

— Это страшный человек, — спокойно сказал Конан. — И самое чёрное колдовство исходит от него. Я уверен, что то, что мы видели, — еще не предел его мастерства.

— Не может быть, Культ...

— Тсс!

Топот множества ног послышался из дальнего конца улицы. Толкнув Ясбет поглубже в тень, Конан ждал, держа меч наготове. В темноте замаячили неясные силуэты. До Конана донесся запах давно не мытых тел и бараньего жира.

— Тамур? — тихо позвал Конан.

Несколько клинков сверкнули в темноте. Затем один из силуэтов сделал шаг вперед и спросил:

— Конан?

— Да, — ответил киммериец. — Скольким удалось спастись?

— Тринадцати, — вздохнул Тамур, — остальных разорвали на куски. Теперь ты понимаешь, что должен пойти с нами? Это были демоны Баалышама. Он все равно рано или поздно найдет тебя.

Конан почувствовал, как Ясбет вздрогнула.

— Он меня не найдет. Он даже не знает, кого искать.

Неожиданно один из гирканийцев перебил их.

— Огонь, — сказал он, — к северу от нас. Большой пожар.

Конан взглянул в ту сторону, и его сердце сжалось. Да, это был большой пожар. И если он не ошибался, «Синий бык» был в самом центре этого огня. Не говоря ни слова, киммериец схватил Ясбет за руку и побежал в сторону зарева. Кочевники бросились за ним, хотя его это меньше всего интересовало.

Улица Лотосовых Снов была забита людьми, разглядывающими пожар. Горели четыре дома, «Синий бык» сильнее других. Пожар отбрасывал свои багровые отсветы на лица зевак. Часть людей (и Фериан среди них), организовали цепочки от ближайшего колодца. Но было ясно, что большая часть квартала сгорит прежде, чем удастся остановить огонь.

Пробираясь сквозь толпу зевак, Конан услышал знакомый голос:

— А я тебе говорю, стоило только ткнуть его этим посохом, как он тотчас же исчез в облаке дыма. А ты не верил, что посох волшебный.

Улыбаясь едва ли не в первый раз за эти дни, Конан повер-

нулся и пошел на голос. Он наткнулся на перепачканных копотью Акебу и Шарака, сидящих прислонившись к дверям гончарной лавки.

— Ты вернулся, — сказал Шарак, увидев приближающегося Конана, — и девчонка с тобой. А мы-то думали, что это ты подвергаешься опасности сегодня ночью. Кстати, я тут убил одного демона.

— Демона? — хрипло спросил Конан.

Акеба кивнул:

— Похоже, что только так их и можно назвать. Они врывались сквозь пол и стены, разрывая на куски всех, кто попадался на пути. Похоже, они искали кого-то, не оказавшегося в трактире.

— Меня, — сухо сказал Конан.

Ясбет запротестовала:

— Не может быть!

Но мужчины не обратили на нее внимания.

— Я же говорил, что он найдет тебя, — раздался голос подошедшего Тамура. — Теперь ты сам видишь, что у тебя нет другого выхода, кроме как отправиться с нами в Гирканию.

— Гиркания! — воскликнул Шарак.

Конан неохотно кивнул в знак согласия. Выбора не было. Или уничтожить Джандара, или погибнуть самому.

Глава 13

Ранним утром Конан шел по длинному каменному причалу к нужному ему судну. «Танцующая в волнах» выглядела инородным телом среди тяжелых транспортных галер и парусников. Меньше чем двадцать шагов в длину, она несла лишь один парус. Пятнадцать весел можно было спустить в один ряд с каждого борта. Высоко загнутый нос и узкая корма придавали ей вид очень быстрого судна. Конану приходилось видеть такие корабли в бухте Султанапура. Их использовали контрабандисты, обходившие королевскую таможню. Для посторонних эти корабли маскировались под рыболовные шхуны. Не была исключением и «Танцующая в волнах». Еще на подходе в нос Конану ударил запах тухлой рыбы, смешанный с вонью пригоревшей на камбузе пищи.

Он очень осторожно поднялся по сходням и внимательно осмотрелся. Команды таких судов, мягко говоря, недолюбливали незнакомцев. Два почерневших от загара матроса с тонкими косичками на затылках уставились на ступившего на палубу киммерийца немигающими черными глазами.

— Где ваш капитан? — начал он и вдруг услышал подозрительный шорох за спиной.

Резко развернувшись, Конан успел перехватить руку с занесенным над ним кинжалом и оказался лицом к лицу с остроносым человеком в красной косынке на голове. Да, это тот самый иранистанец, чьих друзей Конану пришлось отправить на тот свет в первый же день его пребывания в Аграпуре. И если этот парень был членом команды «Танцующей в волнах», то и те двое, вполне вероятно, плавали на этом же судне. Иранистанец открыл рот, но Конан не стал дожидаться, пока тот выскажет то, что хотел. Одним движением он сгреб остроносого в охапку и вышвырнул его за борт. Подняв фонтан брызг, тот грохнулся в вонючую портовую воду и поплыл прочь, даже не обернувшись.

— Разрази меня гром! — прорычал человек с бычьей шеей, вылезший из трюма на палубу. Его череп был лыс, если не считать длинного чуба на лбу, зато на грудь спускалась роскошная борода. Маленькие мышиные глазки впились в Конана. — Это из-за тебя весь крик?

— Ты что, капитан? — спросил Конан.

— Да. Меня зовут Муктар. Что же здесь все-таки происходит, Эрлик тебя побери?

— Я поднялся на борт, чтобы нанять твою посудину, а один из твоих людей решил воткнуть мне кинжал в спину. Я просто выкинул мерзавца за борт.

— Выкинул за борт... — повторил капитан подозрительным тоном. — Значит, ты говоришь, что хочешь нанять «Танцующую в волнах»? Зачем?

— Торговая поездка в Гирканию.

— Купец, значит... Ты что, за дурака меня держишь? — рассмеялся Муктар, упершись руками в бока.

Конан сжал зубы и подождал, пока моряк отсмеется. Накануне Акеба и Тамур сочинили эту историю про торговца. Дело в том, что гирканийские племена и раньше не очень-то доверяли чужакам, а после истории с Джандаром допускали в свои земли только купцов. Конан с тоской подумал о золоте Давинии. После закупки необходимого товара и платы за наем судна вряд ли останется сумма, достаточная даже для одной веселой ночи.

Наконец смех Муктара стих, его живот перестал колыхаться, а в глазах зажегся алчный огонек.

— Ну, да ладно, — сказал капитан, — в конце концов, можно попробовать. Я бы, пожалуй, взял с тебя совсем недорого. Пятьдесят монет.

— Двадцать, — сразу же назначил свою цену Конан.

— Никакой торговли. Ты и так уже стоил мне одного члена экипажа. Он хоть не утонул? Если он утонет, то портовые власти заставят меня выловить труп и похоронить за мой счет. Ладно, сорок золотых. И учти, что это очень дешево.

Конан вздохнул. Нельзя было терять времени. Если Тамур говорит правду, то сваливать из города нужно до заката.

— Давай поделим разницу пополам. Тридцать монет. Это мое последнее слово. Если тебя не устраивает, я найду другой корабль.

— В этом порту нет такого корабля, который смог бы причалить к гирканийскому берегу.

— Завтра или послезавтра появится нужный корабль.

— Ладно, — с недовольным видом согласился Муктар. — Тридцать золотых монет. И учти, что это очень дешево.

— Договорились. Отчаливаем, как только загрузимся.

— К чему такая спешка?

— Торговля — дело такое. Ни к чему терять время.

* * *

— Говори, — приказал Джандар и заходил из угла в угол, слушая доклад молодого парня, одного из посвященных.

— Великий Господин, мы нашли одного иранистанца, который утверждает, что дважды подрался с человеком, как две капли воды похожим на Конана. Этот иранистанец был матросом на шхуне контрабандиста «Танцующая в волнах», которая отчалила из порта сегодня днем, загрузившись товаром. Среди пассажиров — группа гирканийцев, высокий голубоглазый варвар и девушка, похожая по описанию на ту, что исчезла из лагеря в ночь нападения гирканийцев. — Он прервал доклад, явно рассчитывая услышать похвалу за столь подробную информацию.

— Место назначения?— резко спросил Джандар. — Куда направилось судно?

— В Гирканию, как мне сообщили, Повелитель.

— Ты не находишь, что это достаточно важно, чтобы сообщить мне без напоминания?

— Но, Великий господин, раз уж они бежали, то не все ли равно...

— Не тебе решать, что важно, а что нет. Еще что-нибудь узнал?

— Нет, Повелитель.

— Тогда пошел вон!

Еще прежде чем за юношей закрылась дверь, Джандар уже забыл о нем. Человек, которого когда-то звали Баальшамом, подошел к окну. Отсюда ему была видна Давиния, раскинувшаяся в тени деревьев в саду. Один из рабов обмахивал ее опахалом из белоснежных страусовых перьев. Никогда еще в жизни Джандара не было такой женщины. Такой пленительной и возбуждающей.

— Я послушал, что говорят люди, Повелитель, — раздался голос Че Фана за его спиной. — Уже пошли недовольные разговоры, что с нею обращаются не так, как с другими.

Джандар вздрогнул и обернулся. Оба кхитайца стояли перед ним. За все годы, что они следовали за ним, он так и не привык к неслышности их движений и неожиданности появления.

— Если болтливые языки не держатся за зубами, я позабочусь о том, чтобы этих языков не осталось вовсе.

— Простите, Великий Господин, если я заговорил не вовремя, — сказал с поклоном Че Фан.

— Сейчас есть более важные дела, — сказал Джандар. — Этот варвар уплыл в Гирканию. Если бы он просто бежал, то вряд ли бы стал нанимать судно. Нет. Он решил найти что-то, какое-то оружие, которое можно использовать против меня.

— Но ведь там ничего не осталось, Повелитель, — возразил Суйтай, — все уничтожено.

— Ты уверен? Я не могу рисковать делом своей жизни. Я приказал приготовить самую быструю галеру в Аграпуре. Вы немедленно отправитесь на ней в Гирканию. Убейте этого Конана и привезите мне то, что ему удастся найти.

— Слушаемся, Великий господин, — в один голос ответили оба кхитайца.

Все будет хорошо, говорил себе Джандар. Все хорошо. Он уже слишком высоко забрался, чтобы позволить себе упасть. Слишком высоко.

Глава 14

Серые волны с размаху разбивались об изогнутый нос «Танцующей», и над ее палубой висела водяная пыль. Треугольный парус стоял вертикально, глядя острым углом в небо, где бледное солнце стояло на полпути от зенита к западному горизонту.

На корме один из моряков, едва ли чуть ниже Конана ростом, но намного шире его в плечах, наваливался всем своим немалым весом на руль. Большая же часть команды лежала, отдыхая среди тюков с товаром.

Конан стоял на палубе, придерживаясь за один из канатов. Он не был моряком, но время, проведенное среди султанапурских контрабандистов, по крайней мере, приучило его желудок к постоянной качке.

Акебе повезло меньше. Разогнувшись, после того как очередной раз ему пришлось перевеситься через борт, он глухо сказал:

— Нет, лошадь двигается не так. Неужели это никогда не прекращается?

— Никогда, — сказал Конан, но, посмотрев еще раз на Акебу, смягчил ответ: — Иногда бывает меньше. В любом случае, скоро ты привыкнешь. Посмотри на гирканийцев. Это всего лишь второе путешествие в их жизни, но не похоже, чтобы им было плохо.

Тамур и другие кочевники сидели около мачты, ведя свою неторопливую, нескончаемую беседу. Они передавали друг другу кувшины с вином и куски белого овечьего сыра, прерывая разговор только затем, чтобы откусить кусок или приложиться к кувшину.

— Не хочу я их видеть, — икая, сказал Акеба. — Клянусь Митрой, я не знаю, что воняет хуже — тухлая рыба или их чертов сыр.

Центром внимания нескольких матросов оказался Шарак.

— И вот я ударил их своим волшебным посохом, — он грозно замахал своей палкой, — и три демона рассыпались в прах. Остальные жалобно выли, моля о милости. Но для таких мерзких созданий у меня нет милости. Многих и многих из них я превратил бы в пыль и безобидный дымок, но они растаяли, спасаясь от меня, бежали в свой адский мир, изрыгая пламя, чтобы замедлить мою погоню...

— Слушай, Акеба, неужели он и вправду смог что-то сделать против этой мерзости? — спросил Конан. — Сколько лет старикан всем расхваливает свой посох, но я еще ни разу не видел, чтобы от него было больше пользы, чем от обычной клюки.

— Не знаю, — ответил Акеба. Он всячески старался не обращать внимания на качку, но, судя по зеленоватому оттенку его лица, это ему плохо удавалось. — В первый момент я увидел, как старик запрыгал не хуже молодого танцора, исполняющего танец на углях. При этом он во все стороны тыкал своим посохом. А потом мы вместе выскочили на улицу. А пожар — это Фериан сам виноват. Он запустил светильником в одного из демонов. Тому хоть бы что, зато горящее масло растеклось по стене и полу.

— Спалил свой трактир... — задумчиво сказал Конан. — Я думаю, открыть новое заведение будет стоить недешево, хотя сдается мне, что у него хватит золота еще на десять таких забегаловок.

Муктар, проходя мимо, остановился рядом с Конаном, посмотрел в небо, а затем в глаза киммерийцу.

— Туман, — буркнул капитан, помолчал, а потом добавил: — Перед закатом. Море Вилайет коварно...

Оборвав фразу, словно наговорил лишнего, капитан пошел к рулю той самой походкой, которая на суше кажется переваливанием с боку на бок, а на корабле гасит все движения палубы.

Конан внимательно посмотрел ему вслед:

— Чем дальше мы отплываем от Аграпура, тем меньше он говорит. И тем меньше я ему доверяю.

— Он ждет не дождется получить вторую половину денег. А кроме того, вместе с гирканийцами нас больше, чем его людей.

Золото было помянуто Акебой совсем некстати. После расчетов за товар и судно в кошельке у Конана осталось всего восемь монет. В иные времена это показалось бы киммерийцу

изрядной суммой, но чтобы так сразу, после сотни... Он поймал себя на том, что мечтает получить прибыль с продажи товара. Обычно одни эти слова — товар, торговля, прибыль — оставляли у него во рту кислый привкус, как от гирканийского сыра.

— Да, дай Муктару волю, он нас точно скормил бы рыбам, а товар загнал бы подороже. Эти контрабандисты знают хороших покупателей. Эй, что с тобой, Акеба?

Туранец снова перегнулся через борт, и его плечи задергались от приступа тошноты, хотя в желудке уже давно ничего не осталось.

Ясбет подбежала к ним со стороны кормы, ловко перепрыгивая через лежащих людей и огибая тюки с товарами.

— Мне не нравится этот Муктар, — заявила она Конану. — Он таращится на меня, словно покупатель на невольничьем рынке.

Еще до отплытия Конан, решив, что ее оранжевые лохмотья — не лучший наряд для плавания, купил ей одежду по своему усмотрению. Сейчас на ней была короткая кожаная куртка, под ней — серая шерстяная туника, шаровары из такого же материала и сапоги до колен. Одежда, конечно, мужская, но то, как облегала ткань тело Ясбет, не оставляло сомнений в том, что под нею — женщина.

— Не бойся, — твердо сказал Конан.

Надо будет поговорить с капитаном с глазу на глаз, подумал Конан. Вряд ли тот понимает что-то, кроме тяжелых кулаков. Заодно и другим любителям поглазеть будет наука.

— С тех пор как я с тобой, мне нечего бояться, — просто сказала Ясбет. — Ой, а что с Акебой, Конан? — Сама она не испытывала, к счастью, никаких неудобств от качки.

— Приболел.

— Бедняжка. Может, принести ему теплого супа?

— Эрлик побери эту женщину! — простонал Акеба, содрогаясь всем телом.

— Я думаю, что суп ему понадобится чуть позже, — рассмеялся Конан.

Взяв Ясбет за руку, он отвел ее от борта и усадил на перевернутое ведро. На этот раз его лицо было совершенно серьезно.

— Ты что такой мрачный, Конан? — спросила она.

— Если вдруг начнется какая-нибудь заварушка, — негромко сказал киммериец, — на борту или потом, на берегу, дер-

жись ближе ко мне или к Акебе, если меня рядом нет. Если случится худшее — Шарак поможет тебе спастись. Он, конечно, не боец, но до таких лет не дотягивают, не научившись искусству выживания.

Тонкая морщина прорезала лоб Ясбет.

— Почему ты говоришь так, словно не собираешься оставаться со мной?

— Никто не знает, что может случиться, а я хочу, чтобы ты была невредима.

— Я так и думала, — сказала она с непонятными Конану теплотой и счастьем.

— В крайнем случае, доверься Тамуру, но только если нет другого выхода.

Этот кочевник внушал Конану больше симпатии, чем остальные. По крайней мере казалось, что он не станет предавать, но Конан предпочел бы не испытывать нового знакомого на верность.

Недаром древняя поговорка гласит: «Если берешь в друзья гирканийца, лучше оплати свои похороны заранее».

— Не доверяй больше никому. Даже если это будет значить, что тебе придется искать дорогу домой одной.

— Но ты же будешь со мной. Я знаю, — улыбнулась Ясбет.

Конан хмыкнул. Взяв ее с собой, он подвергал девушку не меньшей опасности, чем оставив служить Джандару. Как же помочь ей добраться до дома? Эх, если бы она могла сама за себя постоять. Сама...

Покопавшись в тюках, Конан вытащил из одного очень длинный прямой кинжал немедийской работы. Его клинок не был заточен. Гирканийские кочевники считали единственным доказательством новизны оружия — первый след от точильного камня, оставленный точилом на их глазах.

Подбросив длинный (ненамного короче меча) кинжал, Конан поймал его за клинок и протянул рукоятку Ясбет. Она удивленно уставилась на него.

— Возьми, — сказал Конан.

Девушка нерешительно обхватила пальцами обмотанную кожей рукоятку и, когда Конан ослабил хватку, едва ли не выронила кинжал на палубу.

— Тяжелый, — смеясь, сказала она.

— Украшения, которые ты таскала на себе дома, весили,

наверное, не меньше. И ничего. К этому тоже привыкнешь, прежде чем мы доплывем до Гиркании.

— Привыкну к этой штуке?

Ее удивленный возглас вызвал улыбки и смешки лежавших поблизости матросов. Кочевники и те перестали жевать и, замолчав, повернули к девушке головы. Рот Тамура застыл в недоверчивой ухмылке. Конан пытался не обращать на них внимания, с трудом удерживая себя от того, чтобы расквасить пару первых попавшихся носов.

— Меч слишком тяжел для тебя, — сказал он девушке, — сабля или ятаган легче, но ты не успеешь научиться пользоваться ими до того, как мы доберемся до места. А владеть клинком тебе придется научиться.

Ясбет молча смотрела на киммерийца широко раскрытыми глазами, растерянно прижимая к груди кинжал.

Хриплый хохот прокатился по палубе. Вслед за этим послышался голос Муктара:

— Это же баба! Ты что, решил научить бабу драться?

Конан проглотил вертевшееся на языке ругательство и ограничился лишь короткой фразой:

— Любой может научиться держать в руках кинжал.

— Может, и младенцев будешь учить?

— Ребята, — Муктар повернулся к своей команде, — перед вами человек, который плывет в Гирканию, чтобы научить овец охотиться на волков.

Подбодренные капитаном, матросы тоже начали бросать иронические реплики в адрес Конана.

В глазах киммерийца горело столько огня, что, казалось, хватило бы и на небольшую кузницу.

— Ставлю золотую монету, что через полчаса я научу ее, как противостоять любому из твоих ублюдков.

Муктар усмехнулся в бороду и промычал:

— Монету? Может, сразу пять?

— Договорились. Пять так пять, — отрезал Конан.

— Ну, иди учи ее, варвар. Посмотрим, как она поможет тебе облегчить кошелек.

Конан уже и рад был пойти на попятную. Но боги не хотели, вняв его мольбам, сделать так, чтобы все вокруг забыли его слова. Он мрачно отвел Ясбет в сторону и поправил ее пальцы на рукоятке.

— Держи вот так, девочка.

Ее рука совершенно не сопротивлялась его движениям и держала кинжал не крепче, чем тесто держит погруженный в него нож. Глаза Ясбет неотрывно следили за лицом Конана.

— Да очнись ты наконец, — рявкнул киммериец. — Держи кинжал так, как будто это моя рука.

— Так ты и вправду веришь, что я смогу... — в ее голосе слышалось удивление и недоверие, — что я смогу научиться обращаться с оружием? И даже защитить себя от мужчины?

— Я бы не поставил на тебя, если бы не был уверен, — сказал Конан со вздохом. — Я знал женщин, которые владели кинжалом не хуже мужчин, и даже лучше, чем многие. Пойми, это не оружие грубой силы, как топор. Тут нужна подвижность и быстрота реакции. Только дурак будет отрицать, что ловкость и быстрота присущи женщинам.

— Но победить мужчину... Я же никогда раньше ничего такого в руках не держала. — Вдруг, присмотревшись к кинжалу, она нахмурила брови: — Он тупой. А кинжал должен резать. Это даже я знаю.

— Я потому и выбрал для тебя этот кинжал, чтобы ты потренировалась. Смотри, его конец достаточно острый, чтобы пустить кровь. Но зато ты случайно не убьешь своего противника, а мне не придется убивать Муктара.

— Понятно, — кивнула Ясбет.

Ее лицо приняло суровое выражение, и она сделала шаг вперед. Конан едва успел схватить ее за руку.

— Подожди, еще рано, — улыбнулся он. — Сначала выслушай меня. Эти контрабандисты опасны ночью, когда нападают со спины. В открытом бою им грош цена. Но все равно, в настоящем поединке он тебя в два счета убьет.

— Тогда как...

— Помни, что ты всегда можешь убежать...

— Я не стану этого делать. У меня не меньше гордости, чем у любого мужчины, включая тебя.

— Но у тебя пока нет навыков. Ты должна победить хитростью и внезапностью. Пока только так. Умение придет позже. Запомни. Наноси удар, только когда противник потеряет равновесие. А в остальное время — убегай. Швыряй все, что подвернется, ему в голову или под ноги, но не пытайся попасть в оружие или туловище. Все эти предметы он легко отобьет

клинком. Пусть он думает, что ты в панике. Визжи, если захочешь.

— Не собираюсь.

Конан подавил улыбку.

— И еще. Тебе будет легче победить, если он будет видеть в тебе женщину, а не противника.

— А как мне пользоваться оружием?

— Бей им, — рассмеялся Конан, глядя в ее удивленные глаза. — Представь, что твой клинок — это палка. Да, и не забудь, что им можно колоть. Люди часто используют такой длинный кинжал только как рубящее оружие, забывая, что у него еще есть острие. Запомни, что я тебе сказал, и ты победишь.

— Ну, долго ты там будешь болтать? — крикнул Муктар. — Твое время истекло. Если ты поговоришь еще столько же, Байан совсем состарится. Какой из него тогда воин.

Рядом с капитаном стоял худощавый человек среднего роста, жилистый, загорелый на солнце. Он медленно описывал саблей круги в воздухе, обнажая в недоброй улыбке желтые зубы.

Сердце Конана екнуло. Он в глубине души надеялся, что Муктар выставит кого-нибудь вроде повара — толстого коротышки — или, по крайней мере, самого массивного из его матросов. Тогда быстрота движений девушки была бы серьезным оружием. А этот человек, похоже, мог двигаться быстрее, чем горная серна. Конан решил, что скорее разорвет договор и подставит себя под всеобщие насмешки, чем позволит причинить вред Ясбет.

Он уже было раскрыл рот, но Ясбет опередила его, шагнув вперед и выставив сжатый обеими руками кинжал.

— Как, ты сказал, его зовут? — насмешливо спросила она. — Байан? По-моему, куда лучше ему подходит Байя — уж больно он похож на женщину.

Конан так и застыл, раскрыв рот. Неужели девчонка сошла с ума?

Глаза Байана были готовы выскочить из орбит.

— Я заставлю тебя умолять, чтобы я продемонстрировал тебе, что я мужчина, — прохрипел он.

— Муктар, — позвал Конан. — Учти, что все это — только игра. Если он причинит ей сильную боль или ранит ее — ты умрешь через секунду после него.

Бородатый неохотно кивнул в знак согласия. Наклонившись к уху Байана, он что-то требовательно приказал ему.

Жилистый матрос только отмахнулся. Подняв саблю, он рванулся к Ясбет с диким улюлюканьем и свирепой гримасой на лице. Конан покрепче сжал рукоять меча. Байан подскочил к девушке, не нанося удара. Было ясно, что он собирается запугать ее одним своим видом и заставить немедленно сдаться.

Лицо Ясбет побледнело, но она не отступила. Наоборот, закричав сама, она, не замахиваясь, ткнула кинжалом в живот моряка. Незаточенное лезвие не могло проникнуть глубоко в живот, но пустило изрядную струйку крови. Неожиданная боль, казалось, парализовала Байана.

Ясбет вовсе не собиралась останавливаться на полдороге. Она быстро подняла свой клинок и с размаху опустила его на правое плечо противника. Сабля Байана рухнула на палубу. Не успели зрители перевести дух, как кинжал Ясбет нанес скользящий удар по голове матроса, вспоров кожу до кости. Байан со стоном упал на колени.

Конан в изумлении наблюдал за тем, как моряк отчаянно пытался ползком покинуть поле боя. Ясбет преследовала его, нанося удары по спине и плечам, к счастью, незаточенным клинком. Завывая, Байан оказался прижатым к борту, где свернулся клубком, надеясь хоть как-то закрыться от града ударов.

— Сдавайся! — крикнула Ясбет, стоя над ним как живое воплощение ярости.

Сжав кинжал, Муктар направился к ней, но его грудь уперлась в сверкающий клинок меча киммерийца.

— Она победила, не так ли? — тихо спросил Конан. — А ты должен мне пять монет. Или ты хочешь, чтобы я побрил тебе бороду между головой и плечами?

Байан издал почти визг: кинжал девушки воткнулся ему в задницу.

— Она победила, — пробормотал Муктар. Выждав, пока Конан уберет меч, он объявил всем: — Девушка победила.

— Смотри, чтобы дело не пошло дальше, — предупредил его Конан. Тот с неохотой кивнул. Еще с меньшей охотой он отсчитал положенные деньги.

— Я победила! — крикнула Ясбет.

Размахивая кинжалом, она бегом сделала круг по палубе.

— Я победила!

Конан спрятал меч в ножны и, схватив девушку, легко подбросил ее.

— Разве я не говорил тебе, что ты можешь победить?

— Да, говорил, говорил. Клянусь, я всегда буду верить во все, что ты мне скажешь, всегда.

Конан опустил ее, но руки Ясбет обвились вокруг его шеи, и он вдруг понял, что целует ее. Приятное, однако, занятие, подумал он.

Вдруг он разжал объятия и легонько тряхнул девушку:

— А теперь — практика. Тебе предстоит еще очень многому научиться, прежде чем я наточу тебе кинжал. И потом, ты все делала не так, как я тебе говорил. Надо бы тебя хорошенько отшлепать за это.

— Но, Конан... — запротестовала она.

— Поставь ноги вот так, чтобы не терять равновесия. Давай приступай к занятиям!

Она подчинилась, и Конан начал учить ее приемам ведения боя коротким клинком. При этом киммериец подумал: вечно проблемы с этими женщинами. Начинаешь ее защищать от других, а потом оказывается, что ее надо защищать от тебя самого.

Глава 15

Расставив ноги и чуть согнув колени, чтобы противостоять усилившейся качке, Конан наблюдал, как Ясбет отрабатывает удары, нанося их по обмотанному куском толстой кожи вороху тряпок. Несмотря на свежий ветер, по ее лицу градом катился пот. Как бы то ни было, а она далеко продвинулась по сравнению с тем, что успела выучить за первый день занятий. Она была все в том же мужском наряде, но без туники. Она сняла ее, пожаловавшись, что потная шерстяная ткань раздражает кожу. Теперь ее полная грудь, того и гляди, норовила выскользнуть наружу, несмотря на плотные завязки куртки.

Состроив жалобное лицо, Ясбет повернулась к Конану:

— Пожалуйста, разреши мне уйти в мою палатку.

Эта палатка — просто-напросто кусок холста, растянутый между тюками, — была его идеей. Во-первых, она прикрывала девушку от постоянных брызг, а во-вторых — от нескромных взглядов мужчин.

— Пожалуйста, Конан. У меня уже волдыри на руках.

— Ничего, вылечим.

— Лекарство вонючее и щиплет. Если бы тебе так...

— Хватит болтать, работай, — сказал он, подталкивая ее к кожаному тюку.

— Работорговец, — процедила она, но повиновалась. Новая серия ударов обрушилась на несчастную мишень.

* * *

Путешествие явно перевалило за половину. Гирканийское побережье тонкой черной полосой вырисовывалось на востоке. Однако им предстояло проплыть еще изрядное расстояние вдоль побережья на север. Каждый день, вкладывая оружие в руку Ясбет, киммериец заставлял ее тренироваться от рассвета до сумерек. Он вытряхивал ее из-под одеяла, выливал ведра воды ей на голову в полуденную жару и угрожал выкинуть за

борт привязанной за ногу, когда она начинала жаловаться на усталость. Он смазывал и бинтовал ей вздувшиеся пузыри на руках, и, к его удивлению, эти мозоли стали для девушки предметом гордости.

Акеба подошел к ним и с уважением посмотрел на Ясбет:

— Она неплохо учится. Слушай, Конан, если у тебя так ловко получается обучить девушку, то тебе цены не будет в армии. Нам сейчас так нужны хорошие учителя для множества набранных в последнее время новобранцев.

— Не знаю. Она просто делает все точно так, как я говорю.

— Неужели? — вскинул брови Акеба, но под взглядом Конана его лицо приняло выражение преувеличенной вежливости.

— Желудок тебя больше не беспокоит? — поинтересовался Конан.

— Не знаю, как желудок, но по крайней мере голова может соображать, а ноги ходят.

— Может, попробуешь съесть чего-нибудь? Я знаю, что у Муктара есть отличные мидии. Я думаю, тебе они понравились бы.

— Нет, нет, спасибо, Конан, — торопливо ответил туранец, с явным усилием подавив тошноту. Чтобы сменить тему, он поинтересовался: — Что-то нигде не видно Байана. Ты случайно не выкинул его за борт?

Киммериец сжал зубы:

— Я услышал, как он обсуждал с дружками свои планы насчет Ясбет. Пришлось немного подкорректировать их.

— Чисто по-дружески, я думаю. Да, это ведь ты говорил, что нужно вести себя с ними повежливее, а не то эти морские крысы только и ждут повода, чтобы перерезать нам глотки.

— Абсолютно по-дружески поговорили, — подтвердил киммериец. — Он сегодня зализывает свои синяки. Даже не высовывался из-под одеяла.

— Отлично, — внезапно погрустнев, согласился Акеба. — Ей ведь столько же лет, сколько и Зорель.

— Эх, хороша девочка, — раздался голос Шарака, усаживающегося по другую сторону от Конана. — Будь я хоть на двадцать лет помоложе, я бы отбил ее у тебя, киммериец.

Кинжал Ясбет с грохотом упал на палубу, обратив на себя внимание всех троих мужчин.

— Я не ученая обезьяна и не дрессированный медведь, —

резко сказала она, — чтобы вы тут сидели как в цирке, а я вас развлекала.

Она наклонилась, чтобы поднять оружие, и, бросив еще один гневный взгляд на троих приятелей, ушла к своей маленькой палатке у основания мачты.

— Твоя девчонка начинает показывать характер, — сказал Шарак, глядя ей вслед. — А не поторопился ли ты, научив ее обращаться с оружием?

Акеба согласно кивнул:

— Она уже не та тихая и запуганная девушка, какой была раньше. Между прочим, благодаря тебе, киммериец. Конечно, я понимаю, что она вообще уже не девушка, и тоже из-за тебя, но ты мог бы по крайней мере образумить ее, пока она не вызвала всех нас на дуэль.

— Как ты можешь такое говорить? Минуту назад ты любовался ею как своей дочерью.

— Эх, — горько вздохнул Акеба. Его смешливый тон исчез. — Я слишком беспокоился о добродетели Зорель, когда она была жива. Кто ж знал... Теперь я все вижу по-другому. Сейчас, когда ее нет в живых, мне хочется думать, что она успела узнать и эту радость, которую дает нам жизнь.

— Я до нее не дотрагивался, — начал Конан и наткнулся на недоверчивые взгляды. — Я только спасал ее, защищал. Она невинна и одинока. Ее некому защитить, кроме меня. Ради Митры! Да представьте себе охотника, которому предлагают зарезать олененка ради удовольствия.

Шарак затрясся от смеха:

— Значит, тигр и лань. Только кто из вас кто? Кто охотник, а кто жертва? Девочка-то тебя уже приметила.

— Это точно, — сказал Акеба. — Как раз она — среди тех, кто уверен, что девчонка — твоя. Девятое небо Зандру! Ты что, в монахи записался?

— Сдается мне, что остаток пути вам обоим придется проделать вплавь. Я же сказал вам... — Конан не договорил, увидев направляющегося к ним Муктара.

Бородач с бычьей шеей внимательно смотрел на киммерийца. Наконец он бросил сквозь зубы:

— За нами погоня. Галера.

Конан вскочил и бросился на корму. Акеба и Шарак поспешили за ним.

— Я ничего не вижу, кроме воды, — щуря глаза, сказал сержант.

Шарак подтвердил его слова.

Однако Конан разглядел черную полоску на волнах, с черточками белой пены по бокам, что говорило о множестве весел, вспенивающих воду.

— Пираты? — спросил Конан.

Хотя море Вилайет было известно своими морскими разбойниками, Конан нутром почувствовал, что вряд ли их преследователи принадлежат к этому братству.

Муктар пожал плечами:

— Возможно — В его голосе тоже не слышалось уверенности.

— А кто же еще? — спросил Акеба.

Муктар искоса посмотрел на Конана, но промолчал.

— А я все равно ничего не вижу, — настаивал Шарак.

— Когда они нагонят нас? — спросил Конан.

— Ближе к ночи, — ответил Муктар.

Капитан внимательно посмотрел на небо, на глазах затягивающееся свинцовыми тучами, затем на длинные серо-зеленые валы волн.

— Наверное, раньше разразится буря. Вилайет — опасная тварь.

Киммериец впился глазами в приближающийся корабль, постукивая кулаком по борту. Как? Как вступить в бой с таким грозным противником и не проиграть?

— В шторм мы, наверное, сможем скрыться от них, — предположил Конан.

Муктар помолчал еще немного, а затем решительно заговорил, обращаясь ко всем троим:

— Я сосчитал гребки. Если такая частота сохранится еще несколько часов — рабы не выдержат и начнут умирать один за другим. Надеюсь, капитан галеры не захочет остаться без гребцов. Но вот что мне непонятно. Там, на галере, прекрасно видят, что моя шхуна — не большой транспортный корабль, под завязку забитый слоновой костью или специями. Ваши приятели гирканийцы никому не нужны настолько, чтобы преследовать их с таким рвением. Остаетесь вы трое или девчонка. Может, у вас в тюках — корона короля Турана? Или ваша подружка — сбежавшая от отца принцесса? Почему к нашей посудине такое внимание?

— Я же тебе говорил. Мы — самые обычные торговцы. А тебе заплачено за то, чтобы ты доставил нас в Гирканию, а потом обратно в Туран.

— За вторую половину я не получил ни единого медяка.

— Я с тобой расплачусь, как договорились. Если ты не позволишь пиратам захватить наш груз, а заодно и твой корабль. В таком случае ты заработаешь только кандалы на ноги, если вообще останешься жив.

Кивнув остальным, Конан пошел к мачте, оставив Муктара на носу судна бормочущим что-то себе в бороду.

От борта отделился Тамур и присоединился к Конану.

— За нами погоня, — сказал киммериец.

— Баальшам, — прошипел гирканиец.

— Джандар, — кивнул Акеба.

Шарак ткнул посохом в сторону галеры с неожиданной яростью:

— Пусть он присылает своих демонов! Я их встречу как положено!

Темные глаза Тамура засверкали.

— На этот раз мы поджарим его, как кусок мяса, даже если у него тысяча демонов!

Конан встретился взглядом с Акебой. Более вероятным им обоим казалось, что пассажиры «Танцующей в волнах» сами окажутся в роли шашлыка на вертеле.

— Сколько людей вмещает такое судно? — спросил туранец. — Я слабо разбираюсь в этих морских делах.

Морской опыт Конана тоже ограничивался коротким пребыванием в рядах султанапурских контрабандистов. Но ему уже приходилось уходить от преследований такими кораблями.

— На каждом борту — по два ряда весел. Но рабы-гребцы не участвуют в бою. А так корабль этого размера может вместить человек сто, не считая команды.

Повисло молчание, нарушаемое лишь плеском воды да потрескиванием снастей. Наконец Шарак произнес:

— Так много? Это приключение становится несколько навязчивым для человека моих лет.

— Я бы умер счастливым, — сказал Тамур, — если бы знал, что вместе со мной в последний путь отправится и Баальшам.

— Уж его-то на корабле нет, — заметил Акеба, — такие

люди, как он, лишь отдают приказы другим. Но, по крайней мере, мы дорого продадим свои жизни. Правда, киммериец?

— Эта славная битва будет достойна того, чтобы погибнуть в ней, — согласился Тамур.

— Я, вообще-то, погибать не собирался, — сухо заметил Конан.

— Шторм! — оживился Шарак. — Шторм укроет нас.

— Может быть, — ответил Конан, глядя на сгустившиеся тучи, — но мы не можем полагаться только на это.

Конан подошел к Муктару, все так же неподвижно глядевшему на галеру. Бронзовый рог на ее носу, вспарывающий волны, как нож пергамент, был уже хорошо виден.

— Они нагонят нас до темноты? — спросил Конан капитана. — Или до шторма?

— Буря может и не разразиться. На море Вилайет всегда так. То молнии бьют с неба, только что бывшего абсолютно чистым, то после нескольких мрачных дней тучи рассеиваются, не обронив ни капли дождя. Если я из-за тебя потеряю корабль, киммериец, я тебя с того света достану.

— Я думал, что ты — настоящий морской волк, а не старая скандальная баба. — Конан подождал, пока шея и лицо Муктара побагровеют от гнева, а затем продолжил: — Слушай. У нас есть шанс спастись. Пока возможно, мы будем уходить от них, а потом...

По мере того как киммериец говорил, лицо Муктара приобрело нормальный цвет. Затем он побледнел и попытался остановить речь Конана, но тот продолжал, не обращая внимания на возражения. Он говорил еще и еще, и вот уже Муктар заинтересованно поднял брови и согласно закивал головой.

— Может быть, и сработает, — сказал капитан, когда Конан замолчал. — Золотой Рог Дагона! Это может сработать! Присмотри за своими кочевниками, киммериец. — Развернувшись с большей проворностью, чем можно было от него ожидать, Муктар сложил руки рупором и заорал: — Ко мне, сучье племя! Ко мне и слушать внимательно, как я собираюсь спасти ваши подлые душонки!

— Что все это значит? — поинтересовался Акеба, когда Конан вернулся к борту.

Пока приказы Муктара разлетались по воздуху и тонули в волнах, Конан рассказал свой план друзьям.

На худом лице Шарака расплылась ехидная усмешка:

— Ну мы им покажем! Мне начинает нравиться наше приключение.

Тамур улыбнулся по-волчьи:

— Погибнем мы или выживем, но об этом будут рассказывать у костров долгие годы. Пойдем, туранец. Покажи нам, осталась ли в тебе хоть капля гирканийской крови.

Тряхнув головой, Акеба направился к остальным кочевникам...

Все продумано, решил Конан.

Вдруг в его голове сверкнула молния.

Ясбет!

И стоило ему подумать о ней, как девушка подбежала к нему, нежно глядя в глаза киммерийца.

— Я все слышала, — сказала она, — где мое место?

— Твое место — между тюками с грузом. Там ты будешь в безопасности. По крайней мере, от стрел и камней из пращей.

— Я не собираюсь прятаться! — Ее глаза загорелись, вся нежность куда-то исчезла. — Ты многому учил меня, но только не быть трусихой.

— Ты будешь спрятана, даже если мне придется связать тебя по рукам и ногам. Но учти, если дойдет до этого, — я тебе так задницу надеру, что ты неделю сесть не сможешь. Дай мне твой кинжал.

— Кинжал? Нет!

Она сжала рукоять, но Конан легко вырвал клинок из ее рук и пошел по палубе. Ясбет последовала за ним молча. Казалось, она вот-вот заплачет.

К мачте был намертво привязан точильный камень с ножным приводом, на котором команда точила свои топоры. Яростно работая ногой, Конан поднес кромку лезвия к точилу. Искры посыпались дождем. Свободной рукой Конан плеснул на камень масла из стоявшего рядом кувшина. Жара не должна быть чрезмерной, иначе металл может потерять свою прочность.

Ясбет провела ладонью по щеке, мокрой от слез:

— Я думала, что ты собираешься... Я думала... что ты...

— Ты еще не воин, — отчеканил киммериец, — несколько дней тренировок — это очень мало. Но если случится худшее, тебе придется защищать себя.

— Тогда не прячь меня... — начала было Ясбет, но взгляд Конана пригвоздил ее к месту и заставил замолчать.

Предчувствие боя уже овладело им, выдавив даже ту малую долю мягкости, которую можно было рассмотреть в этом человеке.

Искры продолжали фонтаном лететь от металла, едва ли более твердого, чем человек, точивший его.

Глава 16

По палубе «Танцующей в волнах» забегали люди, подготавливающие к исполнению план Конана. Тучи совсем заволокли небо. Стало темно, словно сумерки наступили на два часа раньше положенного. Ветер завыл в снастях, но ни капли дождя не упало на палубу.

Мало-помалу галера приближалась. Она напоминала бронзоголовую сороконожку, несущуюся по воде и жаждущую добычи.

«Танцующая в волнах», с трудом переваливающаяся через увеличившиеся волны, больше напоминала водяного жука, обреченного на смерть.

— Они возятся с чем-то на носу! — неожиданно крикнул Муктар.

Конан как раз закончил крепить тюки с товаром к палубе и снастям и обвязал Ясбет веревкой за талию.

— Так ты можешь не бояться, что тебя смоет за борт, если даже разразится буря.

С кормы вновь донесся крик Муктара:

— Это катапульта!

Конан собрался уходить, но Ясбет схватила его за руку, прижав ладонь к своим губам.

— Я буду ждать тебя, — пробормотала девушка, — когда бой закончится.

Она опустила его руку ниже, и Конан почувствовал, как пальцы оказались под ее курткой, нежно обнимая высокую красивую грудь.

Проклиная всех и вся, Конан выдернул руку, однако не без сожаления.

— Сейчас не время для этого, — резко сказал он. Неужели девчонка не понимает, как тяжело ему сдерживаться и изображать из себя только ее покровителя, тогда как на самом деле кровь кипела в его жилах от желания обладать ею.

— Они готовы выстрелить! — крикнул Муктар, и Конан выкинул из головы мысль о Ясбет.

— Давай! — закричал киммериец. — Руби!

На корме Муктар подбежал к рулевому веслу, грубо оттолкнув рулевого, и сам навалился на толстый деревянный рычаг. На носу двое матросов ударили мечами по веревкам, удерживавшим за бортом тюки с запасной парусиной. Тяжелые мешки рухнули в воду, и облегченный корабль рванулся вперед, только что не перепрыгивая с гребня одной волны на другую.

И тут же за самой кормой поднял фонтан воды кусок гранита весом с человека, пущенный катапультой с галеры.

— Давай, Муктар, — закричал Конан, хватая кожаный промасленный мешок. — Давай живей! Эй, вы, смотрите за горшками!

Палуба была заставлена десятками горшков, вытащенных из всех закоулков корабля. Некоторые издавали шипение, когда до них долетали капли забортной воды.

Ругаясь во всю мощь своих легких, Муктар навалился на руль, заскрипевший от такого напряжения. «Танцующая в волнах» начала медленно разворачиваться. Команда схватила канаты, перекручивая парус, отчаянно помогая капитану сделать разворот.

Это и был тот самый момент, заставивший Муктара побледнеть, когда Конан рассказывал ему свой план. Повернувшись боком к волнам, корабль начал крениться. Крен все увеличивался, вот уже борт почти лег на воду. Вся команда схватила весла и бешено заработала ими. Акеба, Шарак и гирканийцы руками и ногами вцепились в ящики с горшками, не давая им рухнуть за борт. Среди ожесточенно борющихся за свою жизнь мужчин Конан вдруг увидел Ясбет, освободившуюся от своей веревки и помогающую другим удерживать раскаленные горшки. Ветер отнес в сторону проклятия Конана, на большее времени у него все равно не было.

Медленно, но верно нос корабля поворачивался против волн. Судно понемногу становилось вертикально. Конечно, оно двигалось не так легко, как раньше, — немало воды попало в трюм во время разворота. Но главное, что оно выправилось и двигалось. Двигалось в обратную сторону, приближаясь к галере.

Рычаг катапульты на носу галеры стоял вертикально. Если

второй выстрел и был сделан, то снаряд бесполезно пропал где-то далеко в волнах. На палубе галеры забегали люди, словно муравьи по разворошенному муравейнику. Однако их было не так уж много, как ожидал Конан, если, конечно, остальные не прятались на нижней палубе. Большинство из тех, кого Конану удалось различить, были, судя по их прическам, членами команды.

— Половину горшков смыло в море! — крикнул Акеба.

— Готовь то, что осталось! И поживее! — прокричал в ответ киммериец.

Гирканиец схватил промасленные мешки, такие же, как у Конана.

На другом корабле, завидев приближающуюся добычу, люди схватились за оружие. Мечи, копья, топоры засверкали над бортом галеры. На носу двое возились с катапультой, устанавливая ее лапу пониже.

Поздно, подумал Конан. «Танцующая в волнах» была уже слишком близко.

Развязав веревки, затягивавшие мешок, Конан вытащил из него оставшееся сухим содержимое: колчан со стрелами, обмотанными паклей сразу за наконечником, и небольшой лук. Рядом с ним один из гирканийцев, уже приготовивший свое оружие, открыл ближайший к нему горшок. Угли в закрытом сосуде подернулись серым пеплом, но несколько сильных вздохов — и они вновь засверкали яркими рубинами. В этот жар Конан ткнул стрелу. Пакля вспыхнула в ту же секунду.

Одним движением Конан развернулся, приладил стрелу, натянул тетиву и, прицелившись, выстрелил. Горящая стрела воткнулась в борт галеры. Это был сигнал. Огненные стрелы дождем посыпались на вражеское судно.

Корабли продолжали сходиться, хотя на этот раз капитан галеры решил изменить курс. Корабли поменялись ролями: «Танцующая в волнах» начала свою охоту. Люди на галере забегали с корзинами с песком в руках, но вместо каждой погашенной стрелы в палубу и борта впивались две новые. Большой квадратный парус вспыхнул и сгорел в несколько мгновений.

— Ближе! — закричал Конан Муктару. — Проходи под кормой!

Бородач выругался, но подвел свое судно на расстояние полета копья от кормы галеры.

Конан, не обращая внимания на жар, схватил один из горшков с углями и бросил его в мешок. Раскрутив мешок над головой, он запустил его в сторону галеры.

Горячие угли рассыпались по корме большого корабля, оставшись незамеченными командой, пытающейся сорвать догорающий парус.

— Масло! — крикнул Конан.

Схватив один из запечатанных горшочков, он бросил его на корму галеры.

— Живее! Пока мы близко!

Еще несколько горшков полетели в сторону чужого корабля. Половина упала в воду, но остальные угодили в цель. Расстояние стало увеличиваться; скинув за борт остатки паруса, люди на галере похватали луки и бросились на корму.

Конан ударил кулаком по борту.

— Да почему же ничего не происходит? — пробормотал он. — Где же...

На корме галеры вспыхнуло наконец яркое пламя. Это растекшееся масло встретилось с горящими углями. С галеры донеслись стоны, а с «Танцующей в волнах» — дикие вопли восторга.

В эту секунду пошел дождь. Сплошная стена воды скрыла из виду вражеский корабль. Ветер завыл, как бешеный зверь, и понес суденышко Муктара, словно скорлупку.

— Держи курс на север, — крикнул Конан. Ему пришлось почти прижать рот к уху Муктара, чтобы тот услышал его.

Налегая на руль, бородач покачал головой:

— Никто не держит никакого курса во время шторма на Вилайет! Его просто переживают! Или не переживают.

Ветер зашумел с такой силой, что даже кричать стало бесполезно.

Серые горы волн обрушились с ревом на «Танцующую в волнах», словно сами боги хотели наказать судно за дерзкое название и показать, что никто не смеет танцевать без их позволения. Те, у кого хватило безрассудства оказаться во власти взбесившегося моря Вилайет, должны были ждать решения своей судьбы, ничего не предпринимая.

Казалось, прошла вечность, прежде чем дождь и ветер чуть поутихли. Сквозь разрывы в тучах показалась луна. Ее бледный свет рассеял темноту. Галеры нигде не было видно.

— Она сгорела! — злорадно усмехнулся Шарак. — Или утонула во время шторма!

— Хорошо, если так, — с сомнением отозвался Конан.

Если огонь не успел сильно повредить судно до бури, то дождь наверняка загасил пламя. А если «Танцующая в волнах» пережила шторм, то почему бы и галере не остаться на плаву?

Конан повернулся в Муктару, передавшему руль вахтенному матросу, и сказал:

— Нужно найти берег. Посмотрим, как далеко нас унесло.

— Держи курс на запад, — скомандовал капитан рулевому. В голосе Муктара звучали победные нотки. В конце концов, если победа в бою была общим делом, к тому же и план был разработан не им, — то никто не мог отнять у него лавры победителя в схватке со стихией.

Ясбет, подойдя к киммерийцу, положила ладонь на его руку и тихо сказала:

— Я должна поговорить с тобой.

— А я — с тобой, — раздраженно ответил он. — Что все это значит? Ради Великого Митры, отвечай...

Но девушка уже шла прочь, лишь кивком головы попросив его следовать за нею. Им пришлось перешагивать через людей, упавших и уснувших там, где они стояли во время шторма.

Бурча про себя, Конан пробирался по следам Ясбет. Она скрылась под изрядно просевшим холстом своей палатки. Киммериец недовольно откинул полог и забрался внутрь, где ему пришлось сесть, чтобы не упираться головой в тент.

— Почему ты ушла с того места, где я оставил тебя? И как? Я же завязал узел, который не под силу твоим пальцам. Тебя ведь могли убить, понимаешь ты, глупая девчонка? Ты же сказала, что останешься там! Ты обещала!

Она с завидным спокойствием переждала эту вспышку гнева.

— Ты и вправду завязал крепкий узел. Но острый клинок, наточенный тобою же, прекрасно разрезал его. Почему я не осталась там? Ты сам учил меня защищаться. Как же я смогла бы защитить себя, лежа среди тюков, да еще и привязанная. И последнее: я не обещала оставаться там. Я сказала, что буду ждать тебя после боя. Разве я не сдержала свое слово? Я сама пришла к тебе.

— Я помню, ты обещала, — пробубнил он, — и не сдержала слова.

Не обращая внимания, она улыбнулась и сказала:

— Твой плащ промок насквозь.

Легкие пальцы расстегнули бронзовую застежку и аккуратно сняли плащ с плеч киммерийца. При этом губы Ясбет словно случайно коснулась его щеки.

— Прекрати это! — буркнул Конан, отталкивая ее. — Тебе не удастся отвлечь меня. Эх, будь у меня сейчас розги, тебе Фатима доброй тетей показалась бы.

С демонстративным вздохом сожаления Ясбет сказала:

— Но ведь у тебя нет розог.

Конан изумленно смотрел, как девушка развязывает узлы на своей куртке и стягивает ее через голову, оставляя обнаженной красивую полную грудь. Горло Конана пересохло.

— И все же, — продолжила Ясбет, — у тебя ведь сильная, тяжелая рука. Я думаю, ее хватит для того, чтобы наказать меня. Ты ведь это собирался сделать?

Сапоги и шаровары последовали за курткой. Развернувшись, Ясбет встала на колени, подставив Конану свой великолепный зад, словно для порки.

Киммериец судорожно сглотнул. Этот вид мог заставить вспотеть даже статую, а он всем телом ощущал себя живым мужчиною.

— Оденься, девочка, — прохрипел он, — ты рискуешь. Я ведь тебе не игрушка.

— А я и не играю, — сказала она, поворачиваясь и упираясь коленями в его колени. Она даже не посмотрела на свою одежду. — Я знаю, что все, кто есть на этом судне, считают, что я твоя... твоя любовница...

Ее щеки порозовели. Это, еще больше, чем нагота, заставило Конана сжать зубы и кулаки.

— Разве я не жаловалась тебе, — яростно прошептала она, — что меня не нужно защищать, когда я не хочу, чтобы меня защищали?

С трудом разжав побелевшие пальцы, Конан прижал Ясбет к себе. Она сдавленно вскрикнула. Ей показалось, что ее грудная клетка вот-вот сломается, как соломенная корзина.

— Хватит игрушек, девочка, — рявкнул Конан. — Если ты сейчас скажешь «уйди», я уйду. Но если нет... — Он повалил ее на палубу, рухнув сверху и подмяв ее под себя. Его агатовые глаза не мигая смотрели ей в лицо.

— Я не девочка, — выдохнула Ясбет, — я женщина. Останься.

На ее лице расплылась улыбка победительницы...

Конану показалось странной эта улыбка.

Но в конце концов, перед ним женщина. Пусть она улыбается, как хочет — киммерийцу было не до раздумий.

Глава 17

Стоя на прибрежном холме, поросшем ветвистым колючим кустарником, Конан смотрел вдаль, выискивая глазами возвращающегося Тамура. Кочевник клялся, что найдет лошадей для всех не позже, чем через три-четыре часа. Он отправился в путь на рассвете, а сейчас солнце уже склонялось к западному горизонту. Тамур все не возвращался.

Неподалеку, на полосе прибрежного мокрого песка, лежала, чуть завалившись набок, «Танцующая в волнах». Волны шевелили ее корму, а носовой якорь был вынесен далеко вперед и врыт в песок дюн, покрытых редкой сухой травой. Команда судна и пассажиры разожгли костры и готовили себе ужин. Палатка Ясбет была установлена в стороне от гирканийцев и матросов, расстеливших свои одеяла между бревнами, выброшенными морем на берег.

На горизонте с южной стороны показалось облачко пыли. Это мог быть Тамур с лошадьми или те... кто? Конан пожалел, что мало знает об этой стране. Может быть, часовой, выставленный им на самой высокой дюне, тоже заметил пыль? Киммериец посмотрел в ту сторону и тихо выругался. Часовой пропал! Облако пыли приближалось, уже можно было различить темную массу несущихся лошадей. Тамур? Или кто-нибудь другой?

Всячески изображая непринужденность, Конан начал спускаться по каменистому склону, на котором, помимо кустов, возвышались тут и там корявые, истрепанные ветрами деревья, цепко державшиеся толстыми корнями за каменистый грунт.

Все так же старательно, неторопливо киммериец подошел к сидевшему у костра и натачивающему свою саблю Акебе.

— К нам приближаются всадники, — тихо, глядя в сторону, произнес Конан. — Я не знаю, Тамур это или кто другой. А часовой, между прочим, исчез.

Тяжело задышав, ту ранец опустил точило в мешочек на поясе и вложил саблю в ножны. Высадившись на берег, он счел разумным снять свою приметную тунику и армейский шлем: на этой стороне моря Вилайет не очень-то жаловали туранскую армию.

— Я пойду прогуляюсь в дюны, а ты пока побудь здесь.

Конан кивнул, и Акеба, поддерживая штаны, словно ему срочно приспичило, потрусил к дюнам.

— Ясбет, — позвал киммериец.

Девушка вылезла из своей палатки. Он махнул рукой, подзывая ее.

Ясбет старательно затянула ремень, на котором висел ее длинный кинжал, и лишь потом не торопясь пошла к Конану. Как только она оказалась достаточно близко, киммериец обнял ее за плечи и, не дав опомниться, резким движением усадил на песок, под прикрытие здоровенной коряги.

— Посиди здесь, — сурово сказал он, когда она попыталась встать.

Обернувшись к остальным, развалившимся около костров, Конан негромко, только чтобы быть услышанным всеми, сказал:

— Никому не двигаться.

Многие удивленно повернули к нему головы, а Муктар даже решил встать.

— Я сказал — не двигаться! — ледяным голосом повторил Конан.

Что-то в его голосе заставило бородатого морского волка повиноваться. Конан заговорил быстро и четко:

— К нам приближаются всадники. Они могут быть здесь с минуты на минуту. Я не знаю, кто они... Всем оставаться на местах! — При этом негромком окрике и гирканиец, потянувшийся к луку, и один из матросов, явно готовый броситься наутек, замерли неподвижно.

— Ко всему прочему пропал часовой. За нами могут наблюдать неприятели. Выберите себе укрытие и по команде — не сейчас, а по команде! — Хватайте оружие и по местам... Давай!

Через мгновение берег опустел. Все попрятались за стволами плавника и песчаными грядами. Конан, схватив лук и колчан, одним прыжком оказался рядом с Ясбет за той же большой корягой. Она едва взглянула на него, продолжая внимательно разглядывать дюны. Затем она негромко спросила:

— Скажи, почему ты сначала позаботился о моей безопасности, а потом заговорил с остальными? Меня всю жизнь стерегут и оберегают. Я так больше не могу!

— Может, ты думаешь, что ты — герой древней саги? — пробурчал киммериец, занятый совсем другими мыслями. Неужели это уже топот копыт? В каком девятом небе Зандру пропал Акеба? — Ты, наверное, решила, что стрела и сталь клинка тебе нипочем?

— Героиня, — ответила, подумав, Ясбет. — Я буду героиней, а не героем.

Конан фыркнул:

— Саги хороши, чтобы пересказывать их холодной ночью у костра, да еще чтобы развлекать детей. А мы все сделаны из плоти и крови. Сталь может пустить кровь, а стрелы пронзают плоть. Если я когда-нибудь увижу, что ты играешь в героя или героиню, то твоя задница покажется тебе барабаном. А теперь — тихо!

Не отводя глаз от дюн, он перебирал стрелы, проверяя правильность их оперения.

— Мы что, собираемся погибнуть на этом унылом берегу? — спросила Ясбет.

— Конечно, нет, — поспешил ответить Конан, — я привезу тебя обратно в Аграпур и подарю жемчужное ожерелье, если ты будешь себя хорошо вести. А если нет — придется отдать непослушную девочку на расправу Фатиме.

Стук копыт, несомненно, приближался. Неожиданно девушка во весь голос крикнула:

— Конан из Киммерии — мой любовник! А я — его женщина! Я счастлива и горда тем, что делю с ним ложе!

Конан уставился на нее:

— Кром! Я же сказал — молчать! А ты несешь всякую чушь, да еще и на все побережье.

— Если мне суждено погибнуть, то я хочу, чтобы весь мир узнал о моем счастье.

В этот миг барабанная дробь копыт превратилась в раскат грома, и десятки лошадей выросли на гребнях ближайших дюн, разбрасывая мокрый песок и выстраиваясь полукругом. Конан приладил стрелу, но решил подождать, увидев, что большинство лошадей без всадников. Вперед выехал один из небольшой группы седоков.

Тамур.

— Вылезайте, — крикнул Конан и поспешил навстречу спешившемуся гирканийцу.

— Эрлик тебя побери, Тамур! Ты изрядно рисковал получить в качестве украшения к прическе несколько перьев... на концах стрел.

— А что, Андар не предупредил вас о моем приближении? — нахмурился гирканиец. — Ты же назначал его часовым, я помню.

— Он отошел облегчиться, понимаешь ли, — раздался презрительный голос Акебы, подходившего к ним со стороны дюн. — И не удосужился поставить вместо себя кого-нибудь другого.

За спиной Акебы маячила фигура одного из кочевников.

Тамур зло посмотрел на своего соплеменника. Тот, делая вид, что ничего особенного не произошло, пожал плечами:

— Да кого здесь высматривать, Тамур? Этих вонючих собирателей падали? — Андар кивнул головой в сторону группы всадников, не дававших лошадям разбрестись по дюнам и поэтому не расслышавших этого оскорбления.

— Ты ушел с поста, где тебе приказали быть, — процедил сквозь зубы Тамур. Затем он обернулся и обратился к остальным гирканийцам: — Кто-нибудь скажет слово в его защиту?

Никто не нарушил молчания.

По лицу Андара пробежала тень, он нервно схватился за свой ятаган. Но клинок Тамура уже взвился в воздух и с размаху полоснул по шее незадачливого часового, чуть не отделив голову от плеч. Андар рухнул на песок, истекая кровью, так и не успев вытащить свое оружие из ножен.

Тамур пнул ногой еще дергающееся тело:

— Уберите его. Он опозорил весь свой род и честь своей матери. Выкиньте его в дюны, в его же дерьмо, которое было для него важнее, чем жизнь товарищей.

Двое гирканийцев схватили покойника за ноги и потащили прочь. Никто из его соплеменников и бровью не повел. За спиной Конана послышались сдавленные стоны Ясбет, пытающейся справиться с тошнотой.

— По крайней мере, ты нашел лошадей, — возобновил разговор Конан.

— По мне, они больше напоминают овец, — пробурчал Акеба.

Тамур обиженно посмотрел на туранца:

— Да, может быть. Но это, наверное, лучшие лошади на всем побережье! Теперь слушай меня, Конан. Эти торговцы лошадьми говорят, что видели других чужестранцев. Дай им за лошадей столько, сколько они запросят. Тогда они расскажут, что знают о чужаках.

— То, что запросят... — передразнил его Конан. — Разве они тебе не родня, Тамур?

Гирканиец застыл в изумлении:

— Ты здесь чужак, киммериец, и к тому же невежа. Поэтому я не стану убивать тебя. Ты слышал, как назвал их Андар? Я тоже считаю их падальщиками. Они живут тем, что выкапывают съедобные корни и разоряют гнезда морских птиц. Иногда им выпадает счастье растащить на куски выброшенный на берег корабль. — Тамур несколько раз воткнул свой ятаган в песок, чтобы обтереть с него кровь Андара. — В общем, настоящие дикари. Пошли, я сведу тебя с их главным.

Люди, сидевшие на низкорослых лошадях, имели весьма потрепанный вид. Их шерстяные куртки были разорваны во многих местах, а выношенные туники и брюки явно много пережили с тех пор, как их сняли с какого-нибудь несчастного матроса, выброшенного штормом на берег. Возглавлял эту компанию угрюмый тип с одним глазом. На месте второго зияла страшная впадина пустой глазницы. На шее он носил дешевое аметистовое ожерелье с облезлой позолотой. Видимо, на одном из потерпевших крушение кораблей плыла и какая-то шлюха.

— Это Баотан, — сказал Тамур, показывая на одноглазого. — Баотан, это — Конан, известный в далеких краях купец и славный воин, наводящий ужас на врагов.

Баотан что-то хмыкнул и уставился единственным глазом на киммерийца:

— Тебе нужны мои лошади, торгаш? За каждую — пять одеял. Еще — меч и топор. И еще нож, плащ и пять серебряных монет.

— Ну, ты загнул, — ответил Конан.

Тамур зашептал ему на ухо:

— Не торгуйся, киммериец. Нам нужно выведать у него, все, что он знает. Не забудь, что главное для нас — уничтожить Баальшама.

Конан только отмахнулся. Неумелый торговец не вызывал уважения. А это неминуемо означало бы получение не всей информации, а то и выслушивание откровенного вранья.

— За каждых двух лошадей — одеяло и меч.

Баотан обнажил в ухмылке ряд желтых зубов и слез с лошади.

— Что ж, потолкуем, — сказал он.

Беседа у костра шла не так быстро, как хотелось бы киммерийцу, но ему приходилось держать марку неторопливого купца. Тамур принес кувшин кислого гирканийского пива и несколько больших кусков овечьего сыра. Пиво развязало язык Баотану, но не так, как хотелось бы Конану. Одноглазый все время уходил от разговора о сделке, то обсуждая погоду, то положение дел в лагере.

Наконец оба пришли к соглашению. К этому времени небо уже потемнело. Все новые ветки подкладывались в костры... За каждую вьючную лошадь — меч и одеяло. За верховых — по топору и одеялу. Плюс по ножу каждому человеку Баотана и две золотые монеты лично одноглазому.

— Договорились, — сказал Конан.

Баотан кивнул и начал доставать из-под своей куртки странные предметы. Какой-то мешочек, маленькие щипцы. Затем на свет было вытащено нечто напоминающее бычий рог, только намного меньше и сделанное из глины.

На глазах изумленного Конана Баотан вытащил из мешочка щепоть высушенной травы, затолкал ее в глиняный рог, а затем, вытащив щипцами уголек из костра, засунул туда же и его. Затем он начал усиленно дышать через тонкий конец рога, чтобы не дать угольку погаснуть. У Конана просто отвисла челюсть, когда он увидел, как одноглазый втянул в себя выходящий из глиняной штуковины дым. Баотан выпустил в небо струю дыма и протянул рог Конану.

Тамур наклонился к уху киммерийца:

— Так они отмечают совершенную сделку. Теперь твоя очередь сделать то же самое. Я же тебе говорил, что они дикари.

Конан осторожно взял рог в руки. Тлеющая трава пахла отвратительно. Сунув конец рога в рот, он глубоко вдохнул и с трудом скрыл гримасу недовольства. На вкус этот дым был просто омерзителен. Кроме того, он был таким горячим, что,

казалось, сжигает нёбо и язык. Чуть не подавившись, Конан выпустил в небо струю дыма.

— Они смешивают свою траву с сухим навозом, — ухмыльнулся Тамур, — чтобы не гасло.

С другой стороны костра послышался смех Акебы:

— Устриц не хочешь, киммериец? А то я могу попросить у Муктара...

Конан сжал зубы и вернул глиняный рог Баотану. Тот вставил его в рот и запыхтел, выпуская в воздух маленькие облачка дыма. Киммериец только покачал головой. Он видел много странных обычаев, с тех пор как покинул свои родные горы, но, не считая всякого колдовства, этот был самым странным.

Когда наконец во рту исчезло ощущение того, что там катаются раскаленные угли (хотя вкус каленой травы еще оставался), Конан сказал:

— Баотан, ты не видел на побережье других чужестранцев? Ты же понимаешь, что мы, торговцы, беспокоимся из-за конкурентов.

Баотан попыхтел, затем ответил, не вынимая рог изо рта:

— Чужестранцев видел. Торговцев — нет. — Каждое его слово сопровождалось легким облачком дыма. — Они тоже купили лошадей. Но не за товар. У них его нет. Лошади — только верховые, — по лицу Баотана расползлась довольная улыбка, — расплатились серебром, очень щедро.

— Не торговцы... — Конан сделал вид, что задумался. — Действительно странно.

— Чужестранцы... — пожал плечами Баотан, а затем, попыхтев, добавил: — Их корабль обгорел сзади, сильно обгорел. Многие из них обожжены.

Галера! Она осталась на плаву после пожара и шторма.

— Может быть, мы сможем помочь этим людям, — сказал Конан. — Далеко они? В какой стороне?

Баотан махнул рукой на юг:

— Полдня езды. Может, день.

Далековато. Скорее всего, они не знают, что «Танцующая в волнах» спаслась. Но тогда зачем лошади? Может быть, Джандар и вправду чего-то опасается?

— Ты и твои люди можете переночевать у наших костров, — сказал Конан Баотану, вставая. — Акеба, Тамур, мы выезжаем на рассвете.

Из темноты подошла Ясбет и прижалась к боку Конана.

— Становится холодно, — пожаловалась она. — Ты ведь согреешь меня?

Ехидный смех послышался со стороны мужчин, но неожиданно для самих себя они замолчали под ее холодным взглядом. Даже Тамур и Баотан.

— Именно этим я сейчас и займусь, — улыбнулся Конан и легко вскинул девушку себе на плечо.

Ее визг перешел в звонкий смех, когда он донес ее до палатки.

— Отпусти меня, отпусти, — притворно вырывалась она, — мы так не договаривались...

Неожиданно волосы на затылке Конана зашевелились, и он резко развернулся, внимательно всматриваясь в темноту.

— У меня так голова закружится, Конан. Что случилось?

Показалось, сказал он себе. Просто показалось. Галера и ее пассажиры далеко на юге. Они наверняка уверены, что «Танцующая в волнах» не вынесла шторма и затонула.

— Нет, нет, ничего, — буркнул он.

Ясбет залилась смехом, когда он одним движением запихнул ее в палатку.

* * *

Че Фан медленно выполз из тени одного из камней и в последний раз посмотрел на берег, освещенный несколькими кострами. Больше высматривать было нечего. Эту ночь варвар проведет в постели и никуда не денется. Уверенно ступая в полной темноте по камням, Че Фан направился прочь от берега по противоположному склону холма. Суйтай ждал его у маленького костра, надежно укрытого камнями от посторонних глаз. По другую сторону огня сидели шесть человек, отобранных кхитайцами себе в помощники. Эти люди за время путешествия повидали многое и понимали, что оба одетых в черное представляют большую опасность, чем все когда-либо ими виденное.

— Ну, что у них там? — спросил Суйтай, отхлебнув горячего травяного настоя.

Че Фан налил себе той же жидкости, кипевшей в глиняном горшке на костре.

— Этот навозный жук Баотан продал им лошадей. А теперь они легли спать.

— Ну, тогда давай перебьем их сейчас же. Это будет легче, чем выслеживать их еще раз.

Шестеро сидевших по другую сторону костра беспокойно зашевелились, но кхитайцам было не до них.

— Нельзя. Пусть сначала найдут то, что ищут, — возразил Че Фан. — Повелитель будет недоволен, если мы не привезем ему ничего, кроме известия об их смерти. — Он помолчал и добавил: — Особенно внимательно нужно следить за этим Конаном. Он может быть опасен...

— Он всего лишь человек, — сказал Суйтай, — и умрет так же, как и любой другой.

Че Фан кивнул и пожалел, что завел этот разговор... И все же. Еще в детстве он научился искусству оставаться невидимым, подкрадываясь вплотную. Научился прятаться в тени лица и растворяться в темноте. Но во взгляде этого варвара было что-то, что проникало сквозь всю эту маскировку. Нет, это невозможно. Он, Че Фан, — один из Братства Пути. А этот Конан — всего лишь обыкновенный человек. Убить его будет не труднее, чем любого другого. Но... сомнения оставались.

Глава 18

Конан поплотнее запахнул плащ, укрываясь от пронизывающего ветра, и в сотый раз за день привстал в седле, повернув голову назад, чтобы в сотый раз увидеть ровную, как стол, степь, поросшую невысокой травой.

Местность была настолько однообразной, что любая кочка или сухое дерево казались заметными деталями пейзажа. Ни намека на погоню или скрытое преследование. Бледное желтое солнце стояло почти в зените, слабо прогревая холодный степной воздух. Вилайет осталось в двух днях пути за спиной. Несмотря ни на что, Конан чувствовал себя неуютно. Даже если глаза уверяли его в том, что до горизонта вокруг нет ни души, — внутренний инстинкт предупреждал о преследовании. А этот инстинкт уже много раз спасал Конану жизнь там, где его подводили остальные, более цивилизованные чувства.

Их отряд двигался плотной группой. Половина гирканийцев вела на поводу низкорослых вьючных лошадок, казавшихся едва ли не меньше, чем висевшие на их спинах тюки. Строптивые создания, стоило отпустить поводья, так и норовили развернуться и припустить неспешной рысью к родному побережью. Всадники, не занятые удерживанием вьючных лошадей, внимательно глядели по сторонам: нападения на путешественников не были редкостью на гирканийских равнинах.

Тамур галопом подъехал к Конану и Акебе:

— Мы скоро приедем к Проклятой Земле.

— Ты говоришь это с той минуты, как мы отъехали от моря, — пробурчал Конан. Его настроение вовсе не улучшало то, что его длинные ноги, свисая по бокам несчастного животного, едва не касались земли.

— Еще немного, киммериец. Совсем немного. Приготовься играть роль купца. Одно из племен наверняка стоит лагерем по соседству с этим местом. Все по очереди стерегут Проклятую Землю.

— Это ты тоже уже говорил.

— Скорее бы найти деревню, — сквозь зубы пожаловалась Ясбет. Она ехала почти встав в стременах, но, увидев улыбки на лицах мужчин, села, поморщившись от боли.

Конан постарался сохранить бесстрастное выражение на лице.

— В одном из тюков есть мазь, — предложил он не в первый раз.

— Нет, — резко ответила она, — я же сказала, не нужно меня баловать.

— Никто тебя и не балует. Любой может пользоваться лекарствами, например чтобы смазать натертую... э-э... мышцу.

— Пусть он тебя помажет, детка, — ехидно предложил Шарак, выглядевший со своим посохом словно ребенок с палочкой, посаженный на пони, — а если не он, то доверь это деликатное дело мне.

— Придержи язык, старый дурак, — ухмыляясь, сказал Акеба, — ты, я вижу, тоже не в седле родился. Ничего, я вечером тебе подберу кое-какие снадобья. Ты от моей мази впереди лошадей побежишь.

— Ты правильно поступаешь, женщина, — удивив всех, обратился к Ясбет Тамур, — я думал, что через час после рассвета тебя придется привязать поперек седла, как мешок. Но в тебе есть упрямство и настойчивость, достойные гирканийца.

— Спасибо тебе, — сказала она, недовольно посмотрев на киммерийца. — Я раньше никогда... мне просто не разрешали ездить верхом. Я ходила пешком, или меня носили в паланкине.

Она попыталась сесть в седле и заскрипела зубами от боли.

— Придется воспользоваться вашей мазью, — грустно сказала она, — хотя я не уверена, что лекарство не окажется страшнее, чем болезнь.

— Вот и хорошо, — сказал Конан, — а не то завтра ты ходить не сможешь, не то что... — Он замолчал, не договорив фразы.

Их отряд въехал на пологий холм, с вершины которого открывался вид на целый город юрт — жилищ гирканийских кочевников. Не меньше тысячи круглых куполов возвышались над равниной, словно шляпки огромных грибов.

— Вот наконец и сбылись твои предсказания, Тамур, — сказал Конан. — Полагаю, нам пора входить в роль.

— Подожди. Все не так просто, — сказал кочевник, — тут стоят лагерем не меньше четырех племен. Среди такого количества людей могут найтись те, кто помнит, как я и мои друзья поклялись отомстить Баальшаму, несмотря на запрет наших шаманов и старейшин. Если они сообразят, что мы привезли тебя, чтобы нарушить табу Проклятой Земли... — От группы гирканийцев донесся ропот.

С полсотни всадников галопом помчались в их сторону от юрт. Наконечники копий засверкали на солнце.

— Слишком поздно поворачивать обратно. — Конан пришпорил свою лошадь. — Поезжайте за мной и не забывайте, что мы — купцы, приехавшие торговать.

— За нарушение табу, — сказал Тамур, бросаясь вслед за Конаном, — с человека сдирают кожу, С живого. А потом еще несколько дней вырезают другие части тела. Тычут в него горящими головнями.

— Сдирают кожу? — ужаснулся Шарак. — Горящие головни? Части тела? Может, стоит все-таки повернуть назад?

Продолжая причитать, он все же последовал за киммерийцем, как и остальные: Ясбет скакала откинувшись назад, небрежно положив руку на рукоятку кинжала; Акеба словно случайно придерживал руками свой лук, лежащий поперек седла перед ним. Остальные гирканийцы, немного повременив и невнятно побурчав что-то, тоже бросились вдогонку.

Тамур поднял правую руку в знак приветствия, показывая, что в ней нет оружия.

— Я вас вижу. Мое имя — Тамур. Я возвращаюсь к своему народу после путешествия через море. Со мной торговец. Его имя Конан.

— Я вас вижу, — главный среди вооруженных кочевников тоже поднял руку в приветствии. Смуглый и темноволосый, он подозрительно поглядывал на Конана из-под войлочной шапки, натянутой на самые брови. — Меня зовут Зутан. Вообще-то, сейчас не сезон для купцов.

Конан приветливо улыбнулся:

— Значит, у меня не будет конкурентов.

Зутан долго, не мигая, смотрел на него.

Затем, повернув своего коня, он кивком головы предложил всем следовать за ним.

Его люди выстроились в две колонны по обе стороны от

Конана и его спутников, сопровождая (или, быть может, карауля) их. Вскоре все остановились в самом центре временного города. Вокруг чужаков собралась толпа. Мужчины в войлочных шапках и кожаных накидках, женщины — в длинных шерстяных платьях, крашенных в самые разные цвета. Многие надвинули капюшоны плащей на самые глаза. От каждого взрослого мужчины разило потом и бараньим жиром за много шагов. Чем старше был человек, тем больше от него воняло. Солнце и степные ветры так выдубили кожу на их лицах, что порой только так и можно было примерно определить их возраст. Другое дело женщины. Среди них были беззубые старухи и совсем юные девушки, почти дети. Но все до единой выглядели чистыми. Многие из них, те, что помоложе, были очень симпатичными и сделали бы честь женской половине любого богатого дома. Не одна из них проводила восхищенным взглядом, облизывая губы, юного киммерийца.

Конан усилием воли заставил себя не обращать внимания на женщин. Он приехал сюда, чтобы разделаться с Джандаром, а не для развлечений с местными девушками. И вряд ли его делу поможет ссора с чьим-нибудь мужем, братом, отцом или любовником. Тут и с Ясбет хватит проблем.

Слезая с лошади, Конан негромко спросил Тамура:

— А почему и женщины не мажут жиром волосы?

Тамур был потрясен таким невежеством:

— Это же позволяется только мужчинам! — Он покачал головой: — Слушай, киммериец. Я же тебе столько раз говорил, что многие купцы перенимают этот обычай, живя среди нас. Это поможет местным принять тебя за своего. Может, ты еще и усы отрастишь? Совсем хорошо будет. А ты со своими умываниями напоминаешь женщину. Вода смывает силу.

— Хорошо, я подумаю, — сказал Конан.

Его взгляд уткнулся в улыбающегося Акебу, внимательно разглядывающего его.

— Ну да, усы, — сказал туранец, — и еще бороду, как у Муктара.

Конан начал соображать, что ответить на шутку приятеля, но в этот момент Ясбет издала резкий крик. Обернувшись, Конан увидел, что она падает с лошади, — видимо, попыталась слезть сама, невзирая на боль. Рванувшись к ней, он успел подхватить ее у самой земли.

— Что у тебя болит, девочка?

— Ноги, Конан, — простонала она. — Они меня не держат. И еще... моя... мои... на некоторых мышцах — мозоли.

— Мазь, — сказал он, и она снова застонала. Толпа вокруг них зашевелилась. Конан торопливо поднял девушку, поставил на ноги и положил ее руки на седло.

— Держись. Да, вот так. Постарайся простоять так хотя бы недолго.

Постанывая и всхлипывая, она вцепилась руками в седло. Не мешкая ни секунды, Конан повернулся в сторону нараставшего шума.

Его причиной оказался Зутан, шедший во главе процессии воинов. Вдруг все гирканийцы притихли. За Зутаном и его воинами на площадь вышли четыре маленьких, кривоногих старичка. Зутан поклонился и почтительно сказал:

— Я представляю вам купца по имени Конан. Знай же, Конан, что тебя представили вождям четырех племен, в чьем стойбище ты сейчас находишься. Имена наших вождей — Олотан, Арензар, Зоан и Сибуйан. Знай, что тебя представили тем, кто отвечает лишь перед Великим Царем. Знай и трепещи.

Чужеземцу было невозможно определить возраст гирканийца, которому перевалило за двадцать пять лет. Но каждому из этих стариков явно было трижды по двадцать пять, если не больше. Их лица были иссушены и изрезаны морщинами, а кожа на вид, да, наверное, и на ощупь, мало чем отличалась от подошвы старого сапога, пролежавшего лет десять на солнце в пустыне.

Волосы на их головах и длинные усы были цвета выбеленного пергамента. У одного совсем не было зубов. Остальные же, открывая рты, выставляли на обозрение гнилые обломки. Но восемь глаз, впившихся в Конана, не были глазами безобидных, ничего не соображающих стариков. Не было видно и дрожи в руках, лежавших на рукоятках их ятаганов.

Конан поднял правую руку, вспомнив, как это делал Тамур. Кто его знает, что говорят купцы в таких случаях? Но, похоже, пора было сказать хоть что-нибудь. Зутан уже начал нетерпеливо покручивать усы.

— Я приветствую вас, — начал Конан. — Это честь быть представленным... Я собираюсь честно торговать с вашим народом.

Четверо стариков не мигая смотрели на него. Зутан стал пощипывать усы еще оживленнее.

Что же еще можно сказать, думал Конан. Или сделать? Вдруг он повернулся спиной к вождям и бросился к навьюченным на спины лошадей тюкам. Быстро развязав веревки на одном из них, он вытащил четыре великолепные сабли. Их рукояти были сделаны из черного дерева, инкрустированного слоновой костью. На клинках кислотой были вытравлены сцены верховой охоты. Гравировку покрывал тонкий слой серебра, заставлявший контуры фигур сверкать на солнце.

Когда Конан обнаружил эти сабли в одном из тюков еще перед отплытием, он устроил настоящий скандал. Наверное, Тамур хотел под шумок определить себя и своих товарищей в хозяева этим клинкам. Но делать нечего, деньги за товар уже были отданы, и Конан повез с собой эти дорогущие клинки. Сейчас же он благодарил богов за то, что сабли оказались в его багаже.

Когда киммериец пробежал мимо Тамура, сжимая по две сабли в каждом кулаке, тот закатил глаза и жалобно простонал:

— Нет, северянин, только не это. Любой другой меч, — но не эти.

Конан подбежал к вождям и, на мгновение задумавшись, неумело поклонился:

— Примите эти скромные подарки... Э-э... в знак... этого... ну, как его, глубокого восхищения... вот.

В черных глазах вспыхнули огоньки жадности, а высохшие руки впились в сабли так, словно боялись, что их вот-вот отберут! Пальцы гладили гравированную сталь. Про Конана, казалось, забыли. Наконец ближайший к киммерийцу вождь (кажется, Сибуйан, подумал Конан) поднял глаза.

— Можешь торговать, — бросил он, и, словно по команде, вся четверка удалилась, крепко сжимая в руках драгоценные подарки.

Акеба положил руку на плечо Конана:

— Пошли, киммериец. Нам, купцам, пора раскладывать товар.

— Ну, и раскладывай сам, а мне нужно увидеть Ясбет.

Когда он подошел к ней, девушка стояла на четвереньках, опершись руками на один из еще не распакованных тюков. Конан, бормоча проклятия, разложил на земле свой плащ и

уложил ее лицом вниз на него. Затем он подложил ей под голову сложенную шерстяную попону.

— Ну, как ты? — спросил Конан. — Даже стоять тяжело?

— Нечего пеленать меня, как младенца, — процедила она сквозь сжатые зубы.

— Камни Ханнумана, женщина! Тебя никто не пеленает. Просто ты должна быть в форме, чтобы ехать верхом, когда понадобится.

Ясбет вздохнула, не глядя на него.

— Я не могу ни стоять, ни ехать верхом. Я не могу даже сидеть, — невесело рассмеялась она.

— Возможно, нам придется сняться с места неожиданно. И тогда тебя придется привязать поперек седла. И пойми, что я вовсе не собираюсь посмеяться над тобой таким образом.

— Я понимаю, — тихо сказала девушка. Вдруг она схватила его ладонь и прижала к своим губам: — Ты овладел не только моим телом. Моя душа и сердце тоже принадлежат тебе. Я люблю тебя, Конан из Киммерии.

Он резко отдернул руку и встал.

— Мне нужно посмотреть, как там дела, — пробормотал он. — Ты полежишь здесь? Придется потерпеть, пока поставят палатку.

— Мне здесь удобно, правда.

Ясбет говорила так тихо, что Конан едва слышал ее. Кивнув ей, он быстрым шагом пошел туда, где уже раскладывались на одеялах товары. И что это женщинам вечно нужно говорить про любовь, думал он. Они все время ждут, что ты будешь с ними романтичен, как мальчишка. Или, того хуже, как поэт или музыкант.

Он обернулся и посмотрел на Ясбет. Она лежала, уткнувшись лицом в шерстяную попону. Ее плечи вздрагивали. Наверняка ей очень больно. Еще бы, такое путешествие верхом, без всякой подготовки...

Бурча себе под нос, Конан подошел к своим приятелям, осваивавшим роль заезжих купцов.

Шарак метался от одного кочевника к другому, размахивая руками, громко предлагая то большие куски воска, то винные кубки из Хаурана, черепаховые гребни из Замбулы, вендийский шелк. Акеба более степенно демонстрировал оружие: сабли с клеймом Королевского Арсенала Турана, аквилонские

кинжалы и даже боевые топоры из далекой Стигии. Тамур и его друзья, сбившись в кучку, передавали друг другу кувшин с пивом, которым их угостили местные жители.

Конан прохаживался между Акебой и Шараком, прислушиваясь к тому, как они торгуются, и кивая головой в знак одобрения сделки. От купца, у которого есть два человека для того, чтобы ругаться и торговаться с покупателями, никто и не ждал большего.

Торговля шла оживленно, но Конан с непривычки изрядно устал. Он поймал себя на том, что больше думает о хорошей кружке прохладного эля, чем о том, как играть свою роль. В эту минутку его внимание привлекла одна женщина.

Средних лет, она все еще была красива: высокая, полногрудая, с большими темными глазами и полными яркими губами. Ее плащ с войлочной подкладкой был сшит из прекрасной тонкой шерсти. Брошь с большим изумрудом служила застежкой. На шее у нее висело ожерелье с неизвестными Конану камнями. Не позолоченная медная побрякушка, а настоящая тяжелая золотая вещь. Запястья женщины были перехвачены браслетами из целого куска аметиста. Она не обращала внимания ни на духи, ни на украшения, которые на все лады расхваливал Шарак. Взгляд женщины ни на миг не отрывался от Конана. Очень заинтересованный взгляд.

Конан решил, что она — жена одного из самых знатных и богатых кочевников. Может быть, даже вождя. А значит, ее следовало избегать даже больше, чем всех остальных женщин этого племени. Он удостоверился, что на его лице никак нельзя прочесть ничего напоминающего излишнюю приветливость, и, отвернувшись в другую сторону, стал рассказывать покупателям о товарах, разложенных на ближайшем одеяле.

— Ты очень молод для торговца, — раздался за его спиной низкий женский голос.

Конан обернулся и оказался лицом к лицу с той самой женщиной.

— Мне моих лет хватает, — сухо ответил он. Его молодость вообще была его больным местом, особенно при общении с женщинами.

Ее улыбка показалась ему полунасмешливой, полу... какой-то еще.

— Но ты ведь все еще молод?

— Меня давно называют мужчиной. Будешь что-нибудь покупать?

— Я думаю, у тебя лучше получилось бы продавать мечи и копья, юноша. — Ее взгляд пробежал по его могучим плечам и широкой груди.

— Может быть, тени для век? — он взял из лежавших на одеяле пузырьков и коробочек первое, что подвернулось под руку, и протянул ей. Его глаза искали мужчину, который с неодобрением наблюдал бы за их разговором. Должен же он появиться. Такая женщина, даже когда станет бабушкой, все равно будет притягивать к себе мужчин.

— Глядя на то, как смотрится на тебе этот меч, я бы назвала тебя не купцом, а скорее... — она поднесла палец к губам, словно задумавшись, — воином.

— Я — купец, — настойчиво повторил он. — Если не хочешь тени, может быть, духи? Я сейчас поищу...

— Ничего, — сказала она. В ее глазах запрыгали искорки смеха. — По крайней мере пока ничего.

Она пошла прочь, но, повернувшись, бросила ему:

— А то, что ты держишь в руках, и есть духи. Эх ты, торговец. — Ее звонкий смех еще долго звенел в ушах Конана, даже когда сама женщина скрылась из виду.

С громким треском флакон, сжатый в кулаке Конана, лопнул.

— Эрлик побери всех женщин, — пробурчал Конан, выбрасывая черепки. Но отделаться от облака жасминового аромата было куда труднее.

Ругаясь, он возобновил свои прохаживания вдоль разложенных товаров. Время от времени то кто-нибудь из покупателей-мужчин начинал удивленно шмыгать носом, то женщина провожала киммерийца улыбкой. Каждый раз он был готов бежать куда угодно, лишь бы смыть этот позор для мужчины. Смыть! Точно. Как только они разобьют лагерь, подумал Конан, он устроит себе хорошую баню. И пусть Митра сожжет Тамура и всех гирканийцев, если они скажут ему, что мужчине не пристало мыться.

Глава 19

Торговля бойко продолжалась целый день. Товары, привезенные с запада, из-за моря, обменивались на награбленное на далеких восточных караванных тропах. С первыми сумерками к торгующимся подошел Зутан. Толпящиеся у одеял кочевники поспешили расступиться при его появлении.

— Я покажу место, где вы можете устроиться на ночлег, — сказал усатый гирканиец. — Собирайтесь. — И пошел прочь переваливающейся походкой человека, больше привыкшего к верховой езде, чем к пешим прогулкам.

Конан оставил своих спутников укладывать товары, а сам взял на руки Ясбет, крепко спавшую и даже не почувствовавшую, что ее куда-то несут, и пошел вслед за Зутаном. Кривоногий кочевник остановился в добрых трехстах шагах от юрт.

— Вы будете спать здесь. Костры на ночь лучше гасить. Да, стража вас не знает, поэтому не шатайтесь по округе во избежание неприятностей.

Судя по выражению его лица, Зутан нисколько бы не расстроился, случись с Конаном и вправду какая-нибудь неприятность. По его мнению, купцы были необходимым, неизбежным злом, с которым нужно мириться, но за это они никак не заслуживали гостеприимства или доверия.

Конан не обращал на него внимания. Это было лучше, чем прирезать высокомерного кочевника, хотя и не так приятно. Приказав установить палатку для Ясбет, он подождал, пока холст туго ляжет на вкопанные в землю шесты, и внес девушку внутрь. Она лишь сладко зевнула и что-то ласково пробормотала, пока он снимал с нее одежду и укладывал на одеяла. Его нос чесался от запаха жасмина, наполнявшего палатку. В такой вони Конан спать не мог.

Когда он вылез наружу, Зутана уже не было. Совсем стемнело. Маленькие костерки, которые топились высушенным навозом, давали неровный, пляшущий свет. Если бы Конан не

знал, что неподалеку находятся сотни юрт, он бы ни за что не догадался об этом: все светильники и очаги находились внутри войлочных куполов, и ни единый луч света не пробивался наружу. Неподалеку от палатки возвышались темные груды тюков, стреноженные лошади паслись по соседству.

Конан покопался в одном из тюков и вытащил из него кусок грубого мыла. Взяв в каждую руку по бурдюку с водой, он шагнул в темноту.

Когда киммериец вернулся, от него сильной струей шел запах щелока. Это все, чего ему удалось добиться. К тому же у Конана зуб на зуб не попадал: так приятно было обливаться водой на ледяном степном ветру.

Усевшись поджав ноги у костра, на котором булькал котелок с густой похлебкой, Конан налил себе полную чашку и взял в руки выточенную из рога ложку.

Акеба, поморщив нос, задумчиво сказал:

— Даже не знаю, что пахнет приятнее: жасмин или немытый щелок.

— А что, жасмин — восхитительный аромат, — съехидничал Шарак. — Ты, Конан, конечно, староват, чтобы начинать карьеру трактирной танцовщицы, но стремление похвально, а главное — первый шаг сделан в нужном направлении.

Тамур фыркнул и чуть не подавился супом. Конан не торопясь поднял руку и сжал пальцы в здоровенный кулак.

— Я ничем не пахну и не чувствую никакого запаха вокруг, — медленно сказал он и с вызовом осмотрел всех сидевших у костра. — Может быть, кто-то другой унюхал что-то?

Акеба примирительно развел руками и покачал головой.

— А все эти умывания, — сказал Тамур, но, увидев, что Конан готов встать, поспешил заверить его: — Здесь ничем не пахнет. Но все-таки, киммериец, ты слишком суров по отношению к друзьям. Как так можно...

— Поговорим о друзьях! — сухо сказал Конан.

На мгновение в разговоре возникла пауза, которую первым нарушил Шарак:

— Давайте поговорим о нашей торговле. Я теперь не удивляюсь, почему купцы обычно богаты. То, что мы наторговали сегодня, будет стоить в Аграпуре три сотни золотых монет. А ведь у нас осталось еще две трети товара. Может, нам бросить все эти приключения и заняться торговлей всерьез? Я никогда

в жизни не был богат. Думаю, в этом есть своя прелесть. Стоит попробовать.

— Мы пришли сюда не для того, чтобы заработать, — буркнул Конан, отодвигая чашку с похлебкой. Есть ему уже расхотелось. — Вы не заметили, что за нами следили всю дорогу от побережья?

Тамур что-то прикинул и спросил:

— Баотан? Я заметил, что он положил глаз на то, что мы погрузили на его лошадей...

— Не Баотан, — ответил Конан.

— Ты часто оглядывался, — задумчиво сказал Акеба, — но ничего не говорил. А я никого не видел.

Конан покачал головой и сказал, тщательно подбирая слова:

— Я тоже не то чтобы видел кого-то. И все же за нами следили. Кто-то. Или что-то. Это было какое-то внутреннее чувство.

Шарак натужно рассмеялся:

— Если этот Джандар, или Баальшам, или как его там еще, добрался до нас в этой дыре, то я готов двигать отсюда куда угодно. Хоть в Кхитай. Или еще дальше... если, конечно, за Кхитаем есть еще какие-то страны.

— Баальшам — человек, — нервно сказал Тамур, озабоченно вглядываясь в темноту, — но эти его мертвецы... Если он послал их...

Где-то по соседству раздался звук шагов. Конан вскочил и выхватил меч, краем глаза увидев, как остальные тоже схватились за оружие. Даже Шарак выставил свой посох вперед, словно пику.

Зутан вступил в круг света и замер, глядя на наставленную на него со всех сторон сталь.

Конан недовольно сунул меч обратно в ножны.

— Весьма опасно ходить по ночам у чужих костров, — заметил он.

Кончики усов гирканийца гневно зашевелились, но он лишь четко произнес:

— Самарра желает тебя видеть, Конан.

— Самарра? — сдавленным голосом переспросил Тамур. — Она здесь?

— Да кто она, эта ваша Самарра. — заинтересовался Конан. — Может, я вовсе не хочу ее видеть.

— Нет, Конан, — настойчивым голосом сказал Тамур, —

ты должен. Самарра — могущественная шаманка. Очень могущественная.

— Шаманство — дело серьезное, — фыркнул Конан, — бабам ни к чему этим заниматься.

— Придержи язык, старина, — оборвал его Тамур. — А не то вдруг обнаружишь, что у тебя яйца оторвались или еще что похуже. Я же тебе сказал, она — настоящая колдунья.

Киммериец с сомнением уставился на Тамура. Никогда еще он не видел на лице этого человека такого подобострастного уважения и страха.

— Зачем я понадобился Самарре?

— Самарра не объясняет, — ответил ему Зутан. — Она вызывает к себе, и вызванные являются. Без промедления. Даже вожди.

— Придется прогуляться, — вздохнул Конан и шагнул в темноту вслед за Зутаном.

Они молча шли к юртам. Зутан считал ниже своего достоинства разговаривать с торговцем, а у Конана и без того было о чем подумать. Зачем он понадобился этой Самарре? Если она действительно колдунья, то и сама могла выяснить истинную причину его пребывания в Гиркании. Если, конечно, ей это для чего-то нужно. Насколько Конан разбирался в этих делах, никакое знание не рождалось само собой. Все стоило определенных сил и расходов всевозможных волшебных снадобий или предметов. Поэтому ни один колдун не станет узнавать что-либо из чистого любопытства.

Будь Самарра мужчиной, можно было бы объяснить ей, как следует просить прийти к себе незнакомца. А потом вызвать колдуна на поединок. Но не в правилах киммерийца было драться с женщиной.

Задумавшись, Конан чуть не налетел на Зутана, остановившегося перед огромной юртой. Это сооружение из войлока, натянутого на деревянный каркас, имело шагов двадцать в поперечнике и вполне подошло бы и вождю.

Зутан кивком головы показал Конану вход, занавешенный куском толстого войлока. Отодвинув тяжелую занавесь, Конан шагнул внутрь.

Он оказался в большом помещении, «стены» которого были задрапированы парчой. На полу лежали разноцветные касимирские ковры и шелковые подушки. С деревянных рам

под потолком свисали на золотых цепях красивые светильники. А большая бронзовая жаровня, наполненная малиново-красными углями, согревала помещение, несмотря на холод снаружи.

Конан только успел рассмотреть все это, как вдруг перед ним словно из-под земли выросли восемь девушек. Среди них были и худенькие, и довольно полные. Судя по их коже, среди них были и бледные аквилонки, и смуглые уроженки Гиркании, и неизвестно где родившиеся, с кожей пожелтевшей слоновой кости.

Весь наряд девушек состоял из золотых колокольчиков, весело позвякивающих на их лодыжках.

В глазах Конана зарябило от мелькания разнокалиберных грудей и бедер. Девушки усадили его на подушки. От них доносился приятный аромат розовых лепестков.

Как только он сел, две из них принесли влажные полотенца и вытерли ему лицо и руки. Еще одна подвинула к нему поближе блюдо с изюмом и курагой, в то время как четвертая налила вина из стеклянного сосуда в золотой кубок.

Музыка флейт и зитар наполнила юрту — это четыре оставшиеся девушки взялись за инструменты. Первые четыре начали исполнять перед Конаном какой-то необычный танец.

— Где Самарра? — спросил киммериец. — Эй, я вас спрашиваю? Где она?

Музыка умолкла, но ни одна из девушек не проронила ни слова.

Конан поднял кубок, но затем отставил его в сторону, — в вино мог быть подмешан дурманящий порошок, а может быть, и яд. Колдунья наверняка неплохо разбирается в таких штуках. Лучше не пить и не есть ничего, пока находишься в гостях у такого человека. И лучше особо не засматриваться на девочек. Может быть, шаманке нужно, чтобы внимание юноши ослабело. Конан внимательно обвел взглядом парчовые занавеси, держа руку на мече.

Но, несмотря на все усилия, его взгляд то и дело останавливался на вновь начавших свой танец девушках. Их стройные ноги мелькали в воздухе, бедра призывно покачивались, глаза закатились в блаженном экстазе. На лбу киммерийца выступил пот, но юноша заверил себя, что все дело в слишком сильно нагревшейся жаровне. Повремени Самарра еще немно-

го — и киммериец мог бы потерять контроль над собой. В конце концов эти девушки, не сказав ни единого слова, ясно дали ему понять, что мечтают оказаться в объятиях сильных рук северянина.

Неожиданно громкий хлопок в ладони оборвал музыку. Девушки беззвучно скрылись за одной из занавесей. Блаженное выражение слетело с лица киммерийца, его рука вновь крепко обхватила меч. Парчовые занавеси распахнулись, и перед его глазами предстала та женщина, с которой он говорил днем во время торговли. На этот раз ее голова была непокрыта, и черные как смоль волосы рассыпались по плечам. Длинное платье облегало великолепную фигуру.

— Я предпочитаю танцы молодых мальчиков, — сказала она, — но не думаю, что ты разделяешь мои вкусы.

— Ты? — с сомнением спросил Конан. — Так ты и есть Самарра?

Она гортанно рассмеялась:

— Ты разочарован, что я не старая карга с крючковатым носом и беззубым ртом? Знаешь, я предпочитаю оставаться молодой, пока мне позволяет это моя магия и женские премудрости. Некоторые говорят, что я до сих пор ничего. — Облизнув губы, она подошла поближе. — А как ты думаешь?

Этой женщине не нужно никакого колдовства, чтобы повелевать мужчинами, подумал Конан. Его собственная кровь закипела в жилах, горло сдавило от желания.

— Зачем ты позвала меня? — прохрипел он.

Ее глаза не менее чувственно и ласково, чем могли бы это сделать руки, пробежали по его лицу, спустились на плечи, на широкую, сильную грудь. Вдруг ее ноздри вздрогнули.

— Ты смыл запах духов, — с легким разочарованием в голосе произнесла она. — Гирканийские женщины привыкли к мужчинам, от которых разит потом, лошадьми и бараньим жиром. А тот аромат привлек бы к тебе благосклонное внимание. Хотя ты и без того очень необычен для этих мест. Высокий, с сильными мышцами. У тебя светлая кожа. Да плюс ко всему — твои глаза.

Ее изящные пальцы почти касались его щеки.

— Цвет неба, — прошептала она. — Изменчивые, как само небо. Весеннее небо после дождя. Небо раннего утра. Небо бури и ливня, когда ты разгневан. Ты мог бы увести за собой по-

ловину женщин этого племени — развлекаться хоть с тремя-четырьмя сразу, если тебе это нравится.

Неожиданно Конан обхватил Самарру рукой и легко оторвал от земли, прижав к своей груди. Свободной рукой он схватил ее за волосы, запрокинул ей голову и, глядя в глаза, зло произнес:

— Смеяться надо мной — это опасное дело. Даже для колдуньи.

Самарра лишь таинственно улыбнулась и, не отведя взгляда, спросила:

— Когда ты собираешься отправиться в Проклятую Землю, чужестранец?

Его рука непроизвольно сжалась сильнее, выдавив из ее горла сдавленный стон. В глазах Конана не оставалось ни капли неба. Только сталь и лед.

— Не вовремя ты решила продемонстрировать свое колдовское искусство.

— Но я на твоей стороне. Поверь, Конан. Ты можешь свернуть мне шею одной рукой или сломать спину, как тонкий прут. Сдавленная в твоих руках, я вряд ли смогу применить хоть какое-то волшебство. Я специально тебе позволила так схватить меня, чтобы, оказавшись беззащитной, доказать, что не желаю тебе зла.

— Я думаю, что ты беззащитна, как тигрица, которую пытаются удержать голыми руками. — Он резко опустил ее на пол, при этом в глазах женщины мелькнуло легкое разочарование. — Ну, говори. Что заставило тебя пустить в силу колдовство? Почему ты заподозрила, что я — не тот, за кого себя выдаю?

— Никакого колдовства не было, — рассмеялась Самарра. — Только мысль. Ты приехал в компании с Тамуром, который поклялся убить Баальшама и за этим отправился за море. Я помню те страшные дни. А потом я была одной из тех, кто накладывал заклятия, которые укрывают от людских глаз то, что осталось на Проклятой Земле.

Теперь Конан понял, почему Тамур так задрожал при одном упоминании ее имени.

— А может быть, я просто нанял Тамура, проводником по вашей стране, с которой я собирался торговать?

— Нет, Конан. У Тамура много недостатков, но клятву дер-

жать он умеет. Он с друзьями поклялся, что, несмотря на все запреты упоминать имя Баальшама, отомстит ему за кровь гирканийцев. То, что он вернулся с тобой, может означать только одно: он решил попытать счастье в Проклятой Земле. Они прекрасно знают, что нарушить табу означает смерть для любого гирканийца. Поэтому они выбрали для этого дела человека чужой крови.

— Если ты все это знаешь, то почему же меня до сих пор не попытались схватить воины ваших племен?

Самарра ответила не торопясь, обдумывая каждое слово, словно ощущая, какой опасности подвергает себя, говоря это:

— Когда были воздвигнуты преграды вокруг Проклятой Земли, я одна среди шаманов считала, что этого недостаточно. Я говорила всем, что нужно преследовать Баальшама и убить его. Если он сможет возобновить свое черное дело где-то в другой стране, то рано или поздно он вернется, чтобы отомстить нам. Остальные были не согласны, опасаясь очередной войны. Поэтому меня заставили... — она неожиданно замолчала.

— Заставили что? Поклясться?

— Да, — кивнула она. — Я принесла клятву, но этого было мало. На меня наложили еще один обет. Если я нарушу клятву, то в тот же день потеряю всю свою волшебную силу. Многим из наших не нравится, что среди шаманов есть женщины. Они будут рады, если эта линия оборвется на мне. — Самарра снова замолчала, взглядом умоляя Конана расспрашивать дальше.

— Что заставляет тебя молчать, женщина? Какую клятву ты принесла?

— Долго же ты не мог понять, что от тебя нужно, — выдохнула она. Напряжение на глазах спало с ее лица. — Во-первых, я не могу первой заговаривать о клятве, а должна ждать, пока меня спросят. Причем не гирканиец, а кто-нибудь чужой крови.

— Значит, тебе пришлось выуживать из меня эти вопросы, — пробормотал Конан.

— Точно. И второе. Я не могу помогать гирканийцам проникнуть в Проклятую Землю или предпринимать что-либо против Баальшама. Мне нельзя и искать того, кто взялся бы за это.

Широкая улыбка растеклась по физиономии Конана.

— Но если чужестранец найдет тебя сам...

— Да. Тогда я могу помочь ему. Но только тому, кто действительно подходит. Я не имею права рисковать. — Ее рот пере-

косился от гримасы омерзения. — Я не боюсь смерти. Но в качестве наказания за мою неудачу меня отправят наложницей в дом Анатора, ненавидящего меня шамана. Смерть выглядит гораздо привлекательнее, чем жизнь до старости с этим вонючим колдунишкой.

— Ну так, значит, ты мне поможешь?

— Если ты — тот самый человек. Я должна спросить у Огня Обратного Времени. Для этого мне нужна прядь твоих волос.

Конан непроизвольно сделал шаг назад. Волосы, обрезки ногтей — все эти предметы могут быть использованы, чтобы заколдовать того, кому они принадлежат.

— Неужели ты подумал, что я собираюсь приворожить тебя? — усмехнулась она.

— Ладно, режь, — сказал он.

Маленький золотой нож аккуратно отделил несколько волосков от шевелюры киммерийца.

Самарра не торопясь раскрыла несколько больших сундуков, стоявших вдоль занавесей. Волосы Конана сначала были перемолоты маленьким жерновами, а затем смешаны с содержимым дюжины флаконов — резко пахнущими порошками и булькающими тягучими жидкостями.

Полученная смесь была слита в рог и долго перемешивалась костяной палочкой. Затем Самарра достала маленькую золотую жаровню на трех опорах и наполнила ее сухим пеплом. Бормоча ничего не говорящие Конану слова заклинаний, она выплеснула содержимое рога на пепел.

Ее голос стал громче и выше, вот он уже впивался, как раскаленные иглы, в уши киммерийца. Над пеплом появились голубые языки пламени. Не дрожащие и прыгающие, как обыкновенный огонь, а лениво струящиеся, как море в тихую погоду. Огонь поднимался все выше, достигнув высоты человеческой руки. Колдунья не мигая смотрела в него, продолжая бормотать заклинания. Наружные стенки золотой жаровни и поднос, на котором она стояла, покрылись морозными узорами.

Все остальные светильники почти погасли, погрузив помещение в полумрак. Киммериец почувствовал, как впились в ладони ногти. Пробормотав проклятие, он разжал кулаки. Нет, повторял он про себя, его не запугаешь, он уже повидал всякого колдовства, не впервой...

Неожиданно Самарра замолчала. Конан моргнул и уставил-

ся на золотое блюдо жаровни. Там среди остатков пепла лежали кусочки сандалового дерева, лишь чуть обгоревшие. С каждой секундой пепла становилось все меньше, а сандал становился все менее закопченным. Наконец колдунья накрыла жаровню золотым колпаком, загасив пламя.

Еще долго она молча смотрела на золотой поднос, а затем повернулась к киммерийцу и сказала:

— Если ты войдешь в Проклятую Землю, погибнут десятки людей. Может быть, и Баальшам. Может быть, и ты сам. Твои кости могут остаться на съедение страшным тварям, запертым в этом проклятом месте.

— Может быть, говоришь? Интересно у тебя получается. Ни так, ни этак. Даже Шарак по твоим свиткам говорит более определенно.

— Огонь показывает то, что может произойти. Люди сами решают, какое решение выбрать. То, что есть сейчас, — это линия. Каждый поступок человека дает ей два, пять, десять продолжений. И так постоянно. Я тебе говорю: если ты пойдешь туда, то ты, или Баальшам, или вы оба предстанете перед Черным Троном Эрлика. Но если ты не пойдешь — погибнешь обязательно. Я просмотрела сотни линий, и в каждой из них ты погибаешь. Каждый раз мучительней, чем в предыдущий. Если ты не пойдешь, — погибнут десятки и десятки тысяч человек, сражаясь с укрепившимся злом Баальшама. Сотни, повинуясь его чарам, сами добровольно лягут на его алтарь. Короли будут подползать к нему и целовать его ноги. Тьма покроет землю. Таких ужасов мир не знал со дней Ахерона.

Конан усмехнулся:

— Похоже, я должен попытаться спасти мир, хочу я того или нет. — Меч скользнул в его руки: киммериец внимательно посмотрел на лезвие. — Если мне суждено пойти туда, то нечего ждать. Я пойду сейчас же.

— Нет, — резко сказала Самарра. Конан попытался возразить, но она продолжила, не слушая его: — Ночью, конечно, лучше. Но не этой ночью. Подумай о той девушке, которая с тобой. Если твое дело удастся, вам придется немедленно возвращаться назад. Здесь такое поднимется, как только это станет известно... А твоя спутница не может ни ехать верхом, ни даже сидеть или стоять.

— Придется перекинуть ее через седло и везти так, — гру-

бо ответил он. Боевой пыл уже овладел им. Если ему и суждено погибнуть сегодня ночью, подумал Конан, то жизнь свою он продаст дорого.

— Если ты позволишь принести ее сюда, я смогу вылечить ее тело за один день. — Самарра улыбнулась: — Многие женщины просили меня подлечить натертые задницы. Но впервые я использую свое колдовство для столь мелкой цели.

— Чем дольше я жду, тем больше вероятность, что кто-нибудь узнает Тамура.

— Все равно без моей помощи тебе не попасть в Проклятую Землю. Внешний Круг убьет только гирканийца, но, чтобы найти то, что тебе нужно, ты должен проникнуть во Внутренний Круг. Его барьер убивает все живое. Я дам тебе порошки, которые нужно будет там рассыпать по земле, и научу заклинаниям, которые ты должен будешь произнести, если хочешь выжить.

— Так давай же, — потребовал он.

Вместо этого Самарра, расстегнув застежку, сняла свою шелковую накидку. Глядя прямо в глаза Конану, она сказала:

— Ни один гирканиец не видит в шаманке женщину. У меня есть слуги и рабы, молодые парни, полные сил, но и полные страха.

Самарра начала расстегивать серебряные булавки, удерживающие на ней платье.

— Они прикасаются ко мне, если я им приказываю, но делают это так, словно я могу взорваться и покалечить их. До тебя ни один мужчина не смотрел на меня как на женщину, не сжимаясь при этом от страха! Я больше не могу ждать!

Платье стекло к ее ногам, и Самарра предстала пред его глазами во всей своей ослепительной наготе. Она стояла уперев руки в широкие бедра, откинув голову и чуть отведя назад плечи, отчего ее грудь казалась еще выше и полнее.

— Это цена за мою помощь. Да, я поступаю как продажная шлюха. Ну и пусть. Я никогда не испытывала ничего подобного. А я хочу испытать все, что могут дать друг другу мужчина и женщина. Все! Слышишь, Конан?

Конан выпустил меч из рук. Огонь боя в его жилах сменился другим огнем.

— Завтра ночью будет самое подходящее время для дела, — хрипло прошептал он и сжал Самарру в объятиях.

Глава 20

Рано утром Конан отправил к Акебе посыльного с просьбой, чтобы туранец позаботился о торговле без его помощи. Вскоре два молодых раба Самарры перенесли Ясбет на носилках в юрту колдуньи. Когда они вошли, Самарра, покраснев, выскочила, шаря руками в поисках чего-либо, что прикрыло бы ее наготу. Рабы смотрели на Конана с затаенной ревностью.

— Конан, зачем меня сюда принесли? — почти плача, спросила Ясбет. Она по-прежнему лежала ничком на одеяле и стонала при каждом движении. — Мне больно.

— Твоя боль скоро утихнет, — ласково сказал он. — Самарра позаботится о тебе.

Самарра приказала рабам перенести Ясбет в другую половину юрты, куда направилась и сама. Через полчаса она вернулась, на ее щеках все еще горел стыдливый румянец. Конан развалился на подушках, держа в руках кубок с вином.

— Я дала ей снотворный порошок, — сказала Самарра. — Заклинание в одну минуту сняло боль, но сейчас девушке нужен отдых и сон. Лучше, если это будет сон от порошка, чем от заклинания. Я могу хоть сейчас снять с нее усталость, но за это она рассчитается трижды когда-нибудь в будущем. Любое применение тайных сил требует расплаты.

Все время, пока говорила, Самарра стояла в дальнем от Конана конце комнаты, не зная, куда деть руки от смущения. Кивком головы киммериец подозвал ее к себе:

— Подойди, Самарра. Сядь. Не заставляй меня изображать хозяина в твоем доме.

Поколебавшись секунду, она мягко опустилась перед ним на колени.

— Да, я сказала «все». Но это не значит, что я хотела, чтобы мои собственные рабы вваливались, когда я лежу голая, опьяненная счастьем. Я уже не говорю о том, чтобы лечить женщину того мужчины, с которым я провожу эту ночь. Я как-то

странно себя чувствую, вспоминая о том, что в нескольких шагах отсюда — эта девушка.

Конана удивило это смущение.

— Если она ничего не знает, то и не будет переживать, — сказал он, стягивая платье с ее полного плеча.

Самарра отвела его руку:

— Скажи, для тебя все женщины одинаковы? Провести с ней ночь, и все?

— Может быть, когда-нибудь я встречу женщину, на которой решу жениться. Возможно. А пока — я люблю всех женщин. Но ни одну из них я не обманываю, утверждая, что она значит для меня больше, чем это есть на самом деле. — И он снова попытался снять с нее платье.

— Да что ты творишь, — запротестовала Самарра. — Я уже не многим отличаюсь от той девушки, которая лежит там, за занавеской. Некоторые из моих мышц не меньше нуждаются в лечении и отдыхе, чем ее задница.

— Ну, тогда мне остается только вернуться к Акебе и остальным, — сказал Конан, поднимаясь на ноги.

— Нет! — крикнула Самарра. Сорвав с себя платье, она встала на колени и прижалась к его ногам. — Пожалуйста. Останься. Я... Я не отпущу тебя. Я удержу тебя насильно...

— Насильно? — усмехнулся он.

Женщина решительно кивнула. Смеясь, он повалил ее на подушки.

* * *

Через два часа после захода солнца Конан был готов к выходу. Напоследок он взглянул на Ясбет. Она спала, спала самым естественным сном. Конан провел пальцами по ее щеке. Ясбет улыбнулась, даже не проснувшись.

Когда он вернулся в другую часть юрты, Самарра уже оделась. Ее лицо было совершенно серьезно.

— Порошок у тебя? — спросила она. — Смотри, не потеряй.

— Здесь он, — успокоил ее Конан, похлопывая себя по поясу, на котором висел маленький кожаный мешочек с двумя свертками. В каждом из них — тщательно отмеренная горсть порошка, который должен ослабить Внутренний Круг настолько, чтобы Конан мог пройти сквозь него. Одна горсть — для входа, вторая — чтобы выйти.

— Заклинание. Ты не забыл заклинание?

— Не волнуйся. Я все помню.

Он попытался обнять ее, но колдунья отступила на шаг назад, чтобы избежать объятий. Ее лицо превратилось в неподвижную маску.

— Да помогут тебе боги, Конан. — Она сглотнула и тихо прошептала: — И всем нам.

От хорошего клинка больше проку, чем от всех богов, вместе взятых, подумал Конан, выходя в ночную темноту. Полная луна на безоблачном небе заливала бледным светом этот странный временный город. Мертвый город, как могло показаться тому, кто не был здесь днем. Ни души. Все сидят в своих юртах. Даже собаки жались поближе к войлочным стенам и при появлении Конана только поднимали голову, жалобно воя. Киммериец запахнул плащ, закрываясь от ледяного ветра. Хотя, не обманывая себя, он признал, что настоящая причина бившей его дрожи — вовсе не холодный воздух.

Акеба, Шарак и Тамур ждали его в условленном месте к востоку от стойбища... Остальные кочевники — друзья Тамура — остались в лагере, чтобы он не казался подозрительно пустым. Лошади тоже остались в лагере: цокот копыт в ночной степи мог привлечь нежелательное внимание.

Тамур нервно вгляделся в Конана и прошептал:

— Она ведь не пришла с тобой, правда?

— Нет, — сказал Конан.

Тамур с облегчением вздохнул.

— Давай-ка за дело, — поторопил компанию Конан, — Тамур, веди.

Гирканиец нерешительно повернул на восток. Акеба и Конан последовали за ним. Шарак семенил сзади, постоянно бормоча что-то о темной дороге и лезущих под ноги камнях, несмотря на то, что луна прекрасно освещала путь.

— Тамур чуть было не передумал, — тихо сказал Акеба, — до того он боится Самарры. Если бы он хоть чуть меньше ненавидел Джандара, он бы точно вскочил на коня и скакал бы до самого моря.

— Ничего, Джандара он ненавидит на полную катушку. Он приведет нас куда надо.

— Не понимаю, киммериец, — раздался ехидный голос Шарака, — как у тебя еще сил хватило на эту прогулку после

суток, проведенных с этой ведьмой. Я видел ее мало и, конечно, не так близко, как ты, — тут он кашлянул, — но мне кажется, что эта женщина может вытянуть из мужчины все силы.

— Смотри под ноги, старик, — сухо ответил киммериец. — Я что-то не видел, чтобы ты читал в свитках свою судьбу на эту ночь. А вдруг тебе суждено свернуть шею?

— Митра! — буркнул Шарак, споткнувшись об очередной камень. — И все-таки — ночь, звезды, приключения... — Уткнувшись взглядом в широкую спину мрачно шагавшего Конана, старый астролог осекся. — А что до звезд... я бы и рад кое-что рассмотреть, но луна... Ничего не вижу. Она просто ослепляет меня. Я одну звезду от другой отличить не могу.

Дальше они шли молча, пока Тамур не остановился, показывая рукой на две высокие тени впереди:

— Там, это граница Внешнего Круга. Мне ближе нельзя.

Самарра рассказала Конану про эти знаки. По всему периметру Внешнего Круга были расставлены грубые каменные столбы, чуть выше человеческого роста и раза в четыре толще, чем туловище человека. Пройти за эти камни означало смерть для любого, в чьих жилах текла гирканийская кровь.

— Мне нет смысла идти с тобой, Конан, — сказал Шарак. — Глаза... Я тебе буду не столько помощником, сколько обузой. Я останусь здесь и попытаюсь выяснить по звездам наше будущее... Эй, гирканиец, — обратился он к Тамуру, — все равно тебе делать нечего. Пойдем, я научу тебя различать звезды и читать по ним.

— По крайней мере, я пойду с тобой, — сказал Акеба, но Конан покачал головой.

— Самарра сказала мне, что тот, кто пойдет со мной, — погибнет.

На самом деле, она этого не говорила, но из ее слов Конан понял, что двое или пятьдесят человек, проникнув за барьер, будут иметь не больше шансов на успех, чем один. Если не меньше.

— Ну, тогда я буду ждать тебя, киммериец. Ты наглый парень, но ты мне нравишься. Удачи тебе.

Конан хлопнул приятеля по плечу:

— Протруби за меня в небесные трубы, если окажешься там раньше меня, Акеба.

— Что? Что ты сказал?

— Разные страны — разные обычаи. У нас так говорят при прощании.

— Странный вы народ, светлоглазые варвары. Ну да ладно. Ты там тоже подуди за меня, или как это там...

Но Конан уже повернулся и зашагал вперед, вытащив из ножен свой меч. Не останавливаясь, он прошел между каменными столбами. Несколько мгновений его колотила сильная дрожь. Хорошо, что Самарра предупредила его об этом. Итак, барьер Внешнего Круга остался позади.

Нигде не было видно никакой растительности. Даже жесткой травы, ковром покрывающей степи Гиркании. Земля была голой, но лежала волнами, словно когда-то расплавилась и потекла, а затем застыла. Он уже видел такое у себя на родине после того, как одна из гор выбросила из своей вершины огонь и жидкую горячую землю. Хотя на небе не было ни облачка и ни единый порыв ветра не доносился до киммерийца, в неверном лунном свете тени вокруг него шевелились.

Будь он героем саги, он просто-напросто пошел бы на это шевеление и сразил бы своим клинком всех попрятавшихся в скалах чудовищ. Но героям саг обычно выпадает везение за десятерых. Чем они и пользуются. А Конан, видимо, один из той десятки ограбленных на везение. Ему не приходилось надеяться на удачу. Только на самого себя.

Конан все дальше углублялся в Проклятую Землю, двигаясь с ловкостью пантеры, словно пытаясь спрятаться от лишних глаз. А то, что здесь были чьи-то глаза или по крайней мере что-то, чувствующее движение, — в этом он был уверен. Странные шорохи и скрежетание доносились до его ушей. Словно острые когти царапали камень. В какой-то момент он и вправду увидел глаза — три близко посаженные, горящие красным огнем точки, уставившиеся на Конана из-за большого валуна. Киммериец ускорил шаг. Звук когтистых лап усилился, раздаваясь где-то совсем рядом. Со всех сторон слышалось посвистывание, напоминающее перелаивание гончих, загоняющих зверя.

Неожиданно наступила тишина. В голове Конана пронеслось: или эти твари нападают молча, или что-то заставило их прекратить погоню.

А если так, то что? Что могло напугать эти порождения Проклятой Земли? Ответ пришел сам собой. Выйдя из-за оче-

редного валуна, Конан чуть не налетел на столб-отметку границы Внутреннего Круга.

Конан облегченно вздохнул. По крайней мере, на некоторое время эти твари отстали от него. Он торопливо развязал мешочек у пояса и рассыпал светящийся в темноте порошок тонкой линией рядом со столбом. Произнеся слова заклинания, Конан увидел, как над линией появилось свечение — пятно шириной с расставленные руки человека и высотой с маркировочный столб. Внутри этого пятна барьер был ослаблен, хотя и не снят полностью. Так сказала Самарра. Сильный человек сможет выжить, пройдя сквозь него. Это тоже ее слова.

Чирканье когтей по когтям и присвистывание возобновилось. Неведомые создания явно подобрались ближе. Затаив дыхание, Конан ринулся вперед. Свист перешел в голодный вой, когда киммериец влетел в пятно света. Каждый мускул, каждый сустав скрутила дикая боль, но, затем, спиной вперед, его швырнуло во Внутренней Круг.

Обрадованно обнаружив, что скрюченные судорогой пальцы не выпустили меч, Конан встал на ноги. Ничего себе ослабленный барьер, подумал он. Врагу не пожелаешь испытать его полную силу. Ощупав пояс, Конан со вздохом облегчения обнаружил мешочек с остатками порошка на своем месте.

Свечение, отмечающее брешь в барьере, еще висело в воздухе. Но Конан знал, что ему не удастся сосчитать и до ста, как оно погаснет. Вторая порция порошка была единственным способом вновь пересечь барьер, если, конечно, не вырваться из него сейчас же. Конану стоило большого усилия воли отогнать от себя эту мысль. Повернувшись спиной к слабеющему свечению, он зашагал дальше.

Эта земля действительно была проклята: холмы рассечены зияющими трещинами, обломки скал разбросаны неведомой силой на много шагов от того места, где когда-то они составляли единое целое.

В низинах кипела и булькала какая-то жижа. Воздух пропитался вонью разложения. Над самой землей метались облачка не то пара, не то дыма, оставлявшие неприятные влажные следы на коже.

Самарра рассказала Конану, где стоял недостроенный дворец Джандара. Во что он превратился после той кошмарной ночи — не знала даже она. Но другого места для поисков ни он,

ни она предложить не могли. Среди холмов Джандар приказал расчистить ровную площадку для дворца. Сейчас перед Конаном лежал последний холм. Дальше шла ровная местность. Наверное, то самое место.

Конан побежал вперед, огибая преграждающую путь гряду скатившихся с горы валунов. Еще один поворот — и киммериец остановился, опустив руки, словно признавая свое поражение. Прямо перед ним мраморные ступени вели к колоннаде полуразрушенного портика. А за колоннами, там, где должен был стоять дворец, зияла огромная яма, мерцавшая красным светом плавящихся и кипящих камней далеко внизу.

Здесь ничего не могло остаться, подумал Конан. Но должно. Самарра предсказала, что его поход в Проклятую Землю даст, по крайней мере, шанс на уничтожение Джандара. Где-то здесь должно оставаться что-то, что можно использовать против колдуна. Нужно было найти это неведомое средство.

Раскатистое рычание, раздавшееся за спиной киммерийца, заставило его развернуться, и невольное «Кром!» слетело с его губ.

Прямо перед ним стояло существо, вдвое выше человека, гниющая плоть которого исходила светящимся в темноте гноем. Единственный рубиново-красный глаз уставился на Конана. Разум, страшный, жестокий разум светился в этом глазе наравне с голодом. А длинные клыки в пасти и лапы, заканчивающиеся острыми когтями, ясно указывали на то, чем предпочитает питаться их обладатель.

Не дожидаясь нападения чудовища, Конан решил действовать сам. Замахнувшись мечом, он крикнул, словно собирался нападать. Чудовище подалось назад, чтобы встретить атаку, но Конан, проскочив мимо него, бросился к скальной гряде. Такая махина вряд ли сможет сравниться с ним в ловкости, подумал киммериец.

На бегу опустив меч в ножны, он добрался до обрыва и, не останавливаясь, начал карабкаться, цепляясь руками и ногами за малейшие выступы и впадины. Проверять их надежность было некогда. Несколько раз он чуть не сорвался, когда хрупкий камень ломался под его весом. Основательно поломав ногти и ободрав колени, Конан все-таки выбрался на гребень обрыва, перевалился через него и упал, тяжело дыша. Никогда ему еще не приходилось так быстро карабкаться по скалам.

Покрытая слизью когтистая лапа впилась в камни рядом с головой киммерийца. Проклиная всех и вся, Конан перекатился на другой бок и вскочил, выставив вперед меч. Светящееся чудовище, подтянувшись, выставило над краем обрыва голову. Увидев человека, оно, вместо того чтобы ухватиться покрепче за камни, взмахнуло свободной лапой, пытаясь зацепить Конана когтями. Закаленный клинок обрушился на держащуюся за землю лапу. Искалеченное чудовище полетело вниз, издавая адские стоны. Казалось, скалы вздрогнули, когда оно всем телом рухнуло на камни у подножия обрыва.

Когтистая лапа так и осталась лежать там, где была отрублена. Светящийся зловонный гной вылетал из нее как кровь. Концом меча Конан поддел ее и сбросил в булькающую мглу вниз.

Даже сквозь облака пара Конану было хорошо видно то, что осталось от дворца Джандара. С высоты открывался жутковатый вид на полуразрушенный портик на фоне красного свечения из провала за ним. Нет, здесь искать было нечего. Развернувшись, киммериец отправился вниз по более-менее пологому склону, перепрыгивая через трещины и огибая разбросанные осколки скал.

Вдруг за его спиной раздался звук осыпающихся камней. С мечом наготове, Конан внимательно посмотрел в ту сторону. В этой мгле ничего не стоило, не заметив, слишком близко подпустить к себе какое-нибудь маленькое, но опасное создание. Глухой удар, как от падения тяжелого тела, донесся из тумана примерно с той же стороны, но уже ближе. Нет, настойчиво успокаивал себя Конан, он не мог пропустить незамеченным какое-нибудь крупное существо...

В этот момент из тумана на него бросилось то самое одноглазое чудовище, занеся для удара и здоровую когтистую лапу, и обрубленную культю.

Конан сделал шаг назад и почувствовал, как его нога повисла в пустоте. Лишь изогнувшись, как огромная кошка, он сумел ухватиться руками за камни и избежать падения в глубокую трещину. Теперь ему ничего не оставалось, кроме как броситься под ноги нападающему чудовищу. Одноглазое создание слишком разогналось, чтобы остановиться так быстро. Конан хотел ударить его мечом снизу, но чудовище подпрыгнуло и одним прыжком оказалось почти на другой стороне трещины.

Не удержавшись на ее кромке одной здоровой лапой, оно полетело вниз, рыча от злости и боли.

Конан быстро отскочил от края пропасти и замер, прислушиваясь. Рычание зверя стихло. Наступила тишина, которая больше всего пугала Конана. Он понимал, что чудовище вряд ли оставило свою затею поужинать непрошеным гостем. А то, что такое падение ему нипочем, — в этом киммериец уже мог убедиться раньше.

В подтверждение его худших опасений из трещины раздались звуки крошащегося камня. Киммериец прикинул, что, находясь выше, он получал некоторое преимущество над противником. Но вдруг его осенило. В конце концов, он пришел сюда не для того, чтобы воевать с этим уродом. Развернувшись, Конан бросился вниз по склону, на ходу соображая, что большое расстояние от того места, где чудовище вылезет из трещины, может стать хорошим прикрытием. По крайней мере, не обнаружив противника, зверь, может быть, направится на поиски более доступной добычи. В какой-то момент киммериец с раздражением вспомнил древние саги. Будь у него хоть десятая часть того везения, которое выпадало этим трижды проклятым героям этих мерзких сказочек, — чудовище сейчас отправилось бы спокойно вверх по склону, а Конан занялся бы своим делом внизу.

Именно снизу-то и донеслись до его ушей уже знакомые звуки: царапанье когтей по камням и глухое рычание. Черный Эрлик! Окажись сейчас с Конаном рядом кое-кто из древних легендарных героев — киммериец, не задумываясь, отправил бы их в пасть чудовищу не только чтобы выиграть время, но и чтобы посмотреть, как эти везунчики докажут свою силу там, где нет ни капли удачи.

Столь отвлеченные размышления не помешали Конану делать то, что было для него единственно возможным в этой ситуации, — бежать изо всех сил. Пробегая мимо очередного нагромождения камней, киммериец, чтобы удержать равновесие, оперся на миг на один из них и почувствовал, что этот обломок скалы покачнулся под его весом.

Присмотревшись, киммериец понял, что этот камень, размером больше человеческого роста и намного больше в обхвате, стоит довольно неустойчиво на краю уступа. Что ж, если повезет, эта штука сможет дать ему большую передышку, чтобы

оторваться от чудовища, которое, кстати, не замедлило появиться. Красный горящий глаз мелькнул в тумане шагах в пятидесяти от киммерийца. Это существо двигалось со скоростью и ловкостью горного льва. Сорок шагов. Конан, удостоверившись, что его заметили, шагнул за камень. Тридцать. Киммериец навалился на камень плечом. Тот нагнулся и встал как вкопанный. Двадцать пять шагов. Конан уперся всем корпусом, напряглись могучие мышцы. Двадцать. Конан развернулся и уперся в камень спиной и нажал, вкладывая в это усилие работу всех мышц от ног до шеи. Пятнадцать шагов. Десять. Стало явственно слышно раздававшееся из пасти чудовища хриплое рычание. Вдруг камень покачнулся, застыл на мгновение — и покатился вниз.

Конан успел развернуться и увидеть, как камень подпрыгнул на одной из неровностей склона, с лету угодил прямо в грудь чудовищу и, не останавливаясь, потащил его вниз, к подножию гряды.

Не дожидаясь, чем все это кончится, Конан рванулся вдоль склона к барьеру Внутреннего Круга. Нет, он пока что не собирался выходить за границу, но и не верил, что обрушившаяся на чудовище махина камня убьет это страшное создание. После того, что он наблюдал, Конан не поверил бы в смерть одноглазого чудовища, пока сам не увидел бы его мертвым. Просто киммериец вспомнил, что там, за барьером, неведомые охотники побаивались приближаться к смертельной границе. Может быть, и с этой стороны чудовище не рискнет продолжать охоту у самого барьера.

Конан несся, как пантера, сквозь зловонную мглу, перепрыгивая камни и трещины, перелезая через обломки скал, огибая взрывающиеся фонтанами гейзеров небольшие озера. Впереди в лунном свете показались столбы, обозначающие границу Внутреннего Круга.

Вдруг в полной тишине на киммерийца из тумана прыгнуло одноглазое чудовище. Честно говоря, киммериец рассчитывал на то, что оно дольше будет вылезать из-под навалившейся на него тяжести. Отчаянным броском Конану удалось увернуться от когтистой лапы, лишь в клочья разорвавшей его тунику и оставившей четыре кровавые полосы на его груди. Выхватив меч, киммериец выставил его вперед, готовясь встретить ударом возвышающееся над ним, словно башня, создание.

Чудовище остановилось, злобно рыча и косясь на поблески вающую в лунном свете сталь. Оно хорошо запомнило эту длин ную блестящую штуку, отхватившую ему лапу одним ударом.

Кровь сильно текла из глубоких порезов на груди Конана Но не это беспокоило его в этот момент, и даже не оскалив шаяся на него пасть со страшными клыками. Пошарив свобод ной рукой на поясе, Конан чуть не задохнулся. Мешочка с по рошком не было. Его сорвали эти проклятые когти-кинжалы когда чудовищу удалось дотянуться до Конана. Вместе с про павшим мешочком исчезла и всякая надежда вырваться за пре делы этого страшного места. С этой мыслью глаза киммерийца непроизвольно повернулись в сторону столбов, обозначавших границу Внутреннего Круга, и... там, у подножия одного из этих каменных монолитов, лежал мешочек, а в нем — и надежда на спасение.

Медленно, не спуская с чудовища глаз и не отводя ни на миг клинок, Конан начал боком заходить к столбу. Чудовище внимательно следило за движениями человека, и вдруг разум сверкнул в кроваво-красном глазе: увидев мешочек, мерзкое создание, видимо, сообразило, насколько важна эта штука для его противника. Склизкое, светящееся тело одним прыжком встало над мешочком, чуть не касаясь спиной невидимой гра ницы. На его оскаленной морде появилось что-то напомина ющее издевательскую усмешку.

Вот тебе и зверюшка, боящаяся барьера, подумал Конан. Если так дело пойдет, то эта смышленая тварь ни за что не от даст ему мешок, не говоря уже о том, чтобы дать время на на сыпание порошка и чтение заклинаний. Похоже, Эрлик уже накинул Плащ Вечной Ночи над киммерийцем, но тот вовсе не собирался принять смерть без сопротивления.

— Кром! — крикнул Конан, бросаясь вперед. — Кром и сталь!

Оскалившись и расставив лапы, чудовище бросилось ему навстречу. Однако Конан вовсе не торопился испытать на себе силу таких объятий. В последний момент он резко нагнулся, полоснув концом меча по животу противника. Когтистая лапа зацепила лишь край плаща. На мгновение киммериец отор вался от земли, но ткань с треском разорвалась, и он, оставив большую часть своего наряда на когтях чудовища, покатился по земле.

Вскочив, Конан подхватил лежавший у столба мешочек и изо всех сил понесся вдоль линии барьера. Услышав сзади тяжелые шаги, он обернулся и заметил занесенную над его головой тяжелую когтистую лапу. Меч описал в воздухе дугу, и три пальца с длинными когтями упали на землю. Но это не остановило падение изуродованной лапы. Сильный удар сбил Конана с ног.

Затем он оказался в железных тисках сжавшихся вокруг него лап чудовища, которые тащили его к оскаленной пасти. Лишь рука, державшая меч, оставалась свободной от этой хватки. Размахнувшись изо всех сил, Конан вонзил свой клинок прямо между двух рядов страшных зубов, чувствуя, как острие вспарывает мясо, рассекает кость и выходит из затылка чудовищного создания.

Чудовище застонало и вцепилось зубами в клинок, словно стараясь перекусить это препятствие, отделявшее его от столь тяжело доставшейся добычи. Тошнотворная вонь, шедшая из пасти, ударила в ноздри киммерийца. Он попытался повернуть меч в пасти. Чудовище снова взвыло, но не ослабило своей кандальной хватки. Конан понял, что еще чуть-чуть — и оно сломает ему спину. Он уже не чувствовал ни ног, ни зажатой в тиски руки. Он даже не знал, остался ли в его кулаке мешочек с порошком — надежда выбраться из Проклятой Земли. Все, что он мог сделать, — это вкладывать последние силы в то, чтобы удержать оскаленную пасть, не дать ей впиться в него, перегрызть горло или откусить голову.

Вдруг за спиной чудовища Конан заметил один из каменных столбов-меток. В своей схватке они все ближе подходили к барьеру. Ближе. Еще ближе. Что ж, мелькнуло в голове киммерийца, по крайней мере, я умру с мечом в руке и не один. Что-то вроде удивления отразилось на искаженной злобой и болью морде чудовища, когда из груди Конана вырвался злорадный смех. Одноглазое создание неуверенно сделало еще один шаг назад...

Боль пронзила тело киммерийца. Боль, какую он не испытывал еще никогда в жизни. Словно кожу оторвали от мяса, мясо от костей, перемололи кости в порошок, а затем бросили все в яму с кипящим металлом... Этот дьявольский круг повторился еще раз, затем еще, каждый раз — сильнее, чем в предыдущий, и вдруг...

Конан пришел в себя и увидел, что стоит на четвереньках, а все силы измученного тела уходят на то, чтобы не рухнуть на землю ничком. Сквозь кровавый туман в глазах он рассмотрел, что по-прежнему сжимает в руке мешочек с порошком. В голове вертелась мысль, что ему еще придется воспользоваться им, чтобы выбраться из Внутреннего Круга. Интересно, как же он смог пережить прикосновение к барьеру? Но над всеми этими размышлениями нависла другая, главная в эту секунду мысль: встать на ноги и встретить следующую атаку чудовища. Меч лежал прямо перед Конаном. Протянув руку, он взялся за обмотанную кожей рукоятку и чуть не выронил меч: кожа была покрыта трещинами и обуглена. Меч еще не успел остыть.

Вдруг уши киммерийца наполнились звуками. Они метались в его голове, как раскаты грома, и киммериец понял, что это слух вернулся к нему, а до этого он ничего не слышал. Пошатываясь, он поднялся на ноги и осмотрелся...

Чудовище лежало поперек барьера. Его мертвое, почти обугленное тело все еще вздрагивало, когда очередная молния, вспышка неведомой силы, пронзала его.

Конан ухмыльнулся, но тотчас же с ужасом уставился на барьер. Не может быть, нет... Но совершенно точно — он больше не был во Внутреннем Круге. Как он сумел выжить, пересекая барьер? Может быть, огромная жизненная сила чудовища притянула к себе большую часть убийственной энергии? В конце концов, это уже не имело значения. Важно было то, что у него оставалась лишь одна порция чудодейственного порошка. Войди он внутрь еще раз — и ему уже никогда не вернуться.

Молча он повернулся спиной ко все еще дергающемуся телу чудовища и зашагал прочь от Внутреннего Круга. Болело все тело, черная пелена застилала готовые выскочить из орбит глаза. Но самое главное — все эти мучения напрасно. Он так и не нашел того, что искал.

Глава 21

Акеба, Шарак и Тамур сидели, греясь у слабого костерка, когда Конан вышел из темноты, вытирая лезвие меча тем, что осталось от плаща. Киммериец швырнул окровавленную тряпку в огонь, от которого сразу же потянулся густой зловонный дым.

Сидевшие у костра вскочили, и Шарак зашмыгал носом:

— Ну и ну! Что это за вонь, Эрлик тебя побери?

Конан вложил меч в ножны и сказал:

— Нам нужно вернуться к юртам. Ненадолго. Я хочу попросить помощи Самарры, чтобы снова попасть во Внутренний Круг.

— Значит, ты ничего не нашел. — Акеба внимательно посмотрел на запекшуюся на груди Конана кровь, на его рваную тунику и с сомнением спросил: — А ты уверен, что тебе нужно туда возвращаться? Что там с тобой было?

— Нет! — раздался взволнованный крик Тамура. — Это табу! Нельзя рассказывать о том, что происходит за барьером.

— Чушь, — возразил Шарак. — Что случится, если мы всего лишь послушаем рассказ Конана?

Но киммериец явно не собирался тратить время на разговоры. Половина ночи уже прошла. Коротко бросив: «Пошли», он зашагал к юртам. Остальные, закидав костер землей, последовали за ним.

Когда они подошли к юрте Самарры, Конан знаком приказал своим спутникам подождать и вошел внутрь один.

Полная темнота, царившая в юрте, удивила его. Ни единого светильника. Уголь в жаровне покрылся слоем серого пепла. Странно, подумал киммериец, Самарра наверняка не уснула бы, дожидаясь его возвращения. Помимо темноты, не менее странной казалась и тишина в юрте. Мертвая тишина, не допускавшая даже намека на жизнь... Меч Конана словно сам собой вылетел из ножен.

Киммрриец пошел вперед по коврам и подушкам. Неожиданно его ноги споткнулись о что-то более тяжелое, чем подушка. С замиранием сердца он нагнулся. Его пальцы нащупали в темноте женское тело, холодное как лед.

— Конан, берегись! — раздался у входа крик Акебы.

Конан, сжавшись в комок, перекатился через спину, опрокинув какую-то железную штуковину, и вскочил с мечом наготове, выискивая глазами невидимого противника. В тот миг, когда он заметил тень, которая могла оказаться человеком, что-то со свистом пронеслось от входа и воткнулось в черную фигуру. Таинственная тень застыла неподвижно, а затем рухнула на пол с тяжелым глухим ударом.

— Это человек, — сам не веря себе, сказал Акеба, — по крайней мере, я так думаю... Но человек не падает с таким звуком.

Конан пошарил вокруг и нашел то, что опрокинул в момент броска. Это была лампа, масло из которой еще не успело вытечь. Вытащив из мешочка на поясе трут и кремень, киммериец высек искру и зажег лампу. Дрожащий огонек осветил лежащее тело.

Самарра лежала на спине, ее открытые глаза смотрели в потолок юрты.

— Она знала, — негромко сказал Конан. — Она говорила, что много людей погибнет, если я пойду в Проклятую Землю.

Со вздохом он перенес лампу ко второму, столь странно упавшему телу. Стрела Акебы торчала из горла желтокожего человека в черном. Его миндалевидные глаза были широко раскрыты — он так и не поверил в возможность того, что с ним произошло. Конан потыкал труп острием меча и удивленно уставился на него: тело было твердым как камень.

— Ну что ж, по крайней мере, ты отомстил за Зорель, — сказал Конан.

— Нет, это не он. Хотя и очень похож. Но я до самой смерти буду помнить лицо человека, который убил мою дочь. Нет, это не он.

Конан снова повернул лампу к Самарре.

— Я мог бы спасти ее, — прошептал он, — если бы она сказала мне... Ясбет!

Киммериец бросился в другую половину юрты. Там среди оборванных занавесей и раскиданных подушек вперемешку

лежали остывшие тела рабов и рабынь. Ни на одном из трупов не было видно ран, но лица всех погибших застыли, искаженные ужасом. Ясбет нигде не было видно.

«Многие погибнут...» — вспомнились Конану слова Самарры. Если она так хорошо видела, как расходятся десятки и сотни линий будущего, то почему же не выбрала какую-нибудь другую?

— Джандар послал в погоню за нами не только этого, — сказал киммериец, вернувшись к Акебе и ткнув мечом в сторону тела кхитайца. — Ясбет исчезла, а остальные мертвы. Все.

Тут в юрту просунул голову Тамур.

— Там какое-то волнение, — начал он. В этот момент его взгляд остановился на лежащем в пятне света теле Самарры. — Кааван, Единый Отец, спаси нас! Так вот почему... Нас четвертуют, сдерут кожу, разрежут на куски...

— Что ты мелешь? — остановил его Конан. — Что случилось?

— Около юрт других шаманов собираются люди. Хотя никто обычно не выходит за порог ночью так близко от Проклятой Земли.

Акеба буркнул:

— Наверное, шаманы почувствовали смерть одного из своих.

— Но вовсе нет смысла предоставлять им возможность застукать нас рядом с трупами, — сказал Конан, гася лампу и направляясь в полной темноте к выходу.

Снаружи стоял Шарак, опершись на свой посох и напряженно вглядываясь в приближающиеся к юрте Самарры огоньки факелов. Он даже подпрыгнул, когда Конан прикоснулся к его плечу.

— Если мы собираемся возвращаться в Проклятую Землю, то лучше поторопиться. Я думаю, что эта компания не будет рада, застав нас разгуливающими по их лагерю.

— Ясбет исчезла, — тихо сказал ему Конан. — Ее похитили или убили. Самарра мертва.

Конан отвернулся, и Шарак быстро засеменил за ним.

Как четыре тени, они бесшумно шли к своему лагерю, по возможности стараясь не обращать внимания на шум и крики за их спинами. Вдруг от юрт донесся яростный крик сотен глоток. Акеба поравнялся с Конаном и сказал:

— Они обнаружили ее. Но это еще не значит, что они обвинят в этом нас.

— Мы тут чужаки, — невесело усмехнулся Конан. — Что бы сделали твои солдаты, если бы нашли мертвой принцессу Аграпура, а рядом — лагерь чужеземцев?

Туранец только процедил сквозь зубы:

— Да пошлет нам Митра время, чтобы добраться до лошадей.

Не говоря больше ни слова, все четверо перешли на бег. Конан и Акеба покрывали дистанцию огромными шагами. Тамур почти семенил ногами, но двигался с не меньшей скоростью. Даже Шарак умудрялся не отставать, находя при этом силы, чтобы пожаловаться на возраст.

— Подъем, — крикнул Тамур, добежав до почти погасших костров их лагеря. — Быстро по коням!

Кочевники повыскакивали, одетые и обутые, из-под одеял и, держа оружие наготове, уставились на Тамура.

— Надо сматываться! Мы теперь — вне закона! — крикнул он, затем повернулся к Конану и покачал головой: — Нам не уйти. У нас тут хилые клячи с побережья. А у тех, кто бросится в погоню, — боевые кони. Наши лошади не выдержат скачки и сдохнут до рассвета, а их скакуны смогут почти без остановок проделать весь путь к морю.

— Вьючные лошади, — сказал Конан, — они могут выдержать человека?

Тамур кивнул:

— Но ведь у нас хватает верховых лошадей.

— Подожди, а что, если в тот момент, когда наши кони совсем замучаются, мы сменим их на других, пусть и усталых от скачки, но проделавших путь не под седлом? А когда и эти... — Он вопросительно посмотрел на Тамура.

Конан слышал об этом способе в одном из трактиров. А трактирные байки — это вовсе не обязательно полная чушь, но все же лучше не доверять им без проверки.

— А что... — протянул Тамур, — может, и сработает. Точно! Кааван — Единый Отец! Это должно сработать.

Акеба кивнул:

— Я уже думал об этом. Наши так иногда делали в войне на южной границе.

Но тут вмешался Шарак:

— А товары? Их что, придется оставить?

— Ты что, хочешь погибнуть ради них? — оборвал его Конан и бросился распутывать стреноженных лошадей. Все остальные последовали его примеру. Шарак — последним, не торопясь и ворча себе что-то под нос.

Кочевники не стали терять времени на обсуждение предложения Конана, а вскочили на своих лошадей, взяв свободных на повод.

В какой-то момент Конан вспомнил о золоте, потраченном на товар, о прибыли и, зло сплюнув, послал свою лошадь галопом. Смерть шла за ним по пятам.

* * *

Когда их отряд выбрался на песок прибрежных дюн, запасных лошадей уже не было. Более того, на некоторых животных сидело по два всадника. Взмыленные животные растянулись длинной цепочкой, но никто не понукал их, боясь, что его лошадь может рухнуть и больше не подняться. Путь, занявший два дня в первый раз, сейчас был проделан меньше чем за день.

Впереди послышался шум волн.

— Как ты думаешь, — спросил Конан у Акебы, — на сколько они отстали от нас?

— На пару часов, может меньше.

— Но зато они не загнали лошадей, — добавил Тамур. — Наши скоро передохнут, а их скакуны будут еще в форме, когда нас наконец настигнут.

— Никого они не настигнут, — ухмыльнулся Конан. — Мы уже почти добрались до корабля...

Его смех и недоговоренная фраза повисли в воздухе, когда, забравшись на гребень дюны, киммериец увидел берег и море. Пляж был пуст.

Лишь следы костров подтверждали, что путники вышли к тому самому месту. Далеко, почти на горизонте, виднелось небольшое треугольное пятнышко — скорее всего парус «Танцующей в волнах».

— Никогда я не доверял этому борову — Мухтару, — зло сказал Акеба. — Слушай, Конан. Наши лошади свое уже отыграли. Мы выглядим не многим лучше. Конечно, этот вонючий песок — не самое подходящее место для смерти. Да и где оно — подходящее-то местечко? Не пора ли подумать, как за-

брать с собой побольше врагов, отправляясь в последний путь. Что скажешь, киммериец?

Конан, погруженный в свои мысли, ничего не ответил. Что же это такое получается? Проделать такой путь, потратить столько сил — и результат? Самарра мертва, Ясбет похищена людьми Джандара. Даже в мелочах боги отвернулись от него. Наторгованное добро пришлось оставить. А ведь за него Конан заплатил сотню золотых монет, нелегко, кстати, доставшихся ему: ценой убийства друга, пусть и заколдованного злым колдуном. От золота остались две монеты, позвякивавшие на поясе вместе с огнивом, точильным камнем, порошком Самарры и ломтем вяленого мяса. И ко всему прочему — такое невезение. Опоздать на каких-то полчаса. Конечно, денег на обратный путь нет. Но убедить Мухтара, приставив ему нож к горлу, было бы не самой большой трудностью.

— Ты что, не слушаешь? — Акеба потряс его за плечо. — Я думаю, лучше вернуться по нашим же следам и спрятаться в дюнах. Застанем их врасплох, и, думаю, последний счет будет в нашу пользу.

Со стороны гирканийцев послышался недовольный ропот.

Конан по-прежнему молчал.

Ясбет похищена людьми Джандара. Внутренний голос подсказывал киммерийцу, что в этом скрыт какой-то смысл, что-то важное.

— Умрем как мужчины, а не как жуки, разорванные муравьями на части! — продолжал настаивать Акеба, косясь на кочевников. Некоторые из них выражали одобрение, но многие явно были не в восторге от такого предложения и поглядывали в сторону преследователей, хотя и молча.

Туранец презрительно прищурился:

— Если вы мужчины, то не должны умереть безропотно, не унеся с собой жизни врага...

— Мы одной с ними крови, — глухо сказал Тамур.

Акеба просто взорвался:

— Митра! Я что-то не припомню, чтобы разговоры об общей крови остановили кинжал гирканийца, перерезающий горло соплеменнику. Да ты сам что нам наобещал: нас четвертуют, сдерут кожу, яйца вырвут, еще черт знает что! Чего ты боишься? Хуже нам не будет!

Тамур тоже перешел на крик:

— Пойми ты, мы теперь вне закона. Обычаи нашего народа больше не защищают нас. И если мы убьем хоть одного из тех, кого шаманы снарядили в погоню, то наши души навеки обречены маяться, не обретя покоя.

— Но ведь ни ты, ни твои друзья не убивали Самарру! — запротестовал Акеба. — И уж ваш бог точно знает это. Конан, поговори сам с этим придурком!

Но киммериец просто не замечал ничего вокруг. Слабый луч надежды вдруг забрезжил перед его внутренним взором.

— Мы хотим предстать перед Единым Отцом, не нарушив закона! — крикнул Тамур.

— Эрлик побери ваши законы! Когда вам было нужно, вы решились нарушить запреты шаманов и поклялись отомстить Джандару! А теперь вы просто собираетесь сдаться. Трусливые псы! Бабы, умоляющие о легкой смерти!

Тамур напрягся, его рука потянулась к ятагану.

— Кааван признает месть. А вы — туранцы, чьи женщины ослабили кровь вашего племени, рожая от мужчин разных народов, — вы уже не способны понять этого благородного чувства. И я не собираюсь долго объясняться с тобой!

Клинки вылетели из ножен, но были перехвачены на лету сильными руками Конана.

— Спокойно! — сказал он. — Мы поживем на корабле.

Акеба удивленно воззрился на киммерийца. Гирканийцы неуверенно топтались на месте, понимая, что им ничего хорошего не сулил бой с обезумевшим синеглазым великаном. Шарак, покосившись на едва видную «Танцующую в волнах», негромко уточнил:

— Ты полагаешь, мы сможем превратиться в рыб?

— Галера! — крикнул Конан, приходя в ярость оттого, что остальные никак не могли сообразить, о чем идет речь. — Ну, насколько раньше нас люди Джандара выехали из лагеря? Наверняка, не видя погони, они не гнали лошадей так, как мы. Их галера наверняка так и ждет их. Вот мы ею и воспользуемся.

— Я и ломаного медяка не поставлю на это дело, — сказал Акеба. — Скорее всего, галера давно уже вышла в море.

— Ты можешь предложить что-нибудь лучшее? Оставаться здесь, например? — сухо спросил его Конан.

Акеба с сомнением пожал плечами.

Гирканийцы, пожалуй, больше были озабочены своей зло-

бой на туранца. Шарак тоже замер в размышлениях. Конан помолчал и добавил:

— Я не собираюсь сидеть тут и ждать, пока меня прирежут. А вы делайте что хотите. — Повернув коня на юг, он пришпорил его.

Не проехал он и сотни шагов, как Шарак нагнал его, подбадривая свою клячу ударами посоха. С бесстрашным выражением лица он заметил:

— Миленькое приключение. Слушай, а пленных на галере брать будем? Я слышал, что герои в сагах никогда не берут пленных.

Акеба присоединился к ним, пустив своего коня неким подобием галопа.

— Знаешь, киммериец, деньги — дело серьезное. Я уже сказал, что не поставлю на это дело ни гроша. А такой пустяк, как моя жизнь, — пожалуйста. Тем более, что есть шанс чуть продлить ее.

Конан улыбнулся.

За их спинами послышался шум копыт нескольких лошадей. Киммериец не обернулся, чтобы посмотреть, многие ли из кочевников последовали за ними. Один или все — это не важно. Хватит. Должно хватить. Сам удивляясь своей уверенности, Конан повел их на юг.

Глава 22

За первым же холмом одна из лошадей рухнула на колени, а затем завалилась на бок. Еще одна свалилась замертво, прежде чем первая скрылась из виду. Конан поморщился, когда еще один гирканиец пересел на круп лошади к другому. Они и так уже двигались медленнее, чем пешком.

Конечно, сохранить силы перед встречей с командой галеры или людьми Джандара было важно. Но время! Нужно добраться до галеры раньше, чем к ней вернутся похитители Ясбет. По крайней мере раньше, чем галера выйдет в море или чем их догонят разъяренные преследователи. Гирканийцам ничего не стоит найти беглецов: следы лошадиных копыт четко отпечатывались в песке.

Все хорошенько прикинув, Конан слез с коня и пошел пешком. Остальные молча смотрели ему вслед. Конан даже не обернулся. Пусть делают что хотят. У него не было времени убеждать кого бы то ни было.

Местами прибрежные камни так преграждали путь, что человек намного легче преодолевал их, чем измученные лошади. Конан вскоре потерял из виду своих спутников.

Вдруг позади послышалось тяжелое дыхание и недовольная ругань. Задыхаясь, Шарак нагнал киммерийца и пошел рядом с ним. Вдвоем они продолжили путь, проваливаясь глубоко в песок, ступая на камни, которые так и норовили перевернуться и опрокинуть путника в утыканные острыми шипами кусты. Приходилось карабкаться то вверх, то вниз по склонам холмов, обрамлявших каждый заливчик или бухту, врезавшуюся в берег. Чтобы продвинуться на сто шагов вперед, приходилось делать пятьсот, а то и тысячу шагов почти по вертикальным склонам. Лошади были бы здесь абсолютно бесполезны.

Конан не мог бы позволить себе идти чуть дальше от линии берега, там, где холмы переходили в равнину. Так можно

было пропустить галеру, стоявшую на якоре в каком-нибудь из крохотных заливов. Киммериец не хотел допустить даже мысли о том, что галера уже вышла в море.

Треск кустов за спиной вывел Конана из состояния задумчивости. Он выхватил меч и чертыхнулся, увидев вылезающего из зарослей Акебу, лицо которого было залито потом и забрызгано грязью.

— Еще две лошади сдохли, — сказал туранец без долгих предисловий, — еще одна вот-вот упадет. Тамур идет по моим следам. Если можно, задержитесь чуть-чуть, чтобы он мог нас нагнать. Когда я спешился, остальные гирканийцы обсуждали, как им поступить. Но я думаю, что все они вот-вот присоединятся к нам.

— Нет времени ждать, — бросил Конан, убирая меч в ножны.

У Шарака не хватило дыхания, чтобы вставить хоть слово, и он молча последовал за киммерийцем. Постояв немного, Акеба последовал его примеру.

Три человека, думал Конан. Всего трое. Это если считать с Тамуром. Шарак ведь не боец. Ну, три с половиной. Тамур наверняка догонит. А на его приятелей особенно рассчитывать не приходится.

В тот момент, когда Тамур догнал их, выдирая колючки, впившиеся в его руки и ноги, и ругаясь так, что у галерного матроса волосы встали бы дыбом, первые крупные капли дождя упали на плечи Конану. Киммериец удивленно уставился на низкие, зловещие тучи, повисшие над ним. До этого он был так занят тем, что происходило на земле, что даже ни разу не взглянул на небо.

Ветер быстро крепчал, заставляя гнуться кусты, завывая все сильнее и сильнее. Дождь превратился в сильный ливень, смешанный с поднятой ветром пылью и грязью.

Тамур крикнул почти на ухо Конану:

— Это — гнев Каавана! Мы должны спрятаться и молиться.

— Это всего лишь шторм! — крикнул в ответ киммериец. — Мы и похуже попадали. Помнишь, на корабле?

— Нет. Это не обычный шторм. Это гнев Каавана, — казалось, гирканийца покинуло всякое мужество. — Когда он налетает — люди гибнут. Лошадей поднимает в воздух. Целые юрты уносит далеко-далеко. Иногда их так и не находят. Нет, мы

должны спрятаться, чтобы выжить. Спрятаться и молить Каавана о милости!

Ветер и вправду стал невыносимым. Казалось, что все кусты вокруг собрались перелететь куда-нибудь в другое место. Капли дождя били по лицу, словно камни из рогатки.

Акеба, поддерживая Шарака, прокричал:

— Киммериец, надо где-то переждать бурю! Старик не выдержит, если мы не найдем места чуть потише. Смотри, он ведь уже и на ногах не стоит.

Оттолкнув туранца, астролог встал прямо, опираясь на свой посох. Ветер хлестал его, развевая седые волосы.

— Если ты, солдат, уже не можешь идти дальше, то так и скажи. А я еще устою на ногах!

Конан жалостливо посмотрел на старика. Пожалуй, лишь посох и поддерживал его в вертикальном положении. Да и остальные выглядели не намного лучше.

— Сколько твоих людей пошли за нами, Тамур? — спросил киммериец. — Найдут они нас, если мы подождем?

— Пошли все, — ответил Тамур. — Но гирканийцы с места не сдвинутся, когда гневается Кааван. Это смерть, киммериец.

— Но люди Джандара — не гирканийцы. Они будут продолжать путь. Надо успеть добраться до галеры, пока буря не дает ей выйти в море. Если вы не пойдете со мной, я пойду один.

Повисла пауза, прерываемая лишь завываниями ветра. Наконец Акеба произнес:

— Опоздай мы на эту галеру — и мне, пожалуй, уже никогда не добраться до Джандара.

Плечи Тамура поднялись и опустились в глубоком вздохе, неслышном в шуме бури.

— Я даже поставил себя вне закона, чтобы отомстить Баальшаму. Что ж, Кааван признает месть.

Шарак молча повернулся на юг и пошел, тяжело опираясь на посох.

Конан и Акеба бросились за ним и подхватили его под руки, не обращая внимания на протесты старика. Так втроем они и пошли вперед, с трудом преодолевая ветер.

Шторм яростно терзал побережье. Толстые деревья и цепко держащиеся за землю кусты скрипели и гнулись. Все звуки слились в единый, совершенно чудовищный гул. Было невоз-

можно расслышать не то что чьи-то слова, но даже собственные мысли.

Из-за этого шума Конан был вынужден чаще оглядываться назад, чтобы не дать преследователям подкрасться незаметно. Хоть Тамур и клялся, что ни один гирканиец шага не сделает в то время, когда гневается Кааван, но по своему опыту киммериец знал, что люди предпочитают делать то, что считают нужным, оставляя богам впоследствии подсчитывать их добрые дела и прегрешения.

Так и произошло. Вскоре их компания пополнилась одним из людей Тамура, затем двумя. Затем еще двумя. Насквозь промокшие, перемазанные с ног до головы, они с радостным удивлением смотрели друг на друга и на троих чужеземцев.

Что заставило их тронуться в путь в такую бурю? Желание отомстить Джандару, страх перед преследователями или боязнь встретить гнев Каавана в одиночестве? Конану не было до этого дела. Чем их больше, тем лучше. Больше шансов спасти Ясбет и захватить галеру. С застывшим, каменным лицом киммериец шел вперед, буквально продираясь сквозь ливень и ветер.

Когда горстка смельчаков, обдирая ногти, карабкалась по склону очередного утеса, ветер неожиданно стих. Прекратился и дождь. Тучи все так же зловеще закрывали небо, огромные штормовые волны обрушивались на берег, но по сравнению с грохотом бури в мире воцарилась полная тишина.

— Ну, что я говорил, — крикнул Конан тем, кто карабкался вслед за ним. — Буря кончилась, а мы живы. Даже гнев богов бессилен остановить нас.

Несмотря на дикую усталость, он начал двигаться еще быстрее. После шторма галера сразу же выйдет в море. Тамур крикнул что-то ему вслед, но киммериец ни на миг не замедлил движения, чтобы оглянуться. Выбравшись на гребень утеса, он едва удержал крик радости. Прямо под ним, на узкой полосе прибрежного песка, лежала наполовину вытащенная на него галера. Конан немедленно упал на живот, чтобы не показываться на глаза тем, кто на галере, и подполз к краю обрывистого склона утеса.

Обе мачты галеры лежали, плотно привязанные, вдоль палубы. Два дополнительных якоря были заведены в дюны, чтобы не дать волнам снести судно. Видимо, большего экипаж сделать не успел, когда шторм неожиданно обрушился на

них. Обгорелые доски на корме корабля и закопченные реи напоминали о пережитом пожаре.

Постепенно рядом с Конаном выстроилась цепочка лежащих на краю обрыва людей, внимательно рассматривающих судно внизу.

— Чтоб меня сожгли на Девятом Небе Зандру, киммериец, — вздохнул Акеба. — Но ты опять оказался прав. Галера и кончившийся шторм. Все, как ты говорил.

— Гнев Каавана еще не излит, — вмешался Тамур. — Именно это я и кричал тебе.

Конан перекатился на бок и покрутил пальцем у виска, будучи уверенным, что от страха перед бурей кочевник повредился в уме:

— Слушай, ведь нет ни ветра, ни дождя. Шторм на море кончается. Что ты привязался со своим Кааваном и его гневом?

— Ты ничего не понимаешь, чужеземец. Это время называется Милостью Каавана. Оно дается, чтобы помолиться перед смертью. Скоро снова пойдет дождь, так же неожиданно, как и прекратился. Задует ветер. Только на этот раз он придет с другой стороны. Шаманы говорят...

— Пошли твои шаманы... — буркнул Акеба.

Кочевники вздрогнули, но все были настолько измучены, что дальше ругательств дело не пошло. Не обращая на них внимания, Акеба продолжил:

— Если Тамур говорит правду, киммериец, то нам крышка. Если мы не отдохнем, то с нами справится даже компания кабацких девиц. Но отдыхать нет времени. Если мы не захватим судно, пока не вернулся этот поганый гнев Каавана... — он выразительно провел ребром ладони по горлу.

— Мы отдохнем, — сказал Конан.

Отползши от края обрыва, он встал и подошел к Шараку. Старик лежал, словно мешок с грудой костей, но, увидев киммерийца, сделал попытку встать.

— Лежи спокойно, Шарак, — сказал ему Конан, — Мы тут поторчим немного.

— Только не из-за меня, — возмутился астролог. Он явно собрался вскочить, но Конан удержал его.

— Нет, ну как же так, Конан. Конечно, все эти приключения — сплошное мокрое дело, но моя смелость еще никуда не смылась. Девушка. Мы должны разыскать ее. И Джандара.

— Мы так и сделаем, Шарак.

Старик притих, и Конан повернулся к спустившимся вслед за ним Акебой и Тамуром. Остальные кочевники остались лежать, где лежали, на вершине утеса.

— Что значит ждать? — удивленно спросил Тамур. — Какой еще отдых? Уж тебе ли не понимать, что галера — наш единственный шанс на спасение.

— Так и есть. Мы подождем совсем чуть-чуть. Пока не вернется гнев Кааваna.

Тамур охнул:

— Что? Нападать в тот миг, когда Кааван гневается? Безумие!

— Шторм поможет нам подобраться скрытно, — терпеливо объяснил Конан. — Если нам и удастся одолеть команду галеры, то только воспользовавшись внезапностью. Не забудь, что они нам нужны живыми.

— Живыми? Они же слуги Баальшама. Перерезать им глотки — и все!

— Ты умеешь управлять судном? — спокойно спросил его Конан.

— Судном! Я — гирканиец, и какое мне дело... — Вдруг что-то мелькнуло в глазах кочевника, он оборвал фразу и забубнил себе под нос какие-то проклятия.

Конан коротко описал свой план.

— Передай остальным, — закончил он и оставил их обсуждать детали.

Забравшись на вершину утеса, Конан лег на мокрую землю и еще раз внимательно осмотрел судно. Нет, пока шторм не кончится, оно в море не выйдет. Словно леопард, следящий за приближающейся антилопой, Конан затаился и стал ждать.

Вдруг первые капли ударились о землю. И через несколько мгновений, как и предсказывал Тамур, стена ливня снова обрушилась на прибрежные скалы и холмы.

Не говоря ни слова (все слова были бы бесполезны в грохоте бури), Конан повел за собой цепочку людей. Каждый из них держался за шедшего впереди. Киммериец не стал доставать меч. Сначала придется поработать голыми руками. Он решительно продвигался вперед сквозь слепящий дождь.

Наконец его руки уперлись во что-то деревянное. Борт галеры! Веревка хлестнула Конана по лицу. Не обращая внима-

ния на боль, он схватил ее и полез вверх, подтягиваясь на руках. Перевалившись через борт ближе к носу корабля, киммериец почувствовал, как веревка вздрогнула и натянулась. Акеба полез вслед за ним.

Конан быстро оглядел палубу. Сквозь плотную стену дождя невозможно было рассмотреть что-нибудь. Какие-то неясные тени. Но ни одна из них, к счастью, не напоминала человека. Больше всего Конан опасался, что, несмотря на такой шторм, вахтенный останется на своем посту.

Акеба перевалился через борт рядом с Конаном. Вдвоем они пошли дальше по палубе, не дожидаясь остальных. Конан знал, что все до единого последуют за ним. Им просто некуда деваться.

Наткнувшись на люк, прикрывавший ведущий внутрь судна трап, Конан и Акеба переглянулись; затем, резко отбросив крышку, киммериец со звериным рыком бросился вниз.

В уютной каюте, освещенной масляной лампой, потягивая вино, сидели четыре человека — судовые офицеры. Кубки полетели в стороны. Руки моряков потянулись к мечам. Но Конан быстро прервал столь опасные действия.

Ударом тяжелого кулака в ухо он уложил на пол одного из сидевших за столом. Нос другого хрустнул под вторым кулаком киммерийца. Сильный пинок настиг третьего, который согнулся пополам, так и не успев выпрямиться, вставая из-за стола.

В эту секунду меч Конана вылетел из ножен и застыл у самого носа четвертого моряка. Изумрудная серьга в ухе и толстая золотая цепь на шее ясно указывали на то, что он — капитан судна. Капитан так и застыл, не успев и наполовину вытащить свой меч из ножен.

— Вы все мне не нужны, — рявкнул Конан, — так что выбирай.

Нерешительно облизнув губы, капитан посмотрел на своих приятелей. Двое все еще неподвижно лежали на полу, один дергался в приступе тошноты.

— Ничего у тебя все равно не выйдет, — хрипло сказал капитан. — Команда раздерет тебя и твоих приятелей на куски и развесит мясо на реях.

Однако он благоразумно убрал руки от оружия.

— Интересно, зачем я был тебе нужен? — усмехнулся Аке-

ба, сидя на верхней ступеньке трапа. — Ты и один прекрасно справился.

— А если бы их было пятеро? — ответил Конан с улыбкой, от которой капитан вздрогнул.

— Акеба, тащи сюда Шарака. Тут тепло. И посмотри, как там дела у остальных.

Туранец со вздохом вылез обратно под дождь, а Конан вновь сосредоточил все внимание на капитане.

— Когда должны вернуться те, кто тебя нанял?

— Я сам по себе, приторговываю помаленьку...

Острие меча коснулось губ капитана. Тот скосил глаза и, глотнув, попытался отодвинуться назад. Конан равномерно двигал меч вслед за ним.

— Они не сказали. Мне приказали ждать столько, сколько потребуется. Мне было не до споров и не до выяснения подробностей.

При этих воспоминаниях лицо моряка побледнело. Он замолчал, явно переживая, что сболтнул лишнее.

Пока Конан гадал, чем же так запугали капитана его пассажиры, люк снова открылся, и в него ввалились Тамур и Акеба. Туранец почти тащил на себе Шарака. Усадив старика на скамейку, он налил ему вина. Старый астролог припал к спасительному напитку. Тамур, задержавшись под люком, вытирал кинжал о свою куртку.

Увидев кинжал, киммериец с трудом подавил проклятия, готовые сорваться с его языка.

— Я же сказал, что моряки нам нужны живыми, Тамур. Скольких вы убили?

— Двоих, киммериец. Всего двоих. Еще одного малость поцарапали. Но они же сопротивлялись. Так что мы были вынуждены. Сейчас мои ребята караулят остальных. Там их не меньше дюжины.

— Я же просил: кулаки и рукоятки, — вздохнул Конан. — Шарак, как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, намного лучше. Ясбет здесь?

Конан покачал головой.

— Ничего. Мы подождем, пока ее доставят сюда.

— А потом — за Джандаром, — прошептал Шарак, и Конан словно эхо откликнулся:

— За Джандаром.

Тамур все не мог успокоиться и обиженно повторил:

— Они же сопротивлялись. Да их там полно. Управятся.

Никто даже не посмотрел на него. Тогда гирканиец продолжил:

— Слушайте, я тут спустился на палубу к гребцам, ну, чтобы посмотреть, не спрятался ли кто-нибудь из этих водяных крыс среди рабов. И знаете, кого я там нашел? Байана. Ну, того самого, с другого корабля. Сидит себе, закованный, как и все другие гребцы.

Запрокинув голову, Тамур громко засмеялся, словно только что рассказал приятелям забавнейшую историю.

Конан удивленно поднял брови. Байан здесь? В цепях?

— Приведи его сюда, Тамур! Быстро! — рявкнул киммериец так, что гирканиица как ветром сдуло в люк.

— Акеба, свяжи ты этих, — Конан кивнул головой в сторону зашевелившихся офицеров, — чтобы больше не волноваться из-за них.

Подгоняя острием меча, Конан заставил капитана лечь на палубу. Задыхаясь от гнева, моряк подчинился.

К тому моменту, когда офицеры (один из которых так пока и не пришел в сознание) были крепко связаны, Тамур вернулся, ведя за собой Байана. Тот стоял, закованный в кандалы, опустив голову, и исподлобья глядел на Конана.

Киммериец передвинул скамью и сел, на нее. Свет от лампы отразился в клинке его меча.

— Ну, и как ты здесь оказался, Байан?

— Я пошел погулять по берегу и заблудился, — пробормотал матрос, — а этот мерзавец схватил меня. Среди моряков есть неписаный закон... а они приковали меня к веслу и еще отходили хлыстом, когда я возмутился.

— Что случилось на «Танцующей»? Я не верю, что ты просто пошел погулять.

Байан переступил с ноги на ногу, звякнув цепями, но ничего не ответил.

— Что ж, наверное, придется попросить Акебу, чтобы он подогрел для тебя кое-какие из его железяк. Тогда ты, наверное, заговоришь.

От неожиданности Акеба заморгал, но, сообразив, в чем дело, состроил страшную злобную рожу.

— И говорить будешь только правду, — продолжал Ко-

нан. — Этот старик — колдун. Он видит, говорит человек правду или лжет. — Киммериец внимательно, словно изучая, посмотрел на лезвие своего клинка: — За первую ложь — рука. Потом нога. Потом... Интересно, сколько раз ты сможешь солгать? Раза четыре, я думаю, никак не больше.

Еще мгновение Байан моргал, словно парализованный, а затем слова посыпались из него одно за другим.

— На наш корабль пришел человек. Человек с желтой кожей, одетый в черное. А взгляд! Казалось, от этого взгляда сердце остановится. С ним была твоя... эта женщина. Он предложил сто золотых монет за быстрое возвращение в Аграпур. Сказал, что галера повреждена и что «Танцующая в волнах» — быстрее. Он даже не отрицал, что подкупает нас, предлагая отказаться от другого договора. Муктар устал тебя ждать, а когда появился еще и этот, в черном, с твоей женщиной, всем стало ясно, что ты мертв. Ну, нам так показалось в тот момент. А потом мы решили, что ничего не стоит шлепнуть этого косоглазого, забрать его денежки, девчонку и...

— Заткнись! — скомандовал Конан. — Что с Ясбет? Она невредима?

Байан с трудом глотнул и продолжил:

— Я... Я не знаю. Перед Митрой и Дагоном я клянусь, что пальцем ее не тронул. Когда я покинул корабль, она была жива. Всем было не до нее. Понимаешь, Муктар дал нам сигнал, и мы втроем, Теуфик, Марангес и я, бросились на желтокожего с кинжалами. И ты представляешь, он убил их, едва прикоснувшись. А потом, потом он приказал Муктару перерезать мне глотку, — Байан издал какой-то звук, между смехом и всхлипыванием, — он сказал, что это в знак верной службы в будущем. И этот жирный козел явно решил выполнить приказ. Я понял это по его глазам. Мне удалось перепрыгнуть через борт и сбежать. Я молю бога, чтобы этот негодяй сгинул со своей посудиной во время шторма.

— Нехорошая у тебя молитва, — заметил Конан. — Там, на борту — Ясбет. Ладно, Тамур, отведи его туда, где он был. Там, у весла, ему самое место.

Проследив, как Тамур выволок Байана наружу, Конан повернулся к капитану.

— Галера действительно не может выйти в море? — спросил он.

Капитан, внимательно слушавший рассказ Байана, фыркнул:

— С чего ты взял? После бури дай мне полдня — и я поплыву на ней куда угодно, при любой погоде.

— Весь необходимый ремонт сделаешь в море. Мы отплываем, как только шторм чуть стихнет. Лишь бы нас прибоем об камни не размазало.

Капитан открыл было рот, но Конан ткнул ему в грудь мечом:

— А если нет, то наверняка один из троих твоих приятелей согласится поработать за капитана.

Капитан выпучил глаза и выдавил из себя:

— Я сделаю. Скорее всего, мы все отправимся на корм рыбам, но я выполню это.

Конан кивнул. Другого решения он и не ждал. С каждым мигом Ясбет приближалась к Джандару. Казалось, что дождь, барабанящий по палубе, и завывающий ветер эхом повторяют ненавистное имя: Джандар. На этот раз они сойдутся лицом к лицу. Он и Джандар. И один из них погибнет. Один или оба. Джандар.

Глава 23

Джандар лежал, развалившись, на шелковых разноцветных подушках, и рассеяно наблюдал, как Давиния восторгается его очередными подарками. На самом деле, мысли колдуна были далеко отсюда. Еще три дня, и если не произойдет то, чего он так ждал, — все его планы рухнут. В первый раз Давиния вызвала его раздражение, — да неужто она не чувствует беспокойства, овладевшего им?

— Какая прелесть, — щебетала Давиния, примеряя пару браслетов с изумрудами, картинно подняв руки к небу. Будь Джандар в другом настроении, пот прошиб бы его от этого зрелища. Изящно заколотое полотнище золотистого шелка оставляло ее грудь полуобнаженной. Пояс, украшенный сапфирами, лежал на ее бедрах, и лишь шлейф разноцветных перьев южных птиц скрывал то, что находилось ниже.

— Я подумаю над тем, как выразить тебе мою признательность, — томно закатив глаза, сказала она.

Джандар, поглощенный своими мыслями, лишь слегка махнул рукой в ответ. Через три дня этот идиот — король Йилдиз — встречается со своими советниками, чтобы решить наконец, где использовать уже почти созданную заново армию. Из Семнадцати Советников восемь проголосуют за империю, за войну с Заморой. Только восемь. А Йилдиз, по обыкновению, просто сосчитает голоса, не придавая значения ценности совета.

Джандару был нужен голос еще одного советника, выступившего бы за объявление войны. Один из оставшихся девяти. Ведь невозможно, чтобы из девяти таких высокопоставленных людей ни у одного не было какого-нибудь секрета, который можно было бы повернуть против него. Еще один. Всего лишь один. Но все девять, если их не припугнуть, будут голосовать за мир и сокращение армии. Не имея возможности лично влиять на Йилдиза, Джандар сделал все, что мог, но через три дня, ес-

ли не удастся что-нибудь придумать, пойдут насмарку долгие месяцы трудов...

Повторить сделанное будет еще труднее. Придется организовать убийство одного из советников, может быть и не раз, если вновь назначенный тоже окажется сторонником мира. Затем понадобится время, чтобы заново выстроить армию. А если удастся совершить задуманное через три дня, то они станут первыми днями великой империи, которая только что не будет названа именем Джандара. Короли и князья будут подползать к нему на коленях, чтобы выслушать приказания. Но если не удастся найти еще один голос, то ждать придется едва ли не дольше, чем он ждал.

К этому ожиданию добавлялось ощущение другой опасности. Этот варвар, Конан. Зачем он отправился в Гирканию? Что он мог найти там такого, что можно было бы использовать против Силы? Почему Че Фан до сих пор не вернулся с его головой в корзине?

— Можно, я возьму их себе, Джандар? — спросила Давиния.

— Да, конечно, — рассеянно ответил он, а затем, словно вынырнув из своих раздумий, переспросил: — Что возьмешь?

— Рабов. — В голосе Давинии послышалось недовольство. — Ты что, не слушаешь?

— Конечно, слушаю. Просто скажи еще раз, сколько рабов ты хочешь?

— Четырех, — сказала она, пододвигаясь поближе. — Мне нужны молодые и сильные, красивые мужчины. Двое чернокожих и двое с кожей белой как снег. Одних я наряжу в жемчуг и рубины, других — в оникс и изумруды. И все это, чтобы я выглядела для тебя привлекательнее в таком обрамлении.

— Зачем тебе молодые мужчины? — нахмурился он. — У тебя и так полно слуг, чтобы управляться с нарядами и прическами. Да еще эта старая карга, Ренда, с которой ты все время шушукаешься.

— А кто будет носить мой паланкин? — рассмеялась она и прильнула к нему. — Ну, неужели мой Повелитель, которому я всегда рада служить как могу, откажет мне в моей просьбе?

— Нет, отказать тебе я не в силах. Будут тебе рабы.

В глазах золотоволосой женщины мелькнул огонек удовлетворенной жадности. Джандар вздохнул. Эта стерва сбежит, не задумываясь, к другому, если тот даст ей больше богатства. Ко-

нечно, Джандар не опасался, что найдется столь богатый соперник, но все же... Разумеется, ее можно привязать раз и навсегда, слив в чашу кровь из ее горла. Никто из окружающих и не узнает, что Давиния уже не жива, как прежде. Но он-то будет знать.

Кто-то за его спиной аккуратно закашлял. Джандар хмуро обернулся. Зефран стоял на мраморных плитах пола, покраснев до ушей и всячески избегая смотреть на Давинию.

— Ну, что там еще? — раздраженно спросил Джандар.

— Суйтай вернулся, Великий Господин.

Раздражение Джандара как рукой сняло. Вылетели из головы и мысли о Давинии.

— Пошли, — сказал он, вскакивая на ноги. Давиния, не потрудившись накинуть на себя что-нибудь более прикрывающее ее роскошное тело, поспешила за ним. Но Джандар даже не обратил внимания на полуобнаженную красавицу.

Суйтай ждал его в малом приемном зале. У ног кхитайца на мозаичном полу лежал большой мешок.

— Где Че Фан? — спросил Джандар, едва войдя.

— Погиб, Повелитель, — ответил Суйтай, и Джандар чуть не споткнулся.

Он уже привык к мысли о том, что эти двое чуть ли не бессмертны и уж, во всяком случае, неуязвимы для нормального оружия.

— Как?

— Тот варвар воспользовался помощью одной гирканийской ведьмы. Она свое тоже получила.

Кривая усмешка могла означать только одно: Суйтай убил ее.

— Ну, а варвар?

— Тоже мертв, Великий Господин.

Джандар медленно кивнул головой, ощущая странное облегчение. Конан стал для него лишь порывом ветерка, затихающим где-то вдали. Про него можно было забыть.

— С экипажем галеры покончено, как я приказывал? Я не желаю, чтобы между мной и Гирканией оставалось хоть одно живое звено. По крайней мере, пока я не могу взять под контроль эту страну с ее шаманами, и их заклятиями.

Кхитаец смутился:

— Повелитель, галера была сильно повреждена и не могла выйти в море. Я не мог ждать и отправился в путь на другом судне, на том, которое нанял этот киммериец. Я уверен, что

племена охотников, живущие на побережье, уже позаботились о судьбе команды галеры.

— А матросы с этого судна?

— Мертвы, Повелитель. Я убил их всех до единого и сам привел судно в нашу бухту. — Что-то дрогнуло в обычно непроницаемом лице убийцы под тяжелым взглядом Джандара. — Ну, если честно, Повелитель, капитан этой посудины, жирный мужик по имени Муктар, выбросился за борт сам. Но это было слишком далеко от берега. Он утонул, я в этом уверен.

— Не слишком ли во многом ты уверен? — Голос Джандара был спокоен и мягок, но царапал, словно коготки скорпиона, карабкающегося по голой коже.

На лбу Суйтая выступил пот. Он-то знал, как колдун скор на расправу с теми, кто неточно выполняет приказания. Кхитаец торопливо наклонился к мешку, лежавшему у его ног:

— Вот, я привез вам это, Повелитель.

Веревки, стягивающие мешок, развязались, и из него на пол выскользнула девушка. Ее руки были связаны за спиной, а ноги подтянуты к груди впивавшимися в тело веревками. Она замычала что-то сквозь кляп и попыталась освободиться. Но двигаться могли лишь пальцы ее рук и ног.

— Это та девчонка, которую Конан похитил из нашего лагеря, Повелитель, — удовлетворенно заявил Суйтай.

Джандар только презрительно фыркнул:

— Не думай, что это искупает твои ошибки. Одной девчонкой больше, одной меньше...

— Да это же Эсмира! — воскликнула Давиния.

Джандар раздраженно поморщился. Он и забыл, что Давиния пришла вместе с ним.

— Нет, ее зовут не так, — он напряг память, — ее имя — Ясбет. Точно. А теперь иди в сад, Давиния. У меня тут есть кое-какие дела, которые тебя не касаются.

Но блондинка уже подбежала к связанной девушке и повернула ее так, чтобы лучше видеть ее лицо.

— А я тебе говорю, что это принцесса Эсмира, дочь принца Рошманли.

Во рту Джандара пересохло.

— Ты уверена? Ведь ходят слухи, что принцесса заключена в монастыре при одном из храмов.

Давиния смерила Джандара таким взглядом, которого он

не простил бы никому. Но сейчас ему было не до субординации. Принц Рошмали был самым доверенным из Семнадцати Советников. Один из тех девяти. Человек, не водивший интриг с чужими женами, не захватывающий чужого золота, не делающий долгов в игорных домах. Его единственной слабостью, как говорили, была его дочь. Он был готов на все, чтобы оградить ее от черных сторон мира. Ради спасения Эсмиры разве не согласится такой человек ввергнуть Туран в войну? Если действовать аккуратно, то он должен клюнуть.

Вдруг взгляд Джандара упал на Давинию, злорадно улыбавшуюся, глядя на связанную девушку. Ему в голову пришла еще одна мысль. Он подозвал блондинку к себе и спросил:

— Ты говорила, что хочешь служить мне. Это правда?

— Тебе, — медленно ответила она, — я говорю одну только правду.

— Тогда сегодня ночью ты примешь участие в одной церемонии. Тебе нужно будет вонзить кинжал в сердце этой девчонки.

Джандар внимательно смотрел в глаза Давинии, ища в них нерешительность или сомнение. Ничего. Полная уверенность.

— Как мне прикажет мой Повелитель, — почтительно произнесла она.

Джандар сдержал довольную улыбку. Первый шаг сделан. Лишь только она вонзит нож, как окажется прикованной к нему крепче, чем стальными цепями. И этот же удар дает ему девятый голос среди королевских Советников. Империя и женщина. И та, и другая будут принадлежать ему.

Глава 24

Темные волны разбивались о изогнутый нос галеры, которая неслась, движимая ударами шести десятков весел, оставляя за собой фосфоресцирующий след. Туранское побережье виднелось сквозь ночную тьму белой полосой пены прибоя.

Конан стоял рядом с кормовым веслом, наблюдая одновременно за рулевым и за капитаном. Один раз они уже попытались направить корабль не в ту сторону, куда им было приказано, скорее всего — прямо в залив Аграпура. Там киммерийца и его спутников запросто могли схватить как пиратов. Лишь чутье да кое-какие морские навыки Конана уберегли его от этой ловушки. Вся команда, разоруженная и угрюмая, работала под пристальным надзором Акебы, Тамура и других гирканийцев. Шарак, ухватившись за канаты, удерживающие мачту, впился глазами в небо, пытаясь прочесть то, что предсказывали звезды.

Конана не очень заботили эти предсказания. Чему суждено случиться — то и будет, и ему не дано ни на йоту изменить судьбу.

— Туда, — он ткнул пальцем в сторону берега, — прямо.

— Но там же ничего нет, — запротестовал капитан.

— Туда. Это место — ближайшее на побережье к тому, куда нам надо. — Конан усмехнулся: — Я полагаю, ты будешь рад увидеть наши спины, где бы мы ни надумали высадиться на берег.

Негромко́ ругнувшись, капитан передал приказ рулевому, и галера чуть изменила курс, направляясь к указанному Конаном месту.

Хотя киммериец и сам не был до конца уверен в правильности своего выбора.

Какие у него ориентиры? Блеск огней Аграпура южнее, мерцание звезд. Инстинкт. Быть может, именно ему киммериец доверял больше всего. Инстинкт настойчиво твердил ему, что именно здесь, чуть в стороне от берега, стоит лагерь Культа

Хаоса — место, где находится плененная Ясбет и ненавистный Джандар, человек, которого он должен убить, пусть даже ценой своей жизни.

Под килем галеры заскрипел песок. Судно еще немного продвинулось по инерции и остановилось, накренившись на один борт.

— Готово, — объявил капитан, на лице которого смешались гнев и удовлетворение. — Можете проваливать с моего корабля, а я, пожалуй, воздам большую жертву Дакету, когда вы наконец освободите меня от своей компании.

— Акеба, — позвал Конан. Получив от туранца утвердительный кивок головой, он снова повернулся к капитану: — Я советую тебе и твоей команде двигать отсюда побыстрее. Не знаю точно, что здесь произойдет ночью, но уверен, что высшие силы вырвутся на свободу. Я уже видел одно такое место, где оживают самые страшные ночные кошмары, а о смерти мечтаешь как об избавлении.

— Колдовство? — нервно посмеиваясь переспросил капитан. — Да какое бы здесь ни развернулось чародейство, я не боюсь попасть в его лапы. Вы еще от берега отойти не успеете, а галера понесет меня прочь отсюда так быстро, как только могут двигать ее весла моих гре... — Свист вырвался из горла капитана, когда он увидел, как с нижних палуб толпой вылезают полуголые измученные люди и, отталкивая друг друга, торопятся выпрыгнуть на прибрежный песок.

— Вы... вы отпустили моих рабов... Да что ты наделал! Идиот... — повернувшись, капитан наткнулся на острие меча киммерийца.

— Шестьдесят весел, — спокойно сказал Конан, — и к каждому прикован по два человека. Не люблю я цепи на людях. Наверное, потому, что и самому довелось изведать железо на шее. Обычно я не занимаюсь освобождением рабов. Я не могу разорвать все цепи в мире, в Туране или даже в одном городе. А если бы даже и смог, люди все равно нашли бы возможность снова использовать их раньше, чем они запылятся. Но те люди, которые доставили меня сюда, могут погибнуть этой же ночью. Я думаю, они заслужили свободу. А тебе я посоветовал бы брать руки в ноги. Твоя жизнь зависит от того, насколько быстро ты смоешься отсюда.

Лицо капитана побагровело.

— Значит, сначала украл моих рабов, а теперь еще заставляешь меня покинуть мой корабль...

Окинув судно взглядом, капитан понял, что вся команда давно уже последовала советам киммерийца. По-звериному взвыв, моряк бросился в море с кормы галеры и побрел по воде к берегу.

Убрав меч в ножны, Конан развернулся и оказался лицом к лицу с двумя дюжинами освобожденных рабов, собравшихся плотной группой и подозрительно посматривающих на гиркранийцев.

Высокий человек, с длинной бородой и шрамами от множества ударов кнутом, шагнул вперед и, низко поклонившись, сказал:

— Прошу прощения, господин. Мое имя Акман. Вы освободили нас, и мы хотели бы следовать за вами.

— Никакой я не господин. Проваливайте отсюда поживее и будьте счастливы, что не следуете за мною. Я обнажил свой меч против могущественного колдуна, и этой ночью здесь будет много крови.

Часть освобожденных рабов растворилась в темноте, попрыгав за борт.

— Среди нас все равно есть те, кто пойдет за вами, господин, — продолжил Акман. — Для тех, кто жил как мертвец, умереть свободным — лучшая милость, которую могли даровать боги.

— Прекрати называть меня господином!

Акман отшатнулся назад от такого окрика.

Конан тяжело вздохнул и сказал:

— Найдите какое-нибудь оружие и постарайтесь помириться со своими богами. Акеба! Тамур! Шарак!

Не дожидаясь, что предпримут новоявленные союзники, Конан и его друзья перевалились через борт галеры и побрели по пояс в воде к песчаному берегу.

— Эти рабы больше будут обузой, а не помощью, — пробурчал Шарак. — Такое дело не для них. Тут место настоящим бойцам.

— Да, уж ты-то знатный боец, — засмеялся Акеба, хлопнув Шарака по плечу, чуть не уронив старика. — Эй, киммериец! А ты-то чего такой мрачный? Даже если нам суждено умереть, мы все равно утащим Джандара на поклон к Эрлику.

— А если при этом Джандар выпустит на свободу все те силы, которые ему подчиняются, как это было во время его прошлого поражения? Тут ведь нет шаманов, чтобы сдержать всю эту мерзость.

Все притихли, обдумывая эти слова. С лица Акебы слетела улыбка, Шарак пристально всмотрелся в звездное небо, губы Тамура, казалось, шевелились в молитве.

Вскоре на берег выбрались и остальные кочевники, бормоча проклятия по поводу всепроникающей воды, а за ними — с десяток рабов, не поддававшихся ни страху, ни чувству здравого смысла, возглавляемых вооруженным багром Акманом.

Странная армия, подумал Конан, армия, пытающаяся спасти мир. Мгновение помедлив, киммериец повернулся спиной к морю. Вслед за ним цепочка отчаянных людей нырнула в темную туранскую ночь.

* * *

— Значит, я должна вонзить ей нож в сердце?

— А что, ты уже сожалеешь о принятом решении? — переспросил Джандар, мысленно посылая ей указание — никаких сожалений, убей принцессу, привяжись ко мне сильнее, чем стальными цепями.

— Никаких сожалений, мой Повелитель, — медленно сказала Давиния, глядя на него спокойными и уверенными глазами. — Она прожила жизнь совершенно бесполезно. Пусть хоть ее смерть послужит какой-то цели.

Ругая сам себя, Джандар не смог удержаться от следующего вопроса:

— А если в этом нет никакой цели? Никакого смысла? Просто ее смерть — и все.

— Никакой цели? — Давиния внимательно посмотрела на свои руки: — Нет, мне будет казаться, что я никогда не отмою руки от крови. Просто так я не собираюсь этого делать.

— Не волнуйся, в этом есть свой смысл, — торопливо заверил ее Джандар. — Просто еще не пришло время открыть его тебе.

Чтобы предотвратить дальнейшие расспросы, Джандар вышел из комнаты.

Нет, так дело не пойдет, подумал он. Нервы совсем расшатались. Кто бы мог подумать: колдун невероятной силы, чело-

век, стоящий на пороге создания своей империи, — и так зависит от привязанности к какой-то светловолосой стерве. Ничего, со смертью Ясбет — если она хочет так себя называть, пускай, недолго ей осталось — он привяжет к себе эту женщину намертво. Ей уже будет не до капризов и интриг.

Все еще кипя внутри, Джандар подошел к бассейну — Вместилищу Первопричины — и усилием воли заставил себя успокоиться. Он должен быть свободен от эмоций, чтобы Сила могла войти в него. Сев скрестив ноги, бритоголовый колдун закрыл глаза и сосредоточился. Медленно-медленно над бассейном стало подниматься легкое свечение...

* * *

Сидя в ветвях высокого дерева, Конан внимательно рассматривал лагерь резиденции Культа Хаоса. Белоснежные и золотые купола поблескивали в неярком лунном свете, пурпурные шпили вонзались в небо. Но ни одного огонька не горело среди мраморных стен, ни единого шороха не доносилось из темноты. Киммериец спустился с дерева к поджидавшим его внизу товарищам.

— Запомните, — повторил он, обращаясь больше всего к бывшим гребцам с галеры, — любой человек с оружием в руках должен быть убит. Ибо ни один из них не сдастся.

Гирканийцы только мрачно кивнули. Им-то это было хорошо известно.

— Но желтокожий в черном — мой, — напомнил Акеба. — И вообще, держитесь от него подальше.

— Желтокожий-то, конечно, твой, — взволнованно сказал Акман. — Меня лично больше демоны беспокоят.

Шарак крепко схватил свой посох обеими руками и грозно потряс им в воздухе:

— Я разберусь с этими демонами. Только пусть сунутся! Нет, пусть сунутся!

Тамур мрачно заметил:

— И все-таки хотел бы я обойтись без них.

Конан решил сказать последнее напутствие:

— Главное — держитесь вместе. Те, кто отстанет или потеряется, станут легкой добычей.

С этими словами он дал знак двигаться к видневшейся сквозь темноту белоснежной стене.

Крючья, взятые с галеры, взлетели вверх и крепко зацепились за гребень стены. Люди быстро, как муравьи, вскарабкались по веревкам и попрыгали вниз.

Оказавшись по ту сторону стены, Конан словно перестал замечать выстроившихся за ним клином товарищей. Меч киммерийца вылетел из ножен. Джандар. Не обращая внимания на другие строения, Конан бегом направился к самому большому зданию в лагере — алебастровому дворцу с золотыми луковицами куполов, колоннадами портиков и порфировыми колоннами. Джандар наверняка где-то в этом дворце. Джандар и Ясбет, если она все еще жива. Но сначала — Джандар. Пока он жив — ни Ясбет, ни он сам не могли чувствовать себя в безопасности.

Неожиданно на пути киммерийца вырос удивленный человек в оранжевом одеянии. Выхватив из-за пояса кинжал, бритоголовый последователь Культа патетически взвыл: «Именем Священного Хаоса, умри!»

Вот дурак, подумал Конан, — тратить время на пустые разговоры. Через мгновение он уже вытаскивал свой меч из мертвого тела, прикидывая, что же за бог такой этот Хаос.

На крик, поднятый бритоголовым, выскочил еще один человек, одетый точно так же, как и первый. Выставив вперед копье, он бросился на Конана все с тем же непонятным криком. И этот крик захлебнулся в бульканье крови, фонтаном забившей из горла бритоголового после удара меча Конана.

Тогда сотни и сотни одетых в оранжевое мужчин и женщин повыскакивали из своих бараков в ночную темноту. Сначала они выглядели просто любопытными, а затем, увидев рядом с киммерийцем окровавленные тела, закричали. В одно мгновение паника овладела толпой, превратившейся в кипящую массу, жаждущую только спасения бегством. Хотя одним лишь численным превосходством последователи Культа могли задавить чужаков.

Забыв о своих же указаниях держаться вместе, Конан начал пробиваться сквозь мечущуюся толпу по направлению к дворцу. Джандар — единственное слово, крутившееся у него в голове. Джандар.

* * *

— Великий Господин, нашу резиденцию атакуют!

Джандар вздрогнул, возвращаясь из мира медитаций. Несколько мгновений он потратил на то, чтобы осознать, где он находится, оторвать глаза от мерцающего бассейна и сфокусировать взгляд на Суйтае, боязливо косящемся на сияние, исходящее от Сосуда Силы.

— Что это такое? Как ты посмел побеспокоить меня здесь? Ты не знаешь, что это строжайше запрещено!

— Да, Повелитель, но нападение...

На этот раз смысл сказанного дошел до Джандара.

— Нападение? Кто? Армия?

— Нет, Повелитель. Я пока не знаю ни кто они, ни сколько их. Весь лагерь в панике. Невозможно сосчитать нападающих. Я убил одного из них. Он был наполовину голый, со следами оков на руках и ногах.

— Раб? — удивленно переспросил Джандар. Ему все еще стоило большого труда выстраивать нормальную логическую цепочку и выражать ее словами.

— Возьми Избранных. Схватите этих несчастных, дерзнувших нарушить покой Культа. И наведите порядок в лагере.

— Всех Избранных, Повелитель?

— Да, всех, — зло ответил колдун. Неужели этот человек не мог просто сделать то, что приказано, не переспрашивая?

— Значит, церемония откладывается, Великий Господин?

Джандар моргнул, затем вновь отвернулся от Сосуда Силы и сказал:

— Откладывается? Конечно, нет. Ты думаешь, что их восхищенные взгляды нужны мне, чтобы совершить ритуал? Собери Избранных, как я тебе сказал. Я сам приведу девчонку в Зал Жертвоприношений и сделаю все, что нужно. Пошел вон!

Поклонившись, кхитаец поторопился покинуть зал, радуясь возможности оказаться подальше от этого таинственного бассейна.

Джандар покачал головой и снова направил свой взгляд на бассейн. Светящаяся пелена стояла почти вровень с берегами и звала, затягивала к себе.

Джандар с раздражением выкинул из головы непрошеные мысли.

Он просто устал. Вот и все...

Чтобы прийти в себя, неплохо бы посидеть здесь до рассвета, не набирая в себя Силу, а просто побыть рядом с бассейном.

Но времени у него не было. Девчонка должна выполнить свое предназначение сегодня же. Почувствовав Силу, вошедшую в его тело, Джандар встал, готовый совершить ритуал.

Поплотнее запахнув на себе плащ, он вышел из помещения, чтобы отвести Давинию вместе с Ясбет в Зал Жертвоприношений.

Глава 25

Выставив вперед меч, Конан крался вдоль стены одного из дворцовых коридоров, не обращая внимания на красивые ковры и тонкие фарфоровые вазы. По другую сторону коридора, с саблей в руке, крался Акеба. Они, словно два волкодава, вышли на охоту.

Киммериец не знал, где остальные и что с ними. Время от времени до него доносились крики раненых, звон стали, раздававшиеся то снаружи, то где-то в длинных коридорах и огромных залах дворца. Кто побеждал — киммерийца это сейчас мало занимало. Ему был нужен Джандар, и внутренний инстинкт говорил ему, что с каждым шагом он приближается к цели.

Из одного из боковых коридоров безмолвно, словно смерть, выскочили три человека в оранжевом, с саблями наголо.

Конан отразил мечом первый удар, отбросив клинок противника к стене. Затем его меч обрушился на одного из бритоголовых, снеся ему полчерепа. В следующий миг киммериец с размаху ткнул мечом в лицо второму нападающему. В тот же момент сабля Акебы впилась тому в бок. Дважды пронзенное тело рухнуло на пол. Оглянувшись в поисках третьего нападающего, Конан понял, что тот уже имел несчастье встретиться с саблей туранца.

— Хорошо работаешь, — буркнул Акеба, вытирая кровь с клинка об оранжевые одеяния. — Подумай о службе в армии, если мы выберемся из этого... — Его фраза так и осталась недосказанной. Оба друга внезапно почувствовали рядом чье-то присутствие. В коридор шагнул одетый во все черное убийца-кхитаец.

Он, не торопясь, приближался к ним, словно зверь, уверенный в том, что добыча никуда не ускользнет. Его руки были пусты. Никакого оружия. Но Конану не надо было напоминать о тех, кого он видел в юрте Самарры, — без единой царапины на теле, но с выражением ужаса, застывшем на мертвых

лицах. Помнил он и Зорель, погибшую от одного прикосновения.

Конан покрепче сжал меч, но стоило ему сделать лишь шаг вперед, как холодная рука Акебы властно легла ему на плечо.

— Он мой, киммериец. По праву кровной мести, он мой.

Конан неохотно уступил ему дорогу. Ему самому был нужен Джандар, но путь к логову колдуна лежал через этот коридор, в котором закружилась в смертельном танце эта странная пара.

Кхитаец улыбнулся. Его рука вылетела вперед, как змея. И, как мангуст, Акеба увернулся. Убийца тоже избежал сверкнувшей стали туранца, но улыбка уже сошла с его губ. Словно две потусторонние тени, стояли противники друг против друга. Сверкающая сталь — против смертельного прикосновения. Каждый понимал опасность другого. Каждый желал только одного — победить, уничтожить противника. Видимо, кхитаец раньше раскусил обманные движения Акебы. Рука в черном рукаве вылетела вперед, явно направленная в горло туранцу. Отчаянным движением Акеба попытался заблокировать удар и подставил под него свою правую руку. Сабля вылетела на пол, рука безжизненно повисла вдоль тела, а Акеба с криком боли схватился здоровой рукой за кинжал. Кхитаец остановился, чтобы перевести дух и закончить дело.

— Кром! — прорычал Конан и бросился вперед.

Только сверхъестественная реакция спасла кхитайца от клинка киммерийца, обрушившегося на то место, где тот только что стоял. Снова улыбаясь, убийца кивнул головой Конану, словно приглашая его на поединок.

Не отводя глаз от черной фигуры, Конан сказал Акебе:

— Я обещал, что дам тебе убить его. Но никак не наоборот.

Туранец усмехнулся сквозь слезы, выступившие на его глазах. Он твердо сжимал в руке кинжал, но стоял опираясь спиной о стену, не в силах оторваться от нее.

— Раз уж ты все равно влез, то посчитайся и за меня, киммериец.

— Да, — прошипел кхитаец. — Убей же меня, варвар. Попробуй.

Без предупреждения Конан резко ткнул мечом в живот человеку в черном. Тот словно скользнул назад, остановившись как раз там, куда чуть-чуть не достал клинок.

— Ты уж постарайся, варвар. Че Фан был не прав. Ты — всего лишь обычный человек. Я не верю, что ты и вправду побывал в Проклятой Земле. А если и так, то вырвался ты только потому, что тебе повезло. Сегодня я, Суйтай, положу конец твоим похождениям. Иди сюда, иди же. Здесь ты найдешь свою смерть.

Все время, пока кхитаец говорил, Конан медленно двигался вперед, следя за тем, чтобы ни на миг не потерять равновесия. Меч он держал невысоко, и конец клинка все время двигался из стороны в сторону, словно язык змеи. Хотя кхитаец и говорил самоуверенно и нагло, он все время с опаской следил за поблескивающим в свете ламп клинком.

В тот миг, когда Суйтай закончил говорить, Конан перекинул меч из правой руки в левую. Взгляд кхитайца невольно последовал за блеснувшей стальной молнией. Воспользовавшись этим, киммериец сорвал со стены одну из парчовых драпировок и набросил ткань на плечи и голову противника. Тот даже не успел понять причину своей внезапной слепоты, а меч Конана уже пронзил ткань и плоть, с хрустом взламывая кости.

Кхитаец медленно стащил с головы кусок ткани и, не веря своим глазам, уставился на торчащий из его груди меч, на кровь, ручьем хлынувшую на черную одежду.

— Да, я найду здесь смерть, — сказал Конан, — Но не мою. Твою смерть.

Кхитаец попытался что-то сказать, но кровь хлынула из его горла, и он рухнул на мраморный пол. Вынув из тела меч, Конан старательно вытер его, словно благородный клинок упал в яму с нечистотами.

— Премного тебе признателен, дружище, — сказал Акеба, неуверенно оторвавшись от стены. На лбу туранца выступили капли пота, его рука все так же безжизненно висела вдоль тела, но он нашел в себе силы устоять на ногах, глядя на труп убийцы его дочери.

— Теперь у тебя есть свое собственное дело, ради которого ты пришел сюда.

— Джандар, — сказал Конан и, не говоря больше ни слова, двинулся дальше по коридору.

Как крадущийся тигр, он пересекал один за другим залы и коридоры дворца. Боги хранили тех, кто не попался на его пу-

ти. Киммериец не стал бы терять время, выясняя, есть ли у них оружие или нет. Его кровь кипела. Только смерть Джандара могла успокоить киммерийца.

Наконец путь ему преградили тяжелые бронзовые двери, покрытые странным хаотическим узором. Напрягшись всем телом, Конан распахнул одну из створок и шагнул внутрь, выставив меч вперед.

Страшная картина открылась его взору. К черному каменному алтарю была привязана Ясбет. Прямо над ней стояла Давиния, занеся нож для удара в сердце. А рядом — Джандар, воздевший руки к небу и нараспев читающий свои заклинания. Над всеми тремя повис еще почти прозрачный, светящийся голубым пламенем купол.

— Нет! — крикнул Конан.

Он понял, что не успеет добежать до алтаря и перехватить кинжал Давинии. Тогда киммериец выхватил кинжал и метнул его в застывшую от его крика Давинию. Но в этот момент Джандар, оборвав свои заклинания, шагнул вперед, чтобы увидеть того, кто посмел нарушить его тайный ритуал. Остро отточенная сталь вонзилась в руку застонавшего колдуна.

Зажимая рану, Джандар посмотрел на Конана и нараспев произнес:

— Именем Крови и Земли, именем Сил Хаоса я призываю вас. Уничтожьте этого варвара.

Давиния вся сжалась и подалась назад, словно желая убежать, но не осмеливаясь сделать это.

Пол задрожал, и Конану пришлось остановиться, когда осколки мрамора взлетели чуть ли не из-под самых его ног. Там, среди камней и земли, прокладывало себе путь отвратительное создание — из тех, что уже встречались Конану. Размахнувшись изо всех сил, киммериец одним ударом разрубил оскаленный череп по самые плечи. Но чудовище, не истекая кровью и не страдая от боли, продолжало свой путь к жертве. Конану пришлось рубить и рубить мечом, но даже отрубленные куски мертвой плоти продолжали извиваться в безудержной ярости. Еще несколько адских созданий вылезло из-под пола, преграждая Конану путь к алтарю и окружая его с трех сторон. Клинок киммерийца безостановочно взлетал в воздух и с размаху врезался в очередную цель. Отрубленные конечности, головы, куски тел усеивали пол. Но все больше и больше оска-

ленных пастей вылезало из-под ломающихся плит пола. Конан оказался отрезанным от алтаря и от Ясбет и все свои силы тратил на то, чтобы удержать чудовищные создания на расстоянии от себя.

Довольная улыбка появилась на искаженном болью лице Джандара.

— Значит, Суйтай солгал мне. Ничего, с ним я еще разберусь. А сейчас, варвар, если у тебя найдется свободная минута, взгляни на то, что сейчас будет с этой женщиной по имени Эсмира. Давиния! Мы снова приступаем к нашему ритуалу. Делай все, как я тебе приказал.

Давиния, с искаженным от ужаса лицом, снова занесла серебряный кинжал. Ее выпученные глаза со страхом следили за наступавшими на Конана созданиями, но руки не дрожали. Джандар снова начал читать заклинания, призывая Силу.

Конан яростно попытался пробиться к алтарю, но на месте каждого разрубленного им противника тотчас же появлялись двое новых.

За его спиной послышалась какая-то возня. Киммериец обернулся и увидел падающего на пол человека в желтом, бессильно выронившего саблю. Из раны на его голове потоком хлынула кровь. Вслед за ним в зал ввалился Шарак.

Конан был так потрясен этим, что даже опустил на мгновение меч. Этим замешательством воспользовались чудовища, чтобы сомкнуть вокруг него кольцо.

Посох Шарака воткнулся в лицо еще одного вбежавшего в зал бритоголового служителя Культа. Тот рухнул на пол, а его меч покатился по полу, чуть не доехав до алтаря. Джандар поморщился, но не прекратил своих завываний. Конан отхватил мечом зелено-серую руку, затем голову, пнул слепо размахивающее единственной рукой тело в пасть другому чудовищу.

Но все напрасно. Киммериец чувствовал, что силы его на исходе.

Неожиданно рядом с ним очутился Шарак, яростно размахивающий посохом.

— Убирайся отсюда! — крикнул Конан. — Ты слишком стар, чтобы...

Посох с треском обрушился на обтянутый серой кожей череп. Чудовище взвыло. Более того, Джандар у алтаря вздрогнул, словно от сильного удара. Даже другие подземные твари за-

мерли, когда синие искры посыпались из тела их собрата, получившего удар посохом. С сильным хлопком чудовище взорвалось и исчезло, оставив после себя лишь маслянистое облако черного дыма.

— Я же тебе говорил! — закричал Шарак. — Это волшебный посох!

Еще один удар — и еще одно облачко дыма поднялось к куполу потолка.

Подземные создания попятились, жалобно вращая глазами и поглядывая на Джандара. На какой-то миг, по крайней мере, путь к алтарю освободился. Конан ринулся к черному камню.

Мгновенно развернувшись, Джандар прохрипел:

— Я призываю Силы, которые ты не видел и в кошмарном сне. Встреться же с ними!

С этими словами бритоголовый колдун юркнул в узкий проход рядом с алтарем. Увидев его бегство, чудовища, видимо, сочли себя свободными от выполнения приказов и исчезли, не дожидаясь ударов посохом.

Неуверенность овладела Конаном. Да, главная цель — это Джандар. Но тут на алтаре остается прикованная Ясбет. И Давиния с кинжалом в руках.

Почувствовав на себе холодный взгляд киммерийца, Давиния торопливо заговорила:

— Он меня заставил, Конан. Этот Джандар, он, оказывается, волшебник. Он заколдовал меня и заставил пойти на это.

Она держала кинжал, низко опустив его, так, как держат те, кому приходилось втыкать клинок в живот противнику.

Следя краем глаза за Давинией, Конан шагнул к алтарю. Ясбет извивалась в цепях. Четыре раза заносил Конан меч. Наконец каленая сталь клинка одолела черное цепное железо.

Вытащив изо рта кляп, Ясбет вскочила и схватила валявшийся рядом с алтарем меч погибшего служителя Культа. Ее волосы свободно растекались по плечам и груди. В этот миг она была похожа на нагую богиню войны.

— Я сама разберусь с этой...

Девушка явно не знала нужных слов, чтобы описать свое отношение к Давинии.

— Дура! — рявкнул на нее Конан. — Я не для того освободил тебя, чтобы ты получила нож в бок.

— Это ты, я вижу, сдурел, киммериец, — крикнул Шарак,

продолжая тыкать посохом в валяющиеся тут и там на полу обрубленные части тел чудовищ. — Твое дело — убить этого колдуна. А не то все старания насмарку!

Старик прав. Конан знал это. Бросив последний взгляд на гневно приближающуюся к Давинии Ясбет, он нырнул в тот же проход, в котором скрылся Джандар.

Узкий коридор оказался недлинным. Почти сразу же Конан увидел впереди уже знакомое ему голубое сияние и через несколько шагов оказался в небольшом, ничем не украшенном помещении. В его центре среди колонн бурлила и кипела светящаяся дымка.

Едва видный сквозь туман, Джандар стоял, разведя широко руки, и что-то нараспев говорил на совершенно незнакомом Конану языке. То, что исходило от бассейна и туманного облака над ним, киммериец не смог бы определить как добро или зло. Скорее это было отрицанием существования чего бы то ни было...

Конан почувствовал себя так, словно неведомая сила хочет рассыпать его, разделить на тысячу кусков.

Краем глаза Конан заметил две подкрадывающиеся к нему фигуры. Сквозь туман он понял, что это все те же подземные чудовища. Обе тени двигались вдоль стены, явно опасаясь приближаться к сиянию. Что ж, разделаться с этими уродами (благо, их всего двое), а затем — за Джандара. Но при этом в голове Конана зашевелилась какая-то совершенно незнакомая мысль. Сам себе не веря, он вдруг понял, что собирается сдаться. Все ясно, это штучки колдуна. Конечно, рядом с этим поражающим воображение сиянием нетрудно внушить человеку мысль о бесполезности сопротивления, да и вообще всякой борьбы. Вздрогнув, киммериец сжал зубы и напряг всю свою волю. Он не сдастся. Он — не — сдастся!

Бессловесный крик первобытной ярости вырвался из горла киммерийца. Размахнувшись мечом, словно топором, он одним ударом рассек пополам тело приблизившегося к нему чудовища. Теперь Джандар, мелькнуло в голове Конана. Но от дважды убитой твари было не так легко отделаться. Верхняя часть тела, упав, судорожно схватила человека за ноги. Оскаленные челюсти впились в живое тело. Не удержав равновесия, Конан покатился по полу, нанося рукоятью меча удар за ударом по лицу противника, пока оно не превратилось в бесфор-

менную маску. Но, несмотря на это, костлявые лапы так и не ослабили хватку.

Над всем этим раздавались непрекращающиеся завывания Джандара. Колдун слишком сильно погрузился в источник Силы, чтобы замечать хоть чье-либо присутствие рядом с собой.

Звук царапающих мрамор когтей предупредил Конана о приближении второго чудовища. Почти ослепленный все усиливающимся сиянием купола над бассейном, Конан наугад махнул мечом, отрубив противнику одну ступню. Чудовище огляделось в поисках пропавшей части тела, чуть покачнулось, теряя равновесие, и вдруг рухнуло на ярко светящийся купол. Вспыхнули огненные дуги, раздался треск — и от чудовища не осталось ничего.

Путь к Джандару был открыт. Теперь колдуну не уйти, мелькнуло в голове Конана, даже если для этого придется перегрызть ему глотку. Но сквозь почти животную ярость киммериец вдруг понял, что, скорее всего, колдун уже заканчивал свои заклинания. Его черная работа явно была близка к завершению. Вполне возможно, что киммериец просто не успеет добраться до него прежде, чем прозвучит последнее слово и на землю выплеснутся освобожденные силы Хаоса.

Исчезновение последнего чудовища показалось Конану знакомым. Где же он мог такое видеть? Ну, конечно же, барьер Проклятой Земли. Киммериец судорожно нашарил на поясе мешочек с порошком, оставшийся после того страшного путешествия. Он чуть не рассмеялся. Если там, внутри купола — то, что не привидится даже в кошмаре, то Джандару не удастся убежать. Развязав мешочек, Конан, аккуратно прицелившись, бросил его к ногам захлебывающегося в заклинаниях колдуна. Порошок рассыпался у самого края пылающего купола. Этого будет достаточно.

— Месть за тебя, Самарра, — пробормотал Конан, а затем громко, четко и спокойно отчеканил слова заклинания, выученные в гирканийской юрте. С последним звуком воздух над порошком задрожал и заискрился.

Голос Джандара дрогнул. Долю секунды колдун смотрел на дрожащее пятно, а затем закричал: «Нет, нет! Еще рано. Я еще не ушел!»

Сквозь дрожание, обозначавшее ослабленное место в пылающем куполе, выскользнуло нечто. Разум был не в состоянии

определить это. Глаза отказывались видеть. Просто серебристые вспышки в глубине голубого облака. Ничего больше. Но стоило этой штуке появиться из-под купола, как от его границы протянулась к колоннам и стенам глубокая траншея, углубляющаяся с каждым мгновением. Потолок треснул. Светящаяся штуковина прикоснулась к камню — и часть стены и потолка рухнула вниз. Ни один из обломков не долетел до пола, поглощенный этим непостижимым несуществом.

Крупицы здравого смысла вернулись к Конану сквозь всю пелену ужаса, застилавшую его разум. Киммериец увидел, что часть этой штуки направляется в его сторону. С отчаянным усилием он бросился отрывать мертвые костистые руки от своих ног.

Джандар бросился бежать, но через несколько шагов краешек этой штуки дотронулся до него. Лишь самый край. Но колдун издал истошный крик, словно пытаемая женщина или проклинаемая душа покойника. Оранжевые одежды растаяли, как изморось. При каждом прикосновении сверкающего тумана кусок тела Джандара словно сгорал. Бритоголовый колдун кричал, словно желая превзойти крики всех жертв, замученных им на алтаре.

С грохотом обрушилась и превратилась в пар дальняя часть комнаты. Но даже шум падающих камней не смог перекрыть криков Джандара. Конан удвоил свои усилия. Еще один раз поддеть мечом — и мертвая (во всех смыслах) хватка ослабла. Страшные серо-зеленые руки отпустили его.

Откатившись в сторону, киммериец вскочил на ноги и нырнул в коридор, по которому попал в эту комнату. Голубые светящиеся щупальца словно облизали то место, где он только что был. Конан предпочел не дожидаться продолжения и бросился бежать. Мольбы Джандара эхом отдавались в его ушах.

Когда киммериец добрался до зала с алтарем, Шарак нетерпеливо всматривался в темноту коридора. С безопасного расстояния.

— Что это были за стоны? — спросил старик и задумчиво добавил: — Они прекратились...

— Джандар мертв, — сказал Конан.

Он поискал глазами Ясбет и обнаружил ее сооружающей некое подобие одежды из кусков оранжевой ткани убитого Шараком служителя Культа. Давиния, связанная, но без ран на

теле, молча лежала на полу. Во рту у нее торчал кляп из обрывка ее собственного золотистого одеяния. Полоса того же шелка связывала ей руки. Еще одна — в виде петли — была накинута на ее шею. Другой конец куска ткани Ясбет крепко сжимала в кулаке.

Неожиданно земля вздрогнула под их ногами. Пол зашевелился и просел с той стороны, откуда вернулся Конан.

— Эта штука прокладывает себе путь сквозь землю, — пробормотал киммериец.

— Какая штука? — спросил Шарак.

Земля опять покачнулась и больше не останавливалась. С потолка рухнули лампы, залив пол горящим маслом. С каменных плит поднялась в воздух пыль и грязь.

— Времени нет, бежим! — крикнул Конан и, подтверждая слово делом, схватил Ясбет за руку и потащил ее за собой. Та так и не выпустила из рук петлю, удерживающую ее пленницу. Шарак с удивительной для его лет живостью поспешил за ними.

Выбравшись из дворца, они увидели, что и на открытом месте опасность не исчезла. Грохот трясущейся земли наполнил воздух, словно сам Эрлик решил прогуляться по поверхности земли, заставляя ее дрожать под его шагами. С треском валились вековые деревья. Высокие башни превращались в груды камня.

Повсюду метались люди. Сотни людей. Все пытались спастись бегством, но далеко не всем это удалось. На глазах киммерийца в земле образовалась трещина, в которую рухнули несколько человек: кто-то — в оранжевом плаще, кто-то — в войлочной шапке. Прежде чем Конан подбежал к этому месту, земля захлопнулась, унеся всех в одну братскую могилу.

Через стену перелезать не пришлось. Большая ее часть превратилась в груду булыжников. Перебравшись через них, Конан ни на секунду не остановился. Он слишком хорошо помнил, что стало с дворцом, чьи развалины он видел в Проклятой Земле. Эти воспоминания гнали его дальше и дальше от резиденции Джандара и его Культа. Киммериец вбежал в окружающий резиденцию лес и продолжил гонку, почти неся на себе Ясбет и волоча полузадушенную Давинию.

Неожиданно земля перестала дрожать. Стих грохот камней. Но в наступившей тишине стал расти другой звук — свистящий рокот.

Прислонившись к дереву, не в силах сказать хоть слово, Шарак одними глазами задал киммерийцу вопрос.

— Море, — выдохнул Конан. — Трещины вышли к морю.

Небо за их спинами покраснело. С грохотом взметнулись ввысь языки огненной магмы, смешанной со струями пара. Это морская вода встретилась с раскаленными внутренностями земли. В несколько мгновений стихнувший было ветер превратился в ураган.

— Держитесь! — крикнул Конан, пытаясь помочь женщинам удержаться за деревья. Но даже его сил оказалось мало. В какой-то момент его пальцы ослабли, и он потерял Ясбет из виду. Грязь, листья, ветки деревьев, даже камни — все вертелось в воздухе, словно в кипящем котле.

Затем земля снова качнулась. Но киммериец уже не почувствовал этого. Последнее, что он увидел, — это несущийся на него огромный сук. Удар в голову, казалось, расколол его череп. Все вокруг погрузилось во мглу.

Эпилог

Конан очнулся, когда день уже наступил. Первое, что бросилось ему в глаза, — холмы, покрытые вывороченными деревьями, на месте прибрежной лесистой равнины. Ясбет. С трудом встав на ноги, он начал пробираться сквозь завалы из деревьев, не переставая звать девушку. Никакого ответа. Забравшись на вершину ближайшего холма, Конан онемел от изумления.

Холмистая местность оказалась не единственной переменой в пейзаже. Далеко в берег врезался залив, над которым поднимались клубы пара.

— Тут-то и стоял их дворец, — раздался хриплый голос, и Шарак, подойдя к киммерийцу, встал рядом с ним. Каким-то чудом старику удалось выжить в этом кошмаре.

— Ты не видел Ясбет?

Астролог покачал головой:

— Я видел много народу, в основном эти бритоголовые. Почти все собирались уйти отсюда куда подальше. Да, еще я видел Тамура с полудюжиной его приятелей. Они тоже решили уезжать из Турана, наплевав даже на то, что их ждет дома. Жаль, но, боюсь, нам уже не удастся поболтать с ними в какомнибудь кабачке Аграпура. Да, еще Акман. Он ушел куда-то на запад. А Ясбет — я думаю, она погибла.

— Да жива я! Рано ты меня хоронишь, старик, — раздался знакомый голос.

Широкая улыбка расплылась по лицу киммерийца, увидевшего Ясбет, ведущую Давинию на привязи, и Акебу, карабкающегося по склону рядом с женщинами.

— Я потеряла меч, — первое, что заявила Ясбет, забравшись на вершину. По крайней мере, явная нехватка ткани на теле куда меньше беспокоила ее. — Ничего, я добуду себе другой. Ты ведь еще многому должен научить меня. Управляться с саблей, с мечом, да и кое-чему другому еще стоит у тебя поучиться.

Акеба попытался скрыть улыбку, а Шарак, наоборот, демонстративно захихикал.

— Ладно, научу, чему смогу, — улыбнулся Конан. — Слушай, что ты все таскаешь за собой Давинию? Отпусти ее или убей, если хочешь. Ты имеешь на это право. Она ведь собиралась убить тебя.

Давиния рухнула на колени, умоляюще глядя на Ясбет.

— Нет, я поступлю иначе, — сказала девушка, внимательно посмотрев на блондинку. — Продам-ка я ее в бордель. Это единственное место, подходящее для нее.

Давиния замычала сквозь кляп. По ее глазам было видно, что она предпочла бы смерть такой участи.

— Таким образом, — добавила Ясбет, — я себе на меч и заработаю.

— Ладно, друзья, — вступил в разговор Акеба. — Я рад видеть вас всех живыми, но не лучше ли будет поговорить где-нибудь в другом месте?

— И то дело, — согласился Шарак. — Мне тоже нужно побыстрее оказаться в Аграпуре. Теперь, когда волшебная сила моего посоха доказана, я смогу удвоить, нет, утроить мой гонорар. Акеба, ты ведь подтвердишь его силу, правда?

— Опять ты дезешь со своей деревяшкой! Что я должен подтверждать? — затеял уже привычный спор Акеба.

Конан, помогая Ясбет спуститься с холма, подал ей руку и вдруг спросил:

— Слушай, а ведь Джандар называл тебя другим именем. Почему так?

— Нет, ты, наверное, ослышался. Ясбет — мое единственное имя.

При этих словах Давиния забежала вперед, что-то мыча сквозь кляп и отчаянно тараща глаза на Конана. Ясбет хлопнула ее по плечу и негромко сказала:

— Если хочешь, я могу проткнуть тебе уши. За это мне цену не снизят. Девочки, при которых можно свободно болтать, наверное, тоже в цене в борделях.

Глаза блондинки округлились от ужаса. Больше она уже не пыталась обратить на себя внимание.

Конан усмехнулся про себя. Конечно, Ясбет говорила неправду. Но что-то подсказывало Конану, что она имеет на это право. Он решил не настаивать.

Сзади до них донеслись обрывки разговора двух приятелей:

— Если Конан видел, пусть он и подтверждает. А я ничего такого не видел.

— Но ты же местный офицер. Твое слово знаешь сколько стоит? Давай сделаем так. Конан расскажет тебе, а ты подтвердишь, что видел все своими глазами.

Улыбка, не сходившая с лица Конана с тех пор, как он увидел Ясбет живой и невредимой после землетрясения, стала еще шире. Он улыбался впервые за много дней. В конце концов, он жив, в кармане даже позвякивают две золотые монеты. Рядом — добрые друзья. И главное — красивая, любящая его женщина. Что еще может хотеть человек? Чего больше?

ОГНЕННЫЙ ЗВЕРЬ

Пролог

Ледяной воздух мертвенно, неподвижно висел над отрогами Кезанкийских гор, протянувшихся с юга на запад вдоль границы между Заморой и Бритунией. Птицы не пели, и безоблачное лазурное небо было пусто, поскольку даже вечные обитатели этих мест — грифы — не могли найти ни единого воздушного потока, чтобы парить.

В этой жуткой тишине на крутых бурных склонах, образующих естественный амфитеатр, толпились тысячи жестоких кезанкийских горцев в грязных тюрбанах. Они ждали, и их молчание сливалось с тишиной гор. Ни одна кривая сабля не лязгнула о камень. Ни одна нога, обутая в сапог, не шаркнула в нетерпении, которое ясно читалось на бородатых лицах. Люди, казалось, едва дышали. Черные глаза не мигая глядели на площадку в двести шагов в поперечнике, вымощенную огромными гранитными плитами и окруженную широким барьером высотой по пояс. Из барьера торчали, будто зубы из высушенного солнцем черепа, толстые, грубо обтесанные гранитные колонны. В центре этой круглой площадки к высоким черным железным столбам были привязаны за поднятые над головой руки глубоко врезавшимися в запястья кожаными ремнями три светлокожих бритунийца. Но не на них было сосредоточено внимание зрителей. Все глядели на высокого человека в алом одеянии и с раздвоенной бородой, который стоял над входом в туннель, выложенный массивными глыбами и уходящий в глубь горы.

Ималла Басракан, со смуглым худым и серьезным лицом под тюрбаном из красной, зеленой и золотой материи, запрокинул назад голову и прокричал:

— Слава истинным богам!

Возбужденный вздох пробежал по рядам зрителей, и ответ их эхом раскатился по склонам гор:

— Слава истинным богам!

Если бы натура Басракана была иной, он мог бы улыбнуться довольно. Горцы не собирались вместе в большом количестве, поскольку все кланы враждовали друг с другом и внутри племен кипела кровная вражда. Но он собрал этих людей, и не только тех, что стоят здесь. Почти в десять раз больше горцев устроили стоянки среди скал, окружающих амфитеатр, и каждый день прибывают еще десятки. С властью, данной ему истинными богами, с символом их благоволения, подаренным ими, он делал то, что не удавалось никому другому. И он сделает еще больше! Древние боги Кезанкийских гор избрали его.

— Аюди городов, — он произнес эти слова как ругательство, — поклоняются ложным богам! Они не ведают о богах истинных — духах земли, воздуха, воды. И огня!

Нечленораздельный рев вырвался из тысяч глоток: одобрение Басракану и ненависть к людям городов слились вместе до того, что нельзя было отличить, где кончалось одно и начиналось другое.

Черные глаза Басракана горели страстью. Сотни других ималла бродили по горам, неся слово древних богов от клана к клану и охраняя кланы этим словом от вражды и войн. Но лишь ему было дано привести к победе истинной веры.

— Истинные боги считают людей городов злом! — Голос его гудел как колокол, и ималла видел, что слова его находят отклик в сознании слушающих. — Царей и князей, убивающих правоверных во имя демонов, называемых ими богами! Жирных торговцев, набивающих свои подвалы таким количеством золота, сколько нет и у целого клана! Принцесс, выставляющих напоказ свое полуголое тело и предлагающих себя мужчинам, будто блудницы! Блудниц, купающихся в благовониях и усыпающих себя золотом, будто принцессы! Мужчин, у которых гордости меньше, чем у животных, и которые побираются на улицах! Их мерзкие жизни оскверняют землю, но мы омоем ее их кровью!

Ответный крик толпы, потрясший серый гранит под его ногами, едва затронул мысли. Ималла думал о том, как он спускался в подземелье, глубоко под этой самой горой, ходил по мрачным коридорам, освещенным лишь факелом, который он нес, как пытался быть ближе к богам земли, когда возносил им молитвы. Истинные боги привели его к подземному озеру, в котором безглазые бесцветные рыбы плавали вокруг кладки

огромных твердых, как лучшая броня, яиц, оставленных там в прежние века.

Долгие годы он опасался, что истинные боги отвратят от него свои лица из-за того, что он изучает магическое искусство, но лишь это знание позволило ему перенести эти гладкие шары в свою хижину. Без знания, полученного в результате его стараний, ему никогда не удалось бы высидеть одно из десяти яиц и он никогда не привязал бы к себе вылупившееся из него существо, хотя и сделано все это было столь несовершенно. Если бы только у него были Огненные глаза... Нет, когда у него будут Огненные глаза, все связи, такие хрупкие сейчас, будут как железо.

— Убьем неверных и осквернителей! — призвал Басракан, когда крики стихли. — Снесем их города и посыплем землю, на которой они стояли, солью! Женщины их, сосуды похоти, будут очищены от их мерзости! Не останется и следа их крови! Даже памяти! — Горбоносый ималла раскинул руки. — С нами символ благоволения истинных богов!

Громким чистым голосом он начал петь, и каждое слово отдавалось от скал, разносясь четким эхом. Тысячи собравшихся воинов затаили дыхание. Ималла знал, что среди слушающих есть и те, кто больше хочет награбить в городах золота, чем очистить мир. Теперь они узнают истинную веру.

Последний слог заклинания звенел в воздухе, будто хрустальный колокольчик. Басракан пробежал взглядом по оставшимся в живых бритунийским пленникам из охотничьего отряда, зашедшего в горы с запада. Одному из них было не больше шестнадцати, взгляд его серых глаз в ужасе метался, но ималла не считал бритунийцев людьми.

Басракан почувствовал низкую вибрацию камня еще до того, как услышал резкий скрежет когтей, более длинных, чем человеческая ладонь.

— Символ благоволения истинных богов с нами! — прокричал он снова, и из туннеля появилась огромная голова существа.

Тысячи глоток ответили ималле, когда показалась остальная часть бочкообразного тела, более пятнадцати шагов в длину, поддерживаемого четырьмя широко расставленными массивными ногами.

— Символ благоволения истинных богов с нами!

Короткую морду покрывала почерневшая чешуя, на фоне которой видны были торчащие из пасти неровные зубы, созданные для того, чтобы терзать плоть. Остальная часть чудовищной головы и тело были покрыты зеленой, золотой и алой чешуей, блестящей в бледных лучах солнца, чешуей тверже любой рукотворной брони. На спине эта чешуя недавно сменилась двумя удлиненными кожистыми волдырями. Это был дракон, как называют его в древних книгах, и, если эти фолианты сообщают правду о подобных твердых темных наростах, символ благоволения богов скоро будет совершенен.

Существо повернуло голову и устремило свой парализующий взгляд прямо на Басракана. Ималла оставался внешне спокоен, но внутри его словно сковало льдом, и холод этот заморозил дыхание и слова в горле. Ималле всегда казалось, что взгляд этих золотых глаз исполнен ненавистью. Это, конечно, не может быть ненавистью к нему. Он ведь имеет благословение истинных богов. Однако злоба там есть. Вероятно, это презрение создания истинных богов к простым смертным. В любом случае охранительные свитки с заклятиями, положенные им между грубо обтесанными гранитными колоннами, удержат дракона в круге, а туннель имеет только один вход. Только ли один? Хотя ималла часто спускался в пещеры под горой — по крайней мере в дни до того, как он нашел черные яйца дракона, — он не обследовал и десятой части подземелья. Вполне могут существовать десятки так и не найденных им выходов из этого лабиринта.

Существо отвело свой жуткий взгляд, и Басракан поймал себя на том, что делает глубокий вдох. Он был доволен, заметив, что в дыхании нет дрожи. Благосклонность древних богов воистину с ним.

Со скоростью, какой никак нельзя было ожидать от такой массы, поблескивающее чешуей существо оказалось в десяти шагах от связанных людей. Вдруг огромная морда закинулась назад, и из зияющей пасти раздался пронзительный вой, от которого люди похолодели до костей и сами кости сделались мягкими. Благоговейная тишина повисла над зрителями, но один из пленников закричал высоко и жалобно, и в этом крике уже явно слышалось безумие.

Мальчик боролся со связывающими его ремнями молча; по его рукам потекли ручейки крови.

Ималла с огненным взглядом вытянул руки вперед, ладонями вверх, будто предлагая дракона всем собравшимся.

— Он пришел из глубин земли! — кричал он, — Духи земли с нами!

Не закрывая пасти, дракон начал опускать голову — до тех пор, пока взгляд его холодных золотых глаз не устремился на пленников. Из зияющей пасти снопом вырывалось пламя и выплеснулось на них.

— Огонь — его дыхание! — кричал Басракан. — Духи огня с нами!

Двое медленно оседающих пленников уже превратились в факелы — рубахи и волосы их горели. Мальчик, извиваясь от боли, выкрикнул:

— Митра, помоги мне! Элдран, я...

Сверкающее существо сделало два прыжка, и сноп огня, немного поменьше, заставил мальчика замолчать. Бросившись вперед, дракон перекусил горящее тело пополам. Громко хрустнули кости, и на камни упали куски опаленного мяса.

— Истинные боги с нами! — произнес Басракан. — Близится день, когда символ благоденствия богов сможет летать! Духи воздуха с нами! — «Древние тома должны говорить правду, думал он. Эти кожистые наросты прорвутся, и вырастут крылья. Обязательно вырастут!» — И в тот день мы двинемся в поход, непобедимые, благодаря милости древних богов, и очистим мир огнем и сталью! Слава истинным богам!

— *Слава истинным богам!* — ответили его последователи.

— Слава истинным богам!

— *Слава истинным богам!*

— Смерть неверным!

Рев оглушал.

— СМЕРТЬ НЕВЕРНЫМ!

Тысяча останется, чтобы досмотреть пожирание до конца, ибо зрители были выбраны по жребию из воинов, постоянно прибывающих в лагерь, развернувшийся по склонам окрестных гор, и многие из них раньше этого не видели.

У Басракана же были и более важные дела. Дракон вернется в свои пещеры по собственной воле, после того как завершит свою страшную трапезу. Ималла пошел вверх по тропе, протоптанной им в буром камне, поскольку ему так много раз приходилось уходить по ней от амфитеатра в горы.

* * *

Человек, почти такой же высокий, как Басракан, и даже еще более тощий, с лицом, горящим аскетическим фанатизмом, и с заплетенной бородой, встретил его и низко склонился.

— Да будет с тобой благословение истинных богов, ималла Басракан, — сказал подошедший. Тюрбан из алой, зеленой и золотой материи выделял его как ученика Басракана, однако халат его был простым черным. — Пришел человек Аккадан. Я приказал проводить его в твое жилище.

Ни тени возбуждения, испытываемого Басраканом, не пробежало по серьезному лицу. Огненные глаза! Он едва заметно кивнул.

— Да будет с тобой благословение истинных богов, ималла Джбейль. Я встречусь с ним сейчас.

Джбейль снова поклонился, а Басракан пошел дальше не спеша, на этот раз даже не кивнув.

Тропа вела по склону горы к горному селению — два десятка сложенных из камня домиков, — выросшему в том месте, где раньше стояла лачуга, в которой жил Басракан. Его последователи предлагали построить ему крепость, но он не нуждался в подобном. Со временем, однако, он позволил соорудить для себя жилище в два этажа и больше, чем все остальные дома селения вместе взятые. Сделано это было не ради славы, напоминал он себе часто, ибо отрицал любую славу, кроме славы древних богов. Сооружение было построено во славу их.

Бородатые мужчины в тюрбанах, испачканных кожаных жилетках и широких шароварах, первоначальный цвет которых был тайной, скрытой годами и слоем грязи, склонялись, когда он приходил, и то же самое делали женщины, скрытые от головы до ног черными одеяниями с единственной прорезью для глаз. Он не обращал на них внимания, как не обратил внимания и на двух стражников, стоящих у дверей его дома, поскольку сейчас он откровенно спешил.

Войдя в дом, он увидел еще одного ученика в цветном тюрбане, который склонился перед ним, и указал костлявой рукой на дверь:

— Да будет с тобой благословение истинных богов, ималла Басракан. Человек Аккадан...

— Да, Рухалла, — Басракан не стал тратить времени даже на церемонию. — Оставь меня! — Не дожидаясь исполнения

приказания, высокий ималла торопливо вошел через дверь, на которую указывал Рухалла, в скудно обставленную комнату, где были лишь столы и скамьи, покрытые черным лаком. Занавес на одной стене был тканой картой, изображающей народы от Моря Вилайет на запад до Немедии и Офира.

Лицо Басракана сделалось мрачным при виде ожидавшего в комнате человека. Тюрбан и раздвоенная борода заявляли о том, что это горец, но пальцы украшали перстни, халат был из пурпурного шелка, а полнота его фигуры и пухлое лицо говорили о пирах и вине.

— Ты слишком много времени провел среди людей городов, Аккадан, — сказал Басракан сурово. — Без сомнения, ты приобщался к их порокам! Сожительствовал с их женщинами!

Обрюзгшее лицо вошедшего побледнело так, что это было заметно сквозь загар, и он быстро спрятал руки в перстнях за спиной, когда склонился, произнося:

— Нет, ималла Басракан, я не делал ничего подобного. Клянусь! — Слова словно спотыкались в спешке. На лбу заблестел пот. — Я истинный...

— Довольно! — оборвал его Басракан. — Твое счастье, если у тебя есть то, за чем ты был послан, Аккадан. Я приказал тебе без сведений не возвращаться.

— У меня они есть, ималла Басракан. Я их нашел. И я составил планы дворца и карты...

Крик Басракана прервал его:

— Воистину древние боги благоволят мне более чем кому-либо из смертных!

Повернувшись к Аккадану спиной, он прошагал к занавесу на стене и торжествующе поднял сжатые кулаки, глядя на изображенные там страны, населенные разными народами. Скоро Огненные глаза будут у него и дракон окажется связанным с ним так, будто является частью его плоти и воли. И когда перед его последователями взлетит символ благоволения истинных богов, ни одна армия смертных не сможет устоять против них.

— Слава истинным богам, — яростно прошептал Басракан. — Смерть неверным!

Глава 1

Ночь ласкала Шадизар, город, прозванный Злым, и скрывала происходящее в нем, которое оправдывало это прозвище тысячу раз и более. Темнота, приносящая покой другим городам, вызывала самое худшее в Шадизаре Алебастровых Башен, в Шадизаре Золотых Куполов, в городе продажности и насилия.

В десятках мраморных покоев одетые в шелка аристократы увлекали чужих жен к себе в постель, а купцы с множеством подбородков облизывали губы, замышляя похищения дочерей конкурентов. Благоухающие жены, сидя под снежно-белыми опахалами из страусиных перьев, ломали головы, как бы наставить рога мужьям, в то время как женщины со страстными очами из богатых и знатных семей думали, как обойти охрану, оберегающую их предполагаемое целомудрие.

Девять женщин и тридцать один мужчина, один из которых был нищим, а другой — князем, пали жертвой убийств. Золото десяти богачей было унесено из окованных железом подвалов грабителями, а пятьдесят других увеличили свое состояние за счет бедных. В трех борделях практиковались немыслимые раньше виды извращений. Продажные женщины, которым не было числа, предлагали себя во всех темных закоулках, а скрюченные, оборванные нищие подкарауливали пьяных клиентов женщин. Никто не ходил по улицам без оружия, но даже в самых лучших районах города оружия часто было недостаточно, чтобы уберечь свой кошелек от карманников и налетчиков. Шадизарская ночь была в разгаре.

Обрывки облаков, гонимые теплым ветерком, проползали пятнами по высоко висящей в небе луне. Бродячие тени проносились над крышами домов, однако и этого было достаточно мускулистому молодому человеку с ремнем, перекинутым через широкую грудь так, что потертая рукоять меча торчала над правым плечом. Навыки, приобретенные им на диких пустын-

ных склонах его родных Киммерийских гор, помогали ему сливаться с пробегающими тенями, будучи незаметными для глаз того, кто рожден в городе.

Крыша четырехэтажного дома, по которой путешествовал молодой человек, закончилась, и он стал вглядываться в темноту, скрывающую мостовую улицу. Его ледяные глаза были подобны сапфирам, а лицо, обрамленное грубо остриженной гривой черных волос, перевязанных кожаным ремешком, говорило, несмотря на юность, о жизненном опыте, которого хватило бы не на одного обычного человека. Он разглядывал соседнее здание — алебастровый куб с узорным фризом, тянущимся по всей длине чуть пониже края крыши. Послышалось тихое низкое ворчание. Улица под ним была шириной в целых шесть шагов, и тем не менее она являлась самой узкой из тех, что окружали сооружение, сравнимое с дворцом. Что он не заметил, когда выбирал себе путь — оценивая расстояния с земли, — так это то, что крыша была покатой. И крутой! Эрлик побрал бы этого Баратсеса, подумал он. И его золото!

Это была кража не по его собственному выбору, а заказ купца Баратсеса, поставщика пряностей из самых дальних стран мира. Десять золотых монет обещал торговец пряностями за самую дорогую вещь Самарида — богатого импортера драгоценностей, — кубок, вырезанный из цельного огромного изумруда. Десять золотых были сотой частью стоимости кубка и десятой частью того, что заплатили бы скупщики краденого в Пустыне, но после череды неудач в игре в кости киммерийцу очень нужны были монеты. Он согласился на эту кражу и на такую плату и взял две золотые монеты в задаток еще даже до того, как узнал, что нужно украсть. Однако обещание надо выполнять. По крайней мере, подумал он мрачно, там, на крыше, нет стражи, как на других домах купцов.

— Кром! — пробормотал он, бросив последний взгляд на крышу Самарида, и отошел от края подальше в тень между трубами. Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы наполнить легкие, он присел. Взгляд сосредоточился на вершине крыши напротив. Вдруг, будто леопард на охоте, он бросился вперед: в два шага он развил большую скорость. Толчковая нога коснулась края крыши, и он прыгнул — вытянув вперед руки, согнув пальцы, готовый зацепиться.

С грохотом киммериец приземлился животом на покатую

крышу. И тут же начал сползать. В отчаянии он расставил руки и ноги, чтобы удержаться; глаза искали какой-нибудь выступ, хотя бы шишечку, чтобы ухватиться и предотвратить падение. Он неумолимо сползал к краю крыши.

Неудивительно, что на крыше нет стражи, подумал он, злой на себя за то, что раньше не задал себе вопроса о причине такого «упущения». Поверхность черепиц, покрытых глазурью, была гладкой, как фарфор. Не успел он перевести дыхание, как ноги его уже свесились с крыши. Неожиданно его левая рука скользнула, попав в то место, где недоставало черепицы. Черепицы раскололись и отвалились под тяжестью его тела, когда он тщетно пытался ухватиться за них рукой, осколки дождем посыпались мимо него вниз, во мрак. Ладонь ударилась о дерево, и киммериец судорожно сжал пальцы. Сделав мощный рывок, он остановился и повис в темноте на высоте в четыре этажа.

В первый раз со времени прыжка киммериец издал звук — долгий, медленный выдох сквозь зубы.

— Десяти золотых, — проговорил он спокойным голосом, — недостаточно.

Вдруг деревянная рама, за которую он держался, с резким хрустом сломалась, и он снова полетел. Падая, он вытянулся, поймал кончиками пальцев выступ в нижней части фриза, шириной с палец, и ударился грудью об алебастровую стену.

— Совсем недостаточно, — выдавил он из себя, когда восстановил дыхание. — Я склоняюсь к мысли, что после этого проклятый кубок следует отнести Зенону. — Но, даже говоря это, он знал, что не пойдет к немедийцу — скупщику краденого. Он дал слово.

В то мгновение, понимал киммериец, задача его заключается не в том, как сбыть изумрудный кубок, а как выбраться из создавшегося положения с целой шкурой. Единственными отверстиями, прорезающими алебастровую стену на этой высоте, были вентиляционные дыры, размером с его кулак, поскольку верхний этаж и чердак были отведены под хранилище запасов и помещения для челяди. Им не нужны окна, по мнению Самарида, — если их сделать, слуги и рабы будут выглядывать из них и портить вид его прекрасного дома. Никакого уступа или карниза не было на гладкой стене, не было даже балконов, выходящих на улицу. Крыша же, с которой киммериец прыг-

нул вначале, вполне могла бы находиться и в Султанапуре, а ее край — за облаками. Остаются (неохотно заключил болтающийся молодой человек) только окна третьего этажа, верхние своды которых находились под ним на расстоянии вытянутой руки.

Не в характере киммерийца было терять время после того, как решено, что надо делать. Медленно перебирая пальцами, он продвинулся вдоль узкого уступа. Первые два сводчатые окна под его ногами светились. Он не мог рисковать встретить людей. Третье окно, однако, было темным.

Сделав глубокий вдох, он разжал руки и начал падать, едва задевая телом стену. Если он прижмется к стене слишком сильно, его оттолкнет, и помочь себе он тогда не сможет. Когда он почувствовал, что пальцы ног находятся напротив окна, он подтянулся немного вперед навстречу подоконнику. Подметки сапог ударились о камень, а ладони с силой шлепнули и уперлись в край окна. Киммериец удержался, хотя и очень ненадежно, поскольку не за что было уцепиться даже ногтем. Усилием воли он пытался удержаться и не упасть.

Мускулы вздулись от напряжения, но он сумел сделать шаг вперед и войти в жилище Самарида. Когда нога коснулась устланного коврами пола, рука направилась к потертой коже на рукояти меча. В комнате было темно, однако привычные к ночной темноте глаза молодого человека могли различить серые силуэты мягких кресел. На стенах висели шпалеры, цвет которых в темноте казался серым, а мраморный пол покрывал ковер с неясным узором.

Вздохнув, киммериец наконец немного расслабился. Это не спальня, где можно было бы разбудить кого-нибудь, кто поднял бы тревогу. Пора бы уже, чтобы хоть что-нибудь удалось в эту ночь сплошного невезения.

Задачи, однако, оставались. И еще неизвестно, какая из них самая трудная: то ли как выбраться из этого жилища, то ли как добраться до своей цели. Дом Самарида был выстроен вокруг сада, где торговец драгоценностями и проводил большую часть своего времени среди фонтанов. Единственная дверь помещения, в котором он выставлял свои сокровища, выходила на колоннаду на первом этаже вокруг этого сада.

Было бы просто забраться в сад с крыши, к тому же Баратсес точно описал расположение двери в сокровищницу. Теперь

ему надо пробираться по коридорам с риском натолкнуться на слуг или стражу.

Приоткрыв дверь, он заглянул в коридор, освещенный бронзовыми лампами, висящими на цепях. У стен, разукрашенных замысловатыми мозаичными узорами из тысячи крошечных плиточек, на некотором расстоянии друг от друга стояли столы, инкрустированные перламутром. Никто не шел по полированному мраморному полу. Киммериец тихо выскользнул в коридор.

Мгновение он простоял, рисуя в мозгу план дома. Мысленно он представил, где находится сокровищница. Напрягая слух, чтобы первым услышать чужие шаги, он легко, как кошка, пошел по коридору. Задняя лестница провела его вниз, следующая — еще ниже. Расположение лестниц и красная стершаяся облицовка говорили, что это лестницы слуг. Дважды он настораживался, услышав шарканье сандалий в соседнем коридоре, и прижимался спиной к стене, едва дыша, когда не видящие ничего слуги в бледно-голубых рубахах спешили мимо, слишком поглощенные своими занятиями, чтобы даже просто взглянуть в боковой коридор.

Но вот он в саду. Высокие, поглощенные тенью стены дома делали сад похожим на маленькое ущелье. Слышались всплески и нежное журчание полудюжины фонтанов, разбросанных среди фиговых деревьев, цветущих растений и алебастровых статуй. Сокровища лежали как раз напротив.

Молодой человек сделал шаг и замер. Неясная фигура спешила в его сторону по одной из садовых дорожек. Конан тихо отошел в сторону, подальше от света, падающего из двери. Неужели его заметили, подумал он. Кто бы это ни был, но теперь фигура двигалась очень медленно, будто крадучись, совершенно беззвучно.

Вдруг незнакомец оставил мощеную дорожку и снова пошел в сторону киммерийца. Челюсть Конана напряглась, но ни один мускул не дрогнул, даже веки не моргали. Ближе. Десять шагов. Пять. Два. Незнакомец замер, едва слышно вскрикнув от удивления. Огромный киммериец прыгнул. Одна рука оборвала звук, зажав рот, который его издавал, другая обхватила руки непонятного существа. В мозолистую ладонь Конана впились зубы, и пленник начал бешено биться, осыпая пинками ноги киммерийца.

— Эрлик тебя побери! — прошипел молодой человек. — Ты дерешься как женщина! Прекрати, и тебе ничего не...

И тут до него дошло, что тело, которое он держал, было округлым, хотя и плотным. Он шагнул в сторону, туда, где падал свет от двери, и обнаружил, что разглядывает большие карие глаза, которые вдруг приняли суровое выражение.

Это все-таки была женщина, и красивая, с шелковой оливковой кожей и волосами, плотно заплетенными вокруг маленькой головки. Она перестала кусаться, и он ослабил руку, державшую ее челюсть. Он раскрыл рот, чтобы сказать, что не причинит ей вреда, если она не будет кричать, но она перебила его.

— Я колдунья, — прошептала он грозно, — и я знаю тебя, Конан, пришедший из далекой Самарии или Киммерии. Ты считаешь себя вором. Отпусти меня!

Волосы у него на затылке зашевелились. Откуда она знает? Похоже, у него талант натыкаться на колдунов, талант, которого он предпочел бы лишиться. Он уже ослаблял захват, когда вдруг заметил озорной блеск в ее больших глазах и то, как белые зубки прикусили полную нижнюю губу. Только сейчас обратил он внимание на то, во что она была одета: плотно облегающая матовая черная ткань от шеи до ступней. Даже на ногах были черные носки, с отделенным большим пальцем, как на варежке.

Удерживая ее перед собой за плечи, он не мог подавить улыбку. Она хрупкая и маленькая, но то, как плотно облегало тело ее странное одеяние, не оставляло сомнения в том, что это женщина. Она пнула его и попала в голень.

— Колдунья? — прорычал он тихо. — Только почему-то мне кажется, что ты будешь рассказывать что-нибудь другое, если я приложу розгу тебе к заднице.

— А почему мне кажется, что при первом же ударе я закричу так, что сюда сбежится полгорода? — шепнула она в ответ. — Но на самом деле я не хочу этого делать. Меня зовут Лиана, и я слышала о тебе, Конан. Я видела тебя на улицах. И восхищалась тобой. Я просто хотела показаться таинственной, чтобы быть достойной соперницей твоим женщинам. — Она пошевелилась, пытаясь высвободиться, и ее округлые груди, и так слишком большие для ее хрупкого тела, сделались еще заметнее. Она облизнула губки и приветливо улыбнулась: — От-

пусти меня, пожалуйста. Ты такой сильный, что делаешь мне больно.

Он поколебался, затем опустил ее на землю.

— Что это у тебя за одежда, Лиана?

— Не думай об этом, — страстно прошептала она, прижавшись еще сильнее. — Поцелуй меня...

Руки его сами собой поднялись, чтобы обхватить ее лицо. Но не успели его пальцы коснуться щек, как она упала на колени и сделала кувырок вперед мимо него. Пораженный, он все же успел развернуться ей вслед. Маленькая ножка во время кувырка ударила его под ребра, отчего он ойкнул и потерял время, так что женщина успела встать на ноги лицом к стене... и она, казалось, начала карабкаться вверх, как паук.

Выругавшись, Конан бросился вперед. Что-то коснулось его руки, и он схватил мягкую, выкрашенную в черный цвет веревку, свисающую сверху.

— Митра, какой же я дурак! — простонал он. — Воровка!

Тихий смех донесся сверху, так близко, что Конан резко поднял голову.

— Ты действительно дурак. — В тоне девушки слышалась радость. — А я на самом деле вор, чего из тебя никогда не получится. Возможно, с такими плечами ты сможешь стать извозчиком. Или ломовой лошадью.

Рыча, Конан уцепился за веревку, чтобы залезть наверх. Он заметил краем глаза, как что-то мелькнуло, и скорее почувствовал, чем услышал, как что-то упало у его ног. Инстинктивно он отпрыгнул, отпустив веревку. Пытаясь снова схватить ее, он лишь коснулся конца веревки, которую подтягивали наверх.

— Я бы попала в тебя, — снова послышался низкий голос девушки, — если бы захотела. На твоем месте я бы убралась отсюда. Сейчас же. Прощай, Конан.

— Лиана? — громко прошептал он. — Лиана?

Ответом ему была тишина.

Тихо бормоча проклятия, он обшарил землю у ног и выдернул из нее плоский черный метательный нож. Он заткнул его за пояс и вдруг напрягся, будто его ткнули чем-то.

Девушка была воровкой, и она пришла со стороны сокровищницы. Ругаясь про себя, он побежал, не обращая внимания на редкие кусты и цветы.

Сводчатая дверь, ведущая в помещение, где Самарид хра-

нил свои самые ценные предметы, была открыта. Конан остановился на мгновение, чтобы осмотреть тяжелый железный замок. В том, что дверь открыла девушка, киммериец не сомневался, но если она побывала внутри, значит, все ловушки обезврежены либо их можно обойти.

Киммериец поколебался еще одно мгновение, затем направился по залу, вымощенному ромбовидными красными и белыми плитками. Изумрудный кубок, как ему сказали, должен стоять в дальнем конце помещения на постаменте, вырезанном из серпентина. Когда он сделал второй шаг, одна ромбовидная плитка вдавилась у него под ногой. Вспомнив об арбалетах, установленных на стенах, — киммериец встречал уже такое раньше, — он бросился на пол. Конан почувствовал, как под его рукой вдавилась еще одна плитка. От стены послышался лязг и треск, который он не мог не узнать, будучи вором уже достаточно долго. Каждая погрузившаяся плитка высвободила груз, который тянул за цепь и вращал колесо. И оно в свою очередь приведет в действие... вот только что?

Когда он вскочил на ноги, начал звонить колокол, затем еще один. Ругаясь, Конан побежал в конец помещения. Плиты продолжали вдавливаться, и к тому времени, когда он достиг матово-зеленого пятнистого постамента, четыре колокола били тревогу. Постамент был пуст.

— Эрлик побери эту девку! — прорычал он.

Резко развернувшись, он бросился из сокровищницы. И налетел прямо на двух стражников с копьями. Когда все трое повалились на пол, в голове у Конана промелькнула мысль о том, что даже хорошо, что он не задержался, чтобы выбрать себе что-нибудь взамен кубка. Кулак врезался в лицо одного стражника, расквасив нос и раздробив зубы. Стражник дернулся и осел, потеряв сознание. Другой вскарабкался на ноги, готовый ударить копьем. Если бы он задержался, думал Конан, они вполне могли продержать бы его в сокровищнице, пока не подойдут другие. Он выхватил меч из ножен, ударил по копью у самого наконечника, и г результате у стражника в руках оказалась просто длинная палка. С криком стражник бросил эту жердь в Конана и побежал.

Конан тоже побежал. В другую сторону. Он нырнул в дом в первую же дверь, влетев в толпу слуг, взволнованно обсуждающих причину поднятой тревоги. Какое-то мгновение они гля-

дели на него, все сильнее тараща глаза, но затем он взмахнул мечом в воздухе и взревел изо всех сил. Мужчины и женщины бросились врассыпную, будто стая кофских куропаток.

Паника, подумал киммериец. Если он посеет панику, то, может быть, еще сумеет выбраться отсюда. Он понесся по дому, встречая каждого попадающегося ему слугу диким ревом и взмахами меча, пока крики «На помощь!», «Убивают!» и даже «Пожар!» не стали слышны в каждом коридоре. Несколько раз молодому киммерийцу приходилось укрываться в комнатах, когда мимо, лязгая железом, проносились стражники, бегущие на крик и орущие сами. Он уже начал удивляться, сколько же людей у Самарида. Какофония звуков и беспорядок царили в доме.

Наконец Конан добрался до зала при входе, окруженного с трех сторон балконом с балюстрадой из дымчатого камня, и со сводчатым потолком, украшенным алебастровыми арабесками.

Двойная лестница из черного мрамора шла от балкона на уровне второго этажа к мозаичному полу, на котором была выложена карта мира — так, как его знали заморийцы, где каждая страна была представлена драгоценными камнями, вывозимыми оттуда.

На все это Конан не обратил внимания, поскольку взгляд его был устремлен на высокую окованную железом дверь, ведущую на улицу. Ее запирал засов такой тяжелый, что поднять его можно было только втроем, и засов этот, в свою очередь, удерживался на месте железными цепями и массивными замками.

— Кром! — проворчал киммериец. — Заперта, как в крепости!

Один, два, три раза меч его ударил по замку, и каждый раз Конан морщился, видя, что делают эти удары с кромкой клинка. Замок открылся, и Конан начал быстро протягивать цепь сквозь кольца, при помощи которых она крепилась к засову. Когда он повернулся, чтобы заняться следующей цепью, в засов рядом с тем местом, где он стоял, впилась стрела толщиной в два его пальца. Он бросился на пол, пытаясь определить, откуда может прилететь следующая стрела.

Вдруг он увидел своего одинокого противника. Наверху лестницы стоял невероятно толстый человек, чья кожа, однако,

висела складками, будто раньше он был в два раза толще. Пухлое лицо окружали жидкие редеющие волосы, и одет он был в бесформенный ночной темно-синий шелковый халат.

Самарид...

Одна нога торговца драгоценностями была вставлена в стремя на конце тяжелого арбалета, и он, пыхтя, крутил ворот, натягивая тетиву, а из угла его тонкого рта текла струйка слюны.

Быстро оценив, сколько времени пройдет до того, как Самарид сможет вставить в арбалет новую стрелу, Конан вскочил на ноги. После одного яростного удара, высекшего искры, второй замок со звоном полетел на пол. Вложив меч в ножны, Конан выдернул цепь и взялся за массивный засов.

— Стража! — вопил Самарид. — Ко мне! Стража!

Мускулы вздулись желваками на икрах, бедрах, спине, плечах и руках, когда Конан уперся в тяжелый деревянный засов. Он приподнялся на толщину ногтя. На лбу киммерийца выступил пот. На толщину пальца. На ширину ладони. И вот засов вышел из железного паза.

Конан сделал три шага назад, чтобы отвернуть засов. Мозаичные плитки разлетелись вдребезги, когда засов грохнулся и сотряс пол.

— Стража! — заорал Самарид, и ему ответил топот ног.

Конан кинулся к толстой окованной двери и потянул одну створку так, что она с силой ударила в стену. Когда он выбегал на улицу, еще одна стрела просвистела мимо его головы и пропорола борозду в мраморном портике. За спиной образовалась сутолока, когда в зал с криком ввалились стражники, спрашивая у Самарида, что делать, а Самарид, бессвязанно вопя, пытался отвечать им. Конан не стал оглядываться. Он побежал. Полный злости на молодую воровку со слишком острым языком, он бежал, пока шадизарская ночь не поглотила его.

Глава 2

Квартал Шадизара, называемый Пустыней, состоял из жалких трущоб. Над кривыми улочками висел смрад, пахло отбросами и отчаянием. Беспорядки, творившиеся в остальных частях города за закрытыми дверями, происходили в Пустыне открыто и делались для того, чтобы получить доход. Обитатели Пустыни, большой частью оборванцы, жили так, будто в следующее мгновение их может настичь смерть, что зачастую и происходило. Мужчины и женщины были собирателями падали, хищниками или жертвами, и те, кто считал себя принадлежащим к одному классу, обнаруживали, часто слишком поздно, что принадлежат к другому.

Таверна Абулета была одной из лучших в Пустыне, по мнению обитателей квартала. Среди ее завсегдатаев было мало разбойников и карманников. Расхитителей могил не приветствовали, хотя больше из-за запаха, который шел от них, чем из-за способа, каким они добывали себе монеты. Всем остальным, кто мог уплатить за выпивку, были рады.

Когда Конан толкнул дверь таверны, испарения улицы мгновенно вступили в борьбу с запахом подгоревшего мяса и кислого вина в большом обеденном зале, где двое музыкантов, играющих на цитрах, аккомпанируя голой танцовщице, безуспешно соревновались с шумом голосов посетителей таверны. Усатый немедийский фальшивомонетчик мял руками у стойки хихикающую потаскуху в высоком рыжем парике и лоскутах зеленого шелка, которые мало что могли сделать, чтобы скрыть роскошные полушария грудей и ягодиц.

Пухленький офирский сводник с перстнями, блестящими на пальцах, угощал за угловым столом; среди тех, кто смеялся его шуткам — пока хватало его денег по крайней мере, — были три похитителя, смуглые, с узкими лицами иранистанцы, надеющиеся, что он сможет навести их на дело. Две потаскухи, черноглазые близнецы, предлагали свои услуги, расхаживая

между столов, и их пояса из монет позвякивали в такт покачивающимся бедрам.

Не успел киммериец войти, как полная, с оливковой кожей женщина обвила его шею руками. Позолоченные бронзовые чаши едва вмещали ее тяжелые груди, а узкий поясок из позолоченных цепочек, низко сидящий на ее крутых бедрах, поддерживал полоски прозрачного синего шелка, шириной не больше пяди, которые свисали спереди и сзади до щиколоток с браслетами.

— Ах, Конан, — промурлыкала она низким голосом, — как жалко, что ты не вернулся раньше.

— Выпей со мной, Семирамида, — ответил он, разглядывая ее высокую грудь, — и расскажи, зачем мне нужно было возвращаться раньше. А потом мы поднимемся наверх... — Он замолчал в недоумении, когда она замотала головой.

— Я сегодня работаю, киммериец. — Увидев, что он хмурится, она вздохнула: — Даже мне, чтобы жить, нужно немного серебра.

— У меня есть серебро, — прорычал он.

— Я не могу у тебя брать монеты. Не хочу.

Он выругался про себя.

— Ты всегда так говоришь. Почему не хочешь? Не понимаю.

— Потому что ты не женщина, — она нежно рассмеялась. — За что я бесконечно тебе благодарна.

Лицо Конана напряглось. Вначале Лиана сделала из него дурака этой ночью, а теперь Семирамида пытается сделать то же самое.

— Женщины никогда не говорят прямо. Ладно. Если я тебе сегодня ночью не нужен, то и ты мне не нужна.

Он отошел от нее, а она так и осталась стоять, уперев кулаки в бока и беззвучно кривя от раздражения губы.

У стойки он залез в кошелек и бросил на ее потрескавшуюся деревянную поверхность медяки. Как он и предполагал, звон монет прорезался сквозь стену шума в зале и привлек Абулета, который подошел, вытирая толстый палец о грязный передник, надетый поверх выцветшей желтой рубахи. Хозяин таверны подхватил монеты отработанным движением.

— На них я хочу вина, — сказал Конан, Абулет кивнул. — И кое-каких сведений.

— Здесь хватит на вино, — сухо ответил хозяин. Он поставил деревянную кружку, от которой поднимался кислый запах дешевого вина. — Сведения стоят дороже.

Конан потер большим пальцем зарубку на краю стойки, сделанную мечом, привлекая взгляд свинячьих глазок жирного хозяина к этой отметине.

— Их было шестеро, насколько я помню, — сказал он с отсутствующим видом. — Один ножом тыкал тебе под ребра и был готов поковырять твои потроха, если ты раскроешь рот без его разрешения. Что же они хотели? Отвести тебя на кухню, кажется? Не говорил ли один из них, что сунет твои ноги в очаг и продержит их там, пока ты не скажешь, где спрятано золото?

— У меня нет золота, — пробормотал неубедительно Абулет. Обрезанную по краю монетку он узнавал за десять шагов, и вполне можно верить слухам, что свой самый первый краденый медяк он зарыл где-то в таверне.

— Конечно, нет, — мягко согласился Конан. — Однако ты должен благодарить Ханнумана за то, что я увидел, что происходит, в то время как никто больше этого не заметил. Согласись, все-таки немного... неудобно, когда ноги жарятся в углях, а сказать тебе нечего.

— Да, ты увидел. — Тон толстяка был таким же кислым, как и его вино. — И начал размахивать вокруг своим проклятым мечом, поломав половину моих столов. Ты знаешь, во что мне обошлась их замена? Потаскухи бились в истерике, увидев, сколько ты налил здесь крови, и половина посетителей разбежалась, опасаясь, что ты уложишь и их.

Конан рассмеялся и сделал большой глоток вина, не говоря ничего больше. Не проходило и ночи без того, чтобы не была пролита кровь на посыпанный опилками пол, и не было редкостью зрелище, когда выволакивают труп, чтобы выбросить его в переулок.

Лицо Абулета передернулось, и челюсть его опустилась так, что число подбородков удвоилось.

— Так что мы в расчете. Правильно?

Конан кивнул, но предупредил:

— Если только расскажешь о том, что меня интересует. Я ищу женщину. — Абулет фыркнул и указал рукой на девок в зале. Конан терпеливо продолжал: — Она воровка, примерно

такого роста, — он показал огромной рукой расстояние от пола до груди, — и довольно округла для своего размера. Сегодня ночью на ней были черные узкие штаны и короткая рубаха, плотно облегающие. И при ней было это, — он выложил на стойку метательный нож. — Себя она называет Лианой.

Абулет потыкал черное лезвие грязным пальцем.

— Я не знаю воровки ни по имени Лиана, ни с другим именем. Был один человек, однако, который пользовался похожими ножами. Джамаль звали его.

— Женщину, Абулет.

Хозяин таверны пожал плечами:

— У него была дочь. Как ее звали? Дай вспомнить... — Он потер измазанную сажей щеку. — Джамаля укоротила на голову городская охрана, должно быть, десять лет назад. Девочку взяли к себе его братья, Гайан и Хафид. Они были тоже ворами. Не слышал о них, однако, уже давненько. Слишком старые для такого занятия, полагаю. Годы всех нас не щадят. Тамира. Так ее звали. Тамира.

Мускулистый молодой человек бесстрастно глядел на жирного хозяина, пока тот не умолк.

— Я спрашиваю о девушке по имени Лиана, а ты мне плетешь басню о какой-то Тамире. И о всей ее Митрой проклятой семье. Не хочешь ли рассказать мне о ее маме? Ее дедушке? Мне уже самому хочется засунуть твои ноги в огонь.

Абулет опасливо посмотрел на Конана. Этот человек с необычными голубыми глазами был известен в Пустыне своей вспыльчивостью и непредсказуемостью.

Хозяин развел руками:

— Разве трудно назвать чужое имя? И разве я не сказал? Джамаль и его братья носили черную одежду, какую ты описал. Утверждали, что это делает их почти невидимыми в темноте. У них было много хитростей. Веревки из шелка, выкрашенные черной краской... я всего и не знаю. Нет, твоя воровка — Тамира, это точно, как бы она себя теперь ни называла.

Черные веревки, подумал Конан, и подавил улыбку. Несмотря на свою молодость, он уже довольно долго был вором, чтобы научиться скрывать свои чувства.

— Возможно, — произнес он задумчиво.

— Возможно, — проворчал хозяин. — Помяни мое слово. Это она. Мы в расчете, киммериец.

Конан допил вино тремя большими глотками и громко поставил пустую кружку.

— Если только это та самая женщина, что я ищу. Вопрос лишь в том, где ее найти, чтобы убедиться.

Абулет взмахнул коротенькими руками:

— Ты думаешь, я слежу за всеми женщинами в Пустыне? Я не могу уследить за потаскухами даже в собственной таверне!

Конан повернулся спиной к скрипящему зубами хозяину таверны. Тамира и Лиана, он был уверен, одно и то же лицо. Должно быть, ему сопутствует удача, ибо он ожидал потратить дни на расспросы, чтобы выйти на след. Обитатели Пустыни оставляли так же мало следов, как и животные, живущие в местности с тем же названием. Определенно, то, что он так быстро столь многое узнал, было добрым предзнаменованием. Без сомнения, он выйдет утром из таверны и встретит ее, когда она будет проходить мимо по улице. И тогда уж они посмотрят, кто из кого сделает дурака.

В это мгновение взгляд его упал на Семирамиду, сидящую за столом вместе с тремя кофскими контрабандистами. Один, с усами, закрученными как рога, и большими позолоченными серьгами в ушах, месил рукой обнаженное бедро Семирамиды и что-то настойчиво ей говорил. Быстро приняв решение, Конан зашагал к столу, где сидели все четверо.

Кофийцы подняли глаза, а Семирамида нахмурилась.

— Конан, — начала она, протянув к нему предупредительно руку.

Огромный киммериец схватил ее за кисть, нагнул и, пока никто не успел пошевелиться, взвалил Семирамиду на плечо. Скамьи с грохотом попадали, когда кофийцы вскочили на ноги, потянувшись руками к рукоятям оружия.

— Ты, северный олух! — орала Семирамида, яростно извиваясь. Кулак ее безрезультатно барабанил по широкой спине. — Отпусти меня, ты, верблюжий выкидыш! Митра разорви твои глаза, Конан!

Тирада ее продолжалась, ругательства становились все более изощренными, и Конан замер в восхищении, чтобы послушать. Кофийцы колебались, наполовину вытащив клинки, смущенные тем, что на них не обращают внимания. Мгновение спустя Конан посмотрел на них, изобразив на лице любезную улыбку. Это явно смутило всех троих еще больше.

— Моя сестра, — сказал он мягко. — Она и я должны посовещаться по семейному вопросу.

— Чтоб Эрлик содрал с тебя шкуру и выставил твой труп тухнуть на солнце! — кричала извивающаяся женщина. — Деркето иссуши твои яйца!

Конан спокойно встретился взглядом с каждым из троих по очереди, и каждый контрабандист поежился, поскольку улыбка Конана не затрагивала ледяных голубых глаз. Кофийцы измерили ширину его плеч, подсчитали, насколько ему будет мешать женщина, и бросили в уме жребий.

— Не буду вмешиваться в отношения между братом и сестрой, — пробормотал тот, у которого в ушах болтались кольца, отводя взгляд. Все трое вдруг оказались поглощены тем, что ставили свои скамейки на место.

Крики Семирамиды стали еще яростнее, когда Конан направился к шаткой лесенке, ведущей на второй этаж. Он шлепнул ладонью по круглой попке.

— Твои сладкие стихи наводят меня на мысль, что ты меня любишь, — сказал он, — но твой нежный голосок оглушил бы и быка. Замолчи.

Тело ее начало дрожать. Конану потребовалось некоторое время для того, чтобы понять, что она смеется.

— Можешь отпустить меня теперь, ты, зверь неученый? — спросила она.

— Нет — ответил он, улыбаясь.

— Варвар! — пробормотала она и нежно прижалась щекой к его спине.

Смеясь, он шагал через две ступеньки. Ему действительно везло.

Глава 3

Катара-базар являл собой калейдоскоп цветов и какофонию звуков. Это была большая, мощенная плитами площадь рядом с Пустыней, где холеные князьки оказывались бок о бок с неумытыми приказчиками, которые ехидно скалились, когда толкали благородных. Одетые в шелка дамы, сопровождаемые вереницей подобострастных рабов, несущих покупки, прогуливались здесь, не обращая внимания на толпы оборванных беспризорных ребятишек, путающихся под ногами.

Некоторые торговцы выставляли свой товар на изысканных столиках под тенью. У других не было ничего, кроме одеяла, расстеленного под жарким солнцем. Коробейники, продающие сливы и ленты, апельсины и заколки, звонко выкрикивали название своего товара, продираясь сквозь толпу. Радужные ткани, резная слоновая кость из Вендии, медные котлы от собственных шадизарских мастеров, переливающиеся жемчуга с Моря Запада и поддельные украшения, в неподдельности которых клялись торговцы, — все переходило из рук в руки за одно мгновение. Часть товаров была ворованными вещами, часть — контрабандой. Мало за что была уплачена даже царская пошлина.

Утром после первой попытки завладеть кубком Самарида — одна мысль об этом заставляла его морщиться — Конан обходил базарную площадь по периметру, высматривая кого-то среди нищих. Попрошаек не допускали на саму площадь, но они выстраивались по ее краям, умоляя прохожих подать им монетку. Между оборванцами было определенное расстояние, ибо, в отличие от других районов Шадизара, здесь нищие скооперировались до такой степени, что точно установили этот промежуток. Попрошаек слишком много, и если стоять слишком близко, то это снизит доход каждого.

Купив на медяки во фруктовой лавке два апельсина, огром-

ный киммериец сел на корточки рядом с попрошайкой в грязных отрепьях, у которого одна нога была гротескно вывернута в колене. Испачканная тряпка закрывала глаза, а перед ним на мостовой стояла деревянная плошка с единственным медяком на дне.

— Подай бедному слепому, — громко ныл нищий. — Подайте монетку слепому, милые люди. Подайте бедному слепому.

Конан бросил в плошку один апельсин и начал чистить другой.

— Не думаешь снова стать вором, Пеор? — спросил он тихо.

«Слепой» слегка повернул голову, чтобы убедиться, что никого нет рядом, и сказал:

— Никогда, киммериец. — Его веселый голос звучал настолько тихо, что достигал лишь ушей киммерийца и ничьих больше. Апельсин исчез под заплатанной рубахой. — Не стану. Нет, я плачу десятую часть городской охране и сплю по ночам спокойно, зная, что моя голова не будет выставлена у Западных ворот. Тебе стоит подумать и перейти в нищие. Это надежное занятие. Не то что воровство. Проклятое Митрой горное дерьмо!

Конан замер, не донеся до рта дольку апельсина.

— Что?

Едва заметным движением головы Пеор указал на группу из шести кезанкийских горцев в тюрбанах и с бородами; их черные глаза были широко раскрыты от удивления перед большим городом. Они прошли по базару будто в тумане, щупая вещи, но ничего не покупая. По хмурым взглядам, провожающим их, было видно, что торговцы рады, что те убрались, независимо от того, сделали они покупки или нет.

— Это уже третья группа грязных шакалов, какую я видел сегодня, а до того, как полностью поднимется солнце, песочные часы должны перевернуться еще два раза. Им следует поспешить убраться под камни, из-под которых они выползли, если учесть то, о чем мы узнали сегодня утром.

У нищего практически не было возможности между восходом и заходом произносить что-нибудь, кроме жалобного крика и время от времени подобострастных благодарностей. Так что пусть выговорится, подумал Конан, и спросил:

— Что вы узнали?

Пеор фыркнул:

— Если бы это был новый способ кидать игральные кости, киммериец, ты знал бы это еще вчера. Думаешь ли ты о чем-нибудь, кроме женщин и азартных игр?

— Что вы узнали, Пеор?

— Говорят, что кто-то объединяет кезанкийские племена. Говорят, что горцы точат свои сабли. Говорят, это может означать войну. Если это так, то Пустыня первой почувствует удар, как всегда.

Конан выбросил остатки апельсина и вытер руки о штаны.

— Кезанкийцы далеко, Пеор. — Улыбка его показала крепкие белые зубы. — Или ты думаешь, что племена оставят свои горы, чтобы грабить Пустыню? Я бы на их месте выбрал район побогаче, но ты старше меня и, безусловно, разбираешься лучше.

— Смейся, киммериец, — сказал горько Пеор. — Но когда объявят войну, толпа начнет охотиться на горцев, чтобы перерезать им глотки, и если не насытится кровью, то обратит свое внимание на Пустыню. И армия будет здесь — «для поддержания порядка». То есть будут зарубать любого беднягу, который решит противиться толпе. Так уже случалось, и так же будет снова.

На них упала тень, отброшенная женщиной, чьи мягкие одежды из изумрудного шелка, будто ласкающие руки, обводили изгибы грудей, живота и бедер. Вокруг талии был повязан пояс, сотканный из золотых нитей. На запястьях и шее были нитки жемчуга, и еще две жемчужины, огромные, как ноготь большого пальца мужчины, висели в ушах. За ее спиной стоял высокий шемит с рабским ошейником и выражением усталости на лице, нагруженный свертками с базара. Она бросила в плошку Пеора серебряную монету, но ее жаркий взгляд был устремлен на Конана.

Мускулистому молодому человеку обычно доставляли удовольствие взгляды, какие бросали на него женщины, но эта оглядывала его так, будто он конь, которого продают. И что было еще хуже, шемит нахмурился, будто узнал соперника. Лицо Конана вспыхнуло гневом. Он открыл рот, но она заговорила первой:

— Мой муж не одобрил бы этой покупки. — Она улыбнулась и пошла прочь, покачивая бедрами. Шемит поспешил следом, бросив на Конана через плечо самодовольный взгляд.

Костлявые пальцы Пеора выудили серебряную монету из плошки. Хихикая, что свидетельствовало о том, что он по крайней мере частично вернул себе хорошее настроение, он засунул его к себе в сумку.

— И она заплатила бы в сто раз больше за одну ночь с тобой, киммериец. В двести. Так ведь приятнее зарабатывать себе монеты, чем лазая по крышам, а?

— Ты хочешь, чтобы эта нога была сломана на самом деле? — прорычал Конан.

Нищий расхихикался так, что в конце концов закашлялся. Когда он снова мог ровно дышать, то вытер рот рукой.

— Без сомнения, тогда в мою плошку попадет еще больше монет. Мое колено болит по ночам оттого, что я выворачиваю его весь день, но то падение было самым лучшим, что со мной случалось.

Конан поежился от такой мысли, но, пока Пеор не потерял еще хорошего настроения, поспешил сказать:

— Я пришел сюда сегодня не для того, чтобы угостить тебя апельсином, Пеор. Я ищу женщину по имени Лиана или, может быть, Тамира.

Пеор кивал, когда киммериец описывал девушку, тщательно отредактировав рассказ об их встрече, затем сказал:

— Тамира. Я слышал это имя и видел девушку. Внешность у нее такая, как ты и говоришь.

— Где мне ее найти? — спросил радостно Конан, но нищий покачал головой:

— Я сказал, что видел ее, и не один раз, но о том, где она может быть... — Он пожал плечами.

Конан дотронулся до кожаного кошелька у пояса.

— Пеор, у меня найдется несколько серебряных монет для человека, который скажет, где ее найти.

— Жаль, что я не знаю, — произнес Пеор огорченно, но затем быстро продолжил: — Но я поговорю со своими — из Братства плошки. Если какой нищий увидит ее, ты об этом узнаешь. В конце концов, ведь дружба что-то значит?

Киммериец прочистил горло, чтоб скрыть улыбку. Дружба, действительно! Сведения поступят к нему через Пеора, а нищему, который их добудет, повезет, если он получит хотя бы один серебряный кругляш.

— Конечно, значит, — согласился он.

— Но, Конан... Я не одобряю убийства женщин. Ты ведь не хочешь причинить ей вреда?

— Только ее достоинству, — ответил Конан, поднимаясь на ноги. С помощью нищих он доберется до нее еще до вечера. — Только ее достоинству.

* * *

Два дня спустя Конан пробирался сквозь толпу с кислым выражением лица. Не только нищие Шадизара сделались его глазами. Многие потаскухи улыбнулись красивому киммерийскому варвару, трепеща под взглядом голубых глаз, и пообещали помочь ему найти ту женщину, хотя и надувая каждый раз от ревности губки. С уличными беспризорниками, на которых не производили впечатления широкие плечи и лазурные глаза, было сложнее. Некоторые называли их «пыль», этих бездомных, оборванных детей, которым не было числа, беспомощных перед ветрами судьбы, но улицы Шадизара были жестокой школой, и дети верили неохотно и требовали награды серебром. Но все эти глаза сказали ему только о том, где Тамира была до этого, а не о том, где она находится сейчас.

Конан рассматривал прохожих, пытаясь проникнуть взглядом сквозь покрывала тех женщин, которые их носили. По крайней мере, под покрывала тех, кто был хрупок и не выше его груди.

Что он будет делать, когда найдет ее, было еще неясно; он знал лишь, что потребует возместить ущерб, нанесенный его достоинству; но он отыщет ее, даже если ему придется заглянуть в лица всех женщин Шадизара.

Он был настолько погружен в свои мысли, что совершенно не слышал звук барабана, который сгонял других с улицы, заставляя даже паланкины прижаться к краю, до тех пор пока вдруг не обнаружил, что стоит один посреди улицы.

Обернувшись, чтобы посмотреть, откуда исходит ритмичный стук, он увидел, что на него надвигается процессия.

Во главе ее шли два воина с копьями, такие же высокие, как и киммериец, — мужчины с черными глазами и в накидках из шкур леопарда, чьи когтистые лапы висели поперек их широкой обнаженной груди. За ними следовал барабанщик с инструментом, висящим на лямке на боку так, чтобы можно было свободно размахивать палочками, отбивая ритм. Десятка

два человек в остроконечных шлемах и коротких кольчугах без рукавов следовали за барабанщиком. Половина из них несли копья, а половина — луки и колчаны за спиной, и все были одеты в белые широкие шаровары и красные сапоги.

Конан оглядел кортеж лишь до того места, где шествовали всадники. Их возглавляла женщина верхом на гарцующем черном мерине, который был на локоть выше всех коней свиты. Женщина была высокой, с развитыми формами. Ее одеяние, состоящее из узкой рубахи и еще более узких штанов, и то и другое из коричневого шелка, и алой мантии, откинутой на круп лошади, и все это ничуть не скрывало изгибов тела женщины. Светло-коричневые волосы, позолоченные солнцем, вились вокруг плеч и обрамляли гордое лицо с ясными серыми глазами.

Это была женщина, на которую стоит посмотреть, подумал Конан. И кроме того, он знал о ней, как и любой вор в Шадизаре. Княжна Йондра была известна благодаря своей надменности, своей любви к охоте, умению управлять лошадьми, а среди воров — благодаря тому, что обладала ожерельем и тиарой, от вида которых у многих текли слюнки. В них были вправлены чистейшие рубины, более крупные, чем последняя фаланга большого пальца массивного мужчины, обрамленные сапфирами и черными опалами. Обитатели Пустыни дразнили друг друга, предлагая собеседнику украсть эти украшения, ибо из всех, кто уже пытался это сделать, единственный, не попавшийся на копье стражника, умер со стрелами в глазах, выпущенными самой Йондрой. Говорили, что она была больше разгневана тем, что вор вошел в ее покои тогда, когда она купалась, чем его неловкой попыткой кражи.

Конан уже приготовился уступить дорогу процессии, как воины в накидках из леопарда, теперь не более чем в пяти шагах от него, направили на киммерийца острия своих копий. Они не замедлили шага, а шли так, будто от этой угрозы киммериец должен помчаться в поисках укрытия.

Лицо огромного киммерийца напряглось. Они что, приняли его за собаку, чтобы согнать с дороги? Достоинство молодого человека, и без того изрядно пострадавшее в последние дни, было уязвлено. Он выпрямился, и руки его направились к потертой, обмотанной кожей рукояти меча. Над толпой, стоящей по обеим сторонам улицы, повисла мертвая тишина.

Глаза воинов с копьями расширились при виде того, что молодой человек остался стоять на месте. Улицы всегда расчищались перед их госпожой — обычно хватало и барабана, а в самом крайнем случае было достаточно блеснуть на солнце наконечником копья. Оба поняли одновременно, что это не ученичок, которого можно оттолкнуть в сторону. Как один, они остановились и приняли боевую стойку.

Барабанщик, самозабвенно лупя палочками, продолжал размахивать руками, пока не оказался между двумя воинами. Там палочки его застыли — одна поднятая, другая у самой кожи барабана, — а глаза забегали, отыскивая выход. Все трое перегородили улицу и вынудили остальной кортеж княжны Йондры остановиться — вначале охотников в кольчугах, затем и всадников, и так до самого конца, пока все не прекратили движение.

Конан понял всю нелепость создавшегося положения и почувствовал, как ему становится смешно — против собственной воли. И как он только так влип, подумал он.

— Эй, ты! — прозвучал низкий женский голос. — Ты, верзила с мечом! — Конан поднял глаза и обнаружил, что поверх голов людей с копьями и луками на него глядит княжна Йондра. — Если ты можешь остановить Зурата и Тамаля, вероятно, ты можешь встретиться и со львом. Мне всегда нужны мужчины, но в Шадизаре мало достойных этого имени. Я возьму тебя на службу. — Высокий с орлиным носом человек, ехавший рядом с ней, сердито раскрыл рот, но она оборвала его жестом. — Что скажешь? С твоими плечами можно носить копье.

У Конана вырвался смех, и киммериец дал ему волю, хотя сам старался не сводить глаз с воинов и не убирал руки с рукояти меча.

Лицо Йондры постепенно застыло в удивлении.

— Я уже на службе, — сумел проговорить он, — у самого себя. Но, моя княжна, я хочу пожелать тебе приятного дня и не буду перегораживать дорогу.

Он сделал изящный поклон — не очень низкий, чтобы не терять из виду концы копий, — и сошел с середины улицы.

Мгновение сохранялось недоуменное молчание, но затем княжна Йондра уже кричала:

— Зурат! Тамаль! Шагом марш! Юнио! Барабан!

Воины с копьями выпрямились, а барабанщик тут же при-

нялся за свою работу. В следующее мгновение процессия уже двигалась. Йондра быстро проскакала мимо и посмотрела еще раз на киммерийца, не понимая, что делает. Человек с орлиным носом скакал рядом, красноречиво приводя какие-то доводы, но она его явно не слушала.

Стайка босоногих ребятишек в рубахах, которые давно потеряли всякий цвет, вдруг появилась рядом с Конаном. Предводителем их была девочка, находящаяся, правда, в том возрасте, когда худому телу трудно приписать какой-либо пол. Почти на голову выше всех своих сподвижников, она вразвалку подошла к мускулистому молодому человеку и принялась рассматривать убранство охотников. Мимо прошли собаки, натасканные на льва, рычащие бестии в ошейниках с шипами, рвущиеся с поводков.

— Такая собака и твою ногу откусит, — сказала девочка. — Большой человек, если получишь в живот копье, то кто нам заплатит?

— Плату получите тогда, когда найдете ее, Лаэта, — ответил Конан.

Мимо проносили охотничьи трофеи: шкуры леопардов и львов, огромные полумесяцы рогов антилопы, череп огромного дикого быка с рогами, толщиной с человеческую руку, — и все это несли так, чтобы видели зрители.

Дочка бросила на киммерийца презрительный взгляд:

— Разве я не говорила? Мы нашли ту девку, и я хочу обещанные две серебряных монеты.

Конан проворчал:

— Когда я буду уверен, что это она.

Это было не первое сообщение о Тамире, полученное им. В одном случае за Тамиру выдавалась женщина в два раза старше его, в другом — одноглазый ученик горшечника. Прошел конец процессии Йондры — вьючные животные и телеги с большими колесами, запряженные быками, и толпа сомкнулась, будто вода за кормой лодки.

— Отведи меня к ней, — сказал Конан.

Лаэта заворчала, но все же пошла по улице, окруженная, как телохранителями, своими мальчишками. Под каждой драной рубахой, как знал киммериец, был нож, и часто не один. Дети улиц предпочитали убегать, но, загнанные в угол, они были опасны, как стая крыс.

К удивлению Конана, они направились не в сторону Пустыни, а прочь от нее, в район, населенный ремесленниками. Вначале на них обрушился грохот из мастерской медника, затем вонь из чанов красильщика. Дым из горнов валил со всех сторон. Наконец девочка остановилась и показала на каменное здание, на котором на цепях висел знак с изображением льва, кое-как намалеванный не очень давно.

— Здесь? — спросил Конан подозрительно. Каждая таверна привлекала людей определенного круга, и вору не будут рады горшечники и красильщики.

— Здесь, — подтвердила Лаэта. Она пожевала губу, затем вздохнула: — Мы подождем на улице, большой человек. Серебряные монеты!

Конан нетерпеливо кивнул и толкнул дверь таверны.

Внутри таверна «Красный лев» была устроена иначе, чем другие подобные заведения. Когда-то в прошлом дом выгорел изнутри. Пол первого этажа, обрушившийся в подвал, так и не был восстановлен. Вместо этого был выстроен балкон вокруг всей внутренней части здания на уровне улицы, а обеденный зал находился там, где раньше был подвал. Даже в самые жаркие дни, когда солнце стояло высоко, в обеденном зале «Красного льва» было прохладно.

Стоя у перил балкона прямо у двери, Конан окинул взглядом таверну, отыскивая хрупкую женскую фигуру. Несколько мужчин стояли на балконе, некоторые прислонились к перилам, держа в руках кружки, большая же часть тихо торговалась с потаскухами о цене. Прислуживающие девушки, несущие подносы с едой и напитками, сновали вверх и вниз по лестнице в дальнем конце обеденного зала, поскольку кухня оставалась на уровне первого этажа. За столами, расставленными внизу на каменном полу, сидели горшечники, руки которых были измазаны засохшей глиной, и ремесленники в кожаных фартуках, работающие с металлом, а также подмастерья в рубахах с радужными кляксами.

Вездесущие девки, чьи лоскутки шелка скрывали тела не больше, чем у их товарок в Пустыне, разгуливали между столами но, как он и ожидал, Конан не увидел тут других женщин. Убедившись, что Лаэта ошибалась или лгала, он начал уже поворачиваться к двери. Краем глаза он заметил, как грузный горшечник, которого гладила по волосам пышногрудая потас-

куха, отвернулся от ее прелестей и с любопытством взглянул на точку прямо под тем местом, где стоял киммериец. Другой человек, положивший свой кожаный фартук на стол и усадивший к себе на колени повизгивающую девку, прекратил на мгновение лапать ее, чтобы сделать то же, что и горшечник. И еще один.

Конан перегнулся через перила, чтобы посмотреть, что же они все увидели, и обнаружил Тамиру, скромно одетую в бледно-голубой наряд, с отмытым лицом, так что кожа была девственно свежей... и с поднятой к губам деревянной кружкой. Вздохнув, она поставила, перевернув вверх дном, кружку на стол, что служило сигналом для прислуживающих девушек снова наполнить ее.

Улыбнувшись, Конан вынул из-за пояса плоский метательный нож. Рука его мелькнула, и черное лезвие уже дрожало в дне перевернутой кружки. Тамира вздрогнула, но тут же снова стала спокойной, и только пальцы левой руки барабанили по крышке стола. Улыбка киммерийца померкла. Тихо выругавшись, он степенно направился к лестнице.

Когда он достиг стола, за которым сидела девушка, метательный нож уже исчез. Он не обратил внимания на удивленные взгляды мужчин за соседними столами и сел напротив нее.

— Ты обещала мне восемь золотых, — были его первые слова.

Уголки рта Тамиры дернулись вверх.

— Так мало? Я получила сорок от княгини Зайеллы.

Конан вцепился в край стола так, что дерево заскрипело, протестуя. Сорок!

— Зарат из Кофа дал бы сотню, — пробормотал он, затем быстро продолжил, пока она не успела спросить, почему же ему в таком случае должны были дать лишь восемь. — Я хочу с тобой поговорить.

— А я с тобой, — сказала она. — Я не для того явилась в такое заведение и позволила тебе найти меня, чтобы...

— Позволила найти тебя! — взревел Конан. Посетитель за соседним столиком быстро поднялся и поспешил прочь.

— Конечно, позволила. — Лицо и голос ее были спокойны, но пальцы забарабанили снова. — Как могла я не заметить, что каждый нищий в Шадизаре и огромное число потаскух выспрашивают о том, где я?

— А ты думала, я тебя забуду? — саркастически спросил он.

Она продолжала так, будто он ничего и не говорил:

— Ладно, но я этого не потерплю. Ты помешаешь моему... ты привлечешь к себе внимание моих родственников. Им не понравится то, что чужак следит за мной. Я привела тебя сюда, подальше от Пустыни, в надежде, что они не узнают о нашей встрече. Ты обнаружишь нож у себя в горле, киммериец. Но почему-то, сама не знаю почему, я этого не хотела бы.

Конан молча глядел на нее до тех пор, пока ее большие темные глаза не начали взволнованно моргать. Пальцы участили барабанную дробь.

— Значит, ты все-таки знаешь, из какой я страны.

— Дурак, я пытаюсь спасти тебе жизнь.

— О тебе заботятся дяди? — спросил он вдруг. — Наблюдают за тобой? Охраняют тебя?

— И ты сам узнаешь, насколько тщательно, если не оставишь меня в покое. Что ты так довольно улыбаешься?

— Просто теперь я знаю, что буду твоим первым мужчиной. — Голос его был спокоен, но все его мускулы напряглись.

Тамира, не веря своим ушам, молча открыла рот, а щеки ее залила алая краска. Вдруг с губ девушки сорвался крик, и в руке ее оказался метательный нож.

Конан бросился со скамейкив тот миг, когда рука ее взметнулась. За его спиной вскрикнул подмастерье и недоуменно уставился на кончик собственного носа, с которого тек красный ручеек и образовывал новые разводы на закапанной краской рубахе.

Конан осторожно поднялся на ноги. Тамира потрясала перед ним кулачками вне себя от ярости. По крайней мере, подумал он, у нее больше нет таких ножей. Иначе нож был бы уже выхвачен.

— Но ты должна меня просить, — сказал он, будто не был прерван. — Когда попросишь, мы будем в расчете за те восемь золотых, что ты украла у меня.

— Чтоб тебя Эрлик побрал! — задыхалась она. — Митра раздери твою душу! Подумать только, что я беспокоюсь... подумать, что мне... Да ты всего лишь олух! Надеюсь, что мои дяди действительно тебя поймают! Надеюсь, что городская охрана выставит твою голову на обозрение! Надеюсь... надеюсь... о-о!

Она вся тряслась от ярости.

— С нетерпением ожидаю наш первый поцелуй, — сказал Конан и увернулся от кружки, полетевшей ему в голову.

Спокойно повернувшись спиной к яростно кричащей девушке, он зашагал вверх по лестнице и вышел из таверны. Как только дверь за ним затворилась, его непринужденная манера тут же исчезла. Он спешно искал Лаэту и улыбнулся, когда она появилась с протянутой ладонью.

До того как она успела сказать хотя бы слово, он бросил ей две серебряных монеты.

— Будет еще, — сказал он. — Я хочу знать все о том, куда она ходит и с кем встречается. Тебе по монете каждые десять дней и столько же твоим приятелям.

Золото Баратсеса исчезло быстро, подумал он, но если повезет, то как раз должно хватить.

Лаэта, открывшая рот, чтобы поторговаться, могла лишь молча кивнуть.

Конан довольно улыбнулся. Тамира попалась. После представления, разыгранного им, она думает, что он придурок и шут, намеревающийся соблазнить ее, чтобы расквитаться за прошлое. Он даже сомневался, помнила ли она свою оговорку. Она чуть было не сказала, что он может помешать ее следующему делу. Она замышляет кражу, и ей не нужен конкурент. Но на этот раз первым будет он, а пустой постамент обнаружит она.

Глава 4

Большинство заморийских аристократов, думала княжна Йондра, расхаживая по дворцовому саду, сожалели о том, что последним из Перашанидов была женщина. Аккуратно засучив рукав своего ярко-красного шелкового одеяния, она обмакнула пальцы в искрящиеся воды фонтана, обрамленного мрамором с серыми прожилками. Краем глаза она разглядывала человека, который стоял рядом с ней. Его красивое лицо и черные глаза излучали самоуверенность. Тяжелая золотая цепь, каждое звено которой было добыто усердием его семьи, висела поверх изящных складок цитриновой рубахи. Князь Амарид ничуть не сожалел о том, что она женщина. Это означало, что все богатство Перашанидов достанется ему вместе с ее рукой... Если ему только удастся заполучить ее руку.

— Погуляем еще, Ама, — сказала она и улыбнулась при виде его неудачной попытки скрыть гримасу, вызванную этим данным ею ласковым прозвищем. Она была уверена, что он примет улыбку на свой счет. Он не в состоянии думать иначе.

— Сад прелестен, — сказал он. — Но все же не так прелестен, как ты.

Вместо того чтобы взять предложенную ей руку, она пошла дальше по мощеной дорожке, вынуждая его торопиться, чтобы догнать ее.

В конце концов ей придется вступить в брак. Мысль эта вызвала вздох сожаления, но долг сделает то, что не удалось легионам претендентов на ее руку. Она не может позволить роду Перашанидов закончиться на ней. Еще один вздох сорвался с ее пухлых губ.

— В чем причина такой меланхолии, моя сладость? — бормотал Амарид ей в ухо. — Позволь мне испробовать твой медовый поцелуй, и я прогоню все твои печали.

Она ловко увернулась от его губ, но не стала ничем другим рушить его надежду. В отличие от большинства заморийских

аристократок, она мало кому из мужчин позволяла даже поцеловать себя, не говоря уж о чем-то большем. Но даже если она и не могла сдержаться и не поиздеваться над напыщенностью Амарида, его не следует прогонять совсем.

По крайней мере, он достаточно высок, подумала она. Она никогда не позволяла себе задумываться над причиной того, почему она выше большинства мужчин в Заморе, но она уже давно решила, что муж должен быть выше нее.

Амарид был выше на голову, но зато слишком хрупок. Она представила себе мужчину, которого бы хотела иметь мужем. Аристократического происхождения, конечно. Превосходный наездник, стрелок и охотник, разумеется. Телосложение? Выше Амарида примерно на голову. Шире в плечах, с широкой мощной грудью. Красивый, но более грубой красотой, чем ее спутник. Его глаза...

Вдруг она чуть не вскрикнула, когда узнала, чей образ она нарисовала себе. Она одела его как заморийского аристократа, но это был голубоглазый уличный бродяга, помешавший ее процессии, возвращавшейся с охоты. Лицо ее залилось краской. Голубые глаза! Варвар! Будто дымчато-серые огни вспыхнули ее собственные глаза. Как только могла она думать о том, чтобы позволить такому типу дотронуться до себя, даже не подозревая об этом! Митра! Тем хуже, что не подозревая!

— ...И во время моей последней охоты, — говорил Амарид, — я убил действительно замечательного леопарда. Даже лучше, чем те, что попались тебе, я полагаю. Я бы с удовольствием поучил тебя тонкостям охоты, моя маленькая конфетка. Я...

Йондра скрежетала зубами, в то время как он восторженно продолжал. Однако он действительно охотник, притом знатного происхождения. Если он и дурак — а в этом она почти не сомневалась, — тем проще будет с ним справляться.

— Я знаю, зачем ты пришел, Ама, — сказала княжна.

— ...когти величиной с... — Голос аристократа затих, и он недоуменно заморгал. — Знаешь?

Она не могла скрыть раздражения в голосе.

— Ты хочешь взять меня в жены. Ведь правда? Ну?

Она быстро направилась по саду к тиру. Амарид поколебался, затем побежал за княжной.

— Ты даже не представляешь, каким счастьем меня наполнила, сладчайшая. Сладчайшая? Йондра? Куда же ты... а?

Йондра отстранила руки, пытающиеся обнять ее, луком, снятым ею с позолоченной подставки, стоявшей на траве. Спокойно она надела на левую руку кожаную накладку, чтобы защитить кожу от тетивы. Еще один лук и вторая накладка, а также два черных лакированных колчана, полные стрел, висели на подставке.

— Ты должен... сравняться со мной, — сказала она, указав жестом на маленькую круглую мишень, сделанную из плотно переплетенной соломы, висящую на верху деревянной рамы высотой в три человеческих роста на расстоянии в сто шагов от них. Она намеревалась сказать «превзойти», но в конце концов не решилась. В действительности она не верила, что кто-нибудь может превзойти ее, — ни с луком, ни верхом. — Я не могу вступить в брак с человеком, который стреляет хуже меня.

Амарид поглядел на мишень, затем взял, самодовольно улыбаясь, второй лук.

— А почему так высоко? Не важно. Спорим, что побью тебя в этом. — Он рассмеялся, и смех этот напоминал ржание и никак не вязался с его внешностью. — Я выиграл, стреляя, много кошельков, но ты будешь самым лучшим моим призом.

Рот Йондры напрягся. Засучив свободные рукава, она положила стрелу и крикнула:

— Миней!

Лысеющий человек в короткой белой рубахе слуги вышел из кустов рядом с рамой и потянул за веревку, укрепленную рядом с мишенью. Тотчас мишень, не больше человеческой головы, начала скользить вниз по диагонали, раскачиваясь из стороны в сторону на длинном деревянном рычаге. Было ясно, что она должна будет двигаться, увеличивая скорость до самой земли.

Йондра не поднимала своего лука до того, как мишень прошла половину первой диагонали. Зато тем быстрым движением она вскинула лук, натянула тетиву и выпустила стрелу. Стрела вонзилась в цель жестким ударом, не замедлив падения мишени. Но еще до этого в воздух взлетела уже вторая стрела, а за ней следовала третья. Когда соломенная мишень упала на землю, княжна опустила лук со вставленной, но не выпущенной стрелой. Это была седьмая. Шесть стрел с перьями украшали мишень.

— Рукава немного мешают, — сказала она огорченно. — В

твоей рубахе можно выпустить больше шести. Дай мне только надеть охотничий костюм... Тебе плохо, Ама?

Лук Амарида болтался в расслабленной руке. Аристократ глядел, побледнев, на мишень. Когда он повернулся к княжне, бледность сменила густая краска. Он с трудом выговорил:

— Я слышал, что тебе доставляет удовольствие превосходить мужчин, но я не думал, что ты заявишь, что готова вступить в брак лишь для того, чтобы втянуть меня в... это! — Он выплюнул последнее слово и швырнул лук в сторону простреленной мишени. — Какой британийской ведьмовщиной ты воспользовалась, чтобы заколдовать свои стрелы?

Руки ее дрожали от гнева, когда она подняла лук, положила стрелу и натянула тетиву, но она заставила их успокоиться.

— Убирайся! — сказала княжна сурово.

Разинув рот, смуглый аристократ глядел на стрелу, нацеленную ему в лицо. Он резко развернулся и побежал, прыгая из стороны в сторону, ссутулясь, пытаясь увернуться от ее стрел и одновременно готовясь принять выстрел в спину.

Она проследила за каждым его прыжком и скачком, по-прежнему нацелив стрелу на него, пока он не скрылся в кустах. Лишь тогда она сделала выдох и ослабила тетиву. Мысли, которые она приучалась к себе не допускать, нахлынули снова.

Князь Карентид, ее отец, был генералом заморийской армии, а также и последним представителем древнего рода. Ведя кампанию на границе Британии, он выбрал себе пленницу, Камардику, высокую и сероглазую, которая утверждала, что она жрица. В этой связи не было ничего необычного, ибо заморийские солдаты часто забавлялись с пленными британийскими женщинами и в Заморе несть числа рабыням из Британии, но Карентид взял пленницу замуж. Взял замуж и тем самым подвергся остракизму.

Йондра помнила его тело — его и... той женщины, — лежащее в гробу, после того как лихорадка унесла столько жизней в городе, не пощадив ни аристократа, ни нищего. Йондру растили, обучали и охраняли так, как и полагается наследнице несметных богатств и представительнице древнего аристократического рода.

Однако ее рост и проклятые серые глаза... И она слышала, как люди шепчут. Полукровка. Дикарка. Британийка. Она слышала это, пока ее искусство стрельбы, ее вспыльчивость и от-

сутствие страха перед последствиями не прекратили этот шепот там, где она могла его слышать.

Она была княжна Йондра из дома Перашанидов, дочь генерала, князя Карентида, последняя из рода, не уступающего в знатности роду самого царя Тиридата, и никому не было позволено упоминать что-либо еще.

— Он ни разу бы не попал, моя госпожа, — произнес тихо голос у ее локтя.

Йондра взглянула на лысеющего слугу, на его озабоченное морщинистое лицо.

— Не тебе так говорить, Миней, — сказала она, но в голосе ее не было злобы.

Лицо Минея изобразило почтение.

— Повинуюсь, моя госпожа. Если моей госпоже угодно, то девушка, присланная княгиней Роксаной, здесь. Я отвел ее во вторую гостиную, но могу и увести, если ты все еще так хочешь.

— Если мне не дано выйти замуж, — ответила она, аккуратно кладя на место свой лук, — значит, служанка мне все-таки понадобится.

Во второй гостиной, пол которой был выложен мозаикой с зелеными и золотыми арабесками, стояла хрупкая девушка в короткой темно-синей рубахе — такой цвет заставляла носить своих служанок княгиня Роксана. Ее темные волосы были заплетены в простую косу, которая свисала до самой поясницы. Девушка опустила глаза, глядя на свои маленькие ножки, когда в зал вошла княжна Йондра.

На столике из черного дерева, инкрустированного слоновой костью, лежали две таблички, покрытые с одной стороны воском и связанные вместе шелковым шнурком. Йондра тщательно осмотрела печати на шкурке. Мало кто из не принадлежащих к классу аристократов или торговцев мог писать, но были случаи, когда слуги пытались внести изменения в свои рекомендации. Эти печати были целы. Княжна перерезала шнурок и стала читать.

— Почему ты хочешь оставить службу у княгини Роксаны? — спросила она вдруг. — Лиана? Так тебя зовут?

— Да, моя госпожа, — ответила девушка, не поднимая головы. — Я хочу стать горничной, моя госпожа. Я работала у княгини Роксаны на кухне, но ее горничные обучали меня. У

княгини Роксаны не было места для еще одной горничной, но она сказала, что тебе, моя госпожа, она нужна.

Йондра нахмурилась. У этой девчонки даже не хватает духу посмотреть ей в глаза! Она терпеть не могла трусости у собак, лошадей, а также у слуг.

— Мне нужна девушка, чтобы обслуживать меня на охоте. Последние две не справились с трудностями. Ты считаешь, что твое желание стать служанкой сохранится, несмотря на жару, мух и песок?

— О да, моя госпожа.

Медленно Йондра обошла вокруг девушки, разглядывая ее со всех сторон. На вид она определенно крепкая, чтобы выдержать жизнь в охотничьем лагере. Кончиками пальцев княжна приподняла подбородок девушки.

— Симпатичная, — сказала Йондра, и ей показалось, что она заметила искры в этих больших темных глазах. Возможно, у нее, в конце концов, действительно достаточно храбрости. — Я не потерплю, чтобы моей охоте помешало то, что охотники будут страдать из-за хорошенького личика, девушка. Смотри не строй им глазки.

Йондра улыбнулась. На этот раз в глазах действительно мелькнула вспышка гнева.

— Я девственница, моя госпожа, — сказала девушка с едва заметной ноткой чопорности в голосе.

— Конечно, — сказала Йондра уклончиво. Мало кто из служанок были девственницами, однако они считали, что это дает больше возможностей при получении места. — Удивительно, что княгиня Роксана отпустила тебя, принимая во внимание все похвалы, какими она тебя осыпает. — Она постучала ногтем по навощенным табличкам. — Со временем я узнаю, достойна ли ты этих похвал. В любом случае знай, что я не потерплю и намека на непослушание, ложь, воровство и лень. Я не бью свою прислугу так часто, как некоторые, но прегрешения в этой области будут стоить тебе ударов плеткой. — Княжна наблюдала, как искры в глазах девушки потухли — в них теперь читалось усердие и рвение к работе по мере того, как значения слов доходили до нее.

— Моя госпожа, клянусь, что буду служить тебе так, как того заслуживает такая знатная особа.

Йондра кивнула.

— Миней, проводи ее в комнаты прислуги. И вызови сюда Арвания.

— Повинуюсь, моя госпожа.

Она тут же позабыла об этом деле. Звуки шагов Минея, уводящего девушку, уже не имели значения. Положив таблички на стол черного дерева, она прошла по залу к высокому узкому шкафу, сделанному из украшенного резьбой розового дерева. Дверцы распахнулись и открыли взгляду полки со свитками пергамента, каждый из которых был перевязан лентой. Она торопливо порылась среди свитков.

Случай с Амаридом утвердил ее решение. То, что слухи о ее происхождении по-прежнему расползаются, было достаточной причиной для того, чтобы оставить мысль о замужестве. Вместо этого...

Амарид сказал, что она любит превосходить мужчин. Что же ей делать, если мужчины со своей дурацкой гордостью не могут принять того, что она лучше их — и в стрельбе, и в скачках, и на охоте? Она превзойдет их, поскольку так и должно быть. Она сделает то, на что ни у одного из них не хватит ни умения, ни отваги.

Княжна развязала ленту, связывающую свиток, и пробежала глазами по пергаменту, пока не нашла то, что искала.

* * *

«У зверя, моя госпожа, говорят, есть чешуя, но передвигается он на ногах. Отсеивая явные преувеличения, вызванные страхом, я могу с определенностью доложить, что он поедает людей и скот. Обитает он, моя госпожа, по-видимому, в Кезанкийских горах рядом с границей Заморы и Бритунии. Учитывая происходящее сейчас волнение среди горских племен, я не могу советовать...»

* * *

Йондра смяла пергамент. Она вернется со шкурой этого необычного зверя в качестве трофея. Пусть только кто-нибудь из подобных Амариду заикнется о том, что сможет сделать то же самое. Пусть только посмеет.

* * *

Тамира семенила следом за Минеем по коридорам дворца, едва слушая лысеющего старика, который говорил ей о ее обязанностях и рассказывал о других слугах. До самого последнего момента она не была уверена, что план ее сработает, даже после такой тщательной подготовки.

Сорок золотых получила она от Зайеллы, и все ушло на приготовления к этому делу. Большая часть потрачена была на дворецкого Роксаны, позволившего воспользоваться личной печатью княгини. Проверок, однако, не будет, и подвох не обнаружат, поскольку княгиня Роксана покинула город днем раньше. Тамира позволила себе улыбнуться. Через несколько дней у нее будет сказочное ожерелье и тиара Йондры.

— Не отвлекайся, девушка, — сказал раздраженно Миней. — Тебе все это надо знать, чтобы помогать в приготовлении к охоте княжны Йондры.

Тамира заморгала.

— К охоте? Но ведь она только что вернулась с охоты.

— Ты видела, как я говорил с Лрванием, занимающимся делами, связанными с охотой. Нет сомнения в том, что вы отправитесь, как только соберут припасы.

Девушку охватила паника. В ее планы не входило на самом деле отправляться в поход с Йондрой. Зачем потеть в шатре, когда драгоценности остаются в Шадизаре. Конечно, они и останутся там, когда она вернется. Но может вернуться и княгиня Роксана.

— Я... я должна позаботиться... о своих вещах, — промямлила она. — Я оставила свою одежду во дворце княгини Роксаны. И свою любимую заколку. Мне нужно принести...

Миней прервал ее:

— Когда получишь инструкцию о подготовке к охоте. Ты должна позаботиться не только о том, чтобы были упакованы платья и драгоценности моей госпожи, но ты должна проследить за ее духами, мылами и маслами для купания, и...

— Она... госпожа берет на охоту украшения?

— Да, девушка. Слушай внимательно. Румяна и пудра моей госпожи...

— Ты имеешь в виду несколько браслетов и брошек? — не отставала Тамира.

Старик потер лысину и вздохнул.

— Я не имею в виду ничего подобного, девушка. По вечерам моя госпожа наряжается, чтобы обедать во всем великолепии. Ладно, поскольку ты кажешься мне рассеянной по какой-то причине, я прослежу за тем, как ты исполнишь свои обязанности.

Остаток утра и часть дня Тамиру перебрасывали с одной работы на другую, и все это происходило под неусыпным оком Минея. Она сложила шелковые и кружевные одежды Йондры — три раза ей пришлось переделывать это, пока Миней не остался доволен, — и уложила их в плетеные корзины. Редкие духи из Вендии и пудры из Кхитая, румяна из Султанапура, дорогие масла и мази из дальних краев — все завернула она в мягкие тряпочки и уложила, и все это время лысеющий старикашка висел над ней и напоминал, что с каждым флакончиком и с каждой баночкой нужно обращаться так нежно, как с младенцем. Затем, еле переступая под тяжестью корзин, она и другие служанки отнесли свой груз на двор конюшни, где готовили вьючных животных к утру.

Каждый раз, когда Тамира проходила по покоям Йондры, у нее текли слюнки при виде ларцов — железных ящиков с толстыми стенками — для переноски украшений аристократки. Ларцы стояли и дразнили на фоне увешанных гобеленами стен. Но сейчас они были просто железом, поскольку их заполнят лишь в последний момент. Все же украшения отправятся вместе с ней. Тамира не могла не улыбнуться.

Испытывая острую боль во всем теле от непривычного труда, Тамира обнаружила, что Миней подвел ее к боковой двери дворца.

— Принеси свои вещи, девушка, — сказал он, — и поскорее возвращайся. Есть еще работа.

Она не успела произнести ни слова, как ее уже вытолкнули на улицу и дверь захлопнулась у нее перед носом. Она простояла довольно долго, уставив удивленный взгляд в выкрашенное красным дерево.

Она уже позабыла о выдуманных по панике оставленных вещах. Ее первоначальный план требовал, чтобы она оставалась во дворце до тех пор, пока ожерелье и тиара не будут у нее в руках. Тогда Конан никак не выведает о том, что она собирается сделать. Огромный варвар, похоже, собирается...

До нее дошло наконец, что она за пределами дворца, пото-

му она быстро развернулась, чтобы оглядеть узкую улочку. У стены напротив уныло сидел на корточках кезанкийский горец в тюрбане, и несколько оборванных ребятишек играли на грубой мостовой в бабки. Тамира облегченно вздохнула. Не было видно ни нищего, ни потаскухи. Дяди найдут ей все необходимое, чтобы Миней был доволен. Внимательно следя за тем, чтобы не попасться на глаза наблюдателям Конана, она поспешила по улице.

Трое ребятишек, на которых она не обратила внимания, прервали игру и пошли следом.

Горец проводил девушку похотливым взглядом, затем неохотно принялся снова рассматривать дворец.

Глава 5

За угловым столом в заведении Абулета сидел Конан и мрачно глядел в кружку, наполовину наполненную дешевым кофийским вином. Семирамида в пояске из монет и в двух полосках алого шелка сидела на коленях туранца в другом конце битком набитого зала, но сейчас не это было причиной плохого настроения киммерийца. Полученных от Баратсеса денег стало еще меньше после вчерашней игры в кости. Поскольку все мысли Конана были о Тамире, он не думал, где раздобыть еще монет. И что еще хуже, он не имел никаких сведений от Лаэты. Прошел лишь день после того, как он послал ребят следить за Тамирой, но он был уверен — уверен так, будто темноглазая воровка сама сказала об этом, — что она уже совершает задуманную ею кражу. Кражу, в которой он поклялся опередить ее. И у него нет никаких сведений!

Поморщившись, он поднял кружку и допил остатки вина. Когда он поставил кружку, то увидел, что по другую сторону стола стоит высокий и костлявый человек. Дорогая черная хауранская накидка, отделанная по краям материей, была плотно запахнута, чтобы нельзя было узнать подошедшего.

— Что тебе надо, Баратсес? — проворчал Конан. — Я оставляю себе два золотых, как плату за попытку, и ты должен быть счастлив, что это так дешево.

— У тебя есть комната в этом... заведении? — Торговец специями обежал взглядом зал, в котором стоял пьяный гул, будто ожидал, что на него могут накинуться в любое мгновение. — Я хочу поговорить с тобой наедине.

Конан недоверчиво покачал головой. Этот придурок явно оделся в то, что посчитал неброской одеждой, но столь же явным было и то, что он не обитатель Пустыни. Его приход, конечно, был замечен, и разбойники столпились в девять рядов на улице, ожидая, когда он выйдет, но здесь, где он в безопасности, он боится ограбления.

— Кром, — сказал Конан и повел торговца по шаткой деревянной лестнице в задней части обеденного зала.

Его комната была простым ящиком из грубых досок, с узким окном, заколоченным в тщетной попытке уберечься от вони, доносящейся из переулка за таверной.

Широкая низкая кровать, стол, одна ножка которого была короче других, и единственный табурет составляли всю обстановку. Все вещи киммерийца — кроме старинного меча, который он всегда носил с собой, — висели на гвоздях, вбитых в стену.

Баратсес презрительно оглядел комнату, и Конан вскипел:

— Не могу позволить себе приобрести дворец. Пока. Ну, зачем ты сюда пришел? Еще что-нибудь надо украсть? На этот раз хорошо заплатишь, или ищи кого-нибудь другого.

— Ты не выполнил еще предыдущего заказа, киммериец. — Хотя дверь была закрыта, торговец по-прежнему прятал свое лицо под накидкой. — Я принес остальную часть золота, но где мой кубок? Я знаю, что у Самарида его больше нет.

— У меня его тоже нет, — огорченно ответил Конан. — Другой побывал там раньше меня. — Конан поколебался, он не мог избавиться от мысли, что Баратсесу за те два золотых положены хотя бы какие-то сведения. — Я слышал, что кубок теперь у княгини Зайеллы.

— Значит, она предложила тебе больше, чем я, — пробормотал Баратсес. — Я слышал, что у тебя есть некое странное представление о честности, но вижу, что ошибался.

Взгляд киммерийца сделался ледяным.

— Не называй меня лжецом, торговец. Украл кубок не я.

— В комнате душно, — сказал Баратсес. — Мне жарко. — Он скинул накидку, взмахнув перед собой одной полой.

Инстинкт подсказал киммерийцу, что здесь что-то не так. Когда полы накидки уже не мешали, Конан ударил Баратсеса по кисти, остановив карпашский нож с черным лезвием на расстоянии ладони от своего горла.

— Придурок! — произнес киммериец.

Полетели брызги крови и осколки зубов, раскрошенных ударом кулака Конана. Кинжал вывалился из слабых пальцев и упал на пол на мгновение раньше, чем сам Баратсес.

Огромный киммериец нахмурился, глядя на лежащего без сознания человека. Кинжал Баратсес выхватил из ножен, за-

крепленных на предплечье. Конан нагнулся, чтобы взять ножны, и бросил их и нож на накидку.

— Покушение на мою жизнь, — сказал он наконец, — будет стоить тебе того золота, что ты принес.

Отвязав кошелек от пояса торговца, он высыпал содержимое на ладонь. Золота там не было, лишь серебро и медь. Он подсчитал и поморщился. На три медяка больше золотого. Похоже, что смерть его была запланирована, независимо от того, есть ли у него кубок или нет. Всыпав монеты в кошелек, он швырнул его к кинжалу и ножнам.

Баратсес на полу пошевелился и простонал.

Схватив в кулак рубаху своего костлявого посетителя, Конан поднял его на ноги и стал трясти до тех пор, пока глаза торговца не открылись. Баратсес издавал булькающий стон, когда обследовал языком обломки зубов.

— У меня нет этого кубка, — сурово произнес киммериец. Он легко оторвал ноги торговца от пола. — У меня никогда не было этого кубка. — Он сделал шаг и ударил Баратсеса спиной о заколоченные ставни, которые тут же распахнулись. Торговец с окровавленным лицом повис над переулком на вытянутой руке Конана. — И если еще раз тебя встречу, выбью оставшиеся зубы.

Конан разжал кулак.

Вой Баратсеса оборвался, когда он плюхнулся в смесь, состоящую из равных частей грязи, помоев и содержимого ночных горшков. Тощая собака, которой помешали копаться в очистках, начала ожесточенно лаять. Еле поднявшись на ноги, Баратсес принялся дико озираться по сторонам, затем бросился бежать.

— Убивают! — орал он. — Убивают!

Конан вздохнул, проводив торговца взглядом.

Услышав эти крики, никто не придет на помощь здесь, в Пустыне, но после того, как он выберется из этих кривых улочек, городская охрана быстро примчится. И внимательно выслушает рассказ уважаемого торговца.

Вероятно, было бы лучше, если бы он перерезал этому костлявому глотку, однако убийствами он не занимался. Ему придется временно оставить город, пока шум не уляжется. Кулак, вышибивший Баратсесу зубы, ударил по оконной раме. А когда вернется, Тамира уже совершит кражу. Он может вообще

не узнать, что она украла, не говоря уже о том, чтобы украсть его первым.

Конан начал поспешно собираться. Содержимое кошелька Баратсеса было добавлено к тому, что оставалось в кошельке киммерийца. Кинжал в ножнах он привязал к левому предплечью, затем набросил на плечи черную накидку. Она была немного маловата, но зато в десять раз лучше, чем то, что имел Конан.

Он нахмурился, почувствовав что-то на груди, и пощупал рукой подкладку. Там был пришит маленький мешочек. Из него киммериец вынул серебряную коробочку с крышкой, украшенной синими камнями. Сапфиры низкого качества, оценил он опытным глазом.

Конан открыл коробочку и презрительно скривил губы, увидев там зеленоватый порошок. Пыльца зеленого лотоса из Вендии. Похоже, что Баратсес любил вызывать сны тогда, когда хотел. Небольшое количество этого зелья может принести десять золотых. Перевернув коробочку, Конан постучал по донцу ладонью, чтобы вся пыльца высыпалась на пол. Этим он не занимается.

Он быстро оглядел остальные свои вещи. Здесь не было ничего ценного. Почти два года занятия воровством, и это все, что он приобрел. Такой придурок, как Баратсес, может выбросить на сны столько, сколько он может заработать ночью, рискуя жизнью. Распахнув дверь, Конан, безрадостно рассмеявшись, похлопал потертую кожу на рукояти меча.

— Все равно мне нужно только это, — сказал он себе.

Абулет медленно подошел к стойке, заметив жест Конана.

— Мне нужна лошадь, — сказал киммериец, когда хозяин таверны наконец приблизился. — Хорошая лошадь. А не такая, что годится только на мыло.

Черные глаза Абулета, глубоко сидящие на измазанном сажей лице, глядели то на накидку на плечах Конана, то на лестницу.

— Тебе нужно быстро покинуть Шадизар, киммериец?

— Тела здесь не найдут, — успокоил его Конан. — Просто разногласия с человеком, к словам которого может прислушаться городская охрана.

— Очень плохо, — проворчал Абулет. — Дешевле избавиться от тела, чем купить лошадь. Но я знаю одного человека... —

Вдруг он бросил гневный взгляд через плечо Конана. — Эй ты! Вон отсюда! Я не пускаю сюда грязных воришек!

Конан оглянулся. В дверях стояла Лаэта, яростно глядя на хозяина таверны.

— Она пришла ко мне, — сказал киммериец.

— Она? — произнес недоверчиво Абулет, но разговаривал он за спиной Конана.

— У тебя есть сведения о Тамире? — спросил Конан, подойдя к девочке. Похоже, к нему снова возвращается сопутствовавшая ему последнее время удача, подумал он: сведения он получает тогда, когда не может ими воспользоваться.

Лаэта кивнула, но промолчала. Конан выудил из кошелька два серебряных кругляша, но, когда она протянула за ними руку, он поднял их так, чтобы Лаэта не дотянулась, и взглянул вопросительно.

— Ладно, большой человек, — вздохнула она. — Но тебе лучше дать мне деньги. Вчера утром твоя воровка пошла во дворец княжны Йондры.

— Йондры! — Значит, она подбирается к ожерелью с тиарой. А ему надо выметаться из города. Скрипя зубами, он бросил монеты Лаэте. — Почему ты не сказала об этом тогда?

Она спрятала серебро под рваной рубахой.

— Потому что она снова оттуда вышла. И, — прибавила Лаэта неохотно, — мы потеряли ее след на Катара-базаре. Но этим утром я послала Урию следить за дворцом Йондры, и он снова ее видел. На этот раз она появилась одетая как служанка, и она ехала на телеге с провизией следом за охотниками Йондры. Все они вышли из города через Львиные ворота. Песочные часы перевернулись уже больше шести раз. Урия не спешил рассказывать мне, и я уменьшила за это его долю серебра.

Конан внимательно посмотрел на девочку, размышляя, не выдумала ли она эту историю. Она казалась слишком фантастической. Если только... если только Тамира не обнаружила, что Йондра берет свои знаменитые ожерелье и тиару с собой. Но на охоту? Не важно. Он все равно должен покинуть Шадизар. Так что может поскакать на север и сам посмотреть, что задумала Тамира.

Он уже было отвернулся, но вдруг остановился, посмотрев на измазанное грязью лицо Лаэты и большие внимательные глаза, впервые разглядев ее по-настоящему.

— Подожди здесь, — сказал он ей.

Она бросила на него короткий вопросительный взгляд, но осталась стоять на месте, когда он отошел.

Он нашел Семирамиду в дальнем конце зала, где она стояла, прислонившись к стене и скрестив ноги. Киммериец быстро отделил половину монет из бывших у него в кошельке и сунул их в руку Семирамиде.

— Конан, — начала протестовать она, — ты же знаешь, что я не возьму денег...

— Это для нее, — сказал он, кивнув головой в сторону Лаэты, которая подозрительно следила за ним. Семирамида недоуменно подняла брови. — Через год она уже не сможет изображать мальчика, — объяснил он. — Уже сейчас ей приходится мазать лицо грязью, чтобы скрыть, что она симпатична. Я подумал, что, может быть, ты... — Он неловко пожал плечами, не зная сам, что хочет сказать.

Семирамида привстала на цыпочки и коснулась губами его щеки.

— Это не поцелуй, — рассмеялся он. — Если ты хочешь проститься...

Она приложила палец к губам:

— Ты на самом деле лучше, чем пытаешься притвориться, киммериец. — С этими словами она выскользнула из его объятий.

Думая о том, были ли женщины сотворены теми же богами, что и мужчины, он смотрел, как Семирамида подходит к Лаэте. Обе тихо заговорили, посмотрели на него, а затем вместе отправились к свободному столу. Когда они ели, Конан вдруг вспомнил о собственных делах. Он подошел к стойке и поймал за рукав проходившего мимо хозяина.

— Насчет лошади, Абулет...

Глава 6

Темнота беззвучно висела над Шадизаром, по крайней мере в той его части, где находился дворец Перашанидов. Мужчина с грубыми чертами лица, с бородой, разделенной на три косички, одетый в грязный тюрбан и испачканную кожаную жилетку, вышел из тени и замер, когда ночную тишину нарушил лай собаки. Затем снова стало тихо.

— Фаруз, — позвал тихо бородатый. — Джхаль, Тирджас.

Трое названных вышли из темноты, каждый в сопровождении десятка кезанкийских горцев.

— Истинные боги направляют наши сабли, Джинар, — тихо сказал один из горцев, когда они проходили мимо бородатого.

Сапоги глухо стучали по мостовой, каждая из колонн спешила к назначенной ей цели. Фаруз проведет своих людей через западную стену сада, Джхаль — через северную. Тирджас должен наблюдать за воротами дворца и сделать так, чтобы никто из них не вышел... живой.

— Давай, — скомандовал Джинар, и десять угрюмых горцев поспешили за ним к восточной стене сада.

У основания стены два горца согнулись, подставив руки, чтобы на них могли стать сапоги Джинара. Джинар ухватился за верхний край стены, вскарабкался на нее и спрыгнул с другой стороны. Он удивился тому, сколько здесь было затрачено труда. Сколько пота ради каких-то растений. Воистину люди городов безумны.

Тихий звук прыжков возвестил о том, что к нему присоединились его люди. С шорохом металла о кожу ножен были выхвачены сабли, и один горец яростно проговорил:

— Смерть неверным!

Джинар зашипел, требуя соблюдать тишину, не желая говорить, чтобы не показать своим людям чувства, возникшие у него оттого, что он находится в городе. Столько народу собра-

но в одном месте. Столько домов. Столько стен давит вокруг. Джинар дал горцам знак, чтобы они следовали за ним.

Колонна тихо пробиралась по саду. Двери во дворец были открыты. Все идет хорошо, подумал Джинар. Остальные наверняка уже пробираются во дворец в других местах. Тревогу никто не поднял. Благословение древних богов действительно с ними, как сказал ималла Басракан.

Неожиданно перед ними возник человек в белой рубахе слуги, который уже раскрыл рот, чтобы закричать. Сабля просвистела еще до того, как горец успел подумать, и перерубила слуге горло.

Глядя на дергающееся тело в луже крови, растекающейся по мраморному полу, Джинар обнаружил, что волнение его прошло.

— Разойтись! — приказал он. — Никто не должен остаться в живых и поднять тревогу. Вперед!

Издавая низкие горловые звуки, горцы разбежались с обнаженными саблями в разные стороны. Джинар тоже побежал, отыскивая комнату, описанную ему Аккаданом, обливавшимся потом под взглядом ималлы Басракана. Еще три человека, разбуженные топотом ног, пали жертвой окровавленных клинков. Все были безоружные, и среди них была одна женщина, но все они были неверными, и Джинар не дал им возможности даже вскрикнуть.

Но вот он уже у цели, и все было в точности так, как говорил толстяк. Большие квадратные плитки красного, черного и золотистого цветов покрывали пол, образуя геометрические узоры, Стены были по пояс выложены красным и черным кирпичом. На мебель он не обратил внимания. Важно было лишь то, что горели лампы, и он мог видеть все плитки и кирпичи.

Все еще сжимая окровавленную саблю, Джинар забежал в ближайший уголок и надавил на черный кирпич — четвертый сверху и четвертый от угла. Горец довольно крякнул, когда кирпич провалился под его нажимом. Он быстро обошел остальные три угла — еще три кирпича провалились в стены.

Стук сапог в коридоре заставил его обернуться и поднять саблю. В комнату ворвался Фаруз со своими горцами.

— Нам надо спешить, — прорычал Фаруз. — Лысый старик проломил Кариму вазой череп и сбежал в сад. Он успеет поднять тревогу, прежде чем мы найдем его.

Джинар чуть не выругался. Торопясь, он поставил четырех человек на колени перед далеко отстоящими друг от друга золотистыми плитками, образовав квадрат.

— Нажать всем вместе, — приказал он. — Помните, вместе. Давай!

С резким щелчком все четыре плитки опустились. Под ногами послышался скрежет. Медленно две секции пола поднялись вверх и открыли ведущую вниз лестницу.

Джинар бросился по лестнице и оказался в маленькой камере, выдолбленной в скале под дворцом. Сверху падал тусклый свет, выхватывая из темноты полки, уставленные ларцами. Торопясь, горец открыл один ларец, затем другой.

Изумруды и сапфиры на золотых цепочках. Опалы и жемчуг, вставленные в серебряные броши. Резная слоновая кость и янтарь. Но только не то, что он искал. Не обращая внимания на богатства, бородатый горец высыпал содержимое ларцов на пол. Драгоценные камни и золото падали на пол. Он топтал ногами сокровища, сравнимые с царскими, но даже не думал глядеть на них. С проклятием он бросил последний пустой ларец и взбежал по лестнице.

Подошли еще горцы, столпившиеся в комнате. Теперь некоторые уже протолкнулись мимо Джинара в нижнюю камеру. Ссорясь между собой, они запихивали себе под рубахи драгоценности.

— Огненных глаз здесь нет, — объяснил Джинар.

Люди внизу, задыхаясь от жадности, не обратили внимания на эти слова, но у оставшихся наверху в комнате вытянулись лица.

— Вероятно, женщина взяла их с собой, — предположил один, со шрамом в том месте, где раньше было левое ухо.

Фаруз громко плюнул.

— Это ты, Джинар, говорил, давай подождем. Трубит рог, и она отправляется на охоту, говорил ты. Она возьмет с собой стражу, и нам будет проще.

Джинар оскалил в ответ зубы:

— Это ты, что ли, Фаруз, предлагал нам поспешить? Ты не тратил время в тех местах, где женщины отдают свое тело в обмен на монеты? — Он сдержал гнев. Ощущение давящих стен вернулось. Что теперь делать? Возвратиться к ималле Басракану с пустыми руками, получив приказ доставить Огненные гла-

за... Он содрогнулся при этой мысли. Если Огненные глаза у заморской девки, значит, надо найти ее. — Остался кто-нибудь в живых из этих шакалов?

Все стали качать головой, давая отрицательный ответ, но Фаруз сказал:

— Джхаль оставил в живых одну девку, пока не насладится. Ты что, вместо того чтобы выполнять задание ималлы, хочешь присоединиться к нему?

Джинар вдруг выхватил кинжал. Он проверил лезвие мозолистым пальцем.

— Я иду задавать вопросы, — произнес он и зашагал вон из комнаты.

За его спиной споры о награбленном сделались громче.

Глава 7

Конан опустил поводья, которые упали на шею лошади, идущей медленным шагом, и принялся пить из бурдюка воду. Раньше он пил больше, даже когда солнце не палило так жарко с безоблачного неба, как палило сейчас, хотя оно поднялось лишь на три пяди над горизонтом. Накидка была скатана и примотана сзади седла, а на голове он кожаным шнурком закрепил кусок рубашки, как повязку бедуина.

Всюду, насколько мог видеть глаз, были холмы, иногда показывалась скала или огромный, ушедший наполовину в землю валун, и ни одного деревца, никакой растительности, кроме редких участков, поросших грубой травой.

Дважды с тех пор, как Конан покинул Шадизар, ему попались следы больших групп людей, и один раз он увидел заморийскую пехоту, направлявшуюся на север. Он решил не попадаться на глаза солдатам. Маловероятно, что у Баратсеса могло хватить влияния отправить в погоню армию, но человек той профессии, какую имел Конан, быстро понимал, что лучше избегать случайных встреч с большим числом солдат. Жизнь более спокойна и менее сложна без солдат. Следов охоты княжны Йондры он не встречал.

Заткнув бурдюк пробкой, он перекинул его через плечо и снова стал рассматривать следы, по которым шел сейчас. Одна лошадь, легко нагруженная. Всадник, возможно женщина.

Он пнул свою чалую лошадь, и она поплелась трусцой, своим самым быстрым аллюром. Киммериец намеревался поговорить с Абулетом, когда вернется в Шадизар, тихо побеседовать о том, что тот сообщил торговцам лошадьми. Друг хозяина таверны утверждал, что у него нет других животных, кроме этого мерина, еле стоящего на ногах, и торговался так, будто знал, что у молодого человека есть веские причины для того, чтобы побыстрее убраться из Шадизара. Конан снова ударил каблуками, но лошадь быстрее не пошла.

Из-за холма доносилось становящееся все громче рычание. Въехав на холм, киммериец увидел все, что происходило внизу. Десяток волков делили труп лошади. Шагах в двадцати от них на валуне балансировала, сидя на корточках, княжна Йондра, сжав в руке лук. Еще пять огромных серых зверей ждали внизу, сосредоточив взгляд на ней.

Вдруг один из них быстро вышел вперед и прыгнул, пытаясь дотянуться до девушки на валуне. Она воспользовалась луком как дубинкой. Волк перевернулся в воздухе, его мощные челюсти схватили лук и вырвали его из рук княжны. Сила толчка вывела ее из равновесия, и она начала соскальзывать с валуна. Она вскрикнула, отчаянно цепляясь за камень, и повисла, находясь теперь ближе к тварям внизу. Она подтянула ноги, но следующий прыгнувший волк легко дотянется до них.

— Кром, — пробормотал Конан.

Раздумывать было некогда. Он ударил пятками чалую лошадь, отчего та, спотыкаясь, засеменила вниз по склону.

— Кром! — взревел он и выхватил меч из потертых ножен.

Волчья стая поднялась на ноги и стала поджидать киммерийца. Йондра глядела на него, не веря своим глазам. Чалая, вытаращив глаза и издавая ржание от ужаса, вдруг понеслась галопом. Два волка прыгнули, пытаясь вцепиться ей в морду, и еще два бросились сзади, чтобы перекусить сухожилия. Переднее копыто раздробило серую мохнатую голову. Меч Конана рассек череп другому волку. Чалая лягнула и сломала ребра третьему, но четвертый вонзил ей в ноги сверкающие клыки. Жалобно заржав, лошадь споткнулась и упала.

Конан соскочил с седла, когда лошадь падала, успев встретить серую тварь взмахом меча.

Волк упал, рассеченный почти пополам. Конан слышал, как за его спиной чалая пытается подняться на ноги с диким ржанием, нанося копытами удары, достигающие цели. Не было возможности даже бросить взгляд на лошадь или посмотреть на Йондру, поскольку вся стая собралась вокруг него.

Конан принялся отчаянно рубить серых тварей, мечущихся вокруг, будто демоны. Кровь окрасила серый мех, и не вся эта кровь была волчьей, ибо клыки их были как бритвы, и он не мог отогнать всех зверей сразу. Он сознавал, что не может позволить себе упасть даже на мгновение. Если он потеряет равновесие, то сделается кормом для волков. Кое-как он сумел

взять в левую руку карпатский кинжал и стал размахивать вокруг себя уже двумя клинками. Киммериец ни о чем больше не думал, кроме битвы: он дрался с дикой яростью, как и сами волки, не прося и не давая пощады. Он помнил лишь о драке. Драться, а проигравший пусть достанется воронам.

Так же неожиданно, как и начался, бой прекратился. В одно мгновение сталь боролась с мелькающими клыками, а в следующее огромные серые звери уже побежали за холмы, хромая на трех лапах. Конан огляделся по сторонам, удивляясь тому, что остался жив. Девять волков валялись, будто куски пропитанного кровью меха. Чалая снова лежала, но теперь она уже больше никогда не поднимется. Из зияющей раны на шее била струя крови, образуя лужу, которая уже начала впитываться в каменистую почву.

Услышав шум, Конан оглянулся. Йондра соскользнула с валуна и взяла с земли свой лук. Плотно облегающая рубаха и красновато-коричневые штаны подчеркивали каждый изгиб ее фигуры с полной грудью. Надув губки, она осмотрела царапины, оставленные зубами на склеенных деревянных и костяных пластинах. Руки ее дрожали.

— Почему ты не подстрелила хотя бы нескольких? — спросил Конан. — Ты бы могла спастись до того, как я подъехал.

— Мой колчан... — Голос ее оборвался, когда она посмотрела на обглоданный труп лошади, но она превозмогла себя и подошла к трупу. Из-под окровавленной массы она вынула колчан. Вдоль одной, покрытой лаком стороны бежала трещина. Проверив стрелы, княжна выбросила три сломанных, затем закинула колчан за спину. — Мне было не достать его, — сказала она, поправляя лямки колчана. — Первый волк перекусил сухожилия моему мерину так быстро, что я даже не увидела. Это было счастье, дарованное Ханнуманом, что я добралась до этого камня.

— В этой местности женщине не следует разъезжать одной, — проворчал Конан, поднимая скатанную накидку и вытирая окровавленный меч о седельную сумку. Он понимал, что с этой женщиной нужно вести себя иначе. Он, в конце концов, проскакал почти пол-Заморы для того, чтобы украсть у нее драгоценности. Но вот он стоит здесь, когда лошадь его мертва и дюжина порезов, хотя и несерьезных, жгут и кровоточат, так что он не был расположен вести с кем-либо учтивые беседы.

— Последи за своим языком! — бросила ему Йондра. — Я скакала... — Вдруг, казалось, она будто в первый раз увидела его. Сделав шаг назад, она подняла перед собой лук, будто это был щит. — Ты! — Это слово прозвучало почти шепотом. — Что ты здесь делаешь?

— Я здесь хожу, так как лошадь моя убита в драке ради того, чтобы спасти тебе жизнь. За что, как я заметил, я еще не услышал ни благодарности, ни предложения перевязать мои раны в твоем лагере.

Открыв рот, Йондра глядела на него, и по лицу ее было заметно, что в ней борются гнев и удивление. Глубоко вздохнув, она встрепенулась, будто пробудилась ото сна.

— Ты спас мне жизнь... — начала она, но замолчала. — Я не знаю даже твоего имени.

— Меня зовут Конан. Конан из Киммерии.

Йондра едва заметно кивнула, и улыбка ее немного дрогнула.

— Конан из Киммерии, я приношу тебе искреннюю благодарность за то, что ты спас мне жизнь. А также я предлагаю тебе остаться в моем лагере столько времени, сколько ты пожелаешь. — Она взглянула на мертвых волков и содрогнулась. — Я добыла много трофеев, — сказала она нетвердым голосом, — но никогда не думала, что сама могу стать трофеем. Шкуры, конечно, твои.

Киммериец покачал головой, хотя ему и было жалко бросать мех, который мог бы пригодиться. И к тому же дорогой, если его только доставить в Шадизар. Он поднял бурдюк и посмотрел на большую дыру, прорванную клыками. Последние несколько капель упали на землю.

— Без воды мы не можем тратить время на то, чтобы сдирать шкуры. — Он прикрыл глаза ладонью и поглядел, какой путь еще осталось проделать солнцу, чтобы достичь зенита. — Жара еще усилится. Как далеко до твоего лагеря?

— Верхом мы бы добрались туда к тому моменту, когда солнце достигнет высшей точки, или немного позже. — Пешком... — Она пожала плечами, отчего ее тяжелые груди колыхнулись под шелковой рубахой. — Я мало хожу пешком и не могу судить.

Конан с трудом заставил себя думать о деле.

— Значит, надо отправляться сейчас. Тебе придется идти

без перерыва, так как если мы остановимся в такую жару, то, скорее всего, не сможем двигаться снова. Ну, в какую сторону?

Йондра колебалась, явно она настолько же не привыкла подчиняться командам, как и ходить пешком. Надменные серые глаза вступили в борьбу с холодными голубыми сапфирами; проиграли серые. Без слов, но с раздражением на лице, высокая аристократка взяла лук, вложила в него стрелу и пошла в сторону южнее восходящего солнца.

Конан поглядел на нее, прежде чем пойти следом, отнюдь не любуясь видом перекатывающихся ягодиц. Эта глупая женщина почему-то не хотела, чтобы он шел сзади. Неужели она боится, что он возьмет ее силой. Постепенно, однако, его досада уступила место удовольствию, получаемому от созерцания того, как она идет по холмам. Шелковые штаны для верховой езды обтягивали ягодицы, будто собственная кожа, и это зрелище заставило бы любого мужчину позабыть обо всем.

Солнце поднималось все выше — оранжевый шар, палящий землю. Горячий воздух дрожал, а подошвы сапог нагрелись, будто ими ступали по горячим углям. Каждый вдох уносил из легких влагу, иссушал горло. Солнце двигалось по небу, к зениту и дальше, изжаривая плоть, выжигая все внутренности.

Теперь солнце, вдруг понял Конан, взбираясь по склону, сделалось центром его внимания, оттеснив женщину. Он попытался посчитать, сколько времени у него остается, чтобы отыскать воду, пока силы не начнут оставлять его. Попытка смочить потрескавшиеся губы оказалась бесплодной, поскольку слюна тут же испарилась. Он не видел никакой пользы в молитвах. Кром, бог его суровой родины, не слушал молитв, не признавал обетов. Человек получал от Крома лишь два дара — жизнь и волю, и больше ничего. Воля будет вести его до темноты, решил киммериец. Затем, протянув день, он попытается протянуть и ночь, а затем еще один день и еще одну ночь.

В девушке он был не очень уверен. Она уже начала покачиваться и спотыкаться о камни, которые легко бы переступила в начале пути. Вдруг камень размером с ее кулак подвернулся у нее под ногой, и княжна упала. На четвереньки она поднялась, но не более того. Голова ее бессильно повисла, девушка тяжело дышала, пытаясь получить достаточное количество воздуха.

Добравшись до княжны, Конан поднял ее на ноги. Она вяло повисла у него на руках.

— Мы идем в том направлении? А?

— Как ты... смеешь, — проговорила она потрескавшимися губами.

Он яростно встряхнул ее; голова княжны бессильно повисла.

— Направление! Говори!

Она посмотрела вокруг плавающим взглядом.

— Да, — сказала она наконец. — Я... полагаю.

Вздохнув, Конан взвалил ее на плечо.

— Так... неприлично, — выговорила она задыхаясь. — Поставь... меня.

— Никто не видит, — ответил он ей. И вероятно, и не увидит, добавил он про себя. Отточенное тренировкой инстинктивное чувство направления будет вести его туда, куда указала Йондра, до тех пор пока он сможет двигаться; инстинкт выживания и несгибаемая воля будут заставлять его двигаться даже тогда, когда обычный человек уже лишится всяких сил. Он найдет ее лагерь. Если она действительно верно указала дорогу. Если он не слишком долго прождал, чтобы спросить ее. Если...

Выбросив из головы сомнения и не обращая внимания на слабые попытки Йондры освободиться, Конан направился немного южнее той линии, где проходило солнце, поднимаясь. Постоянно глаза его выискивали признаки воды, но тщетно. Слишком дерзко надеяться, что появятся ветви пальм, склонившиеся над источником. Сейчас, однако, он не видел даже растений, которые указали бы ему место, где можно выкопать ямку, чтобы в нее набралась вода. Никаких следов зелени не встречал его взгляд, кроме низких жестких колючек, которые могут расти и там, где ящерица сдохнет от жажды. Палящее солнце клонилось к западу.

Конан окинул взглядом горизонт: ничто не нарушало однообразия каменистых склонов перед ним. Он шел размеренным шагом вперед — сначала неутомимо, затем, когда тени удлинились, с железной целеустремленностью, не допускающей мысли о том, чтобы сдаться. С водой наступающая ночь была бы раем. Без нее останавливаться не придется, ибо если они остановятся, вполне может случиться так, что они не смогут больше сделать и шагу.

Темнота опустилась сразу, без сумерек. Казалось, что вытягивавшиеся тени вдруг слились и пропитали воздух за считан-

ные мгновения. Жгучий жар быстро рассеялся. Вспыхнули звезды, будто хрустальные осколки на черном бархате, и с ними повеяло холодом, который стал так же терзать кости, как и мучило до этого солнце. Йондра зашевелилась на плече киммерийца и что-то тихо пролепетала. Конан не разобрал слов и не стал тратить силы даже на то, чтобы поинтересоваться, что могла она говорить.

Он начал спотыкаться, понимая, что это не только из-за темноты. Горло его было сухим, как камни, которые подворачивались у него под ногами, и холод мало успокаивал потрескавшуюся на солнце кожу на лице. Он видел лишь немигающие звезды. Приковав взгляд к горизонту, к неясной линии, едва различимой в темноте, он продолжал идти. Вдруг он заметил, что три звезды все-таки мерцают. И находятся они ниже горизонта. Костры.

Заставив ноги передвигаться быстрее, Конан почти побежал в сторону лагеря, поскольку это должен быть лагерь Йондры или чей-либо еще. Чей бы ни был этот лагерь, они должны пойти туда, так как им нужна вода. Свободной рукой он ослабил меч в ножнах. Им нужна вода, и он намерен добыть ее.

«Звезды» действительно оказались кострами, окруженными двухколесными телегами и круглыми шатрами. Конан, спотыкаясь, вышел на освещенное место; люди в коротких кольчугах и широких белых штанах вскочили на ноги. Руки потянулись к копьям и саблям.

Киммериец сбросил Йондру и положил руку на рукоять меча.

— Воды, — прохрипел он. Он мог выговорить лишь одно это слово.

— Что ты сделал? — спросил высокий человек с орлиным носом. Конан пытался собственной слюной смочить горло, чтобы спросить, что он имеет в виду, но тот не стал ждать.

— Убить его, — прорычал он.

Конан выхватил меч, и в свете костров в ответ тут же заблестела сталь копий, готовых вонзиться в киммерийца.

— Нет! — прозвучал еле слышный приказ. — Нет, я сказала!

Конан краем глаза увидел, как один человек в кольчуге заботливо прижал бурдюк с водой к губам Йондры, плечи которой поддерживала Тамира в короткой белой рубахе служанки.

Не опуская меча — поскольку остальные тоже не опустили оружия, — Конан рассмеялся сухим, хриплым смехом облегчения. Горлу было больно, но он не обращал на это внимания.

— Но, моя госпожа, — запротестовал человек с орлиным носом.

Конан вспомнил его теперь: в тот день в Шадизаре это он был рядом с Йондрой.

— Замолчи, Арваний, — прикрикнула Йондра.

Она сделала еще два жадных глотка из бурдюка, затем оттолкнула его и властно протянула руку, требуя, чтобы ей помогли подняться.

Человек, державший бурдюк, поспешил исполнить требование. Стояла она нетвердо, но отстранила пытавшихся поддержать ее.

— Этот человек спас меня от волков, Арваний, и нес меня, когда я не могла идти. В то время как вы сидели у костра, он защищал меня. Дайте ему воды. Перевяжите его раны и позаботьтесь о том, чтобы ему было удобно.

Неуверенно глядя на обнаженный клинок Конана, человек, державший бурдюк, протянул его огромному киммерийцу.

Оправдываясь, Арваний развел руками:

— Мы искали, моя госпожа. Когда ты не вернулась, мы искали до темноты, затем разожгли костры, чтобы ты могла их увидеть и выйти к лагерю. С первыми же лучами мы бы...

— С первыми лучами я была бы мертва! — бросила ему Йондра. — Я отправляюсь в свой шатер, Арваний, и буду благодарить Митру, что спасать меня пришлось не тебе. Прислужи мне, Лиана.

Ее гордое удаление было слегка испорчено тем, что она споткнулась; княжна тихо выругалась и скрылась в своем алом шатре.

Конан огляделся вокруг — сабель и копий видно не было — и убрал меч в ножны. Когда киммериец поднимал бурдюк, он встретился глазами с Арванием. Черные глаза распорядителя охоты были полны ненависти, исходящей из самой глубины души. И не один он глядел на киммерийца. Во взгляде Тамиры читалось отчаяние.

— Лиана! — позвала Йондра из шатра. — Иди ко мне, или я... — В тоне ясно было выражена угроза.

Мгновение Тамира постояла в нерешительности, глядя на Конана, затем бросилась в шатер.

Лицо Арвания по-прежнему оставалось враждебным, но Конан не знал причины и не интересовался ею. Важно было лишь то, что теперь он точно доберется до ожерелья и тиары раньше молодой воровки. Это — и больше ничего. Усмехнувшись, он запрокинул бурдюк и присосался к нему.

Глава 8

Высокий сероглазый мужчина ткнул ногами в бока лошади, когда вид окрестностей подсказал ему, что он приближается к своей деревне. Последние клочки утреннего тумана задержались в ветвях огромных дубов, что часто происходило в этой части Британии, недалеко от Кезанкийских гор. Затем показалась сама деревня — несколько низких, сложенных из камня домиков с соломенными крышами. Дома самых богатых жителей стояли в беспорядке среди строений, сплетенных из ветвей, которые жались по сторонам двух немощеных улиц, лежавших под прямым углом друг к другу.

Когда он въехал в деревню, на улице столпились люди.

— Элдран, — кричали они, и рядом с лошадью бежали собаки, добавляя свой лай к общему шуму. — Ты вернулся! Буданецея говорила, что ты не вернешься!

Мужчины были одеты так же, как и он, рубахи их по вороту украшала вышивка, а обмотки, закрывавшие ноги до колена, были перевязаны крест-накрест. Платья женщин представлял и собой удлиненный вариант тех же рубах, но с обилием алого, желтого и голубого (в то время как у мужчин преобладали коричневые и серые цвета) и вышитыми по подолу и по краям рукавами.

— Конечно, вернулся, — сказал он, слезая с лошади. — Куда я денусь? — Люди столпились вокруг него, каждый старался протиснуться ближе. Он заметил, что все мужчины имели при себе мечи, что было редкостью в обычные дни; многие опирались на копья и несли круглые щиты, сделанные из липового дерева и обитые по краям железом. — Что здесь случилось? Какое отношение к этому имеет жрица?

Ответом ему был общий крик, отдельные голоса в котором перекатывались друг через друга, как будто ручей, текущий по камням.

— ...сжег хутора...

— ...мужчины убиты, женщины убиты, скот убит...

— ...некоторые съедены...

— ...дьявольский зверь...

— ...ушли охотиться на него...

— ...Элландун...

— ...все погибли, кроме Годтана...

— Тихо! — крикнул Элдран, — Я не могу слушать всех сразу. Кто говорил об Элландуне? С моим братом все в порядке?

Наступила тишина, слышалось лишь шарканье ног. Никто не хотел встречаться с ним взглядом. В дальнем конце толпы послышался ропот, и люди расступились, чтобы дать пройти высокой женщине со спокойным лицом, на котором нельзя было прочесть возраста. Волосы ее, черные с проседью, свисали до пят и были перевязаны на лбу белой льняной повязкой. Одежда была также из белого льна с вышитыми листьями и ягодами омелы. На поясе висел маленький золотой серп. Она могла ходить в Британии где угодно, и даже самый бедный человек не прикоснулся бы к этому серпу, и даже самый буйный не тронул бы ее пальцем.

В светло-серых глазах Элдрана появилось беспокойство, когда они встретились со взглядом ее карих глаз.

— Скажи мне, Буданецея, что случилось с Элландуном?

— Ступай за мной, Элдран. — Жрица взяла его под руку. — Пройди со мной, и я расскажу тебе что смогу.

Он послушно пошел туда, куда она его повела, и никто больше не стал провожать. Он видел только сочувственные взгляды, при виде которых сердце его наполнилось страхом. Они молча шли по пыльной улице. Он сдерживал свое нетерпение, поскольку прекрасно знал, что жрицу торопить нельзя.

Перед серым каменным домом, в котором она жила, Буданецея остановила Элдрана.

— Войди, Элдран. Посмотри на Годтана. Поговори с ним. Затем выслушай мой рассказ.

Элдран поколебался, затем толкнул дверь из тщательно обработанного дерева. Встретила его внутри низенькая худая женщина, одетая как Буданецея, но с темными блестящими волосами, заплетенными в косы и плотно уложенными на голове в знак того, что она еще только ученица.

— Годтан, — смог лишь выговорить Элдран. Он хотел прокричать вопрос об Элландуне, но уже начал бояться ответа.

Ученица молча отдернула черную шерстяную занавеску на двери и жестом пригласила его войти в комнату. Он ощутил выворачивающую желудок смесь запахов. Целебные травы и примочки. Горелое мясо. Гниющее мясо. Он подавил тошноту и шагнул в комнату. Ученица опустила за ним занавеску.

Это была простая комната с чисто выметенным полом из гладких досок и единственным окном, занавески на котором были раздвинуты, чтобы впустить свет. Стол с глазурованным глиняным тазом и кувшином стояли рядом с кроватью, на которой лежал обнаженный человек. Или то, что раньше было человеком. Первая сторона лица была выжжена, на оставшуюся же часть лица падали седые волосы. От плеча до колена вся правая сторона была месивом из горелой плоти, где сквозь трещины в черной корке проглядывало красное мясо. Пальцев не было на скрюченной палке, бывшей раньше правой рукой. Элдран хорошо помнил эту правую руку, поскольку она учила его владеть мечом.

— Годтан. — Имя застряло в горле. — Годтан, это я, Элдран.

Оставшийся глаз человека с ужасными ожогами бессильно открылся и повернулся в сторону говорившего. Элдран простонал, увидев там безумие.

— Мы шли следом, — прохрипел Годтан. — В... горы. Убить его. Мы собирались... мы шли... Мы не знали... Его... цвета. Кра... сивый. Красивый... как смерть. Чешуя... развернулся... наши стрелы... как солома. Копья не могли... Дыхание его... огонь!

Безумный глаз дико выкатился, и Элдран сказал:

— Отдыхай, Годтан. Отдыхай, а я...

— Нет! — Слово, вырвавшееся из перекошенного рта, прозвучало как приказ. — Никакого отдыха! Мы... бежали от него. Должны были бежать. Горцы... нашли нас. Схватили Элрика. Схватили... Элландуна. Думали... что я... мертв. Обманул их. — Годтан хрипло каркнул; Элдран понял, поежившись, что это, очевидно, был смех. — Один... из нас... должен был... сообщить о том... что произошло. Я... должен был. — Его единственный глаз посмотрел на лицо Элдрана, и на мгновение безумие сменилось удивлением и болью. — Прости... меня. Я... не хотел... оставлять его. Прости... Элдран.

— Я прощаю тебя, — проговорил тихо Элдран. — И благодарю за то, что ты сумел вернуться и рассказать о том, что произошло. Ты по-прежнему остаешься лучшим среди всех нас.

Благодарная улыбка тронула оставшуюся часть рта Годтана, и глаз медленно закрылся, будто слишком много усилий требовалось, чтобы держать его открытым.

Скрипнув зубами, Элдран вышел из здания, открыв дверь так резко, что она ударилась о камень стены. Глаза его были серыми, как кованая сталь, твердая и холодная после закалки, и, когда он стал перед Буданецеей, он, чтобы сдержать гнев, сжал кулаки так, что ногти врезались в ладони.

— Теперь расскажешь мне? — проговорил он.

— Огненный зверь, — начала она, но Элдран оборвал ее:

— Детские сказки! Скажи мне, что произошло!

Она потрясла кулаком перед его носом, и гнев ее, столь же сильный, как и его собственный, выплеснулся на него:

— А откуда, как ты думаешь, Годтан получил ожоги? Подумай! Детские сказки, говоришь ты. Ха! Несмотря на ширину твоих плеч, мне всегда было трудно считать тебя взрослым, ибо я помогала твоей матери произвести тебя на свет и впервые запеленала тебя этими руками. Сейчас ты снова будишь во мне сомнения. Я знаю, у тебя яростное сердце мужчины. Но есть ли у тебя соображение?

Несмотря на свой гнев, Элдран был поражен. Он знал Буданецею с самого детства и никогда не видел, чтобы она выходила из себя.

— Но ведь Годтан... я думал, что... он безумен.

— Да, безумен, и это даже лучше. Он проделал в таком состоянии весь путь от Кезанкийских гор, чтобы рассказать нам о судьбе своих товарищей, желая получить помощь своего народа. Мою помощь. Но ни одно из моих заклинаний или зелий не может помочь ему. Когда он пришел к нам, зеленая гниль проникла уже слишком глубоко. Теперь ему поможет только некромантия. — Она коснулась золотого серпа на поясе, чтобы оградить себя от зла при одной мысли об этом, а Элдран сделал знак серпа.

— Значит... дьявольский зверь действительно приходил? — сказал Элдран.

Она кивнула.

— Пока ты был на западе. Вначале сгорел один хутор, дотла, повсюду были лишь обглоданные останки людей и скота. Люди, чтобы успокоить себя, придумывали рассказы о пожаре, погубившем всю семью и скот, и о волках, набросившихся на

останки, после того как пламя погасло. Но затем второй хутор был уничтожен, и третий, и четвертый, и... — Она глубоко вздохнула. — Всего двадцать три, и все ночью. Семь в одну лишь прошлую ночь. После этого горячие головы решили заняться этим делом. Элрик. Годтан. Твой брат. Два десятка других. Они говорили так же, как и ты, когда я сказала об огненном звере после трагедии с первым хутором. Детские сказки. Затем они нашли следы. Но они все же не верили мне, когда я говорила, что ни одно оружие, выкованное руками простых людей, не сможет причинить зверю вреда. Они держали свой замысел в тайне и украдкой вышли из деревни до рассвета, чтобы не попасться мне на глаза.

— Если никакое оружие, выкованное людьми... — Элдран в гневе сжимал и разжимал кулаки. — Буданецея, я этого так не оставлю. Горцы заплатят за моего брата, а зверь должен быть убит. Да поможет мне Виккана, он должен быть убит! Не только из мести, но для того, чтобы никогда не смог причинить людям вреда.

— Да. — Жрица произнесла это слово почти беззвучно. — Подожди здесь. — Буданецея быстро — не будь в ней столько достоинства, можно было бы сказать, что она торопилась, — вошла в дом. Она вернулась в сопровождении пухленькой ученицы с веселыми карими глазами. Ученица несла плоский покрытый красным лаком ларец, на котором лежала аккуратно сложенная белая ткань и стоял глиняный кувшин, покрытый белой глазурью. — С этого мгновения, — сказала Буданецея Элдрану, — ты должен в точности выполнять то, что я тебе скажу, и не делать ничего больше. Чтобы сохранить свою жизнь, Элдран, и свой рассудок, слушайся меня. Теперь идем.

Они образовали процессию: впереди жрица, затем Элдран, а следом за ним ученица. Женщины шли мерным шагом, и Элдран обнаружил, что идет в ногу с ними, будто невидимый барабан отбивает ритм.

У Элдрана зашевелились волосы на затылке, когда он понял, куда они направляются. В Священную рощу Викканы, самую старую из священных рощ Британии, где стволы самых молодых дубов были такие же толстые и высокие, как у самых старых деревьев в окружающих лесах. Лишь жрицы и их ученицы посещали священные рощи теперь, хотя когда-то, много веков назад, простые люди тоже совершали такие путешествия.

Эта мысль не утешила Элдрана.

Ветви, толщиной с человеческое тело, образовывали над головой полог, а под ногами шуршали сухие прошлогодние листья. Вдруг перед ними открылась поляна, на которой был широкий и низкий поросший травой курган. На склоне, обращенном к подошедшим, лежала наполовину ушедшая в почву грубая гранитная плита, длиной и шириной в рост человека.

— Попытайся сдвинуть камень, — приказала Буданецея.

Элдран удивленно посмотрел на нее. Он был более чем на голову выше большинства мужчин в деревне, имел хорошую мускулатуру и широкие плечи, но знал, что этот вес ему не по силам. Затем, вспомнив ее первое наставление, он подчинился. Сев на корточки перед огромным камнем, он попытался подкопаться под него руками, чтобы взяться за нижний край.

Первые пригоршни земли вынулись легко, но неожиданно земля стала твердой, точно скала. Внешне она оставалась такой же, но Элдран не мог процарапать ее ногтями. Оставив эту попытку, он всем своим весом навалился на плиту, надеясь сдвинуть ее. Напряглась каждая жилка, и по лицу и телу ручьями тек пот, однако гранит казался частью кургана. Камень не шелохнулся.

— Достаточно, — сказала Буданецея. — Подойди и стань на колени здесь. — Она указала на место перед плитой.

Ученица открыла крышку ларца, и в нем оказались запечатанные бутылочки и горшочки, покрытые глазурью цвета омелы. Буданецея повернула Элдрана спиной к пухленькой ученице и заставила его преклонить колена. Из белого кувшина она полила ему на руки чистой воды и вытерла их мягкой белой тканью. Другим смоченным куском белой ткани стерла ему с лица пот.

Сделав это, жрица заговорила:

— Ни один мужчина и ни одна женщина не могут сдвинуть этот камень и войти в курган без помощи Викканы. Но с ее помощью...

К ней подошла ученица, держа зеленый горшочек. Золотым серпом Буданецея отрезала прядь волос Элдрана. Он поежился, когда она бросила волосы в горшочек. Взяв по очереди каждую руку Элдрана, она кольнула большие пальцы острием серпа и выдавила в горшочек несколько капель крови. Ученица с горшочком поспешила прочь.

Буданецея смотрела ему в глаза. Он слышал, как пухленькая женщина позвякивает бутылочками, бормочет заклинания, но не мог оторвать взгляда от лица жрицы. Затем ученица вернулась, и Буданецея взяла у нее горшочек и длинный побег омелы, который тут же погрузила в него.

Закинув голову, жрица начала нараспев говорить. Слова, которые она произносила, Элдран никогда не слышал, но сила их пронзила его холодом до самых костей.

Воздух вокруг сделался ледяным и неподвижным. Дрожь ужаса пробежала по телу, когда он вдруг вытянул вперед руки ладонями вверх без всякой команды. Будто он вдруг узнал, что должен сделать это.

Омела ударила его по ладоням, и ужас сменился таким сильным ощущением здоровья и блаженства, какого он никогда не испытывал.

Буданецея продолжала говорить, и речитатив ее делался все громче. Влажный побег омелы ударил по одной щеке, затем по другой. Вдруг Элдрану показалось, что тело его не имеет веса; ему показалось, что его может унести самый легкий ветерок.

Голос Буданецеи затих. Элдран качнулся, затем поднялся на ноги. Необычное ощущение легкости оставалось в нем.

— Подойди к камню. — Голос Буданецеи повис в хрустальном воздухе. — Отодвинь камень. Элдран молча подошел к плите. Плита на вид была прежней, к тому же вместо того, чтобы чувствовать прилив сил, ему казалось, что он совершенно ослаб.

Однако он подчинился словам жрицы. Нагнувшись к камню, он взялся за него руками, потянул... и открыл рот, когда камень поднялся, будто перышко, и беззвучно перевалился. Элдран глядел на камень, на свои руки, на наклонный ход, ведущий под курган, на Буданецею.

— Спустись, — сказала она ему. Лицо ее было неподвижно от напряжения. — Спустись и принеси то, что найдешь.

Сделав глубокий вдох, Элдран, шатаясь, пошел по наклонному ходу. Пыль не поднималась у него под ногами. Широкие, длинные каменные плиты были тщательно подогнаны друг к другу и образовывали стены и потолок. Неожиданно ход расширился и вывел в круглую камеру, шагов десять в поперечнике, со стенами и потолком из того же серого грубого камня,

что и в коридоре. Ламп не было; но мягкий свет заливал помещение. Не было также ни паутины, ни пыли, как он ожидал. В воздухе висел запах свежей зелени. Запах весны.

Не было никаких сомнений в том, что именно он должен принести наверх, так как в камере было пусто, и лишь в центре на простом постаменте из бледного камня лежал старинный меч. Его широкий клинок ярко блестел, будто его только что выковали руки мастера.

Бронзовая рукоять была обмотана кожей, которую вполне могли изготовить в этом году. Перекрестие заканчивалось когтистыми лапами, сделанными так, будто должны были держать что-то, но сейчас они были пусты.

Когда Элдран взглянул на меч, он ощутил, что его влечет к нему. Он схватил оружие и почти побежал назад — наверх, к солнечному свету.

Как только Элдран ступил на траву поляны, он облегченно вздохнул. И тут же почувствовал себя так, как чувствовал до того, как пришел сюда. Все необычные ощущения исчезли. Почти против собственной воли он посмотрел через плечо. Огромный камень лежал там, где лежал и вначале, и не было заметно, что его беспокоили. Даже того места, где Элдран пытался подкопаться, не было видно.

Он содрогнулся всем телом. Лишь тяжесть меча в руке — обычного, как казалось, хотя и старинного клинка — убеждала его в том, что действительно что-то произошло. Элдран, боясь потерять рассудок, не стал интересоваться, чем это что-то могло быть.

— Губитель огня, — тихо произнесла Буданецея. Рука ее протянулась к клинку, но не коснулась его. — Символ нашего народа, меч наших героев. Он был выкован великими волшебниками около трех тысяч лет назад, как оружие против огненного зверя, поскольку тогда зло Ахерона начало насылать эти колдовские создания на людей. Когда-то эти когти держали два огромных рубина, Огненные глаза, и меч мог управлять зверем и мог убить его. Ибо он может убить зверя.

— Почему ты мне об этом ничего не сказала? — спросил Элдран. — Почему ты привела меня, ничего не объяснив, как овцу на... — Голос его затих, поскольку ему не понравились мысли, вызванные этим образом.

— Это часть наложенного на меч заклятия, — ответила

жрица. — И на нас, на тех, кто хранит меч. Без помощи жрицы никто не может получить его. Но жрица не может рассказывать о мече никому, кто не держит его в руках. Очень тщательно следует избирать человека, которому достанется этот клинок, ибо кроме того, что его можно использовать против огненного зверя, он может дать огромную власть человеку, стремящемуся к ней.

Он осторожно повертел в руке меч.

— Власть? Какого рода?

— Ты ищешь власти, Элдран? — спросила она сурово. — Или ты хочешь убить зверя?

— Убить зверя, — прорычал Элдран, и жрица одобрительно кивнула:

— Хорошо. Я избрала тебя, как только узнала, что это за зверь. Ты признан в Британии как человек, лучше всех владеющий мечом, самый ловкий наездник и самый меткий стрелок. Говорят, что, когда ты идешь по лесу, даже деревья не знают о твоем продвижении, что ты можешь выследить даже ветер. Именно такой человек нужен для охоты на огненного зверя. И вот еще о чем помни. Не оставляй меча, даже когда спишь, иначе ты больше никогда не возьмешься за его рукоять — меч вернется (лишь Виккана знает как) на свое место под плитой. Много раз его теряли, но всегда, когда он нужен и камень поднят, меч там. Однако это не поможет тебе, если ты его потеряешь, ибо меч можно дать человеку лишь один раз в жизни.

— Я его не потеряю, — произнес Элдран мрачно. — Он выполнит свою работу, и я сам верну его сюда. Но сейчас я должен забрать его отсюда. — Он пошел к деревьям, чтобы выйти из рощи, и к нему вернулось прежнее беспокойство: снова казалось, будто это не то место, где обычным людям можно долго оставаться. — Нельзя терять времени, я должен быстро набрать себе людей.

— Людей? — воскликнула Буданецея, задержав его у края рощи. — Я хотела, чтобы ты пошел один. Один быстрый охотник должен убить...

— Нет. Надо кровью отомстить за Элрика и Элландуна и за всех остальных, убитых горцами. Ты сама знаешь, что так должно быть.

— Знаю, — вздохнула она. — Твоя мать была мне как сест-

ра. Я надеялась когда-нибудь подержать в руках ее внука, надеялась задолго до этого. Теперь я боюсь, что ничего этого не случится.

— Я вернусь, — сказал он и вдруг рассмеялся, отчего испугался сам. — Ты еще погуляешь на моей свадьбе.

Она подняла ветку омелы в знак благословения, и Элдран склонился, принимая его.

Но даже во время этого ритуала он уже составлял в уме список тех, кого он возьмет с собой в горы.

Глава 9

Сидя в высоком заморийском седле, Конан разглядывал местность, куда двигались охотники. Плоские покатые холмы, по которым они ехали, мало изменились за три дня, прошедшие после того, как он спас Йондру, разве что низкой травы здесь было больше и иногда каменистые склоны покрывал колючий кустарник. Впереди, однако, холмы становились выше, наваливались друг на друга, сливались вместе и переходили наконец в острые пики Кезанкийских гор.

Это был отрог гряды, протянувшейся на юго-запад вдоль границы между Заморой и Бритунией. Конан не слышал, чтобы там водилась какая-нибудь дичь, которая могла бы привлечь такого охотника, как Йондра, кроме горных баранов, живущих среди крутых скал. А также среди диких племен. Он не мог поверить, что княжна собирается туда.

Охотничья группа сердитой змеей вилась среди низких холмов, избегая перевалов. Несущие копья бормотали проклятия, когда их сандалии скользили на каменистых склонах, и обменивались ругательствами с едущими верхом лучниками. Вьючные животные ржали, и погонщики мулов бранились. Погонщики быков кричали и били длинными хлыстами бедных животных, тянущих двухколесные повозки с запасами. Только та часть колонны, в которой шли запасные лошади, поднимающие больше пыли, чем вся остальная партия, не вносила свой вклад в общий беспорядок. Йондра с Арванием и десяток всадников скакали впереди и не замечали шума за спиной. Так не входят на территорию горских племен. Конан был рад, что хотя бы собак оставили в Шадизаре. Тамира, с трудом удерживающая равновесие, сидя на свернутом шатре, лежащем на трясущейся телеге, помахала ему рукой, и Конан подъехал к телеге.

— Ты меня удивляешь, — сказал он. — До этого ты избегала меня все три дня.

— Княжна Йондра слишком загружает меня работой, — ответила она. Поглядев на погонщика, шагающего рядом с быками, она пересела подальше назад. — Зачем ты преследуешь меня? — яростно прошептала она.

Конан лениво улыбнулся:

— Преследую тебя? Возможно, я просто хочу подышать свежим воздухом. Я слышал, что верховые прогулки полезны для легких.

— Для легких... — оскорбленно фыркнула она. — Говори правду, киммериец! Если ты хочешь помешать мне...

— Я уже поведал тебе все о своих намерениях, — перебил он ее.

— Ты... ты серьезно? — проговорила она, не веря. Будто опасаясь, что он может накинуться на нее прямо сейчас, Тамира перелезла на другую сторону повозки и посмотрела на киммерийца через свернутый шатер. — Княжна Йондра требует, чтобы ее служанки были целомудренны, киммериец. Ты думаешь, что, если ты спас ей жизнь, это дает тебе право на вольности, но она аристократка и быстро позабудет о благодарности, стоит тебе нарушить установленные ею правила.

— Значит, мне нужно быть осторожным, — сказал Конан и отстал от нее.

Тамира обеспокоенно глядела на него, в то время как телега тряслась дальше.

Конан изобразил на лице довольную улыбку.

Он был уверен, что Тамира не поверила в то, что его не интересуют украшения Йондры, — она не была дурой, иначе она не смогла бы столько времени воровать в Шадизаре, — но она, по крайней мере, будет считать, что интерес его поделен между ней и драгоценностями. Почти все женщины, как обнаружил Конан, упорно считают, что мужчины питают к ним вожделение при всех обстоятельствах. А если Тамира так считает, то она будет нервно оглядываться, забирая украшения.

Взгляд огромного киммерийца привлек почерневший холм в стороне от их пути, и он из любопытства повернул свою лошадь. От колючего кустарника, когда-то покрывавшего склон, ничего не осталось, кроме обгоревших пеньков и золы. Не похоже на удар молнии, подумал он, поскольку молния ударила бы в вершину холма, а не в склон.

Лошадь вдруг остановилась, раздувая ноздри, и пугливо зар-

жала. Конан пытался подъехать ближе, но лошадь не повиновалась и даже пятилась назад. Он нахмурился, не видя ничего предвещающего опасность. Что может напугать лошадь, думал он, обученную для охоты на льва? Спрыгнув на землю, он отпустил поводья и убедился, что лошадь не убежит. Бока ее дрожали, но выучка заставляла стоять на месте. Удовлетворенный, Конан подошел к выжженному месту. И ослабил меч — на всякий случай.

Вначале сапоги его ступали лишь по золе, лежавшей на почерневшей почве и камнях. Затем носок сапога ударился обо что-то иное. Киммериец поднял сломанный рог дикого быка с куском черепа. Рог был обуглившимся, так же как и куски мяса, оставшиеся на костях, но сам кусок черепа обгоревшим не был. Киммериец медленно осмотрел выжженное место. Больше костей он не нашел, даже обглоданных, какие оставили бы гиены от жертвы, задранной львом. Он осмотрел и место вокруг пожарища. Подскакал Арваний и стал рядом с ним, подергивая поводья, чтобы заставить лошадь плясать, пока он глядит на Конана.

— Если ты отстанешь, варвар, — бросил презрительно человек с орлиным носом, — тебе вряд ли повезет встретить еще кого-нибудь, кто подберет тебя.

Конан сжал рог в кулаке. Украшения, напомнил он себе твердо...

— Я это нашел в золе и...

— Бычий рог, — фыркнул распорядитель охоты, — и удар молнии. Без сомнения, для такого, как ты, это является каким-то предзнаменованием, но у нас нет лишнего времени.

Сделав глубокий вдох, Конан продолжал:

— Здесь следы...

— У меня есть следопыты, варвар. Мне не нужны твои услуги. Тебе лучше отстать. Уходи, варвар, пока можешь.

Развернув свою лошадь и подняв тучу пыли, Арваний помчался вслед быстро удаляющейся колонне.

В бычьем роге была глубокая трещина, и Конан обнаружил, что рог развалился у него в руках.

— Девять кругов ада Зандру, — проговорил он.

Выбросив обломки рога, он опустился на колени, чтобы осмотреть найденный им след. Это была лишь часть отпечатка лапы животного, поскольку каменистая почва не давала чет-

ких оттисков. По крайней мере, ему показалось, что это отпечаток животного. Два пальца заканчивались длинными когтями, а царапины на почве могли означать остальную часть следа. Конан приставил указательный палец к следу когтя. Коготь был в два раза больше пальца киммерийца.

Конан никогда не слышал о зверях, которые могут оставлять такие следы. Йондра, по крайней мере, подумал он, охотится не на него. А также он подумал о том, что не станет предупреждать ее. Из того, что он знал о княжне, можно было заключить, что она ухватится за первую возможность поохотиться на незнакомое животное, особенно если это опасно. Однако сам он будет начеку. Вскочив в седло, он поскакал за охотничьим отрядом.

Конан догнал охотников раньше, чем ожидал. Колонна стояла. Люди держали лошадей за морды, чтобы животные успокоились, а погонщики держали быков за кольцо в носу, чтобы те не мычали. Тамира перестала ненадолго выбивать пыль из своей рубахи, чтобы состроить Конану гримасу, когда он проезжал мимо телеги с шатром. Где-то впереди раздавались размеренные удары барабанов.

Впереди Йондра и несколько охотников лежали на животах у вершины холма. Оставив свою лошадь у подножия, Конан пробрался к ним, упав на живот, прежде чем голова показалась над холмом. Здесь удары барабана слышались лучше.

— Уходи, варвар, — прорычал Арваний. — Ты здесь не нужен.

— Молчи, Арваний, — сказала тихо Йондра, но в голосе слышался металл.

Конан не обратил на обоих внимания. На расстоянии трети лиги маршировала другая колонна, и эта колонна шла по прямой, не заботясь о том, чтобы обходить холм. Колонна заморийской армии. Около двухсот всадников в остроконечных шлемах скакали под знаменем с головой леопарда. За ними шли двадцать барабанщиков, все вместе поднимая и опуская палочки, а за ними... Киммериец подсчитал примерно копья, идущие ряд за рядом, ряд за рядом. Там маршировали пять тысяч пехотинцев заморийской армии.

Конан повернул голову и посмотрел на Йондру. Под его пристальным взглядом щеки ее покраснели.

— Почему ты избегаешь встречи с армией? — спросил он.

— Разобьем лагерь, — сказала Йондра. — Найди место, Арваний. — Она начала отползать вниз, и распорядитель охоты пополз следом.

Конан, нахмурясь, смотрел, как они удаляются, затем отвернулся, чтобы понаблюдать за солдатами, последить за тем, как они скрываются из виду за холмами на севере.

Когда Конан спустился, лагерь был уже разбит: на ровном месте между двух холмов стояли широкие конические шатры. В центре площадки возвышался большой алый шатер Йондры. Быков стреножили, а лошадей привязали дальше, за повозками. Костров не разожгли, заметил Конан, и повара раздавали вяленое мясо и плоды.

— Я смотрю, варвар, — сказал Арваний, жуя кусок вяленого мяса, — ты подождал, пока не сделают всю работу.

— Почему Йондра избегает встречи с армией? — спросил Конан.

Человек с орлиным носом сплюнул кусок недожеванного мяса.

— Госпожа Йондра, — сказал он резко. — Проявляй по отношению к ней должное почтение, варвар, или я... — Рука его схватила рукоять сабли.

На лице Конана медленно появилась улыбка, — улыбка, которая не затронула глаз, ставших вдруг ледяными. Мертвецы могли бы рассказать Арванию об этой улыбке.

— Что, охотник? Попробуй, если хватит смелости.

Тут же кривой клинок Арвания был обнажен, и, хотя рука Конана не была рядом с рукоятью меча, его меч был выхвачен в то же мгновение.

Арваний заморгал, пораженный быстротой реакции киммерийца.

— Знаешь ли ты, кто я такой, варвар? — Голос Арвания слегка дрожал, отчего он нахмурился. — Ты зовешь меня охотником, но я сын князя Анданеза, и если бы родившая меня не была наложницей, я был бы заморийским князем. В моих жилах течет благородная кровь, варвар, кровь, достойная самой княжны Йондры, в то время как твоя...

— Арваний! — хлестнул, будто плетью, голос Йондры. Побледневшая княжна подбежала и остановилась в двух шагах от мужчин. Ее плотно облегающая кожаная жилетка была туго зашнурована на груди, красные сапоги доходили до колен. Ар-

ваний глядел на нее со страдальческим выражением лица. Княжна взглянула Конану в глаза, но тут же ствела взгляд.

— Ты забываешься, Арваний, — сказала она нетвердо. — Убери оружие. — Она бросила взгляд на Конана. — Оба.

На лице Арвания отразились самые разные эмоции: гнев и стыд, страсть и отчаяние. С нечленораздельным криком он всадил саблю обратно в ножны, будто в ребра киммерийца.

Конан подождал, пока сабля не будет в ножнах, убрал свой меч, затем сурово сказал:

— Я по-прежнему хочу знать, почему ты прячешься от собственной армии.

Йондра посмотрела на него, колеблясь, но заговорил Арваний, быстро, настоятельно:

— Моя госпожа, этому человеку не следует быть среди нас. Он не охотник, не лучник, не владеет копьем. Он не служит тебе, как... как служу я.

Усмехнувшись, Конан мотнул своей черной гривой:

— Это правда, что я сам по себе, но я такой же охотник, как и ты, замориец. А что касается копья, не хочешь ли посоревноваться со мной? За монеты?

Он понимал, что должен превзойти этого человека в чем-то, иначе ему придется постоянно ссориться с ним все то время, что он остается среди охотников. И он специально не упомянул лук, о котором мало что знал — кроме того, как его держать.

— Согласен! — воскликнул распорядитель охоты. — Согласен! Принести мишени! Быстро! Я покажу этому дикарю, как обращаться с копьем!

Йондра разинула рот, будто пытаясь что-то сказать, затем снова прикрыла его, когда весь лагерь развил бурную деятельность: одни спешили расчистить место для метания, другие бежали к повозкам, чтобы притащить тяжелую тренировочную мишень. Плотный тюк, сплетенный из соломы, был неудобным грузом, чтобы брать его с собой на охоту, но он не ломал стрел или наконечников копий, что происходило бы, если стрелять или метать копья в цели на склоне холма.

Бритоголовый человек с длинным носом вспрыгнул на перевернутый бочонок.

— Делайте ставки! Даю один к двадцати в пользу Арвания. Не толпитесь.

Несколько человек подошли к нему, но большинство считало исход соревнования предрешенным.

Конан заметил, что Тамира тоже подошла к бочонку. Затем она медленно прошагала мимо киммерийца.

— Постарайся, — сказала она, — и я выиграю серебряную монету... — Она подождала, пока грудь его не начала раздуваться от гордости, и, смеясь, закончила фразу: — Так как я поставила на другого.

— Мне будет приятно помочь тебе расстаться с медяками, — ответил он сухо.

— Прекрати заигрывать, Лиана, — прикрикнула Йондра. — Для тебя есть работа.

Тамира скорчила рожицу, но так, что высокая женщина не видела, отчего Конан невольно улыбнулся.

— Ты будешь метать, варвар? — спросил, поддразнивая, Арваний. Высокий охотник держал копье в руке и уже разделся по пояс, обнажив твердые бугры мускулов. — Или, может быть, предпочтешь остаться со служанкой?

— На девушку действительно смотреть приятнее, чем на твое лицо, — ответил Конан.

Арваний нахмурился, услышав всплеск смеха, вызванный словами киммерийца. Замориец провел концом копья на земле черту.

— Ты не должен переступать этой линии, иначе тебе будет присуждено поражение, как бы хорошо ты ни метал. Однако я не думаю, что тебе следует об этом беспокоиться.

Скинув рубаху, Конан взял поданное ему одним из охотников копье и подошел к черте. Он оглядел тюк, стоящий в тридцати шагах от него.

— Вроде недалеко.

— Но посмотри на мишень, варвар. — Смуглый распорядитель охоты улыбнулся, указывая рукой. Один из охотников как раз заканчивал закреплять на соломе кружок из черной ткани, размером не больше ладони.

Конан вытаращил глаза.

— А-а-а, — прошептал он, и улыбка человека с орлиным носом стала еще шире.

— Чтобы быть справедливым, — громко объявил Арваний, — я дам тебе преимущество. Сто к одному. — Среди зрителей поднялся ропот, а здесь был уже весь лагерь. — Ты гово-

рил о монетах, варвар. Если только не хочешь уже сейчас признать мое превосходство.

— Сто к одному кажется мне справедливым, — ответил Конан, — принимая во внимание похвалы, которые ты сам себе расточал. — Ропот удивления, вызванный предложением Арвания, сменился взрывом хохота. Киммериец прикинул вес своего кошелька. — У меня есть пять серебряных монет.

Смех оборвался, и наступило молчание. Мало кто считал, что человек с орлиным носом может проиграть, но размер проигрыша, хотя и невероятного, поразил зрителей.

Арваний не дрогнул.

— Согласен. — Это было все, что он сказал.

Он отошел от линии, сделал два быстрых шага и метнул. Копье его вонзилось в центр черного куска ткани, плотно приколов его к соломе.

Десятки охотников издали приветственные крики, а некоторые уже начали забирать свой выигрыш.

— Согласен, — повторил Арваний и рассмеялся, издеваясь.

Конан повертел в руке копье, стоя у черты. Древко имело толщину в два пальца, а железный наконечник был длиной с предплечье. Вдруг он отклонился назад и сделал бросок рукой, одновременно помогая корпусом. Соломенный тюк отъехал назад, а копье вошло на расстоянии толщины пальца от уже торчащего там копья.

— Может быть, отодвинуть подальше, — произнес он, как бы думая вслух. Арваний скрипнул зубами.

Весь лагерь молчал, пока человек на бочонке не нарушил тишину:

— Равные ставки! Я делаю равные ставки на Арвания и на — как его? Конан? — и на Конана! Равные ставки!

— Заткни глотку, Телад! — крикнул Арваний, но вокруг бритоголового начали толпиться люди.

Распорядитель охоты рассерженно указал рукой на мишень:

— Назад! Отодвинуть назад!

Два человека бросились вперед, чтобы оттащить тюк еще на десять шагов, затем вернулись, принеся копья.

Гневно взглянув на Конана, Арваний снова занял место у черты, отошел, разбежался и метнул. Снова его копье прошло сквозь ткань. Конан сделал шаг назад, и опять его бросок был

одним нераздельным движением. Копье его коснулось копья Арвания и вонзилось в черную мишень еще ближе от другого копья, чем раньше. Среди охотников послышались восхищенные крики. Киммериец был удивлен, увидев улыбку на лице Йондры, и удивлен еще больше, увидев другую — на лице Тамиры.

Лицо Арвания было искажено от ярости.

— Еще дальше! — кричали они, когда принесли копья. — Дальше! Еще дальше!

Когда тюк был оттащен на шестьдесят шагов, зрители напряженно затихли. Попасть будет трудно, подумал Конан. Даже очень трудно.

Бормоча что-то, охотник разбежался и, крякнув, бросил копье. Оно воткнулось в тюк.

— Промах! — заорал Телад. — Ткани коснулось, но промах! Один к пяти в пользу Конана!

Замахнувшись, Конан разбежался. В третий раз копье взмыло в воздух. Поднялся крик, и все начали стучать своими копьями о землю в знак восхищения.

Телад соскочил с бочонка и побежал вприпрыжку к Конану, чтобы пожать ему руку.

— Ты дорого мне обошелся сегодня, северянин, но зрелище стоило этих денег.

Вытаращив глаза, Арваний издал сдавленный крик:

— Нет! — Он вдруг побежал к тюку, расталкивая людей. Он начал оттаскивать тяжелый соломенный тюк дальше. — Попади так, презренный дикарь! — кричал он, борясь с весом тюка. — Чтоб тебя побрал Эрлик с твоими проклятыми уловками! Попади так!

— Но здесь же сто шагов! — воскликнул Телад, качая головой. — Никто не... — Его речь прервалась, когда Конан взял копье у одного из стоявших рядом охотников. Как антилопы, разбегающиеся при виде льва, люди очистили пространство между киммерийцем и мишенью. Арваний истерично смеялся, повторяя:

— Попади так, варвар! Попробуй!

Взвесив в руке копье, Конан вдруг пришел в движение. Мощные ноги понесли его вперед, рука замахнулась, и копье полетело. Человек с орлиным носом посмотрел, раскрыв рот, на летящее к нему копье, затем закричал и бросился в сторону.

От тюка поднялась пыль, когда копье вошло в солому рядом с двумя уже торчащими там копьями. Телад подбежал к мишени, не веря своим глазам, затем вскинул руки.

— Во имя всех богов, он попал в ткань! Вы, считающие, что владеете копьем, признайте мастера! Он попал в мишень на расстоянии ста шагов!

Вокруг Конана собралась толпа охотников, выкрикивавших похвалы и пытавшихся пробиться, чтобы пожать ему руку.

Крики вдруг затихли, когда подошла Йондра. Охотники расступились перед ней, напряженно ожидая того, что она скажет. Некоторое время, однако, она стояла в несвойственной ей нерешительности, прежде чем начать говорить.

— Ты задал мне вопрос, киммериец, — сказала она наконец, глядя скорее через его плечо, а не в лицо. — Я никогда не сообщаю о причинах своих действий, но ты спас мою жизнь и ты замечательно метаешь копье, так что тебе я скажу. Но наедине. Идем.

Гордо держа спину и не глядя по сторонам, она развернулась и пошла к алому шатру.

Конан медленно пошел за ней. Когда он нагнулся, чтобы пройти под пологом, аристократка стояла спиной к входу, теребя шнурки кожаной жилетки. На полу лежали дорогие иранистанские ковры с раскиданными по ним шелковыми подушками, а на низких бронзовых столиках стояли золотые лампы.

— Ну? — сказал Конан.

Она вздрогнула, но не обернулась.

— Если армия послала такие силы, — проговорила она рассеянно, — значит, ожидаются какие-то неприятности. Солдаты наверняка попытаются вернуть охотничью партию, а мне не хочется тратить силы на споры с каким-нибудь генералом, доказывая ему то, что я не позволяю армии командовать мной.

— И ты держишь это в секрете? — спросил, нахмурясь, Конан. — Ты думаешь, твои охотники и сами этого не поняли?

— Лиана действительно такая, как ты говоришь? — спросила она. — На нее приятно смотреть? Приятнее, чем на меня?

— Она симпатичная. — Конан улыбнулся, увидев, как напряглась ее спина, и благоразумно добавил: — Но не такая красивая, как ты. — Он был молод, но достаточно разбирался

в женщинах, чтобы не говорить одной женщине о красоте другой.

— Я заплачу за Арвания, — сказала неожиданно Йондра. — У него нет пятисот серебряных монет.

Высокий киммериец заморгал, удивленный неожиданной сменой темы.

— Я не возьму от тебя денег. Я спорил с ним.

Она склонила голову и пробормотала, явно не замечая, что говорит вслух:

— Почему у меня перед глазами стоит все тот же? Почему он должен быть варваром?

Она вдруг обернулась, и Конан едва не вскрикнул от удивления. Она расшнуровала жилетку и обнажила тяжелые круглые груди с напряженными розовыми сосками.

— Ты думаешь, я привела тебя в свой шатер только для того, чтобы отвечать на твои вопросы? — выкрикнула она. — Я не позволяла ни одному мужчине касаться себя, а ты не протянешь даже и руки. Ты хочешь вынудить меня быть бесстыдной, как...

Слова молодой аристократки оборвались, когда киммериец притянул ее к себе. Его большие руки скользнули под жилетку, обхватывая пальцами гладкую кожу ее спины, плотнее прижимая к себе ее полные груди.

— Я протягиваю обе руки, — сказал Конан, снимая с нее и бросая на ковер жилетку.

Прильнув к нему, княжна положила свою голову на его широкую грудь.

— Охотники узнают... они догадаются, что я... что ты... — Она поежилась и прижалась еще сильнее.

Конан нежно поднял ее голову и посмотрел в глаза, серые, как облака утром в горах.

— Если ты боишься того, что они подумают, — сказал он, — тогда зачем?

Она облизала губы кончиком языка.

— Я бы не смогла так бросить копье, — проговорила она и потянула его вниз на шелковые подушки.

Глава 10

Конан отбросил меховое одеяло и поднялся на ноги, оценив взглядом обнаженное тело Йондры. Она вздохнула во сне и закинула за голову руки, отчего ее груди колыхнулись так, что он начал думать, стоит ли ему сейчас одеваться. Усмехнувшись, он, однако, протянул руку за рубахой. Запертые железные ларцы ни на мгновение не задержали на себе его внимания.

Три дня прошло с тех пор, как он метал копье, размышлял Конан, и, несмотря на все ее опасения по поводу того, что могут подумать ее охотники, нужно было быть слепым и глухим, чтобы все еще не знать о том, что произошло между ним и Йондрой. Она в ту первую ночь не позволила ему выйти из шатра даже для того, чтобы поесть, и в последующие две ночи было то же самое. Каждое утро, явно не замечая улыбок охотников и гнева на лице Арвания, она настаивала на том, чтобы Конан сопровождал ее во время охоты, которая продолжалась лишь до того момента, пока Йондра не находила укромное местечко, где была тень и ровная поверхность, достаточная для двоих. Целомудренная, благородная Йондра вдруг обнаружила, что ей нравится лежать с мужчиной, и она быстро наверстывала упущенное.

Но нельзя сказать, что она была поглощена только тем, что требовала плоть. В тот первый день, когда она вернулась с Конаном, ее недовольство вызвало пройденное колонной расстояние. Княжна скакала вдоль всей линии, осыпая людей проклятиями до тех пор, пока они не почувствовали себя так, будто их исхлестали плетью. Арвания она отозвала в сторону, и того, что она ему говорила, никто не слышал, но, когда он скакал обратно, губы его были плотно сжаты, а черные глаза горели. Больше не было случая, чтобы продвижение колонны не удовлетворяло ее.

Накинув свой черный хауранский плащ на плечи, Конан

вышел на холодный утренний воздух. Он с удовольствием отметил, что наконец развели костры из кизяка, как он и предполагал, для приготовления пищи. От них не поднимался дым, который мог бы привлечь внимание, а сейчас это было важно, как никогда. В дне пути к северу от лагеря, или по крайней мере в двух днях, лежали хребты Кезанкийских гор, выделяясь на горизонте темной ломаной линией.

Сам же лагерь находился на вершине холма, среди кривых низких деревьев, плохо растущих на сухой каменистой почве. Все теперь постоянно носили кольчугу и остроконечные шлемы, и никто не отходил к траншее для отправления естественных потребностей без копья или лука.

Обливающаяся потом Тамира, мечущаяся под надзором толстого повара от костра к костру, состроила Конану очередную гримасу, поворачивая мясо на вертеле. Арваний, сидевший у костра скрестив ноги, угрюмо погрузил лицо в кружку с вином, когда увидел киммерийца.

Конан не обратил на них обоих внимания. Он напрягал слух, ожидая, что снова услышит звук, который, как показалось ему, он слышал. Вот. Он схватил Тамиру за локоть.

— Пойди разбуди Йо... свою госпожу, — сказал он ей. Уперев руки в бока, Тамира поглядела на него с кривой улыбкой. — Иди, — прорычал он. — Сюда приближаются всадники.

По лицу Тамиры пробежало удивление, затем девушка бросилась к большому алому шатру.

— Что за чушь ты несешь? — спросил Арваний. — Я ничего не вижу.

К человеку с орлиным носом, пробежав через весь лагерь, приблизился Телад.

— Мардак утверждает, что слышит на юге лошадей, Арваний.

Выругавшись, распорядитель охоты бросил кружку на землю и поднялся на ноги. На лице его отражалось беспокойство.

— Горцы? — спросил он Телада, и бритоголовый пожал плечами.

— Маловероятно, чтобы они шли с юга, — произнес Конан. — Однако не помешает сообщить об этом остальным. Но тихо.

— Когда мне понадобится твой совет... — начал Арваний, но не закончил фразы. Вместо этого он обратился к Теладу: —

Обойди всех людей. Скажи им, чтобы были готовы. — Лицо его передернулось, и он добавил, пробормотав: — Но тихо.

Хотя его и не просили об этом, киммериец присоединил свои усилия к усилиям Телада, переходя от одного человека к другому и тихо предупреждая. Мардак, седой косой человек с длинными тонкими усами, тоже передал это сообщение. Охотники восприняли новость спокойно. То здесь, то там кто-нибудь поглаживал рукоять сабли или придвигал поближе лакированный колчан, но все продолжали заниматься своими делами, хотя и поглядывая постоянно на юг.

Когда Конан вернулся в центр лагеря, из-за вершины холма уже показались десять всадников, которые сейчас направляли своих лошадей шагом к лагерю.

Арваний проворчал:

— Этих бы мы быстро перерезали. Кто это такие? Явно не горцы.

— Бритунийцы, — ответил Телад. — Разве есть за что их убивать, Арваний?

— Варварское отродье, — презрительно бросил человек с орлиным носом. — Они даже не видят нас.

— Они нас видят, — сказал Конан, — иначе они не перешли бы через холм. И почему ты думаешь, что мы видим их всех?

Двое заморийцев обменялись удивленными взглядами, но Конан сосредоточил свое внимание на приближающихся. На всех были меховые обмотки, отороченные мехом накидки, сбоку были привешены мечи, а за седлами закреплены круглые щиты. Девять всадников несли копья. Один, идущий впереди, имел при себе длинный лук.

Бритунийские всадники въехали на холм и остановили лошадей на границе лагеря. Человек с луком поднял руку.

— Меня зовут Элдран, — сказал он. — Можем ли мы быть гостями здесь?

Арваний молчал с кислым выражением лица.

Конан поднял над головой правую руку.

— Меня зовут Конан, — сказал он. — Я приглашаю вас быть нашими гостями, если вы не замышляете против нас ничего плохого. Слезайте с коней и садитесь к кострам.

Элдран с улыбкой слез с лошади. Он был почти так же высок, как и Конан, хотя и не имел такой мощной мускулатуры.

— Мы не можем долго здесь оставаться. Нам нужны сведения, затем мы поедем дальше.

— Мне тоже нужны сведения, — сказала Йондра, подойдя к мужчинам. Волосы ее, светло-каштановые, выгоревшие на солнце, спутались, узкие штаны и куртка из изумрудного шелка надеты были второпях. — Скажите мне... — Слова ее затихли, когда она посмотрела Элдрану в глаза, такие же серые, как у нее, и рот так и остался открыт. Наконец она нетвердым голосом сказала:

— Из... какой вы страны?

— Они бритунийцы, — сказал Арваний. — Дикари.

— Молчать! — Гневный крик Йондры удивил мужчин. Конан и Элдран пораженно глядели на нее. Арваний побледнел. — Я говорю не с тобой, — продолжала она дрожащим голосом. — Молчать, пока тебя не спросят! Ты меня понял, распорядитель охоты? — Не дожидаясь ответа, она снова обратилась к Элдрану. Щеки ее раскраснелись, а голос был нетвердым, хотя и спокойным: — Значит, вы охотники? Вам вдвойне опасно охотиться в этих местах. Здесь находится заморийская армия и всегда могут появиться горцы.

— Заморийская армия, кажется, не замечает нас, — ответил бритуниец. Его товарищи, сидевшие на конях, рассмеялись. — А что касается горцев... — Голос казался непринужденным, но глаза сурово сверкнули. — Я назвал свое имя, женщина, но не слышал твоего.

Она выпрямилась во весь рост, но все равно достала головой лишь до его плеча.

— Ты говоришь, бритуниец, с княжной Йондрой из дома Перашанидов из Шадизара.

— Знатное происхождение.

Тон его был нейтральным, но Йондра поморщилась, будто над ней насмехались. Странно, но это каким-то образом привело ее в себя. Голос ее окреп:

— Если ты охотник, ты, вероятно, видел зверя, на которого я охочусь, или его следы. Мне сказали, что тело его, как у огромной змеи, покрыто разноцветной чешуей. Его следы...

— Огненный зверь, — проговорил один из бритунийцев, сидящих верхом, а остальные описали рукой перед грудью дугу, будто сделав некий магический знак.

Лицо Элдрана было мрачно.

— Мы тоже ищем этого зверя, Йондра. Наш народ знает его давно. Мы можем объединить усилия.

— Мне не нужно больше охотников, — быстро ответила Йондра.

— Это существо убить сложнее, чем ты думаешь, — настаивал бритунием. Рука его плотно сжала рукоять старинного меча с перекрестием, заканчивающимся когтями, будто орлиная лапа. — Дыхание его — огонь. Без нашей помощи ты лишь погибнешь, пытаясь убить его.

— Так говорят у вас, — сказала она, издеваясь, — в детских сказках. Я говорю, что убью зверя без вашей помощи. Я также говорю вам, что лучше не пытаться охотиться на моего зверя. Трофей мой, бритуниец, ты меня понял?

— Глаза твои будто утренний туман, — сказал он, улыбаясь.

Йондра задрожала:

— Если я тебя встречу еще раз, то из твоих глаз будет торчать по стреле. Я...

Она вдруг выхватила лук у одного из своих лучников. Бритунийцы опустили копья, а лошади их начали взволнованно пританцовывать. Охотники потянулись к саблям. Одним движением Йондра натянула стрелу и выстрелила в воздух. Высоко над лагерем вскрикнул ворон и начал беспорядочно бить крыльями, падая к далекому холму.

— Смотри, — воскликнула Йондра, — и бойся моих стрел.

Не успела она договорить, как ворон вдалеке вдруг дернулся и камнем полетел вниз, пронзенный второй стрелой.

— Ты неплохо стреляешь, — сказал Элдран, опуская лук. Он ловко вскочил в седло. — Я бы остался, чтобы пострелять с тобой, но мне надо охотиться.

Не оглядываясь, он развернул лошадь и поскакал вниз с холма, и его люди последовали за ним, не понимая, казалось, того, что их спины открыты для лучников из лагеря.

Арванию эта мысль быстро пришла в голову.

— Лучники, — начал было он, но тут Йондра бросила на него гневный взгляд. Она не произнесла ни слова, да и необходимости в этом не было. Распорядитель охоты попятился от нее, опустив глаза и бормоча: — Прошу прощения, моя госпожа.

Затем она обратила свое внимание на Конана.

— Ты, — зашипела она. — Он со мной так разговаривал, а ты не сделал ничего. Ничего!

Огромный киммериец посмотрел на нее бесстрастно:

— Возможно, он прав. Я видел следы зверя, который может убивать огнем. И если бритуниец был прав в этом, он, возможно, прав также, говоря, что убить его трудно. Возможно, тебе следует вернуться в Шадизар.

— Возможно, возможно, возможно. — Она презрительно выплюнула каждое слово. — Почему мне не доложили об этих следах? Арваний, что ты знаешь об этом?

Охотник бросил на Конана взгляд, полный злобы.

— Пожар от молнии, — сказал он угрюмо. — И несколько старых костей. Этот боится собственной тени. Или тени от горы.

— И это неправда? — Йондра вопросительно поглядела в лицо Конану, — Ты ведь не выдумываешь сказки, боясь, что тебя убьют горцы?

— Я не боюсь смерти, — спокойно произнес Конан. — Когда она придет, настанет лишь темнота. Но только дурак ищет смерти без пользы.

Аристократка надменно вздернула голову.

— Так, — сказала она, и опять: — Так. — Не взглянув больше на Конана, она твердо зашагала прочь, громко крикнув: — Лиана! Приготовь мне умыться!

Арваний злорадно скалился, глядя на Конана, но киммериец не видел его.

«Все сделалось намного сложнее, чем я предполагал, покидая Шадизар, — подумал Конан. — Что мне теперь делать?»

Был один известный ему способ сосредоточить свои мысли для решения задачи. Вынув из сумки небольшой брусок, юн достал меч, сел и, поджав под себя ноги, принялся точить старинный меч и думать.

* * *

Ималла Басракан глядел на мертвого ворона, лежавшего на полу, и дергал в отчаянии свою раздвоенную бороду. Воронов-разведчиков достать было нелегко. Птенцов надо выращивать, и лишь одна пара из двадцати выживала после заклятий, связывающих птиц так, что одна птица видела и чувствовала то же самое, что видела и чувствовала другая. Нужно время, чтобы вырастить птиц, и время, чтобы наложить заклятия. У него не было времени заменить проклятую птицу. Вероятно, другая досталась ястребу. А их у него так мало.

Проворчав, он пнул мертвую птицу, отчего она ударилась о голую каменную стену.

— Грязная тварь, — прорычал он.

Одернув свое красное одеяние, он повернулся к шести нашестам, установленным в середине комнаты. На пяти из них сидели вороны, склонив головы и глядя на ималлу черными глазами-бусинками. Крылья их, подрезанные, чтобы они не могли улететь, бессильно свисали.

В комнате, кроме нашестов, почти ничего не было. На столе, инкрустированном перламутром, стояла бронзовая лампа и были разбросаны приспособления для занятий магическим искусством. На полке вдоль стены стояли фолианты по некромантии, собранные ималлой в течение жизни. Никто не входил в эту комнату, как и в другие, отведенные для его занятий, кроме него, и никто, кроме его последователей, не знал, что происходит там.

Басракан зажег от лампы лучину и начал описывать ею в воздухе перед первой птицей замысловатую фигуру. Крохотные глазки следили за пламенем, отражающимся на их черной поверхности. Рисуя фигуру, Басракан нараспев бормотал слова, взятые из тома, переписанного на пергамент, сделанный из человеческой кожи, слова, которые наполняли воздух до такой степени, что, казалось, стены начинали дрожать. С каждым словом след пламени делался все более осязаемым, пока между ималлой и вороном не повис нечестивый символ.

Ворон медленно раскрыл клюв и проскрипел слова, едва узнаваемые:

— Холмы. Небо. Деревья. Облака. Много-много облаков.

Колдун хлопнул в ладоши, огненный символ исчез, и птица перестала скрипеть. С этими тварями почти всегда так. Заклятия, связывающие птиц, заставляют их прежде всего говорить о людях, но если людей не было, то вороны будут бубнить обо всем, что им пришлось увидеть, и будут говорить бесконечно, если не заткнуть их.

Тот же ритуал, исполненный перед следующей птицей, дал тот же результат, иным было лишь описание ландшафта, и то же произошло и со следующей птицей, и со следующей. Когда ималла дошел до последней птицы, он уже спешил. В соседней комнате важное дело требовало его внимания, и он уже был уверен в том, о чем доложит птица. Нараспев произнося закли-

нание, он нарисовал огненный символ, уже готовый хлопком в ладоши уничтожить его.

— Солдаты, — прокаркал ворон. — Много-много. Много-много.

У Басракана перехватило дыхание. Никогда он так не жалел о том, что вороны не могут называть цифры.

— Где? — спросил ималла.

— На юге. На юге от гор.

Ималла задумчиво погладил бороду. Если они идут с юга, то это, должно быть, заморийцы. Но что с ними делать? Птицу, которая в действительности видела солдат, можно заставить вернуться и указать дорогу его воинам. Горцы расценят это как еще один символ благоволения истинных богов, ибо птицы — это творение духов воздуха. И это будет первой победой, первой из многих побед над неверными.

— Возвращайся! — крикнул Басракан.

— Возвращаюсь, — проскрипел ворон и замолчал.

Сколько же там солдат, думал ималла, выходя из комнаты, и сколько же воинов истинных богов послать против них?

Проходя через следующее помещение, со стенами, отделанными гладким дубом, таким же дорогим в горах, как жемчуг, он задержался, чтобы поглядеть на девушку, забившуюся в угол. Из ее темных глаз текли слезы, а полные губы беспрестанно дрожали. Кожа у нее была гладкая и мягкая, и одежда не мешала ималле смотреть на нее.

Лицо Басракана исказилось от отвращения, и он вытер руки о свою алую одежду. Лишь восемнадцать лет, а уже сосуд похоти, уже пытается завладеть умами мужчин. Как и все женщины. Ни одной нет истинно чистой. Ни одной, достойной древних богов.

Очнувшись от своих мрачных мыслей, святой человек поспешил дальше. Он не боялся, что девушка уйдет. Заклятие, которое он наложил на нее, не позволит ей покинуть это помещение, пока он не даст ей разрешения, пока не сочтет ее достойной.

В коридоре он встретил только что вощедшего ималлу Джбейля. Тощий человек склонился, зашуршав своей черной одеждой.

— Да будет с тобой благословение истинных богов, ималла Басракан. Я пришел с дурными вестями.

— Дурные вести? — произнес Басракан, не вспомнив о приветствии. — Говори!

— Много воинов присоединились к тем, что были у нас, но почти никто из них не видел символа благоволения истинных богов. — Глаза Джбейля горели лихорадочным огнем истинной веры, и рот его презрительно скривился, когда он говорил о тех, кто был менее полон веры, чем он сам. — Раздается много голосов, требующих показать жертвоприношение. Даже те, кто видел, шепчут сейчас, что существо, посланное древними богами, покинуло нас, раз его не видно уже столько дней. Некоторые из вновь пришедших говорят, что вообще нет никакого символа, что все это ложь. Они произносят это украдкой, между собой, но делать так они будут не вечно, и, я боюсь, они легко могут завладеть сердцами сомневающихся.

Басракан в отчаянии скрипнул зубами. Его мучило то же опасение, он боялся, что они покинуты, и по ночам, в одиночестве, бичевал себя за недостаток веры. Он уже пытался вызвать огненного зверя, пытался, и это ему не удалось. Но он все еще там, говорил себе ималла. Все еще под горой, ждет, чтобы выйти снова. Ждет — у него перехватило дыхание — символа их веры.

— Сколько собралось воинов? — спросил он.

— Больше сорока тысяч, ималла, и каждый день прибывают еще. Очень трудно кормить стольких, хотя они, конечно, и правоверные.

Басракан вытянулся во весь рост. Его лицо светилось верой, подкрепленной сообщением о численности его армии.

— Дай воинам знать, что мне известно о недостатке их веры. — Он произносил слова размеренно, с плавным ударением, убежденный, что они вдохновлены истинными богами. — Дай им знать, что если они хотят видеть желаемое зрелище, то от них требуется сделать то, что я скажу. Явится птица, ворон, символ, данный духами воздуха. Половина всех собравшихся должна последовать за птицей, и она приведет их туда, где находятся неверные, солдаты Заморы. Воины должны убить их, не давая уйти никому. Никому. Если это будет исполнено так, как приказано, то им будет дарован символ благоволения истинных богов.

— Птица, — прошептал Джбейль. — Символ, данный духами воздуха. Воистину велики древние боги, и воистину ималла Басракан велик пред их лицом.

Басракан небрежно отмахнулся рукой от похвалы.

— Я всего лишь человек, — сказал он. — Теперь ступай! Проследи, чтобы все было исполнено по моему приказу.

Последователь в черном поклонился перед колдуном, и Басракан, как только тот ушел, принялся тереть виски.

Столько на него навалилось. От этого болит голова...

Но есть еще девушка. Показав девушке зло, заключенное в ней, избавив ее от этого зла, он облегчит боль. Он изгонит из нее похоть. С видом аскета, страдающего во имя долга, Басракан пошел назад.

Глава 11

Джинар лежал в темноте на животе и изучал лагерь охотников, мирно отдыхающий на соседнем холме. Темная одежда горца сливалась с тенями на каменистой земле. Лишь тлеющие угли напоминали о кострах; сам же лагерь оставался в темноте, в которой шатры и повозки были лишь смутными очертаниями, и только в большом алом шатре горела лампа. Над острыми пиками гор на севере высоко висела луна, но густые облака пропускали ее свет лишь изредка. Отличная ночь для нападения. Он провел рукой по заплетенной в три косички бороде. Вероятно, древние боги действительно с ними...

Это казалось очевидным все эти дни, когда след охотничьей партии шел прямо, как стрела. Может быть, Огненные глаза притягивают каким-то образом к ималле и истинные боги действуют среди людей даже через заморийскую блудницу? Холодок, будто дуновение ледяного горного воздуха, пробежал по спине Джинара, и волосы на голове зашевелились. Ему показалось, что древние боги ходят по земле прямо у него перед глазами. Сзади зашуршали камни, Джинар вскрикнул от страха.

Рядом с ним на каменистую почву опустился Фаруз.

— Часовые? — спросил наконец Джинар. Он был доволен, что голос его звучал ровно.

Подошедший презрительно фыркнул:

— Их десять. Но они почти спят. Они умрут легко.

— Так много? Такую охрану выставляют солдаты, а не охотники.

— Я говорю тебе, Джинар, они чуть ли не храпят. Глаза их закрыты.

— Двадцать глаз, — вздохнул Джинар. — Достаточно, чтобы заметила одна пара. Если лагерь будет разбужен, нам придется нападать на них сначала снизу...

— Ба! Нам надо было напасть на них тогда, когда мы их только заметили, когда они шли. Или ты все еще боишься британийских собак? Их уже давно здесь нет.

Джинар не ответил. Лишь потому, что Шармаль один пошел справлять естественную потребность, увидели его британийцы, которые шли, как привидения, по следу охотников из Шадизара. Британийцы и заморийцы не очень любили друг друга, это правда, но и те и другие отложат взаимное убийство для того, чтобы омочить свои клинки кровью горцев. Фаруз вклинился бы с горцами между двумя вражескими отрядами — по крайней мере, между сорока британийцами и в раза полтора большим числом заморийцев, — думая лишь о том, скольких он сможет убить.

— Если твоя... осторожность приведет нас к неудаче, — проговорил Фаруз, — не надейся защититься от гнева ималлы Басракана, свалив вину на других. Правда станет известна.

Фаруз, решил Джинар, не доживет до того, чтобы вернуться к правоверным ималлы Басракана. Древние боги сами позаботились об этом.

Снова за спиной послышался шорох сапог, но на этот раз Джинар просто посмотрел через плечо, Шармаль, худой молодой человек с жидкой бородкой, заплетенной множеством косичек, сел на корточки рядом с Джинаром и Фарузом.

— Неверные британийцы все еще идут на восток, — сказал молодой человек.

— Они не остановились с наступлением темноты? — спросил, нахмурившись, Джинар. Ему никогда не нравилось необычное поведение, а ведь никто не путешествует ночью без веских на то оснований, тем более вблизи Кезанкийских гор.

— Когда я возвращался на закате, — ответил Шармаль, — они все еще скакали на восток. Я... я не хотел пропустить битву.

— Если вообще будет битва, — усмехнулся Фаруз.

Джинар громко скрипнул зубами.

— По коням, — приказал он. — Окружить лагерь и медленно приближаться. Не наносить ударов без моей команды, если только не будет поднята тревога. Понятно, Фаруз? Говоришь ты с жаром. Может ли твоя рука подтвердить эти слова?

Зарычав, Фаруз вскочил на ноги и бросился вниз по склону — туда, где стояла его косматая лошадь.

Джинар, угрюмо улыбаясь, последовал за ним и взобрался

в высокое седло. Он осторожно объехал холм, направляясь к лагерю на вершине соседнего холма. Стук неподкованных копыт по камням не беспокоил Джинара, сейчас не беспокоил. Он был убежден, что заморийцы не услышат. С ними древние боги. Он и другие горцы сливались с темнотой. Он разглядел часового, оперевшегося на копье, ничего не замечающего, не видящего еще одной подкрадывающейся тени. Джинар вынул из ножен кривую саблю. Впереди могут идти по земле истинные боги, но здесь также присутствовало что-то еще. Смерть. Он чуял ее. Смерть для многих. Смерть для Фаруза. Улыбнувшись, Джинар ударил пятками в бока лошади, и она бросилась вперед. Часовой успел в ужасе вытаращить глаза; затем кривой клинок, к которому была приложена сила руки Джинара, и вес несущейся лошади, снес голову с плеч. Темноту разорвал крик Джинара:

— Во имя истинных богов, бей их! Не щадить!

С воплями из ночи выскочили горцы, обнажив алчущую крови сталь.

* * *

Конан лежал, завернувшись в накидку, под открытым небом, приоткрыв глаза. После такого ее поведения он решил не ходить в шатер, несмотря на призывно горящие лампы, которые светились еще и сейчас. Но разбудили, однако, его не мысли о шелковистой коже, а посторонний шум. Он слышал дыхание ближайшего к нему часового, дыхание слишком спокойное и глубокое для человека на страже. Эти придурки не слушают его советов, подумал он. Они слушают, но не слышат, точнее. На храп часового наслоился другой звук: на склоне зашуршали и покатились камни. На всех склонах холма.

— Кром! — произнес киммериец. Одним движением он сбросил черную накидку, поднялся на ноги и выхватил меч. Он открыл рот, чтобы поднять тревогу, но в данный момент в этом уже не было необходимости.

Следом за влажным ударом стали, погрузившейся в плоть, раздалось: «Во имя истинных богов, бей их! Не щадить!»

В темноте начался хаос: со всех сторон появились орущие горцы, жаждущие крови неверных, а из шатров вылезали охотники и молили своих богов дать им увидеть еще один рассвет.

Огромный киммериец побежал к часовому, дыхание кото-

рого он слышал до этого. Разбуженный часовой попытался опустить копье, но, получив по лицу удар саблей, с криком покатился по земле.

— Кром! — взревел Конан.

Горец дернул за поводья и развернул косматую лошадку над повалившимся часовым в сторону огромного человека, вышедшего из темноты.

— Такова воля истинных богов! — проорал горец. Размахивая над тюрбаном окровавленной саблей, он ударил пятками в бока лошадки.

На долю мгновения Конан остановился, расставил ноги так, будто собирался встретить летящую на него лошадь. Вдруг он бросился вперед, пригнувшись под просвистевшим над головой стальным полумесяцем, и вонзил в живот горца меч. Сила удара сбила киммерийца с ног, а горец, казалось, прыгнул через круп лошади и упал на землю.

Поставив ногу на грудь трупа, Конан выдернул свой меч. Некий инстинкт предупредил его, покалывание между лопаток. Он обернулся и увидел другого врага на лошади и кривую саблю, уже приближающуюся к голове. Не оборачиваясь, киммериец уже поднимал свой меч, и его острый, как бритва, клинок полоснул по уже опускавшейся кисти. Рука и сабля полетели, и горец с жалобными криками ускакал в ночь, высоко подняв обрубок руки, из которого бил фонтан крови, будто так он не позволит крови вытечь.

Две повозки уже пылали, как костры, и пламя быстро поглощало пять круглых шатров. Над всем висел шум битвы: звон стали о сталь, крики раненых, стоны умирающих. Вспыхнула еще одна повозка. Огонь отодвигал ночь от сражающихся людей, пляшущих с окровавленными клинками среди тел, усеявших вершину холма. Среди лежащих без движения было больше тех, кто носил кольчугу и остроконечный шлем заморийцев, чем тех, чьи головы были обмотаны тюрбанами.

Все это Конан охватил взглядом в долю секунды, но одно среди всего остального привлекло его внимание. Йондра, выгнанная из-под мехового одеяла и голая, если не считать перекинутого через плечо колчана, стояла перед алым шатром и спокойно стреляла из лука, будто это была стрельба по соломенным мишеням. И там, куда попадали ее стрелы, умирали горцы.

Киммериец заметил, что на нее обратил внимание не только он. Горец в дальнем конце лагеря издал вдруг протяжный крик и послал свою лошадку галопом в сторону обнаженной лучницы.

— Йондра! — крикнул Конан, но, даже когда кричал, он знал, что она не услышит его в таком шуме. И что ему никак не успеть добежать до нее.

Перебросив меч в левую руку, он двумя прыжками добрался до часового, лежащего на спине, обратив лицо, похожее на раскроенную маску, к черному небу.

Безжалостно поставив ногу на отброшенную руку часового, киммериец вырвал из мертвого захвата тяжелое охотничье копье. С отчаянной быстротой он распрямился, обернулся, метнул и замер, когда копье было в воздухе. Ни воли, ни мысли не осталось для движения, поскольку и то и другое было сейчас приковано к толстому копью.

Лошадь горца находилась в двух шагах от Йондры, его клинок почти упирался в ее спину, и все же девушка ничего не слышала и не обернулась. А горец согнулся в конвульсиях, когда его грудь пронзил наконечник копья. Лошадь его продолжала мчаться, а тело горца медленно заваливалось назад и упало наконец, будто мешок с песком, перед женщиной. Йондра вздрогнула, когда почти у самых ее ног упало тело, но продолжала еще некоторое время шарить руками в опустевшем колчане в поисках еще одной стрелы. Неожиданно она отбросила лук и выхватила из руки мертвого горца саблю.

Конан обнаружил, что снова может дышать. Он сделал шаг в сторону княжны... и что-то огнем полоснуло его по спине. Огромный киммериец тут же перекатился вперед, встал на ноги и обернулся, отыскивая нападавшего. За спиной было много народу — и горцы, и охотники, — но все, кроме Лрвания и Телада, были заняты тем, что убивали друг друга, и даже эти двое, пока Конан смотрел, сцепились с врагами в тюрбанах. Нет времени выбирать себе противника, подумал Конан. Их хватит на всех. В нем пробудилась темная ярость.

Когда он снова посмотрел вперед, Йондры уже не было, но мысли о ней глубоко вошли в его потемневшее от битвы сознание: Конан был рожден на поле битвы. Первым запахом, который вошел в него с первым вдохом, был медный запах свежепролитой крови. Первым звуком, приветствовавшим его слух,

был лязг стали. Первым видом, который открылся его глазам, были вороны, кружащие в небе и ждущие, когда живые уйдут и отдадут им во власть то, что осталось.

С боевой яростью, родившейся вместе с ним, Конан шагал сквозь пламя и крики, и меч его нес смерть. Киммериец искал бородатых людей в тюрбанах, и те, которых он находил, представали перед Черным троном Эрлика, унося с собой воспоминания о том, что видели в мире людей последним: глаза, горящие лазурным огнем.

Его старинный меч грозно сверкал в свете горящих шатров, сверкал до тех пор, пока залитый алым клинок мог еще сверкать, но, казалось, стал пожирать свет так же, как пожирал жизнь. Люди встречали его, люди падали перед ним, и наконец люди от него бежали.

Настало время, когда киммериец стоял один, и взгляд его не мог больше видеть тюрбанов, кроме как на мертвых.

Были и стоящие люди, понял Конан, когда туман боевой ярости немного рассеялся и сознание его прояснилось. Заморийские охотники собрались вокруг него широким кругом и глядели с удивлением и страхом. Он взглянул каждому в лицо, и каждый под его взглядом отступил на шаг.

Даже Арваний не мог устоять на месте, хотя его лицо и залилось краской злости, когда он понял, что сделал.

— Горцы? — спросил Конан. Он стянул грубую шерстяную накидку с убитого горца и вытер о нее меч.

— Ушли, — ответил Телад тонким голосом. Он прочистил горло. — Бежали немногие, а большая часть, мне кажется... — Он обвел рукой всю вершину холма, усеянную телами и сгоревшими шатрами, освещенную пылающими позвонками. — Это ты нас всех спас, киммериец.

— Яйца Ханнумана! — взревел Арваний. — Вы что, все женщины? Нас спасло ваше собственное оружие, мечи в ваших руках! Если варвар и убил нескольких, то он спасал собственную шкуру.

— Не говори глупостей, — бросил ему Телад. — Тебе в первую очередь не следует выступать против него. Конан дрался как демон, в то время как мы пытались проснуться и понять, что это не страшный сон.

Люди, стоявшие кругом, подтвердили его слова, закивав головами.

Арваний с искаженным яростью лицом открыл рот, но Конан заговорил первым:

— Если кто-нибудь из них бежал, то он может привести других. Нам следует уйти отсюда, и побыстрее.

— Вот чего стоит ваш герой, — презрительно говорил Арваний. — Уже готов бежать. Горцы редко собираются в банды более многочисленные, чем та, что напала на нас и теперь ожидает червей. Кто еще осмелится напасть на нас! Я, кроме того, считаю, что мы убили всех горских собак.

— Некоторые все-таки бежали, — возразил Телад, но Арваний продолжал говорить, заглушая Телада:

— Я не видел, чтобы кто-нибудь бежал. Если бы я видел, ему бы не удалось бежать. Если мы побежали, как кролики, значит, мы есть кролики, испугавшиеся тени.

— Твои оскорбления начинают меня беспокоить, охотник, — сказал Конан, приподняв меч. — До этого я воздерживался от того, чтобы убить тебя, по разным причинам. Теперь тебе пора усмирить свой язык, или я усмирю его за тебя.

Арваний хмуро глядел в ответ, сабля его подрагивала в руке, но он молчал. Остальные охотники расступились.

Тишину нарушила Йондра, подойдя в глубоком парчовом халате до пят, который она удерживала на шее двумя руками. Она посмотрела на обоих противников, прежде чем начать говорить:

— Конан, почему ты думаешь, что горцы вернутся?

Она пыталась не обращать внимания на напряжение, как понял киммериец, и таким образом разрядить его, но дать ответ на ее вопрос важнее, чем убить Арвания.

— Это правда, что банды горцев обычно небольшие, но в Шадизаре говорят, что кезанкийские племена объединяются. То, что мы видели солдат, идущих на север, подтверждает это, поскольку также говорят, что против горцев послана армия. Уйдя, мы ничем не рискуем; оставшись же, рискуем тем, что эти немногие бежавшие приведут тысячу.

— Тысячу! — презрительно фыркнул человек с орлиным носом. — Моя госпожа, хорошо известно, что горские племена постоянно враждуют друг с другом. Если соберется тысяча горцев, они за день перережут друг друга. А если, каким-нибудь чудом, так много людей и соберется вместе, они прежде всего будут думать о солдатах. В любом случае я не верю в базарные

слухи о том, что племена объединяются. Это противоречит всему тому, что я знаю о горцах.

Йондра задумчиво кивнула, затем спросила:

— А наши раненые? Сколько их и какова тяжесть ранения?

— Много царапин и порезов, моя госпожа, — ответил Арваний, — но лишь четырнадцать человек можно считать ранеными, и лишь двое ранены тяжело. — Он поколебался. — Одиннадцать убиты, моя госпожа.

— Одиннадцать, — вздохнула она и закрыла глаза.

— Было бы больше, моя госпожа, если бы не Конан, — сказал Телад, и Арваний накинулся на него:

— Перестань болтать о своем варваре!

— Хватит! — крикнула Йондра. Ее голос мгновенно успокоил охотников. — Я решу, что нам делать, завтра. А сейчас раненых перевязать, костры потушить. Арваний, проследи за этим. — Она помолчала, делая глубокий вдох и не глядя ни на кого определенно, затем сказала: — Конан, пройди в мой шатер. Прошу. — Последнее слово было вымученным, и, произнеся его, она быстро отвернулась, отчего халат ее разошелся и открыл обнаженное бедро, и поспешила вон из круга мужчин.

Посещения Конаном шатра Йондры и ее постели были тайной, известной всем, но об этом открыто не говорили. Все мужчины поэтому старались сейчас не смотреть на Конана и друг на друга. Арваний был явно поражен. Тамира одна взглянула в лицо киммерийцу, и взгляд ее был гневным.

Покачав головой при мысли о непредсказуемости женщин, огромный киммериец вложил в ножны меч и пошел следом за Йондрой.

Она ожидала его в алом шатре. Когда он нырнул под полог, княжна сбросила с плеч парчовый халат, и Конан обнаружил, что держит в руках гладкое мягкое голое тело. Княжна вцепилась в киммерийца, прижавшись к его ребрам полными грудями.

— Мне... мне не следовало тогда говорить, — проговорила она. — Я не сомневаюсь в том, что ты видел, и я хочу, чтобы ты спал в моей постели.

— Это хорошо, что ты мне веришь, — сказал он, гладя княжну по волосам, — поскольку я действительно видел то, о чем рассказал. Но сейчас не время говорить об этом. — Она вздохнула и прижалась плотнее, если это только было возмож-

но. — Сейчас время поговорить о возвращении. Твои охотники понесли тяжелые потери от горцев, а до гор еще день пути. Если ты войдешь в горы с телегами и быками, то не сможешь больше остаться не замеченной племенами. Людей твоих убьют, а ты окажешься рабой немытого горца, жены которого будут постоянно бить тебя за твою красоту. Будут бить, по крайней мере, до тех пор, пока тяжелая жизнь и труд не заберут твою молодость, так же как и у них самих.

С каждым словом она все больше напрягалась в его руках. Затем оттолкнула его от себя и подозрительно посмотрела на него.

— Уже много лет, — сказала она, задыхаясь от ярости, — не просила я у кого-либо прощения, и никогда не умо... не просила кого-нибудь, кроме тебя, прийти ко мне в постель. Чего бы мне не хотелось, так это выслушивать нотации взамен.

— Об этом надо поговорить. — Конан обнаружил, что ему трудно не обращать внимания на тяжелые круглые груди, тонкую талию, переходящую в роскошные бедра, и стройные ноги, но он заставил себя говорить так, будто княжна укутана толстым слоем шерстяной ткани. — Горцы потревожены. Муравьи могут избежать их внимания, но не люди. И если тебе доведется встретить зверя, на которого ты охотишься, помни, что зверь тоже охотник, к тому же убивающий огнем. Скольким людям позволишь ты заживо изжариться, чтобы повесить на стену трофей?

— Деревенские сказки, — фыркнула она. — Если меня не могут испугать горцы, почему ты думаешь, что я побегу, испугавшись этой выдумки?

— Элдран, — начал он с терпением, которого сам уже больше не чувствовал, но ее вопль оборвал слова киммерийца:

— Нет! Не желаю слышать об этом... бритунийце! — Задыхаясь, она пыталась вновь овладеть собой. Наконец она властно выпрямилась. — Я вызвала тебя сюда не для того, чтобы вести споры. Ты ляжешь со мной в постель и будешь говорить лишь о том, что мы делаем, либо убирайся отсюда.

Гнев Конана находился на волосок от того, чтобы вырваться наружу, но киммериец сумел сдержаться и дать ехидный ответ:

— Повинуюсь, моя госпожа. — И с этими словами он повернулся спиной к ее обнаженному телу.

Ее яростные крики раздавались Конану вслед, когда он уходил в уже тускнеющую ночь, и эхом разносились над всем лагерем.

— Конан! Вернись, Митра тебя разорви! Ты не можешь меня так оставить! Я приказываю тебе вернуться, Эрлик прокляни тебя навеки!

Ни один человек не поднял взгляда от своей работы, но по тому, с каким сосредоточением все принялись за свои занятия, было ясно, что никто не был глух.

Те, кто сбрасывал палками с телег горящие свертки, вдруг удвоили свои усилия, стараясь спасти то, что еще не взял огонь. Вновь расставленные по своим местам часовые вдруг начали вглядываться в светлеющие тени, будто в каждой скрывалось по горцу.

Тамира обходила раненых, лежащих на одеялах в центре лагеря, и подавала каждому напиться из бурдюка. Она подняла глаза и широко улыбнулась, когда киммериец проходил мимо нее.

— Значит, сегодня снова спишь один, киммериец, — мило произнесла она. — Какая жалость.

Конан не посмотрел на нее, лишь нахмурился. Одну из телег оставили свободно догорать, и пылающие свертки валялись вокруг других телег.

Толстый повар прыгал среди охотников, размахивая над головой медным подносом и громко жалуясь на то, что кухонными принадлежностями пользуются для того, чтобы закидывать землей пламя. Конан взял поднос из рук повара и нагнулся рядом с Теладом, чтобы зачерпнуть земли.

Бритоголовый охотник поглядел некоторое время косо на киммерийца, затем осторожно произнес:

— Мало кто бросит ее без веских причин.

Вместо того чтобы отвечать на незаданный вопрос, Конан прорычал:

— Я начинаю думать, что мне следует привязать вашу княжну к лошади, чтобы вы отвезли ее назад в Шадизар.

— Ты совсем не думаешь, если считаешь, что можешь это сделать, — сказал Телад, кидая горсть земли и камней на пылающий сверток, — или что мы захотим сделать это. Княжна Йондра решает, куда идти, а мы идем следом.

— В Кезанкийскне горы? — недоверчиво спросил Кона». —

Когда племена неспокойны? Армия идет на север не на прогулку.

— Я служу дому Перашанидов, — медленно произнес бритоголовый, — с самого детства. Как и мой отец до меня, и его отец. Княжна Йондра и есть теперь дом Перашанидов, ибо она последняя. Я не могу ее бросить. Но ты бы мог, я полагаю. На самом деле, вероятно, тебе даже следует это сделать.

— И зачем это мне? — спросил Конан сухо.

Телад ответил, будто вопрос действительно был серьезным:

— Не все копья бросают известные тебе враги... Если останешься, то остерегайся удара в спину.

Конан остановился, набирая землю в поднос. Значит, копье, оцарапавшее ему спину, было брошено не рукой горца. Арванием, без сомнения, или кем-то другим, долго прослужившим дому Перашанидов, кому не понравилось то, что последняя представительница рода спит с безземельным воином. Этого ему было достаточно. Враг за спиной — один по крайней мере — и горцы вокруг. Завтра, решил Конан, он в последний раз попытается убедить Йондру вернуться. И Тамиру тоже. И в Шадизаре хватит ей драгоценностей. А если они не согласятся, он их бросит и вернется один. Он яростно загреб подносом землю и бросил ее в огонь. Он так и сделает! И пусть заберет его Эрлик, если это будет не так.

* * *

На рассвете Джинар оглядел жалкие остатки своего отряда. Пять человек с ужасом в глазах и без лошадей.

— Это все великан, — бормотал Шармаль. Тюрбан он потерял, и лицо его было измазано грязью и кровью из раны на голове. Глаза были устремлены на что-то невидимое для остальных. — Великан убивал кого хотел. Никто не мог устоять перед ним.

Никто не пытался заставить его замолчать, поскольку на безумных лежит печать древних богов и они находятся под их защитой.

— Кто-нибудь считает по-прежнему, что мы можем взять Огненные глаза у заморийской женщины? — спросил устало Джинар. Ему ответили взгляды без всякого выражения.

— Он отрубил Фарузу руку, — говорил Шармаль. — Кровь хлестала из обрубка, когда он ускакал в ночь, чтобы умереть.

Джинар не обращал на молодого человека внимания.

— И кто-нибудь сомневается в том, какую цену мы заплатили за то, что не выполнили приказ ималлы Басракана?

Опять четверо, сохранивших рассудок, промолчали, но опять ответ был в их темных глазах, окрашенных теперь ужасом.

Шармаль заплакал.

— Великан был духом земли. Мы разгневали истинных богов, и они послали его нам в наказание.

— В таком случае решено. — Джинар покачал головой. Ему придется многое оставить, включая любимое седло и двух молодых жен, но этому легче найти замену, чем крови в жилах. — Племена на юге еще не ответили на призыв Басракана. Они думают лишь о налетах на караваны из Султанапура и Аграпура. Мы отправляемся к ним. Лучше уж вероятность того, что никто нас не примет к себе, чем гнев Басракана, который нам обеспечен.

Он не видел движения Шармаля, но вдруг кулак молодого человека ударил ему в грудь. Он взглянул вниз, удивленный тем, что у него вдруг перехватило дыхание. Удар не был таким уж сильным. Затем он увидел в кулаке рукоять кинжала. Когда он снова поднял глаза, остальные четверо уже ушли, не желая вмешиваться в дела безумца.

— Ты приговорен, Джинар, — сказал Шармаль тоном, каким увещевают непослушного ребенка. — Лучше это, чем то, что ты не выполнишь волю истинных богов. Ты, конечно, понимаешь это. Нам надо вернуться к ималле Басракану, к святому человеку, и рассказать ему о великане.

Он прав, подумал Джинар. В лагере царила смерть. Он все еще ее чуял. Джинар раскрыл рот, чтобы рассмеяться, и из него хлынула кровь.

Глава 12

Ранним вечером, когда тени удлинились, лагерь, насколько это было возможно, зажил своей обычной жизнью. Костры потушили, и повозки, которые нельзя было спасти, сбросили с холма вместе с запасами, которые слишком сильно пострадали от огня. Почти все раненые были на ногах, хотя и не готовы к следующей битве, а скоро встанут на ноги и остальные. Мертвые были похоронены на склоне холма, и на могилы навалили кучи камней, чтобы их не разрыли волки. По крайней мере, так поступили с мертвыми заморийцами. Грифы и вороны кричали и дрались за соседним холмом, там, куда оттащили тела горцев.

Сейчас часовых установили не только вокруг самого лагеря, но и на соседних холмах. Дальние наблюдатели были на конях, чтобы быстрее донести весть о тревоге, — идея эта принадлежала Конану. Поначалу Йондра не обратила внимания на его предложение, а Арваний осмеял его, но часовые были выставлены, хотя и без признания в этом заслуги киммерийца.

Но не от обиды, однако, шагал Конан по лагерю с лицом будто грозовая туча. Ему мало было дела до того, кто припишет себе заслугу в том, что выставлены часовые, достаточно, что они есть. Но весь день Йондра избегала его. Она суетилась, проверяя раненых, пробуя еду, приготовленную поваром, влезая во множество дел, о которых в обычное время тотчас позабыла бы, отдав приказ об их исполнении. Всех в лагере, кроме Конана, она заставляла носиться. И все это, киммериец понимал, для того, чтобы не говорить с ним.

Мимо в короткой белой рубахе пробегала Тамира, сосредоточенно балансируя с графином вина и кубком на подносе, и Конан поймал ее за руку.

— Я не могу останавливаться, — сказала она рассеянно. — Ей нужно это прямо сейчас, а зная, какое у нее сегодня настроение, я не хочу задерживаться. — Хрупкая воровка вдруг

захихикала: — Возможно, нам всем действительно было бы лучше, если бы ты не спал прошлую ночь один.

— Не обращай на это внимания, — прорычал Конан. — Время уходит, Тамира. Завтра мы окажемся в горах.

— Ты этими словами так разозлил Йондру? — Лицо ее сделалось мрачнее. — Ты и ее просил вернуться?

— Дура, ты будешь меня слушать? Охотничий трофей не может быть причиной такого риска. И те драгоценности тоже.

— А что Йондра? — спросила она с подозрением. — Она не хочет возвращаться?

— Если мне не удастся ее уговорить, я пойду без нее. Пойдешь со мной?

Тамира прикусила пухленькую нижнюю губку и поглядела на его лицо из-под густых ресниц. Наконец она кивнула:

— Пойду. Но это должно произойти ночью, когда она спит. Она не позволит мне оставить службу, если узнает об этом. Что она будет делать без служанки, на которую можно кричать? Но как насчет интересующих тебя рубинов, киммериец?

— Они меня больше не интересуют, — ответил он.

— Больше не интересуют, — начала Тамира, затем остановилась, недоверчиво качая головой. — О, ты, должно быть, думаешь, что я дурочка, если считаешь, что поверю в это, киммериец. Или сам дурак. Митра, я постоянно забываю о том, что мужчины всегда ведут себя как мужчины.

— И что это означает? — спросил Конан.

— То, что она затащила тебя в свою постель, и теперь ты не хочешь у нее красть. И ты называешь себя вором!

— Причины моих действий тебя не касаются, — сказал он ей с большим терпением, чем ощущал на самом деле. — Так же как не должны касаться и рубины. Ты уходишь со мной сегодня ночью, запомнила?

— Запомнила, — медленно проговорила она. Когда ее большие карие глаза взглянули на него, ему показалось на мгновение, что она хочет сказать что-то еще.

— Лиана! — раздался голос Йондры, будто хлестнув плетью. — Где мое вино?

— Где мое вино? — передразнила Тамира, но тут же бросилась вперед, обегая Телада, который с трудом нес один конец окованного бронзой сундука.

— Возможно, тебе не следовало сердить ее, киммериец, —

проговорил, тяжело дыша, бритоголовый охотник. — Возможно, ты мог бы извиниться.

Человек на другом конце сундука устало кивнул.

— Кром! — простонал Конан. — Неужели всем в лагере есть дело до того, сплю ли... — Слова его затихли, когда один из часовых сорвался с места и поскакал с холма. Даже не заметив того, что ослабляет меч в ножнах, Конан зашагал туда, где часовой слезал с коня перед Йондрой. Охотники оставили свою работу и стали собираться вокруг.

— Солдаты, моя госпожа, — сказал часовой, тяжело дыша. — Всадники. Две, может быть, три сотни всадников. Они быстро приближаются.

Йондра ударила кулачком по округлому бедру. Ее оранжево-розовая шелковая рубаха и штаны для верховой езды были в пыли и пятнах пота от дневных забот.

— Эрлик бы побрал всех солдат, — сказала она мрачно, затем глубоко вздохнула, отчего ее тяжелые груди заколыхались под тонким шелком рубахи. — Очень хорошо. Если они подойдут, я приму их командира. Арваний! Проследи, чтобы никто из перевязанных не попадался на глаза. Если солдаты появятся до того, как я вернусь, будь учтивым, но ничего им не сообщай. Ничего, понял меня? Лиана! Ко мне!

Еще не закончив говорить, княжна растолкала собравшихся охотников, не дожидаясь, когда они расступятся перед ней.

Распорядитель охоты начал выкрикивать команды, и охотники и погонщики забегали во всех направлениях, торопясь подготовить лагерь к приему гостей. Спрятать раненых, почти все из которых могли передвигаться сами, было проще всего, но благодаря усердию Йондры всюду валялись тюки и свертки, высились горы кухонных принадлежностей и пирамиды коний среди оставшихся шатров, так что казалось, будто над лагерем пронесся ураган.

Не обращая внимания на суету за спиной, Конан сел на корточки на краю лагеря и устремил свой взгляд туда, откуда прискакал часовой. Рука незаметно для него самого несколько раз направлялась к рукояти старинного меча. Он не сомневался в том, что часовой видел заморийских солдат, а не горцев, но ему одинаково не нравились и те и другие. Отношения между армией и вором редко бывали простыми.

Звон подков по каменистой почве возвестил о приближе-

нии солдат задолго до того, как появилась колонна всадников. Строем по четыре, сверкая ровными рядами наконечников копий в вечернем солнце, они шли по небольшой долине между холмами.

Впереди развевалось знамя из зеленого шелка с золотой бахромой, какие обычно были у заморийских генералов, и на нем вязью были вышиты рассказы о победах. Конан презрительно фыркнул при виде этого штандарта. На таком расстоянии он не мог различить буквы, но мог сосчитать перечисленные битвы. Если учесть количество настоящих битв, в которых принимало участие оружие заморийцев за последние двадцать лет, то знамя прославляло победы в пограничных стычках и драках с бандитами.

У подножия холма всадники остановились, две колонны отделились и пошли к лагерю, остальные развернули коней в другую сторону. Знаменосец и генерал с плюмажем из алых конских волос на золотом шлеме и позолотой на кольчуге стали подниматься на холм между редкими кривыми деревцами и разбросанными кустами высотой по пояс.

Повинуясь нетерпеливой команде Арвания, два охотника выбежали вперед: один — чтобы подержать узду генерала, другой — стремя, когда тот слезал с лошади. Это был высокий мужчина с красивым смуглым лицом, верхнюю губу которого украшали тонкие усики. Он окинул надменным взором лагерь, задержал взгляд на Конане, приподнял удивленно бровь и презрительно фыркнул, затем продолжил осмотр. Конан подумал, приходилось ли этому человеку действительно когда-либо пользоваться украшенной драгоценностями саблей, висящей у него на боку.

— Ну, — сказал вдруг генерал, — где ваша хозяйка?

Арваний бросился вперед, на лице его читалась готовность принести многословные извинения, но голос Йондры заставил его резко остановиться.

— Я здесь, Зафанид. Но что столь блистательный генерал Заморы делает в такой дали от дворцов Шадизара?

Она подошла к генералу походкой кошки, и ее наряд вызвал возглас удивления даже у охотников. Мерцающий алый шелк, вышитый золотом и жемчугом, облегал каждый изгиб ее груди, живота и бедер, таких округлых и плотных, что даже у евнухов потекли бы слюнки.

Внимание Конана привлекала, однако, не одежда. Голову княжны украшала диадема из сапфиров и черных опалов, с одним огромным рубином, крупнее, чем последняя фаланга большого пальца мужчины, свисающим между бровей. Между ее роскошных грудей уютно устроился двойник того рубина, свисая с ожерелья тоже из голубых сверкающих сапфиров и черных опалов. Взгляд киммерийца отыскал Тамиру. Молодая воровка учтиво преподносила Зафаниду поднос с золотым кубком, хрустальным графином вина и сложенным мокрым полотенцем. Она, казалось, не замечала украшений, которые собиралась украсть.

— Ты красива, как всегда, Йондра, — сказал генерал, вытерев руки полотенцем и кинув его обратно на поднос. — Но эта красота могла бы стать украшением лачуги горца, если бы я не встретил человека по имени Элдран.

Йондра заметно напряглась:

— Элдран?

— Да. Бритунец. Охотник, как он сказал. — Генерал взял кубок, который Тамира наполнила ему, и, поблагодарив ее улыбкой, лишь пригубил его. — Я бы не поверил его рассказу о заморийской аристократке в этом Митрой покинутом месте, если бы не его описание. Женщина ростом с мужчину, с умопомрачительной красоты лицом и фигурой, неплохой стрелок из лука. И, конечно, прекрасные серые глаза. Тогда я, разумеется, понял, что это не кто иной, как ты...

Генерал закинул голову, чтобы начать пить.

— Он посмел описать меня так? Неплохой стрелок? — Она прошипела эти слова, но лицо ее залилось краской от «умопомрачительной красоты», а кулаки сжались от упоминания о цвете ее глаз. — Я надеюсь, вы крепко сковали этого Элдрана. И его сообщников. У меня... у меня есть основания считать, что они разбойники.

Конан широко улыбался. Она не из тех женщин, что легко переносят утверждения, что кто-либо в чем-нибудь их превосходит.

— Нет, — ответил Зафанид, бросив пустой кубок Тамире. — Он явно был тем, кем назвал себя, и он был один, так что я отпустил его, позволив идти своей дорогой. В любом случае ты должна быть благодарна ему за спасение своей жизни, Йондра. Горцы неспокойны, и это не место для твоих прогу-

лок. Я пошлю с тобой нескольких человек проводить тебя в Шадизар.

— Я не ребенок, чтобы мной распоряжались, — произнесла раздраженно Йондра.

Глаза генерала из-под тяжелых век оглядели ее формы, и ответ его прозвучал медленно:

— Ты определенно не ребенок, Йондра. Нет, конечно. Но все же тебе надо вернуться.

Йондра бросила быстрый взгляд на Конана. Неожиданно она стала мягче, голос сделался томным:

— Да, я не ребенок, Зафанид. Возможно, мы могли бы обсудить мои планы. Наедине в моем шатре.

Удивление на лице Зафанида сменилось выражением удовольствия.

— Конечно, — сказал он с масленой улыбкой. — Давай... обсудим твое будущее.

На лице Арвания можно было увидеть смесь отчаяния и ярости, когда он смотрел, как эта пара уходит в алый шатер. Конан просто набрал горсть камешков и принялся кидать их по одному вниз с холма. Телад сел на корточки рядом.

— Опять неприятности, киммериец, — сказал бритоголовый, — и я начинаю сомневаться, стоишь ли ты этого.

— При чем здесь я? — спросил спокойно Конан.

— Она делает это из-за тебя, глупый ты северянин.

— Она выбирает сама. — Он не мог признаться даже себе, что это заигрывание с Зафанидом ему тоже не нравится. — Она не первая женщина, выбравшая мужчину из-за богатства и титула.

— Но она не простая женщина. Я служил ей с тех пор, когда она была еще ребенком, и говорю тебе, что ты первый мужчина, бывший в ее постели.

— Я знаю, — сказал Конан, скрипнув зубами. Он не привык к тому, чтобы женщины его отвергали, ему это не нравилось, и он не хотел об этом говорить.

Из шатра донесся женский крик, и киммериец бросил еще один камешек. Губ его коснулась едва заметная улыбка. Арваний сделал шаг в сторону шатра, но затем остановился в нерешительности. Тамира, сидевшая у шатра, бросила беспокойный взгляд на Конана. Весь лагерь замер от неожиданности. Раздался еще один крик.

Телад вскочил на ноги, но Конан поймал охотника за руку.

— Посмотрю, нужна ли ей помощь, — сказал киммериец, выбросив горсть камней. Несмотря на спокойный тон его слов, первые шаги киммерийца были быстрыми, а когда он приблизился к шатру, ноги его уже перешли на бег.

Когда Конан нырнул под полог, все стало ясно. Йондра боролась среди подушек, ее платье было задрано выше округлых бедер, длинные ноги бились в воздухе, в то время как Зафанид уже почти лег на нее и теперь пытался снять свои штаны и осыпал поцелуями ее лицо. Кулачки княжны беспомощно колотили по спине и бокам генерала.

Рыча, Конан схватил воина за ворот золоченой кольчуги и сзади за штаны и поднял в воздух. Зафанид вскрикнул, затем начал ругаться и дергаться, хватаясь за саблю, но огромный киммериец легко отнес его к выходу и выбросил, как мешок, из шатра.

Конан задержался на мгновение, чтобы убедиться в том, что Йондра невредима. Украшения ее были разбросаны на подушках, платье было порвано и открывало одно плечо, но княжна испытывала скорее гнев, чем боль, одергивая шелковый подол. Затем киммериец последовал из шатра за Зафанидом. Генерал уже встал на колено, рот его кривился от ярости, и он выхватил саблю, когда появился Конан. Киммериец пнул его ногой. Разукрашенная сабля полетела в сторону,

Зафанид вскрикнул и схватился за кисть. Крик затих, когда кончик меча коснулся горла генерала.

— Остановись! — крикнула Йондра. — Конан, убери меч!

Конан медленно опустил клинок, но не вложил его в ножны. Обида была нанесена ей, и, по убеждению Конана, ее правом было распоряжаться жизнью Зафанида. Но он не спрячет оружия до тех пор, пока этот человек не будет мертв или не уйдет.

— Я доберусь до твоей головы, варвар, — прорычал Зафанид, с трудом поднимаясь на ноги. — Ты узнаешь, что бывает с теми, кто поднимает руку на заморийского князя.

— Тогда ты узнаешь, что бывает с теми, кто пытается... пытается грубо обращаться с заморийской княжной, — холодно произнесла Йондра. — Берегись, Зафанид, ибо тебя постигнет та же судьба, что и Конана, и выбор за тобой.

Зафанид выпучил глаза, и из уголка рта потекла слюна.

— Выдвигай какие хочешь обвинения, бритунийская потаскуха. В Заморе все знают, что ты тащишь мужчину к себе в постель, прежде чем принять его на службу охотником. Кто поверит, что такой, как я, прикоснется к такой девке, к такому куску...

Его слова повисли в воздухе, и он отпрянул, когда Конан снова поднял меч, но Йондра схватила массивную руку киммерийца, хотя и не могла обхватить ее пальцами обеих рук.

— Подожди, Конан, — сказала она нетвердым голосом. — Выбирай, Зафанид.

Смуглый генерал растер на подбородке слюну обратной стороной ладони и отрывисто кивнул.

— Это ты сделала выбор, Йондра. Оставь себе своего дикаря-любовника. Иди в горы и найди себе горца. — Прошагав до того места, где валялась его разукрашенная сабля, он схватил ее и всадил в ножны у себя на боку. — По мне, так можешь прямо отправиться в Девятый ад Зандру!

Конан довольно смотрел, как генерал гордо шагал к своей лошади. Зафанид может попытаться бросить Йондру на произвол судьбы, но слишком многие из его солдат знают, что он нашел ее. Попытку изнасилования легко можно скрыть — особенно если другие аристократы думают о Йондре так же, как и генерал, — но то, что он не смог удержать женщину от попытки войти в горы, действительно выставляет его мужское достоинство в невыгодном свете. По крайней мере, так, считал Конан, воспримет это происшествие человек из круга Зафанида.

Конан чувствовал, что с полной уверенностью может поспорить о том, что завтра явится войско с приказом доставить охотничью партию в Шадизар, не слушая того, что будет говорить Йондра.

Когда Зафанид и его знаменосец скакали с холма, к алому шатру подошел Арваний, и манера поведения его была одновременно и хвастливой и робкой.

— Моя госпожа, — сказал он басом, — если ты прикажешь, я возьму людей и сделаю так, что князь Зафанид не переживет этой ночи.

— Если я прикажу, — ответила Йондра ледяным тоном, — ты прокрадешься ночью и убьешь Зафанида. Конан не дожидался моего приказа. Он встал перед Зафанидом открыто, не боясь последствий.

— Моя госпожа, я... я умру за тебя. Я живу лишь ради тебя.

Йондра повернулась спиной к объятому страстью охотнику. Глазами она уперлась в широкую грудь Конана, будто боясь встретиться с ним взглядом.

— У тебя появляется привычка спасать меня, — сказала она тихо. — Я не вижу причин, по которым мы и дальше должны спать отдельно.

Арваний громко проскрипел зубами.

Конан ничего не ответил. Если его мысли о Зафаниде верны, то ему следует убраться из лагеря еще до исхода ночи, поскольку приказ генерала наверняка будет предусматривать смерть одного грубого северянина. Кроме того, он уже собрался уходить с Тамирой. Чтобы покинуть постель Йондры, потребуется давать нежелательные объяснения.

Высокая аристократка с дрожью вобрала в грудь воздух:

— Я не потаскуха из таверны, чтобы играть со мной. Я хочу получить ответ сейчас.

— Я не ради игры не сплю с тобой, — начал он осторожно и выругал себя за неумение быть дипломатом, когда увидел, что подбородок ее поднялся, а взгляд вспыхнул. — Давай не будем ссориться, — добавил он быстро, — пройдут еще дни, пока раненые вернут себе силы. Это должны быть дни отдыха и удовольствия. — «Дни дороги назад, в Шадизар», — добавил он про себя, но его надежду разрушил ее презрительный смех:

— Как ты можешь быть так глуп? Зафанида будет мучить мысль о своем мужском достоинстве и чести, которые он потерял здесь, затем он будет убеждать себя, что сможет избежать обвинений, которые я могу предъявить. Завтра явятся еще солдаты, Конан, без сомнения с приказом доставить меня назад в цепях, если я не пойду по-другому. Но им придется искать меня в горах. — Вдруг лицо ее сделалось спокойнее, а голос тверже. — Ведь ты не настолько глуп. Ты так же, как и я, понимаешь, что солдаты вернутся. Ты бы хотел подождать и посмотреть, как меня, будто сверток, увозят в Шадизар. Уходи, раз ты боишься гор. Уходи! Мне все равно! — Так же неожиданно, как она в свое время повернулась спиной к Арванию, теперь она снова обратилась лицом к распорядителю охоты: — Я собираюсь двинуться с первыми лучами, — сказала она человеку с орлиным носом, — и идти быстро. Весь груз должен быть брошен, кроме того, что могут нести вьючные животные. Раненые,

все, кто не может быть посажен верхом, должны вернуться вместе с повозками и быками. Их след, возможно, смутит на некоторое время Зафанида...

Пока она делала эти наставления, Арваний бросал через плечо на Конана взгляды, в которых к самодовольству примешивалось обещание скорой расправы. От этого человека будут неприятности. Будут, напомнил себе киммериец, если он останется среди охотников, а это никак не входило в его планы. И поскольку он твердо решил уходить, пора было начинать готовиться.

Конан медленно отошел от аристократки, раздающей команды. С деланной непринужденностью он прошел за кухонные костры. Толстый повар, хмуро склонившийся над изысканным блюдом для стола Йондры, даже не поднял взгляда и не посмотрел, как киммериец роется среди запасов. Когда Конан двинулся дальше, он под мышкой нес две плоские сумки с вяленым мясом. Незаметно оглянувшись, чтобы убедиться, что за ним никто не следит, он спрятал мясо под кустом терновника на краю лагеря. Вскоре он прибавил к нему четыре бурдюка с водой и полосатые шерстяные одеяла. Конан был приучен спать, имея для защиты от холода лишь накидку или даже без нее, но он не думал, что городская женщина, такая, как Тамира, может быть столь же закаленной.

С лошадьми надо подождать до самого последнего момента — их, безусловно, нельзя сейчас оседлать, не привлекая нежелательного внимания, — но он все равно направился к загону. Проще выбрать хорошую лошадь, пока еще светло. Большая черная, на которой он все это время скакал, подойдет для него; Тамире, однако, тоже нужна выносливая лошадь. Он намеревался продефилировать, не останавливаясь, вдоль всего ряда лошадей, чтобы не проявить цели своей прогулки, но, подойдя к длинноногой гнедой кобыле — как раз к такой, какую выбрал бы он для Тамиры, — невольно остановился. На земле со стороны головы кобылы лежало высокое седло, полный бурдюк и плотно завязанный кожаный мешок.

— Ночью, Тамира? — произнес он тихо. — Или пока я сижу и жду наступления темноты?

В его голове вдруг ясно возникла картина: рубины, лежащие на подушках в шатре.

Со спокойствием, которого он на самом деле не чувствовал

в себе, Конан зашагал по лагерю, отыскивая взглядом Тамиру. Опять лагерь был хлопотливым муравейником, и охотники носились, выполняя приказы Йондры. На мгновение аристократка приостановилась, глядя на Конана, будто желая заговорить или ожидая, что он что-то ей скажет, но, увидев, что он не замедлил шага, сердито отвернулась и принялась командовать подготовкой к завтрашнему утру. Конан нигде не видел Тамиры. Но это, подумал он мрачно, можно значить, что он еще не опоздал.

Конан знал, как бы он вошел в алый шатер, если бы решил украсть рубины тогда, когда весь лагерь на ногах. Он убедился, что никто не смотрит, и тихо скользнул за шатер Йондры. В задней стене была проделана длинная прорезь. Раздвинув ее на толщину пальца, он заглянул внутрь. Внутри на коленях стояла Тамира и рылась среди подушек. Тихо хихикая, она вытянула сверкающее ожерелье. В другой руке она сжимала тиару.

Конан беззвучно проскользнул в прорезь. Первое, что выдало Тамире его присутствие, была рука, зажавшая ее рот. Он обхватил ее другой рукой, прижав ее локти так быстро, что Тамира успела лишь промычать ему в ладонь. Он видел, как она выронила украшения, но этим и закончилось мгновение спокойствия. Тамира сделалась вдруг извивающимся, пинающимся, кусающимся свертком. К шатру приближались чьи-то шаги.

Тихо выругавшись, Конан нырнул снова со своей борющейся ношей в прорезь. За шатром, однако, никак нельзя было останавливаться, тем более тогда, когда кто-то собирался войти в него и когда Тамира вполне может закричать, что воровал он. Вполголоса, осыпая все на свете проклятиями, он лез вниз по каменистому склону, пока не нашел жесткий куст, который скрывал бы их от лагеря. Здесь он попытался поставить Тамиру на землю, но девушка яростно пнула его в щиколотку, камень подвернулся под ним, и Конан оказался на земле, подмяв под себя Тамиру, которая глядела на него, вытаращив от удара глаза.

— Ты, неповоротливый олух! — прошипела она через мгновение. — Ты что, хочешь переломать мне ребра?

— Я не сам себя пнул, — проворчал он. — Я думал, что мы договорились уйти ночью. Что ты делала в шатре Йондры?

— О рубинах ничего сказано не было, — ответила Тамира. — Я не передумала украсть их, не в пример тебе. Вероят-

но, — добавила она злобно, — то, что дает тебе Йондра, ты находишь более ценным, чем рубины, но, поскольку я не мужчина, я смотрю на это иначе.

— Йондра здесь ни при чем, — бросил он ей. — И не пытайся сменить тему. У тебя уже сейчас готова лошадь.

Тамира смущенно поворочалась под ним и отвела глаза.

— Я хотела быть готовой, — пробормотала она. — К ночи.

— Ты думаешь, что я такой дурак, — сказал киммериец, — что посчитаю тебя дурой? Седло не может до ночи остаться незамеченным. Но если кто-то намеревался украсть рубины и покинуть лагерь до того, как часы перевернули... У тебя ведь не было такого намерения?

— Тебя бы не обвинили. — Голос ее был таким, будто она извинялась. — Йондра не обвинила бы тебя, даже если бы обнаружила, что ее рубины в твоей сумке. А если бы и обвинила, так что ж: с тобой и этого мало сделать.

— Йондра, — сказал Конан. — Все время Йондра. Какое тебе дело до того, с кем я сплю? Мы с тобой не влюбленные.

Большие карие глаза Тамиры еще больше вытаращились. Щеки залила алая краска, и девушка долго шевелила губами, прежде чем сумела издать звук.

— Конечно, нет! — произнесла она, задыхаясь. — Как смел ты такое подумать! Дай встать! Слезь с меня, ты, бык! Дай встать, говорю тебе!

Свои слова она перемежала ударами кулачков, лупя его по плечам, но вдруг пальцы ее вцепились в волосы киммерийца, и она прижала свои губы к его губам.

Конан поморгал удивленно, но затем ответил на поцелуй, вложив в это столько же страсти, сколько вкладывала она.

— Не думай, что это убедит меня остаться, — проговорил он тогда, когда оторвался от нее, чтобы глотнуть воздуха.

— Если остановишься, — простонала она, — то тогда ты точно дурак.

Последний раз молча напомнив себе, что он не будет дураком, Конан прекратил разговоры, отбросил всякие мысли и переключился на удовольствия более простые и более сложные одновременно.

Глава 13

Он не дурак, еще раз сказал сам себе Конан, направляя лошадь по тропе, идущей по склону безымянного пика на самой границе Кезанкийских гор. Если он будет повторять это, то со временем может себя в этом убедить. Впереди и позади него растянулась охотничья партия, все на лошадях, со многими вьючными животными, направляясь в глубь владений горцев. Солнце едва взошло над горизонтом. Охотники вышли из лагеря среди холмов еще до того, как забрезжил рассвет. Повозки с быками и раненые уже, наверное, возвращались в Шадизар.

Погрузившись в свои мысли, Конан не заметил и теперь удивился тому, что Йондра отъехала в сторону и поджидает его. Он не говорил с княжной с тех пор, как она повернулась к нему спиной, но заметил, что сейчас она, по крайней мере, улыбается.

Она поехала рядом с Конаном. Тропа была достаточно широкой, чтобы две лошади могли идти рядом.

— Прекрасный день, правда? — сказала она радостно.

Конан лишь посмотрел на нее.

— Я надеялась, что ты придешь ко мне ночью. Нет, я обещала себе, что не скажу этого. — Она робко посмотрела на киммерийца сквозь опущенные ресницы. — Я знала, что ты не можешь меня оставить. Что ты... Я подумала... ведь ты из-за меня остался, правда?

— Да, — ответил он угрюмо, но она, казалось, не обратила внимания на его тон.

— Я это знала, — сказала она, и улыбка ее засияла еще больше. — Сегодняшней ночью мы раз и навсегда позабудем о прошлом. — С этими словами она поскакала вдоль линии охотников на лошадях, чтобы снова занять свое место впереди.

Конан низким голосом что-то бормотал.

— Что ей было нужно? — спросил Тамира, подъехав к Ко-

нану. Воровка сидела на той гнедой лошади, что выбрала себе для побега. Она посмотрела вслед аристократке взглядом, полным ревности.

— Ничего особенного, — ответил Конан.

Молодая воровка презрительно пробурчала:

— Она, вероятно, думает, что ты здесь благодаря ее прелестям, которые она так любит выставлять напоказ. Но ты ведь остался ради меня, правда?

— Я остался ради тебя, — сказал ей Конан. — Но если ты не хочешь узнать, как Йондра обращается с плеткой, тебе лучше не разговаривать со мной слишком часто при ней.

— Пусть только попробует.

— Значит, ты собираешься объяснить ей, что ты не служанка Лиана, а воровка Тамира?

— Если бы она встретилась со мной в честной драке, — начала хрупкая женщина, вскинув голову, затем остановилась, рассмеявшись. — Но от тебя мне нужны не разговоры. Разговоры пусть достанутся ей. До ночи, Конан.

Конан тяжело вздохнул, когда Тамира отъехала. Перед ним стояла нелегкая задача, и все из-за того, что он не мог позволить женщине, делившей с ним постель, — тем более двум женщинам, — отправиться в Кезанкийские горы, когда сам он будет скакать назад в Шадизар. Он полагал, что те, кто называют себя цивилизованными людьми, а его варваром, спокойно могли бы это сделать. Он, однако, на это не был способен, и честь заставляла его думать, что он сможет вывести обеих женщин невредимыми из гор. Конечно, он понимал, рано или поздно женщины узнают друг о друге. И тогда, он был уверен, ему лучше будет встретиться со всеми кезанкийскими горцами, чем с этими двумя разъяренными тигрицами.

Мысль о горцах вернула его к настоящему.

Если он не будет начеку, они могут даже войти в горы, не говоря уже о том, чтобы из них выйти. Конан оглядел крутые бурые склоны вокруг, на которых ветер и жесткий климат высекли странные узоры. Он осмотрел зазубренные пики впереди. Ему не удалось обнаружить никаких признаков жизни, однако ветерок донес до него какой-то звук, тихий, но тревожащий. Звук этот донесся сзади.

Конан развернул лошадь, чтобы посмотреть назад, и почувствовал, как на голове зашевелились волосы. Вдали, у подножия

гор, бушевала битва. Он мало что мог разглядеть, кроме пыли, поднимающейся клубами от холмов, и маленьких фигурок людей, копошащихся, будто муравьи, однако в какое-то мгновение он увидел — Конан мог в этом поклясться — заморийский штандарт на вершине холма. Затем штандарт сорвали и растоптали люди в тюрбанах. Почти все остальные фигурки, насколько он мог разглядеть, были тоже в тюрбанах.

— В чем дело? — крикнула Йондра, скача назад. Ей пришлось с трудом прокладывать путь через толпу охотников, сгрудившихся за Конаном. — Почему остановились?

— Там битва, моя госпожа, — сказал Телад, приставив ладонь козырьком, чтобы смотреть вниз. — Не могу определить, кто сражается.

— Горцы, — сказал Конан. — Судя по тому, что видно, горцы расправляются с частью заморийской армии.

— Ерунда! — бросил Арваний. — Армия смела бы любую толпу горцев. К тому же племена не собираются в таком количестве, и... и... — Слова его делались все тише, по мере того как он говорил, и он неловко закончил: — Невозможно на расстоянии разобрать подробности. Там может сражаться кто угодно. Вероятно, это вообще не сражение.

— Вероятно, это народные пляски, — сказал сухо Конан.

Йондра коснулась его руки:

— Мы ничем не можем им помочь?

— Не можем, даже если бы у нас были крылья, — ответил огромный киммериец.

На лицах охотников, услышавших этот ответ, явно читалось облегчение, смешанное со страхом. Можно спокойно говорить о том, что, войдя в Кезанкийские горы, рискуешь испытать на себе гнев горских племен. Совершенно другое дело — увидеть этот гнев своими глазами, даже на расстоянии, и особенно тогда, когда разгневанных горцев было столько, сколько не встретить, даже если всю жизнь бродить по Кезанкийским горам.

Йондра оглядела по очереди лица, затем изобразила с трудом улыбку.

— Если внизу столько горцев, значит, в горах мы одни. — Слова ее мало повлияли на настроение охотников. Из-за склона горы появился ворон. — Смотрите, — сказала Йондра, вынимая лук, — если в горах остались несколько горцев, с ними

мы справимся так же легко. — Тетива просвистела, крылья ворона сложились, и птица камнем полетела вниз. Конану показалось, что княжна пробормотала что-то о бритунийце, когда засовывала лук на место в чехол. — Теперь поскакали, — приказала она и направилась вверх по тропе.

Постепенно охотники снова образовали за аристократкой колонну. Когда Тамира проезжала мимо Конана, она бросила на него тревожный удивленный взгляд. Вероятно, он все-таки действительно дурак, но уж такой он есть. Успокоив улыбкой молодую воровку, он присоединился к веренице всадников, взбирающихся на гору.

* * *

Элдран окинул взглядом четыре десятка человек, идущих за ним дальше в горы по полю, заваленному огромными валунами, и сказал:

— Сделаем привал.

— Давно пора, — отозвался круглощекий мужчина с длинными с проседью волосами, убранными со лба кожаным ремешком. — Мы начали скакать еще до рассвета, а я уже не так молод.

— Если скажешь мне еще раз о своих старых костях, Харал... — рассмеялся Элдран, и остальные присоединились к нему, хотя смех их и был натянутым. Возраст Харала и его полнота могли ввести в заблуждение, если бы не шрам на лице и если бы не знать, что волк, чьей шерстью была оторочена накидка, был убит им голыми руками. — Лишь краткий привал, — продолжал Элдран. — Горы мне эти не нравятся, и я предпочел бы поскорее сделать то, для чего мы сюда пришли, и наконец убраться отсюда.

Это остудило всеобщее веселье, чего и добивался Элдран. Смех был хорош для того, чтобы снять волнение — и, возможно, даже более чем волнение, — которое ощущалось ими с тех пор, как они вошли в горы, но им постоянно надо помнить, зачем и куда они пришли, если хотят уйти отсюда живыми.

Когда другие сели, легли или даже принялись ходить, разминая ноги, Элдран прилег, намотав на руку поводья. У него была собственная причина, не дававшая ему полностью сосредоточиться на цели, ради которой они пришли в Кезанкийские горы. Даже сквозь беспокойство, охватывающее его, будто под-

нимающийся от земли болезнетворный туман, постоянно, как только он ослаблял внимание, к нему пробивался образ высокой заморийской красавицы, в которой было столько надменности, что хватило бы и на два десятка царей. Но действительно ли она заморийка, думал он. Ее манеры — а княжна вела себя так, будто правила всюду, куда бы ни ступила ее нога, — говорили «да».

Но глаза... Будто утренняя дымка, задержавшаяся в ветвях дубов. Ни у одного из заморийцев никогда не было таких глаз — таких же серых, как и у него.

Он со злостью напомнил себе о своей цели — отомстить за брата и остальных попавших к кезанкийцам. А также за тех, кто погиб, защищая свои хутора от огненного зверя. Чтобы этот зверь не сеял больше смерть. Успех стоит того, чтобы даже и он сам, и все его люди погибли. В этом они все были согласны еще до того, как выйти из Британии.

Высоко над ними кружил ворон. Как и птица, подбитая им и Йондрой, подумал Элдран. Он со злостью вскочил на ноги. Неужели эту женщину никак не выбросить из головы? Ладно, он не позволит проклятой птице напоминать о ней. Британиец вынул лук из чехла, сделанного из волчьего меха.

— Элдран! — С площадки, лежащей выше на склоне, где не было валунов, ему отчаянно махал костлявый человек с острым носом. — Иди скорее, Элдран!

— Что там, Фюрдан? — отозвался Элдран, но он уже карабкался вверх по склону. Фюрдан не из тех, кто паникует по пустякам. Остальные члены отряда стали карабкаться следом.

— Там, — сказал костлявый, взмахнув рукой, когда Элдран поравнялся с ним.

Элдран сложил ладонь вокруг глаз, чтобы лучше видеть, но разобрать можно было лишь бурлящую пыль и копошащихся людей внизу на холмах.

— Горцы, — произнес наконец Элдран.

— И заморийцы, — добавил Фюрдан. — Я видел, как упало знамя их генерала.

Элдран медленно опустил руки.

— Прости, Йондра, — проговорил он тихо.

— Возможно, солдаты еще не взяли ее с собой, — сказал Харал. — Возможно, мы видели других солдат.

Элдран покачал головой:

— Другие были дальше к западу. И я наблюдал за их лагерем до тех пор, пока генерал не отправился за ней.

— Заморийская девка, — презрительно бросил Фюрдан. — Полно хороших британийских женщин, которые только рады поваляться с... — Он замолчал под взглядом Элдрана.

— Не будем больше говорить о женщинах, — сказал Элдран. — Поговорим о другом — о чем следует говорить. Мы выследили зверя до этой земли, и здесь его следы уходят в горы. Камни губительны для человека, и в воздухе висит смрад враждебности. И пусть никто не говорит, что не почувствовал этого.

— А дальше ты будешь утверждать, что обладаешь даром провидца, — проворчал Харал, затем, посмеявшись, добавил: — Если ты не слишком сильно изменился с тех пор, как мы вместе с тобой купались, ты никак не можешь быть жрицей.

Никто не разделил веселья Харала; люди по-прежнему угрюмо смотрели на Элдрана, который продолжал:

— Не нужно быть провидцем, чтобы чувствовать смерть. Тот, кто последует за мной дальше, должен примириться с тем, что кости его останутся непомазанными. Я не буду думать плохо о тех, кто повернет назад, но сделать это надо сейчас.

— Ты поворачиваешь назад? — спросил тихо Харал. Элдран покачал головой. — Тогда, — сказал толстячок, — я тоже не поверну. Мне достаточно лет, чтобы самому выбирать место, где умирать, а это уже пора делать.

— Мой брат был с твоим братом, Элдран, — сказал Фюрдан. — Моя кровь так же кипит, взывая к мести, как и твоя.

Каждый по очереди заявил, что он пойдет дальше, и Элдран кивнул.

— Очень хорошо, — сказал он просто. — Что будет, то будет. Поехали.

Ворона больше не было, как видел он теперь, направляясь назад к тропе. Птица, предвещающая недоброе. Однако Элдран не чувствовал в себе радости оттого, что ворон улетел. Птица напомнила ему о Йондре, и независимо от того, жива они или нет, он не мог надеяться увидеть ее снова. Хотя ведь, подумал он мрачно, дальше в Кезанкийских горах воронам не будет числа, и им найдется чем поживиться.

Глава 14

Ималла Басракан расхаживал по отделанной дубом комнате, склонив голову так, будто пестрый тюрбан был слишком тяжел. Кроваво-красные одеяния ималлы разлетались в стороны от его раздраженных шагов. Столько забот свалилось на плечи, думал он. Дорога святости нелегка. Да и в соседнем помещении лежал еще один мертвый ворон. «Люди», — сказал он, прежде чем умереть. Но сколько и где? И две птицы убиты в течение всего лишь нескольких дней. Может быть, кто-нибудь знает о назначении воронов? Какой-нибудь враг? Другой тоже доложил о людях. Не о солдатах, птица могла отличить их. Но из-за неспособности птиц считать там может оказаться и десяток, и сотня. Это могут быть те же самые люди, которых видел мертвый ворон. Нужно усилить патрули и найти этих пришельцев, сколько бы их там ни было.

По крайней мере, птица, которую он послал сопровождать людей, направленных против солдат, доложила о победе. Об уничтожении. Но даже это прибавляло забот. Посланные им воины стоят сейчас лагерем, как сообщил ворон. Делят награбленное у мертвых и ссорятся между собой, без сомнения. Но они вернутся. Должны. Он дал им символ древних богов, и тем самым — победу.

Внезапно ималла снова ощутил истинную причину своего беспокойства, хотя в последние дни он всячески старался отогнать от себя эту мысль. Символ древних богов. Символ благоволения древних богов. Уже семь раз пытался он вызвать дракона, тщательно скрывая каждую попытку даже от глаз собственных последователей, и семь раз потерпел неудачу. В лагере нарастал ропот. И те, кого послал он за Огненными глазами, еще не вернулись. Неужели древние боги лишили его своего благоволения?

Скрестив руки на груди, он стал качаться с носка на пятку.

— Достоин ли я, о боги, своих праотцев? — простонал он. — Достоин ли я?

— То же самое спрашиваем и мы, ималла, — послышался грубый голос.

Басракан резко обернулся и увидел перед собой трех горцев. Он с трудом восстановил внутреннее равновесие. Когда ималла распрямился, двое бородатых мужчин отпрянули.

— Вы осмелились побеспокоить меня? — прогремел он. — Как вы прошли сквозь стражу?

Тот, что остался стоять на месте, — усы его были загнуты, как бычьи рога, — заговорил:

— Даже твоя стража сомневается, ималла.

— Тебя зовут Валид, — сказал Басракан, и у горца в глазах мелькнул страх.

Однако в этом не было колдовства. Ему докладывали, что этот Валид один из тех, кто сеет смуту, кто задает вопросы. Ималла мгновенно вспомнил описание этого человека. Он, однако, не подозревал, что эти разговоры доведут до такого. Но он был готов к любой случайности.

С видимым спокойствием ималла спрятал руки в длинных рукавах своего алого одеяния.

— И в чем сомневаешься ты, Валид?

Густые усы горца дрогнули, оттого что повторили его имя, и он оглянулся, ища поддержку у товарищей. Они оставались далеко за спиной и старались не встречаться глазами ни с ним, ни с Басраканом. Валид набрал в легкие воздуха.

— Мы пришли сюда — многие из нас, — потому что слышали, что древние боги благоволят тебе. Те, кто пришел раньше нас, рассказывают о сказочном звере, символе этого благоволения, но я не видел этого существа. Однако что я действительно видел, так это то, что горцев послали биться с заморийскими солдатами, которые всегда до этого резали нас, как баранов. И я еще не видел, чтобы эти воины вернулись.

— Это все? — спросил Басракан.

Его неожиданно мягкий тон явно поразил Валида.

— А этого недостаточно? — в свою очередь спросил усатый горец.

— Более чем достаточно, — ответил Басракан. Внутри рукавов он сжимал мешочки, приготовленные им лишь вчера, когда ропот среди горцев действительно начал его беспокоить.

Сейчас он радовался своей предусмотрительности. — Более чем достаточно, Валид.

Басракан выбросил руки из рукавов и обсыпал Валида порошком из одного мешочка. Когда порошок коснулся Валида, ималла правой рукой сделал таинственный жест и запел что-то на языке, мертвом уже тысячу лет.

Валид в ужасе глядел на свою грудь, пока продолжалась леденящая кровь песня, затем с криком ярости и страха схватился за рукоять кривой сабли. Но когда рука его коснулась металла, из каждой поры горца вырвалось пламя. Пламя охватило его, и одежда и волосы превратились в пепел. Гневный рев горца сменился пронзительным криком агонии, затем шипением кипящего жира. Черный дым повалил от лежащего мешка, который был когда-то человеком.

Другие два горца стояли до этого, выпучив от ужаса глаза, но сейчас один бросился к двери, а другой упал на колени, крича:

— Смилуйся, ималла! Смилуйся!

Двумя шагами Басракан настиг их и осыпал порошком и убегающего, и стоящего на коленях. Он сделал тот же жест длинными пальцами и снова запел. Один горец уже успел добежать до двери, когда пламя охватило его. Другой упал ниц и полз к Басракану, но и он вдруг сделался живым костром. Крики их длились лишь мгновение, сменившись пронзительным свистом, когда пламя пожирало кости.

Наконец и черный дым перестал идти. И лишь небольшие горочки темного маслянистого пепла на полу и копоть на потолке свидетельствовали о произошедшем. Ималла оглядел то, что осталось от его обвинителей, с удовлетворением, но оно скоро померкло, уступив место мрачной злости. У этих людей наверняка есть братья, дяди, племянники, десятки родственников-мужчин, которые, возможно, и побоятся выступить против Басракана открыто, но будут источниками дальнейшего недовольства. Некоторые могут пойти даже дальше слов. Всю жизнь горца занимала кровная вражда, от которой ничто не могло отвратить его, кроме смерти.

— Да будет так, — произнес ималла сурово.

С мрачным лицом и так спокойно, будто для выполнения этой задачи у него впереди целая жизнь, Басракан собрал образцы из каждой кучки, соскребая пепел в сложенные кусочки

пергамента костяным ритуальным ножом, четырежды освященным пред древними богами Кезанкийских гор. Пепел каждого трупа был пересыпан в массивную ступу, сделанную из грубо обработанного золота.

Движения колдуна ускорялись, по мере того как он добавлял все новые составные части, поскольку следовало торопиться. Измельченный в порошок глаз девственницы и светлячок, сердца саламандр и спекшаяся кровь младенцев. Жидкости и порошки, о составе которых он и сам не смел думать. Он перемешал смесь бедренной костью женщины, задушенной собственной дочерью, вращая ее двенадцать раз в одну сторону, произнося при этом тайные имена древних богов, имена, от которых стыл мозг в костях, и в воздухе висел морозный пар. Двенадцать раз в другую сторону. И вот это сделано, этот первый шаг, и золотая ступа была полна до краев черным порошком, который, казалось, клубился, будто дым.

Осторожно, так как теперь прикосновение к смеси было смертельным, Басракан отнес ступу на расчищенное место на полу из светлого камня. Там, обмакнув кисть из ресниц девственницы во влажную смесь, он тщательно выполнил на ровном камне рисунок. Это был крест, лучи которого, равной длины, были точно направлены на север, юг, восток и запад. К каждому лучу был пририсован круг с идеограммами древних богов внутри — тайные символы земли, воздуха, воды и огня. Рядом треугольник с вершиной, лежащей в месте пересечения линий, образующих крест, и в нем символ духов огня. Тот же знак был нарисован у каждой вершины треугольника.

Басракан постоял, глядя на свое творение, и дыхание его участилось. Он не поддастся страху, несмотря на то что внутри у него все сжалось, но задуманное им было опаснее всего того, что он предпринимал до этого. Ошибка на любом этапе, уже сделанная им или которую он еще сделает, — и действие ритуала обратится на него. Однако он понимал, что пути назад нет.

Он ловко пересыпал остатки порошка в серебряное кадило, подвешенное на серебряной цепочке. Обычным кремнем и огнивом ималла высек искру и поджег смесь. Аккуратно поставив ступни к основанию треугольника, он стал описывать кадилом замысловатые фигуры. Из серебряного шара поднимался дым, и по мере того, как душистые пары наполняли комнату, Басракан нараспев произносил заклинание все гром-

че. С каждым качанием кадила в воздухе хрустальным звоном повисало одно слово; повисали слова, которые даже ималла не мог слышать, поскольку они не предназначены для людских ушей и людской ум не может понять их.

Казалось, сам воздух вокруг ималлы тускло поблескивает. Дым от кадила начал сгущаться и падать на каменный пол, сверхъестественным образом притягиваясь к линиям рисунка. Басракан запел быстрее и громче. Слова отдавались глухим звоном, будто погребальный колокол, звонящий в глубине пещеры. Внутри свернувшихся канатами струек дыма, покрывающих теперь рисунок, возникло свечение, делающееся все жестче и жарче, пока не стало казаться, что весь огонь из недр земли был привязан к этим черным бурлящим канатам. От жара по худым щекам Басракана струился пот. Свечение сделалось ослепительным, а слова становились все громче, и от их ударов дрожали стены.

Вдруг Басракан прервал свое колдовство. Настала тишина, и в это мгновение свечение, дым и рисунок — все исчезло. Даже дым от кадила больше не шел.

Сделано, подумал Басракан. Его охватила усталость. Казалось, ослабли даже кости. Но то, что нужно, было сделано.

По телу ималлы пробежала дрожь, когда взгляд его упал на то, что оставалось от обвинявших его. На каждой кучке пепла, в которой сгорело все, что могло гореть, плясало бледное пламя. Оно погасло прямо у него на глазах. Он глубоко вздохнул.

Теперь причин бояться нет, скорее даже надо радоваться...

В комнату, задыхаясь, прорвался Джбейль, держась рукой за бок.

— Да будет... да будет... да будет...

— Ималла должен вести себя достойно, — бросил ему Басракан. Возвращается уверенность, возвращается вера, смыты остатки страха. — Ималла не бегает.

— Но лагерь, ималла, — сумел проговорить Джбейль, судорожно глотая воздух. — Огонь. Горят люди. Горят, ималла! Воины, старики, мальчики. Даже младенцы, ималла! Они просто вспыхивают, и их не потушишь ни водой, ни землей. Сотни и сотни их!

— Не так много, я думаю, — холодно ответил Басракан. — Сотня, вероятно, или даже две, — но не столько, сколько ты говоришь.

— Но, ималла, там паника.

— Я поговорю с народом, Джбейль, и успокою его. Погибшие принадлежали к осквернённому роду. Разве то, как они погибли, тебе ничего не сказало?

— Огонь, ималла? — проговорил неуверенно Джбейль. — Они разгневали духов огня?

Басракан улыбнулся, будто ученику, хорошо выучившему урок.

— Более чем разгневали, Джбейль. Более. И все мужчины их крови разделили с ними кару. — Он вспомнил одну мысль, слова, которые, казалось, были сказаны много дней назад. — Моя стража, Джбейль. Ты видел ее, когда пришел?

— Да, ималла. Когда шел к тебе. Двое, что стояли у твоей двери, направились по какому-то делу с ималлой Рухаллой. — Глаза его хитро сверкнули. — Они бежали, ималла. У Рухаллы мало достоинства. Меня же заставила спешить лишь срочность известия.

— Рухалле есть зачем спешить, — сказал Басракан так тихо, будто говорил сам с собой. Он вонзил в последователя взгляд, словно кинжал. — Рухалла повинен в смерти тех людей в огне сегодня. Он и те неверные стражники, бежавшие вместе с ним. Рухалла привел людей, чей род погиб сегодня, к ложной вере и скверным обычаям. — Так могло быть, думал он. Так должно было быть. Конечно, так и было. — Рухалла и бежавшие стражники должны быть приведены назад, ибо их ждет расплата за содеянное. — Мало что забавляло Басракана, но следующая мысль вызвала у него улыбку. — Их следует отдать женщинам, чьи мужья погибли сегодня от огня. Пусть потерявшие родственников осуществят свою месть.

— Повинуюсь, ималла, так все и будет. — Джбейль замер в низком поклоне и выпучил глаза. — Ай-й! Ималла, совсем забыл из-за этого огня и... — Басракан взглянул на него, и последователь, проглотив слюну, продолжил: — Вернулся Шармаль, ималла. Один из посланных за Огненными глазами, ималла, — добавил он, когда святой человек вопросительно поднял брови.

— Они вернулись? — спросил Басракан, и в его голосе слышалось возбуждение. — Огненные глаза мои! Хвала древним богам! — В нем сразу появилась надменность, и лишь в речи чувствовались переполнявшие ималлу эмоции. — Принеси камни мне. Немедленно, дурак! Ничто не должно было заста-

вить тебя позабыть о них. Ничто! И приведи сюда этих людей. Награда не покажется им малой.

— Ималла, — проговорил, колеблясь, Джбейль. — Шармаль вернулся один и с пустыми руками. Он лепечет, что остальные погибли, и еще что-то. Но в его словах мало смысла. Он... он безумен, ималла.

Басракан проскрежетал зубами и дернул за раздвоенную бороду, будто хотел выдернуть ее с корнем.

— С пустыми руками, — выговорил он наконец ледяным тоном. Он не может быть лишен желаемого. Он не будет лишен, — Что произошло, Джбейль? Где Огненные глаза? Я хочу это знать. Допросить этого Шармаля. Содрать с него кожу. Жечь до костей. Я хочу знать ответ!

— Но, ималла, — прошептал Джбейль, — этот человек безумен. Он под защитой древних богов.

— Делай как я приказал! — взревел Басра-кан, и последователь его отпрянул.

— По... повинуюсь, ималла, все так и будет. — Джбейль низко склонился и попятился к двери.

Столько событий за такой короткий промежуток времени. Но о чем-то он забыл. О чем-то.

— Джбейль! — Последователь замер. — В горах пришельцы, Джбейль. Их надо найти и доставить мне для принесения в жертву истинным богам. Да будет так!

Басракан указал рукой, и Джбейль почти побежал из комнаты.

Глава 15

Разобьем лагерь сейчас, — объявила Йондра, когда солнце все еще не вставало. Голос Арвания повторил ее приказ, и охотники послушно слезли с лошадей и принялись заниматься вьючными животными и своими лошадьми.

Конан вопросительно посмотрел на нее, и она ответила ему улыбкой.

— Когда охотишься на редкое животное, — сказала она, — надо стараться не пропустить место, где оно кормится. Разбив лагерь, мы будем искать его.

— Будем надеяться, что животное само не ищет нас, — ответил Конан.

Аристократка нахмурилась, но ничего не успела сказать, так как к ее стремени подбежал Арваний.

— Не послать ли следопытов прямо сейчас, моя госпожа? — спросил он.

Йондра кивнула, и то, как она поежилась от нетерпения, привлекло взгляды всех мужчин.

— Было бы прекрасно подстрелить добычу в первый же день. Да, Арваний. Пошли лучших следопытов.

Она с надеждой посмотрела на Конана, но он притворился, что не заметил ее взгляда. Он понимал в следах не хуже остальных охотников, но ему совершенно неинтересно было искать зверя, которого искала Йондра. Он хотел лишь, чтобы обе женщины невредимыми вернулись в Шадизар, а если отправиться сейчас со следопытами, то он не сможет предложить женщинам защиту. Лицо Йондры сделалось грустным, когда Конан не ответил, но распорядитель охоты злорадно улыбался.

— Чтобы быть следопытом, требуется большое искусство, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Моя госпожа, — он сделал рукой изящный жест, когда пятился, и, выпрямившись, прокричал: — Следопыты, на выход! Телад! Зурат! Абу! — Список его продолжался, и вскоре он сам и девять

других охотников бежали из лагеря в десяти разных направлениях. Они отправились пешком, поскольку едва заметный след, который следопыт должен уметь читать так же, как писец читает слова на пергаменте, совершенно теряется, если смотреть на него с лошади.

Когда следопыты ушли, аристократка принялась руководить разбивкой лагеря, а Конан отыскал себе место и уселся с бруском, тряпочкой и бутылкой оливкового масла. Меч требует ухода, в особенности когда ему вскоре должно найтись применение, а Конан был уверен, что его клинку не долго оставаться без дела. Нависшие со всех сторон горы не предвещали ничего доброго, сами камни, казалось, были пропитаны чем-то, от чего киммерийцу было не по себе. Брусок тихо скользил по клинку. Утро переходило в день.

Лагерь, решил Конан через некоторое время, был расположен так хорошо, как только это можно было сделать в таких условиях. Кривые деревца, скудно разбросанные по всем Кезанкийским горам, образовывали здесь некое подобие рощи, хотя и чрезвычайно жидкой. Она служила по крайней мере хоть каким-то укрытием.

Алый шатер Йондры, с которым ей никогда не приходило в голову расстаться, стоял между двух массивных гранитных валунов, а сзади был прикрыт бурой стеной обрыва. Других шатров не взяли с собой — чему киммериец был рад, — и одеяла охотников были разбросаны по два и по три во всех углублениях, где можно было укрыться. Лошадей привязали в длинной узкой яме, которую можно было не заметить, даже специально отыскивая ее. Человеку, незнакомому с местностью, лагерь покажется почти невидимым. Вся беда лишь в том, горько подумал Конан, что горцы более чем знакомы со своими горами. Беда обязательно случится.

Будто его мысль о беде послужила сигналом, прохладный горный воздух рассек некий звук, и Конан застыл, смазывая меч маслом. По рваным пикам эхом разносился пронзительный вой, заставляющий холодеть сердце. Киммериец никогда не слышал подобных звуков, во всяком случае не слышал, чтобы его мог издавать человек или какое-нибудь другое существо.

Не один киммериец был встревожен этим вызовом алчного охотника — ибо никто не сомневался в характере этого звука. Все люди приподнялись со своих одеял, обмениваясь тре-

вожными взглядами. Некоторые встали и прошли несколько шагов, осматривая крутые окружающие их склоны. Йондра подошла к пологу своего шатра и, наклонив голову, прислушалась. На ней была кожаная одежда: жилетка и штаны, как всегда плотно облегающие. Когда она убедилась, что звук не повторится, княжна вернулась в шатер.

— Что, будь трижды благословенно имя Митры, это было такое? — спросила Тамира, опускаясь на корточки рядом с Конаном. Она поправила короткую белую рубаху, чтобы сохранить приличие, и обхватила колени хрупкими руками. — Это, может быть, существо, за которым охотится Йондра?

— Не удивлюсь, если так и окажется. — Конан снова принялся смазывать клинок. — Мало пользы принесут те рубины, если закончить жизнь в желудке этого зверя.

— Пытаешься уговорить меня бежать, — ответила она резко, — и оставить тебе свободной дорогу к украшениям.

— Я уже сказал тебе, — начал было он, но Тамира перебила:

— Значит, дорогу к Йондре под одеяло.

Конан вздохнул и вложил меч в ножны.

— Прошлой ночью в моих объятиях была ты, а с ней я не сплю уже два дня. И я уже сказал, что пришел в эти трижды проклятые горы из-за тебя. Ты считаешь меня лжецом?

Она отвела глаза и посмотрела на гранитные вершины, окружающие их.

— Думаешь, следопыты найдут его? Я имею в виду зверя? Может быть, если не найдут, то мы уйдем из этих гор. Я вполне могла бы украсть рубины и по дороге в Шадизар.

— Я бы хотел, чтобы они ничего не нашли, кроме мозолей на пятках, — ответил Конан. Он вспомнил о полуобгорелом куске черепа с рогом. — Боюсь, что этого зверя не так легко убить, как считает Йондра. И ты не украдешь рубины.

— Значит, ты все-таки хочешь украсть их сам.

— Не хочу.

— Значит, хочешь спасти их для своей любовницы. Для Йондры.

— Яйца Ханнумана, женщина! Не перестанешь ли ты?

Тамира пристально посмотрела на него:

— Не знаю, хочу ли я, чтобы ты лгал, или нет.

— Что ты этим хочешь сказать? — спросил Конан, недоумевая.

— Я намерена украсть рубины, понимаешь, независимо от того, что ты говоришь или делаешь. — Голос ее сделался тверже. — Но если ты остался не ради рубинов, то, значит, ты остался ради меня. Или ради Йондры. Я сама не знаю, хочу ли точно выяснить, что тебе нужны были лишь драгоценности.

Конан откинулся спиной к валуну и принялся хохотать, пока не охрип.

— Значит, ты мне не веришь? — спросил он наконец.

— Я знала достаточно мужчин, так что сомневаюсь во всем, что бы вы ни говорили.

— Да ну? — воскликнул Конан, изобразив удивление. — Я бы мог поклясться, что я был первым мужчиной, которого ты знала.

Краска залила ее щеки, и Тамира вскочила на ноги.

— Только подожди, пока не...

Чем бы она ни угрожала, он все равно не услышал конца фразы, поскольку в лагерь явился Телад, еле дыша и опираясь на копье, как на палку. Охотники поспешили к нему, и киммериец оказался там первым.

Охотники сыпали градом слова:

— Ты нашел следы?

— Мы слышали громкий крик.

— Что ты заметил?

— Это, вероятно, было то, на что мы охотимся.

— Ты видел зверя?

Телад стянул с себя остроконечный шлем и покачал бритой головой:

— Я слышал крик, но не видел ни зверя, ни следов.

— Докладывай мне, — бросила ему Йондра. Охотники расступились, чтобы пропустить княжну. Ее нетерпение выдавало то, что в руке она держала лук. — Или я должна ждать, пока ты не расскажешь всем остальным?

— Нет, моя госпожа, — ответил Телад, смутившись. — Прошу прощения. Я видел армию, моя госпожа. Солдат.

Снова на охотника хлынул поток вопросов.

— Ты уверен?

— Из тех, что мы видели в сражении?

— Как они могли оказаться в горах раньше нас?

Йондра окинула собравшихся охотников взглядом холодных серых глаз, и поток затих, будто она хлестнула плетью.

— Где эти солдаты, Телад? — спросил Конан.

Йондра резко взглянула на него, но закрыла рот и ничего не сказала.

— Не будет и двух лиг к северо-востоку от нас, — ответил Телад. — Их ведет князь Тенерс. Я подобрался близко и разглядел его, хотя солдаты меня не видели.

— Тенерс, — проговорил Конан. — Я слышал о нем.

— Говорят, что он охотится за славой, — сказал бритоголовый охотник, — но, кажется, он хорошо знает, когда грозит опасность. Лагерь его так хорошо спрятан в ущелье с единственным входом, что я нашел его лишь чисто случайно. И я не видел, сколько с ним человек.

— Не меньше, чем с Зафанидом, — сказал Конан, — если правда то, что о нем говорят. Он человек, сознающий собственную важность, этот Тенерс.

Йондра вклинилась подчеркнуто спокойным голосом:

— Если вы двое закончили обсуждать армию, я бы хотела услышать о результатах того, ради чего и послала этого человека. Ты нашел следы, Телад, или нет?

— А, нет, моя госпожа, никаких следов.

— Остались еще девять, — сказала аристократка сама себе. — А что касается этих солдат, — продолжала она более естественным тоном, — им нет до нас дела, и нам нет до них дела. Не вижу смысла говорить о них дальше, или же о том, как им вообще вдруг может стать известно о нашем существовании. Меня все поняли?

Она властно заглядывала в лицо каждому охотнику по очереди, и каждый охотник неясно бормотал в знак согласия и принимался пристально изучать что-то у себя под ногами, пока очередь не дошла до Конана. Холодные лазурные глаза, не мигая, встретили ее взгляд, и на этот раз не выдержали серые глаза.

Княжна вновь посмотрела на Конана, но теперь сквозь длинные ресницы.

— Я должна поговорить с тобой, Конан, — проговорила она. — В шатре. Я... хотела бы посоветоваться насчет охоты.

Через плечо Йондры Конан видел, как на него пристально глядит, уперев руки в бока, Тамира.

— Может быть, попозже, — сказал он. Когда аристократка прекратила недоуменно моргать и посмотрела на него, он бы-

стро добавил: — В горах опасно. Мы не можем пренебречь ни одной парой глаз.

Прежде чем она успела что-либо сказать — а по искрам в глазах Конан видел, что сказать она хочет очень много, — он вернулся через весь лагерь на свое место за валуном.

Когда он снова уселся спиной к камню, то заметил, что обе женщины смотрят на него. И обе смотрят гневно. Старая поговорка оказывается верной, подумал он. Имеющий двух женщин не обладает ни одной. И ничего не приходило в голову, чтобы как-то помочь этому. Вздохнув, он принялся ухаживать за своей сталью. Некоторые говорят, что клинки имеют женский характер, но он никогда не видел, чтобы меч испытывал ревность.

Через уменьшающиеся промежутки времени начали возвращаться остальные следопыты. Этим Йондра не позволяла заниматься посторонними — для нее — делами и беседовать с другими охотниками. Она сама встречала каждого из них, как только он входил в лагерь, и взглядом удерживала остальных, до тех пор пока не заканчивала расспросы и не отпускала следопыта.

Один за другим следопыты возвращались, и один за другим докладывали о том, что было Йондре неинтересно. Один, который искал недалеко от Телада, нашел наушники от солдатского шлема. Другой видел горного барана с длинными витыми рогами. Йондра сердито повернулась к нему спиной, не дав даже договорить. Несколько следопытов видели горцев, и в таком количестве, которое заставило бы разумного человека насторожиться, но никто не нашел ни следов, ни чего другого, что говорило бы о присутствии зверя. Сероглазая аристократка каждого выслушивала и каждый раз отходила, нетерпеливо стуча луком о бедро.

Последним вернулся Арваний, прибежав в лагерь и опершись с самодовольной улыбкой о копье.

— Ну? — спросила Йондра, шагая к нему. — Ты тоже, полагаю, ничего не нашел?

Человек с орлиным носом был явно поражен ее тоном, но быстро пришел в себя и отвесил низкий поклон.

— Моя госпожа, то, что ты имеешь, даю тебе я. — Он, выпрямляясь, бросил на Конана дерзкий взгляд. — Я, Арваний, сын князя Анданеза, даю это тебе.

— Ты нашел? — Лицо ее вдруг радостно вспыхнуло. — Где, Арваний?

— Едва ли в лиге на восток отсюда. Я нашел отпечатки огромных когтей, размером с человеческую ладонь, и прошел по ним некоторое расстояние. Следы были оставлены сегодня, и никакое другое животное в этих горах не оставляет таких невиданных следов.

Весь лагерь, недоумевая, смотрел, как Йондра подпрыгнула и протанцевала еще три шага.

— Это он. Это он. Я осыплю тебя за это золотом, Арваний. Найди мне этого зверя, и я подарю тебе имение.

— Мне не нужно ни золота, — угрюмо сказал Арваний, сверкнув неожиданно черными глазами, — ни имений.

Йондра застыла, глядя на него, затем неуверенно отвернулась.

— Приготовить лошадей, — приказала она. — Я хочу посмотреть на следы.

Распорядитель охоты обеспокоенно посмотрел на нее.

Солнце, дающее в горах мало тепла, проделало от зенита половину пути на запад.

— Поздно начинать охоту. Утром с первыми лучами...

— Ты мне прекословишь? — бросила ему княжна. — Я не глупа, чтобы начинать охоту на опасного зверя тогда, когда близится ночь, но я желаю видеть следы. Сейчас! Двадцать человек. Остальным оставаться в лагере и готовиться к завтрашней охоте.

— Повинуюсь, моя госпожа, — проговорил Арваний. Он гневно посмотрел на Конана, когда Йондра повернулась к огромному киммерийцу и тихим голосом заговорила:

— Ты поедешь со мной, Конан? Я... я чувствовала бы себя в большей безопасности. — Неловкость слов и залитое краской лицо выдавали ложь. С явным усилием княжна добавила: — Прошу.

Ничего не сказав, Конан поднялся и направился к лошадям. Арваний прокричал распоряжения, и к киммерийцу присоединились другие. Закрепляя подпругу, Конан увидел Тамиру, с нарочитой непринужденностью ласкающую нос чалой лошади, стоящей рядом с его высокой гнедой.

— Ты поедешь со мной, Конан? — тихо передразнила она. — Я буду чувствовать себя в еще большей безопасности.

Она состроила гримасу, чтобы сплюнуть. Конан глубоко вздохнул.

— Я не хочу, чтобы какая-нибудь из вас погибла или оказалась рабой горца. Ты здесь будешь в большей безопасности, чем она там, так что я еду с ней.

Он влез в высокое заморийское седло. Тамира шагала рядом, когда он выезжал из ямы, в которой были укрыты лошади.

— Ты будешь там, — сказала она киммерийцу, — а также и она. Вы можете вернуться и обнаружить, что меня нет, Конан. И нет рубинов. Что задержит меня здесь?

— Как же, ты ведь будешь дожидаться меня, — сказал он, рассмеявшись, и ткнул лошадь пятками в бока. От плеча отскочил брошенный камень, но Конан не оглянулся.

Глава 16

Партия заморийских охотников вереницей пробиралась по разломам и ущельям, которые бороздили горы, будто морщины на старческом лице земли. Арваний ехал впереди, так как знал дорогу, а Йондра сразу за ним. Конан, в свою очередь, держался недалеко от аристократки. Если нужна будет защита, нельзя терять времени. Горы, казалось, злобно давили на людей со всех сторон даже тогда, когда проход раскрывался так, что могли ехать двенадцать или более человек в ряд.

Огромный киммериец постоянно оглядывал утесы и крутые склоны и с помощью инстинкта, притупившегося у цивилизованных людей, пытался обнаружить врагов. Он не видел никаких следов горцев, ничто не говорило его чувствам об их присутствии, но все же из камней сочилась угроза. Внешне Конан казался спокойным, но на самом деле он был как сухой трут, ждущий искры.

Вдруг в том месте, где каменные стены сходились и были круты, Арваний натянул поводья.

— Вот, моя госпожа, — произнес распорядитель охоты, указывая на землю. — Здесь первый след, который я нашел.

Йондра слезла с седла и стала на колени у небольшого глинистого участка. Там глубоко отпечатались два массивных когтя и часть третьего.

— Он больше, чем я думала, — проговорила она, проводя пальцем по отпечатку.

— Вот мы и посмотрели на следы, — сказал Конан. Ему казалось, что зловещий воздух сделался гуще. — Давай теперь вернемся в лагерь.

Арваний презрительно скривил губы.

— Ты боишься, варвар? Моя госпожа, дальше еще есть следы. Некоторые пропечатались полностью.

— Я должна их видеть, — воскликнула Йондра. Вскочив в

седло, она поскакала вперед, и Арваний, подхлестнув свою лошадь, помчался за княжной.

Конан обменялся с Теладом взглядом — судя по кислому лицу, бритоголовому это нравилось так же мало, как и киммерийцу, — затем они и все остальные двинулись следом.

Как бывало и раньше, узкий проход расширился. На этот раз он вывел в небольшое ущелье, возможно, в сотню шагов шириной, в крутых бурых стенах которого виднелись пять проломов. Конан с подозрением поглядел на эти отверстия. Какой бы враг ни скрывался там, он сможет напасть на них до того, как охотники успеют что-либо сделать. Любимой тактикой горцев была засада.

Внизу на земле было полно следов. Следы, ведущие туда и обратно, говорили о том, что зверь обследовал эти проломы. Всей колонне было не по себе: охотники нервно перехватывали копья либо тянулись руками к упрятанным в чехлы лукам, и лошади приплясывали и шарахались в сторону. Йондра вынула лук, слезла с седла у следа, на который показывал ей Арваний, и, прежде чем встать на колени, вложила в лук стрелу. Человек с орлиным носом нахмурился, глядя на землю и едва удерживая свою лошадь на месте.

Конан поймал себя на мысли, что обеспокоен выражением лица Арвания. Ведь Арваний уже видел и это ущелье, и эти следы. Из-за чего же он нахмурился?

У огромного киммерийца перехватило дыхание. Разве только следов стало больше?.. Если это так, то надо немедленно уходить.

Конан открыл было рот, но тут воздух рассек пронзительный вой, от которого у людей похолодела кровь, а лошади встали на дыбы. Лошадь Йондры вырвала поводья из рук хозяйки и понеслась, раздув ноздри и бешено вращая глазами, оставив аристократку стоять подобно ледяной статуе. Киммериец с трудом развернул гнедую.

— Кром, — проговорил он среди воя, наполнившего воздух.

В ущелье входило чудовищное существо, огромное, на массивных ногах. В свете заходящего солнца блестела золотая чешуя, а на спине виднелись черные кожистые наросты. Крепкие когти рыли камень. Широкая голова запрокинута назад, разверзлась пасть, полная кривых зубов, будто обломки камня, и снова раздался пронзительный вой.

Охотники уже много раз до этого встречались со смертью, и если раньше она и не представала перед ними в таком облике, то все же не была для них чем-то неизвестным. Когда этот злобный вой прекратился, они принялись действовать и, борясь с полу взбесившимися лошадьми, рассредоточились и окружили чудовище.

Охотник, находившийся ближе всех, опустил копье и бросился вперед. Послышался звук, будто сталь ударилась о камень, и всадник вылетел из седла. Огромная голова опустилась, и из зияющей пасти с ревом вырвалось пламя.

Крик человека и лошади слился воедино, и они были заживо изжарены.

У остальных охотников вырвался крик, но они уже начали атаку. Наступали с обеих сторон.

Даже если бы они хотели свернуть, зверь не дал им такой возможности. Двигался он быстрее леопарда, разбрасывая по земле кровавые ошметки, которые были когда-то людьми, кромсая челюстями охотников и лошадей. Копья ломались о сверкающую чешую, как солома, и крики умирающих заглушали все, кроме мыслей, а в мыслях охотников царил страх.

Конан скакал сквозь этот водоворот верной смерти. Он низко нагнулся, чтобы подхватить с окровавленной земли несломанное копье.

Большие золотые глаза, думал он. Глаза должны быть уязвимы. Или длинные темные наросты на спине...

Он заставил лошадь повернуть — она изо всех сил пыталась бежать подальше от этого ужаса, — и от вида, представшего перед ним, киммериец содрогнулся, как не содрогнулся даже услышав крик зверя.

Йондра стояла всего в десяти шагах от головы чудовища. Когда он глядел на нее, из лука вылетела стрела. Стрела ударила прямо в злобный золотой глаз. И отскочила.

Зверь кинулся вперед, пытаясь схватить княжну когтями. Она отчаянно отпрянула, но кончик одного когтя зацепился за шнуровку красной кожаной жилетки, и княжна повисла в воздухе прямо напротив глаз твари. Не обращая внимания на льющуюся вокруг кровь, крики, вопли людей, зверь, казалось, разглядывал девушку.

Дрожь ужаса пробежала по телу Конана. В этих глазах проглядывал свет разума.

Но даже если это чудовище и обладало разумом, то слишком нечеловеческим и непонятным людям.

Он не видел в красивой женщине ничего, кроме жертвы. Пасть, полная зубов, открылась, и Йондра была подтянута ближе. Конан поднял копье.

— Кром! — проревел он и ударил лошадь в бока пятками.

Наконечник копья он направлял на кожистый нарост. Киммериец плотно сжал коленями лошадь, приготовившись к удару, который, как он видел, выбил других из седла, но все равно сила удара оказалась чудовищной, и даже лошадь упала на колени.

С гибким изяществом и ослепительной скоростью зверь развернулся и ударил Конана лапой, в которой болталась Йондра. У киммерийца захватило дух, когда его подбросило в воздух. Последние силы вышиб удар о каменную почву.

Конан отчаянно попытался вздохнуть, заставить онемевшие мускулы работать, перекатился на четвереньки и поднялся на ноги.

Йондра, корчась, лежала на спине рядом с ним, обнаженные груди вздымались с каждым трудным вздохом.

Кожаная жилетка Йондры по-прежнему была в когтях, но зверь переместил свое внимание на киммерийца. То, что осталось от лошади Конана, лежало теперь под тварью, и из зубастой пасти падали куски мяса.

Понимая бессмысленность этого жеста, Конан выхватил свой старинный меч. Сталь не оставляла следа на небьющихся пластинах чешуи. У Конана и налегке не хватит скорости, чтобы увернуться от атаки твари, тем более не сможет он этого сделать, если будет нести Йондру, но он не мог ее оставить. Однако он не погибнет без боя.

— Эй, Конан! — Нетвердо держась в седле, сзади к зверю подскакал Телад. Кольчуга на груди была порвана, и он истекал кровью, но крепко сжимал копье. — Оттащи ее, северянин! — Ударив в бока лошади каблуками, он ринулся вперед.

Тварь развернулась, блеснув переливающейся чешуей.

— Нет! — крикнул Конан.

Бритоголового охотника охватило пламя, и зверь прыгнул, чтобы растерзать обгорелое мясо.

Киммериец не мог позволить, чтобы жертва Телада пропала даром. Вложив меч в ножны, он схватил Йондру в охапку и

бросился в узкий проход, преследуемый звуком дробящихся костей.

Когда за спиной уже не слышно было жуткого скрежета, Йондра пошевелилась в его руках.

— Я не хотела, чтобы они погибали, — прошептала она. Глаза ее были переполнены ужасом.

— Ты хотела поохотиться на зверя, — сказал он, не замедляя шага.

При других обстоятельствах Конан задержался бы, чтобы поискать оставшихся в живых, но сейчас он думал лишь о том, чтобы поскорее унести Йондру как можно дальше от кошмарной сцены, вернуть ее в относительную безопасность лагеря.

Йондра плотнее прижалась к его широкой груди, будто укрываясь от бури за огромным валуном.

— Телад отдал за меня свою жизнь, — проговорила она, дрожа. — Я правда не хотела этого. Конан, что мне делать?

Конан тут же остановился, а девушка сжалась у него в руках, будто прячась от взгляда ледяных глаз.

— Уйти из гор, — сказал он резко. — Вернуться в Шадизар. Забыть о звере и всегда помнить о людях, погибших из-за твоего каприза и тщеславия.

Высокомерное лицо княжны вспыхнуло гневом. Кулачок поднялся, но вдруг бессильно опустился. По щекам потекли слезы.

— Так и сделаю, — прохныкала она. — Клянусь перед всеми богами.

— Этим не отплатить за жертву Телада, — сказал киммериец, — но это, по крайней мере, значит, что ты ценишь его поступок.

Она нежно коснулась щеки Конана.

— Я никогда раньше не хотела, чтобы мужчина управлял мной, но ты почти заставил меня... — Белые зубки прикусили полную нижнюю губу, и княжна опустила глаза. — Ты вернешься со мной в Шадизар? — спросила она тихо, снова пошевелившись в его руках, но на этот раз так, чтобы киммерийцу были хорошо видны ее полные округлые груди.

— Возможно, — ответил он и снова пошел, полностью сосредоточив свое внимание на изгибах ущелья и неровностях под ногами. Лишь глупец отказал бы такой женщине, какую он нес сейчас на руках. И лишь глупец пренебрег бы советом,

который он только что дал ей. Но Телад сделался другом, и жизнь свою он отдал и за него тоже, как и за нее.

Кодекс чести киммерийца требовал, чтобы Телад, отдавший свою жизнь за киммерийца, был отмщен, но также кодекс требовал, чтобы он проводил Йондру и Тамиру в безопасное место. Второе выполнить было намного легче. Как, думал он, можно убить зверя, которому не причиняет вреда сталь? Так что не удивительно, что он не обращал внимания на прелести, выставленные Йондрой.

Глава 17

Тамира была первой, кого увидел Конан, войдя в лагерь с полуголой аристократкой на руках, и солнце к этому времени кровавым шаром висело над кромкой гор. Воровка, уперев руки в бока, желчно глядела на то, как к нему прижимается Йондра. Затем Йондра обернулась, открыв свое заплаканное лицо. Челюсть Тамиры отвисла, и девушка бросилась в красный шатер за халатом.

Конан поставил Йондру на ноги, и Тамира завернула ее в мягкую синюю шерстяную ткань. Когда Конан выпустил княжну из рук, она повалилась на камни.

Тамира опустилась рядом с ней, положила ее голову себе на плечо и взглянула на киммерийца.

— Что случилось? — спросила она.

— Мы нашли зверя, на которого она охотится. Охотилась. Кто-нибудь еще вернулся?

Темные глаза Тамиры расширились от страха, и воровка помотала головой.

— Никто. Они... Они ведь не могли все погибнуть?

— Конечно, нет, — ответил Конан. Он бы очень удивился, увидев еще кого-нибудь живым, но не стоило еще больше пугать девушку. Лучше найти ей работу, чтобы отвлечь от тяжелых мыслей. — Позаботься о ней, — сказал он Тамире, — она почти не переставая плачет.

— Не удивительно, — ответила Тамира, — если о ней заботился ты.

Она увела не сопротивляющуюся аристократку в шатер, оставив Конана стоять разинув рот.

Он никогда не научится понимать женщин, решил киммериец. Никогда. Затем он заметил, что вокруг него собрались оставшиеся в лагере охотники и обеспокоенно смотрят на него.

«Они ждут от меня приказов», — понял вдруг с удивлением Конан.

Он решительно изгнал из головы все мысли о женщинах.

— На рассвете, — сказал он охотникам, — мы возвращаемся в Шадизар. Но прежде мы должны дожить до этого. Сегодня ночью никто не спит, если только не хочет проснуться с перерезанным горлом. И никаких костров. Раздать все запасы.

Охотники как можно скорее принялись за дело. Все стрелы поделили между собой. Три колчана на человека. И каждый получил по дополнительному копью, а также бурдюк с водой и сумку с вяленым мясом. Несколько трусов может убежать с имеющимися у них запасами, но Конан не хотел обрекать на смерть остальных, если потребуется бежать всем.

Нападения горцев можно было ждать в любое время и отовсюду, кроме как со стороны утеса, у которого стоял шатер Йондры. Даже если первая атака будет отбита, они не могут оставаться здесь при свете дня, на виду, будто жуки, приколотые булавкой.

Они попытаются отступить, после того как на них нападут или во время атаки, если врага не удастся отбить. И если они окажутся на грани поражения, каждому самому придется заботиться о своей судьбе.

Хуже всего будет, если нападет зверь. Обходя в сумерках охотников, Конан каждому напоминал:

— Не пытайтесь драться со зверем. Если он появится, бегите и надейтесь, что ваши боги вас не оставили.

Конан сел на корточки недалеко от шатра Йондры. Если произойдет худшее, другим придется думать только о себе. Ему надо быть рядом с женщинами, если он хочет спасти их.

Шорох камней сообщил, что подходит Тамира, и киммериец подвинул два копья, чтобы дать ей место.

— Она спит, — сказала хрупкая женщина, устало садясь на землю рядом с киммерийцем. — Она вымотала себя слезами. И кто будет удивляться этому, после того как она увидела такое.

— Это случилось по ее приказу, — сказал Конан тихо, — и из-за ее тщеславия. Тот бритунец говорил ей о звере, и я рассказывал ей о том, что узнал о нем.

— Ты жестокий мужчина, киммериец. Жестокий, как эти горы.

— Я мужчина, — ответил он просто.

Некоторое время Тамира молчала. Но наконец произнесла:

— Йондра говорит, что ты возвращаешься в Шадизар с ней.

Конан простонал:

— Кажется, она слишком много говорит для женщины на грани нервного истощения.

— Она собирается устроить во дворце для тебя покои.

— Смешно.

— Она хочет разодеть тебя всего в шелк и надеть на руки золотые браслеты, чтобы подчеркнуть мускулы.

— Что? — Ему показалось, что он слышит рядом с собой в сгущающейся темноте смешок, и Конан гневно посмотрел на девушку.

— Радуешься шуткам? — прорычал он. — Не вижу в них ничего смешного.

— Ты был и ее первым мужчиной, Конан. Ты не знаешь, что это значит для женщины, но я-то знаю. Она любит тебя. Она спросила меня, есть ли еще такие мужчины, как ты. Она даже сравнила тебя с Элдраном — с тем бритунийцем. Она сделала вид, что забыла его имя, но на самом деле помнит его.

Что-то в голосе Тамиры удивило его.

— Митра выдери мои глаза, если тебе не жаль ее. — В голосе его было недоумение.

— Она меньше меня знает о мужчинах, — сказала, словно защищая княжну, хрупкая воровка. — Трудно быть женщиной среди мужчин.

— Без женщин было бы труднее, — произнес он сухо, но Тамира ткнула его кулаком в бок.

— Вот твоих шуток я не понимаю, — начала она, но он прикрыл ей рот ладонью.

Конан прислушался, не раздастся ли звук, который он уже слышал раньше. Вот. Чиркнуло копыто — неподкованное копыто — о камень.

— Иди в шатер, — прошептал он, подталкивая Тамиру в нужном направлении. — Разбуди ее, и будьте готовы бежать. Быстрее!

В это мгновение ночь рассек крик:

— Да будет воля истинных богов! — И на лагерь стремительно хлынула орда горцев на косматых лошадках, и в бледном свете луны замелькали сабли.

Конан взял копье и метнул его в ближайшую цель. Пронзенный наездник в тюрбане вскрикнул и свалился с несущейся

лошади. К киммерийцу подскакал другой всадник, громко призывая своих богов и размахивая сталью. У Конана не было возможности бросить второе копье. Он упал на живот и ударил древком, будто дубиной, по ногам несущегося животного. Послышался резкий хруст, и всадник вместе с лошадью кубарем покатились по земле. Пока горец не успел подняться, Конан всадил ему в грудь копье на целый локоть. Всюду вокруг киммерийца звенела сталь. Люди выкрикивали боевые кличи, издавали предсмертные хрипы.

В этом смертоносном кровавом урагане отточенные чувства дикаря предупредили Конана об опасности. Выдернув копье, он развернулся и успел защититься от удара кривой сабли. Он ловко обвел копье вокруг клинка сабли и всадил наконечник в горло нападавшему. Умирая, горец обеими руками вцепился в оружие, убившее его. Лошадь убежала из-под горца, и, падая, он вырвал копье из рук Конана.

— Конан! — Сквозь шум до ушей киммерийца долетел крик Тамиры. — Конан!

Конан отчаянно принялся отыскивать глазами хрупкую воровку... и нашел, когда горец уже поднял ее за волосы к своему седлу. Оскалясь, бородатый горец, дразня девушку, приставил ей к горлу клинок сабли. Одной рукой Тамира пыталась отвести острое, как бритва, лезвие, в то время как другой вцепилась в одежду горца.

Конан выхватил меч. Двумя прыжками он добрался до Тамиры; голова горца откинулась назад, а рот открылся, когда меж ребер гладко вошел меч киммерийца. Безжизненные пальцы выпустили волосы Тамиры, и Конан поймал девушку, когда она падала. Дрожащие руки обвили его шею, она тихо всхлипывала, прижавшись к его груди.

Лошадь с трупом на спине поскакала дальше, а Конан за несколько мгновений понял все, что происходило в лагере. Сражение шло плохо, поскольку сейчас оно уже почти прекратилось. В лагере осталось мало воинов в тюрбанах, да и те были заняты тем, что грабили убитых и глумились над ними. Кровожадные крики, доносящиеся из темноты, говорили о том, что горцы рассредоточились, преследуя бежавших охотников. Шатер Йондры был в огне.

Огромный киммериец похолодел. У него на глазах рухнули остатки шатра, подняв кучу искр. Если Йондра там, у нее нет

надежды на спасение. Киммериец надеялся, что княжны там не было, но помочь ей он сейчас не мог. У него уже есть одна женщина, и нет времени для второй.

Нагнувшись и подхватив Тамиру под колени, он бросил ее на спину, как мешок. Сквозь не прекращающийся плач она попыталась слабо протестовать. Никто из горцев, кромсавших трупы, не обратил внимания на мускулистого молодого человека и его стройную хрупкую ношу, когда он растворялся в ночи.

Будто дух, Конан двигался от тени к тени. Одна лишь темнота, однако, не может быть щитом, подумал он. С затянутого облаками неба перламутровая луна роняла мало света, но достаточно для того, чтобы зоркий глаз различил движение, да и короткая белая рубаха Тамиры не улучшала положения. Повсюду в окутанных темнотой горах раздавались звуки ударов копыт и крики рыщущих горцев. Они искали, и если дать им время, обязательно найдут.

Киммериец не останавливался, он шел все дальше от звуков, издаваемых горцами, и глаза его постоянно искали укрытия. Линия более глубокой черноты на общем темном фоне привлекла его внимание. Он пробрался к ней и обнаружил горизонтальную трещину в скальной стене.

Она была достаточно широкой, чтобы туда пролезла Тамира, и достаточно глубокой, чтобы она там спряталась и оставалась скрытой для любого, если только он не засунет в трещину руку.

Спустив девушку со спины, он помог ей забиться в щель.

— Сиди тихо, — сказал он Тамире, — и не двигайся. Вернусь как можно скорее. Слушайся меня, женщина!

— Он... он собирался убить меня, — всхлипывала она. — Он с-смеялся.

Она вцепилась в киммерийца, но он нежно убрал ее руки со своих плеч.

— Все позади. Ты в безопасности, Тамира.

— Не оставляй меня.

— Я должен найти Йондру. Сиди здесь, пока я не вернусь, а потом мы все втроем выберемся из этих гор. — Он думал, что слова его звучат уверенно, — во всяком случае, в голосе ощущалось больше уверенности, чем было на самом деле, но девушка забилась от него в трещину в скале.

— Тогда иди, — сказала она мрачно. Он не видел лица Та-

миры, но слезы, казалось, вдруг высохли. — Ладно. Иди, если хочешь.

Конан стоял в нерешительности, но Йондру все-таки нужно найти, и он не знал еще, живой или мертвой. Здесь Тамира будет в безопасности до его возвращения.

— Я скоро вернусь, — сказал он и растворился в темноте.

* * *

Тамира выглянула из щели, но, хотя в темноте она видела как кошка, она не разглядела ничего. Конан исчез. Она снова залезла в трещину.

Ее чуть было не убили, дразнили саблей, а он ушел к той, другой, когда должно быть ясно видно и слепому, что ей необходимо его утешение, его объятия.

Хотя разве не все мужчины слепцы? Это несправедливо, что он производит на нее такое большое впечатление, в то время как самому ему нет до этого дела. Когда-то она могла спокойно и логично рассуждать о каждом мужчине. Когда-то — это было, кажется, сто лет назад — до того, как она позволила молодому киммерийскому великану... Даже одна и в темноте она покраснела от этой мысли.

Она не будет о нем больше думать, решила Тамира. Она подползла к краю щели и снова попыталась вглядеться в темноту, но это было бесполезно — то же самое, что смотреть сквозь крыло ворона.

В горах завывал ледяной ветер, и она поджала колени, с горечью заметив, как мало тепла дает ей короткая рубаха.

Куда же он все-таки ушел? Искать Йондру, как он заявил, но как собирается он искать ее ночью? И жива ли вообще аристократка? Шатер был весь в огне, вспомнила Тамира. Там ничего не могло остаться. Разве только... железные ларцы с украшениями Йондры.

Глаза Тамиры радостно загорелись, и она прикусила губу, чтобы сдержать смех.

— Пускай поищет Йондру, — прошептала она. — Он вернется и обнаружит, что я ушла. Ушла из гор, прихватив рубины.

С ловкостью кошки она выкатилась из трещины и приземлилась на ноги. Холодный ветерок обтянул на ней рубаху. Какое-то мгновение Тамира стояла в нерешительности из-за цвета рубахи.

— Да, но я же не могу пойти голой, — сказала она наконец, но тут же захлопнула рот. Теперь нельзя издавать ни звука.

Она тихо скользнула в темноту, двигаясь так ловко и неслышно, как только умела. Неважно, что говорят в Шадизаре, в тавернах Пустыни о Конане, в городе все-таки лучший вор она.

Ее остановил звук, сапоги, ступающие по камням, и она пожалела, что с ней нет ее ножей. Кто бы это ни был, подумала она с презрением, он очень неловок. Она беззвучно пошла прочь от того, кто не умеет ходить по камням... и ее придавили грязные тела воинов в вонючей одежде.

Она пиналась, отбиваясь от ругающихся мужчин, окруживших ее, и била их, пока кисти ее рук не схватили и не сжали, будто тисками. Тело ее ощупывали грубые руки. Она увидела бородатое лицо, безжалостное и жестокое, и занесенный кривой кинжал. Крик застыл у нее в горле. Столько мужчин, чтобы убить одну женщину. Это несправедливо, подумала она тупо. Рубаху ее схватили у горла и разорвали до пупка.

— Смотри! — заорал грубый голос. — Как я и говорил. Женщина, и молодая.

Жестокое лицо не изменило выражения.

— Женщина с равнины! Сосуд похоти и разврата!

— Даже если так, — сказал третий человек, — вспомни приказы ималлы. И вспомни о судьбе Валида, прежде чем решишь ослушаться.

При этих словах человек с жестоким лицом заморгал и нахмурился.

— Отведите меня к ималле, — проговорила Тамира. Она знала, что имя «ималла» носили среди горских племен святые люди. Святой человек, конечно, защитит ее.

Жестокое лицо расплылось в злобной улыбке:

— Пусть будет так, как хочет девка. Возможно, она пожалеет, что не предпочла мой кинжал. — И он захохотал.

Глава 18

Заря еще не занялась, но сделалось уже светлее, а Конан лежал на узком гранитном уступе и следил за тем, как внизу по тропе между крутых обрывов едет вереница горцев. По мере того как ночь отступала, их строй становился все реже, но все же оставалось еще слишком много бородатых воинов. Когда наконец последние всадники скрылись за поворотом тропы, огромный киммериец осторожно спустился с уступа и побежал туда, где был лагерь, сделавшийся не так давно местом кровавой бойни, туда, где пряталась Тамира.

Пройдя шагов двести, он нашел останки одного из заморийских охотников. Он не мог определить, чьи именно. Обезглавленное тело, покрытое темной запекшейся кровью и ярко-зелеными мухами, лежало, неестественно раскинув конечности. Конан не стал задерживаться у трупа. Он за ночь видел их много, некоторые изуродованные еще хуже, и каждый раз Конана успокаивало лишь то, что это не Йондра. Теперь его беспокоила Тамира. Он был уверен, что она в безопасности — даже при дневном свете ту щель непросто обнаружить, — но она всю ночь оставалась одна, окруженная горцами, терзаемая воспоминаниями об убийствах.

Он пробежал вдоль склона горы, внимательно глядя по сторонам. Опустившись на живот, он подполз к краю утеса. Внизу лежал лагерь. Там была почерневшая земля и пепел в том месте, где стоял шатер Йондры. Среди деревьев разбросаны десятки тел, многие из них расчлененные, — тела лишь заморийцев, поскольку горцы взяли своих убитых с собой. Было тихо, и лишь грустно жужжали мухи.

Конан глубоко вздохнул, прыгнул через край утеса и покатился по осыпи. Мертвых он оставил лежать, так как не имел времени на погребальные ритуалы.

Вместо этого он все свое внимание сосредоточил на том, что может помочь живым. Копье, несломанное и не замечен-

ное горцами. Бурдюк, неразорванный и полный. Сумка с вяленым мясом.

Горцы, однако, пограбили основательно и оставили мало. Сломанные наконечники копий, кухонные горшки, даже веревка, которой привязывали лошадей, — все было унесено, а пепел шатра Йондры был просеян, чтобы забрать то, что не взяло пламя. Он все-таки нашел свою черную хауранскую накидку, спрятанную под валуном. Он добавил ее к своим жалким находкам.

— Так, значит, ты вор, мародер!

Услышав эти грубые слова, Конан схватил копье и обернулся. К нему плелся Арваний, черные глаза блестели, а пальцы побелели от того, как он вцепился в свое копье. На голове распорядителя охоты ничего не было: весь он был в пыли, а белые шаровары порваны.

— Приятно видеть живым еще одного из отряда Йондры, — сказал Конан. — Все думали, что тебя убил зверь.

Распорядитель охоты отвел глаза в сторону, поглядел на разбросанные тела.

— Зверь, — прошептал он. — Смертному не справиться с ним. Это и дураку ясно. Тот крик... — Он поежился. — Им следовало бежать, — продолжал он жалобно. — Только это и оставалось. Пытаться драться, задержаться хотя на мгновение... — Его взгляд упал на кучку, собранную Конаном, и Арваний, наклонив набок голову, косо посмотрел на огромного киммерийца. — Так, значит, ты вор, воруешь у княжны Йондры.

У Конана зашевелились на голове волосы. Он не часто сталкивался с сумасшествием, тем более этого человека он знал в здравом уме.

— Эти запасы могут спасти жизнь Йондре, — сказал он, — когда я ее найду. Ее нигде нет, Арваний. Я должен скорее найти ее, чтобы вывести из этих гор живой.

— Такая красивая, — проговорил тихо Арваний, — с длинными ногами, с круглыми грудями, просто созданными для того, чтобы мужчина клал на них голову. Такая красивая, моя княжна Йондра.

— Я пошел, — сказал Конан, нагнувшись, чтобы взять накидку. Он старался не сводить глаз с Арвания, поскольку тот по-прежнему сжимал копье так, будто был готов пустить его в дело.

— Я смотрел на нее, — продолжал смуглый охотник. Огонек безумия в глазах сделался заметнее. — Смотрел, как она бежала из лагеря. Смотрел, как прячется от горцев. Она не видела меня. Нет. Но я пойду к ней, и она будет благодарна. Она узнает меня таким, каков я есть, а не только как своего главного распорядителя охоты.

Конан замер, когда понял, о чем говорит Арваний. Киммериец медленно выдохнул воздух и сказал, тщательно подбирая слова:

— Пойдем к Йондре вместе. Мы отведем ее в Шадизар, Арваний. Она будет тебе очень благодарна.

— Ты лжешь! — Лицо распорядителя охоты исказилось, будто он был готов расплакаться; руки его теребили древко копья. — Ты хочешь взять ее себе! Ты недостоин даже слизывать пыль с ее сандалий!

— Арваний, я...

Конан не договорил, так как Арваний бросился на него. Взмахнув накидкой, киммериец запутал в ней конец копья, но Арваний высвободил свое оружие, и Конан вынужден был отпрыгнуть, чтобы увернуться от сверкающей стали. Оба, направив друг на друга оружие, ходили кругами.

— Арваний, — сказал Конан, — в этом нет необходимости. — Он не хотел убивать этого человека. Ему просто нужно было знать, где Йондра.

— Зато есть необходимость тебе умереть, — прошипел человек с орлиным носом. Он выискивал слабые места противника и выжидал удобного момента для атаки.

— Нам достаточно врагов вокруг, — говорил ему Конан. — Нам не следует выполнять работу за них.

— Умри! — заорал Арваний, ринувшись с копьем вперед.

Конан отстранил удар, но распорядитель охоты не остановился. Он продолжал двигаться прямо на острие копья Конана. Арваний выронил оружие, но сделал еще один шаг вперед, пытаясь дотянуться руками до Конана и насаживая себя на копье еще глубже. Вдруг на его лице отразилось удивление: он посмотрел на длинное древко, торчащее у него из груди.

Огромный киммериец подхватил Арвания, когда тот падал, и положил на каменистую землю.

— Где она? — спросил Конан. — Разорви тебя Эрлик, где Йондра?

Распорядитель охоты корчился от смеха.

— Умри, варвар, — прохрипел он. — Умри. — Изо рта хлынула кровь, и взгляд его остекленел.

Выругавшись, Конан поднялся на ноги. По крайней мере, она жива, подумал он. Если только это все не безумные бредни. Собрав свои запасы, он направился к укрытию Тамиры.

* * *

Из тени укрытия, образованного огромными каменными плитами, отколотыми землетрясением века назад от утеса за его спиной, Йондра жадно глядела на крохотную лужицу далеко внизу и облизывала губы. Если бы она знала про ту лужицу, когда Кезанкийские горы скрывала темнота, она бы не мучилась сейчас мыслью о том, как утолить свою жажду. Но сейчас... Она посмотрела на восток, на солнце, скрытое наполовину изломанной линией гор. Было достаточно светло, чтобы выставить ее напоказ любому, кто здесь был.

«Выставить напоказ». Это именно те слова, подумала полногрудая аристократка, ухмыльнувшись. Если не считать пыли на ногах, собранной во время побега, она была совершенно голой.

— Не совсем приличное одеяние для знатной заморийской женщины на охоте, — прошептала она сама себе. Хотя ведь заморийская знать редко просыпается от кровожадных криков дикарей или от того, что вокруг полыхает шатер. А также не принимает участия в охоте в качестве жертвы.

Она снова повернулась, чтобы посмотреть на лужу, и облизала губы, которые тут же опять высохли. Чтобы добраться туда, надо пересечь крутой каменистый склон, на котором нет ни травинки, чтобы укрыться. Внизу склона был обрыв; она не могла сказать, насколько крутой, но не похоже, чтобы он мог быть серьезным препятствием. Сама же лужица постоянно влекла ее. Водоем, который можно перейти в три шага, не замочив колен, с тремя кривыми деревцами по краям, казался сейчас более приветливым, чем ее дворцовые сады.

— Не буду сидеть здесь и ждать, пока не вывалится язык, — объявила она вслух. И будто звук собственного голоса побудил ее к действию, она выползла из укрытия и начала спускаться.

Вначале двигалась она осторожно, тщательно избегая нетвердо лежащих камней. С каждым шагом, однако, ее все бо-

лее начинала смущать собственная нагота, то, как при каждом движении раскачиваются груди, то, как выделяется на солнце ее бледная кожа. Вначале ночь, а затем каменные плиты создавали иллюзию не полной наготы. Она часто лежала голой в своем саду, нежась на солнышке, но здесь солнечный свет рушил всякую иллюзию. Здесь она не могла знать, кто наблюдает за ней. Рассудок говорил ей, что если ее видят, то у нее есть большие проблемы, чем нагота, но рассудок не мог побороть чувств. Если прикрыть груди одной рукой, то это мало чем помогало, и княжна приседала все ниже и ниже, спешила все больше и все меньше смотрела под ноги.

Вдруг камень подвернулся, и княжна, лежа на спине в облаке пыли, покатилась по осыпи. Она отчаянно пыталась за что-нибудь ухватиться, но каждый камень, за который она цеплялась, лишь увлекал за собой остальные. Как раз в тот момент, когда она была готова со стоном признать, что хуже быть уже не может, она обнаружила, что падает. Но едва она успела это понять, как вдруг падение резко прекратилось. Однако поток камней и грязи продолжал обрушиваться на нее. Прикрыв лицо руками, выплевывая пыль, она думала о том, что на следующий день будет вся в синяках и ссадинах.

Град камней и грязи ослабел, затем стих, и Йондра с горечью осознала свое положение. Первым потрясением было то, что она висела, зацепившись ногами за стену обрыва, про который она думала, что он не будет представлять трудности. Кривой пенек дерева, не толще ее кисти, плотно прижал щиколотку. Внизу под ней насыпалась куча камней, такая большая, что она могла дотянуться до нее кончиками пальцев.

Княжна зажмурилась и сделала три глубоких вдоха, чтобы успокоиться. Выход должен быть. Она всегда добивалась того, чего желала, и она не хотела умереть, болтаясь, как баранья туша. Надо, решила она, лишь дотянуться до пенька и высвободить щиколотку.

При первой же попытке согнуться княжну всю пронзила боль, и девушка снова повисла, тяжело дыша. Щиколотка не сломана, решила она. Она отказывалась принимать такую мысль. Превозмогая боль, княжна сделала еще одну попытку. Пальцы коснулись пенька. Еще раз, подумала она.

Шорох заставил ее посмотреть на лужицу, и кровь в жилах похолодела от ужаса. Там стоял бородатый горец в грязной

желтой рубахе и перепачканных шароварах. Он медленно облизывал губы, и в пристальном взгляде черных глаз горела похоть. Глядел он на нее, уже развязывая одежду. Вдруг послышался звук, похожий на резкий хлопок, и горец остановился и опустился на колени. Йондра поморгала и увидела, что у него из груди торчит стрела.

Девушка в панике начала искать того, кто мог стрелять. Ее взгляд привлекло движение: мелькнуло то, что вполне могло быть луком. Триста шагов — оценила она спокойно как превосходный лучник, но в то время, будучи все-таки в первую очередь женщиной, почти зарыдала от облегчения. Кто бы это ни был из ее лучников, она даст ему столько золота, сколько он сможет унести.

Тем не менее она не собиралась никому, тем более человеку, ей служащему, позволить найти ее в таком беспомощном положении. Удвоив усилия, она отколола несколько щепок от пенька, обломала ногти, но ничуть не приблизилась к освобождению.

Вдруг она вскрикнула в ужасе, увидев того, кто шел к ней. Он не был горцем, этот высокий, с меховыми обмотками на ногах, гладко выбритый и с серыми глазами человек. Она знала это лицо и помнила имя, хотя многое отдала бы, чтобы доказать обратное. Элдран. Она тщетно пыталась скрыть свою наготу, прикрывшись ладонями.

— Ты, — бросила она ему, — уходи прочь и оставь меня одну!

Он по-прежнему медленно приближался к ней, положив одну руку на рукоять меча, свесив с одного плеча отороченную мехом накидку. Ни колчана, ни лука видно не было. Он пристально глядел на княжну, и лицо его было сурово.

— Перестань глядеть на меня! — потребовала Йондра. — Уходи, говорю тебе. Мне не нужна помощь, да я и не хочу ее.

Она поморщилась, когда за спиной бритунийца из-за скал тихо выскочили три горца и побежали к нему, подняв кривые сабли. Княжна открыла рот, чтобы закричать... но Элдран развернулся, и в руке у него будто сам собой оказался меч с перекрестием в виде когтистых лап. Княжна не могла уследить за движением танца смерти. Сталь оросилась кровью. В пыли покатилась бородатая голова. И вот все три горца лежат, а Элдран спокойно вытирает клинок о накидку одного из горцев.

Убрав меч в ножны, он подошел ближе.

— Возможно, ты и не хочешь моей помощи, — сказал он спокойно, — но ты в ней нуждаешься.

Йондра заметила, что рот ее все еще открыт, и захлопнула его. Затем она решила, что молчать все же не следует, но, прежде чем она успела что-либо сказать, бритуниец взошел на кучу камней, взял девушку за голени и отцепил от пенька. Он перехватил ее и взял на руки. «Он держит меня так же легко, как и Конан», — подумала она. Он так же высок, как и киммериец, хотя и не так широк в плечах. Впервые после нападения она почувствовала себя в безопасности. Но как только она осознала характер своих мыслей, лицо ее залила краска.

— Опусти меня вниз, — приказала она ему. — Я сказала, опусти вниз!

Молча он отнес ее к лужице и опустил на краю.

— Ты внизу, — сказал он. Она поморщилась, когда он пощупал ее щиколотку. — Ссадина большая, но через несколько дней заживет.

Княжна заметила, что на лбу у него запеклась кровь.

— Откуда это у тебя? Вы встречали и других горцев?

— Я должен забрать свой лук, — сказал он коротко и зашагал прочь.

Может и не возвращаться, подумала она сердито, но мысль эта вызвала тревогу. Если предположить, что он действительно не вернется, что решит бросить ее голую и одну в безлюдном месте. Когда он снова показался, она облегченно вздохнула, но тут же разозлилась на себя за это.

Он положил лук в колчан, затем с мрачным лицом повернулся к ней:

— Мы встречали других горцев, да. Со мной в эти проклятые горы отправились четыре десятка человек, и я не смог сохранить их до того, как мы выполним свою задачу. Горцы, сотни горцев, обнаружили наш лагерь. Я не знаю, жив ли кто из моих товарищей. — Он тяжело вздохнул. — Я полагаю, такая же судьба постигла и вас. Жаль, что я не могу обещать проводить тебя в безопасное место, но я еще должен исполнить свою задачу, и она для меня важнее, чем ты. Однако я сделаю для тебя все, что смогу. Я сожалею, что не могу целые дни сидеть и смотреть на тебя.

Но она заметила, что он все-таки смотрит на нее, смотрит

так, будто хочет запомнить все увиденное. И тут она вспомнила, что по-прежнему голая. Она быстро поднялась на колени и обхватила руками грудь.

— Цивилизованный человек отвернулся бы, — бросила ему Йондра.

— Значит, люди, которых ты зовешь цивилизованными, не могут ценить женскую красоту.

— Дай мне свою накидку, — приказала она. — Я не девка в таверне, чтобы на меня глазеть. Дай сюда, говорю!

Элдран покачал головой:

— Одна, в глубине Кезанкийских гор, голая, будто рабыня, выставленная на продажу, и все еще требуешь и отдаешь приказы. Возьми одежду у горцев, если хочешь, но сделай это быстро, так как нам надо скорее уходить. Здесь есть и другие горцы. Если не хочешь, чтобы я смотрел, не буду. — Взяв снова лук, он вложил в него стрелу и оглядел склоны вокруг. — Спеши, девушка.

Красная от гнева и еще от каких-то эмоций, не совсем ей понятных, Йондра даже не захотела взглянуть на трупы.

— Одежда их грязна и испачкана кровью, — произнесла она, подчеркивая каждое слово. — Ты должен дать мне приличную одежду. Такую, как твоя накидка!

— Виккана прокляла меня, — сказал британиец, будто княжна ничего и не говорила, — сделав так, что твои глаза трогают мою душу. В моей родной земле много женщин, но я должен был прийти сюда и встретить тебя. Я смотрю в твои глаза и чувствую, как они меня трогают, и нет других женщин. Я хочу, чтобы ты родила мне детей. Капризная, изнеженная женщина, у которой надменность в самой крови. Почему я так желаю такую женщину? И все же сердце мое парит, когда я смотрю на тебя.

Йондра беззвучно открыла рот. Капризная! Родить ему детей! А он продолжал говорить немыслимые слова, слова, которые она не хотела слышать. Рука ее нащупала у воды камень, размером с кулак, и, ни о чем не думая и чувствуя лишь гнев, она швырнула его. Княжна вскрикнула, когда тело Элдрана обмякло. По виску текла тонкая струйка крови.

— Элдран? — прошептала княжна.

Она подбежала на четвереньках к его неподвижному телу и подержала перед его губами ладонь. Он еще дышал. Она по-

чувствовала облегчение, такое сильное, что раньше посчитала бы это невозможным. Она хотела было коснуться раны в том месте, куда попал камень, но вместо этого подняла с его лица вьющиеся каштановые волосы.

Вдруг она отдернула руку, будто обожглась. Что она делает? Ей надо уйти до того, как он придет в себя. В лучшем случае он снова заведет речь о том, чтобы она родила ему детей. В худшем же... Она вспомнила, с какой легкостью он нес ее, — и решительно отбросила воспоминание о том, что чувствовала тогда себя в безопасности. Он такой сильный, достаточно сильный, чтобы побороть ее волю. Надо быстрее уходить.

Прежде всего ей нужна была вода, и она припала к воде и пила до тех пор, пока не почувствовала, что лопнет, если сделает хотя бы еще один глоток. Прохладная вода освежила ее. Прихрамывая, она подошла к Элдрану. Он даст ей то, что ей нужно. Она действительно не могла заставить себя прикоснуться к одежде горцев, но его вещи — совершенно другое дело. Она восхищенно схватила лук британийца и подергала тетиву. Йондра удивленно глядела то на лук, то на лежащего Элдрана. Она никогда не встречала человека, который мог бы натянуть ее лук так же, как она, но этот лук она не могла натянуть и на пядь. Княжна с сожалением положила лук рядом с Элдраном.

К мечу она не притронулась, поскольку не умела с ним обращаться. Но зато вытащила из-за пояса высокого британийца кинжал. Как только Йондра сделала прорези для головы и для рук в его отороченной мехом накидке, получилась вполне сносная рубаха, если подпоясаться сыромятным ремешком с его обмоток. Сами же обмотки она распорола, обмотала ими свои ноги и перевязала кусками другого ремешка.

Теперь можно было уходить. Но она долго простояла на коленях рядом с Элдраном, не решаясь оставить его. Некоторые так и не приходили в себя после раны на голове. Что, если ему нужна забота?

— Йондра? — пробормотал он. Хотя глаза его оставались закрытыми, он потянулся руками, будто ища девушку. Она отпрянула, как от змеи. Сам о себе позаботится, решила она.

Вначале Йондра шла медленно, потому что местность, по которой она передвигалась, была в лучшем случае неровной. Щиколотка не будет беспокоить, если ее не перетруждать, по-

думала княжна. Но через некоторое время она начала думать и об Элдране. Когда она уходила, он был готов очнуться. Он, конечно, оглушен, но не настолько, чтобы не понять, что она ушла, и чтобы не вспомнить, что она ему сделала. Он охотник. А охотники умеют идти по следу. Не было оснований полагать, что британиец делать этого не умеет. И у Элдрана две здоровые ноги...

Почти не сознавая этого, Йондра начала стараться идти быстрее. Боль в щиколотке усиливалась, но она не обращала на нее внимания. Элдран наверняка уже преследует ее. Она должна оторваться от него. Княжна судорожно дышала. Во рту пересохло, будто она вообще никогда не пила, и горло тоже было сухо. Она тоже охотник, говорила себе княжна. Она знала, как наблюдать за жертвой; она могла наблюдать также и за преследователем. Йондра постоянно смотрела на оставляемый ею след и в конце концов стала столько же времени тратить на то, чтобы смотреть через плечо, сколько и на то, чтобы смотреть вперед.

Обойдя каменную глыбу, она сделала, качаясь, три шага и увидела десяток горцев, сидящих на конях и с удивлением глядящих на нее.

— Дар древних богов! — выкрикнул один из них и погнал лошадь вперед.

Йондра была слишком изможденa, чтобы сопротивляться, когда ее схватили за волосы и перекинули животом вниз поперек седла. Плача от отчаяния, она бессильно повисла, а горец задрал накидку Элдрана и пощупал ее голые ягодицы.

— Он спасет меня, — тихо прохныкала она в косматую шерсть, в которую утыкалось ее лицо. — Он спасет меня. — И в глубине души удивилась тому, что образ, который она вызвала, был лицом британийца.

Глава 19

Конан скрипел зубами, глядя на ту щель, в которой он оставил Тамиру. Он понимал, что просто глядеть делу не поможет. Она не появится от силы его взгляда.

Выбросив из головы мысли о трещине, он обследовал землю внизу и нахмурился. Понять можно было не много. Почва была слишком каменистой, и на ней не оставалось следов, но он научился читать следы в горах Киммерии, а земля в разных горах не очень отличается. Здесь оцарапан камень. Там другой перевернут нижней, темной, стороной к свету. То, что узнал киммериец, было непонятно. Тамира ушла. Это и ничего больше. Он не видел следов, которые говорили бы о том, что ее забрали горцы или кто-либо еще. Она просто ушла. И сделала это вскоре после того, как он оставил ее, поскольку Конан видел остатки ночной росы на некоторых перевернутых камнях.

— Дура, — проворчал он. — Теперь надо искать вас обеих.

А когда он найдет воровку, поклялся Конан, он изорвет об нее всю плетку.

Конан побежал, легко находя разбросанные следы. Ему хотелось ругаться. Было понятно, куда она направилась. В лагерь. За рубинами. Может быть, она наконец получила их, поскольку, как он помнил, среди пепла не было железных ларцов Йондры.

Он вдруг остановился и нахмурился, глядя на каменистую почву. Здесь была борьба, боролись несколько человек. Конан поднял кусочек белой материи. Он оторван от белой рубахи прислуги, такой рубахи, какую носила Тамира. Киммериец скомкал его в руках.

— Дура, — проговорил он, но тише.

Теперь он шел осторожно, осматриваясь, нет ли здесь горцев, и отыскивая следы. Вскоре Конан понял, что видит три вида следов. Два из них принадлежали всадникам: один — по ко-

торому он шел, другой — более свежий. Самыми свежими были следы нескольких человек, прошедших пешком. Горцы далеко не отправляются без своих косматых лошадок, солдатами эти люди тоже не могли быть, так как их мало. Конан больше никого не мог представить себе здесь, в горах, поскольку, если остался кто-нибудь из заморийских охотников, они как можно скорее направятся в низины.

У киммерийца пробудилось подозрение, и он стал еще более внимательным, остерегаясь возможной засады. В Кезанкийских горах было много таких мест, откуда можно было неожиданно напасть, что совсем не облегчало задачу Конана. Резкие повороты вокруг крутых склонов и узкие проходы между отвесных стен встречались часто. Однако остановила его небольшая долина, ограниченная покатыми склонами.

Конан оглядывал долину из русла горной речки, впадавшей в нее. Он стоял неподвижно, прижавшись к каменной стене. Глаз прежде всего привлекает движение. На склонах росли кривые деревца, но их слишком мало, чтобы можно было укрыться. На склонах лежало мало валунов, да и те находились высоко по обеим сторонам. Горцы, устраивая засады, любят бить близко, чтобы не оставлять врагу времени опомниться. Все, что видел Конан, говорило ему, что долина безопасна, но инстинкт шептал иное. Инстинкт, не раз спасавший его, победил.

Конан быстро пошел по руслу назад. В том месте, где стена обрушилась, он взобрался по осыпи наверх и вылез из русла. Терпеливо, будто охотящийся кот, он перебирался от валуна к валуну, от одного кривого деревца к другому, используя каждую неровность.

Наконец он оказался на склоне выше долины. Внизу под обломками скалы сидел на корточках человек с луком в руках. Конан удивленно проворчал. Хотя на нем и не было меховых обмоток, вышитая рубаха говорила, что это бритуниец. Действительно, Конан узнал в нем предводителя тех, кто приходил в лагерь Йондры. Нахмурясь, киммериец начал спускаться. Он остановился за бритунийцем, поправил свою накидку и сел, прислонив копье к плечу.

— Кого ждешь, Элдран из Бритунии? — спросил он непринужденно.

Бритуниец даже не вздрогнул. Он спокойно посмотрел через плечо.

— Тебя, Конан из Киммерии, — сказал он. — Хотя, признаюсь, я не знал, что это ты следишь за нами.

— Не за вами, — ответил Конан. — За горцами. И можешь позволить остальным своим людям выйти. Если только действительно не считаешь, что им нужно наблюдать за моей спиной.

Улыбнувшись, Элдран выпрямился.

— Мы видим друг друга насквозь. — Он взмахнул рукой, к ним по одному подбежали несколько человек в обмотках и вышитых рубахах. — Значит, ты тоже хочешь спасти Йондру, киммериец?

Конан медленно втянул в себя воздух.

— Значит, она в руках горцев. Да, я хочу ее спасти, однако я направлялся спасти другую женщину, тоже пленницу. Но из твоих слов я понимаю, что ты спасаешь Йондру. Это меня удивляет, если учесть, как тепло прошла последняя встреча.

— Мы после этого встречались, — сказал горько Элдран, — и с ее стороны тепла было еще меньше. А потом я нашел то место, где ее взяли в плен горцы. — Он потеребил пальцами грубую шерстяную накидку, грязную и рваную; это была горская никидка, понял Конан. — Мне надо кое о чем строго поговорить с этой женщиной.

Один из бритунийцев, костлявый мужчина с острым носом, сплюнул.

— Говорю тебе, забудь о ней. Мы пришли, чтобы убить огненного зверя, и мы сделаем это, если даже придется погибнуть. У нас нет времени для женщин из другой страны.

Элдран не ответил, хотя лицо его сделалось мрачнее. Другой бритуниец сказал негромко:

— Успокойся, Фюрдан, — и костлявый бритуниец притих, хотя и неохотно.

— Значит, вы, как и Йондра, охотитесь на этого зверя, — сказал Конан. — Она оставила затею после того, как погибли двадцать ее охотников, — растерзаны или заживо сожжены. Лишь она, я и еще один остались в живых, и то чудом, после той охоты. Я бы тоже хотел, чтобы зверь был убит, но есть и более простые способы расстаться с собственной жизнью.

— Заморийская девка нашла зверя, — проговорил рассерженно Фюрдан, — в то время как мы находим только следы. Может быть, она нам действительно нужна.

Элдран опять не обратил на него внимания.

— Йондра охотилась ради трофея, — сказал он. — Мы же мстим за погибших родственников и стремимся предотвратить новые жертвы. Твоя сталь не может победить огненного зверя, Конан, как и любой металл, обработанный смертным. Но этот, — он положил руку на рукоять меча, — был выкован волшебником специально для этой цели.

Огромный киммериец с неожиданным интересом поглядел на оружие. Он уже сталкивался с волшебными предметами. Когда-то даже сам чувствовал ауру их силы в своих руках. Если этот меч на самом деле таков, как рассказывает о нем Элдран, тогда еще можно расквитаться за Телада.

— Хотелось бы подержать оружие, которое может убить то существо, — сказал он, но бритунец покачал головой.

— Как только я перестану им обладать, киммериец, он совершит путь, лишь Виккана знает как, назад, туда, где он был мне дан, и я никогда в жизни больше не смогу притронуться к нему. Таково заклятие.

— Понятно, — сказал Конан.

Может быть, все так, как говорит бритунец, а может быть, и нет, но если Элдран падет, поклялся Конан, он постарается, чтобы этот меч, куда бы он ни направлялся, вначале совершил путь в его руку. Так или иначе, если он останется жив, то вернет долг Теладу. — Но прежде зверя женщины, согласен?

— Согласен, — ответил Элдран. — Поскольку следы, по которым мы шли, соединились, вероятно, мы найдем обеих женщин вместе. Харал пошел за горцами, взявшими Йондру, и он отметит дорогу, так что мы пойдем следом за ним быстро.

Конан поднялся на ноги.

— Не стоит терять времени, если хотим спасти их до того, как им будет причинен вред.

Однако, когда они спускались по склону, на сердце у Конана было тяжело. С пленными женщинами горцы редко обращались ласково. «Хоть бы хватило у них духа, — думал он. — Хоть бы они были живы, когда мы их найдем».

* * *

В двадцатый раз Тамира изучала свои оковы, и в двадцатый раз она убеждалась в бесполезности такого изучения. К кожаным манжетам на запястьях и щиколотках крепились толстые цепи, закрепленные в потолке и в полу каменной камеры без

окон, в середине которой она и была подвешена, будто орел, расправивший крылья. Голое хрупкое тело воровки блестело от пота в свете бронзовых ламп. Воздух был холодным, так что пот выступил от страха, страха, вызванного скорее чем-то смутно ощущавшимся в камере, чем самим пленом.

Йондра висела так же, как и она, лицом к ней, и Тамира обменивалась взглядами с аристократкой. Тело более высокой женщины тоже блестело, блики выделяли каждый изгиб грудей и бедер. Тамира надеялась, что лицо ее так же спокойно, как и у Йондры, правда, княжну немного выдавало то, что она постоянно облизывала губы.

— Я княжна Йондра из дома Перашанидов из Заморы, — сказала Йондра нетвердым голосом. — Будет дан щедрый выкуп за меня и служанку. Но нас следует одеть, надо обращаться с нами подобающим образом. Ты слышал меня? Я дам тебе столько золота, сколько мы весим!

Человек в алом одеянии, занятый тем, что создавал странный узор на полу, высыпая горошинки из глиняных чашечек, не поднял глаз. Он вообще не подал виду, что слышал. Рисуя, он постоянно бормотал слова, которые Тамира едва слышала и совершенно не понимала.

Тамира пыталась не слушать, но мерный гул сверлил ей уши. Она сжала зубы, чтобы они не стучали. Люди, бросившие ее к его ногам, называли его ималла Басракан. Ей хотелось разрыдаться, поскольку она верила, что святой человек защитит ее, но она боялась, что если заплачет, то уже не остановится.

— Я княжна Йондра из дома... — Йондра снова нервно облизала губы. Она тряхнула головой, попытавшись дернуть натянутые цепи; дрожь пробежала по ее телу, но больше у нее ничего не вышло. — Я дам тебе золота в два раза больше нашего веса. — В голосе слышался панический страх, с каждым словом этот страх ощущался все отчетливее. — В три раза больше! В четыре! Сколько пожелаешь! Что угодно! Только не делай того, что ты задумал, что бы это ни было! Не надо! О Митра, защити меня, не надо!

Знатная красавица всхлипывала и дико билась, и ее страх разжег страх и в Тамире. Воровка поняла сейчас, что она ощущала в камере, но о чем до этого не позволяла себе даже думать. Колдовство. От стен несло колдовством.

И что-то появилось еще, — теперь, когда она признала это

ощущение. Злобная ненависть к женщинам. Она затряслась от всхлипов, и слезы потекли из-под век, плотно сжатых, будто она могла за ними укрыться.

— Вы сосуды порока! — прорезал хриплый голос рыдания Тамиры.

Против воли она посмотрела на говорившего. Басракан стоял, поглаживая бороду, и с ненавистью глядел на них.

— Все женщины городов — нечестивые сосуды похоти. Древние боги сами докажут это на ваших телах. Затем я очищу вас от мерзости, чтобы вы чистыми пошли к древним богам гор.

Содрогаясь, Тамира оторвала от него взгляд и обнаружила, что смотрит на сделанный ималлой рисунок — удлиненный ромб с вогнутыми сторонами. Одна короткая черная свеча, установленная на одной из вершин фигуры, мерцала под ней, другая — под Йондрой. Линии внутри ромба притягивали взгляд, гипнотически приковывали его. Мысли ее начали дробиться, метаться по запутанному лабиринту, и сознание наполнилось неузнаваемыми образами, образами, вызывающими ужас. Беззвучно крича, она словно пыталась бежать по своему лабиринту, чтобы найти укрытие, но везде были хаос и ужас.

Вдруг и сам лабиринт рассыпался. Почти вскрикнув, она обнаружила, что не может отвести взгляд от ромба. Ималла с суровым лицом сел, скрестив ноги, в одном конце нечестивого рисунка. Он ударил в небольшой гонг из начищенной бронзы, стоявший рядом с ним, и она поняла, что из лабиринта освободил ее этот звук. Снова прозвучал гонг, и ималла опять нараспев забормотал слова. Гонг ударил снова. И снова. Снова.

Она сказала себе, что не будет слушать, но ее кости, казалось, вибрировали в такт его словам, в такт удара гонга. Воздух в камере делался холоднее, сгущался и двигался. Прикосновение воздуха становилось ощутимым, будто касание перышка, будто нежные, ласкающие руки, которые гладят сразу всюду. И она почувствовала, как поднимается жар.

Тамира, не веря, посмотрела на свечу под собой. Пламя было неподвижно, не беспокоимое ветерком, который чувствовала она, однако оно не могло быть источником волн тепла, поднимавшихся снизу. Но жар все-таки поступал откуда-то, проходя по членам, обдувая живот, заставляя его то втягиваться, то вздуваться. Она пыталась потрясти головой, пыталась сказать «нет» желанию, которое ворочалось и извивалось в ней. Тами-

ра смутно расслышала стон Йондры. Она расплывчато видела, как аристократка запрокинула голову, бесконтрольно дергая бедрами, и поняла, что сама извивается так же.

Ее губы раскрылись, и вырвался стон:

— Конан!

Оставшаяся часть рассудка узнала ответный вопль Йондры:

— Элдран!

Это не прекращалось. Кровь ее кипела.

С треском двери камеры распахнулись. Тамира вскрикнула, когда ее будто кинули в холодную воду: ощущение желания тут же покинуло ее. Ему на смену пришло рыдание, слезы оттого, что, казалось, всю ее покрывают нечистоты.

Басракан вскочил на ноги.

— Ты желаешь смерти, Джбейль? — прорычал он. — Ты хочешь присоединиться к Шармалю?

Тощий человек в дверях низко склонился.

— Прошу прощения, ималла Басракан, — произнес он спешно, — но все дело в Огненных глазах.

Басракан распрямил его, дернув за черное одеяние:

— Говори, дурак. Что с Огненными глазами?

— Шармаль утверждает, что Огненные глаза несет в горы женщина. Он описал ее. — Джбейль указал на Йондру.

Глядя сквозь слезы, Тамира встретилась с аристократкой глазами, но та явно не понимала, о чем идет речь, и помотала в ответ головой. Басракан, взмахнув красным одеянием, резко развернулся. Тамира бы отпрянула от его взгляда, если бы могла. До этого взгляд был просто злобным. Теперь она видела, как этим взглядом сдирается кожа, от костей отрывается плоть. Ее кожа. Ее плоть.

— Два лагеря чужеземцев уничтожены прошлой ночью. — Голос ималлы был спокоен, будто поглаживание по горлу ножом. — Эта женщина из одного из этих лагерей, Джбейль. Найди все взятое из этого лагеря. Найди Огненные глаза. Найди их, Джбейль.

Джбейль бросился из камеры, будто это его горло ласкали ножом. Басракан устремил взгляд черных глаз на Йондру, но Тамира не могла оторваться от них. И, глядя беспомощно, она вдруг осознала, что молится всем богам, каких знала, о том, чтобы то, что Басракан хочет, доставили ему. И побыстрее.

Глава 20

Из убогого укрытия, которое создавала группа кривых деревьев, росших над горской деревней, Конан глядел на двухэтажное каменное строение в центре этой деревни. Вооруженные люди сотнями толпились вокруг грубых каменных хижин, но взгляд его привлекало здание с черепичной крышей. Рядом с Конаном лежали бритунийцы, и они тоже смотрели.

— Никогда не слышал, что у горцев есть такие жилища, — сказал тихо Элдран. — Для кезанкийцев это просто дворец.

— Никогда не слышал, чтобы столько горцев собиралось в одном месте, — проворчал раздраженно Фюрдан. Взгляд его был устремлен не на здание, а в окружающие горы. Из укрытия был виден десяток лагерей, один из которых находился совсем рядом, и ветер доносил кислый запах готовящейся пищи и крики людей, роющихся в низких шатрах. По дороге сюда им уже встречались группы таких шатров землистого цвета.

— Сколько их там, Харал?

— Десятки тысяч, возможно, — отозвался с нарочитой непринужденностью пухленький бритунием. — Может быть, и больше. Хватит на всех.

Фюрдан посмотрел на него, затем устало закрыл глаза.

Вдали между гор Конан заметил грубые каменные колонны.

— Что это? — спросил он, показав рукой.

Харал покачал головой:

— Я почти не обследовал местность, киммериец. Я видел, что женщину Йондру увели в то здание внизу, и с тех пор я наблюдал и ждал Элдрана.

— Спасти ее будет нелегко, — вздохнул Конан. — Ты точно не видел еще одной пленницы?

Харал опять покачал головой, и Конан снова принялся изучать то, что лежало внизу.

— Чтобы спуститься туда, потребовалась бы армия, — воз-

разил Фюрдан. — Элдран, мы пришли не ради того, чтобы умереть, спасая заморийскую девку. Ты помнишь, что мы ищем огненного зверя? Давай этим и займемся.

Некоторые из бритунийцев выразили согласие.

— Я освобожу ее, — ответил тихо Элдран, — или погибну.

Повисло неловкое молчание, затем Харал вдруг сказал:

— В горах есть армия.

Фюрдан саркастически скривил губы:

— Заморийцы? Я уверен, они придут к нам на помощь, как только мы об этом попросим.

— Возможно, и придут, — ответил с улыбкой Конан, — если их как следует попросить. — Остальные недоуменно посмотрели на него, явно сомневаясь, не шутит ли он, так что киммериец продолжил: — С ними, как я понимаю, некий генерал Тенерс, любитель славы и легких побед. Его послали в горы разогнать сборище горских племен. А вот и это сборище.

Даже Харал был настроен скептически:

— Если только Тенерс не дурак, киммериец, он не будет нападать здесь. Ведь горцев по крайней мере в четыре раза больше, чем солдат.

— Правильно, — согласился Конан. — Но если бы он подумал, что здесь лишь тысяча горцев, да и те собираются уходить, так что он может не успеть одержать легкую победу... — Он улыбнулся бритунийцам, и те медленно, по мере того как начинали понимать его мысль, улыбались в ответ. Все, кроме Фюрдана.

— Все горцы ринутся навстречу нападающим, — сказал Элдран, — почти полностью освободив нам дорогу к тюрьме Йондры. Может быть, твоя женщина — Тамира? — тоже там. Оба следа привели к деревне.

Улыбка Конана померкла. Он перестал считать лагеря горцев, насчитав почти двадцать, но Тамира могла быть в любом из десятка тысяч грязных шатров. Ему ничего не остается, как спасти Йондру, и лишь потом можно надеяться найти воровку. Эта надежда была очень хрупкой, но ничего не поделать.

— И кто отправится заманивать Тенерса? — спросил он мрачно.

— У Фюрдана серебряный язык, когда он этого захочет.

— Заниматься надо тем, за чем мы сюда пришли, — ответил быстро костлявый человек.

Элдран положил ему на плечо руку.

— Я не могу оставить эту женщину, — произнес он тихо.

Фюрдан полежал некоторое время спокойно, затем вздохнул и сел:

— Если мне удастся украсть овцу, которую эти горцы называют лошадью, я доберусь до заморийцев, пока песочные часы не осыпались и наполовину. Мгновение, чтобы заморочить генералу голову моими баснями и двинуть этих неуклюжих солдат. — Он поглядел на солнце, приближающееся к зениту. — Я приведу их сюда не раньше начала вечера, Элдран. Если все будет удачно.

— Виккана даст тебе удачу и подскажет тебе слова, — сказал Элдран.

Конан отвернулся от прощающихся бритунийцев и принялся снова разглядывать каменное строение.

— Я освобожу, — поклялся он тихо, — вас обеих.

* * *

Боль в плечах оттого, что Тамира висела, уже давно прошла. Даже онемение, сменившее боль, отошло на задний план, оставив лишь страх. Ей не нужно было смотреть на аристократку, чтобы знать, что взгляд Йондры устремлен на Басракана, человека, от которого зависела их судьба. Она могла с таким же успехом вырастить крылья и улететь отсюда, как и оторвать взор от его мрачной фигуры.

Ималла сидел на низкой скамье. Он поглаживал бороду и глядел на двух связанных женщин черными, как бездонные ямы, глазами. Пока часы не перевернули, он расхаживал по камере, бормоча угрозы и проклятия в адрес тех, кто так медленно исполняет его волю, волю истинных богов, бормоча об Огненных глазах.

Молча просидел он вдвое дольше, и Тамира предпочла бы, чтобы он ходил снова, бредил или делал что угодно, но только бы не смотрел на нее. Глаза его больше не блестели; они, казалось, были лишены жизни и даже малейших следов человечности. В их глубине Тамира видела пытки, которым даже нет названия. То, что звалось Тамирой, забилось в самый дальний уголок ее сознания в тщетной попытке бежать от дьявольского взгляда, но она не могла отвести глаз.

От дверей послышался шорох. Это было похоже на то, буд-

то в мертвой тишине полоснул нож. Тамира содрогнулась, а Йондра заскулила и начала тихо всхлипывать.

Басракан изящно поднялся, шурша алым одеянием. Голос его был полон сверхъестественного спокойствия.

— Внесите Огненные глаза.

Дверь приоткрылась, и вошел почтительно Джбейль.

— У меня нет твоего знания, ималла Басракан, — тощий говорил так, будто не смел даже дышать, — но это соответствует описанию, которое слышали мои презренные уши.

Он вытянул руки, и в них мерцали в свете ламп драгоценности.

Тамира вытаращила глаза. Человек в черном держал ожерелье и тиару Йондры.

Басракан выставил руку, и драгоценности были положены ему на ладонь. Из-под красного одеяния он достал кинжал. Аккуратно поковырял оправу двух огромных рубинов. Золото, сапфиры и черные опалы отшвырнул, словно мусор. Затем медленно поднес ладони к лицу, и в каждой из них лежал кроваво-красный камень.

— Они мои наконец, — сказал он себе. — Вся власть — моя. — Он повернул голову — ни один мускул на его лице не дрогнул — и посмотрел на голых женщин, висящих на цепях. Еще до захода солнца сомневающимся будет представлено доказательство. — Женщин увести и запереть, Джбейль. Сегодня они будут отданы древним богам.

Тамира задрожала и едва не потеряла сознание. Отданы древним богам. То есть принесены в жертву — ничего другого это не могло означать. Ей хотелось кричать, умолять, но язык прилип к небу. Она дико глядела на смутных людей в тюрбанах, явившихся, чтобы снять с нее оковы. Члены ее отказывались повиноваться, она не могла стоять без помощи. Когда ее выносили из камеры, взгляд ее отчаянно искал Басракана — человека, имеющего здесь власть над жизнью и смертью, человека, который мог, который должен изменить свое решение. Ималла стоял перед столом, на котором лежали рубины, и быстрыми пальцами делал что-то с бутылочками и горшочками.

Дверь закрылась, скрыв от Тамиры ималлу, и в ее горле родился нечленораздельный вой отчаяния. Она попыталась найти во рту влагу, чтобы умолять людей с холодными глазами, которые несли ее, не обращая внимания на ее наготу. Для них она вполне могла быть и не женщиной. Жертвенное мясо.

Ее несли дальше, вниз по изогнутой каменной лестнице, туда, где начинались затхлые коридоры. Открылась тяжелая, окованная железом дверь, и ее швырнули на земляной пол. С глухим ударом дверь захлопнулась.

Бежать, думала она. Она была воровкой, искусной воровкой, привыкшей проникать туда, куда ее не впускали. Она, конечно, может и выбраться оттуда, откуда ее не выпускают. Неловко, поскольку ноги и руки не слушались, она встала на колени и осмотрела свою тюрьму. Земляной пол, грубые каменные стены, крепкая дверь. Больше ничего. Тусклый свет пробивался сквозь узкие прорези у потолка, на высоте, намного превышающей ее рост. Неожиданная надежда быстро померкла.

Кто-то скулил, и это напомнило Тамире, что она не одна. На полу, сжавшись и обхватив голову руками, лежала Йондра.

— Он никогда меня не найдет, — горько плакала аристократка.

— Он найдет нас, — сказала твердо Тамира, — и спасет.

Ее поразило, когда она вдруг поняла, что, хотя все другие надежды исчезли, все еще оставалась одна. Она никогда не просила об услуге или о помощи у мужчины, но она была уверена, что Конан найдет ее. Тамира словно видела, как он сносит тяжелую окованную дверь и спасает ее, и она цеплялась за этот образ, будто утопающий за соломинку.

Йондра все всхлипывала:

— Он не знает, где я. Я его ударила камнем и... я не хочу умирать.

Тамира подползла к княжне и потрясла ее за плечо.

— Если поддашься эмоциям, то ты уже мертва. Ты думаешь, я не боялась в камере наверху? — Она издала презрительный горловой звук. — Я видела, как девственницы на плахе проявляли больше храбрости, чем ты. Все это высокомерие скрывало под собой робкого червя, готового ползать на брюхе.

Йондра посмотрела на нее, и во взгляде блеснул прежний огонь, но в голосе еще слышались жалкие нотки:

— Я не хочу умирать.

— Я тоже, — ответила Тамира, и вдруг обе женщины прижались друг к другу, дрожа от страха, однако и набираясь друг у друга сил. — Ты должна говорить и верить в это. Он нас спасет.

— Он нас спасет, — выговорила Йондра.

— Он нас спасет.
— Он нас спасет...

* * *

Басракан пропел последние слова, и глаза его расширились, когда он ощутил прилив сил во всех членах. Он чувствовал, что одним прыжком может перемахнуть через всю комнату. Он сделал глубокий вдох, и ему показалось, что он четко различает все оттенки запахов в комнате. Вот что значит быть связанным с драконом.

На столе постепенно меркло сияние, шедшее от рубинов и магических фигур, начерченных кровью девственницы, молотыми костями и такими веществами, имя которых слишком ужасно для смертных. Но сияние, которое всем своим существом ощущал Басракан, не меркло. На лице отражалось ликование.

— Мы едины, — объявил он стенам камеры, цепям, на которых до этого висели женщины. — Наша судьба едина. Теперь он ответит на мой зов.

* * *

Тамира вздрогнула, когда распахнулась дверь, ударившись о каменную стену. Она почувствовала, как напряглась Йондра, когда в двери появился Басракан.

— Время пришло, — сказал он.

— Он нас спасет, — прошептала Тамира, и Йондра ответила эхом:

— Он нас спасет.

* * *

— Они беспокоятся, — сказал Элдран.

Конан кивнул, но не оторвал взгляда от двухэтажного здания внизу. Из всех лагерей выходили горцы, плотными потоками направляясь к каменным колоннам, которые виднелись в просвете между двух гор. В деревне перед каменным зданием стояла группа людей в цветных тюрбанах. Вышел человек в красном одеянии, с раздвоенной бородой и тоже в цветном тюрбане, и ожидавшие горцы зашумели; слов на таком расстоянии не было слышно.

Киммериец напрягся, когда появилась Йондра, обнажен-

ная, со связанными за спиной руками, охраняемая с двух сторон стражниками с кривыми саблями. А за ней шла Тамира, тоже связанная и голая.

— Они вместе, — сказал Элдран. — И невредимые, насколько я вижу. Живые, по крайней мере, слава Виккане.

— Пока, — произнес Конан.

По спине киммерийца забегали мурашки. Ему очень не нравилась сцена, разыгрывающаяся внизу, не говоря уже о том, как обращались с женщинами. Куда их ведут и зачем? Зачем?

Сотня горцев обступила человека в красном и женщин. Эта процессия присоединилась к потоку, текущему к каменным колоннам вдали.

— Мне это не нравится, — проговорил Конан. Сам того не замечая, он ослабил свой старинный меч в потертых ножнах. — Кажется, ждать больше нельзя.

— Немного подождем, — отозвался Харал. — Фюрдан скоро приведет солдат. Он справится.

— Но, кажется, недостаточно скоро, — ответил Конан. Он поднялся на ноги и отряхнул руки. — Пойду прогуляюсь среди горцев.

Элдран, улыбаясь, встал.

— Мне тоже хочется размять ноги, киммериец.

— Вы молодые дураки! — вспыхнул Харал. — Вам проломят головы. Вам... Вас... — Он проворчал и встал рядом с ними. — Нам понадобятся тюрбаны, если мы хотим хотя бы ненадолго сойти за горцев.

Остальные тоже были на ногах.

— Прямо под горой лагерь, — сказал Конан, — и я никого не вижу там, кроме женщин и детей.

— Тогда пойдем, — произнес Элдран.

— Старые кости этого не осилят, — пожаловался Харал.

Они начали спускаться с горы.

* * *

— ...ибо время нашей славы пришло, — прокричал Басракан толпам людей в тюрбанах, заполнившим склоны вокруг амфитеатра. Их ответный рев отозвался эхом в горах. — Время торжества древних богов настало! — кричал он. — Символ истинных богов с нами!

Он распростер руки и, ощутив, как по телу растекается си-

ла, подумал, что может взлететь. Он громко запел, и слова отражались от склонов гор. Никогда столько народу не присутствовало при обряде, думал он, когда звучало заклинание. После этого дня сомневающихся больше не будет.

Он бросил взгляд на двух голых женщин, привязанных за запястья к железным столбам в центре круга из грубо обтесанных каменных колонн. Символично, думал он, что те, кто доставил ему Огненные глаза, приносятся в жертву сейчас, когда новая сила, заключенная в нем, проявляется перед его народом. Женщины бились в оковах, и одна из них выкрикнула какое-то имя, но он не слушал. С ним были древние боги.

В воздухе повис последний слог, и дрожь камня под ногами сказала Басракану о приближении дракона. Он набрал в легкие воздуха, чтобы объявить о явлении символа благоволения истинных богов.

Среди масс людей, заполнявших склоны, послышались возгласы и крики, становясь все громче. Лицо Басракана словно окаменело. Тех, кто осмелились мешать в такой момент, он велит изжарить на медленном огне. Он их... Люди были в круге! Вдруг до него дошло значение слышимых им слов.

— Солдаты! — кричали в толпе. — Нападение!

* * *

Ссутулившись, чтобы скрыть свой рост, плотно завернувшись в накидку, Конан быстро продирался сквозь толпу горцев, никому не давая долго разглядывать свое лицо. Его преследовало ворчание и ругань. Поверх черной гривы был небрежно повязан тюрбан, лицо измазано сажей и жиром, взятым из кухонного горшка, но он был рад, что все вокруг видели то, что ожидали видеть, не обращая внимания на то, что говорили им собственные глаза. Широкий круг из грубых каменных колонн находился всего в нескольких шагах. Конан пригибал голову, но не сводил взгляда с двух женщин. Еще несколько мгновений, думал он.

В толпе послышался ропот, который становился все громче. Вдали кто-то закричал, крик подхватили другие голоса. Так долго идти в толпе неузнанным оказалось труднее, чем киммериец ожидал. Лучше начать действовать, пока тревога не стала всеобщей. Схватив рукоять меча, Конан сорвал с себя тюрбан и бросился к кругу.

Проходя мимо грубо отесанных колонн, он понял слова которые кричали люди.

— Солдаты! Нападение! Солдаты! — раздавалось из тысячи глоток.

Фюрдан, подумал киммериец, улыбаясь. Возможно, все еще удастся...

В следующее мгновение он уже бежал, выхватив меч, по неровной гранитной плите. Человек в красном, тряся гневно бородой, кричал на него, стоя над отделанным камнем туннелем, который вел, очевидно, под гору, но Конан не слушал. Он бежал прямо к почерневшим железным столбам. Когда Тамира увидела его, у нее брызнули слезы.

— Я знала, что ты придешь. — Она плакала и смеялась одновременно. — Знала, что ты придешь.

Конан быстро перерезал кожаные ремни, державшие ее руки. Когда девушка падала, он придержал ее за талию, и Тамира попыталась обвить руками его шею.

— Не сейчас, женщина, — прорычал он, быстро закутав ее в накидку. Краем глаза он видел, что Элдран делает с Йондрой то же самое. — Теперь уходим.

Харал и другие бритунийцы были внутри круга, ограниченного колоннами, и все стояли, вынув мечи, и глядели на горцев Со склонов на них смотрели бородатые лица, одни с выражением недоумения, другие злобно. А некоторые, с удивлением заметил Конан, со страхом. Руки тянулись к рукоятям сабель, но никто не решился перешагнуть через низкую гранитную стену, на которой стояли колонны.

Издали донесся яростный бой барабанов заморийской армии. Послышался звон стали и крики дерущихся мужчин.

— Может быть, нам постоять здесь и подождать, пока не подойдут солдаты, — неуверенно сказал Харал.

Горцы, стоящие у самого края круга, заволновались.

— Стоять! — прокричал человек в красном. — Неверными займется...

Надрывая глотки, десятка два воинов в тюрбанах прыгнули в круг и сцепились с бритунийцами. По одному к ним присоединились другие. Конану хотелось знать, что удерживает остальных, но времени на раздумья не осталось.

Киммериец закрылся от удара кривой сабли, направленного ему в голову, пнул второго нападавшего в живот. Этот вто-

рой упал под ноги третьему. Клинок Конана отвел саблю первого нападавшего и вонзился в грудь, прикрытую кожаной жилеткой. Он хотел взглянуть на Тамиру, но горцы напирали. От могучего удара его старинного меча по гранитной плите покатилась голова в тюрбане, и то же движение, продолжаясь, распороло горло под бородой и открыло фонтан крови.

В киммерийце проснулась боевая ярость, закипела горячая кровь, заглушающая рассудок. На него бросались горцы и падали под натиском смертоносной стали. Глаза его горели, будто лазурное пламя, и каждый, кто смотрел в них, понимал, что видит собственную смерть. Краем глаза Конан видел Элдрана, дерущегося с тремя горцами, почти прижавшись к низкой каменной стене, с мечом в одной руке и с кривой саблей в другой. Харал и остальные бритунийцы стояли спиной к спине, и баррикада из трупов мешала пытавшимся подступиться к ним.

Вдруг горец, дравшийся с Конаном, отступил, выпятив от ужаса глаза и глядя киммерийцу через плечо. Горцы, остававшиеся на склонах, затихли и отошли подальше от каменных колонн. Конан решился оглянуться и чуть не выругался.

Из туннеля медленно двигалось переливающееся тело огненного зверя. Его золотые глаза холодно озирали арену, наполненную людьми, которые прекращали борьбу, когда замечали чудовище. Один из кожистых наростов на спине прорвался: оттуда торчало что-то похожее на конец крыла огромной летучей мыши. И почти у самых ног чудовища сидели, сжавшись, Тамира и Йондра.

— Смотрите! — прокричал человек в красном, воздев руки. — Символ истинных богов с нами!

На какое-то мгновение воцарилась тишина, и был слышен лишь звук отдаленной битвы. Затем Элдран крикнул:

— Киммериец!

Бритунием замахнулся и бросил старинный меч с необычным перекрестьем в форме когтистых лап.

Конан перехватил свой меч в левую руку, а правой поймал рукоять брошенного ему меча.

Внимание чудовища привлекло движение, может быть, и сам меч, и оно сделало шаг в сторону киммерийца. В нем еще слишком живо было воспоминание об их прошлой встрече, и, когда открылась полная зубов пасть, он быстро сделал кувырок. Метнулось пламя...

Горец, с которым дрался киммериец, закричал, когда вспыхнули его борода, волосы и грязная одежда.

Конан хорошо помнил, как быстро двигается зверь. Он вскочил на ноги лишь затем, чтобы снова сделать кувырок, но в другом направлении, так чтобы подобраться к чудовищу ближе. В том месте, где он только что стоял, опалило камень. Сверкающая тварь перемещалась со скоростью леопарда, Конан же двигался будто охотящийся лев. Надеясь, что Элдран рассказывал правду об оружии, киммериец ударил. Он почувствовал такое сотрясение, будто искры пробежали по телу. Клинок рассек золотой глаз, проделав глубокую рану в огромной голове зверя, из которой начал капать черный ихор.

Человек в красном, стоявший над входом в туннель, пронзительно закричал и схватился руками за лицо. Зверь вскинул голову и тоже зарычал, и оба звука, слившись, отозвались в горах эхом.

Конан чувствовал, как от этого звука его до мозга костей пробирает холод, как мышцы его делаются ватными. В нем вспыхнула злость. Он не собирается так просто стоять и ожидать смерти. Ярость придала ему сил.

— Кром! — проревел он.

Ринувшись вперед, он вонзил волшебный клинок в грудь зверя.

Зверь дернулся и вырвал меч из рук Конана, встав на дыбы. Если до этого его крик был криком боли, то теперь звучал вопль агонии, вопль, от которого задрожали сами камни.

Человек в красном стоял на коленях, держась одной рукой за лицо, другую прижимая к груди. Он глядел полными ужаса глазами на чешуйчатого зверя.

— Нет! — кричал человек в красном. — Нет!

Чудовище медленно повалилось. С его падением камни туннеля треснули. Из прорвавшегося кожистого нароста на спине показалось влажное крыло, оно дернулось один раз и застыло. Из-под тела зверя виднелся конец красного одеяния, и оттуда текли и смешивались ручейки красной крови и черного ихора.

Горцы, стоявшие на склонах, издали жалобный крик, жуткий вой отчаяния. Тысячи их вдруг ринулись в страхе бежать.

Но даже теперь они старались держаться подальше от круга, образованного колоннами, но их было слишком много, ужас их был слишком велик. Тех, кто стоял ближе к низкой камен-

ной стене, вытолкнули на арену. В круге образовалась давка, люди бежали по головам упавших.

Конан стоял среди людского потока, будто скала, и отчаянно искал глазами Тамиру и Йондру.

Люди, проталкивающиеся мимо него, думали лишь о бегстве, о том, чтобы убраться отсюда, подминая других. Никто не поднял на киммерийца руку, разве только для того, чтобы попытаться убрать его с дороги. Никто не взялся за оружие. Горцы не задерживались, чтобы причинить женщинам вред умышленно, но если какая-нибудь попадет им под ноги...

Элдран с Йондрой на руках благодаря своему росту выделялся среди невысоких горцев. Бритуниец перебрался через низкую каменную стену и исчез в толпе людей в грязных тюрбанах.

Вдруг Конан увидел, как отделанную золотом черную накидку уносит людской поток вокруг горы.

— Дура, — прорычал киммериец.

Звон стали приближался, взывая в сердцах людей, все еще пытающихся бежать, еще больший страх. В такой давке невозможно было взмахнуть мечом или саблей, но то тут, то там мелькали кинжалы, и горцы проливали кровь горцев, прокладывая себе путь к безопасности. Беспощадно молотя кулаками и рукоятью меча, Конан пробивался сквозь толпу, пытаясь добраться до Тамиры. Люди с криком падали под его ударами и, попав под ноги орущей орды, уже больше не поднимались.

Показалась горская деревня. Вокруг двухэтажного каменного здания носились в отчаянии мужчины, таща за собой замотанных в черное женщин с младенцами на руках или вцепившимися в подол детьми постарше. Вот группы горцев смогли вырваться из кипящей людской массы и броситься к своим лагерям. Другие задержались для того, чтобы прихватить с собой все, что можно было взять из каменных лачуг.

Сталь сверкала и обагрялась кровью, и за одно мгновение награбленное трижды успевало перейти из рук в руки.

Конану помогали расчищать путь меч и широкие плечи, он едва замечал людей, которые шарахались от него, будто жалкие уличные псы. Он не видел больше Тамиры среди растекающегося теперь моря горцев.

Вдруг хрупкая воровка метнулась от каменного строения, возвышавшегося над всей деревней. Она вскрикнула и плотнее

закуталась в отделанную золотом черную накидку, когда Конан схватил ее за руку.

— Что ты, именем Митры, тут делаешь? — спросил суровс киммериец.

— Моя одежда... — начала девушка, но тут же взвизгнула, когда он поднял меч.

Конан через голову Тамиры ловко вонзил меч в человека в черном, который выбежал из здания с кинжалом в руке и ненавистью во взгляде.

— Я просто... — снова начала Тамира, еще плотнее укутываясь в накидку, но слова ее оборвались, и она опять завизжала, когда Конан перебросил ее через плечо.

— Дура, дура, — бормотал он и, смотря по сторонам, не появятся ли еще горцы, думающие не только о бегстве, направился в горы.

За спиной шум нарастал, по мере того как заморийская армия подходила к деревне.

Эпилог

Лежа прислонившись затылком к валуну, Конан первый раз за последние дни улыбался по-настоящему. Они были на границе гор, и за все время пути им не встретился ни один горец, который бы не бежал. Никому, конечно, не хотелось нападать на пришельцев.

— ...а когда Тенерс понял, сколько здесь горцев, — рассказывал Фюрдан, — он заорал, чтобы привели меня и палача.

— Там, где находились мы, тоже было мало смешного. Эти старые кости уже не могут переносить приключений, — жаловался Харал.

Йондра и Тамира, все еще закутанные в выданные им накидки, жались к небольшому костру, склонившись друг к другу. Их больше занимала собственная беседа, чем разговор мужчин.

— С заморийцами пришлось трудно, — рассмеялся костлявый человек. — Я думал, с меня тут же сдерут кожу. Потом раздался этот... этот звук. — Он поежился и поправил свою накидку. — От него переворачивалось все внутри. Горцы стояли еще мгновение и потом сломились.

— Это Конан, — сказал Элдран, стоявший в стороне и оглядывавший двух косматых лошадок, которых им посчастливилось отыскать в горах оседланными, но без наездников. Там были и другие, но их воины не смогли поймать. — Он убил огненного зверя, и тот... закричал.

— Замориец завоевал победу, — сказал Харал, — и добыл себе славу. Пройдут годы, прежде чем горцы подумают снова объединиться. В Шадизаре его объявят героем, а киммериец не получит ничего.

— Пускай Тенерс берет славу себе, — ответил Конан. — Главное, что мы остались в живых, а зверь мертв. Что еще можно требовать от судьбы?

Элдран вдруг отвернулся от лошадей.

— Есть еще кое-что. Кажется, один нестребованный должок. Йондра!

Йондра напряглась и посмотрела через плечо на высокого бритунийца. Тамира быстро поднялась, придерживая рукой черную накидку, и встала рядом с Конаном.

— Я ничего тебе не должна. — Тон сероглазой аристократки был сердитым. — Но я хотела бы поговорить с тобой об одежде. Как долго будут заставлять меня носить лишь эту накидку? Ты, конечно, можешь найти мне что-нибудь еще.

— Одежда — это часть долга, — ответил ей Элдран. Он начал загибать пальцы: — Одна накидка с подкладкой из барсучьего меха, одна пара обмоток из меха волка. И хороший немедийский кинжал. Я уж не говорю о шишке на голове. Так как я вижу, что вещи мне не вернут, то я требую платы. И твердо намерен ее получить!

Йондра фыркнула:

— В Шадизаре я дам тебе столько золота, сколько ты весишь.

— В Шадизаре? — рассмеялся Элдран. — Я бритуниец. Какое мне дело до золота в Шадизаре. — Он вдруг подскочил к ней и повалил на землю. Из-за пояса он вынул длинные ремешки вроде тех, что держали обмотки. — Если ты не можешь мне заплатить, — сказал он пораженной аристократке, — то в качестве платы я забираю тебя.

Конан поднялся, и рука его потянулась к мечу, но Тамира положила свои ладони на его кулак.

— Ничего не делай, — сказала она тихо.

Киммериец нахмурился и недоуменно посмотрел на нее:

— Ты ее так ненавидишь?

Тамира помотала головой и улыбнулась:

— Нужно быть женщиной, чтобы понять. Ей надо выбрать: вернуться и оставаться богатой, но при этом быть изгоем, презираемым за бритунийскую кровь, либо стать пленницей человека, который ее любит. И которого любит она, хотя и не может заставить себя признаться в этом. Такой выбор любая женщина сделает мгновенно.

Конан отметил про себя, что Йондра сопротивляется както вяло, не так, как могла бы, хотя и разразилась, как обычно, тирадой:

— Ты, бритунийский олух! Эрлик вырви твою душу! Отпус-

ти меня немедленно! Я прикажу отрубить тебе голову! Деркето иссуши твой мужской член! Тебя изжарят живым на костре! Ох! Если меня отпустишь, я дам тебе выкуп, какой никто еще не получал, прокляни тебя Митра!..

Британиец с улыбкой выпрямился. Княжна теперь представляла собой аккуратный сверток, обернутый в накидку и связанный ремешком.

— Я бы не взял взамен все богатство Шадизара, — произнес Элдран. — К тому же рабыня в Британии может позабыть о золоте в Шадизаре. — Йондра оскорбленно вскрикнула, но он повернулся к ней спиной. — Ты все понимаешь, киммериец?

Конан посмотрел на Тамиру, и она кивнула.

— Мне объяснили, — ответил он. — Но сейчас мне уже пора идти.

— Храни тебя Виккана, киммериец, — сказал Элдран. Фюрдан и Харал тоже попрощались.

Конан вскочил на одну из лошадок.

— Тамира? — произнес он, протягивая руки. Когда он поднимал и усаживал ее за собой, накидка распахнулась и открыла мягкие изгибы шелковистого тела, и ей пришлось плотно прижаться к его спине, чтобы сохранить скромность.

— Поаккуратнее, — пожаловалась она.

Огромный киммериец лишь улыбнулся, затем обратился к остальным:

— Прощайте и выпейте за мое здоровье из чертова рога, если окажетесь в аду раньше меня.

Когда косматая лошадка отнесла их на некоторое расстояние от лагеря, Тамира сказала:

— Тебе не нужно за нее волноваться, Конан. Могу поспорить, что к концу года она не только заставит его освободить себя, но они еще и поженятся.

Конан лишь проворчал и посмотрел, не появились ли впереди между гор равнины.

— Жаль, что приходится возвращаться в Шадизар с пустыми руками.

Конан по-прежнему молчал.

— Наверняка рубины теперь у каких-нибудь горцев. — Тамира тяжело вздохнула. — Но пойми, я не держу на тебя за это зла. Я даже хотела бы видеть тебя после того, как мы вернемся

в Шадизар. Может быть, мы можем встретиться в «Красном льве».

— Может быть. — Засунув руку в сумку у пояса, Конан вынул из нее два огромных рубина, принадлежавших Йондре. Они, казалось, светились алым огнем на его мозолистой ладони. — Может быть, я потрачу на тебя часть того, что выручу за это. — Тамира вскрикнула, и он, почувствовав, что она начала шарить в накидке, улыбнулся. — Ты действительно думала, что я не знаю о кармашке в собственной накидке? — спросил он. — Хотя меня и не воспитывали как вора, я кое-что умею делать пальцами.

Кулачок ударил его по плечу.

— Ты же сказал, что не будешь у нее красть, — крикнула хрупкая воровка.

— Я и не крал у нее, — ответил он спокойно. — Я украл их у тебя.

— Ты не хотел красть их у нее, потому что ты с ней спал, но ведь ты... ведь я... ведь мы...

— Но ведь ты сама сказала, что это не должно беспокоить настоящего вора, — сказал он, усмехнувшись.

— Попробуй только усни, — сказала грозно Тамира. — Попробуй только сомкнуть глаза. Ты слышишь меня, киммериец? Попомни мои слова. Ты думаешь, я позволю...

Конан снова спрятал рубины в сумку, затем передвинул ее на всякий случай так, чтобы воровке было труднее дотянуться. Может быть, его и не встретят с триумфальными почестями, как Тенерса, но и он возвратится в Шадизар с хорошим настроением. Рассмеявшись, он ударил пятками в бока лошади.

ЛОВУШКА ДЛЯ ДЕМОНА

Пролог

Ночь в Вендии была необычно тихой, а воздух тяжелым и гнетущим. Даже легкий ветерок не освежал столицу Айодхья в ту ночь. Луна висела в небе, как громадный, чудовищный желтый череп, и все те, кто решил взглянуть на нее, содрогались от ужаса и желали только одного — чтобы хоть одно облачко поскорее закрыло этот кошмар. В городе ходили слухи, будто подобная ночь, особенно ночь полнолуния, всегда является черным предзнаменованием чумы или войны, и в любом случае, несомненно, смерти.

Человек, который называл себя Найпал, не обращал внимания на подобные глупые разговоры. Наблюдая с высокого балкона большого дворца с алебастровыми шпилями и позолоченными куполами (дворец принадлежал ему, как царский подарок), он знал, что огромный диск луны не был ни дурным, ни добрым предзнаменованием, что бы ни болтали об этом глупые людишки. Звезды, вот что говорило в эту ночь о грядущих событиях и судьбах. Конфигурации звезд, оставшиеся темными в течение долгих месяцев, наконец стали ясными в эту ночь. Найпал коснулся своими длинными цепкими пальцами узкого золотого сундучка, который стоял перед ним. «Сегодня ночью, — подумал Найпал, — я соприкоснусь лицом к лицу со страшной опасностью, это будет момент, когда все мои планы могут превратиться в пыль. И все-таки не бывает победы без риска, и чем выше цель, тем более велика и опасность».

Найпал... Это имя не было его настоящим именем, так как в стране, славящейся своими интригами, те, кто шел по его стопам, были более скрытными, чем кто бы то ни было. Он был слишком высок для вендийца, а люди этой страны считались высокими среди других народов, населяющих Восток. Рост этот особенно выделял Найпал а и подчеркивал его значительность, которую он нарочно принижал, надевая халат мрачного цвета, вроде того темно-серого халата, который был на нем в

эту минуту, в отличие от шелков цвета радуги или цветного сатина, которые предпочитали мужчины Вендии. Цвет тюрбана был цветом угля, головной убор был также скромен, не будучи украшен ни драгоценными камнями, ни плюмажем, подчеркивающим богатство и знатность владельца. Лицо Найпала было по-своему и страшным и красивым, одинаково спокойным и невозмутимым. Казалось, душа этого человека постоянно пребывала далеко от всех потрясений, горя, катастроф. Выпуклые, большие черные глаза говорили одновременно о мудрости и страсти. Однако он очень редко позволял людям видеть себя, поскольку таинственность всегда скрывает за собой власть и могущество, хотя многие знали, что тот, кто называет себя Найпалом, является придворным магом и чародеем при дворе царя Бандаркара, повелителя Вендии. Этот Найпал, как поговаривали в Айодхье, был большим мудрецом, и не только из-за своей долгой и преданной службы царю, начиная с того дня, когда бывший придворный маг странно исчез, но также и из-за того, что практически был лишен жажды власти и амбиций. В столице, где, как и везде в Вендии, каждый мужчина и женщина горели жаждой интриги и власти, отсутствие этих качеств было поистине ценным качеством, хотя и несколько странным. Но, с другой стороны, Найпал делал множество странных вещей. Было известно, например, что он раздавал большие суммы денег бедным, бродягам, бездомным детям. Этот факт служил предметом для пересудов и шуток придворных царя Бандакара, втайне все они думали, что Найпал делал это, чтобы прикинуться добрым человеком. Но в действительности всякий раз, бросая бедным монетку, Найпал вспоминал, что сам вышел из этих улиц, вспоминал ночи, проведенные у деревьев и под мостами, когда он был слишком голоден, даже чтобы заснуть. Но открыть эту правду — значит показать собственную слабость, поэтому чародей предпочитал выслушивать циничные слухи и сплетни о своих поступках, так как самому себе он не позволял никакой слабости.

Еще раз взглянув на небо, Найпал ушел с балкона, крепко сжимая в руках узкий сундучок. Позолоченные светильники, искусно сделанные в виде птиц и цветов, освещали коридоры с высокими потолками. Мастерски сделанные вазы из фарфора и хрупкого хрусталя стояли на столиках из полированного черного дерева, украшенные резьбой слоновой кости. Толстые,

мягкие, пушистые ковры покрывали полы дворца, красота, материя и краски делали их бесценными сокровищами, а любой гобелен, висящий на алебастровых стенах, мог быть обменен на дочь царя. На людях Найпал делал все, что мог, чтобы быть незаметным, но у себя дома он расслаблялся и погружался во все мыслимые и немыслимые удовольствия. Однако в эту долгожданную ночь его взор не коснулся даже бегло орнаментов дворца. Колдун не приказал слугам принести изысканного вина, позвать музыкантов или женщин. Найпал спускался все глубже в подвалы дворца и еще глубже, где были камеры, чьи стены мерцали таинственным голубым, как у жемчужин, светом. Эти камеры были созданы магией. Немногим из слуг было позволено появляться в этих глубоких подземных комнатах, а те, кто все же попадал туда, не могли рассказать о том, что они там делали и что видели, по той простой причине, что лишались языка. Никто во всей Вендии не знал о существовании этих камер. Большинство слуг колдуна не бывали там и поэтому сумели сохранить свои языки и из страха и самосохранения даже не смотрели в ту сторону. Когда же они заговаривали об этом, их голоса понижались до тихого шепота. Обычно так рассказывают, лежа в постелях, страшные истории.

Коридор, уходивший резко вниз, расширился, и перед глазами мага открылась большая квадратная комната, примерно тридцать шагов в длину. Стены комнаты сияли мерцающим голубоватым светом, создавалось впечатление, что стены пробиты одним чудовищным ударом, так как не было никакого намека на швы или кладку. В середине камеры возвышался остроконечный у вершины купол, высотой в рост стоящего мужчины. Под куполом, в самом его центре, проходила сводчатая паутина из чистого серебра, почти невидимая у пола и занимающая большую часть комнаты. Серебряная нить была искусной работы, и от нее, так же как и от стен, исходило голубое мерцание, словно от падающих при свете луны снежинок. В девяти симметрично расположенных точках стояли треножники из золота с искусной резьбой и орнаментом. Каждый треножник был не выше колена Найпала и располагался так, что ножки как бы продолжали узор серебряной паутины. Воздух казался тяжелым от дьявольских сил и колдовства, царивших здесь, и чудилось, будто само зло висело в воздухе. Одна шестая часть одной из стен, была отделена толстой железной

решеткой, с закрытой на засов дверью, сделанной из толстого железа. Рядом с решеткой и странным куполом стоял маленький стол из полированного красного дерева. На столе лежали все необходимые для сегодняшней ночи предметы. Они покоились на куске черного бархата, подобно драгоценностям, выставленным на продажу ювелиром. Однако самое почетное место на столе занимал маленький, искусной работы, длинный сундучок из черного дерева.

Положив позолоченный сундучок на шелковую подушку, перед которой стоял еще один золотой треножник, Найпал вернулся к столу. Рука чародея потянулась было к черному сундучку, но, поддаваясь внезапному импульсу, он взял в руки оправленное в рамку из слоновой кости зеркало. Найпал осторожно развернул тонкие, как паутина, шелковые ткани, в которые зеркало было завернуто. Они были мягче на ощупь, чем самая тонкая ночная рубашка. Наконец последний кусок материи был снят, и в руках мага оказалось хорошо отполированное серебряное зеркало... не показывающее на своей блестящей поверхности никакого отражения. Даже сама комната не отражалась в зеркале.

Колдун кивнул головой. Он и не ожидал другого, но знал, что не должен позволять самоуверенности взять верх над необходимыми мерами предосторожности. Это зеркало было необычным не только из-за своих странных оптических свойств. Его можно было использовать для передачи донесений другому человеку на расстояние или следить за кем-то. Серебряная поверхность зеркала не показывала ни одного изображения, за исключением только тех, кто хотел или мог нарушить планы чародея. Однажды, вскоре после того, как Найпал стал придворным магом у царя Вендии, Маунит Имша, глава страшных *черных провидцев*, появился в зеркале. Найпал знал, что это было только любопытство могучего колдуна, не больше. Провидцы не чувствовали в Найпале большой для себя опасности. Глупцы. Тем хуже для них. Через день изображение исчезло, и никогда с тех пор ничто не появлялось в зеркале. Даже на секунду. Таково было совершенство его колдовства:

Удовлетворенный, Найпал снова покрыл зеркало куском материи и открыл сундук из черного дерева. Внутри лежало то, что только увеличило чувство удовлетворения. В полированном футляре из сандалового дерева находились десять камней,

овальных, гладких и таких глубоких по цвету, что даже само черное дерево казалось менее темным по сравнению с ними. Девять камней были величиной с большой палец мужчины, а последний камень был раза в два больше остальных. Это были *корасани*. В течение многих веков люди гибли в безуспешных попытках найти их, пока, наконец, даже само их существование не стало легендой, сказками для детей. Десять лет потребовалось Найпалу, чтобы отыскать их, и это были поиски, насыщенные испытаниями и приключениями, которых хватило бы на десяток эпических сказаний, если бы они стали известны людям.

Найпал осторожно положил девять *корасани* меньшего размера на каждый из золотых треножников, окружавших загадочный узор на полу. Десятый, самый крупный камень, маг поставил на треножник перед подушкой. Все было готово.

Найпал сел, скрестив ноги, на подушку, и начал нараспев читать заклинания, вызывая невидимые силы:

— *Э'лас элой-хим! Марааф савиндэй! Кора мар! Кора мар!*

Снова и снова он повторял слова заклинания, пока камень, лежавший перед ним в треножнике, не замерцал, как будто внутри него загорелось пламя. От камня не исходило никакого физически ощущаемого света, но он, казалось, был раскален, как в пламени костра. Внезапно с резким шипением, будто горячий металл был опущен в воду, узкие пучки пламени сорвались с яркого, «пылающего» камня, и каждый из этих пучков метнулся к одному из девяти *корасани*, окружающих серебряный узор. Так же внезапно, как и появились, пучки пламени угасли, теперь уже все десять камней пылали тем же яростным огнем. Снова раздался шипящий звук, и горящие камни были окружены полосками огня, в то время, как с каждого треножника сорвалась яркая лента, поднялась вверх и опустилась вниз. Внутри этой огненной клетки не было ни пола, ни купола, а только пятно темноты, уходящей в бесконечность.

Найпал замолчал, изучая результаты своих усилий, и вдруг закричал:

— *Масрок*, я вызываю тебя!

Внезапно в камере загудел ветер, словно все ветры мира сорвались с какой-то привязи. Громовые раскаты потрясли камеру, и внутри огромной клетки появилось чудовище, повисшее между куполом и полом. Это была какая-то жуткая вось-

мирукая тень, ростом в два раза больше самого высокого человека. Ее кожа была как отполированный обсидиан; единственной одеждой служило серебряное ожерелье, с которого свисали три человеческих черепа; тело было гладким, блестящим и бесполым. Две руки чудовища держали копья, унизанные, в виде украшения, человеческими черепами, еще две держали серебряные мечи, с которых лился странный дьявольский свет. Третья пара рук сжимала острые тонкие кинжалы, а четвертая также потрясала длинными копьями. От клинков, наконечников и лезвий исходил неестественный, потусторонний свет. Большие острые уши чудовища дергались на безволосой голове, а остро-раскосые красные глаза, казалось, пронзали своим светом Найпала. Очень осторожно создание коснулось одним из своих серебряных копий огненной клетки. Тысячи огненных вспышек гневно загудели, как разъяренные пчелы, и молнии пробежали по краям клетки, остановившись только тогда, когда демон отвел копье от прутьев.

— Почему ты все еще пытаешься спастись, Масрок? — требовательно спросил Найпал. — Ты не сможешь так легко нарушить нашу сделку. Только безжизненная материя может пересечь границы этой клетки, и даже ты не сможешь открыть ее изнутри. Что тебе, впрочем, хорошо известно.

— Если ты сделаешь глупую ошибку, о Человек, тогда уже не будет нужды в сделках. — Громовые слова прозвучали сквозь плотно сжатые зубы-клыки, которые, казалось, были созданы для того, чтобы разрывать плоть. Самоуверенность слышалась в голосе чудовища. — И все же я буду держаться нашей сделки.

— Вне всякого сомнения. Ты будешь это делать. Ты должен это делать, хотя бы из чувства благодарности. Разве я не освободил тебя из тюрьмы, в которой ты находился в течение столетий?

— Свобода, о Человек? Я оставляю эту тюрьму только тогда, когда ты вызываешь меня, и здесь я сижу в клетке, пока ты не отправляешь меня снова в ту же самую тюрьму. За это и за твои обещания я должен служить тебе? Я послал демонов унести прочь твоего бывшего господина, чтобы ты смог возвыситься и обрести жалкую власть придворного мага. Я закрывал глаза Черным Провидцам *имши*, чтобы они не обрушили свой гнев на твою голову. Я делаю то, что ты требуешь от меня, о Человек, и ты еще осмеливаешься говорить мне о свободе?

— Продолжай повиноваться мне, — сказал холодно Найпал, — и ты получишь свою свободу окончательно. А откажешься...

Он открыл позолоченный сундучок и выхватил лежащий внутри серебряный кинжал, являющий собой близнеца тех кинжалов, которые были в руках у демона, даже сияние клинка было таким же. Чародей замахнулся им на демона.

— Когда мы заключали сделку, я потребовал от тебя в знак того, что она заключена, вот это. И ты дал мне это оружие, которое опасно даже легким прикосновением к человеческой плоти. Неужели ты думаешь, что с оружием демона в руках я не захочу узнать его секретов? Ты презираешь человеческие знания, Масрок, хотя тот, кто приковал тебя к твоей вечной тюрьме, тоже был человеком. Из старинных колдовских книг я вычитал упоминание об оружии, сотворенном демонами, об оружии из сверкающего серебра, которое не может промахнуться и поражает насмерть всех, в кого оно направлено. Даже демонов, Масрок! Даже тебя!

— Тогда порази меня им! — зарычало чудовище. — Я шел на бой вместе с богами и против богов, в то время когда человек только и мог, что залезть под камень, перевернуть его и съесть спящих там улиток. Бей же меня кинжалом!

Криво улыбнувшись, Найпал снова положил кинжал в сундучок.

— Ты мне не нужен мертвым, Масрок. Я просто хочу, чтобы ты знал: есть вещи и похуже того, что я могу сделать с тобой, кроме того, как просто оставить тебя в тюрьме. Даже для демона время в тюрьме лучше, чем смерть.

Рубиновые глаза чудовища с ненавистью уставились на колдуна.

— Что ты хочешь от меня на этот раз, о Человек? Есть пределы моим возможностям, пока я огражден твоей магией.

— Снять эти барьеры я не могу. — Найпал глубоко вздохнул; момент величайшей опасности был уже совсем рядом. — Ты был заключен навеки охранять гробницу царя Ориссы под затерянным городом *Махарастра*.

— Ты уже спрашивал меня об этом, о Человек, и я отвечу тебе опять — я не открою местоположения города. Я не предам своего дела, даже если буду оставаться в тюрьме навеки.

— Я прекрасно знаю пределы твоей помощи мне. Слушай

же мой приказ. Ты вернешься в свою гробницу, Масрок, и принесешь мне одного из воинов, погребенных с царем Ориссой. Принеси мне одного человека из его армии, охраняющей его покой.

На мгновение Найпал подумал, что демон согласится без всякого протеста, но ошибся. Масрок внезапно вскрикнул и закрутился волчком. Он крутился все быстрее, пока перед взором колдуна не появилось черное пятно, пронизанное блестками серебра. Это пятно не касалось прутьев клетки, оно жужжало, и молнии слетали с его огненных кромок. Комната вибрировала с пронизывающим тело визгом, и голубовато-белое сияние наполнило воздух.

Лицо Найпала осталось невозмутимым, хотя пот градом стекал со лба.

Маг хорошо знал, какие силы сдерживались этим барьером и какие силы он должен был употребить, чтобы заставлять чудовище кричать и беситься. На мгновение огненная клетка была на грани того, чтобы разлететься на кусочки, и Масрок почти вырвался на свободу. Если бы это произошло, колдун умер бы в самых страшных мучениях. Так же внезапно, как и началось, буйство огня утихло. Масрок стоял неподвижно, как будто был высечен из обсидиана; рубиново-кровавые глаза монстра пылали гневом.

— Ты просишь, чтобы я совершил предательство!

— Очень маленькое предательство, — сказал невозмутимо Найпал, собрав, однако, всю свою волю, чтобы сохранять спокойствие.

— Мне не нужно знать расположение гробницы. Только один-единственный воин из многих тысяч!

— Вырваться из пут после двух тысячелетий оков — это одно, но предать то, что я был обязан охранять, — это совсем другое!

— Я предлагаю взамен этого свободу, Масрок. Свобода после двух тысяч лет заключения.

— Две тысячи лет, о Человек? Вся человеческая жизнь — не более, чем секунда мысли для меня. Что такое время для *меня*?

— Две тысячи лет, — повторил колдун.

— Гробницу охраняют еще три таких же демона, как и я, — произнес медленно Масрок. — Такие же, как я, мои двойники. Мы все были созданы из кружащегося куска Хаоса в мо-

мент, когда само Время было только что создано богами. Три таких же демона, как я. Это потребует времени, о Человек.

Найпал едва сумел скрыть свое возбуждение.

— Сделай это как можно скорее. И помни, что когда твоя служба будет закончена, ты получишь свою свободу. А теперь ступай, Масрок. Я приказываю тебе!

Еще раз раскаты грома сотрясли комнату, и огненная клетка опустела. Найпал вытер дрожащей рукой пот со лба. Дело было закончено. Еще одна нить вплетена в ковер с необыкновенно сложным узором...

Легкая улыбка появилась на лице чародея. Когда узор будет окончательно сплетен, весь мир склонится перед Вендией и, сам того не осознавая, мир склонится перед ним, Найпалом.

Глава 1

На расстоянии город казался сделанным из драгоценных камней, слоновой кости и золота на фоне сапфирового моря, вполне оправдывая свое гордое имя — «Золотая Царица Вилайета». Однако более близкое знакомство с городом объясняло также, почему люди дали Султанапуру другое, менее изящное название — «Позолоченная Шлюха Вилайета». Защищенный широким и большим молом и волнорезами, залив был переполнен кораблями, которые давали Султанапуру все права называть себя Царицей, но на каждое торговое судно, нагруженное до самых краев шелками из Кхитая, на каждую галеру, которая везла пряную корицу, перец и ваниль из Вендии, приходился один, а то и два корабля из Корафа или Хоарезма, насквозь пропахших отчаянием и потом, и знакомым страшным клеймом работорговца.

Золотые купола-луковицы поднимались вверх над дворцами из бледного мрамора, алебастровые шпили, казалось, пронзали собой небесно-голубую высь, но улицы были кривыми и грязными, забитыми разношерстным сбродом, даже в самых богатых кварталах, так как Султанапур рос во все стороны, быстро и без всякого плана. Городу было много столетий, сколько?.. Этого никто не мог сказать... Не один раз уже за свою долгую историю город погибал, его золотые дворцы и гордые храмы давно уже забытых богов разрушались и рассыпались в прах и пыль. Однако с каждой новой смертью новые дворцы и новые храмы, посвященные новым богам, вырастали, как грибы после дождя, на руинах старых храмов, и точно так же, как грибы, они теснились вместе, так плотно, как только могли, оставляя лишь кривые узкие проходы между улицами. Город был пыльным, поскольку в этих краях дождь выпадал только раз в год, и это тоже имело свой отличительный запах. Без дождя, который мог бы омыть улицы, тяжелый запах годами висел в горячем, душном воздухе, какая-то странная смесь из специй,

пота, духов и навоза. Тысячи запахов сливались вместе, и уже невозможно было отличить один аромат от другого. Запахи смешивались в жуткие миазмы, висевшие день и ночь над городом и ставшие такой же неотъемлемой его частью, как и любое его здание. На каждом углу в Султанапуре стояла баня; это были украшенные богатым орнаментом мраморные сооружения с бассейнами, покрытыми красивой мозаикой. В них прислуживали чернокожие рабыни и служанки, не прикрытые ничем, кроме своей блестящей кожи. Были бани и победнее, обычные деревянные дома, стоявшие позади таверн, где служанки могли поскрести спину клиенту за стоимость стакана дешевого вина.

Но не запах, а постоянная удушающая жара сделала бани традицией. Сморщенный в гримасе нос, надушенные лицо и одежда были отличительными приметами чужеземца в Султанапуре, так как для тех, кто жил здесь, запах стал привычным и не столь уже неприятным, да у них и времени не было на то, чтобы его замечать.

Здесь всегда было полно чужестранцев, так как Золотая Шлюха Вилайета привлекала людей особого сорта со всех концов мира. В прохладном, расположенном в усаженном фиговыми деревьями, отбрасывающими приятную тень, квартале можно было встретить чернокожего купца из Пунта, разговаривающего с кхитайцем с глазами миндальной формы и обсуждающего с ним качество вин из Зингары, или бедного коринфийца, который разговаривал с увенчанным тюрбаном вендийцем о караванных путях, доставляющих слоновую кость в Иранистан. Улицы являли собой смешанный калейдоскоп разноцветных халатов и тюрбанов, из сотен городов разных стран, а на рынках и базарах можно было слышать языки и диалекты стольких стран и княжеств, что их невозможно было перечислить. В одних местах товары покупались и приобретались честно. В других товары были скуплены у пиратов, бороздящих море. Или же монеты переходили из рук в руки бандитов, грабящих караваны, либо доставались контрабандистам с черного побережья. Но каким бы образом ни добывались товары, едва ли половина их проходила через царскую таможню Султанапура. Султанапур был царицей, гордившейся своим непостоянством царю...

* * *

Несмотря на то, что ростом он был намного выше и в плечах шире почти всех, кто проходил мимо, мускулистый молодой парень не привлекал к себе слишком большого внимания, шагая по переполненным улицам, по которым катились сотни запряженных буйволами телег, немилосердно скрипевших. «По крайней мере, они могли бы не пожалеть медяка на смазку», — подумал юноша. Почти все телеги спешили к порту.

Туника из белого полотна плотно облегала сильное тело; широкий, длинный меч в простых потертых кожаных ножнах висел на поясе. Но ни меча, ни широких плеч парня явно не хватало для того, чтобы выделиться из толпы в Султанапуре. Большие мужчины, мужчины, которые ходили с мечами на поясе, всегда могли рассчитывать найти работу в городе, где никогда не было недостатка в товарах или жизнях, которые нужно было охранять.

Волосы густой черной шапкой спускались юноше на плечи; на лбу они были перехвачены тоненьким кожаным ремешком. Глаза юноши были такие же голубые, как цвет моря Вилайет, и жесткие, как агаты. И эти глаза привлекали пристальные взгляды тех немногих людей, которые обращали на парня внимание. Некоторые делали знак пальцами, чтобы отогнать дурной взгляд, когда голубоглазый гигант проходил мимо, но те, кто делал это, делал это осторожно и незаметно. Одно дело избежать проклятия этих странных голубых глаз, но рассердить их владельца было делом совсем иным, особенно когда было видно, что кожаные ленты на рукоятке меча были отшлифованы от долгого употребления, а походка и лицо показывали, что парень нисколько не возражает против того, чтобы еще раз-другой использовать свое оружие. Юноша видел тех, кто делал пальцами рожки при встрече, отгоняя злых духов, но не обращал внимания. Два месяца жизни в Султанапуре приучили его к таким людям, и он не сердился на них, а скорее игнорировал. Порой он пытался представить, что бы эти люди подумали, если бы вдруг очутились в его родных горах, в Киммерии, где глаза любого цвета, кроме серого и голубого, так же редки, как его собственные в этой южной стране — в Туране. И очень часто с тех пор, как он попал в этот город, он с грустью смотрел на голубое море Вилайет, которое дразнило своей влажностью сухой воздух, и вспоминал с тоской о пронизываемых ветрами

снежных горных склонах своей родины. Он тосковал по Киммерии, но тоска его длилась не долго. До того, как судьба привела его в Туран, он был вором, однако понял, что золото, добываемое таким способом, имеет свойство растекаться между пальцами быстрее, чем вновь появляется. Он собирался когда-нибудь возвратиться в Киммерию, но с таким количеством золота, чтобы бросать его горстями, как воду. В Султанапуре он нашел старого друга и новое ремесло.

В каменной таверне, где на вывеске был грубо намалеван желтый серп луны, сидели несколько посетителей. Конан вошел внутрь, закрыв за собой тяжелую дверь, помешав уличному шуму ворваться в тихий сумрак таверны. В «Золотом Полумесяце» было прохладно, так как толстые стены таверны предохраняли так же хорошо посетителей от раскаленного солнца, как и от холода. Столы были хаотично, но на привычном расстоянии друг от друга расставлены на каменном полу, так что разговоры было бы нелегко подслушать чужому уху. Внутри царил полумрак, и не случайно, так как здесь был свой закон — тот, с кем разговаривал клиент, и о чем он говорил, было только его личным делом и ничьим иным. Посетителями таверны были, в основном, туранцы, представляющие собой довольно пестрое зрелище — от изношенной в лохмотья, когда-то белой льняной туники, до дорогого шелка и бархата очень безвкусного желтого или ярко-красного цвета. Однако даже самые неряшливые на вид бродяги не имели недостатка в деньгах, ибо это подтверждалось количеством проституток, сидевших у мужчин на коленях или бродивших между столами, выставляя на показ прелести. Одежда девиц состояла из длинных полос очень тонкого, прозрачного и ярко окрашенного шелка.

Некоторые из посетителей кивали Конану или заговаривали с ним. Он знал их всех по имени — Юнио, Валаш, Эмилий, — они занимались тем же ремеслом, что и Конан. Однако киммериец просто отвечал на их приветствия, так как в этот день все эти люди его не интересовали. Конан вгляделся в полумрак таверны, выискивая одну интересующую его девушку. Он увидел ее в тот же момент, когда она увидела его.

— Конан! — взвизгнула она, и руки киммерийца тут же наполнились блестящей оливковой плотью. Узкая полоска красного шелка едва прикрывала круглые груди, и еще один кусок

ткани, в два раза шире, закрывал округлые бедра. На поясе девушки был кушак из бархата с позолоченной бронзовой пряжкой. Черные волосы спускались волной на спину, прикрывая обнаженные ягодицы, а глаза были темными и матово-далекими, как дымчатое стекло.

— Я так хотела, чтобы ты пришел ко мне. Я так скучала без тебя.

— Скучала без меня? — рассмеялся Конан. — Таша, ведь с тех пор прошло всего четыре дня. Но чтобы ты больше не была одинокой...

Конан сунул руку в кожаный кошель, висевший на поясе, и вытащил чудесный голубой топаз, оправленный в филигранную оправу и висевший на изящной работы золотой цепочке. В течение нескольких минут Конан был занят поцелуями, которыми Таша осыпала его, пока киммериец застегивал цепочку с камнем у нее на шее. А поцелуй от Таши был определенно более весомым, чем ночь в объятиях некоторых женщин. Приподняв голубой камень, который покоился сейчас между ее грудей, девушка снова с восхищением взглянула на драгоценность, а потом лукаво посмотрела на Конана сквозь густые ресницы.

— Тебе, должно быть, очень повезло с рыбной ловлей, — улыбнулась она.

Конан усмехнулся:

— Нам, рыбакам, нужно работать очень упорно, зарабатывая себе на жизнь, забрасывая невод в воду и вытаскивая его с добычей. К счастью, цена на рыбу сейчас очень высока.

Сопровождаемый взрывами смеха тех, кто слышал его слова, Конан повел Ташу к пустому столику.

Все, кто посещал «Золотой Полумесяц», называли себя рыбаками, и вполне возможно, что некоторые из них изредка ловили рыбу, под настроение. Но большинство получали свой «улов» ночью, на пустынном побережье, где не было таможенников и стражников царя Илдиза, которые могли проверить, была ли на прибывающих кораблях рыба или же на берег выгружались рулоны шелка и бочки с вином. Говорили, что если все так называемые «рыбаки» действительно доставили бы рыбу на рынок, то город был бы завален до самых высоких башен свежей рыбой, а Вилайет был бы опустошен и навеки бы лишился своих подводных обитателей.

В конце комнаты Конан плюхнулся на скамью и посадил Ташу себе на колено. Девушка-служанка с масляными глазками тут же появилась рядом со столом, одетая чуть скромнее, чем девки, хотя ее одежда была из хлопка, а не из шелка. Но служанка была так же доступна, как и другие женщины, для тех, кто не мог или не хотел платить более дорогую цену за девушек из таверны. Улыбка, которой она одарила широкоплечего киммерийца, явственно говорила, что она не задумываясь заняла бы место Таши.

— Вина, — сказал Конан и наблюдал, как покачивались округлые бедра, когда служанка пошла к бочонку, чтобы нацедить кружку вина.

— Ты пришел, чтобы увидеть меня или ее? — спросила едко Таша. — Или именно поэтому ты не пришел ко мне вчера? Может, ты утешал толстобедрую служанку, а?

— Я не думаю, что ее бедра такие уж толстые, — мягко сказал Конан.

И едва успел схватить рукой за запястье Таши, прежде чем девушка успела отвесить пощечину. Таша извернулась на колене киммерийца, как бы собираясь встать, и Конан крепче сжал руку на ее поясе.

— Кто сидит сейчас у меня на колене? — спросил Конан. — По-моему, вполне понятно, кого именно я хочу.

— Возможно, — все еще надув губы, ответила девушка, но перестала вырываться.

Конан осторожно высвободил ее руку. Он знал о горячем, вспыльчивом характере Таши и раньше. Она вполне могла выцарапать глаза своими острыми ногтями. Но страстью, которой она загоралась в эти гневные вспышки, она могла наполнить и другие, более приятные минуты, и поэтому Конан любил встречаться с ней.

Служанка вернулась с глиняным кувшинчиком вина и двумя видавшими виды, помятыми оловянными кружками. На этот раз Таша наблюдала за тем, как она удаляется, с мрачным взором, в котором было что-то недоброе. Насколько Конан разбирался в женщинах, что бы они ни говорили, они предпочитали мужчин, которых нельзя было легко одолеть. Однако сейчас киммериец решил слегка успокоить штормовые воды.

— Послушай, — сказал он. — Мы не вернулись в Султанапур до раннего утра, так как ветер резко переменил направле-

ние. Мне потребовалось всего несколько часов, чтобы добыть эту побрякушку для тебя. Если хочешь, я могу разыскать Ордо, который подтвердит это.

— Он солжет для тебя, если захочет.

Она взяла кружку, которую Конан налил для нее, но вместо того, чтобы отпить вина, прикусила нижнюю губу и сказала:

— Он искал тебя. Ордо искал тебя, я хочу сказать. Я забыла сказать об этом раньше. Он хотел увидеть тебя немедленно. Что-то насчет большого улова «рыбы», кажется.

Конан подавил улыбку. Это была почти незамаскированная попытка, чтобы он ушел, как дурень, попавшись на ее маленькую хитрость. Покидая свой корабль, одноглазый контрабандист говорил о своих намерениях встретиться тайно с женой одного купца, чей муж был в это время в *акифе*. Однако у киммерийца не было никакой нужды делиться с Ташей этой информацией.

— Ордо может подождать.

— Но...

— Ты, Таша, самая желанная, ценней всех шелков и драгоценностей. Я останусь здесь. С тобой.

Она бросила на Конана косой взгляд и вдруг с нежностью спросила:

— Ты так любишь меня? — Она прижалась к Конану гибким телом и легко укусила его в ухо, прошептав: — Мне очень нравится твой подарок, Конан.

Шум улицы снова ворвался в таверну, означая, что внутрь зашел еще один посетитель. Широко раскрыв глаза от страха и побледнев, Таша скорчилась, пытаясь использовать Конана как щит. Даже для «Золотого Полумесяца» в таверне вдруг стало необычно тихо. Слишком тихо. Киммериец посмотрел на открытую дверь. В полумраке он мог едва различить фигуру человека, очень высокого для туранца. Судя по тени, отбрасываемой вошедшим, было очевидно одно. На голове явственно поблескивал высокий, остроконечный шлем городского стражника. Человек медленно шел по затихшей таверне, поворачивая голову направо и налево, как бы выискивая глазами кого-то. Его правая рука лежала на рукоятке кривой сабли. Никто из людей, сидящих за столами, не пытался встретиться с вновь вошедшим взглядом, но он, похоже, и не интересовался ими. Это, как понял Конан, был офицер, узколицый мужчина, до-

вольно высокий для туранца, с маленькими усиками и небольшой бородкой, подстриженной клинышком и завощенной у острия. Пальцы офицера перестали барабанить по рукоятке сабли, когда он повернул лицо к столу, где сидел Конан со своей подругой.

— А-а, Таша, — сказал офицер мягко. — Разве ты забыла, что я обещал прийти к тебе сегодня?

Таша низко опустила глаза:

— Простите меня, капитан Мурад. Вы видите, что я с клиентом. Я не могу... Я... Простите.

— Поищи себе другую женщину, — зарычал Конан. Лицо офицера окаменело, но он не отрывал глаз от Таши.

— Я не разговаривал с тобой... рыбак, — буркнул он. — Таша, я не хочу снова причинять тебе боль, но ты должна научиться повиноваться.

Конан фыркнул с издевкой:

— Только дураку нужен страх, чтобы обращаться с женщинами. Если ты предпочитаешь скулящих собак, найди себе сучку, которую сможешь бить.

Лицо стражника побелело так, что бледность была видна даже на его смуглом лице. Он быстро схватил за руку Ташу, вырвав девушку из объятий киммерийца.

— Убирайся отсюда, ублюдок, вонючий пес, прежде чем я...

Его угроза осталась незаконченной, когда Конан вскочил на ноги с громким рычанием. Глаза узколицего стражника расширились от изумления, будто он ожидал, что получит девушку без боя. Его рука дернулась к рукояти сабли, но Конан был быстрее в движениях и опередил на долю секунды. Но рука киммерийца метнулась не к мечу. Убийство стражника считалось дурным делом для контрабандистов, если только в этом не было абсолютной необходимости, и даже тогда все старались этого избежать. Солдаты, которым давали несколько золотых и которые в этом случае закрывали глаза на происходящее, могли превратиться в тигров, защищая законы царя, когда один из их товарищей погибал. Кулак киммерийца со страшной силой ударил офицера в подбородок, прежде чем лезвие туранской сабли выскочило из ножен. Офицер опрокинулся на спину и упал, ударившись головой о край стола. Его шлем, звеня, покатился по каменному полу, сам же туранец остался лежать неподвижно, как мешок с тряпьем. Хозяин таверны, толстый ко-

фиец с маленькими золотыми кольцами в мочке уха, наклонился, чтобы взглянуть на поверженного. Он нервно вытер свои толстые руки об испачканный фартук и выпрямился.

— Ты испортил мне, как минимум, десять прибыльных дней, северянин. Это *если* мне повезет. Во имя Митры! Ты убил этого надушенного щеголя! Его шейные позвонки сломаны!

Прежде, чем кто-нибудь смог что-то сказать или двинуться с места, дверь с шумом раскрылась и еще двое стражников быстро вошли внутрь. Они шли по таверне с теми презрительными усмешками, как будто были в бараках, заполненных рекрутами-крестьянами. Непривычная тишина таверны нарушалась только шорохом одежды и торопливым топотом ног покидавших таверну и старавшихся скрыться людей. Конан тихо выругался сквозь зубы. Он все еще стоял, сжимая кулаки, перед телом этого чертова придурка-офицера. Если бы Конан двинулся с места, это движение только привлекло бы внимание к нему. Что касается бегства, то у Конана не было ни малейшего желания получить удар мечом в спину. Легким кивком Конан дал понять Таше, чтобы она уходила. Девушка быстро подчинилась, и у Конана в душе что-то дрогнуло, когда он увидел это.

— Мы ищем капитана Мурада! — заорал в полной тишине один из стражников. Сломанный нос придавал его лицу сходство с буянами из кабака. Второй дернул за ус, с подозрением посмотрев вокруг. Кофиец попытался спрятаться в густую тень, но солдат со сломанным носом пронзил его взглядом.

— Эй, ты, трактирщик! Видимо, вшивые жулики и контрабандисты проглотили языки. Где капитан Мурад? Я знаю, что он вошел сюда.

Рот кофийца беззвучно открылся, и он еще более нервно потер руки о фартук.

— Отвечай же, скотина, или мы тебе отрежем твой глупый язык. Если капитан нашел себе девку, он все равно должен услышать донесение, которое я ему доставил, без малейшего промедления. Говори, или я сделаю из твоей шкуры сапоги для парада!

Внезапно усатый солдат схватил говорившего за рукав куртки.

— Это Мурад, Тавик! — воскликнул он, указав рукой на тело капитана.

Взгляды стражников с неподвижной фигуры капитана пе-

реместились на Конана. Лица солдат стали жесткими. Киммериец спокойно ждал, даже не дрогнув от этих яростных взглядов. То, что случится, — случится, и будь, что будет.

— Это твоя работа, великан? — спросил Тавик. — Ты получишь палок за то, что поднял руку на офицера Городской стражи. Абдул, разбуди капитана.

Они слишком долго бездельничали и отдыхали под защитой своей власти и презрительного отношения к контрабандистам, подумал Конан. Тавик обнажил кривую саблю, но держал ее небрежно, опустив лезвие вниз, как бы не веря тому, что кто-то сможет заставить его использовать это оружие. Другой солдат даже не дотронулся до сабли. Абдул склонился над телом капитана Мурада, взял его за руку и выдохнул, напрягшись всем телом:

— Он мертв. — А потом закричал: — Он мертв, Тавик!

Конан бросил скамью, на которой только что сидел, в Абдула, тот пытался встать на ноги и вынуть саблю из ножен.

В этот момент его усатый приятель попытался также избежать падения, в то время как лезвие меча Конана уже метнулось к врагу. Услышав крик товарища, Тавик поднял саблю, чтобы рубануть киммерийца сверху, что очень хорошо сработало бы, если его противник был бы безоружен. Но сейчас он жестоко заплатил за свою ошибку, когда меч Конана метнулся к его животу, прочертив быструю дугу. С диким криком Тавик выронил оружие, схватившись за живот в безуспешных попытках удержать вывалившиеся кишки. Застонав, он рухнул на каменный пол. Конан едва успел отпрыгнуть назад, уклонившись от страшного удара Абдула сбоку. Сила удара, рассчитанного на то, чтобы поразить врага, заставила Абдула пошатнуться, и его тулвар ушел в сторону.

Темные глаза стражника наполнились ужасом за секунду до того, как клинок киммерийца пронзил его горло и вышел наружу с обратной стороны шеи. Конан выдернул свой меч из падающего трупа,

Тавик дернулся в агонии в последний раз и затих. Киммериец мрачно вытер меч о тунику Абдула и снова сунул его в ножны. Большой зал таверны был теперь наполовину пуст. Ни один мужчина или девка, находящиеся в таверне, не хотели, чтобы их обвинили в том, что они были в «Золотом Полумесяце» в день, когда там были убиты три солдата Городской Стра-

ки. Кофиец-трактирщик слегка приоткрыл дверь на улицу и закрыл ее со стоном.

— Стражники, — пробормотал он. — Не меньше десятка. Они будут здесь через несколько минут, чтобы узнать, что задержало этих двоих. Как я объясню им, что случилось в моей таверне?

Его рука жадно схватила золотой, который Конан бросил ему. Трактирщик был настолько расстроен, что даже забыл надкусить монету, проверив ее на зуб, прежде чем она исчезла под его фартуком.

— Скажи им, Бонарик, — сказал Конан, — о торговцах рабами из Кофара. Мол, они убили в пьяной драке капитана, а потом убили и его стражников. Дюжина торговцев рабами. Их было слишком много, чтобы их можно было остановить.

Бонарик с сомнением покачал головой:

— Они могут поверить в это. Возможно.

Теперь в таверне оставались только они одни. Даже Таша куда-то исчезла. «И не сказала при этом ни единого слова», — с горечью подумал Конан. В течение нескольких минут весь день оказался испорченным насмарку. Ну что ж, по крайней мере, не нужно будет волноваться о том, что за ним будут гнаться, как собаки за оленем, городские стражники. Не будут гнаться... если только они поверят истории кофийца, за которую Конан заплатил золотой.

— Не забудь, Бонарик, — сказал киммериец. — Дюжина торговцев рабами из Кофара.

Он подождал, пока трактирщик утвердительно кивнет, и вышел черным ходом на боковую улочку.

Глава 2

Конан быстрыми шагами шел от «Золотого Полумесяца», пробираясь по густой паутине улочек и переулков, многие из улиц были чуть шире его плечей и пропахли мочой и отбросами; эти улицы пересекали весь район около таверны. Конан планировал провести весь день в объятиях Таши, но об этом можно было сегодня забыть. Он поскользнулся на чем-то скользком и чуть было не свалился на землю. Конан выругался. Даже если бы он и нашел сегодня снова девку, то вряд ли бы ему захотелось провести время с женщиной, которая приняла бы подарок, а потом убежала (даже не поцеловав его на прощание), только потому, что случилась маленькая неприятность.

Ну что ж, были и другие женщины, и они тоже годились для того, чтобы весело провести с ними время. Даже после того, как он купил топаз для Таши и бросил золотой Бонарику, его кошелек отнюдь не опустел. «Рыба», которая была разгружена прошлой ночью на уединенном песчаном берегу моря, была кхитайским шелком и знаменитыми бакральскими кружевами из Вендии, а цены, уплаченные за них, были весьма щедрыми. Конан мог потратить немного денег и на самого себя. Он шел прямо в сердце большого, раскинувшегося у моря города, и находился теперь далеко от портового квартала, хотя все части Султанапура так или иначе имели торговые центры купцов и ремесленников. Здесь не встречались уже быки, тянущие телеги, но узкие улицы были заполнены людским морем. Лавка кузнеца-медника и облупившийся дом бедняка стояли на расстоянии руки от богатого здания зажиточного купца, а таверна и винная лавка соседствовали с храмом. Покупатели, продавцы, монахи и верующие составляли густую толпу. Богатые дамы, закутавшие свои лица кружевными вуалями и сопровождаемые слугами, которые несли их покупки, сталкивались в толпе с подмастерьями, тащившими на спинах рулоны

материй или ковры. Грязные мальчишки с жадными пальцами срезали кошельки толстых богатых купцов и покупателей в бархатных туниках и с еще более жадными глазами. На маленькой площади жонглер подбрасывал и ловил в воздухе шесть горящих факелов, одновременно выкрикивая ругательства в адрес проституток, чьи одежды составляли только пояса из звенящих монет. Девки прогуливались в толпе в поисках покупателей, и зеваки останавливались, глазея на них.

На каждом перекрестке продавцы фруктов предлагали свои товары: гранаты, апельсины и фиги, некоторые несли подносы, держали их на ремешке, привязанном на шее, другие продавали фрукты из плетеных корзин, висевших на спинах ослов. Время от времени ослы и мулы протяжно кричали, добавляя свой рев к общему шуму в толпе. Гуси и куры в деревянных клетках голосили, а свиньи жалобно хрюкали, привязанные за заднюю ногу к столбикам. Продавцы и разносчики вопили во все горло, что такая цена их разорит, а потом снова сбавляли ее. Конан бросил медную монету продавцу фиг и набрал их целую ладонь. Конан ел фиги, время от времени поглядывая по сторонам, останавливаясь и делая изредка покупку. У кузнеца, обрабатывающего раскаленную добела полоску металла, в покрытой полосатой материей палатке, Конан купил прямой кинжал и ножны и заткнул их за пояс. Красивое ожерелье из янтарных бус было аккуратно уложено в кошель-сумку, с мыслью о том, что они смогут украсить шею другой красивой девки, а не Таши. Если только, конечно, Таша не сумеет по-настоящему извиниться за то, что так быстро оставила его в таверне.

Узкая, укрытая в тени лавка встала на пути киммерийца. В ней сидел хитрого вида тощий торговец с ловкими манерами и масляной улыбкой. Конан сторговал у него красивый мягкий плащ из тончайшей шерсти, не потому что было холодно, холода вообще в диковину в Султанапуре, а чтобы защититься от палящего солнца. Конан давно уже искал такой плащ, но большинство мужчин в Султанапуре носили на голове тюрбаны, и плащей с капюшонами здесь практически не продавали, не говоря уже о том, что было нелегко найти плащ, который подходил бы Конану по размеру — его плечи были куда более широкими, чем у большинства покупателей. Мужчина в рваных лохмотьях пробежал мимо Конана, неся на плечах большой гли-

няный кувшин, завернутый во влажные тряпки. Длинный ковшик на ручке болтался у основания кувшина, привязанный веревкой, а бронзовые кружки, соединенные цепочкой, звенели, ударяясь друг о друга, их было не меньше десятка. Вид водоноса пробудил в Конане сильную жажду, тем более после того, как он съел так много сладких фиг. В таком жарком и сухом городе, каким был Султанапур, за воду платили деньги так же, как и за вино. Конан поманил водоноса к себе и прислонился к стене, пока тот ставил кувшин с водой на землю. Для туранца кувшин был достаточно близко, чтобы он мог стоять и пить воду, но Конану необходимо было наклониться или сесть. Конан положил медяк в сухую костлявую руку водоноса и взял кружку, наполненную водой. Она, конечно, была не такой холодной, как из горного потока в Киммерии, подумал Конан, вода в горах свежая и чистая от оттаявшего снега и льда весной. Но эти мысли были хуже, чем просто бесполезными, так как, казалось, только еще больше иссушали тело человека. Конан набросил на лицо капюшон, чтобы создать хоть немного тени. Пока он пил воду, обрывки разговора доносились до него сквозь шум улицы. Киммериец все еще думал о Таше; девушка занимала все его мысли, но обрывки фраз острый слух Конана фиксировал независмо от этого.

— ...Сорок монет за кувшин — это уж чересчур...

— ...По крайней мере десять убитых, как говорят, и один генерал...

— ...Л слышал, что это был принц...

— ...Если мой муж узнает, Махмуд, тогда...

— ...Интриги Вендии...

— ...В то время, как *вазам* Вендии разговаривает в Аграпуре о мире...

— ...Так я соблазнил его дочь, чтобы сравнять сделку...

— ...Убийца был гигантом из северных стран...

Конан замер, поднеся бронзовую кружку ко рту. Он медленно поднял лицо и посмотрел прямо в глаза продавца воды. Человек, уставившись тупо на стену, где стоял, прислонившись, киммериец, казалось, только ожидал возвращения кружки, но пот бисеринками выступил на его смуглом лбу. Он переступил с ноги на ногу, как если бы собирался уйти отсюда как можно скорее.

— Ты что слышал, водонос?

Оборванец-разносчик подпрыгнул от неожиданности, чуть не уронив свой кувшин.

— Господин? Я... Я ничего не слышал. — Нервный смех прервал его слова — В городе всегда бродят слухи, господин. Всегда бродят слухи, но я слушаю только свою собственную болтовню.

Конан положил серебряную монету в мозолистую руку продавца.

— Что ты слышал только что, минуту назад? — Он спрашивал водоноса мягким тоном. — О северянине.

— Господин, я продаю только воду и ничего больше.

Конан продолжал просто смотреть на него, но продавец моргнул и глотнул воздух, как будто Конан зарычал.

— Господин, говорят... говорят, что несколько солдат убито, городских стражников и, возможно, генерал или даже принц. Говорят, что вендийцы наняли убийцу для этого и что это был один из торговцев рабами...

— Да?

Водонос снова проглотил воздух, и его кадык дрогнул.

— Господин, говорят, что один из убийц был... м-мм... гигантом. Северянином.

Конан кивнул. Эта история явно уходила корнями в события в «Золотом Полумесяце». И если уже столько из этих событий стало известно в городе, то сколько еще наболтают люди? Возможно, его имя?

Конан не слишком беспокоился о том, как быстро распространяются слухи. Контрабандисты обычно не выдавали друг друга, но, возможно, один из тех, кто был в таверне в это утро, попался, и его хорошенько допросили стражники. Возможно, Бонарик не счел золотую монету достаточной ценой за ложь в лицо разъяренным солдатам, увидевших лежащие в луже крови трупы своих товарищей. В настоящий момент у Конана и без этого голова шла кругом от проблем — он должен был избежать пленения в городе, где выделялся, как верблюд на женской половине дома. Глаза киммерийца внимательно ощупывали улицу. Возможность спастись пока еще не исчезла. По крайней мере, не было видно стражников. Пока еще не было... Конан осушил кружку одним глотком, но задержал ее на минуту.

— Хорошая вещь — продавать воду, — сказал он. — Воду и ничего больше. Людям, которые продают воду, никогда не на-

до смотреть назад, через плечо, из страха, что там кто-то может оказаться.

— Я все понял, господин, — широко раскрыл рот от страха водонос. — Я продаю воду и ничего больше. Ничего больше, господин.

Конан кивнул и повесил кружку на место. Водонос поднял кувшин с водой, взвалил на спину так быстро, что вода перелилась через край, и поспешил в гудящую, кричащую толпу. Еще до того, как он исчез в толпе, Конан забыл об оборванном водоносе. Скорее всего будет за его поимку и вознаграждение, такое же раздутое, как и количество стражников, которых он убил, и водонос рано или поздно попытается получить хотя бы часть его, но если повезет, он ничего не скажет, по крайней мере в течение часа. Но говоря по правде, киммериец согласился бы даже, чтобы водонос промолчал в течение десяти минут. Опустив капюшон еще ниже на лицо, Конан быстро пошел по улице, ища торговца, который был ему сейчас нужен. Тут были продавцы бронзовых чаш, кувшинов, плетеных корзин, туник, сандалий, позолоченных ювелирных изделий из меди, серебра и бронзы, но это все было не то, что Конан искал. Однако он заметил подмастерьев, тащивших... ага, вот! Лавка торговца коврами, наполненная всевозможных цветов и размеров коврами со всех частей мира. Ковры лежали грудами на полу или были развешаны по стенам. Когда Конан вошел внутрь, толстый купец поспешил к вошедшему в лавку покупателю, потирая руки от предстоящей сделки и изобразив на лице профессионально-вежливую приветственную улыбку.

— А-а, добро пожаловать, господин. Здесь вы сможете найти самые лучшие ковры во всем Султанапуре. Да нет, что я говорю, во всем Туране! Ковры, которые вполне могут украсить дворец самого царя Илдиза, да благословит каждый его день Митра. У меня есть ковры из Иранистана, из...

— Вот этот, — оборвал его Конан, указав на ковер, который лежал в толстом футляре из ивовой плетенки, толще, чем человеческая голова. Конан был осторожен. Вид голубых глаз северянина мог сейчас принести куда большую опасность, чем пальцы рожками, ограждающие от дурного глаза.

— О да, господин, вы и впрямь настоящий ценитель. Даже не развернув ковер, вы сумели выбрать самый лучший в моей лавке. За какую-то жалкую сумму в один золотой...

На этот раз челюсть торговца коврами буквально отвисла, так как Конан тут же сунул в руки купца золотой. После этой покупки у Конана осталось совсем немного денег в кошельке, но у него не было времени для того, чтобы торговаться, хотя уже одно это поразило торговца, как громом. Губы торговца дрогнули, когда он наконец пришел в себя.

— А-а, господин. Разумеется. Я позову слуг, чтобы они доставили в ваш дом покупку. Двоих, должно быть, будет достаточно. Это сильные парни.

— В этом нет необходимости, — сказал Конан. Он быстро воткнул меч и пояс внутрь ковра. — Я сам его понесу.

— Но ведь этот ковер слишком тяжел для одного...

Купец замолк, пораженный, когда Конан легко взвалил свернутый в рулон ковер на левое плечо, а потом привычно передвинул его в более удобное место. Толстый ковер на плече давал возможность идти, согнув спину и опустив голову, и потому Конан не выглядел таким высоким. Если по-прежнему закрывать лицо капюшоном, то можно сойти за одного из сотен носильщиков и слуг, которые доставляли ковры в мастерские ткачей и лавки купцов. Конан заметил обалделого купца, широко раскрывшего рот от изумления и глядящего на него, не в силах произнести ни слова.

— Пари, — пояснил Конан, и так как ему было бы трудно объяснить условия такого пари, он поспешил уйти из лавки. Выходя, он все еще чувствовал уставившийся в спину взгляд торговца. Как только киммериец вышел на узенькую улочку, его охватило жгучее желание идти как можно быстрее, но он подавил его и заставил себя идти медленнее. Очень немногие слуги и подмастерья в Султанапуре передвигались быстрее, чем легкой трусцой, за исключением тех случаев, когда за ними смотрели пристальные глаза хозяина. Конан стиснул зубы и сравнял свою скорость с настоящими слугами и носильщиками, попадавшимися на пути. Но даже и в этом случае он нетерпеливо использовал свой ковер, чтобы пробиться через поток людей. Большинство из них уходили с дороги, в редких случаях только бормоча сквозь зубы ругательство. Рычание из-под капюшона отвечало тем, кто выкрикивал вслед свои проклятия и грозил кулаком или же хватал Конана за рукав. Взглянув на рослого варвара поближе, каждый из них решал, что им нужно срочно куда-то бежать. Беглые взгляды, которые Конан бросал

из-под капюшона, говорили ему, что он прошел уже больше половины пути до порта. Шум на улице вдруг принял несколько другой оттенок и сразу же привлек внимание киммерийца, заставив насторожиться. Связанные на продажу свиньи и стреноженные овцы все еще протяжно блеяли и хрюкали, кудахтанье кур в клетках по-прежнему наполняло улицу. Но женщина, громко торговавшаяся с купцом из-под шали из вендийских кружев, остановилась, затем повернулась спиной к толпе и продолжала торговаться, но уже гораздо тише, чем раньше. Уличный разносчик, продававший иголки, ножницы и разноцветные ленты, оборвал свой призывный крик и отступил ко входу в переулок, прежде чем снова начать зазывать посетителей. Другие останавливались или отшатывались назад, прерывая сделки и бросая вокруг нервные взгляды. Однако явно не Конан привел их в это испуганное состояние. В этом киммериец был абсолютно уверен. Что-то происходило за его спиной, но он не мог обернуться и посмотреть. Конан внимательно прислушался, пытаясь уловить, что же такое произошло там, позади, что остановило привычную уже ко всему суматоху и гул базара.

Да, теперь он уловил кое-что. Среди шороха и стука множества сандалий и сапог Конан услышал характерную солдатскую поступь, вслед за которой разливалась грозная тишина. Киммериец передвинул правую руку к ковру, как бы пытаясь сбалансировать его. Рука его коснулась рукояти меча, лежавшего на расстоянии пальца внутри рулона.

— Говорю тебе, Гамиль, — раздался позади Конана грубый голос, — этот болван-здоровяк всего лишь носильщик. Слуга ткача. Давай не будем тратить на него зря время.

Собеседник солдата ответил тоном, который был мягче и в котором слышалась насмешка:

— А я говорю, что он будет достаточно высок, если встанет прямо. Это вполне может оказаться тот великан варвар, которого наняли вендийцы. Неужели ты забыл о вознаграждении, Алсан? Неужели ты забыл о тысяче золотых?

— Гамиль, я все-таки не думаю, что...

— Эй ты! — крикнул Гамиль. — Эй ты, дубина! Стой и повернись к нам лицом!

Конан остановился как вкопанный. «Тысяча золотых, — подумал он. — Капитан Мурад конечно же не может стоить

так дорого». Но эти люди утверждали, что гигант варвар соответствовал описанию того, за которого должна быть уплачена эта сумма. Конан не мог даже помыслить, что это мог быть кто-то другой. Что-то произошло в Султанапуре, что-то, о чем Конан не имел ни малейшего представления, но, похоже, событие это имело, тем не менее, к Конану самое прямое отношение.

Киммериец медленно повернулся, установив толстый ковер между собой и стражниками, не пытаясь на этот раз отбросить людей со своего пути, размахивая ковром, как он это делал раньше. Солдаты приблизились, явно удовлетворенные тем, что здоровяк повиновался им. Конан находился теперь слева от солдат, когда они поравнялись с ним. Грубая рука схватила Конана за локоть.

— Эй ты, — сказал резкий голос. — Дай-ка нам взглянуть на твое лицо.

Конан дал возможность своей руке крутануться чуть дальше. Затем, вырвав из ковра внезапным, быстрым движением длинный меч, он уронил свою ношу на солдата, все еще сжимающего локоть Конана. Киммериец успел услышать, как солдат с маленькими усиками с диким криком упал. Раздался хруст сломанной ноги. Взгляд Конана сосредоточился на двадцати стражниках, заполнивших улицу и бегущих вдогонку за своими товарищами. На какую-то долю секунды все вокруг замерло; Конан первый рванулся с места. Он отбросил в сторону корзинки и клетки из прутьев, в которых сидели кудахтающие куры, и они полетели прямиком в солдат. Куры вывалились из сломанных клеток, дико кудахча. Разносчики товаров и покупатели, крича так же отчаянно, как и птицы, бросились бежать во все стороны, некоторые даже пытались проскочить сквозь ряды солдат, которые, в свою очередь, били их древками копий, чтобы люди не путались под ногами. Свиньи дико визжали, а овцы прыгали и дергались, пытаясь оборвать свои путы.

Конан вырвал меч из ножен, когда стражник выскочил из этого хаоса и суматохи, и, ударив человека, стоявшего на пути, рукояткой своего тулвара, атаковал киммерийца. Уклонившись влево, Конан нанес ответный удар. Туранец громко застонал и широко раскрыл от боли рот, когда меч Конана пришелся ему в середину живота. Солдат перегнулся пополам. Прежде чем враг рухнул на землю, Конан вырвал лезвие из те-

ла и одним взмахом перерубил веревки, связывающие ближайших овец. Спасаясь от блестящего меча, животные, дико блея, метнулись к приближающимся солдатам. Стражники громко крича, пытались прогнать обезумевших животных с дороги. Крики купцов и торговцев, молящих о том, чтобы их не трогали, наполняли улицу сумасшедшим шумом и суматохой. Еще двое солдат пробились сквозь эту сумятицу... только для того, чтобы быть опрокинутыми стадом овец.

Конан больше не выжидал. Он побежал вперед, швырнув назад еще две клетки с курами. На первом же перекрестке Конан повернул направо, потом — налево. Ошеломленные лица провожали глазами его бегство. Однако Конан знал, что выиграл пока всего несколько секунд. Большинство из тех, кто видел его, отрицали бы все на свете, когда их спросят об этом городские стражники, так как это было обычным делом в Султанапуре, но несколько человек обязательно заговорят. И их будет более чем достаточно, чтобы дать возможность солдатам следовать за ким мерийцем. Перед ним скрипела запряженная буйволами двухколесная телега, высоко нагруженная перевязанными связками соломы. Телега прошла дальше, повернув налево. Еще одна высокая телега следовала за ней, рядом шел погонщик, подхлестывая время от времени быка плетью. Затем проскрипела еще одна. Конан быстро наклонился над столиком, где разложил свои горшки и кувшины горшечник. Перед лицом ошеломленного ремесленника он спокойно протянул руку с мечом и вытер окровавленное лезвие о желтый навес гончара. Быстро вдев меч в ножны, Конан снова пристегнул оружие к поясу, сделав это, правда, на бегу. На следующем же перекрестке Конан оглянулся. Гончар, уставившись ему вслед и указывая рукой, остановился и перестал кричать, когда увидел грозный взгляд Конана. Этот человек безусловно заговорит даже прежде, чем его спросят стражники. Это конечно был риск, и киммериец хорошо это понимал, но если бы все рухнуло, Конану не стало бы хуже, чем прежде.

«Все будет как нужно, все сработает», — сказал Конан самому себе. У него было то же чувство, какое бывало и прежде, когда кубики катились прямо на него и явно с крупными номерами. Уверенный, что гончар указал рукой в нужном направлении, Конан повернул туда, откуда только что вырулили телеги.

Сбегая вниз по улице, он внезапно выдохнул воздух; Конан даже не заметил, что задержал дыхание. Чувство уверенности было куда более сильным, чем при игре в кости. Еще одна запряженная буйволом телега прогромыхала по улице. Прислонившись к стене, чтобы дать возможность телеге пройти мимо, Конан перешел на другую сторону, как только подвода отошла подальше. Поравнявшись в одну линию с буйволом, Конан встал справа от медленно идущего животного и наклонился. Гончар указал, в каком направлении побежал варвар, в то время как сейчас киммериец шел совершенно в противоположную сторону. Он выиграл еще несколько секунд, но этих мгновений было достаточно, чтоб в добавление к другим они смогли бы купить жизнь человека.

Как только телега пересекла перекресток, где стояла лавка гончара, Конан поспешил вперед. Ему нужно было скорее добраться до порта и там, в суматохе и хаосе доков, портовых складов и таверн, он мог бы легко найти безопасное пристанище среди друзей-контрабандистов. Ему также нужно было узнать, почему за его голову было обещано вознаграждение в тысячу золотых монет. Первое дело было более неотложным, хотя и не таким легким, как могло показаться на первый взгляд. Конан был далек от того, чтобы стать неузнаваемым, к тому же белый плащ явно способствовал поимке человека, за голову которого обещано вознаграждение. Однако без капюшона голубые глаза варвара дали бы след, по которому было бы так же легко следовать, как по следу рыси на снегу в горах Киммерии. Вопрос только был в том, как обменять один плащ на другой, одновременно не давая возможности никому разглядеть ледяную голубизну глаз. Конан высматривал плащ, который можно было купить или украсть, но видел несколько плащей с капюшонами, и ни один из них не был достаточно большим, иначе киммериец выглядел бы нелепым и его легко можно было бы заметить. Не было смысла привлекать лишнее внимание любопытных глаз, нарядившись как клоун. Наоборот, надо стараться избежать их — и любой ценой.

Как можно быстрее, но со всей осторожностью, останавливаясь на каждом перекрестке, чтобы посмотреть, нет ли поблизости стражников, Конан постепенно продвигался к порту. Или, правильнее было сказать, он пытался это сделать. Три раза Конан вынужден был повернуть в сторону при виде городс-

кой стражи, а один раз едва успел юркнуть в лавку, торгующую дешевой бижутерией, прежде чем два взвода стражников прошли мимо. Конан сообразил, что идет к северу, то есть параллельно портовому кварталу. Копья стражников, высоко возвышаясь над толпой, снова заставили киммерийца свернуть на боковую улицу, битком забитую народом.

«Снова я ушел в сторону от порта», — подумал Конан и выругался от злости и отчаяния, когда громкие голоса, требующие, чтобы им расчистили дорогу, подсказали, что солдаты двигаются теперь по той же самой улице. Они явно не заметили беглеца, но это не могло долго продолжаться, особенно когда Конан стоял на голову выше самого высокого мужчины. Он ускорил шаги и почти сразу же снова замедлил их. Около взвода солдат со сверкающими наконечниками копий, отражавшихся в ярких лучах солнца, вошло в ту же улицу, на этот раз с противоположной стороны.

Конан не стал терять время на проклятия. Узкая боковая улочка, резко пахнущая мочой и испражнениями, была единственным спасением. Юркнув в нее, киммериец сообразил, что уже был здесь прежде, вместе с Ордо, в первые дни своей работы с шайкой одноглазого контрабандиста. Ступени улицы, сделанные из коричневого, выщербленного кирпича, вели вниз по улочке, становившейся все уже и уже. Они привели Конана к лотку уличного торговца фруктами. Конан перепрыгивал через две ступени одновременно. Склонившийся над лотком человек, в халате цвета верблюжьей шерсти, подскочил от неожиданности, когда киммериец ворвался без стука через толстую деревянную дверь.

Маленькая комната была практически лишена мебели; исключением служил маленький диван у стены и комод с целой кучей выдвижных полок. Кроме них на голом деревянном полу стоял маленький стол, скособочившийся на сломанную ножку, и одинокий стул, стоявший рядом. Несколько старых халатов висели на колышках, вбитых в стену. Все в комнате казалось старым и дряхлым, и сгорбленный человек вполне подходил к своему жилищу. Редкие седые волосы и оливковая кожа, высохшая от старости, сморщенная, как часто сворачиваемый пергамент, делали старика таким, что казалось, будто его возраст приближается к сотне лет, не меньше. Его руки были, как кривые когти, когда они сжимали пергамент, а горящие как

огонь глаза, в складках обвисшей кожи, были единственной частью его, которая показывала признаки жизни.

— Прошу прощения, — быстро проговорил Конан. Он напряг память, пытаясь вспомнить имя старика. — Я не хотел войти так внезапно, Гурран. (Это было имя старого человека.) Я рыбачу вместе с Ордо.

Гурран хмыкнул и склонился задумчиво над пергаментами, которыми был завален его скособоченный стол.

— Ордо, а? Его суставы снова болят? Ему надо сменить ремесло. Море не совсем то, что нужно его костям. Или, может быть, ты пришел для того, чтобы купить что-нибудь самому себе? Наверное, любовный напиток?

— Нет.

Конан все еще прислушивался к разговору солдат на улице. Только когда они ушли, он рискнул снова заговорить, предварительно высунув нос наружу.

— Что мне действительно по-настоящему нужно, — пробормотал Конан, — это найти способ сделаться невидимым, пока я не доберусь до порта.

Старик все еще оставался склоненным над столом, но его голова дернулась по направлению к молодому варвару.

— Я составляю травы и настойки и иногда читаю судьбу по звездам, — сказал он сухо. — Тебе нужен колдун. Почему бы тебе не попробовать любовную настойку? Обещаю тебе, что любая женщина испепелит тебя страстью в твоих объятиях всю ночь. Разумеется, вполне возможно, что такому красивому молодому парню, как ты, такой напиток и не нужен.

Конан рассеянно покачал головой. Стражники, вошедшие в узкую улицу с обоих концов, встретились и стали разговаривать друг с другом.

— ...Вендийский заговор, — услышал Конан слова одного из них.

— Чтоб их сестры были проданы на рынке за медный грош, — пробормотал Конан по-вендийски.

— Катар! — хмыкнул Гурран. Старик резко склонился и сел на колени, ища упавший пергамент. — Мои старые пальцы не удерживают вещи, как когда-то. На каком языке ты говорил?

— По-вендийски, — ответил Конан, отрываясь мыслями от солдат. — Я немного знаю этот язык, так как мы покупаем много рыбы у вендийцев.

Большинство контрабандистов могли довольно бегло говорить на трех-четырех языках, а цепкая память и хороший слух помогли киммерийцу хорошо говорить по-вендийски, как, впрочем, и на других языках.

— Что ты знаешь о Вендии? — спросил Конан.

— Вендия? Откуда мне знать о Вендии? Спроси меня лучше о травах. Я знаю кое-что о травах.

— Говорят, что ты покупаешь травы и семена из очень далеких стран. Конечно же, ты покупал некоторые травы и из Вендии.

— У всех растений есть полезные свойства, но люди, которые их приносят ко мне, очень редко знают эти свойства. Я должен попытаться вытянуть эту информацию из них, спрашивая о стране, где растут эти травы и семена, чтобы найти одно-два полезных для меня свойства. Я покупаю иногда некоторые безделушки из Вендии, и мне говорили, что это земля, полная интриг, опасная для неосторожного человека, для того, кто слишком легко верит обещаниям мужчин и лести женщин. А почему ты хочешь узнать о Вендии?

— На улицах говорят о принце, который был убит в Султанапуре, или, возможно, генерале, и что вендийцы наняли убийцу для этого.

— А-а, понимаю. Я не был в городе весь день. — Гурран сухо усмехнулся. — Вряд ли это может быть правдой, так как все знают, что *вазам* Вендии, главный советник царя Бандаркара, находится в Аграпуре, пытаясь заключить мирный договор, а многие представители знати при дворе царя Турана находятся в настоящую минуту в Айодхье. И все же помни об интригах. Кто может знать наверняка? Ты все еще не сказал мне, почему ты так интересуешься этим?

Конан поколебался. Старик поставлял информацию и травы половине контрабандистов Султанапура. И то, что так много людей продолжало доверять ему, говорило в его пользу.

— Слухи ходят, что убийца был северянином, и городские стражники, кажется, думают, будто это я.

Старик с пергаментной кожей сунул руки в рукава своего халата и пристально посмотрел на Конана, склонив голову.

— Так ли это? Ты брал золото у вендийцев?

— Нет, не брал, — ответил Конан. — Я также не убивал принца или генерала.

Было очевидно, что ни один из тех людей, с которыми Конан столкнулся в этот злосчастный день, не являлся ни принцем, ни генералом.

— Ну, хорошо, — сказал Гурран. Его губы неохотно сжались. Затем он вздохнул и снял пыльный темно-синий халат со стены. — Держи. Эта одежда поможет тебе стать менее подозрительным, чем тот плащ, в который ты сейчас одет.

Удивленный, Конан тем не менее обменял свой плащ на халат Гуррана. Несмотря на пыль и то, что он был изрядно помят, провисев, вероятно, не один год на колышке, темно-синий халат был сделан из хорошей ткани и, по всей видимости, почти не надевался. Он был чуть-чуть тесноват киммерийцу в плечах, но явно был сделан для мужчины крупнее Гуррана.

— Возраст уменьшает и сушит человека, — сказал гербариус, как будто прочитав мысли Конана. Конан кивнул:

— Благодарю тебя, я запомню это.

Пока киммериец говорил с гербариусом, голоса солдат затихли. Конан слегка приоткрыл дверь и осторожно выглянул наружу. Узкая улица была переполнена народом, но стражники уже ушли.

— Прощай, Гурран. И еще раз прими мою благодарность.

Не дожидаясь ответа старика, Конан выскользнул за порог, спустился вниз по широким ступеням лестницы и растворился в толпе.

«Портовый квартал, — подумал Конан. — Как только я достигну его, у меня будет время поразмыслить и о других вещах».

Глава 3

Патрули стражников продолжали раздражать юного туранца. Юноша шел из портового квартала в другой район, который был ему больше по вкусу. Этот район был заселен в основном бродягами, проститутками и ворами, срезающими чужие кошельки. Юноша ловко избегал встречи с солдатами, а обитатели квартала не обращали на него большого внимания. Мать юноши была из Коринфий, и молодой человек унаследовал от нее черты, которые нельзя было назвать ни коринфийскими, ни туранскими, он был, скорее, просто темноглазым и не очень красивым. Сейчас юноша был чисто выбрит и вполне мог сойти за коренного жителя как минимум дюжины стран, что он и проделывал уже не раз и не два. Он был чуть выше среднего роста с не очень внушительной на вид грубоватой комплекцией, что часто сбивало с толку и обманывало людей, недооценивающих его силу. Несколько раз это качество спасало ему жизнь. Его одежда была довольно пестрой: покрытый заплатами коринфийский кафтан (который когда-то был красного цвета), широкие заморийские штаны из белой хлопковой ткани и изрядно поношенные иранистанские сапоги. Только тулвар на боку и тюрбан были из Турана.

Прошло уже четыре года с тех пор, как юноша покинул свою страну, и теперь, когда он всего на неделю вернулся на родину, ему приходится петлять, как зайцу, избегая встречи с городской стражей.

Не в первый раз (с тех пор, как он оставил отчий дом, когда ему едва стукнуло девятнадцать лет) юноша пожалел о своем решении не идти по пути отца, став, как и он, купцом, торгующим пряностями.

Однако, как всегда, сожаление длилось до той минуты, когда он напомнил себе, как скучна и непривлекательна жизнь торговца пряностями, хотя в последнее время он все чаще вспоминал о ней.

Свернув на маленькую улицу, юноша остановился, чтобы посмотреть, не следит ли кто-нибудь за ним. Одинокая шлюха бросила было ему призывную улыбку, но, посмотрев на поношенную одежду юноши, передумала и пошла дальше. Остальные люди в толпе проходили, даже не удостоив юношу взглядом. Он обогнул дурно пахнущую улочку, не переставая внимательно смотреть по сторонам, пока не почувствовал крепкую, толстую деревянную дверь под своими пальцами. Удовлетворенный тем, что прошел сюда незамеченным, молодой человек наклонился и вошел в темное помещение. Внезапно нож у горла остановил юношу, и он быстро проговорил:

— Меня зовут Джелал. Я пришел с Запада.

Одно лишнее слово, и кузнец использует свой острый нож по назначению, не говоря уже о двух других людях, которые скорей всего находились в кромешной темноте комнаты. Кресало ударило по кремню, зажглась лампа, пахнущая прогорклым маслом.

Кто-то поднес лампу к лицу юноши. Он увидел: позади стоят два человека и каждый держит острый, как бритва, нож. Даже человек с лампой, у которого под правым глазом виднелся толстый полукруглый шрам, сжимал в руке длинный кинжал. Человек со шрамом отступил в сторону и мотнул головой к двери, ведущей вглубь дома.

— Проходи, — сказал он.

Только тогда нож у горла опустился. Джелал не сказал ни слова. Это была уже не первая подобная встреча и даже не двадцатая. Он вошел во вторую дверь. Комната без окон, в которую Джелал вошел, была именно такой, какую он ожидал встретить в этом районе города. Ее стены были сделаны из грубых глиняных кирпичей, пол был просто утоптанным грунтом, а стол в комнате был сбит из плохо отесанных досок и со сломанной ножкой.

Единственное, что было трудно ожидать в таком бедном месте, так это толстые дорогие восковые свечи, горящие на столе, чистая полотняная скатерть и хрустальный кувшин с вином, стоявший рядом с двумя бокалами из чистого золота. Человека, который сидел за столом, Джелал также не ожидал увидеть в подобном месте.

Простой темный плащ, по виду и покрою неприметный, однако по качеству своему слишком добротный для этого

района Султанапура, закрывал одежды сидящего за столом. Узкое с тонким носом лицо, с усами и маленькой бородкой, изящно и аккуратно подстриженной и завощенной внизу в острый клинышек, казалось, больше подходило ко дворцу, чем к району бродяг и нищих. Человек заговорил, как только Джелал вошел в комнату.

— Как хорошо, что ты пришел именно сегодня, Джелал. Каждый раз, выходя в город, я рискую, что меня увидят и опознают. Ты установил необходимые контакты? — Он махнул пухлой рукой с тяжелым золотым перстнем-печаткой на указательном пальце в сторону хрустального графина. — Сегодня очень жаркий день. Выпей немного вина.

— Я наладил необходимые контакты и связь, — осторожно ответил Джелал, — но...

— Отлично, мой мальчик. Я знал, что ты сумеешь это сделать даже в такое короткое время. Четыре года в Коринфии, Кофе и Хауране ты работал под маской торговца или разносчика товаров, легального и не совсем легального, и никогда не был схваченным, даже находясь под подозрением. Ты, пожалуй, самый лучший человек из всех людей, которые когда-либо были у меня. Но боюсь, что твое задание в Султанапуре несколько изменится.

Джелал подался вперед.

— Мой повелитель, я хочу попросить вас, чтобы меня определили к следопытам в Ильбарс.

Князь Халид, человек, который контролировал всю шпионскую сеть царя Илдиза, повелителя Турана, уставился с изумлением на него.

— Пусть меня поразит Митра, но почему?..

— Мой повелитель, вы сказали, что меня не подозревали ни разу за четыре года, и это правда. Но это было правдой не только потому, что я играл эту роль, а и потому, что я и *был* купцом, разносчиком, как требовалось в ту минуту, проводя большинство своего времени, покупая и продавая товары, разговаривая о рынках и ценах. Мой господин, я стал солдатом частично из-за того, что хотел избежать судьбы торговца, как мой отец. Я был неплохим солдатом, и я хотел бы служить Турану и царю там, где я смогу это делать лучше всего, когда я буду снова солдатом в горах Ильбарса.

Начальник шпионов забарабанил пальцами по столу.

— Мой мальчик, ты был выбран именно по тем причинам, которые ты перечислил. Твоя служба проходила в южных горах, так что ни один из чужеземцев с запада не смог бы узнать тебя, если он видел тебя раньше, когда ты служил солдатом. Твоя юность, проведенная в доме купца, не только подготовила тебя к этому занятию и сумела научить тебя абсолютно естественно играть эту роль и довести ее до совершенства, но также, так как купцу необходимо отделять факты от слухов, чтобы найти нужный рынок и хорошую цену, мы хотели убедиться, что ты смог бы сделать с другими видами слухов и дать нам ценные донесения и факты. Что ты и делал, и весьма успешно. Ты лучше всего служишь Турану именно там, где сейчас находишься.

— Но, мой господин...

— Хватит об этом, Джелал. У нас мало времени. Что ты знаешь о событиях, происшедших в Султанапуре сегодня?

Джелал вздохнул.

— Я слышал много сплетен, — начал он медленно, — которые говорят практически обо всем, за исключением вторжения врагов. Соединив вместе самые вероятные и правдоподобные слухи, я могу сказать, что князь Турег Лмал был убит сегодня утром. Кроме этого, я должен добавить, что самые настойчивые слухи говорят о том, что в этом деле замешан северный варвар. Но так как это не было тем заданием, из-за которого я прибыл в Султанапур, боюсь, что я пропустил сплетню мимо ушей.

— Мимо ушей? Ты ответил на один из двух вопросов правильно. — Пожилой мужчина одобрительно кивнул головой. — Ты и вправду самый лучший и опытный из моих людей. Я не знаю, где родился слух о северянине. Возможно, кто-то видел такого человека на улице.

— Но стражники, мой господин. Они ищут...

— Да-да. Слухи дошли даже до них, и я не пошевелил пальцем, чтобы изменить ситуацию. Пусть подлинные виновники думают, что они улизнули и теперь в безопасности. Это уже не первый раз, когда солдаты посланы ловить свои собственные тени, да и не последний. Пусть несколько невинных чужеземцев (если любого из них действительно можно назвать невинным) будут допрошены или даже убиты. Вполне скромная цена, если это поможет нам захватить истинных виновников

преступления врасплох. Верь мне, когда я скажу тебе, что трон Турана ставится на карту в этом случае.

Джелал неуверенно кивнул. Он отлично знал по собственному опыту, как холоден и практичен мог быть этот человек с мягкими манерами и гладкой речью, даже когда ставки были намного меньше, чем трон Турана.

— А князь, мой господин? Вы сказали, что я был наполовину прав.

— Турег Амал, — вздохнул Халид, — пьяница, мот, бабник — и верховный адмирал Турана — был убит этим утром отравленной булавкой, воткнутой ему в шею. И убит он был не северным варваром, как утверждают слухи, а женщиной. Судя по рапортам, это был вендийский убийца.

— Убийца, асассин? — спросил Джелал. — Мой господин, всем было хорошо известно, как любил князь хорошеньких женщин. Не могло ли случиться так, что он был убит пьяной девкой или чем-то в этом роде?

— Как бы мне ни хотелось в это поверить, но, увы, это было не так. Слуг из дворца Турега Амала хорошо допросили, и выяснилось следующее. Вендийская женщина была доставлена во дворец утром, предположительно, это был подарок от богатого купца из Вендии, желающего получить дополнительную защиту для своих товаров на судах в Вилайете. Через час после этого князь был убит, слуга, охраняющий его зенанну, усыплен, а женщина бесследно исчезла из усиленно охраняемого дворца.

— Это, безусловно, похоже на работу наемного убийцы, — согласился Джелал, — но...

— Все выглядит гораздо хуже, — оборвал его Халид. — Командир отряда телохранителей князя, некий капитан Мурад, был также убит этим утром, вместе с двумя его солдатами, явно в пьяной драке в таверне. Мне очень не нравятся такие совпадения. Возможно, они и не связаны друг с другом. Но вполне вероятно, что эти люди были убраны, чтобы слухи о женщине не пошли дальше... или же чтобы женщина могла легче спастись. И если люди верховного адмирала были подкуплены золотом, чтобы помочь в его убийстве... ну что ж, такой скандал может причинить больше вреда, чем убийство старого дурака.

— Возможно, так и было, мой господин, так как другой по-

вод не имеет большого смысла. Я так понимаю, что *вазам* Вендии сейчас находится в Аграпуре и ведет переговоры о мире с царем Илдизом. Конечно же, царь Вендии не будет планировать убийство, в то время как его главный советник находится в нашей столице, у нас в руках, так сказать. И если он сделал это, то почему жертвой стал верховный адмирал? Смерть царя может привести к катастрофе и беспорядку, в то время как смерть князя вызовет только ненависть к Вендии.

— Смерть царя от рук вендийского асассина может также привести к войне с Вендией, — сухо сказал Халид, — в то время как гибель Турега Амала... — Он пожал плечами. — Я не знаю всех причин, мой мальчик, но вендийцы сосут интригу с молоком матери и не делают ничего без необходимости, без причины, как правило, подлой. Что же касается *вазама*, то Карим Сингх отплыл вчера из Аграпура. А договор... Я относился к нему с подозрением и раньше, а теперь — в особенности. Меньше, чем пять лет назад, они почти начали войну с нами из-за своих притязаний на Секундерам. Теперь же, без всякого сопротивления, *вазам* подписывает договор, в котором этот город даже не упоминается. И то, что в договоре есть несколько пунктов, явно выгодных Турану, тоже. Я подумал было, что они хотят пустить нам пыль в глаза и умиротворить, готовясь к какому-то удару. Теперь же я просто не знаю, что и думать.

Он начал накручивать кончик бороды на указательный палец, что было самым явным знаком внутреннего смятения, которое он когда-либо показывал. С явной неохотой Джелал почувствовал, что эта головоломка захватила и его, как это уже часто было и прежде. Желание вернуться к солдатской жизни не исчезло, но он оттолкнул его на задний план. На некоторое время.

— Что я должен делать, мой повелитель? — спросил он наконец. — Вендийский асассин-убийца, скорее всего, уже покинул пределы города.

— Это правда, — ответил начальник шпионов, и его голос стал жестким и суровым. — Но мне нужны ответы, и я их должен получить. Сам царь зависит от них и от меня, который должен будет доставить ему эти ответы. Что собирается сейчас делать Вендия? Должны ли мы ожидать войны? Смерть капитана Мурада может дать нам ответы на некоторые вопросы. Используй контакты и связи с бандитами и контрабандистами

в Султанапуре. Найди цепочку, ведущую к ответам, которые мне нужны, с самого начала — и проследи за тем, что в действительности произошло. До самой Вендии — если это необходимо. Но только добудь мне ответы — это главное.

— Я сделаю это, мой господин, — пообещал Джелал. Но самому себе он пообещал, что выполнит эту работу в последний раз. Возвратится ли он к разведчикам Ильбарса или нет, но после этой последней головоломки он уже больше никогда не будет шпионом.

Глава 4

Несмотря на плащ, который ему дал Гурран, Конан держался ближе к стенам узких, кишевших народом улиц, на самом краю бесконечного потока людей. Конечно, темно-синий плащ не привлекал внимания стражников, ищущих плащ из белого полотна, капюшон прятал лицо и эти проклятые голубые глаза от посторонних взглядов, но сами размеры могучей фигуры и рост киммерийца было почти невозможно не заметить. Очень немногие люди в Султанапуре могли сравняться с ним в росте и обхвате плеч, и разумеется, ни один из них не был в толпе, заполнявшей улицы города в этот день. Высокий киммериец выделялся, как ремарийский жеребец среди мулов.

Несколько раз после того, как он покинул комнату гербариуса, Конан вынужден был повернуть в сторону, чтобы избежать патрулей, завидев блестевшие на солнце наконечники копий, которые как бы предупреждали о приближении опасности, но кажется, на этот раз Конану повезло. Его продвижение к заливу было уверенным, хотя Конан и шел зигзагами. Высокие арбы, запряженные буйволами, снова стали попадаться так же часто, как и пешеходы. Вскоре перед ним выросли длинные тени от каменных портовых складов, высоких белых башен городских складов, где хранилось зерно. Мужчины с мозолистыми руками, в куртках, покрытых пятнами пота, грузчики и носильщики превосходили своей численностью, пожалуй, всех, кроме моряков, которых легко было узнать по качающейся походке и телосложению. Почти половина всех женщин порта были проститутками в узких юбках из звенящих монет и тонкого шелка, в то время как остальные женщины ловили на себе жадные взгляды воров, срезающих кошельки. Цепкие, ловкие руки воров были также всегда готовы стянуть с телег рулон шелка или кружев.

В порту тоже были люди, которые знали Конана в лицо.

— Хочешь развлечься, крепкий парень? — проворковала грудастая девка с волосами, взбитыми высокой прической, и с бронзовыми подвесками в ушах.

Она придвинулась ближе и прижалась почти обнаженной грудью к локтю киммерийца, наклонившись одновременно к уху и зашептав:

— Ты глупец, городская стража уже допрашивала троих грузчиков только из-за их высокого роста. И они также опрашивают чужеземцев, так что ты идешь на двойной риск. А теперь обними меня за пояс, и мы пойдем в мою комнату. Я смогу спрятать тебя у себя, пока все не утихнет. И я попрошу тебя заплатить всего лишь... а-а, Митра, я вообще ничего не возьму с тебя.

Конан невольно улыбнулся.

— Это очень щедрое предложение, Зара. Но я должен найти Ордо.

— Я не видела его, Конан. Тебе лучше не рисковать, занимаясь его поисками. Пойдем со мной.

— В другой раз, — сказал Конан, и девка взвизгнула, когда он ущипнул ее за пухлые ягодицы.

Через несколько минут моряк в покрытой пятнами смолы тунике и бородатый сторож склада повторили предупреждение Зары. Тонкая, худенькая девушка с лицом девственницы и невинными глазами (и маленьким кривым и острым ножом вора, которым она небрежно поигрывала) эхом повторила предложение и предупреждение Зары об опасности. Но никто, увы, не знал, где можно найти Ордо. Конан согласился было на предложение худенькой девицы. Время истекало, и он знал, что долго так не продержится. Он должен был найти Ордо как можно быстрее, иначе ему придет конец. Невысокий сухощавый человек, согнувшийся под тяжестью полотна, которое он тащил на своих плечах, внезапно попался на глаза киммерийцу. Конан схватил за локоть тощего человечка и выдернул его из потока людей.

— Что ты делаешь? — прошептал сквозь зубы пленник, выдавив деревянную улыбку. Его провалившиеся глаза метались испуганно над острым, вздернутым носом, напоминая в этот момент мышь, которая хочет улизнуть в дырку в стене. — Во имя Митры, киммериец! Я стянул кое-что в двадцати шагах отсюда, и через секунду они увидят, что товар исчез. Отпусти меня!

— Я ищу Ордо, Тарек, — сказал мягко Конан.

— Ордо? Я думаю, что он в складе Кафара.

Тарек чуть не упал, когда Конан освободил его, затем дернул своим плечом в легкой угрозе.

— Ты не должен так хватать людей, киммериец. Это может быть очень опасным делом. И разве ты не знаешь, что городская стража...

— Ищет высокого чужеземца, — закончил за него Конан. — Да, я знаю это.

Крик раздался с того места, откуда пришел Тарек, и маленький человечек быстро метнулся в сторону, как мышь, на которую он был так похож. Конан пошел в другую сторону, вскоре пройдя мимо лотка, где разносчик соли в невероятного размера халате, казалось, плясал вместе со своими помощниками, когда они прыгали вокруг, пытаясь увильнуть от работы, в то время как хозяин пощипывал свою бороду, пихал их ногами и кричал, что боги были просто немилостивы к нему, что послали снова к нему слепых неуклюжих слуг и воров к тому же. Пока продавец соли прыгал и выкрикивал ругательства, две девушки, каждой из которых было не больше шестнадцати лет, подхватили один из мешков и исчезли, незамеченные, в толпе. Еще два раза Конан был вынужден повернуть в сторону, чтобы избежать патруля городских стражников, но склад Кафара был недалеко, и Конан быстро добрался до него. Склад не был одним из тех длинных, каменных сооружений, принадлежавших купцам. Неприметное старое двухэтажное здание, покрытое белой, осыпающейся глиной, наверное, когда-то оно было таверной или магазином лавочника. Теперь же оно служило своеобразным складом. Складом контрабандистов. Золото, услужливо сунутое в нужные руки, держало стражников в стороне от него, по крайней мере, на время. Однако, когда взятки не срабатывали, потому что высокое начальство города решало, что пора показать хороший пример, наказав с десяток самых рьяных контрабандистов, или, что было более вероятным, кто-то решил, что вознаграждение за конфискованную контрабанду перевешивало взятку, это не останавливало ни на мгновение контрабандистов Султанапура. Десятки таких «складов» были разбросаны в районе порта, и если бы Кафар был «прикрыт» властями, то на смену выросли бы, как грибы, два новых склада.

Треснувшая деревянная дверь с улицы вела в комнату без окон, освещенную факелами из камыша, вставленными в грубые железные треножники. Два факела давно потухли, но, похоже, никто этого не заметил. Небольшая группа людей, одетых в пеструю одежду из дюжины стран, сидели на корточках у стены, собравшись в кружок, и играли в кости. Другие сидели на бочках с вином у стола, сделанного из широких, грубо отесанных досок, и о чем-то шептались, попивая из глиняных кружек вино. Кофиец в полосато-красной тунике сидел в одиночестве на трехногом стуле рядом с дверью, ведущей к черному ходу, меланхолично втыкая свой кинжал в толстые доски шершавого пола. Воздух в помещении был горячим и тяжело спертым, не только потому, что в нем чадили факелы, но и из-за того, что по крайней мере половина из двадцати находящихся в зале людей вряд ли дотрагивались до свежей воды, а большинство считало, что мыло — это только хороший (вроде духов) подарок для женщины, а не та вещь, которую надо использовать по назначению. Только кофиец посмотрел на дверь, увидев входившего Конана.

— Разве ты не знаешь?.. — начал он.

— Я все знаю, Кафар, — сказал коротко Конан. — Ордо здесь?

Кофиец мотнул головой к двери позади него.

— В подвале, — сказал он, и лезвие ножа вновь воткнулось в доску пола.

Это был обычай для таких складов — располагать добро и товары каждого контрабандиста в отдельной комнате, так как ни один из них не доверял тем, кто не принадлежал к его шайке, вплоть до того, что они не знали даже, какого сорта «рыба» была у него и куда он ее доставлял. Обитые железом толстые двери были закрыты тяжелыми и крепкими металлическими засовами-брусьями. Двери длинными рядами располагались в коридоре в задней части здания. В конце коридора, сразу за широкой дверью, ведущей в переулок позади склада, были вырублены каменные ступени. Едва киммериец ступил на лестницу, Ордо открыл настежь дверь.

— Где, во имя Девяти Адов Зандру, ты пропадал? — заорал одноглазый контрабандист. — И что, во имя Митры, ты натворил?

Ордо был почти таким же высоким и крупным, как Конан,

хотя его мышцы уже заплыли жирком и годы избороздили морщинами суровое лицо. Большие золотые подвески-кольца свисали из мочек его ушей, кривой длинный шрам шел от черной толстой повязки на глазнице до густой черной бороды. Шрам оттягивал левую часть рта в вечной усмешке.

— Я передал кое-что Таше, и последнее, что я услышал... Ну ладно, давай, скорее спускайся сюда, пока стражники не сцапали тебя прямо у меня на глазах. Если эта проклятая подлая девка не сказала тебе о том, что ты мне был нужен, я сдеру с нее шкуру.

Конан уныло усмехнулся. Так значит, Таша все-таки говорила правду. Если бы Конан не решил, что она лжет из ревности, он ушел бы из «Золотого Полумесяца» еще до того, как капитан появился в таверне, и городская стража не рыскала бы сейчас по городу, разыскивая киммерийца, и голова его не была бы оценена в тысячу золотых... Ну что ж, это был уже далеко не первый случай, когда Конан попадал в беду из-за того, что неверно истолковал мысли женщины. Но в любом случае, мужчина, который причиняет боль женщине, чтобы запугать ее и затащить в постель, вполне заслуживает того, чтобы быть убитым.

— Это была не ее вина, Ордо, — сказал Конан, проходя мимо одноглазого приятеля в подвал и закрывая за собой дверь. — У меня были небольшие неприятности с... — Конан оборвал речь на полуслове при виде незнакомца, стоящего в комнате.

Это был высокий, худощавый человек в тюрбане. Незнакомец стоял возле маленьких деревянных сундучков, похожих на выложенные жестью сундуки, в которых отправлялся чай. Они располагались на земляном полу подвала у пыльной каменной стены. Подвал, как и все комнаты склада, освещался камышовыми факелами.

— Кто это? — требовательно спросил Конан.

— Его зовут Хасан, — нетерпеливо ответил одноглазый контрабандист. — Наш новый «рыболов». Так! А теперь ответь мне, есть ли хоть доля правды в этих слухах, киммериец? Мне наплевать, если ты убил Турега Амала. Смерть этого старого дурака — небольшая потеря для мира. Но если ты это сделал, тебе надо поскорее убраться из Султанапура, а возможно, и из Турана. Если ты никого не убил, тебе лучше всего уйти в подпо-

лье и сидеть тихо, как мышь, пока они не поймают настоящего убийцу.

— Верховный адмирал? — воскликнул Конан. — Я слышал, что убитый был генералом, хотя, подожди, кто-то даже говорил, что он был князем. Ордо, подумай сам, зачем мне убивать верховного адмирала Турана?

Долговязый мужчина внезапно заговорил:

— Слухи говорят о том, что убийцу наняли. За достаточное количество золота, я полагаю, человек может убить кого угодно.

Лицо Конана окаменело.

— Кажется, ты называешь меня лжецом, — сказал он ледяным и страшным голосом.

— Спокойно, киммериец, — сказал Ордо и добавил незнакомцу: — Ты что, хочешь быстрой смерти, Хасан? Предложи этому человеку монету за убийство, и ты можешь назвать себя счастливчиком, если отделаешься только переломанными костями. Если он говорит, что никого не убивал, значит, так оно и есть.

— Я бы этого не сказал, — произнес неловко Конан. — Там был капитан стражи и двое или трое стражников. — Он пронзил яростным взором человека в тюрбане, издавшего горлом какой-то звук. — У тебя есть какие-нибудь замечания и об *этом* тоже?

— Эй вы, драчливые петухи, пригладьте-ка свои перья, — резко бросил Ордо. — Нам нужно погрузить на корабль новый груз «рыбы». Человек, который хочет получить его, требует немедленной доставки, и меньше всего мне нужно кровопролитие или драка в его присутствии. Он найдет других доставщиков, если увидит, что мы перебьем друг друга прежде, чем доставим на место его сундуки. — Его бородатое лицо дернулось, как голова разозленного медведя. — Мне нужна вся моя команда, если мы собираемся доставить эти проклятые ящики к устью реки Зарпаш вовремя. А двое из тех, кто мне так сейчас нужен, вцепились друг другу в глотки, как грузчики с помутившимися от вина башками.

— Ты сказал мне, что мы не отправимся снова в плавание как минимум три-четыре дня, — сказал Конан, подойдя к ящикам, чтобы осмотреть их. Хасан настороженно отодвинулся с его пути, но Конана интересовал не он, а искусно сделан-

ные сундучки. — Команда разбросана по тавернам и борделям, — продолжал киммериец. — И забавляется с девками, а место их мозгов заняли винные пары, и уже прошло четыре часа. Я мог бы уже спокойно плыть под всеми парусами и наслаждаться путешествием, но если мы найдем все двадцать человек к ночи, время будет упущено, чтоб меня поразил Эрлик.

— Мы должны отчалить до наступления темноты, — сказал Ордо. — Нам заплатят больше золота, чем по уговору, если мы придем быстрее, но меньше, если будем идти медленнее.

Украшенный шрамом контрабандист отодвинул Хасана еще дальше от себя своим грозным взглядом, затем подошел совсем близко к киммерийцу и понизил голос.

— Я не сомневаюсь в твоих словах, Конан, но *тебя* ли ищут стражники? Возможно, из-за этого капитана?

Конан пожал плечами, но не остановился и продолжал рассматривать сундучки.

— Я не знаю, — ответил он только для ушей Ордо. — Слухи ничего не говорят о Мураде, и мое имя не упоминается.

Самый большой сундучок был в длину не более локтя мужчины. Их края были из простого дерева и хорошо отполированы, а плотно подогнанный замок на каждом из них удерживался свинцовой печатью-пломбой с изображением птицы, которую Конан никогда не видел прежде.

— На улице говорили о Туреге Амале. И все же где-то просочился слух о том, что случилось в «Золотом Полумесяце», иначе в эту историю не замешался бы гигант северянин.

Он взвесил на руке один из сундучков, пытаясь определить его тяжесть. К его удивлению, он был настолько легок, как будто его содержимое состояло из пуха.

— Люди из северных стран не такие частые гости в Султанапуре, чтобы стать предметом подобных сплетен.

— Да, — согласился с его логикой одноглазый контрабандист. — И еще говорят, что, когда два слуха встречаются, они обмениваются словами. И еще известно то, что слухи меняются во время своего путешествия от рта к уху.

— Ты уже начинаешь сыпать афоризмами? Наверное, стареешь, а, Ордо? — усмехнулся Конан. — Я не знаю, как и почему все это случилось, но уверен, что беда будет сидеть у меня на плечах, пока все это не прояснится.

— Я не настолько стар, чтобы не суметь проломить тебе

башку! — заорал Ордо. — И был ли хоть один день, когда беда не сидела у тебя на плечах, киммериец?

Конан не обратил внимания на этот колкий вопрос. Он давно уже решил, что человек может жить вольной жизнью и избегать неприятностей в одно и то же время.

— Что находится в этих ящиках? — спросил Конан.

— Пряности, — донесся до него ответ от двери в подвал.

Рука киммерийца опустилась на рукоять меча. Вошедший в подвал незнакомец был одет в темно-серый плащ с капюшоном невероятных размеров. Как только незнакомец вошел внутрь помещения и закрыл за собой дверь, он тут же отбросил капюшон, открыв узкое смуглое лицо, закрытое тюрбаном, который был в два раза больше, чем это было принято в Туране. Тюрбан украшали белые перья цапли, удерживаемые серебряной застежкой с большим опалом. Пальцы незнакомца унизывали золотые кольца с аметистами и сапфирами.

— Вендиец! — вырвалось у Хасана.

Ордо одним движением руки заставил его замолчать.

— Я боялся, что ты уже не придешь, Патил.

— Не приду? — Тон вендийца был недоуменным, но потом он тонко улыбнулся. — А-а. Ты боялся, что я был вовлечен в события, о которых говорят на улицах. Нет-нет, могу заверить тебя, что я не имел никакого отношения к весьма печальной вести о смерти верховного адмирала. Такие дела не для меня. Я всего лишь бедный торговец, который должен избежать уплаты таможенных пошлин вашему царю Илдизу, моему царю Бандаркару и получить свою скромную прибыль.

— Разумеется, Патил, — ответил Ордо. — И ты пришел к нужному человеку, если желаешь, чтобы таможенники Илдиза не отобрали ни одной твоей монеты. Остальная часть моей команды уже готовит корабль к отплытию и быстрому походу. Конан, иди, проверь корабль и убедись, что все в полном порядке и готово к плаванию. — Он наполовину повернулся спиной к вендийцу, сделав несколько быстрых отчаянных движений, которые могли видеть только Конан и Хасан. — Мы должны быть готовы к отплытию, и очень скоро.

Конан отлично знал, что означали эти жесты. Он пошел было наверх, чтобы перехватить всех из команды Ордо, которые, качаясь от избытка вина, уже вваливались на склад. Пятеро или шестеро из них были членами команды Ордо, и это уже са-

мо по себе вряд ли смогло бы убедить Патила, что они сумеют быстро выполнить обещание Ордо. Однако Конан вернулся обратно. Он снова взвесил в руке ящик.

— Пряности? — спросил он. — Шафран, перец и другие пряности, которые я могу назвать, приходят через Вилайет с Востока. Но какие пряности могут прийти с Запада?

— Редкие пряности с островов Западного Моря, — без запинки ответил Патил. — Они считаются редким деликатесом в моей стране.

Конан кивнул:

— Ну, разумеется. И все же, несмотря на это, я никогда не слышал о том, что эти пряности везут контрабандой. А ты, Ордо, ты слышал что-нибудь о них?

Бородатый мужчина с сомнением покачал головой; тревога о том, что Конан может разрушить его сделку с вендийским купцом, пробежала по его лицу. Лицо же Патила не дрогнуло, он лишь облизнул свои губы кончиком языка. Конан бросил сундучок на землю, и вендиец вздрогнул, когда деревянный ящик ударился об утрамбованную землю.

— Открой его, — сказал Конан. — Я хочу взглянуть на то, что мы должны будем везти через Вилайет.

Патил издал стон протеста, обращенный к Ордо.

— Это не было частью договора. Кафар сказал мне, что из всех контрабандистов вы самые надежные, иначе я уже нашел бы кого-нибудь еще. Я предлагаю довольно много золота вам за то, чтобы вы доставили мои ящики и меня к устью реки Зарпаш, а не для того, чтобы вы задавали вопросы и ставили мне требования.

— Он действительно обещал нам много золота, — сказал медленно Ордо.

— Достаточно... чтобы перевезти листья канды? — спросил киммериец. — Или красный лотос? Ты видел изрядное количество безумцев, которые предпочитают свои трубки с дымящимся лотосом вину, женщинам и даже еде. Сколько золота нужно, чтобы перевезти *такое*?

Тяжело дыша, Ордо почесал свою бороду и скорчил гримасу.

— Ну ладно. Открой эти сундуки, Патил. Мне наплевать, что в них находится, если только это не листья канды или красный лотос.

— Я не могу этого сделать! — воскликнул вендиец. Пот гра-

дом покатился по его лицу. — Мой повелитель будет разгневан. Я требую, чтобы...

— Твой повелитель? — оборвал его резко Хасан. — У купцов не бывает повелителей, вендиец! Или ты не тот, за кого себя выдаешь?

Лицо Конана стало жестким.

— Откройте ящики.

Глаза Патила забегали, как у затравленного зверя. Внезапно он метнулся к двери. Конан прыгнул к нему, успев схватить его за широкий плащ, и смуглый вендиец извернулся назад, ударив киммерийца кулаком в лицо. Крошечный блеск железа предупредил Конана, и он отскочил назад, чтобы избежать удара. Лезвие ножа, сделанное в виде листа, слегка задело щеку Конана, чуть пониже левого глаза. Нога Конана с силой ударила по груди негодяя, тот пошатнулся и опрокинулся на грязный пол. На мгновение он освободился от железной хватки Конана. Патил вскочил на ноги и бросился к двери и, открыв ее, побежал со всех ног прочь. Он наткнулся сразу же на трех людей, которые поддерживали друг друга, пока шли, или, вернее сказать, спотыкались. Все четверо рухнули кучей на пол. Придя в себя, Конан вздернул за шиворот пошатывающихся пьяниц из кучи людей на полу, отпихнув их в сторону, увидев, что они были из отряда Ордо.

Вендиец был в самом низу и лежал без движения. Его большой тюрбан был скособочен, а потом вообще свалился с головы, когда киммериец перевернул торговца на спину. Все случилось так, как и опасался Конан. Темные глаза Патила остекленело уставились на киммерийца, перекошенные от боли, а зубы оскалились в застывшей усмешке. Кулак несостоявшегося убийцы был прижат к сердцу. У Конана не было ни малейшего сомнения, что нож с пружинистым лезвием был достаточно длинным, чтобы дойти до сердца. Конан коснулся рукой своей щеки. Пальцы испачкала кровь, но порез был не больше, чем царапиной. Это было просто везение, подумал Конан, что этот человек не ткнул его сразу же кинжалом. Конан никогда бы не заметил маленького кинжала, пока клинок не вонзился бы в его собственное сердце.

— Это не та развязка, на которую ты рассчитывал, а? — сказал он зло мертвецу. — Но я все же хотел бы, чтобы ты был в живых, чтобы кое-что у тебя спросить.

Подошел Ордо, чтобы схватить вендийца за его длинный, широкий халат и оттащить в сторону.

— Давай, киммериец, уберем это подальше от глаз тех, кто ходит вверх и вниз по лестнице. Нет никакого смысла усложнять вещи, особенно мне не понравилось бы, чтобы кто-нибудь подумал, что я убил этого дурня из-за его товара. Такие вещи могут разрушить все мое ремесло и доверие.

Они вдвоем стащили тело в подвал и захлопнули окованную железом дверь. Трое контрабандистов, которые случайно остановили бегство вендийца, лежали у стены, и двое из них уставились туманным взором на труп, когда его сбросили к их ногам.

— Он еще п-пьянее, чем мы, — пробормотал иранистанец, на голове которого была грязная, засаленная повязка.

— Он не пьян, — ответил другой, сидевший у стены рядом с ним. Это был немедиец, который был бы очень недурен собой, если бы ему не отрезали нос за какую-то кражу в прошлом. — Он мертвый.

Третий человек храпел, не обращая внимания на окружающих, и его храп напоминал рвущееся полотно паруса.

— Эй вы оба, заткнитесь! — зарычал Ордо.

Конан снова коснулся своей щеки. Кровь уже стала подсыхать. Конана больше интересовал сундучок, который минуту назад он уронил на пол.

Конан сел на корточки и склонился над сундучком, внимательно осмотрев свинцовые печати-пломбы. Птица, выдавленная на печатке из серого металла, была совершенно незнакома. Вероятно, работа вендийцев. И печать, похоже, была выдавлена не там, где надо. Наверное, она была просто средством для того, чтобы ящики плотно закрывались, или же служила знаком, который говорил владельцу, что ящики кто-то вскрывал. Конану уже доводилось видеть, как в подобные печати прятали скрытые пружины, приводящие в действие покрытые ядом иглы, которые поражали тех, кто не знал, как правильно открыть сундук с тайным содержимым. Обычно такие сундуки не попадались в вещах и товарах, перевозимых контрабандистами, но с другой стороны, эти ящики явно не были обычной «рыбой».

— Я рискну, — пробормотал Конан. Его сердце стучало, как удары кузнечного молота, когда он просунул лезвие кинжала под одну из печатей.

— Подожди, дурень, — начал было Ордо, но Конан уже разрезал быстрым движением мягкий свинец.

— В один прекрасный день твоя удача изменит тебе, — выдохнул одноглазый.

Не ответив ему, Конан быстро сломал остальные печати. Он приподнял кинжалом крышку первого ящика. Оба контрабандиста недоуменно уставились на содержимое сундучка. Он до самого верха был заполнен маленькими сухими листьями.

— Пряности? — с сомнением в голосе спросил Ордо.

Конан осторожно поворошил листья кончиком кинжала и взял горсть листьев в ладонь. Они легко крошились и ломались в руке, но от них не исходило никакого аромата.

— Человек не пытается убить другого, чтобы утаить пряности, — сказал Конан. — Посмотрим, что находится в остальных ящиках.

Он наполовину поднялся с колен, покачнулся и снова осел на пол. Сердце все так же тяжело стучало в его груди. Конан снова коснулся пореза на лице — он чувствовал, как будто кусок дубленой кожи лежал между его пальцами и щекой.

— Этот кинжал... — язык еле ворочался, произнося слова. — Что-то на нем было...

Кровь отлила от лица Ордо.

— Яд, — выдохнул он. — Не сдавайся, киммериец! Ты должен бороться с действием яда! Если твои глаза закроются, ты уже никогда не сможешь их снова открыть!

Конан снова попытался подняться, чтобы посмотреть на другие ящики, и опять чуть не упал. Ордо подхватил его за плечи и помог сесть на пол, облокотившись на стену.

— Сундуки, — сказал Конан. — Если я умираю, то я хочу знать, за что.

— Пусть Митра проклянет эти дьявольские сундуки, на что они нам? — рявкнул Ордо. — И ты не умираешь! Во всяком случае, ты не умрешь, если сюда придет Гурран.

— Я побегу за ним, — сказал Хасан, но замер под пронзительно-гневным взором Ордо.

— И как ты, интересно, это сделаешь, если никогда прежде не видел этого человека? Пританис! — Ордо быстро пошел по подвалу и рукой, которая по размерам могла сравняться с хорошим молотом, вздернул на ноги немедийца. Другая его рука хлестнула несколько раз немедийца по лицу. — Приди в себя,

Пританис! Ты слышишь меня? Ты слышишь меня, чтоб тебя забрал Эрлик, или я разобью твою дурацкую башку!

— Я слышу, — простонал немедиец. — Во имя всех богов, не бей меня по голове. Она и так разламывается на части от боли.

— Тогда слушай меня внимательно, если не хочешь, чтобы башка окончательно треснула, — зарычал Ордо, но перестал хлестать Пританиса по щекам. — Иди к Гуррану и приведи его сюда. Скажи ему, что это яд, и скажи ему, что он получит сотню золотых монет, если доберется сюда вовремя. Ты понял, что я сказал тебе, вшивое порождение верблюда?

— Я понял, — сказал немедиец неуверенно и пошатываясь пошел к двери, чуть не упав от встряски, которую ему дал Ордо.

— Тогда беги, будь ты проклят! Если ты не сделаешь все, как надо, я распорю тебе брюхо и повешу тебя на твоих же собственных кишках! А ты куда побежал? — добавил одноглазый, когда Хасан попытался было пойти вслед за Пританисом.

— За ним, — ответил Хасан. — Он так пьян, что без хорошего глотка вина не сможет запомнить, что должен делать, и ему нужен кто-то, кто поможет добрести до цели.

— Он запомнит, — проворчал Ордо, — потому что знает: я сделаю так, как ему обещал. Вплоть до последнего слова. Если ты хочешь сделать что-то, то набрось-ка плащ на тело Патила, так что нам не надо будет смотреть на него.

— У тебя нет ста золотых, Ордо, — сказал Конан.

— Тогда ты заплатишь ему, — ответил контрабандист. — А если ты умрешь на моих руках, я продам твой труп за такую же цену.

Конан засмеялся, но смех быстро оборвался, так как киммериец закашлялся и стал задыхаться. Он чувствовал себя таким же слабым, как ребенок. Даже если другие поставили бы его ноги, он знал, что сможет только просто стоять на ногах, но не больше. Страх и отчаяние в голосе его друга не коснулись, однако, сердца варвара. Он должен был получить ответ на происшедшее, и ответ этот лежал в сундучках у стены. Или, по крайней мере, ключ к ответу. Вопрос был простым, и в то же время поиски ответа удержали бы Конана в живых еще на некоторое время, так как он пока не мог позволить себе умереть. Он не умрет, не узнав всей правды.

Глава 5

Один за другим в подвал Кафара спускались люди из команды Ордо. Большинство из них шли, пошатываясь, пьяные, как и первые трое. Огорченное и рассерженное выражение, а также отвращение появились на их лицах, когда они узнали, что случилось.

Но не смерть вендийца, и даже не покушение на жизнь Конана, а скорее средство покушения привело их в такое раздражение. Они были привычны к честному открытому клинку и даже могли понять удар ножа в спину, но яд... яд был чем-то совсем иным, против чего человек не мог себя защитить. Кружки, меняющие свой цвет, когда в них наливали отравленное вино, были миром колдунов и миром князей, которые не могли себе позволить платить колдунам. Испуганные лица контрабандистов мало волновали Конана, но те прощальные взгляды, которые они бросали ему, раздражали киммерийца не на шутку.

— Я еще не мертв, — пробормотал он, задыхаясь.

— Где, во имя Девяти Адов Зандру, Гуррам? — заорал Ордо.

Как будто отвечая на его слова, обитая железом дверь настежь распахнулась и Пританис ввел Гуррана в подвал, держа его железной хваткой за костлявую руку. Немедиец с отрезанным носом, казалось, уже изрядно протрезвел, и трудно было сказать, отчего именно это случилось — от того, что он тащил за собой Гуррана, или же от угроз Ордо.

Ремешок из кожи пересекал тяжело вздымавшуюся грудь гербариуса и поддерживал маленький деревянный ящичек на боку старика. Резко освободив свою руку, он заковылял по комнате, зло ворча на качающихся пьяниц, все еще храпящего иранистанца и покрытую плащом неподвижную фигуру, — труп вендийца.

— И из-за этого меня тащили по улицам города, как козла на рынок? — вырвалось у него сквозь пыхтенье. Он снова тя-

жело задышал. — Чтобы лечить людей, которые были достаточно глупы, чтобы пить испорченное вино?

— Зараженное вино на лезвии ножа, — сумел пробормотать Конан. Он подался вперед, его голова закружилась. — Ты уже сегодня помог мне, Гурран. Сможешь ли ты снова это сделать?

Старик оттолкнул в сторону Ордо и наклонился, чтобы взглянуть в глаза киммерийца.

— Возможно, еще есть время, — пробормотал он, а потом более твердым голосом сказал: — Есть ли у тебя отравленное лезвие? Я хочу взглянуть на него.

Хасан поднял плащ с убитого и выдернул нож из груди трупа.

Он обтер нож плащом вендийца, прежде чем отдать его Гуррану. Гербариус пристально посмотрел на страшное оружие, удерживая его своими тонкими, высохшими пальцами. Маленькая рукоять из слоновой кости была вырезана так, чтобы нож было удобно держать в ладони, а лезвие могло проходить между пальцами.

— Оружие асассиана-убийцы из Вендии, — сказал он. — Или, во всяком случае, это оружие, вид которого совпадает с тем, что я слышал.

Конан задержал взгляд на пергаментно-высохшем лице старого человека.

— Ну? — сказал он.

Вместо того, чтобы ответить, Гурран поднес нож к лицу и слегка понюхал. Нахмурившись, он намочил палец слюной и коснулся им лезвия. С еще большей осторожностью, чем раньше, он поднес палец к губам. Он тут же быстро сплюнул, вытерев палец об одежду.

— Делай же что-нибудь! — потребовал Ордо.

— Яды — это то, с чем я редко имею дело, — сказал спокойно Гурран. Он открыл деревянный ящичек, который висел у него на боку, и взял маленький пакетик с каким-то порошком и каменную чашку. — Но возможно, я смогу в этом случае что-нибудь сделать.

Он вынул из ящика бронзовую ступку величиной не больше, чем половина ладони, и пестик.

— Дай мне бокал вина — и быстро.

Ордо махнул рукой Пританису, который поспешил выпол-

нить приказ. Гербариус начал работать, мешая и топча в ступке крошки различных порошков и перемешивая их пестиком. Пританис вернулся с грубым керамическим бокалом, наполненным до краев дешевым вином. Гурран взял бокал и вылил вино в чашку с порошками, быстро размешав содержимое указательным пальцем.

— Вот, — сказал старик, поднеся вино ко рту Конана. — Выпей.

Конан взглянул на то, что ему предложили. Несколько кусочков сухих листьев плавали на поверхности вина, вперемешку с крошками разноцветных порошков.

— Это избавит меня от яда?

Гурран взглянул ему прямо в лицо.

— На то время, которое тебе потребуется, чтобы дойти до доков и вернуться назад. Ты будешь в состоянии выйти из этой комнаты или умрешь.

— Если он умрет... — начал Ордо угрожающе, но Конан оборвал его.

— Если я умру, это не будет виной Гуррана, верно?

— Пей, — сказал старик, — а то это будет твоей собственной виной.

Конан выпил содержимое чашки. С первым же глотком гримаса отвращения исказила лицо киммерийца, и с каждым новым глотком гримаса становилась все ужаснее. Когда старик отвел чашку от его рта, Конан широко открыл рот, судорожно хватая воздух.

— Кром! Эта штука на вкус такая, будто в ней купался верблюд!

Несколько контрабандистов, из тех, кто был потрезвее, весело рассмеялись. Гурран хмыкнул:

— Тебе хочется сладенького на язык или все-таки одолеть действие яда? — Взгляд гербариуса упал на открытый сундучок. Лицо старика еще больше сморщилось. Он взял несколько листьев, растер их в ладони костлявыми, тонкими пальцами.

— Ты знаешь, что это за листья? — спросил Конан. Он не был уверен в том, действительно ли ему было легче дышать или это было только игрой воображения. — Человек, который полоснул меня ножом, сказал, что это пряности.

— Пряности? — рассеянно сказал Гурран. — Нет, я не думаю, что это пряности. Хотя, с другой стороны, — добавил он,

раскрыв ладони и бросив горсть листьев назад в ящик, — я не знаю всех на свете растений. Мне бы хотелось взглянуть и на другие ящики. Если в них также есть растения, которые неизвестны мне, возможно, я возьму некоторые из них как оплату за лечение.

— Можешь смотреть и брать сколько тебе хочется, — сказал с пылом Ордо. — Пританис, помоги ему открыть остальные ящики.

Немедиец и гербариус подошли к стоявшим рядами ящикам, и Ордо понизил голос до шепота, заговорив Конану на ухо:

— Если он возьмет в уплату листья и травы вместо сотни золотых, то я так скажу: нам это вполне подходит.

Конан глубоко вздохнул; ему *действительно* стало легче дышать.

— Помоги мне встать на ноги, Ордо, — попросил он. — Гурран сказал, что я должен ходить или умереть. Клянусь костями Митры, я намереваюсь ходить.

Они оба пристально взглянули друг на друга, затем одноглазый мужчина наклонился. Конан попытался встать, прислонившись рукой к стене, чтобы восстановить равновесие. Однако то, что он прислонился к стене, не слишком ему помогло. Конан сделал первый неверный шаг. Кости, казалось, были готовы согнуться, как мягкие ветви деревьев, но киммериец заставил себя продвинуть ногу вперед.

— Для этого уже все давно кончено, — прозвучал громко голос Пританиса, который стоял рядом с ящиками с кинжалом в руках. На трех из них уже были сорваны пломбы-печати.

— В них находятся те же самые листья. — Гурран снова покрыл лицо мертвеца широким плащом. — Мне было любопытно узнать, какой тип людей использует отравленное лезвие. Но я полагаю, что новые травы и растения более интересны, чем мертвецы. Так в остальных сундучках — тоже листья, говоришь?

Конан сделал еще один шаг и еще один. Слабость все еще пробегала волнами по его телу, но он чувствовал себя немного сильнее, и одно это уже было хорошим знаком. Ордо стоял рядом, глядя на него, как озабоченный медведь.

— С тобой все в порядке, киммериец?

— Да, пожалуй, — сказал ему Конан и вдруг засмеялся. — Несколько минут назад я бы даже согласился прожить столько,

сколько мне нужно было бы, чтобы узнать, из-за чего все это случилось. Теперь же я начинаю думать, что в конце концов проживу несколько дольше.

— Это тело слишком хрупкое, — сказал вдруг Гурран. — Слишком старое!

Он наклонился и, встав на колени, вгляделся в один из сундучков. Все двадцать сундуков были раскрыты, и содержимое некоторых из них было вынуто. В них было еще больше сухих листьев, точно таких же, как и в первом сундучке, а также красного цвета кристаллы, судя по порошку над ними, но они почти разрушились под тяжестью своего собственного веса; и плотно стянутые ремешком кожаные мешки, некоторые из которых Пританис распорол кинжалом, и содержимое их, очень похожее на соль, но только кроваво-красного цвета, высыпалось на пол.

В двух ящиках находились бутыли и пробирки с зеленым раствором; стеклянные сосуды с неизвестной жидкостью были хорошо упакованы в полотняные мешочки, проложенные гусиным пухом.

— Что тебя беспокоит? — спросил Конан. — Я могу ходить, как ты и обещал мне, и я прослежу за тем, чтобы ты получил золото, которое обещал тебе Ордо.

Одноглазый контрабандист выдавил приглушенный звук огорчения и протеста.

— Золото! — презрительно фыркнул Гурран.

— Если не золото, то что же тогда? — спросил его Конан. — Если эти растворы, листья и порошки в ящиках тебе нужны, бери их, кроме маленькой порции для меня. Мне кажется, что нам теперь уже не нужно доставлять их к реке Зарпаш, но я все же хочу узнать, почему человек пытался убить меня, чтобы эту траву никто не увидел. Маленькая порция листьев и всего остального поможет мне узнать это.

— Да, — медленно сказал гербариус, — ты хотел бы это узнать, не так ли? — Он поколебался, прежде чем продолжать. — Я не знаю, как даже сказать тебе об этом. Если бы мое снадобье было нужным лекарством... в том, что я хочу тебе сказать, вообще не было бы нужды. Я надеялся найти что-нибудь в этих сундуках или, что более вероятно, на теле вендийца. Человек, который носит при себе отравленное оружие, скорее всего имеет и противоядие, на случай, если случайно ранит себя.

— Но зачем нам нужно противоядие? — требовательно спросил Ордо. — Ведь ты уже остановил действие яда.

Гурран снова выдержал паузу, посмотрев в свою очередь очень внимательно на Ордо и Конана.

— То снадобье, которое я тебе дал, чужеземец, только приглушило действие яда на некоторое время.

— Но я чувствую себя совсем неплохо, только вот голова немного болит, — сказал Конан. — Через час я положу на лопатки любого человека в Султанапуре.

— И ты будешь чувствовать себя так же хорошо в течение одного-двух дней, а потом яд снова начнет действовать. Настоящее исцеление требует трав, которые можно найти только в Вендии.

— Вендия? — воскликнул Ордо. — Черный Эрлик!

Конан сделал движение рукой, чтобы Гурран продолжал, и старик продолжил свою речь:

— Тебе надо отправиться в Вендию, северянин, а я должен идти с тобой и давать тебе ежедневную порцию лекарства, чтобы ты остался в живых. Это путешествие не слишком улыбается мне, так как старое тело не предназначено для таких походов. Но ты, однако, сможешь найти ответы, которые так жаждешь получить, в Вендии.

— Может быть, я и получу ответы на свои вопросы, — сказал Конан. — Это не первый раз, когда моя жизнь будет измеряться днями.

— Но... Вендия, — запротестовал Ордо. — Конан, они не любят людей с этой стороны Вилайета. Если ты, с твоими дьявольски-голубыми глазами, кажешься странным здесь, то как ты думаешь, с какими рожами они будут глазеть на тебя там? Мы потеряем свои головы, проклятые Эрлика, и нам повезет, если перед этим нас не исхлещут до крови плетьми. Гурран, ты уверен, что этих трав нельзя найти в Туране?

— Если он не отправится в Вендию, — сказал Гурран. — Он умрет.

— Все в порядке, мой друг, — сказал Конан одноглазому человеку. — Я найду там противоядие и ответы на все вопросы, мучающие меня. Почему эти ящики стоили того, чтобы за них убить человека? Патил был вендийцем, и я не могу предположить, чтобы они предназначались куда-то еще. Кроме того, я знаю, что все равно должен покинуть Султанапур на некото-

рое время, если только не собираюсь прятаться в городе, до тех пор, пока городская стража не найдет убийцу Турега Амала.

— Сундуки, — внезапно сказал Хасан. — Их все еще можно доставить к устью Зарпаша. Кем бы ни был тот, кто должен встретить Патила, этот человек не знает, что Патил мертв. Он будет ожидать его там, и у него, я думаю, есть ответы на наши вопросы. У него даже может оказаться противоядие.

— Это лучше, чем Вендия, — сказал быстро Ордо. — Во всяком случае, это гораздо ближе. Не надо будет ехать на край земли, если в этом нет нужды.

— Ну что ж, нам это не повредит, если мы попробуем, — согласился Конан. — Это будет легким путешествием для твоих старых костей, Гурран.

Старик уклончиво пожал плечами.

— Если у друзей Патила не найдется того, что тебе нужно, — добавил Ордо, — тогда подумаем и о Вендии.

— Эй-эй, подождите-ка! — Пританис с разгневанным лицом быстро подошел к ним. Остальные контрабандисты пьяно слушали их, но немедиец был единственным более-менее трезвым, чтобы по-настоящему понимать, о чем тут говорили. — Доставить сундучки к устью Зарпаша, вы говорите. А каким образом мы найдем людей, которые нам нужны? Устье Зарпаша очень широко, дюны и холмы могут скрыть целую армию на обоих берегах.

— Прежде чем согласиться перевезти товары Патила, — сказал Ордо, — я узнал у него о сигналах, которые будут нам даны людьми на берегу и о тех сигналах, которые мы должны дать в ответ.

— Но какая нам прибыль во всем этом? — настаивал Пританис. — Вендиец не заплатил нам. Неужели вы думаете, что его приятели заплатят нам, когда мы появимся без него? Я так скажу — забудем об этих сундуках и поищем другой улов «рыбы», который наполнит золотом наши кошельки.

— Ах ты, трусливый, глупый пес. — Голос Ордо был глухим и казался еще более опасным от этого. — Конан является одним из нас, и мы должны держаться вместе. Как много в тебе гнили, а? Неужели ты выбросишь товары за борт при одном виде царской морской биремы или бросишь наших раненых на съедение царским стражам?

— Можешь не называть меня трусом, — злобно буркнул

немедиец. — Я не раз уже рисковал головой, которую могли бы насадить на пику над Воротами Чужеземцев, как тебе это хорошо известно. Если киммериец хочет идти, отпусти его, пускай идет. Но не проси, чтобы и все остальные из нашей команды пошли бы вслед, чтобы подразнить топор палача только из-за удовольствия поездкой.

Кривой шрам Ордо на его левой щеке стал мертвенно-бледным, когда он приготовился обрушить на голову Пританиса свой гнев, но Конан заговорил первым.

— Я не прошу тебя идти в поход из-за одного удовольствия поездкой, Пританис, и даже из-за того, чтобы наслаждаться моим обществом. Но ответь мне на такой вопрос: ты говоришь, что тебе нужно золото, так?

— Как и любому человеку, — осторожно сказал Пританис.

— Эти сундуки стоят золота для людей, ожидающих их у Зарпаша. Это должны быть вендийцы, если Патил является их проводником. Ты уже видел других вендийцев, людей с золотыми кольцами на каждом пальце и драгоценностями на своих тюрбанах. Ты когда-нибудь видел вендийца, у которого бы не было кошелька, набитого золотом?

Глаза Пританиса расширились, когда он внезапно понял, что Конан говорил эти слова не только для него.

— Но...

Великан-киммериец продолжал свою ловкую импровизацию как лавина, которая катится на беспомощного крестьянина:

— Вендийцы, ожидающие сундуки у Зарпаша, имеют при себе много золота, и оно причитается нам, если мы доставим в условленное место сундуки. Ну, а ежели они не заплатят... — Он по-волчьи ухмыльнулся и коснулся рукояти своего широкого, длинного меча. — В таком случае они будут не первыми, кто откажется заплатить за свою «рыбу». Мы и раньше не давали никому возможности улизнуть от оплаты, не дадим сделать это и вендийцам.

Пританис выглядел так, словно он собирался спорить и дальше, но один из контрабандистов пьяно крикнул:

— Да! Перережем им глотки и заберем все их добро себе!

— Вендийское золото для всех нас! — крикнул другой. Остальные выкрикивали слова одобрения или со смехом вторили приятелям.

Немедиец с обрезанным носом оскалился и, замолчав, мрачно отошел в угол.

— У тебя все еще есть дар заставлять людей следовать за тобой, — сказал Ордо тихо, обращаясь к Конану, — но на этот раз лучше всего было расколоть башку Пританису и покончить с ним. Он еще доставит нам хлопот, прежде чем заработает нож в брюхо, а у нас и так достаточно неприятностей. Митра, этот старик будет метать харч на каждой волне. Он выглядит не более счастливым от перспективы короткого путешествия, чем от путешествия в Вендию.

И в самом деле, Гурран сидел, прислонившись к сундукам, уставившись мрачно в пустоту.

— Я сам посчитаюсь с Пританисом, если это будет нужно, — ответил Конан. — А что касается Гуррана, то он несомненно сумеет сделать какую-нибудь настойку для своего желудка. Беда сейчас заключается в том, где найти побольше людей.

Корабль Ордо мог отправиться в поход и с меньшим количеством людей, с теми, кто сейчас находился в подвале, но ветры не всегда были благоприятными и попутными, а для того чтобы грести против течения и волн требовалась как минимум вдвое большая команда. Киммериец оглядел людей, многие из которых лежали, распластавшись на полу, и добавил:

— Не говоря уже о том, что надо отрезвить эту шайку, чтобы они смогли ходить, не падая через каждые пять минут на пол, споткнувшись о собственные сапоги.

— Соленое вино, — сказал мрачно Ордо.

Конан вздрогнул и скорчил гримасу; у него был личный опыт от метода одноглазого, которым тот выгонял винные пары из пьяных.

— И тебе нельзя рисковать появляться на улицах днем, — продолжал Ордо. — Я оставлю пока этот сброд, чтобы ты последил за ними, пока я не соберу остальную часть команды в тавернах. Пританис! Нам впереди предстоит много работы!

Конан бросил беглый взгляд на пьяных контрабандистов и снова сделал гримасу.

— Хасан, скажи Кафару, что нам нужно десять кувшинчиков вина. И большой мешок соли.

Следующие полчаса будут отнюдь не из приятных.

Глава 6

Портовые причалы становились тихими, как только наступали сумерки, заселенные только тенями, превращающими большие бочки с вином, рулоны материи и кольца канатов и веревок в страшные тени. Рваные клочья облаков закрывали далекую темную луну. Морской ветер, дующий вдоль побережья, был таким же холодным, каким жарким был в течение дня, и стражники, нанятые Купеческой Гильдией, плотнее кутались в свои шерстяные плащи и искали укрытия внутри портовых складов с бутылкой согревающего вина.

Никто не видел, как люди работали на узком, около шестнадцати шагов в длину, судне с одиночной мачтой и парусом, установленным в центре корабля. Судно было привязано к доку, который угрожающе и тревожно покачивался и скрипел при каждом шаге людей, ступающих по его грубо обструганным доскам. Хотя с другой стороны, если вдуматься, док скрипел вне зависимости от того, ступали на него или нет.

Все корабли, пришвартованные здесь, имели на борту сети, но весьма от немногих исходил запах рыбы, да и то не сильный. Настоящие рыбаки продавали небольшие порции своего улова контрабандистам, чтобы от корабля тянуло рыбой, и это было не случайно. Таможенные сборщики царя Илдиза конфисковали бы корабль, который не пахнет рыбой, прежде, чем даже решили бы осмотреть его.

Конан стоял на скрипящем доке, одетый в темно-синий плащ, который на него накинул Гурран, чтобы киммериец слился с ночью. Конан был единственным, если конечно не считать Ордо, кто знал, что одноглазый контрабандист назвал корабль «Карела» — именем женщины, которую он не видел почти пять лет, но которую продолжал безуспешно искать. Конан тоже знал ее и понимал одержимость контрабандиста.

В то время как остальные нагружали корабль провиантом

и снастями, киммериец внимательно наблюдал за одиночным сторожем, зарабатывающим себе на жизнь этой работой, или же, скорее всего, выискивающим случайный патруль таможенников царя. Легкая головная боль в середине лба была единственным напоминанием о яде.

— Настойка старого дурня сработала неплохо, — сказал Конан, когда Ордо прыгнул на док с корабля. — Я мог бы подумать, что яд исчез совершенно.

— Ему можно было сработать лучше, — хмыкнул его старый друг. — Ты пообещал ему сто золотых, когда старик уже согласился взять травы вместо денег.

— Моя жизнь стоит ста золотых — по крайней мере, для меня, — сухо сказал Конан.

Приглушенные ругательства и мягкий звук упавшего на палубу тела донесся с корабля.

— Ордо, ты действительно набрал всех слепых идиотов, каких только мог найти, для этого похода?

— Мы можем только мечтать о том, чтобы у нас было вдвое больше сабель, прежде чем дело будет закончено. А если подумать о том, что половина моих людей утонула в кувшине вина, я должен был брать то, что было под руками. Или ты предпочитаешь выждать еще один день? Я слышал, что городской стражник изрубил в лапшу одного альбиноса, в сумерках по ошибке приняв его за северянина. Они прочесывают город, обыскивая каждую таверну и бордель в Султанапуре.

— На это им потребуется не меньше ста лет, — засмеялся Конан.

Легкое воркование донеслось до ушей киммерийца, и он уставился в изумлении на плетеную клетку с голубями, которую подняли на борт, после чего последовала еще одна клетка с курами и три козы.

— Один из наших посоветовал это сделать, — сказал Ордо, — и я подумал, что это неплохая мысль. Мне уже надоело выбирать между сушеным и соленым мясом, когда мы находимся в открытом море.

— Если только они не принадлежат к команде, Ордо.

— Козлы не лучше некоторых чужеземцев, известных мне и... — Бородатый человек оборвал свою фразу, когда огонек света вспыхнул на корабле. — Во имя Девяти Адов Зандру!..

Конан не терял время на ругательства. Прыгнув на палубу,

он вырвал горящую глиняную лампу из рук высокого, тощего туранца и выбросил ее за борт. Туранец гневно уставился на Конана.

— Как же я должен видеть, куда класть вещи в такой темноте?

Конан не знал этого человека, судя по всему, это был один из новичков-рекрутов Ордо. Он был одет в серые шаровары, тюрбан и кожаную жилетку — постоянную одежду обитателей порта.

— Как тебя зовут? — спросил киммериец.

— Меня зовут Шамил. А ты кто такой?

— Шамил, — сказал Конан. — Я буду считать, что ты слишком глуп, чтобы понять, что горящую лампу могут также увидеть далеко отсюда те, кому это совершенно ни к чему. — Его голос стал жестче. — Я даже не подумаю о том, что ты мог быть шпионом, работающим на таможенников, пытаясь привлечь их внимание. Но если ты сделаешь это опять, я заставлю тебя съесть эту лампу.

Ордо появился позади него, пробуя острие своего кинжала на толстом ногте.

— А после этого я перережу тебе глотку. Тебе все понятно?

Худой туранец настороженно кивнул.

— Слепые скоты, Ордо, — сказал Конан и повернулся, чтобы уйти, прежде чем его друг успел заговорить. Веселье киммерийца, охватившее его до этого, поутихло. Такие люди, как Шамил, могли вполне потерять голову еще до того, как вообще увидят Зарпаш. И кто знает, как много таких людей было среди новичков? Даже если они не погибли бы по глупости, вроде того, чтобы использовать горящую лампу там, где необходима была невидимость и полная темнота, многим ли из них Конан мог доверять, когда дело дойдет до боя на другом берегу Вилайета?

Бормоча что-то про себя и спотыкаясь, вниз по темной палубе сошел Гурран и сунул оловянную кружку в руки Конана.

— Выпей это. Я не могу быть уверенным в эффекте, который даст морское путешествие. Лучше всего перестраховаться, приняв двойную дозу, и быть в безопасности.

Конан глубоко вздохнул и, зажав пальцами ноздри, осушил кружку одним глотком.

— Эта штука больше не напоминает по вкусу верблюда, — сказал он с гримасой.

— Ингридиенты немного другие, — ответил ему гербариус.

— Теперь это питье похоже на то, что в него всего лишь верблюда окунули, — Конан бросил пустую кружку Гуррану, когда Ордо присоединился к ним.

— Ящики лежат в трюме, — сказал он тихо, — и мы готовы, как всегда, хоть сейчас выступай. Прими руль, киммериец, пока я расставлю людей у весла.

— Пригляди за ними, чтобы они не вышибли друг у друга мозги, — сказал Конан, но Ордо уже исчез в темноте, шепотом отдавая команды.

Киммериец передвигался быстро и ловко, хмурясь при стуке весел, когда их укладывали в уключины. Когда судно стало выходить из залива, Конан всем своим весом навалился на руль, направляя корабль к полосе открытой воды. Слова Ордо, командующего тихо «раз-два», «раз-два», чтобы гребцы налегали на весла в такт, донеслись до Конана сквозь скрип снастей и плеск воды. Фосфоресценция освещала воду при каждом плеске весел и на волне, разрезаемой носом корабля. Около двадцати кораблей всех размеров стояли в это время на якоре в заливе; галеры и купеческие широкобортные корабли из каждого порта Вилайета. Конан вел судно зигзагообразным курсом, огибая стороной эти корабли. Военные царские биремы стояли в северной части порта, по несколько часовых, нанятых купцами, обязательно будут здесь, следя по сторонам, чтобы ничего не случилось. Никто, однако, не собирался поднимать тревоги, если конечно корабль контрабандистов не подошел бы слишком близко. Часовых нанимали, чтобы охранять корабли от воров и пиратов, некоторые из которых были достаточно дерзкими, чтобы входить в порт Султанапура или даже Аграпура, а не для того, чтобы привлекать ненужное внимание к кораблям, чьи капитаны часто везли товары, не указанные в таможенной декларации.

Прибрежный ветер нес не только запахи города, но и вонь самого залива. Аромат специй, пряностей, запах пота от галер работорговцев смешивался с запахом воды. Отходы и испражнения выбрасывались прямо за борт, когда корабль был в море или порту, и залив Султанапура давно уже превратился в сточную канаву. Наконец судно прошло мимо последнего из стоящих на якоре кораблей, но вместо того, чтобы расслабиться, Конан напрягся и пробормотал проклятие.

— Ордо! — хрипло позвал он. — Ордо, погляди на мол!

Длинный каменный мол-волнолом защищал залив от резких, порывистых, внезапных штормов на Вилайете. Шторм мог бросить такие обычно спокойные волны на корабли и разбить суда о причалы. Две широкие барки для перевозки овец закрывали проход в открытое море, оставляя свободной лишь узкую полоску воды. На каждой стороне барки стояла высокая гранитная башня. Башни не были еще видны из-за сгустившейся темноты, и обычно в них размещалась стража только в случае войны. Но зато было хорошо видно, что свет от факелов просачивался сквозь бойницы для лучников. Ударив со злости кулаком по колену, Ордо медленно пошел по палубе, уставившись на полоски света. На мгновение свет факелов стал менее отдаленным и приближался теперь с каждой минутой. Ордо спокойно заговорил, когда рядом был только Конан и никто другой не мог его услышать:

— Это, должно быть, из-за этого проклятого Митрой убийства адмирала, киммериец. Но если они поставили на башни стражу...

— Цепи? — спросил Конан, и бородатый человек мрачно кивнул.

Цепи были еще одной предосторожностью во время войны, как и стража на башнях. Цепи были сделаны из массивных железных звеньев и были способны удержать, не разорвавшись, самый сильный удар тарана самой большой триремы. Их могли растянуть почти над самой поверхностью воды, чтобы надежно закрыть вход в порт даже самым маленьким судам, вроде того, на котором плыли контрабандисты. Конан медленно заговорил:

— Нет никакой причины ставить на башню стражу, если только цепи не подняты. Ночью они не слишком-то полезны. Но войны нет, только убийство. — Конан кивнул самому себе. — Ордо, цепи поставлены не для того чтобы удерживать корабли от проникновения внутрь порта, а для того чтобы удержать их *внутри*.

— Удержать их внутри?

— Попытаться удержать убийцу верховного адмирала, — нетерпеливо сказал киммериец. — Здесь нет городских ворот, которые нужно закрывать и охранять. Только цепи.

— Ну, а если ты прав, то что это нам дает? — хмыкнул кис-

ло Ордо. — Цепи или ворота, мы заперты здесь, как зайцы в клетке.

— Во время войны в каждой башне сидит не меньше сотни солдат. Но сейчас... Они не ожидают атаки, Ордо. И сколько людей нужно, чтобы наблюдать за цепью? Столько же, сколько и для охраны ворот?

Ордо свистнул беззвучно сквозь зубы.

— Это игра, киммериец, — сказал он наконец. — Ты предлагаешь смертельно опасную игру.

— У меня нет другого выбора. Кубики брошены, так или иначе, а моя жизнь уже поставлена на кон и оценена.

— Да, это верно. Но разрази меня гром, если все это мне нравится. Нам надо попробовать ту башню, которая стоит ближе к берегу. Иначе придется иметь дело с тремя десятками стражников, прежде чем дело будет сделано.

— Нет, не ты, —сказал Конан. — Если мы пойдем вдвоем, как ты думаешь, долго ли нас будет ждать корабль? Новые люди в команде не пойдут против старых, а старые тоже не слишком-то рвутся в это путешествие.

— Они все знают, что я достану хоть из-под земли любого, кто бросит меня и мой корабль, — проворчал Ордо. — Последую за ним на край света, если это будет нужно, и разорву ему глотку голыми руками. — Однако одноглазый взял руль из рук киммерийца. — Тебе нужны помощники. Ты не можешь идти на это дело в одиночку.

Конан подошел к мачте и встал на середине палубы, где лежал свернутый парус. Скорость гребцов, которая стала сбивчивой без команды Ордо, замедлилась еще больше. Даже в темноте Конан чувствовал, что вся команда пристально смотрит на него.

— Беда, случившаяся в городе, причинила нам большую неприятность, — сказал Конан спокойно. — Сторожевые цепи подняты. Я собираюсь опустить одну из них и дать нашему кораблю возможность выйти из порта. Если это не удастся, то мы дошли до этого места впустую. У нас есть ящики с пряностями, или во всяком случае, мне сказали, что это пряности, которые нужны только вендийцам, и вендийцы оставят при себе свое золото, если мы не доставим им эти ящики.

Он выдержал паузу и ждал. Золото всегда хорошо звучало в конце речи, отпечатываясь, как от удара каленым железом, в

мозгах слушавших. К удивлению Конана, Хасан поднял свое весло и молча встал. Гурран зашевелился и еще плотнее закутался в плащ. Больше никто не сдвинулся с места. Конан внимательно посмотрел на две темные линии гребцов — люди неловко зашевелились на скамьях. Убедить их было бы очень нелегким делом. Явные трусы недолго числились в рядах Берегового Братства, но те, кто слишком рвался в бой, также не задерживались в контрабандистах. Ну что ж, вполне можно начать с самых крепких орешков.

— Ты, Пританис?

Немедиец с обрезанным носом оскалил белые зубы — это могло быть и усмешкой, и рычанием.

— Ты хочешь идти в этот поход, северянин? Тогда ты и опусти цепь. А я... я предпочел бы быть сейчас на берегу с доброй кружкой пива в руке и девкой, сидящей у меня на колене.

— Куда более безопасное место, это верно, — сказал сухо Конан, и в рядах гребцов раздался тихий смех.

Пританис сердито сжал руками весло. Шамил, вытащив весло почти что рядом с Конаном, не сделал движения, чтобы подняться, но в воздухе, казалось, колыхалось ожидание, и десятки глаз смотрели на него; Конан чувствовал это даже в почти абсолютной темноте.

— Ну, а что скажешь ты, зажигающий лампы? — спросил киммериец.

— Я просто ожидал, чтобы ты спросил меня, — тихо ответил худой туранец. Его весло заскрипело в уключине, когда он положил его в сторону. Внезапно сразу двое встали в середине ряда. Конан узнал их — это были те, кто был в отряде Ордо еще до того, как Конан прибыл в Султанапур.

— Я не хочу, чтоб ты подумал, будто только зеленые новички идут с тобой, — сказал один из них, кофиец по имени Балис. Толстые старые шрамы покрывали его голову — в прошлом кто-то не очень умело отрезал ему уши за какую-то провинность. Другой контрабандист, худой, с провалившимися щеками шемит, который называл себя Энам, ничего не сказал, а просто вытащил свой тулвар и проверил острие лезвия.

— Глупцы, — фыркнул Пританис, но он сказал эти слова очень тихо.

Конан махнул рукой, подав сигнал Ордо. Он почти не видел его в темноте, и капитан казался серым сгустком, стоящим на

борту корабля. Судно повернуло к молу. Послышался шорох волн, ударяющихся о гранитную стену, неожиданно выросшую из темной воды. Стена была высотой больше, чем человеческий рост, выше, чем палуба корабля. Даже новички знали достаточно о кораблях, чтобы понять, что им нужно делать. Они тихо взмахивали веслами. Затем те, кто греб на той стороне, где находился мол, подняли вверх весла, чтобы держать судно на небольшом расстоянии от камней. Высокий киммериец не терял времени на слова. Встав на фальшборт, он высоко прыгнул, ухватился за верхнюю часть стены мола и, подтянувшись на руках, сел на грубую гранитную поверхность. Кряхтенье и приглушенные ругательства подсказали ему, что друзья также перепрыгнули на стену, карабкаясь наверх. У них более чем достаточно пространства для движения, так как стена была около двадцати шагов в ширину.

— Нам нужно их убить? — спросил глухо Хасан.

— Возможно, в этом не будет необходимости, — ответил Конан. — Пошли.

Квадратная каменная башня занимала весь последний кусок мола, уходящий клином в воду, за исключением узкой каменной дорожки для часовых вокруг нее. Острая, увенчанная зубцами и бойницами вершина уходила вверх на расстоянии двадцати метров, и только тяжелая, крепкая гранитная дверь вела внутрь башни у ее подножия.

В бойницах для лучников на втором этаже горел желтоватый свет факелов, больше свет не шел ниоткуда. Жестом приказав остальным уйти в тень у основания башни, Конан вытащил из ножен кинжал и плотно прижался к каменной стене у двери. Осторожно прикинув расстояние, он бросил кинжал на камни, примерно в двух шагах от себя. На мгновение он подумал, что звон металла не проник внутрь башни. Но через несколько секунд послышался лязг засова и дверь широко распахнулась. Струя света упала на полоску камней, и стражник без шлема высунул голову наружу. Конан затаил дыхание, но кинжал, лежащий на краю полосы света, привлек внимание туранца. Он нахмурился и вышел наружу. Конан метнулся к нему с быстротой и ловкостью атакующего сокола. Одной рукой он сжал рот стражника. Другой схватил его за пояс для меча и поднял вверх, после чего бросил солдата вниз. Раздался громкий плеск и жалобные крики: «Помогите! Помогите!»

— Этот дурень свалился в воду! — крикнул кто-то внутри башни, и стук сапог донесся до Конана и его товарищей. Четверо стражников поспешили на помощь своему неудачливому приятелю. На их головах также не было шлемов; в руке одного из них была деревянная кружка — было очевидно, что никто из них не ожидал опасности. Они резко остановились, когда увидели, что перед ними стоит молодой гигант, их руки метнулись к рукояткам сабель, но было уже слишком поздно. Кулак Конана расплющил ближайший нос, и пока этот человек падал, обрушил сильный, как удар молота, «крюк» в челюсть другого. Двое стражников упали один на другого. Остальные, как заметил Конан, тоже свалились очень быстро, и никто не обнажил оружие.

— Бросьте их оружие в воду, — приказал киммериец, поднимая свой кинжал, — и свяжите солдат.

Крики о помощи донеслись до него с поверхности воды, на этот раз они были более громкими и отчаянными.

— Потом сделайте веревку из их туник и поясов и вытащите этого болвана из воды, прежде чем он разбудит и поднимет на ноги весь город.

С мечом в руке Конан осторожно вошел в башню. Самый нижний этаж башни был одной большой комнатой, освещенной факелами, с каменными ступенями лестницы, ведущими вверх. Почти все помещение было заполнено массивным, громадным воротом, соединенным со сложным устройством из огромных бронзовых шестерен, на которых блестела свежая смазка — жир. Длинная металлическая «рука» шла от самой маленькой шестерни до бронзового колеса, которое было привинчено к стене. Толстая железная цепь была уложена рядами на ворот и барабан. Металл на каждом звене цепи был толщиной в руку взрослого мужчины, и на нем не было и пятнышка ржавчины. Говорили, что давным-давно, много веков назад, один из туранских царей, приказавший сделать эту цепь, предложил столько рубинов, сколько он будет весить сам, тому кузнецу, который сможет сработать такую цепь из железа, чтобы она не ржавела вечно. Говорили также, что царь честно заплатил этими рубинами кузнецу, включая вес рук и языка, которые он отрубил кузнецу, чтобы секрет цепи не смог перейти к другим. От ворота цепь шла в узкое круглое отверстие в каменном полу. Конан игнорировал его, сконцентрировав

свое внимание на том, как ослабить цепь. Похоже, что только один бронзовый клин удержал шестерни на месте.

— Конан, сзади!

Услышав предупреждающий крик, Конан резко повернулся, и меч сверкнул в его руке. Покатившись по лестнице, мертвый стражник тяжело рухнул прямо под ноги киммерийцу. Кинжал торчал у него в груди, вошедший по самую рукоятку, заряженный арбалет лежал рядом.

— Он целился тебе в спину, — сказал Хасан, стоя у двери.

— Я — твой должник теперь и когда-нибудь отплачу тем же, — проговорил Конан, сунув меч в ножны.

Конан быстро освободил клин и, отбросив его в сторону, налег всем телом на бронзовую перекладину. Но это было все равно, что пытаться сдвинуть с места скалу. Судя по длине перекладины-рычага, для того чтобы сдвинуть ворот с места, нужно было как минимум пять человек. Мышцы киммерийца вздулись буграми от напряжения, и перекладина сдвинулась с места, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Но сам ворот двигался гораздо медленнее, и громадные звенья цепи звякали в отверстии в каменном полу. Конан напряг все свои силы, чтобы ворот стал двигаться быстрее. Внезапно за его спиной появился Хасан и налег на рычаг, добавив больше силы и энергии, чем предполагало его сухое, худощавое тело. Балис просунул голову внутрь помещения.

— Цепь уже опустилась под воду, насколько я могу видеть, киммериец. И еще. На дальней стороне канала какое-то движение и шум. Они, должно быть, услыхали крики тонущего стражника.

Конан неохотно отпустил рычаг. Очень скоро сюда будет отправлена лодка с солдатами, чтобы узнать, что случилось, и хотя на ней вряд ли будет много людей, задача Конана и Ордо была в том, чтобы спастись, а не вступать в бой.

— У нашего судна небольшая осадка, — сказал он. — Я думаю, что оно пройдет без труда.

Когда трое людей поспешили выбежать из башни, Шамил и Энам подняли на ноги пятого стражника, связали его и заткнули ему рот кляпом из его собственной, мокрой от вынужденного купания туники, после чего положили его в ряд с четырьмя его товарищами, все еще лежащими без сознания. После этого они молча последовали за Конаном по узкой до-

рожке у подножия башни. Единственный глаз Ордо (как хорошо было известно Конану) был острее, чем оба глаза Балиса. И кроме того, здоровяк Ордо не стал бы терять драгоценных секунд. Прежде чем они дошли до края стены волнолома, мягкий, тихий скрип весел и плеск воды послышались рядом с ними. Корабль появился перед ними в тот момент, когда они стояли у стены.

— Прыгайте! — скомандовал Конан.

Подождав только несколько секунд, чтобы убедиться, что каждый из его людей благополучно приземлился на палубе, киммериец быстро прыгнул вслед за ними. Он приземлился на корточки, пружинисто, как кошка, и все-таки покачнулся и вынужден был ухватиться за мачту, чтобы не упасть на палубу. Голова закружилась, как если бы корабль швыряло во время шторма. Конан стиснул зубы, пытаясь одолеть головокружение. Гурран вышел из темноты и внимательно посмотрел на киммерийца.

— Слишком много движений может снова вызвать действие яда, — сказал он. — Тебе надо отдохнуть, так как есть пределы тому, сколько лекарства я могу дать тебе в один день.

— Я найду того подлеца, кто мне ответит за все это, — сказал Конан сквозь стиснутые зубы. — Даже если у него нет противоядия, я найду эту мразь — и убью.

С кормы донеслась хриплая команда Ордо:

— Гребите! Чтоб вас поглотил Эрлик, гребите!

Гребцы налегли на весла, и узкий, стройный корабль поплыл прочь от Султанапура, как водомерка, бегущая по черной воде.

* * *

Разъяренный Найпал, с рычанием поднялся на своей большой круглой постели, уставившись неподвижно в темноту. Аунный свет струился в комнату сквозь легкие прозрачные шелковые занавески, закрывавшие узорчатые арочные окна, и бросал вокруг неясные, расплывчатые тени. Две женщины, делившие с Найпалом постель (одна — вендийка, другая — кхитаянка, обе они изящно сложенные, в данный момент — обнаженные), съежились и отпрянули в сторону, прижавшись к шелковым занавесям. Эти две девушки-наложницы были любимицами из *пардаханы* Найпала. Они были опытны, горячи

и страстны и всегда были готовы доставить своему господину удовольствие, но сейчас он даже не посмотрел на них. Кончиками пальцев Найпал осторожно стал массировать виски, стараясь припомнить, что же разбудило его. На шее Найпала, на узкой золотой цепи висел большой черный опал. Колдун никогда не вынимал его, так как опал был единственным средством, через которое Масрок мог показать свою покорность или попросить о том, чтобы его вызвали. Однако сейчас темный и холодный камень спокойно висел на цепочке, слегка покалывая кожу. Это был только сон, решил Найпал. Сон, предвещающий... Знамение? Это чувствовалось, как если бы это было какое-то предупреждение...

Предупреждение!

— Проклятье Катар! — выругался колдун, и женщины еще дальше отшатнулись от него.

Если позвать слуг, это займет слишком много времени. Найпал кое-как слез с кровати, все еще не обращая внимания на всхлипывающих, испуганных женщин. У них было много чудесных талантов, но только не в ту минуту, только не сейчас... Найпал быстро запахнул халат, то, что он уже не делал много лет, предпочитая, чтобы слуги выполняли это за него.

Узкий позолоченный сундучок стоял на столе, инкрустированный лазурью, нефритом и бирюзой. Колдун потянулся к нему немного неуверенно, ведь ему сейчас нет нужды вызывать Масрока, нет нужды угрожать ему; затем он повернулся и побежал, оставив сундучок на столе.

Отчаянные мысли крутились у него в голове в эту минуту. Какая опасность может ему сейчас угрожать? Масрок закрыл глаза Темным Провидцам Имши. Заил Бал, бывший придворный маг и единственный человек, которого Найпал по-настоящему боялся, был уже мертв и унесен демонами. И если Бандаркар, подозревая его в темных намерениях, вызвал других магов, чтобы противостоять ему, то он, Найпал, также имел своих людей, стоящих близко к трону, людей, о которых Царь ничего не знал.

Колдун знал даже, какую женщину выбрал Бандаркар, прежде чем она достигла царских покоев. Что же это могло быть? Что?

Темнота помещения с высоким куполом глубоко внизу, под дворцом, смягчалась неземным, потусторонним мерцани-

ем, исходящим от серебряной паутины узора на полу. Найпал метнулся к столу, где лежали колдовские принадлежности — хрустальные флаконы, пробирки и реторты, от которых исходило жуткое сияние, и другие, которые были как бы сгустком абсолютной темноты.

Его пальцы прямо-таки чесались, желая коснуться сундука из черного дерева, так как в нем лежала сила *корасани*, однако колдун взял себя в руки и приподнял вместо этого крышку богато украшенной резьбой и орнаментом коробки из слоновой кости.

Дрожащими руками Найпал отбросил в сторону шелковую материю. Воздух вырвался из груди колдуна, как предсмертное хрипение. Смутное изображение дрожало на полированной поверхности, уже не такой блестящей и гладкой, как всегда. Отражение являло собой небольшое судно на покрытом ночной завесой море, корабль с одинокой мачтой, продвигающийся вперед ритмичными ударами равномерно поднимающихся и опускающихся весел.

Странные приспособления из хрусталя и кости задрожали, когда колдун ударил кулаком по столу. Как и полагается, зеркало показало ему источник опасности, но и у него были свои пределы. Где же опасность? С какого моря она шла? Моря были на юге, и далеко на востоке лежал Безбрежный океан, который, по словам некоторых людей, оканчивался только у края мира. На Западе находился Вилайет, а еще дальше — громадное Западное Море.

М-да... По крайней мере, провидцев Имши было легче узнать в зеркале. Найпал заскрипел зубами, потом стиснул их, зная, что иначе они просто раскрошатся от гнева. Как густое облако чернил, ужас проник во все поры души. Колдун всегда считал себя выше этого, но теперь понял, что годы, проведенные с зеркалом, так долго стоявшим на страже, размягчили его. Он интриговал, планировал заговоры и действовал без всякого страха, думая, что победил страх, потому что пустота зеркала говорила о том, что планам ничего не угрожает.

И сейчас, сейчас он увидел этот проклятый корабль! Маленькая, крошечная точка на воде, во имя всех богов!

С колоссальным усилием Найпал заставил свое лицо снова принять обычное, внешне спокойное выражение. Он напомнил себе, что паника ничего не дает. Хуже, чем ничего, так как

она подавляла всякое действие. У него есть агенты во многих местах и средства связаться с ними быстрее, чем полет орла. Его глаза отметили про себя, какой это был корабль, и он хорошо запомнил его форму. Пальцы колдуна теперь едва заметно дрожали, двигаясь вдоль странных колдовских предметов на столе. Откуда бы ни пришло это судно, к какому бы берегу оно ни пристало, там будут люди и сразу же опознают его. И задолго до того, как они достигнут цели, опасность будет залита водой, как огонь во время пожара.

Глава 7

Конан стоял на палубе, широко расставив ноги и правой рукой опираясь на мачту, чтобы удержать равновесие. Он пристально вглядывался в темноту, которая была восточным берегом Вилайета. Корабль подошел так близко к побережью, как это позволяла его осадка. Недалеко к западу лежали острова. Самой «приятной» вещью, которую говорили о них люди, были слова — логово пиратов. Говорили о них и еще кое-что, правда, эти слова уже произносили в темных углах и шепотом. Но что бы ни обитало там, никто не хотел привлекать к себе излишнего внимания.

Киммериец ел из общего котла, как и все. Он спал у кормы, рядом с двумя оставшимися козами и плетеной клеткой с голубями. Куры последовали вслед за первой козой — в желудки контрабандистов.

Большинство команды растянулось на палубе, используя вместо подушек грязную ветошь или мотки веревок и канатов. Облака заслонили луну, и только изредка ее легкий луч прорезал темноту. Треугольный парус был надут сильным ветром, и плеск воды за бортом как бы отвечал резкому храпу людей.

«Но с другой стороны, — подумал Конан, — мало кто из команды рвался поскорее высадиться на берег в поисках людей, которым принадлежали сундучки».

Хотя глаза киммерийца и были острыми, он не мог уловить очертаний берега. И, что еще хуже, нигде не было видно сигналов, о которых говорил Ордо.

— Они должны быть там, — пробормотал Конан сам себе.

— Но будет ли у них противоядие? — спросил Гурран, передавая Конану бокал с лекарством, ставший уже привычным каждодневным ритуалом для киммерийца. Конан старался не смотреть на мутную жидкость в помятом оловянном бокале. Ему не слишком-то улыбалось смотреть на питье, уже здорово осточертевшее.

— Оно будет у них, иначе... — Задержав дыхание, Конан осушил бокал одним глотком, пытаясь сделать так, чтобы пойло попало прямо в глотку, не опалив своим жутким огнем язык.

— Ну, а если нет? — настаивал старик. — Похоже, что на берегу никого нет.

Гримаса киммерийца, только что хлебнувшего снадобье, превратилась в улыбку.

— Они там, я знаю. — Он указал на три лучика света, которые только что вспыхнули в полной темноте на побережье южного изгиба устья реки. — И у них будет это противоядие.

Гербариус заковылял вслед за Конаном, когда тот двинулся вниз по палубе. Ордо склонился позади большого открытого дубового, окованного железом сундука, который был привязан к мачте.

— Я увидел огни, — пробормотал он, когда киммериец подошел к нему. — Теперь нам надо убедиться в том, что они те, кто нам нужен.

Он очень быстро соорудил какой-то странный аппарат, состоящий из трех покрытых колпаками бронзовых ламп, привязанных к длинному шесту. На шесте было также несколько крюков, на которые можно было повесить еще парочку ламп, если в этом возникла бы необходимость. Как только лампы были зажжены, Ордо высоко поднял свой шест. Те из команды, кто уже проснулся, встали, чтобы посмотреть, что он делает. Метод Ордо был, кстати, не таким уж необычным и часто использовался контрабандистами. На берегу центральный из трех огней исчез, как будто кто-то его внезапно затушил. Три раза бородатый контрабандист поднял и опустил шест с лампами. Оставшиеся огоньки на берегу потухли, и Ордо, облегченно крякнув, окончательно опустил шест и потушил все лампы. Лампы едва успели потухнуть, как он уже громко орал:

— Поднимайтесь, ленивые псы! На ноги, порождения вшивого верблюда! Пусть Эрлик заберет ваши подлые души, вставайте же!

Судно превратилось в муравьиную кучу, по мере того как люди поднимались спросонья, некоторые были подняты ударом сапога одноглазого бородача.

Конан подошел быстрыми шагами к рулю и увидел Шамила, который уже поворачивал его.

Конан жестом показал новичку, чтобы тот отошел, и встал на его место. Нижняя часть паруса висела достаточно высоко, и киммериец мог видеть впереди береговую линию.

— Что там случилось? — требовательно спросил Гурран. — Сигналы были неправильными? Мы высаживаемся на берег, или нет?

— Это вопрос доверия, — объяснил Конан, не оборачиваясь и глядя на берег. — Люди на берегу видят корабль, но тот ли это контрабандист, которого они ждут? Сигналами мы обменялись, но не местом высадки. Если корабль таможенников, солдат или пиратов высадится там, где горели сигнальные огни, то они обнаружат только одного человека, да и то только в том случае, если он разиня или медлительный глупец.

Еще один тонкий луч света появился на берегу, отделенный от остальных почти на пол-лиги.

— И если бы мы не дали им в ответ правильного сигнала, — продолжал киммериец, — они не показали бы нам, где можно высадиться на берегу.

Гурран внимательно смотрел на суматоху, поднявшуюся среди контрабандистов. Некоторые из них ощупывали тулвары и кинжалы в ножнах. Другие развязывали свои мешки, чтобы проверить тетиву луков и острия стрел.

— И ты доверяешь им ровно настолько, насколько они доверяют тебе, — сказал он.

— Даже меньше, — усмехнулся Конан. — Если те, кто находится на берегу, не вырвали пытками тайну сигналов у людей, которых мы действительно должны были здесь встретить, то они все равно вполне могут захотеть получить то, что у нас есть для них, — без оплаты.

— Я не имел ни малейшего понятия о том, что это могло быть таким опасным делом. — Голос гербариуса был очень тихим, почти неслышным.

— Тот, кто живет, не рискуя и не подвергаясь опасности, вообще не живет, — заметил Конан, вспомнив старую киммерийскую пословицу. — Ты что, думал, что наше путешествие до Вендии будет легким, как при помощи колдовства? Я не вижу другого пути, чтобы добраться сюда, не подвергаясь при этом опасности.

Гурран ничего ему не ответил на эти слова, и Конан переключил свое внимание на дела более неотложные. Ветер быст-

ро нес корабль к ожидающему их свету факела или лампы, но высадка на ночное побережье была сделана иначе. Блоки и тросы заскрипели, длинный парус был опущен и уложен на палубу. Несколько канатов было обмотано вокруг паруса, бьющегося на палубе под порывами ветра и задерживающего движения матросов. Контрабандисты двинулись к скамьям гребцов. Скрип и стук весел в уключинах, медленный, тихий плеск, когда весла погружались в черную воду. И совершенно дико в эту минуту прозвучало воркование голубей в клетке, которых взяли с собой. Конан резко повернул руль, и корабль контрабандистов повернуло к берегу, прямо к указывающим на место высадки огонькам лампы. Судно стало подбрасывать на волнах прибоя, которые были сильнее у берега. До Конана донесся легкий шум волн, ударяющихся слева и справа о скалы.

Он не сомневался, что впереди их ожидает безопасный песчаный берег. Даже таможенники всегда хотели, чтобы груз контрабандистов был в целости и сохранности, так как часть его была их вознаграждением. Однако все, что случится после того, как корабль достигнет берега, всегда связано с опасностью и риском. Песок зашуршал под килем корабля, и без всякого приказа гребцы несколькими взмахами отвели судно чуть дальше от берега. Если они слишком плотно причалят к берегу, это вполне может быть смертью для них.

С носовой части раздался плеск. Это Ордо бросил в воду каменный якорь. Он поможет удержать судно против прибойной волны, но веревка могла быть перерезана в любой момент. Когда судно дрожа коснулось песчаного дна, Конан встал рядом с другом у носа корабля. Огонек света, который указывал им путь на берег, исчез. Скорее всего, его закрыли высокие дюны и деревья, растущие на берегу. Внезапно странный звук, как если бы камень ударился о металл, донесся с берега. Прямо перед удивленными матросами вспыхнуло пламя, большое пламя, которое загорелось примерно в тридцати шагах от воды. Одинокая фигура мужчины стояла у костра. Он широко развел руки, показывая, что у него нет оружия. Его лицо не освещал свет костра, но тюрбан на голове был большим, как и те, что носили вендийцы.

— Ну что ж, мы ничего не узнаем, если будем только смотреть, — сказал Конан и спрыгнул за борт. Он почти по пояс окунулся в воду. Тут же Конана окатило водопадом брызг, ког-

да рядом плюхнулся Ордо. Бородатый контрабандист схватил Конана за локоть.

— Дай мне вести разговор, киммериец. Ты никогда не умел красиво и правильно врать, за исключением, пожалуй, женщин. Правда может нам сослужить вернее здесь, но ее надо использовать правильно.

Конан кивнул, и они двинулись к песчаному берегу вместе. Ожидающий их незнакомец был действительно вендийцем, со смуглой кожей и узким, тонким носом. Большой сапфир и плюмаж из белых перьев украшали его тюрбан, и кольца с драгоценными камнями блестели на каждом пальце обеих рук. Богатая одежда из украшенного орнаментом и золотым шитьем шелка дополняла богатый вид незнакомца, хотя на ногах, как бы в контраст одежде и драгоценностям, были надеты обычные, очень поношенные сапоги для верховой езды. Взгляд темных, глубоко посаженных глаз скользнул по Конану, Ордо и перешел на корабль.

— Где Патил? — спросил незнакомец с жестким акцентом гирканца. Интонация его голоса была ровной, бесцветной и неузнаваемой; казалось, что он спрашивает о погоде или ценах на хлеб.

— Патил покинул Султанапур еще до нашего отплытия, — ответил Ордо, — и сделал это другим путем. Он, конечно, не сообщил нам свой маршрут, как ты, должно быть, понимаешь.

— Он должен был прийти с вами.

Ордо пожал плечами:

— Верховный адмирал Турана убит, и говорят, что это убийство — дело рук вендийца. Улицы в Султанапуре, скорее всего, не очень безопасны сейчас для ваших соотечественников.

Это было правдой, подумал Конан. Каждое слово было правдой, но сказано оно было, как заметил Ордо, правильно и в нужный момент. Вендиец слегка нахмурился, и морщинка прорезала его лоб. Он медленно кивнул.

— Ну, хорошо. Ты можешь называть меня господин Сах-Ба.

— А ты можешь величать меня царь Илдиз, если тебе нужны имена, — фыркнул Ордо.

Лицо вендийца окаменело.

— Разумеется. У тебя есть с собой... товары, Илдиз?

— А у тебя есть золото? Патил говорил о большом мешке золота.

— Золото здесь, на месте, — нетерпеливо сказал Сах-Ба. — Так как же насчет сундуков, о царь Турана?

Ордо поднял высоко над головой правую руку, и от корабля отошла маленькая шлюпка с ящиками.

— Пусть твои люди пешими идут за ним, — предупредил он, — и не больше, чем четыре человека одновременно. И я хочу видеть золото, прежде чем вы заберете ящики.

Шестеро контрабандистов появились в круге света, отбрасываемого костром. У всех шестерых в руках были наготове луки, стрелы были наложены на тетиву. Вендиец невозмутимо посмотрел на них, затем поклонился Ордо, и на губах его появилась сухая усмешка.

— Ну что ж, пусть будет так, как тебе угодно.

Отступив от огня, он исчез в темноте ночи.

— Я ему не доверяю, — сказал Конан, как только вендиец ушел.

— Почему? — спросил Ордо.

— Он принял сказку о Патиле слишком легко. Разве ты на его месте не задал бы по меньшей мере несколько вопросов?

Одноглазый покачал головой.

— Возможно, — сказал он. — Смотри в оба, и мы еще сумеем выбраться из этого переплета с целой шкурой, чтобы ни случилось.

В мокрой одежде, Гурран пыхтя шел по песчаному берегу.

— Такого рода путешествие очень неудобно, — пробормотал он, протягивая свои костлявые руки к костру. — Ты говорил с этим вендийцем о противоядии, киммериец?

— Еще нет.

— И не нужно. Послушай меня, — продолжал он, увидев, что Конан раскрыл было рот, чтобы возразить. — Они могут нервничать, увидев такого силача, как ты, да еще с мечом на боку. Каким образом ты сможешь спросить их об этом, а? Знаешь, у меня есть одна идея. — К удивлению Конана, он вынул кинжал Патила из своего длинного рукава. — Я «купил» оружие у Патила, но он сказал, что у него нет противоядия. Если бы ты сам рассказал такую историю, они решили бы, что ты снял кинжал с его трупа. Если же расскажу я, они скорее поверят в то, что я переспал с одной из их дочерей, чем в то, что эти старые руки убили человека. — Он быстро спрятал в рукав кинжал, когда Сах-Ба снова вошел в круг света.

Два человека, по одежде и движениям — явно слуги, следовали за вендийцем. Эти были в тюрбанах из бледно-серого хлопка, у них не было ни колец, ни драгоценностей. Один из них нес свернутое в рулон темное шерстяное одеяло, которое он расстелил в кружке света перед костром по жесту Сах-Ба. Второй слуга нес кожаный мешок. Он наклонил мешок над одеялом. Каскад золотых монет обрушился вниз, подпрыгивая и звеня, пока целых сто золотых сверкающих кружочков не легли горкой на ковре. Конан уставился на них в изумлении. Это было, конечно, далеко не в первый раз, когда он видел такое большое количество золота сразу, но он никогда еще не видел, чтобы его предлагали с такой легкостью. Даже если эти сундуки были наполнены шафраном, они не стоили бы столько.

— Что в этих сундуках? — спросил Конан. Улыбка тронула губы вендийца:

— Пряности.

Напряженный момент был прерван Ордо, который наклонился над кучей золота и проверил на выбор пять или шесть монет. Он внимательно осмотрел их и, попробовав на зуб, бросил обратно на одеяло.

— Я также возьму и мешок, — сказал он и крикнул через плечо: — Принесите сундуки!

Появилось с десяток контрабандистов, каждый из них нес один из маленьких сундучков. Ордо махнул рукой, и они положили свой груз на другой стороне у костра, после чего побежали обратно к кораблю. Не говоря ни слова, Сах-Ба поспешил к сундукам; слуги следовали за ним по пятам, и еще двое людей бежали по берегу, чтобы присоединиться к нему. Конан также увидел там и Гуррана, но он не мог сказать наверняка, говорил ли старик с кем-нибудь.

Встав на колени, Ордо бросал кучки монет в кожаный мешок, делая это как можно скорее. Внезапно гневный крик послышался от группы людей, стоявших вокруг сундуков. Контрабандисты, которые уже подходили к ним с остальными сундуками, замерли на месте. Рука Конана скользнула по рукоятке меча, когда Сах-Ба ворвался в освещенный круг.

— Печати! — завыл вендиец. — Они были сломаны и снова соединены!

Рука Ордо дернулась, как будто он собирался бросить последние монеты и потянуться за оружием.

— Патил сделал это в тот день, когда ушел в обратный путь, — сказал он быстро. — Я не знаю, почему он это сделал. Проверь сундуки, и ты увидишь, что мы ничего не взяли.

Кулаки вендийца сжимались и разжимались, а взгляд кипел бессильной яростью.

— Хорошо, — наконец резко бросил он. — Хорошо. Но я проверю каждый сундук лично. — Его пальцы еще конвульсивно дрожали, когда он быстро отошел в сторону.

— Ты был прав, киммериец, — сказал Ордо. — Он не должен был так легко примириться с этим.

— Я рад, что ты согласился, — сказал сухо Конан. — А теперь вот что — ты не считаешь, что этот огонь делает нас такой мишенью, в какую может попасть и ребенок?

— Да, я тоже об этом подумал. — Одноглазый резко затянул завязки мешка и привязал его к поясу. — Давай вернемся со всеми на борт корабля — и как можно скорее.

Сах-Ба уже исчез, заметил Конан, так же, как и первые десять сундуков. Люди в тюрбанах настороженно ожидали остальные сундуки. Это были десять сундуков, а не четыре, как было оговорено, но киммериец не собирался сейчас спорить из-за этого.

Гурран был среди вендийцев, разговаривал и махал руками. Конан надеялся, что гербариус нашел то, что им было нужно. Но для наблюдений у него было не слишком много времени. С нарочитым спокойствием Конан подошел к контрабандистам, которые поджидали недалеко от корабля. Позади них некоторые из лучников уже наполовину натянули свои луки, хотя все еще держали оружие, опустив его вниз.

— Что это был за крик? — требовательно спросил Пританис.

— Неприятность... — ответил Конан. — Но я не думаю, что они атакуют прежде, чем получат свои сундуки и доставят их в безопасное место. Разумеется, если только они не решат, что мы что-то затеваем. Поэтому возьмите сундуки, а потом идите к кораблю как можно скорее, но не бегите. И захватите с собой Гуррана.

— Ты пойдешь на судно сейчас, а? — ядовито усмехнулся Пританис.

Волна тревоги пробежала по контрабандистам, стоящим рядом. Конан с усилием подавил гнев и сказал невозмутимо:

— Я останусь здесь, пока вы не вернетесь, как если бы мы доверяем вендийцам как братьям. Они уже теряют терпение, Пританис. Разве ты не хочешь получить шанс покинуть этот берег без схватки?

Немедиец все еще колебался, но другой матрос пробежал мимо него, затем еще один и еще. Бросив злобный взгляд на гиганта киммерийца, Пританис присоединился к остальным. Обхватив руками сундук, Конан пытался создать впечатление безмятежного человека, одновременно пристально глядя вокруг, ожидая атаки, которая, как он чувствовал, последует очень скоро. Отряд контрабандистов встретил стоящих в смятении вендийцев, сундуки поменяли владельцев, перешли из рук в руки, и обе группы разошлись в противоположных направлениях. У контрабандистов был куда более короткий путь до корабля. Как раз в эту минуту один из вендийцев оглянулся назад, сказав что-то своим воинам, и они бросились врассыпную, неловко придерживая свою ношу.

— Бегите! — крикнул Конан контрабандистам, и в этот момент они повиновались ему без споров; двое из них помогали бежать Гуррану. Ритмичный топот донесся до Конана, когда он уже вынимал меч из ножен. Киммериец подавил желание выругаться, крикнув вместо этого своим людям:

— Берегитесь всадников!

У лучников едва хватило времени, чтобы поднять луки, прежде чем с десяток всадников в тюрбанах, шлемах, кольчугах и с опущенными тяжелыми копьями галопом вынеслись из-за дюн. Тетивы луков хлестнули по кожаным перчаткам лучников, и пятеро врагов свалились с седел. Остальные, один из которых был ранен, резко дернули свои поводья и умчались в темноту. У вендийцев были также и свои лучники, но их мишенями были не люди. Горящие стрелы, освещая все вокруг, неслись к кораблю. Одни с шипением падали в море, другие впивались в деревянный борт судна. У Конана не было времени тревожиться о корабле или о чем бы то ни было другом. Двое всадников галопом выскочили из темноты, низко пригнувшись в седлах, и казалось, что они скачут плечом к плечу, как бы соревнуясь друг с другом — кто первый сумеет насадить киммерийца на копье. Зарычав, Конан прыгнул в сторону, ускользнув от копий с длинными железными наконечниками. Двое всадников попытались одновременно взять Конана в

кольцо, но он вырвался из него, подскочив сбоку к одному из нападавших. Меч ударил по металлической бляхе на позолоченной кольчуге и, скользнув вниз, впился между кольчужными звеньями.

Одновременно с тем, как лезвие пробило ребра и сердце всадника, Конан уже пытался вскочить на лошадь, бросая мертвое тело воина и самого себя против второго противника. Глаза второго вендийца выпучились от изумления под шлемом, прикрывающим голову и лицо; он швырнул на землю копье и схватился было за тулвар. Конан обхватил его одной рукой, одновременно пытаясь вытащить свой меч из тела мертвеца, и двое лошадей, соединенных тремя звеньями — телами, рухнули в дикой пляске на песок. В одно и то же мгновение лезвие меча Конана и тулвара вендийца освободились. В темных глазах врага появился страх, вендиец отчаянно схватился за саблю и нанес рубящий удар. Конан увернулся, а затем, изловчившись, погрузил меч в смуглую шею противника, как если бы он закалял кинжал в крови врага.

Схватка с вендийцами-всадниками отнесла Конана довольно далеко от места, где началось сражение. Когда киммериец оглянулся назад, то, что он увидел, не было приятным зрелищем. Тела людей усеивали песчаный берег, и нельзя было точно сказать, сколько трупов принадлежали контрабандистам, а сколько — врагам.

Кроме того, Конан не видел ни одного конника или стоящего пешим человека. Хуже всего, однако, было то, что корма корабля уже пылала. Конан увидел, что мужчина с ведром воды отражался силуэтом на фоне языков пламени. Как только Конан заметил его, человек бросил ведро, схватился за борт обеими руками и рухнул в огонь.

«Это не Ордо», — подумал Конан.

Одноглазый был слишком умным человеком, чтобы делать подобные вещи, когда вокруг шныряют вражеские лучники. Конан вдруг понял, что огонь на корабле также дал значительно больше света на песчаном берегу, чем было до этого. Киммериец не был так же хорошо освещен пожаром, как человек на судне, но и он не мог считать себя полностью защищенным ночной темнотой от вендийских лучников. Всегда лучше быть охотником, чем дичью. Похоже, что и враги не остались на том месте, где находился сейчас Конан. Согнувшись почти попо-

лам, он побежал к дюнам... и бросился лицом в песок на крутом склоне, чтобы его не обнаружили, когда почти два десятка всадников появились перед ним.

«На этот раз, — подумал он, — мне попалось несколько больше врагов, чем я надеялся увидеть».

Он было подумал о том, чтобы незаметно отползти в сторону, когда вдруг услышал разговор вендийцев.

— Все ли сундуки погружены на вьючных животных? — требовательно спросил хриплый, жесткий голос.

— Да.

— А где Сах-Ба?

— Мертв. Он хотел захватить одноглазого живым, чтобы узнать, что тот скажет под пыткой горячим железом. Но контрабандист утопил его в волнах прибоя и спасся.

Конан улыбнулся обеим фразам.

— Ну и пес с ним, туда ему и дорога, — сказал жесткий голос. — Я говорил с самого начала, что мы должны были броситься на них, как только сундуки появились у них в руках. Сах-Ба всегда все усложнял, чтоб его душу съела Катар. Я думаю, что он начал верить в то, что он действительно повелитель, со всеми своими секретами, заговорами и интригами.

— Это уже не имеет значения. Сах-Ба мертв, и скоро мы переловим всех этих змей.

— Ты предлагаешь нам ждать так долго? — спросил жесткий голос. — Как ты думаешь, как долго будет нас ждать караван?

— Но Сах-Ба сказал, что мы должны убить их, всех до одного. И кроме того, у них осталось золото.

— Ты думаешь, что приказы мертвеца и сотня золотых стоят усилий и времени? — усмехнулся человек с жестким голосом. — Подумай вместо этого о том, какой прием нам окажут, если эти сундуки не достигнут Айодхьи в целости и сохранности. А тогда нам лучше присоединиться к Сах-Ба.

Гробовое молчание было ответом на эти слова. Конан почувствовал согласие, которое исходило от тех, кто слушал этот разговор. Как бы подчеркивая, что дальнейшие слова излишни, вендийцы дернули за узду своих лошадей, повернув в обратную сторону, и поскакали галопом назад.

Через несколько секунд Конан услышал, как другие всадники присоединились к ним и они все поскакали на юг. В том,

что услышал от вендийцев киммериец, было много нового, и это нужно было серьезно обдумать.

Во-первых, эти проклятые сундуки, казалось, были очень важными по своему значению каждый раз, когда кто-то говорил о них. Но в эту минуту, решил Конан, у него были куда более неотложные дела, о которых нужно было позаботиться. Половина корабля уже пылала к тому времени, когда Конан достиг берега. В свете огня Ордо и еще трое контрабандистов были отчетливо видны, они отчаянно бросали воду из ведер и бадей в пламя. С таким же отчаянием они смотрели на берег.

— Вендийцы ушли! — крикнул Конан. Схватившись за канат, он прыгнул на палубу. Языки пламени уже лизали парус.

— Чтоб Эрлик испепелил тебя! — завыл одноглазый. — Это мой корабль!

Одна из коз была мертва — стрела пронзила ей горло. У нас будет не слишком много еды, подумал Конан и бросил козу на берег. Вторая коза, живая, последовала за первой, чуть не свалившись на голову Ордо.

— Мой корабль! — простонал он. — «Карела»!

— У тебя будет другой корабль. — Конан опустил клетку с живыми голубями и встретил глазами гневный взгляд Ордо. — У тебя будет другой корабль, мой друг, но с этим уже все кончено.

Ордо со стоном взял плетеную сетку.

— Уходи с корабля, киммериец, иначе и ты сгоришь.

Но вместо этого Конан начал хватать все, что еще не горело, — связки канатов и веревок, бурдюки с водой, мешки с личными вещами — и бросать их на берег. Они очутились в чужой стране, что означало, скорее всего, враждебную землю, и любой провиант и вещи, которые у них были, могли быть получены из горящего корабля. Жар становился нестерпимым, когда пламя подходило совсем близко. Смола из пазов корабля растопилась и стала гореть, наполняя воздух удушливым черным дымом. Только когда уже стало невозможно еще что-нибудь спасти, Конан оставил пылающий корабль, спрыгнув на берег. Разбрызгивая воду, он сел на колени, отчаянно кашляя. Через некоторое время он вдруг понял, что рядом стоит Гурран. Сухие, пергаментные руки гербариуса сжимали кожаную сумку с длинным ремешком.

— Я очень сожалею, — сказал Гурран, — что ни у кого из

вендийцев не оказалось противоядия, которое тебе нужно. Хотя, так как они явно собирались убить нас, вполне возможно, что они лгали. В любом случае, я проверю и обыщу их тела. На всякий случай. Но я могу заверить тебя, что у меня есть все, что надо, чтобы держать тебя в живых до того момента, когда мы достигнем Вендии.

Конан пробежал глазами по берегу. Мертвые и раненые люди усеивали песок. Горстка контрабандистов неуверенно выходила из темноты. Позади, как громадный костер, пылал корабль.

— До того момента, когда мы достигнем Вендии, — сказал Конан мрачно.

* * *

Пока последние языки пламени потухали на останках корабля контрабандистов, Джелал тихонько отошел в дюны, держа под мышкой сумку из грубой шерстяной материи. Остальные были слишком утомлены, чтобы заметить его, да и кроме того, он сделал это очень быстро и ловко. Он нашел на ощупь поваленные деревья и кусты, разбросанные в низких песчаных холмах и маленькой ложбине, хорошо укрытой от пляжа, развел небольшой костер. Кремень и кресало снова вернулись в его сумку, а вместо них в его руке оказались маленькая, плотно закупоренная бронзовая чернильница, короткое, остро очиненное гусиное перо и тонкие полосы пергамента.

Так быстро, как это было возможно, без того, чтобы не порвать пергамент, Джелал стал писать: *«Мой господин, кажется, я случайно напал на след. Если бы я думал, что это не так, то это было бы слишком большим совпадением во всех случившихся событиях. Пока у меня нет еще ответов, а только больше новых вопросов. Как вы и опасались, следы ведут в Вендию, и я последую туда, чтобы окончательно разрешить все вопросы».*

Что-то зашуршало в темноте, и Джелал быстро бросил горсть песка на крошечный костер, потушив его и погрузив все вокруг в темноту. Легкий запах дыма и горящего дерева в воздухе легко было спутать с запахом обугленных останков корабля. На мгновение Джелал затаил дыхание, прислушиваясь к тому, что было вокруг. Сейчас у него не было никакой нужды рисковать. Подписав письмо на ощупь, он снова сложил пись-

менные принадлежности в мешок и скатал в тонкую трубочку клочок пергамента. Затем вытащил из шерстяной сумки голубя. Это была просто удача — взять с собой голубей на корабль, и еще большей удачей было то, что их всех еще не успели съесть. Он быстро привязал пергаментную трубочку к ноге голубя и подбросил его в воздух. Птица захлопала крыльями, набирая высоту, и исчезла, неся первое донесение к господину Халиду в Султанапур. Джелал знал, что это донесение говорило об очень немногом. Но если те события и вещи, которые он пока видел, прояснились бы более отчетливо, он поклялся, что проследит за тем, чтобы Конан и Ордо были возвращены в Туран и их головы украсили бы пики у Ворот Чужеземцев.

Глава 8

Вниз, к югу, течение Зарпаша становилось серым, медленным и унылым, так как тяжелые свинцовые облака заслоняли солнце и пропускали только несколько лучей, которые почти не оживляли безжизненную местность. Притаившись, сидя на корточках, Конан наблюдал, как бхалканийский жеребец щипал редкие кустики жесткой травы возле маленького дубка. Конан прикидывал в уме, насколько спокойна лошадь и можно ли сделать новую попытку. Высокое седло черного жеребца было украшено серебряными пластинками, и ленты из красного шелка свисали с уздечки. Очень осторожно и медленно киммериец выпрямился. Лошадь насторожилась, повела ушами, но продолжала щипать траву, не придав большого значения шуму. Песок захрустел под ногами Конана, когда он стал медленно приближаться к коню. Его рука коснулась поводьев... и жеребец, казалось, взорвался. Конана подбросило в воздух от диких прыжков коня, но киммериец не выпустил из рук уздечки. Он извернулся, как кошка, и прыгнул коню на спину, схватив правой рукой гриву животного. Жеребец склонил голову, и добавочный вес человека пригнул его колени. Снова поднявшись на ноги, лошадь яростно стала трясти головой. Дико ржа и храпя, животное прыгнуло в воздух, пытаясь сбросить седока, но Конан вцепился яростно и крепко. Он знал, что должен это делать, так как рано или поздно животное начнет уставать.

Прыжки вскоре стали короче, да и на дыбы лошадь поднималась через гораздо большие промежутки времени. Внезапно жеребец замер, раздувая ноздри и тяжело дыша, бока его ходили ходуном. Животное еще не покорилось до конца, и Конан это знал. Конь уставился на Конана горящими глазами, и в этих глазах горела сила воли и непокорность. Вопрос был не в том, решил жеребец или нет подчиниться седоку. Конан не доверял коню ни на секунду и не отпускал поводья, зная, что ви-

димость спокойствия вполне могла быть уловкой. С невероятной осторожностью киммериец прыгнул коню на спину, а потом уселся в седле. Жеребец только вздрогнул и переступил ногами, когда Конан взял в руки уздцы, украшенные красными лентами. Конан наконец позволил себе расслабиться и погладить шелковистую, выгнутую дугой шею и мягко направил коня легкой рысью по направлению к берегу моря.

Обгорелые шпангоуты корабля, омываемые пенистым прибоем, торчали как громадные ребра какого-то неведомого животного. Легкий дымок еще поднимался над остовом судна, напоминая о страшной ночной атаке. Примерно в трехстах шагах к северу черные вороны описывали круги над дюнами. Видимо, воронье намеревалось оспаривать добычу у больших грифов, которые уже спускались к телам, лежащим неподвижно на песчаном берегу. Никто из контрабандистов не собирался копать могилы для убитых вендийцев, после того как были выкопаны три могилы для своих товарищей. Ситуация на песчáном пляже изменилась с тех пор, как Конан ушел искать лошадь. Тогда контрабандисты сидели вокруг костра, где на вертеле жарилась последняя из убитых стрелами коз. Теперь же люди стояли тремя отделенными друг от друга группами. Семеро уцелевших, тех, кто еще раньше плавал с Ордо, образовали первую группу, сгрудившись вместе и что-то шепча друг другу. Те же, кто присоединился к Ордо в ночь, когда корабль покинул Султанапур, образовали вторую группу. Все они выглядели усталыми, а их лица были покрыты сажей, у многих белели свежие повязки на ранах. Третья группа состояла из Ордо и Гуррана. Они стояли у восьми вендийских лошадей, которых контрабандисты ловили все утро. Ордо зло смотрел на новичков и старых испытанных товарищей без различия, в то время как по выражению лица гербариуса можно было подумать, что все, что ему было нужно, это теплая мягкая постель.

Когда Конан соскочил с седла и подошел к Ордо, Пританис выскочил из круга ветеранов.

— Девять лошадей, — провозгласил немедиец. Его голос был громким и повелительным, но направлен был только к его шести приятелям. — Девять лошадей для двадцати трех человек.

Новички недовольно зашевелились, так как цифры явно говорили о том, как решил считать Пританис. Если их остави-

ли вне счета, то рядом можно было поймать еще других лошадей.

— Что случилось с твоей ногой? — мягко спросил Конан.

Ордо фыркнул:

— Он попытался схватить лошадь, и она наступила на него. Лошадь после этого ускакала.

— Посмотрите на нас! — закричал Пританис, резко повернувшись и бросив злобный взгляд на Конана и Ордо. — Мы пришли сюда за золотом, как вы нас и уговаривали, и вот мы стоим здесь, наш корабль — груда пепла, трое из наших людей мертвы, и между нами и Султанапуром находится Вилайет.

— Мы пришли за золотом, и оно есть у нас! — громко закричал в ответ Ордо. Он хлопнул по туго набитому мешку, привязанному к поясу; тяжелый мешок оттянул кожаный пояс ниже бедра. — Что касается мертвых, то человек, который присоединяется к Береговому Братству, ожидает не большей опасности, чем стать *настоящим* рыбаком. Или ты уже забыл другие случаи, когда мы хоронили наших товарищей?

Немедиец, казалось, был слегка растерян тем, что золото все еще было у них. Ему теперь было бы намного труднее противостоять и спорить с Ордо, чтобы поднять против него людей, так как золото было у одноглазого, а это само по себе было веским доводом. Губы немедийца дрожали, и Пританис гневно огляделся по сторонам, пока его глаза не остановились на Гурране.

— Это старик во всем виноват! — злобно закричал Пританис. — Я видел его среди вендийцев, он разговаривал с ними. Что он такого сказал, чтобы поднять их против нас?

— Глупец! — сплюнул Гурран, и холод, отразившийся на его костлявом худом лице, был ошеломляющим. — С какой стати мне нужно было натравлять их на вас? Меч может разрубить мою голову так же хорошо, как и твою, а мое желание жить так же велико, как и твое. Ты глупец, немедиец, и ты напыщенно декламируешь свою глупость, потому что обвинять других за свои беды куда легче, чем найти решение, как их исправить.

Все стоявшие вокруг уставились в изумлении на эту вспышку, и Пританис был поражен больше всех. Побледневший от гнева, немедиец протянул свою когтистую руку к тщедушному старику, который с презрением взирал на него. Конан обна-

жил меч, никому не угрожая, а только держа оружие в руках. Рука Пританиса остановилась, не коснувшись коричневого халата Гуррана.

— Если ты хочешь что-то сказать, тогда говори, — сказал спокойно Конан. — Но только попробуй коснуться Гуррана, и я отрублю твою дурную башку.

Немедиец резко отдернул руку и что-то пробормотал сквозь зубы.

— Громче, — приказал Конан. — Пусть все услышат.

Пританис глубоко вздохнул:

— Каким образом девять лошадей смогут перевезти двадцать человек в Султанапур?

— Они не смогут это сделать, — ответил Конан. — Одна лошадь направляется в Вендию со мной, а другая — для Гуррана.

— По лошади для каждого из вас, в то время как мы... — Немедиец отступил на шаг назад, когда Конан поднял свой меч.

— Если ты так хочешь этих коней, — мрачно проговорил Конан, — тогда попробуй их сперва получить. Что касается меня, то мне они действительно очень нужны.

Рука Пританиса очень медленно скользнула к рукояти сабли, но глаза метнулись в сторону, как бы желая найти поддержку у тех, кто был позади него, но не желая быть настолько очевидным в своих мыслях и действиях, чтобы смотреть через плечо.

— В Вендию пойдут четыре лошади, — быстро бросил Ордо. — По меньшей мере, четыре. Я поеду на одной из них, и нам нужна еще одна для припасов. Любой, кто пойдет с нами, тоже получит лошадь, так как наш путь куда более дальний и трудный. Те лошади, что останутся, перейдут к тем, кто хочет вернуться в Султанапур. Я дам каждому человеку его долю вендийского золота, прежде чем мы расстанемся. Это должно помочь вам купить лошадей, которые необходимы, прежде чем вы достигнете Хоарезма...

— Хоарезм! — воскликнул Пританис.

— ...возможно раньше, — продолжал Ордо, как если бы никто не прерывал его. — На больших дорогах можно встретить караваны из Колкианских гор.

Немедиец, казалось, собирался спорить и дальше, но Балис подошел к ним, оттолкнув плечом Пританиса.

— Это вполне честно, Ордо, — сказал бесшабашный контрабандист. — Я говорю только за других. По крайней мере, от лица тех, кто был с тобой раньше. Это только Пританис всегда причитает, жалуется и затевает свару. Что касается Зенобии Нама и меня, то мы решили, что пойдем с тобой.

— Да, — согласился суровый и мрачный Шамил. Его голос в сравнении подходил к его внешности. — Пусть может идти куда он, если он хочет. Пусть забирает свое снаряжение и жалобы вместе с собой. Он может идти прямо в Адов Зандру или на него напасть.

Другая группа, в которой были новички, уже гудела и переталась между собой все это время. Теперь Хасан зарычал своим приятелям: «Хватит!» и отодвинулся от них.

— Я тоже хочу пойти с тобой, — сказал он. — Скорее всего, у меня не будет второго шанса увидеть Вендию.

Шамил следовал за ним почти по пятам, стоя у него за спиной.

— И я тоже хотел бы увидеть Вендию, присоединился к ребе из-за золота и ради приключений, но, похоже, что ни то ни другое не ожидает нас по пути в Султанат. Что касается Вендии... ну что ж, мы слышали, что даже у нищих там есть золотые кольца. Возможно, — добавил он со смехом, — кое-что из этого золота прилипнет к моим рукам.

Что касается остальных новичков, то, похоже, не слишком привлекало богатство Вендии, и когда до них дошло, что только одна лошадь останется для тех, кто возвращается назад, они упали духом и погрузились в мрачное молчание, осев на песок, как полупустые мешки. Опытные, испытанные ветераны-контрабандисты уже видели перед своими глазами их стоптанные сапоги и сандалии, когда им предстоит долгая дорога вокруг Вилайета. Пританис, казалось, был ошеломлен таким внезапным поворотом событий. Он зло смотрел по сторонам, глядя на людей вокруг, на сгоревший корабль, на лошадей и наконец тяжело вздохнул:

— Ну, хорошо. Тогда и я пойду с тобой, Ордо.

Конан открыл было рот, чтобы отказать ему, но Ордо вмешался и опередил его:

— Ну что ж, я только могу приветствовать это, Пританис. Ты неплохо действуешь в опасной обстановке. Остальные пусть разделят припасы. Чем раньше мы выступим в путь, тем быст-

рее мы достигнем своей цели. Ты пойдешь со мной, киммериец. Нам нужно составить какой-то план действий.

Конан позволил ему оторвать себя от остальных, но как только они отошли на достаточное расстояние, киммериец заговорил:

— Ты был прав, говоря о Пританисе еще в Султанапуре. Я должен был уже тогда разбить ему голову или перерезать горло. Все, что он хочет, — это последнюю лошадь для самого себя, вместо того чтобы поделиться ими. И возможно, также стянуть остаток золота.

— Я не сомневаюсь в том, что ты говоришь истинную правду, — ответил Ордо. — По крайней мере, что касается лошади. Но поверь мне, хотя у меня только один глаз. Пока ты и Пританис смотрели друг на друга, я наблюдал за новичками.

— Какое они имеют отношение к немедийцу? Сомневаюсь, что они доверяют ему больше, чем я ему.

— Даже меньше, без сомнения. Но они не слишком уверены в том, что хотят отправиться в путь пешком. И тут не потребуется большой искры, чтобы зажечь пламя. Скажем, если ты и Пританис решите зарубить друг друга, половина из них тут же бросится за лошадьми. И тогда, вместо того чтобы отправиться в Вендию, мы станем убивать друг друга на этом проклятом Митрой берегу.

Конан мрачно кивнул:

— Ты видишь гораздо больше своим единственным глазом, чем многие — двумя, мой друг. Карела могла бы гордиться тобой.

Бородач почесал нос и фыркнул:

— Возможно. Пошли. Они будут ждать свое золото и, вероятно, думать, что должны получить в два раза больше.

Золото — три монеты, положенные в мозолистую ладонь каждого человека, не вызвало никаких споров, хотя несколько человек бросили острые взгляды на кожаный мешок, который был привязан к поясу Ордо рядом с мечом. Судя по тому, что мешок уже не так оттягивал пояс, было ясно, что Ордо поделился со всеми честно, отдав большинство из содержимого мешка. Однако разделение припасов вызвало куда большую неразбериху. Конан был удивлен, как много шума может возникнуть из-за сушеного яблока, испорченного жарой и соленой водой, или мотка веревки, которую в настоящий момент

явно нельзя было использовать. В конце концов, бурдюки с водой, одеяла и прочее были распределены пропорционально количеству людей. Оставшаяся живая коза и то мясо, что осталось от поджаренной козы, убитой стрелой, перешли к тем, кто решил вернуться в Султанапур и должен был идти пешком. Клетка с голубями была приторочена к запасной лошади, вместе с торбой зерна.

— Лучше дать зерно лошадям, — проворчал Конан, — и питаться тем, что мы сможем поймать.

Он повесил кожаные стремена на серую в яблоках лошадь, которую поймал в этот день, и наклонился, чтобы подтянуть подпругу.

Две группы теперь уже разделились окончательно. Те, кто собирался идти в Вендию, проверяли своих лошадей, в то время как люди, возвращающиеся в Султанапур, упаковали в вещевые мешки их долю провизии и вещей, неуверенно шепчась о чем-то друг с другом.

— Милосердие Митры, киммериец, — сказал Ордо. — Иногда бывают минуты, когда я думаю, что ты делаешь все, что можешь, чтобы избежать даже минимального комфорта и удобств. Я думаю, как о высшем благе, об ощипанном голубе, поджаренном на костре сегодня вечером.

Конан хмыкнул:

— Если мы будем меньше обращать внимание на наши животы и больше на то, чтобы побыстрее скакать, тогда мы сможем нагнать этот караван к наступлению ночи. Вендийцы говорили, что он не слишком далеко отсюда.

— Это, — сказал Гурран, неловко взяв в обе руки поводья и направив свою лошадь вперед, — был бы неплохой способ добраться до Вендии. Мы могли бы путешествовать в безопасности и комфорте.

Как бы сообразив, что он вторгся в чужой разговор, Гурран виновато улыбнулся и снова ушел вперед.

— Этот старик, — пробормотал Ордо, — начинает испытывать мое терпение и действует мне на нервы. Вендийцы перебили моих людей, мое судно сгорело, и несмотря на все это, для него, кажется, ничего не имеет значения, кроме того, чтобы достичь Вендии.

— Его эгоизм меня мало волнует, — сказал Конан, — хотя я был бы очень рад, если бы смог обходиться без его лекарств.

Одноглазый почесал бороду.

— А знаешь, наверно, лучше всего было бы просто забыть об этом караване. Если люди, с которыми мы сражались прошлой ночью, вернулись, чтобы присоединиться к нему, это наверняка принесет нам беду. Мы будем чужеземцами для них, а они уже стали спутниками каравана.

— Да, наверное, это так, — ответил Конан. — Но ты прекрасно знаешь, что одного противоядия недостаточно для меня. Меня пытались убить из-за какихто сундуков, которые явно стоят больше, чем их содержимое. Я хочу узнать, почему это сделали, и ответ на это связан с этими сундуками.

— Будь поосторожнее, Конан. Ты немногого достигнешь, если тебя насадят на вендийское копье.

— Мы пытались быть осторожными вчера ночью. С этого момента пусть они поостерегутся меня.

Конан прыгнул в седло и ухватился за высокую луку седла, когда внезапно голова у него закружилась. Он мрачно заставил себя выпрямиться.

— Пусть теперь они поостерегутся меня, — повторил киммериец и ударил сапогами в бока бхалканийского жеребца, направив его вперед.

Глава 9

Песчаные дюны вскоре уступили место степи с жесткой редкой травой и низкими безлюдными холмами. Небольшие кусты с колючками и островки чертополоха усеивали местность, на востоке можно было разглядеть высокие деревья, растущие вдоль берегов Зарпаша. На юге виднелись серые вершины Колкианских гор, длинной темной цепью очерчивающие горизонт. Солнце быстро поднималось на небосклоне — пылающий золотой шар в безоблачном небе, который нес испепеляющий зной, иссушающий, вытягивающий влагу из людей и почвы. В течение всего дня Конан вел отряд, не замедляя шага, той скоростью, какую могли выдержать лошади до наступления темноты. И он собирался идти такой скоростью, если это было бы необходимо, сколь угодно долго, несмотря на жару. Цепкие, острые глаза киммерийца легко подмечали следы, оставленные вендийцами и их вьючными мулами. Караванщики не сделали ни малейшей попытки скрыть их. Человек с грубым, жестким голосом, видимо, беспокоился только о скорости, а не маловероятной возможности того, что кто-то пойдет по следу каравана.

Энам и Шамил оказались очень умелыми лучниками, делая быстрые вылазки по пути следования отряда и охотясь на животных. Очень скоро с десяток длинных коричневых зайцев свисало с их седел. Киммериец не обращал внимания на предложения остановиться в полдень и изжарить зайцев. Он еще терпел остановки, чтобы напоить лошадей из сложенных пригоршней рук, но, как только он затыкал затычку бурдюка с водой, отряд снова двигался в путь. Как всегда, они шли к югу, немного отклоняясь к востоку, чтобы далеко не уйти от Зарпаша. Они шли и шли по следам двадцати всадников и нескольких вьючных мулов.

Солнце уже передвинулось к западу, окрасив горы в золотые и пурпурные тона, а Конан безостановочно вел отряд впе-

ред. Небо стало быстро темнеть, и легкое мерцание звездочки появилось в сгущающихся сумерках. Пританис был теперь не одним, кто что-то бормотал. Ордо и даже Гурран присоединились к нему.

— Мы не достигнем Вендии, если будем ехать, пока не свалимся мертвыми с седел, — простонал старый гербариус. Он зашевелился в седле и нахмурился. — И тебе, Конан, это тоже не принесет пользы, если мои мышцы одеревенеют и мои кости будут так болеть, что я не смогу смешивать порошок, который сохраняет твою жизнь.

— Послушай его, киммериец, — сказал Ордо. — Мы не можем проделать все путешествие за один день.

— Неужели один день похода так утомил тебя? — засмеялся Конан. — Тебя, который когда-то был грозой и бичом заморанских степей?

— Я привык к палубе больше, чем к седлу, — уныло признался одноглазый. — Но пусть Эрлик испепелит всех нас, даже ты не сможешь увидеть следы, которые по твоим уверениям ты видишь. Я верю, что ты многое примечаешь своими проклятыми северными глазами, но только не сейчас.

— Мне совсем не нужно видеть следы, — ответил Конан, — когда я могу видеть вот это. — Он указал рукой вперед. Маленькие огоньки света едва виднелись в сгущающейся темноте. — Или ты стал уже так стар, что больше не можешь отличить звезды от походных костров?

Ордо уставился на них, подергав себя за бороду, и наконец хмыкнул:

— Лига, может, чуть больше. Сейчас уже почти совсем стемнело. Стражники каравана не очень обрадуются незнакомцам, приближающимся из темноты.

— По крайней мере, я буду уверен в том, что это тот караван, который нам нужен, — ответил Конан.

— Из-за тебя мы все погибнем, — громко проворчал Пританис. — Я говорил это с самого начала. Это дурацкая затея, и мы все погибнем.

Конан игнорировал его слова, однако замедлил бег своего коня до легкой трусцы, когда отряд стал подходить ближе к кострам. Костры были разбросаны как огни маленького города. Конан видел в своей жизни немало городов, занимающих куда меньшее пространство. У такого большого каравана дол-

жна быть большая охрана. Конан начал петь; правда, не совсем в лад, пьяную песню из таверны в Султанапуре, которая говорила о невероятных приключениях девки и еще более невероятных обстоятельствах, сопутствующих этому.

— Во имя Митры, что ты делаешь?.. — зарычал недоуменно Ордо.

— Пой, — сказал Конан, останавливаясь. — Люди с дурными намерениями не станут заявлять о себе за пол-лиги от каравана. Ты ведь не хочешь, чтобы часовой пустил тебе в лоб стрелу только потому, что ты внезапно появился перед ним из ночи, верно? Пой.

Конан снова начал петь, и через несколько секунд все остальные тоже нестройным хором присоединились к голосу киммерийца, за исключением Гуррана, который с явным неодобрением фыркнул при сальных словечках кабацкой песни. Непристойная песня звенела в темноте ночи, когда вдруг около двадцати всадников, звеня кольчугами, выскочили из темноты и окружили отряд Конана, нацелив луки и копья. На большинстве солдат были туранские одежды, хотя и очень пестрые. Конан заметил коринфийскую нагрудную бляху и шлемы из других стран. Он прервал пение и скрестил руки на луке седла. Остальные члены отряда также замерли на полуслове.

— Интересная песня, — зарычал один из копейщиков, — но кто вы, во имя Девяти Адов Зандру, и почему поете здесь?

Это был высокий человек, черты его лица были скрыты за высоким заморийским шлемом с носовой накладкой. Но, по крайней мере, его голос не был тем жестким, грубым голосом, который уже однажды слышал Конан.

— Путешественники, — ответил Конан, — идущие в Вендию. Если вы также идете в этом направлении, возможно, вам понадобятся несколько лишних мечей.

Высокий копейщик засмеялся:

— У нас есть больше мечей, чем нужно, незнакомец. Несколько дней назад сам Карим Сингх, *вазал* Вендии, присоединился к этому каравану с пятьюстами всадников вендийской кавалерии, посланной эскортировать его на побережье Вилайета.

— Довольно много солдат, — сказал Конан, — когда вы находитесь так близко от Турана. Я думал, что они остались за Секундерамом.

— Я скажу об этом Илдизу, когда встречусь с ним в следующий раз, — сухо ответил копейщик.

Несколько солдат засмеялись, однако оружие не опустили.

— У вас есть другие вновь прибывшие в караване? — спросил Конан.

— Странный вопрос. Ты ищешь кого-нибудь?

Конан покачал головой, будто не заметив звона кольчуг на внезапно напрягшихся воинах. На длинных и часто очень опасных дорогах между городами, где действовало только одно право — право сильного, караваны всегда защищали себя от чужаков, независимо от того, что бы они ни говорили и каких богов ни поминали.

— Я хочу добраться до Вендии, — пояснил Конан. — Но если в караване есть и другие, прибывшие недавно, возможно, им нужны охранники. Может быть, некоторые из ваших купцов чувствуют себя не совсем уютно из-за присутствия пятисот вооруженных вендийцев. У солдат всегда были свои собственные идеи о том, какие нужно собирать налоги.

Копейщик выдохнул воздух, что говорило о том, что эта идея не была новой для него. Караваны платили один налог таможенникам и еще один — солдатам, которые, казалось бы, должны охранять их.

— Восемь мечей, — пробормотал он, покачав головой. — Сорок человек и три группы купцов в этом караване, незнакомец, включая семерых, которые присоединились к нам с того момента, как мы обогнули южную оконечность Вилайета. И всегда есть такие, не примите это за оскорбление, которые хотят предпринять путешествие в одиночку, пока не увидят голые дюны у Зарпаша перед собой и не поймут, что впереди лежат Гимелеи, до которых надо еще дойти. И тогда они рвутся присоединиться к первому же появившемуся каравану, если конечно повезет и караван действительно появится. Я передам кому надо о вашем присутствии, но вы должны понять, что я не могу позволить вам приблизиться к каравану ночью. Как мне называть тебя, незнакомец?

— Скажи им, что меня зовут Патил, — ответил Конан.

Ордо тихо застонал, стиснув зубы.

— Меня зовут Торио, — сказал копейщик, — капитан и командир охранников каравана. Запомни, Патил: держи своих людей подальше от каравана до первых лучей солнца. — Резко

подняв свое копье, он повернул своего коня и повел стражников галопом к караванным огням.

— Ну что ж, это место не хуже любого другого, — заметил Конан, соскочив с коня. — Балис, поищи что-нибудь, что может гореть, и тогда мы сможем сделать себе неплохой ужин из подстреленных зайцев. Жаль, что нам совсем не удалось спасти вина из корабля.

— Он сошел с ума, — объявил Пританис, глядя в черное ночное небо. — Он дал им имя, которое бросит на нас людей с мечами в руках, а теперь мечтает о вине и жареном зайце.

— Хотя мне очень неприятно соглашаться с Пританисом, — проворчал Ордо, — но на этот раз он прав. Если ты решил дать чужое имя, а не свое (хотя, клянусь костями Митры, я не могу понять почему), мог бы, по крайней мере, выбрать другое имя?

— Киммериец умен, — засмеялся Балис. — Когда ты охотишься на крыс, ты насаживаешь приманку из сыра. Это тот сыр, который вендийские крысы не могут не учуять.

Конан кивнул:

— Он прав, Ордо. В этом караване не меньше тысячи человек. Теперь же мне не нужно будет искать людей, которые мне нужны. Они сами будут нас искать.

— А если они найдут тебя с кинжалом в спине? Или с пятьюдесятью воинами, обрушившимися на нас ночью? — Одноглазый в раздражении выбросил вверх руки.

— Ты все еще не понимаешь, — ответствовал Конан. — Они захотят узнать, кто я такой и что я здесь делаю, особенно, когда я использую имя Патила. Подумай, сколько им пришлось претерпеть бед, чтобы об этих сундуках никто не пронюхал. Что я знаю об этом и кто мне об этом сказал? Если я буду мертв, они ничего не узнают.

— Ты становишься таким же темным и непонятным, как стигийцы, — пробормотал сквозь зубы Ордо.

— Что касается меня, — сказал Гурран, неуклюже слезая с коня, — то мне в этот момент наплевать, даже если сами львиные гвардейцы Бандаркара обрушатся на нас. — Он поскреб рукой спину и кряхтя растянулся. — После того как я поем немного жареной зайчатины, я почувствую себя иначе, но только не сейчас.

— Ну? — сказал Конан, пристально посмотрев на осталь-

ных. — Даже если первый человек, с которым заговорит Торио, будет тем, кого я ищу, у вас все еще есть время, чтобы уйти, прежде чем они придут сюда.

Один за другим контрабандисты слезали с коней. Пританис был последним, кто это сделал, и он все еще что-то бормотал. К тому времени, когда кони были расседланы и их накормили, Балис уже зажег весело потрескивающий костер, а Шамил и Энам уже сдирали шкурки и разделывали зайцев. Вода, как обнаружил Конан, пошла очень недурно с жареными зайцами, когда ничего другого не было под рукой. Огонь костра уже угасал, чисто обглоданные кости были отброшены в сторону, и молчание сменило разговор, который продолжался, пока путники ели. Конан предложил первым встать на караул, по похоже, что ни у кого не было желания завернуться в одеяло. Один за другим все, кроме Конана и Гуррана, вынули бутылочки с маслом, точильные камни и принялись точить лезвия сабель. Каждый делал вид, что это не имеет никакого отношения к возможной атаке, однако каждый повернулся спиной к догоравшему костру, работая над оружием, подправляя зазубрины, затачивая лезвия сабель и кинжалов. Сидеть спиной к свету было удобней — глазам не пришлось бы снова привыкать к темноте.

Гурран возился со своим кожаным мешком и наконец сунул уже слишком знакомый оловянный бокал в руки киммерийца. Гримаса от предстоящего гадкого питья перекосила лицо Конана, когда он взял бокал в руки. Пока он пытался сосредоточиться, чтобы одним глотком осушить пойло, в темноте прозвучал стук копыт. Конан вскочил на ноги, пролив немного дьявольски отвратительного напитка, и его правая рука легла на рукоять меча.

— Я думал, что ты был уверен, будто атаки не будет, — сказал Ордо, тоже держа меч наготове.

Каждый человек у костра уже стоял на ногах, даже Гурран, который поворачивал голову во все стороны, как бы ища место, где можно было бы спрятаться.

— Если бы я был всегда прав, — сказал Конан, — я был бы самым богатым человеком в Заморе, вместо того чтобы болтаться здесь.

В ответ кто-то (Конан не разобрал, кто именно) печально вздохнул.

Семь лошадей остановились метров за сто от костра, и трое всадников, спрыгнув с седел, двинулись вперед. Двое из них остановились на самом краю светового круга, в то время как третий подошел прямо к огню. Темные глаза, слегка раскосые, внимательно смотрели на контрабандистов.

— Я надеюсь, что ваши мечи направлены не на меня, — сказал человек мелодичным голосом на очень чистом гирканском языке.

Человек прятал свои руки в длинных, широких рукавах светло-голубой бархатной туники, украшенной на груди серебряным шитьем-орнаментом и вышитым золотом изображением цапли. На бритой голове была круглая шапочка из красного шелка, увенчанная золотой пуговицей.

— Я всего лишь бедный купец их Кхитая и не причиню никому вреда.

— Клинки предназначены не для вас, — сказал Конан и жестом приказал опустить оружие. — Просто человек должен всегда быть настороже, когда незнакомцы появляются ночью.

— Мудрая предосторожность, — согласился кхитаец. — Меня зовут Канг-Хоу, и я ищу того, кто называет себя Патилом.

— Меня зовут Патил, — сказал Конан.

Торговец приподнял тонкую бровь:

— Странное имя для *ченг-ли*. О, прошу прощения. Это только означает человека с бледной кожей, человека из стран, лежащих далеко на Западе. Такие люди считаются мифическими в моей стране.

— Я не похож на миф, — фыркнул Конан. — И это имя подходит мне.

— Как вам угодно, — мягко сказал Канг-Хоу.

Конан не заметил, чтобы кхитаец дал какой-нибудь сигнал, но две другие фигуры пошли вперед.

— Мои племянницы, — сказал купец. — Чин-Коу и Кай-Ше. Они везде и всегда сопровождают меня, заботясь о стареющем человеке, ум которого уже не так остер, каким был раньше.

Конан поймал себя на том, что, раскрыв рот, пялится на двух самых утонченных, самых прекрасных женщин, которых он когда-либо видел. У них были маленькие овальные лица, и их деликатные черты напоминали изящные фигурки из слоно-

вой кости, вырезанные искусным резчиком, который хотел показать красоту восточных женщин. Ни одна из девушек не была похожа на своего дядю, чему Конан был очень рад и благодарен. Чин-Коу, с раскосыми миндалевидными коричневыми глазами и застенчивой улыбкой, напоминала цветок, вырезанный из старой слоновой кости. Темные глаза Кай-Ше были тоже опущены, но она наблюдала за всем происходящим с хитринкой сквозь свои густые ресницы. Ее кожа была как покрытое атласом сандаловое дерево.

«По-моему, я не единственный, кто поражен красотой этих женщин», — подумал Конан. Балис и Энам, казалось, уже мысленно раздевали их, освобождая от шелковых халатов, в то время как Пританис чуть ли не пускал слюну от вожделения. Хасан и Шамил просто вытаращили зенки, как будто их оглушили чем-то по голове. Даже у Ордо появился блеск в глазах, который говорил о мысли, что неплохо бы отделить одну или обеих девушек от компании их дядюшки. И как всегда, один Гурран остался невозмутимым.

— Мы рады видеть вас здесь, — громко сказал киммериец. — Вас и обеих ваших племянниц. Тот, кто обидит любого из вас, нанесет тем самым оскорбление и мне.

Это дошло до всех, отметил Конан с удовлетворением. Погасло несколько горящих огоньков, судя по кислым взглядам, которые Конан увидел на лицах.

— Ваше гостеприимство оказывает мне большую честь, — сказал купец, отвесив небольшой поклон.

Конан отвесил ответный поклон и пробормотал ругательство, когда еще больше лекарства пролилось ему на руку. Осушив бокал одним длинным глотком, он бросил его Гуррану, чуть не попав гербариусу в голову.

— Какая гадость, — сказал киммериец и сплюнул.

— Люди сомневаются в действенности лекарства, если у него нет неприятного вкуса, — сказал Гурран, и Канг-Хоу повернул свое бесстрастное лицо к гербариусу.

— Это старая кхитайская пословица. Ты бывал когда-то в нашей земле?

Гурран отрицательно покачал головой:

— Нет. Я слышал ее от одного человека, который учил меня свойствам различных растений и трав. Возможно, он побывал там, хотя никогда об этом и не говорил. Ты знаешь что-нибудь

о травах? Я всегда интересуюсь травами и растениями, неизвестными мне, и о том, как их можно использовать.

— К сожалению, нет, — ответил купец. — А сейчас, Патил, если мне будет позволено, я хотел бы поговорить о деле.

— Говорите о том, что вам нужно, — сказал Конан, когда понял, что купец ожидал его разрешения.

— Благодарю вас. Я всего-навсего бедный торговец, продаю то, что есть под рукой. В этом походе у меня товары из разных стран — бархат из Коринфии, ковры из Иранистана и гобелены из Турана. Я присоединился к каравану всего два дня назад и не сделал бы этого, если бы в этом не было необходимости. Капитан корабля, который доставил меня через Вилайет сюда, жулик по имени Валаш, обещал мне десять человек охранников. Однако после того, как он доставил меня, моих вьючных животных и товары на берег, он отказался соблюдать наш договор. Мои племянницы и я сам вынуждены были ехать на десятках верблюдов и с помощью всего троих слуг, которые, как я опасаюсь, не слишком большая защита от бандитов.

— Я знаю Валаша, — сказал Ордо, сплюнув при этом имени. — Это удача самого Ханнумана, что он не перерезал тебе горло и не продал твои товары и твоих племянниц в Хоарезме.

— Он даже не пытался этого сделать, — сказал кхитаец. — Я не знал, что вы были моряками.

— Мы все в прошлом занимались разнообразными вещами, — вставил Конан. — В настоящий момент мы — люди с мечами, которых можно нанять как охранников, если нам будет предложено достаточно денег за службу.

Канг-Хоу наклонил голову, как бы обдумывая эти слова.

— Я думаю, — сказал он, — что две серебряные монеты на каждого будет вполне достаточно. И золотой — каждому из вас, если я и мои товары достигнут Айодхьи в целости и сохранности.

Конан обменялся взглядом с Ордо и сказал:

— Договорились.

— Отлично. До того момента, пока вы не будете готовы ехать с караваном, я обойдусь теми стражниками, которых мне милостиво одолжат. Нам пора идти, племянницы.

Как только кхитайцы ушли, Балис засмеялся:

— Золотой и две серебряные монеты за путешествие, которое мы сделали бы и бесплатно. У кхитайца, должно быть, цар-

ская казна в кармане, чтобы так платить. Удача светит тебе, киммериец. Эй, Пританис, сотри со своего лица это кислое выражение.

— Это, — объявил Хасан, — была самая прекрасная женщина, которую я когда-либо видел.

— Кай-Ше? — с ревностью в голосе спросил Шамил.

— Нет, другая. Чин-Коу.

— Это как раз то, что мне надо, — ворчал Ордо, сворачивая одеяла, — чтобы эти двое потеряли головы из-за кхитайских племянниц. Ты, киммериец, конечно, понимаешь, что он лгал нам, а? Если только не существует двух людей, которых зовут Валаш и которые являются капитанами судна на Вилайете. Он никогда бы не сумел сгрузить этих двух девок с судна так легко, как он это утверждает.

— Да, я знаю, — сказал Конан. — Однако я не слышал, что отказал ему из-за этого.

Одноглазый пробормотал что-то себе под нос.

— Что, Ордо?

— Я сказал, что по крайней мере на этот раз ты не впутал нас в дело с колдунами и магией. У тебя есть дурная привычка раздражать колдунов.

Повесив на плечо свое седло, Конан засмеялся:

— На этот раз я не подойду к колдуну даже на расстояние лиги.

Глава 10

Музыка цитр, флейт и тамбурина негромко играла в зале, украшенном алебастровыми колоннами; музыканты были скрыты за кружевными узорчатыми шпалерами, сделанными из слоновой кости. Золотые лампы, свешивающиеся на серебряных цепях сводчатого потолка, бросали отблеск на оливковую кожу шести гибких, изящных танцовщиц. На девушках не было никакой одежды, если не считать звенящих золотых колокольчиков, которые висели у них на щиколотках и вуали на лице. В руках у всех девушек были маленькие кастаньеты и крошечные бронзовые тарелки, издававшие тонкий мелодичный звон. Запах розового масла и благовоний стоял в зале. Другие девушки, такие же красивые, как и танцовщицы, и подобным же образом одетые, изящно и неслышно передвигались по зале, предлагая серебряные блюда со сладостями, фигами, засахаренными фруктами и другими деликатесами Найпалу, который небрежно развалился на подушках из покрытого золотым шитьем шелка. Еще две девушки держали над ним опахало из перьев страуса, освежая легким ветерком. Чародей лениво взял с блюда фигу и небрежно глотнул из золотого бокала ширакманское вино. Он почти не обращал внимания в эту минуту на женщин, так как его мысли были очень далеко отсюда. У изголовья ложа Найпала склонился круглолицый с мягкой кожей мужчина в ярко-красной тунике из шелка и золотого цвета тюрбане с голубыми полосами. Его одежда казалась безвкусной и кричащей по сравнению с серыми и черными тканями одежды колдуна. Он также не обращал внимания на женщин, докладывая мягким, бархатистым голосом о том, как были исполнены приказания и желания его господина.

— Тысяча *пайсов* были переданы от вашего имени, мой господин, нищим, просящим милостыню в Айодхье. Дополнительно еще одна тысяча *пайсов* была...

Найпал уставился в бокал с изысканным вином таким же небрежным взглядом, с каким он слушал голос евнуха.

Пять мучительных дней прошло, и пять раз он заходил в потайную комнату. Два раза он даже коснулся рукой резного ларца из слоновой кости. Но каждый раз он убеждал себя в том, что лучше подождать, и каждый раз выдумывал новую причину. Но боль в груди говорила о том, что он отлично знал истинную причину своего колебания. Открыть ларец, увидеть зеркало внутри и, возможно, увидеть в нем опасность для всех его планов, — это больше, чем он мог вытерпеть. Страх, с которым чародей боролся в эту сумасшедшую ночь, вернулся тысячекратно усиленным, чтобы парализовать его. В самом дальнем уголке мозга что-то тихо прошептало: *обожди.* Подожди еще немного, и тогда конечно же зеркало снова станет чистым, а опасность будет устранена руками подручных. Найпал знал, что этот шепот был фальшивым, но заставил себя слушать его. Слушать и ждать.

Чтобы отвлечься от сомнений и самобичевания, чародей попытался слушать евнуха. Толстяк теперь уже шептал о событиях сегодняшнего дня в Айодхье — таких, какие, как он считал, могут быть интересны господину.

— ...И найдя любимую жену в объятиях двоих любовников, каждый из которых был конюхом из его собственной конюшни, Джхарим Кар зарубил мужчин, а жену отстегал плетью. Он также приказал казнить трех слуг, которые были свидетелями этого события, но слухи уже побежали по городу, и над ним уже смеются на базарах, господин. В полночь Шабал Амир был убит в пригороде Айодхьи, говорят, что это сделали бандиты, но две его жены...

Вздохнув, Найпал как бы отключил свой слух, пропуская мимо ушей болтовню слуги. В другое время то, что случилось с Джхаримом Каром, было бы приятно послушать, но это не слишком важное событие. Целая ниточка хитрых манипуляций, чтобы расставить эту ловушку, безумие женщины и мужа, чтобы обнаружить эту глупость, давало в результате то, что человек, который собирал когда-то вокруг себя знать, был теперь предметом насмешек. Человек не мог быть одновременно вождем и мишенью для острот. Не то чтобы Найпал ненавидел Джхарима Кара. Просто этот князь притягивал слишком много других на свою сторону, создавая некое подобие острова

спокойствия в бушующем море изменчивой преданности и интриг. Колдун просто не мог этого допустить. Большие интриги и беспорядки были необходимой частью его планов. Бандаркар, разумеется, хорошо защищал себя от своего же чародея; цари, которые доверяли слишком многим, не слишком долго правили, а этот царь сжигал даже ножницы для ногтей, как только заканчивал стрижку. Но Бандаркар все равно умрет, пусть и не теми необычными путями, которых опасался. А без его крепкой руки беспорядки легко превратятся в хаос, и вот тогда Найпал сможет установить свою власть. Разумеется, он не будет царствовать сам, о нет, он не настолько глуп. Он будет дергать за ниточки, и царь, которого он посадит на трон, даже не узнает, что пляшет под чужую дудку.

Погруженный в мечты о будущем, Найпал чуть не подскочил от неожиданности. Теплая пульсация застучала под сердцем. Еще не вполне веря этому, он судорожно схватился за черный опал, висевший у него на груди под одеждой. Сквозь шелковую материю драгоценный камень стучал снова и снова, перекрывая удары сердца. Масрок подает ему сигнал!

— Замолчи! — заорал Найпал, бросив золотой бокал в голову евнуха, чтобы подкрепить свои слова. — Беги за Ашоком, — приказал чародей. — Скажи ему, чтобы он был готов сейчас же. Сейчас же!

— Бегу и повинуюсь, господин. — Евнух стал отступать на коленях, ударяя головой о пол.

— Тогда беги, чтоб тебя взяла Катар! — закричал Найпал. — Или ты узнаешь, что от мужчины может быть взято больше, чем ты уже потерял!

Бормоча извинения, евнух поднялся на ноги, все еще кланяясь, и убежал. Гневный взор Найпала скользнул по обнаженным телам танцовщиц и решетке из слоновой кости, скрывающей музыкантов.

По его команде все замерли, едва осмеливаясь даже дышать.

— Играйте! — зарычал он. — Танцуйте! Иначе вас всех отхлестают за нерадивость!

Музыка зазвучала вновь, танцовщицы, отчаянно извивались, пытаясь угодить своему господину, но Найпал уже забыл о них и махнул рукой служанкам, чтобы они уходили. Удары сердца, казалось, совпадали с пульсацией опала в руке. Его мыс-

ли были без остатка заняты этим камнем; это был знак того, что Масрок вызывает его, но чародей не знал, что это значит. Ашок, главный слуга среди тех, кого лишили в свое время языка, быстро приготовит тайную подземную комнату глубоко под подвалом. Колдун держал своих слуг, прислуживающих ему в серых комнатах в подземелье, в таком страхе, что, если надо, они буквально побегут, пока не упадут замертво, чтобы повиноваться самому малейшему желанию колдуна, не говоря уже о команде. Однако в эту минуту приказания не были выполнены достаточно быстро, чтобы удовлетворить его. Нетерпение бурлило в нем, как поверхность гейзера перед всплеском. Не в состоянии больше выжидать, Найпал вскочил на ноги и выбежал из комнаты. Позади него музыканты и танцовщицы продолжали тяжело трудиться, опасаясь остановиться без повелительного приказа.

Сначала Найпал зашел в свою спальню, захватив золотой ларец с кинжалом демона. Масрок должен был его видеть; это было бы просто напоминанием, что демон тоже может погибнуть. Когда колдун добрался до комнаты с серым куполом, находящейся глубоко под дворцом, то удовлетворенно кивнул, причем сделал это так машинально, что даже не заметил этого движения. Большая, плотно сплетенная корзина была поставлена на своем месте, около рабочего стола. Бронзовый гонг с колотушкой свисал с рамы из тикового дерева и был поставлен рядом с узорной и толстой металлической решеткой, вделанной в стену. Найпал остановился у решетки от двери, которая была частью железной клетки и вела к круглой глубокой яме, освещенной только тусклыми факелами, горящими на подставках, вделанных высоко в стене. На покрытом песком дне круглой ямы стояли два десятка мечей различных стилей.

Ради небольшой пробы Найпал использовал огни *корасани*, чтобы выжечь яму в почве, стены комнаты и коридора, соединяющиеся за ней. Это был единственный опыт, однако самый необходимый, так как колдун должен был проверить истинность старинных рукописей, в которых писалось о подобных вещах. Он не сомневался, что манускрипты говорили неправду, но никто, даже сам Найпал, не знал пределов этой правды, а ему нужно было знать абсолютно точно эти пределы. Но должна быть сделана еще масса других вещей...

Черный опал все еще пульсировал у чародея на груди. Ста-

раясь не поддаваться горячему желанию поспешить, Найпал принял более действенные меры предосторожности, чем он когда-либо предпринимал прежде, даже когда устанавливал девять *корасани* на золотых треножниках. Найпал положил перед треножником подушки, уселся на них, и снова старинные заклинания огласили воздух, отражаясь от мерцающих стен:

— *Э'лас элойхим! Марааф савиндай! Кора мар! Кора мар!*

И снова вспыхнули огненные полосы клетки. Камни пылали, будто охваченные и заключенные в плен солнца, маленькая тропинка перед ними была открыта в миры и измерения, недоступные и неизвестные обычному смертному.

— Масрок! — крикнул Найпал. — Я вызываю тебя!

Ветры, идущие из бесконечности, снова закружились в бешеном вихре. Гром потряс комнату, и громадный обсидиановый демон появился в огненной клетке, кружась в воздухе и не касаясь ногами пола. Рядом с ним появилась другая фигура, фигура человека в доспехах из толстой кожи и в украшенном острым шпилем шлеме, каких не было в Вендии вот уже более тысячи лет. Два меча, невероятно древних: один — длинный и прямой, другой — короткий и с кривым, изогнутым лезвием — висели у человека в доспехах с каждого бока. Найпал почти засмеялся от радости. Удача! Он не сообразил, что громко произнес эти слова, и демон услышал их и ответил тоном, похожим на раскаты грома:

— Ты называешь это удачей, о Человек? Я называю это предательством! Предательством, нагроможденным на другое предательство!

— Но, конечно же, это маленькая измена, — ответил Найпал. — И свобода будет твоим окончательным вознаграждением!

Дрожь прошла по телу демона, его восемь рук дрожали так, что колдун испугался, — демон бросит в него одно из своих копий или даже попытается пробиться сквозь огненный барьер. Найпал положил нервно свою ладонь на золотой ларец.

— Ты говоришь о том, чего не ведаешь, о Человек! Маленькая измена? Чтобы выполнить твою просьбу, я был вынужден убить одного из моих собратьев! В первый раз с тех пор, как появилось само Время, один из Сивани убит. И он погиб от моей руки!

— Ты боишься мести остальных двух демонов? Но они, конечно же, не знают об этом, иначе ты не был бы здесь.

— Сколько пройдет времени, пока они наконец не обнаружат случившееся, о Человек?

— Не бойся, — сказал чародей. — Я найду способ защитить тебя.

И прежде, чем демон успел заговорить снова, Найпал закричал:

— Уходи, мерзок! Я приказываю тебе!

Демон, ждущий, слушающий результатов. Только старый воин висел в воздухе внутри клетки. Только теперь Найпал позволил себе засмеяться. Демонами, похоже, можно было повелевать так же легко, как и людьми. Чародей быстро стал опускать колдовской барьер, что было иногда гораздо более трудным, чем воздвигнуть его. Наконец дело было закончено, и Найпал поспешил осмотреть фигуру, которая теперь стояла в самом центре серебряной паутины. Дыхание не поднимало грудь старого воина, и свет не оживлял его темные неподвижные глаза, однако смуглая кожа, казалось, горела живым огнем и жизнью. Удивленный этим, Найпал коснулся рукой щеки воина и хмыкнул. Несмотря на то, что он казался живым, гибким существом на первый взгляд, прикосновение к нему было похоже на то, как если бы колдун коснулся кожи, плотно натянутой на дерево.

— Сейчас, — прошептал самому себе Найпал.

Из сотен бутылочек, пробирок и реторт, которые стояли на его рабочем столе, он выбрал пять, налив точно отмеренное количество жидкости и порошков в ступку, сделанную из черепа девушки-девственницы, убитой ее матерью. Четыре компонента из пяти были настолько редки, что Найпал жалел использовать их даже, когда ему нужно было ничтожное количество этих ингредиентов. Используя кость матери-детоубийцы, которая была отполирована и служила пестиком, он истолок и размешал компоненты, пока не получилась густая черная паста. Колдун заколебался, прежде чем повернуться к большой плетеной корзине. Затем, придя в себя, он разорвал ремни, закрывающие крышку. Жалость поднялась было в нем, когда он увидел лежащего в ней съежившегося, испуганного оборванного мальчика. Он был связан, а рот его заткнут кляпом. Мальчик оцепенел от страха. Найпал заставил себя встряхнуться и, по-

давив все эмоции, поднял мальчика из корзины. Ребенок задрожал, когда колдун положил его перед неподвижной фигурой воина. Найпал почти физически чувствовал глаза мальчика, смотревшие на него с ужасом, но пытался не обращать на это внимания. Теперь уже в спешке, как бы желая поскорее со всем покончить, Найпал взял в руки страшное зелье в ступке. Окунув палец левой руки в черную пасту, он начертил символ на лбу связанного мальчика, затем точно такой же символ — на лбу воина. Остатки пасты он аккуратно счистил с пальца куском материи. Воин, ребенок и самый большой из *корасани* лежали в одной прямой линии. Найпал опустился на подушки и стал читать заклинания, которые он еще никогда не произносил:

— *Мон-драал ун'тар, мараан во'ндар!*

Слова произносились очень тихо и мягко, но стены комнаты звенели от их резонанса. Три раза Найпал повторил напевное заклинание, и после третьего раза лучи света, холодные и бледные, как снег в горах, метнулись от черного камня. Один из лучей ударил в темный символ на лбу мертвого воина, другой коснулся лба ребенка. Найпал продолжал произносить заклинание снова и снова. Третий ледяной пучок света метнулся в существо, соединив теперь оба символа в одном прямом потоке света. Мальчик выгнулся дугой и застонал, не в силах отвернуть голову от острого яркого луча этого колдовского треугольника. Найпал громко выкрикивал слова заклинания, чтобы заглушать крик ребенка. Стон зазвенел на секунду долгой нотой и прервался, как струна лиры, натянутой слишком сильно. Внезапно наступила полная тишина, лучи света полностью исчезли. Найпал глубоко вздохнул. Дело было закончено. Поднявшись на ноги, он приблизился к безжизненному телу ребенка. Его глаза смотрели только на это маленькое тело.

— Тебя освободили от жизни, полной страданий, голода и боли, — сказал колдун. — Твоя душа ушла в другую, более чистую сферу. Только жизнь взята у тебя. Так должно было случиться, мне нужна была юная жизнь, еще не окончательно сформировавшаяся. — Он выдержал паузу и добавил: — Я использовал бы для этой цели детей богачей и знати, если бы я только мог.

Это будут похоронные костры, достойные повелителя, решил Найпал. Но сейчас эти костры откроет этот никому неиз-

вестный сирота. Очень медленно взор чародея перешел на покрытого кожаными доспехами воина. По-прежнему его грудь оставалась неподвижной и с губ не срывалось дыхание. Был ли огонь в его глазах?

— Ты слышишь меня? — требовательно спросил Найпал.

Воин ничего не ответил.

— Сделай шаг вперед!

Воин покорно сделал один шаг и снова замер, неподвижный, как статуя.

— Ах да, конечно, — задумчиво пробормотал Найпал. — У тебя нет своей собственной воли. Ты подчиняешься мне, тому, кто тебе вновь дал жизнь, и только мне, пока я не прикажу тебе склониться перед другим. Отлично. Именно так и говорилось в рукописях. Пока все сходится. Следуй за мной!

Соблюдая все то же расстояние и дистанцию между собой и колдуном, воин повиновался. Найпал открыл дверь из тяжелых железных прутьев и поманил его рукой.

Воин прошел внутрь, и колдун снова закрыл на замок и засов крепкую дверь. Хорошо, подумал Найпал, что можно было давать команды не только голосом, но и жестами. Письмена очень туманно изъяснялись на этот счет. Гулкий звук зазвенел в зале, когда Найпал ударил в гонг обмотанной веревками колотушкой.

Железная толстая дверь резко открылась. Осторожно передвигаясь, в яме появились двадцать человек, которые тут же посмотрели на Найпала и неподвижную фигуру перед ними. Дверь позади них внезапно бесшумно закрылась. Увидев кучу мечей, сваленных на песке, они только на секунду заколебались, прежде чем броситься к оружию.

Отряд был таким же пестрым, как и оружие, которое люди схватили. Они были одеты в одежды, варьирующиеся от грязных лохмотьев до потрепанных шелковых халатов, возможно, принадлежащих когда-то богачу или князю. Но выбраны эти люди была не наобум; если бы это было так, проверка не была бы абсолютно верной и окончательной. В этой большой широкой яме были бандиты, бродяги, воры, дезертиры из царской армии, каждый из которых был знаком с определенным видом сабли или меча. Им была обещана свобода и пятьдесят золотых... всем, кто останется в живых. Найпал подумал, что он, вполне возможно, выполнит свое обещание.

— Убей их, — приказал колдун.

Еще до того, как слова сорвались с его губ, шестеро бандитов бросились, дико воя, на воина, размахивая своими саблями и мечами.

Покрытый кожаными доспехами воин, с лицом, на котором не дрогнула ни одна черточка, как будто это была каменная маска, вытащил из ножен свои старинные мечи и встал в боевую позицию, приготовившись к атаке врагов. Шестеро негодяев атаковали его в безумной ярости, подогреваемой обещанием свободы; воин же сражался с молниеносной и точно отмеренной быстротой.

Когда воин сделал наконец несколько шагов вперед, к остальным бандитам, шесть трупов лежали перед ним, а отрубленная голова одного из них катилась по направлению к его товарищам, в ужасе смотревшим на воина. Два дезертира быстро и несколько неуверенно пытались организовать оставшихся в живых в два ряда, как если бы они были пехотинцами на поле боя. Воин не ускорил и не замедлил свое приближение. Два ряда стоявших в отчаянии людей напряглись, ожидая его приближения.

Но в двух шагах от строя воин внезапно высоко подпрыгнул вправо, атаковав их. Бандиты Найпала, которых он собрал отовсюду, думали, что они создали пехотный строй, но у них не было щитов для защиты. Двое упали, обливаясь кровью, и задергались в предсмертной агонии, прежде чем строй бандитов сумел повернуться, выполняя выкрики-команды дезертиров.

Воин, однако, не стал ждать. Пока ряды перестраивались, он прыгнул влево и ударил с левого фланга. Неуверенный, слабый порядок дрогнул, и строй бандитов рассыпался в вихре звенящей стали, льющейся крови, диких криков и стонов умирающих.

Каждый теперь сражался поодиночке, сам по себе, и каждый умирал, когда сверкающее лезвие меча воина пронзало его. Когда фигура в кожаных доспехах перерезала горло последнего дергающегося несчастного, Найпал глубоко и удовлетворенно вздохнул.

Двадцать трупов лежали на залитом кровью песке, а вновь оживший воин стоял без малейшей царапины. Вообще-то, если говорить по правде, в его кожаных доспехах были пробоины и порезы, а на его лице были видны следы от удара саблей,

разрубившей ему щеку, но ни одна капля крови не упала на камни. Воин молча двигался между телами, желая убедиться, что каждый из них был действительно мертв, и казалось, что сталь мечей и сабель вообще не коснулась его тела. Повернувшись спиной к этой страшной бойне, колдун прислонился к железной решетке и засмеялся, пока не стал сипеть и задыхаться.

Все, о чем говорили старые письмена, оказалось правдой. Раны бойца заживут очень быстро. Ничто не могло убить воина, которого Найпал оживил. Больше двух тысяч лет назад завоеватель по имени Орисса захватил около двадцати небольших княжеств и городов-государств и создал из них царство Вендию, а сам стал ее первым царем. И когда царь Орисса умер, его армия в двадцать тысяч воинов была убита и похоронена в склепе вместе с ним, чтобы быть царскими телохранителями и после его смерти.

Их тела были сохранены так хорошо, что хотя они уже и не были живыми, они также и не были мертвыми, как это случалось с обычными людьми. Если соблюдать правильные заклинания и ритуал, армия, которая не умирала, снова могла выступить в поход. Все, что нужно было Найпалу, — это найти затерянную в веках гробницу.

— И это, — засмеялся Найпал громко и издевательски, — почти сделано, не так ли, Масрок, мой преданный слуга?

Удача всего предприятия так наполнила его гордостью и счастьем, что парализующий страх, который терзал его все эти дни, был смыт радостной волной. Конечно же, с тех пор уже прошло достаточно времени, В каких бы водах ни очутился корабль (если он был достаточно близко, чтобы угрожать Найпалу, когда колдун был так близко к своей цели), он должен был уже причалить к берегу.

И если это случилось, конечно же любая опасность, которая угрожала чародею этим судном, уже была ликвидирована его подручными. Найпал не мог себе позволить других мыслей, только не сейчас, когда сегодня он одержал уже столько побед. Уверенной рукой он поднял резную крышку ларца из слоновой кости и отбросил мягкую шелковую материю. Черная поверхность зеркала была украшена десятками ярких точек света. Найпалу потребовалось только одно мгновение, чтобы сообразить, что то, что он увидел, было огромное количество по-

ходных костров, наблюдаемое с большой высоты. Если крошечная группа людей испугала его прежде, то на этот раз он увидел целую армию. Несколько дней страха «вознаградили» его за эти мучения еще большим страхом. Была ли опасность корабля устранена этими огоньками, или же, наоборот, огоньки стали опасностью, «слившись» с кораблем? Была ли это новая угроза, которая превзошла старую? Долго-долго в эту ночь дикий гневный вой Найпала звучал в высоком купольном зале.

Глава 11

Когда первые бледные лучи рассвета показались на горизонте, Конан уже встал и оседлал своего жеребца. Гулкие удары топора, рубящего дрова, донеслись до него с берега Зарпаша, примерно в половине лиги отсюда. Конан взглянул в том направлении, где берег реки зарос большими, высокими деревьями. Он покачал головой, взглянув на верблюдов кхитайского торговца, которые делились водой с лошадьми контрабандистов. По мнению киммерийца, верблюды были очень грязными животными в своих привычках и запахе, и к тому же им нельзя было доверять. Конан в любом случае предпочел бы вместо верблюдов лошадей или даже мулов.

— Вонючая скотина, — проворчал Ордо, ударив верблюда по боку, чтобы он отошел в сторону. Закашлявшись от облака пыли, которую поднял верблюд, одноглазый отошел к своему коню. — И грязный тоже.

— Ты видел товары, которые они везут с собой? — спросил его тихо Конан.

— Я не видел никаких сундуков, если это то, что ты имеешь в виду. Но мы будем пересекать реку этим утром, знаешь?

— Обрати внимание, Ордо. Его товары — всего лишь ковры, и бархат, и гобелены, как сказал кхитаец. Но их стоимость немала, Ордо. — Киммериец был в юности вором, и его цепкие глаза все еще могли моментально оценить почти все, что стоило того, чтобы его украсть. — Это в основном третьесортного качества товары, возможно, второго сорта. Я даже не посчитал бы их стоящими того, чтобы доставить даже до Аренджуна, не говоря уже о Вендии.

— Расстояние и редкость товара увеличивают его стоимость, — сказал Канг-Хоу, приблизившись бесшумно на своих подбитых шелком туфлях. Его руки были спрятаны в рукавах бледно-голубой бархатной туники, на этот раз эта туника была украшена воробьями в полете. — Совершенно ясно, что ты не

купец, Патил. Иранистанский ковер, который едва дает прибыль в Туране, даст в Вендии цену в пятьдесят раз большую. Ты думаешь, что самые лучшие вендийские ковры идут в Туран? Эти ковры украшают полы дворцов вендийской знати, и в то же время гораздо большую цену платят за второсортный ковер из Аграпура, чем за лучшего качества ковер в Айодхье.

— Я не купец, — согласился Конан, отступив со своим бхалканийским жеребцом от линии пикета, — да и не желаю им быть. И в то же время я так же стремлюсь попасть в Вендию, как и вы. Если вы извините меня, Канг-Хоу, мне нужно проверить, когда караван выступает в путь. И что еще я могу узнать о нем, — добавил он для ушей Ордо.

Конан медленно ехал по лагерю. Хотя киммериец действительно спешил вперед, он также хотел осмотреться вокруг, чтобы, возможно, снова встретить те сундуки, которые были использованы для транспортировки чая. В действительности караван был разбит не на один, а на три лагеря, стоящих рядом, и они были даже больше, чем предполагал Конан. Сорок три купца со своими слугами, конюхами, помощниками и стражниками составляли почти тысячу человек каравана. Среди них были вендийцы и кхитайцы, заморийцы и туранцы, кофийцы и иранистанцы. Люди спешили свернуть и разобрать палатки, нагружая тюки, плетеные корзины и рулоны материи на верблюдов и вьючных мулов под пристальным наблюдением богато одетых купцов, которые также смотрели и друг за другом с неослабевающим подозрением, думая о том, что его сосед купил по дешевке товары или что он собирается продать его на тех же рынках. Конан также получил свою долю внимательных подозрительных взглядов, и не один купец нервно позвал своих охранников, когда высокий киммериец проезжал мимо. У вендийской знати, сопровождающей *вазама* в Аграпур, был свой собственный лагерь, настолько пестрый и странный, что даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что тут было бесполезно искать сундучки со «специями». Первой мыслью Конана было то, что он натолкнулся на бродячую ярмарку, так как больше, чем пятьсот человек окружали разноцветные, полосатые павильоны, сворачиваемые теперь украшенными тюрбанами слугами. И здесь тоже можно было встретить людей из многих земель и стран, но на этот раз это были особого рода путешественники. Здесь были жонглеры,

бросающие в воздух горящие факелы и кегли, и акробаты, балансирующие на вершине длинного шеста. Медведь танцевал под звуки флейты, эквилибристы и гимнасты сгибались и разгибались, как будто их тела были сделаны из резины, музыканты играли на своих лютнях, унтарах и арфах. Несколько людей в длинных богатых одеждах и с густыми длинными бородами бродили по карнавальной, пестрой толпе, как если бы она для них не существовала. Они шли группами по двое и трое. Двое из них, выкрикивающие в лицо друг другу оскорбления и готовые уже вцепиться соседу в глотку, не сумели осуществить это милое намерение — сильный, обнаженный до пояса и намазанный на буграх мышц маслом борец удерживал их от драки.

Третий лагерь был уже свернут и начал медленно идти к реке, где дровосеки уже рубили деревья для плотов, чтобы пересечь на них реку, но Конан в любом случае не собирался даже приближаться к ним. Не то чтобы он не мог подумать, будто сундуки оказались в багаже Карима Сингха, *вазама* Вендии, но пятьсот суровых, вооруженных до зубов вендийских кавалеристов стояли на пути, и с ними лучше было не шутить. Их крепкие кольчуги и шлемы с тюрбанами, с которых также свисала кольчуга, закрывающая лицо и шею, были похожи на те, что были у вендийцев, атаковавших контрабандистов на берегу Зарпаша. Эти люди явно осознавали, как глубоко они находятся на спорной территории. Они ехали на своих лошадях, как гибкие настороженные пантеры, готовые прыгнуть при каждом звуке, а их длинные острые копья угрожающе опускались на каждого, кто приближался к ним на расстояние ста шагов.

Внезапно что-то свистнуло у самого лица Конана, настолько близко, что киммериец почувствовал дуновение ветра. «Стрела арбалета», — тут же отреагировал Конан. Он инстинктивно пригнулся так низко в своем седле, как позволяла ему высокая лука седла, и ударил каблуками сапог в бока черного жеребца. Конь бросился как бешеный и быстро ушел вперед, опередив убийцу, стрелявшего в Конана. Конан скорее почувствовал, чем увидел, как другие стрелы проносились рядом, и один раз его седло сильно тряхнуло от впившейся в него стрелы. Когда наконец река стала уже совсем близко, киммериец поднял голову и посмотрел назад. В лагере, который постепенно сворачивали и готовили к походу, все выглядело по-прежне-

му. Конан не заметил ни одного арбалетчика, никто даже не смотрел в его направлении. Соскочив с коня, Конан внимательно осмотрел своего жеребца. Животное не было ранено и даже не испугалось, готовое снова скакать куда угодно, но в самой верхушке луки седла торчала стрела толщиной в палец. По спине Конана пробежал холодок. Еще на волосок выше — и стрела бы впилась ему в спину. Ну что ж, по крайней мере у него теперь не было ни малейших сомнений, что сундуки были в караване.

— Эй ты! — раздался крик со стороны реки. — Ты, Патил!

Конан глянул в направлении голоса и увидел Торио, командира отряда стражников каравана, который скакал к нему. Конан быстрым движением вырвал стрелу из седла и бросил ее на землю, после чего сел в седло и подъехал к стражнику, который тут же заговорил:

— Дважды в год, в течение десяти лет, я путешествую из Аграпура в Айодхью и обратно, и каждый раз вижу что-то новое. Теперь же это «что-то» — такая необычная вещь, с которой я еще никогда раньше не встречался.

— И что же за странная вещь?

— Его Высочество, Карим Сингх, *вазам* Вендии, Советник Слона желает тебя видеть, Патил. Я не хочу оскорбить тебя, но ты явно не принадлежишь к знати, а Карим Сингх очень редко принимает у себя тех, кто стоит ниже него. Почему же он вдруг пожелал увидеть тебя, о ком он, скорее всего, никогда прежде и не слышал?

— Советник Слона? — спросил Конан, частично потому, что у него не было толкового ответа на это, а частично из-за того, что это название удивило его. Он уже слышал об этих больших серых животных, чьи бивни так ценились в Туране, и очень надеялся увидеть хотя бы одного из них во время своего путешествия.

— Один из титулов царя Вендии — Слон, — ответил Торио. — Я думаю, это не более глупо, чем то, что Илдиза называют Золотым Орлом или любым другим именем, которые так любят давать себе цари.

— И где же находится этот Советник Слона?

— Он уже перебрался на другой берег реки, и я придержал бы свой язык, находясь рядом с ним, если бы не хотел потерять его. Вон его павильон. — Торио указал рукой на большой ша-

тер из золотистого шелка, расположенный на другом берегу и окруженный сотней венд и исках копейщиков, которые наставили свои копья, охраняя его. — Ему наплевать на то, что мы должны ждать своей очереди потому, что ему вдруг захотелось поговорить с тобой, но *его* отряд и знать в его посольстве должны быть первыми на марше. Карим Сингх плюет на жалких червей у себя под ногами и не собирается дышать пылью от каравана. — Командир стражников выдержал паузу, нахмурившись своим мыслям и бросая время от времени внимательные взгляды на Конана. — Мое положение очень нелегкое, Патил. Я отвечаю за безопасность всех в караване, но не должен никого обидеть. Тех, кто несет всякую чушь, и тех, кто хочет получить преимущества и льготы. Далеко не всегда опасность приходит снаружи, от кайгаров или зуагиров. Человек может заработать немного серебра, и хотя сумма эта будет не так велика, как может быть предложена другим, зато только молчание о том, что сказано и кому, требуется в этом случае, а не полная преданность. Ты понял, что я тебе сказал?

— Нет, — честно ответил Конан, и стражник напрягся, как будто его ударили по лицу.

— Ну что ж, ладно, Патил. Играй в свою игру в одиночку, если тебе это угодно, но помни, что только очень могущественные люди могут, играя в одиночку, выжить.

Резко дернув за поводья, Торио поскакал в сторону. Этот человек принадлежал вендийской знати и жонглерам, подумал Конан. Он молол языком непонятную чепуху и обиделся, когда его не поняли.

На берегу реки, где росла большая роща деревьев, Конан увидел вспотевших, возбужденных людей, что-то кричавших и ругавшихся. С громким треском еще одно толстое дерево рухнуло на землю, и дровосеки подскочили со своими топорами обрубить ветки и сучья, чтобы бревно можно было подкатить к большому, наполовину законченному плоту, стоявшему у самого берега. Отряд вендийских копейщиков вел лошадей на другой плот, который был примерно пятнадцать метров в длину, в то время как третий плот-паром уже был на середине реки, постепенно продвигаясь к другому берегу, вдоль двух толстых, длинных канатов, которые колыхались, дрожа на медленном течении Зарпаша. Еще один тяжелый канат был протянут с берега на берег для плота, который не был пока закончен. Ве-

ревки, соединенные с плотами, двигал один «двигатель» — их с каждого берега тянули на плечах оборванные рабы — по сорок человек на каждый плот.

Вендийские кавалеристы уставились на Конана, их черные глаза почти не мигали и были лишены всякого выражения, когда киммериец вместе со всадниками погрузился на плот. Это были высокие люди, но Конан был на полголовы выше самого высокого из них. Некоторые при виде киммерийца пытались встать более прямо. Единственным звуком на плоту был стук копыт, когда лошади переминались с ноги на ногу. Конан чувствовал напряжение солдат. Любой из них принял бы прямой взгляд как вызов, а то, что он явно не обращал на них внимания, могло сойти за оскорбление. Так как Конан не собирался лезть в драку до того, как пересечет реку, киммериец сделал вид, что проверяет седельную подпругу. Плот дрожал и уходил то влево, то вправо, по мере того как веревки натягивались и он медленно шел вперед, слегка сползая вниз по течению. Только тогда Конан обнаружил, что кто-то внимательно высматривает что-то на берегу. Далеко от воды Торио ехал медленно на лошади, вглядываясь в песок. Взглянув на то, что он выбросил, Конан понял, в чем дело. Он смотрел на офицера стражников, пока плот не коснулся дальнего берега.

Глава 12

С близкого расстояния громадный шатер из золотого шелка производил весьма внушительное впечатление. Его поддерживало двадцать больших кольев, вбитых в землю. Внутри шатра вполне могли разместиться около ста вендийских копейщиков, да и их лошади тоже.

Круг всадников-копейщиков расступился перед Конаном, явно без всякой команды. Когда киммериец въехал внутрь круга, тот снова сомкнулся позади него. Конан мог только пожелать, чтобы эти длинные копья не напоминали ему железные прутья клетки. Слуги в тюрбанах поспешили встретить киммерийца. Один из них взял за поводья жеребца, в то время как другой придержал стремя. У входа в шатер стоял еще один слуга с влажными, прохладными полотенцами на серебряном подносе, которые он предложил Конану, чтобы тот мог обтереть руки и лицо. Еще один слуга встал на колени и попытался опрыскать благовониями Конану ноги.

— Ну, хватит! — зарычал Конан, отбросив в сторону смятое полотенце. — Где ваш господин?

Толстый мужчина появился у входа. На его голове был дорогой тюрбан из золотого и зеленого шелка, украшенный рубином и страусовыми перьями. Его туника была синего цвета и расшита золотыми нитями, а шелковые туфли были с загнутыми острыми носками. Конан подумал было, что это и есть сам *вазам*, но человек вдруг низко поклонился и сказал:

— Прошу следовать за мной, господин.

Внутри шатра было большое помещение, созданное из занавесей, сделанных из шелка и золотых нитей, а пол покрывали роскошные вендийские ковры, достойные украшать и дворец царя. Воздух был пропитан густым запахом благовоний. Невидимые музыканты начали играть на лютнях и цитрах, как только Конан вошел в шатер, и пять женщин, так сильно покрытых вуалями и закутанных в шелк, что Конан видел только

их темные глаза, принялись танцевать. Облокотившись на целый ворох разноцветных подушек, высокий мужчина с узким оливковым лицом полулежал, лениво поглядывая по сторонам. На голове его был большой тюрбан из фиолетового шелка. Так же, как и у слуг, тюрбан увенчивал белоснежный плюмаж перьев, но тюрбан был также украшен большими жемчужинами и алмазами. На его шее висела тяжелая золотая цепь с громадными, с голубиное яйцо, изумрудами, а каждый палец украшал перстень с рубинами и сапфирами. Его глубоко посаженные глаза были темными, и они были крепче и жестче, чем любой из алмазов и рубинов, которые он носил.

— Вы Карим Сингх? — спросил Конан.

— Я. — В глубоком голосе мужчины прозвучала нотка шока, но он сказал: — Ты не употребляешь правильной формы приветствия, и это странно. Однако это даже забавляет меня. Ты можешь продолжать. Ты тот, кто называет себя Патилом. Это имя, привычное в моей стране, и оно кажется странным для того, кто явно прибыл из далеких стран.

— Есть много стран, — сказал Конан, — и много имен. Имя Патил вполне мне подходит.

Вазам улыбнулся, как если бы киммериец сказал что-то очень умное.

— Садись. Каждый должен терпеть неудобства путешествия, но вино, по крайней мере, смягчает их.

Усевшись по-турецки на подушках, Конан не обратил внимания на предложенные ему маринованные яйца куропаток и сладости: засахаренные орешки и халву, предложенные ему слугами, которые, казалось, появлялись и исчезали по волшебству, так тихо они это делали. Конан взял с подноса бокал из тяжелого золота, оправленный в широкое кольцо из аметистов. Вино пахло духами и напоминало на вкус мед.

— Слухи быстро распространяются здесь, — продолжал Карим Сингх. — Я вскоре услышал о тебе, бледнокожий великан с глазами, как у... Эти глаза приводят всех в большое смущение. — Однако в голосе *вазама* не прозвучало и нотки этого смущения. — Я знаю довольно много о западном мире, хотя он закрыт от глаз многих моих соотечественников и это загадочная земля для них. Прежде чем отправиться в Аграпур, чтобы заключить договор с царем Илдизом, я изучил многое из того, что было написано о ней. А когда я побывал там, я внимательно

но слушал. Я знаю кое-что о бледнокожих варварах северных стран, о том, что они отважные, страшные воины, беспощадные к врагам. Такие люди могут быть очень полезны.

Впервые за время этого путешествия Конан почувствовал, что он находится на понятной ему территории, но ему эта тема отнюдь не нравилась.

— Я поступил на службу до того, как попаду в Айодхью, — сказал он. — После этого у меня нет определенных планов.

— Ах да. Кхитаец. Он, конечно, шпион.

Конан чуть не поперхнулся вином.

— Купец?

— В Вендии всех чужеземцев считают шпионами. Так безопаснее. — Внимательный, напряженный взгляд Карима Сингха заставил киммерийца думать, что, возможно, он и его считает шпионом. — Однако шпион шпиону рознь. Например, шпион, который наблюдает за шпионом. Далеко не все в нашей стране с теплом думают о Вендии и держат змею в своем сердце. Меня, например, может очень заинтересовать следующее — с кем разговаривает в Вендии кхитаец и что именно он говорит. Это может заинтересовать меня настолько, что я заплачу золотом.

— Я не шпион, — сказал резко и сурово Конан. — Ни для кого на свете.

Лицо его собеседника на секунду дрогнуло, после чего *вазам* довольно улыбнулся:

— Отлично, Патил. Редко можно довериться человеку, который продается первому же покупателю.

В его голосе был покровительственный тон, который сделал глаза Конана холодными как лед. Он подумал было, что ему надо объясниться, но решил, что этот человек не понял бы саму идею чести и честности, даже если бы ее бросили ему прямо в лицо. Пока он пытался найти выход из этого положения и сменить тему разговора, взгляд киммерийца упал на танцовщиц, и его челюсть отвисла. Темные шали и вуали все еще покрывали лица пяти девушек — до самых глаз, но остальные их шелковые одеяния уже усеивали ковры под их ногами. Все их одежды, без остатка. Гибкие, нежные формы оливковых тел мелькали в танце по залу, подпрыгивая как газели и делая шпагат в воздухе, или извиваясь, словно их кости были подвижными, как у змей.

— А-а, тебе нравятся мои игрушки? — спросил Карим Сингх. — Это мои трофеи, как и полагается. Некоторые могущественные властители давно уже сопротивлялись мне. Но вскоре каждый из них обнаружил, что он был не столь уже могущественным, как думал, и что даже для властелина жизнь имеет свою цену. Например, любимая дочь. Каждый из этих владык положил свою плату к моим стопам. Они очень милы, ты не находишь?

— Очень милы, — хрипло согласился Конан. Он пытался заговорить более мягким, ровным голосом, чтобы не выдать свою неискушенность и наивность. — И я не сомневаюсь, что их лица будут такими же красивыми, когда последняя вуаль упадет с них.

Карим Сингх моментально напрягся.

— Я забываю, что ты — чужеземец. Эти женщины принадлежат моему *пардхана*. Для них снять покрывающую лицо вуаль перед любым человеком, за исключением меня, является большим позором, да и для меня тоже.

Подумав о безупречных гибких телах, извивающихся в танце перед ним, Конан кивнул.

— Понимаю, — сказал киммериец медленно. Но он совсем ничего не понимал. Это была другая страна и другие обычаи, но этот обычай, похоже, напоминал сумасшествие. Глубоко вздохнув, он отложил в сторону бокал и поднялся на ноги. — Мне пора идти. Канг-Хоу скоро будет переправляться на другой берег.

— Да, конечно. И когда ты доберешься до Айодхьи и уже не будешь служить ему, я пошлю за тобой. Люди, которые преданы господину, всегда нужны, так как безжалостный воин обычно не сдерживает себя цивилизованными цепями.

На это Конан даже не знал, что ответить. Он дернул головой, надеясь, что этот жест может сойти за поклон, и быстро вышел из шатра. У входа в шатер толстый человек с белым плюмажем на тюрбане ожидал его с серебряным подносом в руках.

— Подарок от моего повелителя, — сказал он, поклонившись. На подносе лежал красный кошелек из мягкой замши. Он был мягким и тяжелым, таким, что Конан мог почувствовать монеты внутри. Но киммериец не открыл его, чтобы пересчитать их или посмотреть, было ли это золото или серебро.

— Поблагодари своего господина за щедрость, — сказал он и внезапно бросил кошелек в руки ошеломленного слуги. — Подарок от меня. Раздели деньги среди слуг.

Он почувствовал глаза толстого слуги за своей спиной, когда шел к своей лошади, — двое слуг все еще стояли у коня; один удерживал уздечку, другой — стремя, пока киммериец взбирался в седло. Но ему было на это наплевать. Если Карим Сингх будет оскорблен поступком киммерийца, то так тому и быть. Конану уже по горло хватило общения с Его Высочеством, Советником Слона, или как там его называют. Кольцо из копий снова открылось, и Конан поскакал по направлению к реке. Ругающиеся погонщики верблюдов использовали длинные шесты, чтобы перевести своих тяжело нагруженных животных на плот, который плотно удерживали у берега рабы.

Все три плота были уже готовы. Один из них, на котором стояла вендийская знать, находился уже на середине реки, а последний, нагруженный верблюдами и торговцами, шел в десятке метров от него. Две группы людей — купцы на одном плоту и знать со своими странными карнавальными слугами на другом — говорили о том, что переправа началась вскоре после того, как Конан достиг этого берега. Дальний, противоположный берег, был переполнен стоящими в ожидании людьми. Киммериец не видел Канг-Хоу и других. Если он пересек бы реку в обратном направлении, у него были равные шансы, чтобы встретиться с купцом на середине реки.

Конан натянул поводья и подъехал к месту, откуда можно было бы видеть все три места высадки плотов. Пока черный жеребец стоял, обмахивая себя по бокам хвостом, отгоняя мух и переступая копытами, дрожа от нетерпения, чтобы пуститься вскачь, вендиискии всадник подъехал и встал позади него. Шелк и бархат вендийского костюма говорили о том, что всадник был офицером, а украшенные драгоценными камнями ножны сабли и позолота на шлеме с тюрбаном показывали, что он не просто офицер, но и принадлежит к знати. Презрительная усмешка была на его лице, а его глаза были подернуты дымкой жестокости. Всадник не говорил, а только пронзал великана киммерийца взглядом в злом молчании. Он уже пытался избежать стычки сегодня утром, напомнил себе Конан. Он легко мог сделать это снова. В конце концов, офицер только смотрел на него. Просто смотрел. Наклонившись, Конан тоже

внимательно смотрел, но только не на этого дурня офицера, а на медленно приближающиеся плоты. Вендиец был один, поэтому его присутствие не имело ничего общего с отданным слуге кошельком *вазама*. По жизненному опыту Конан знал, что такие люди, как *вазам*, не отвечают на оскорбления подобными мелочами. Но, с другой стороны, это начинало казаться киммерийцу уже не такой уж и мелочью. Челюсти Конана плотно сжались от напряжения.

— Ты — человек, которого зовут Патил, — пролаял неожиданно вендиец. — Ты не из Вендии.

— Я хорошо знаю, кто я и откуда, — зарычал Конан. — А кто *ты* такой и откуда явился?

— Меня зовут князь Кандар, и я начальник телохранителей *вазама* Вендии. А ты следи за своим языком, если не хочешь потерять его!

— Я уже слышал сегодня эту угрозу, — сказал сурово Конан, — но мой язык все еще при мне, и я не отдам его так легко.

— Дерзкие и хвастливые слова, — ядовито усмехнулся Кандар, — для чужеземца с глазами *пан-кора*.

— С глазами... кого?

— *Пан-кор*. Порождение женщины и демона. Даже самые отъявленные невежды среди моих людей верят, что это может принести неудачу, несчастье и дурное предвестье всем, кого такой взгляд коснется. Они уже убили бы тебя, если бы я разрешил им это.

В глазах вендийца мелькнуло какое-то движение. Самые отчаянные невежды из его отряда? Конан улыбнулся и подался вперед.

— Как я уже сказал, я хорошо знаю, кто я и откуда.

Кандар отшатнулся и вздрогнул, а его лошадь сделала шаг влево, но он быстро пришел в себя, и его лицо снова стало каменным. Он дернул за поводья, и его лошадь успокоилась.

— Вендия — опасное место для чужеземца, кто бы он ни был и откуда бы ни появился. Чужеземцу, который не желает опасаться того, что может ждать его за следующим поворотом или что может прийти в темноте ночи, лучше всего поискать защищающую его руку и иметь патрона-защитника в высоких кругах.

— И что требуется для того, чтобы найти такую руку и патрона? — спросил сухо Конан.

— Например, определенного рода информация, отрывки из некоторых разговоров и бесед, переданная этому патрону.

— Я сказал уже Кариму Сингху, — ответил Конан, отчеканивая каждое слово, — и я скажу тебе то же самое, что я не буду шпионить за Канг-Хоу.

— Кхитаец? О чем ты говоришь? *Вазам* интересуется им? Ба! Какое мне дело до купцов?

Конан почувствовал, что замешательство его собеседника перешло к нему, как болезнь.

— Если это не Канг-Хоу, то кто же, во имя Девяти Адов Зандру?..

Внезапно сумасшедшая мысль озарила его как факелом.

— Карим Сингх?

— А-а, — сказал Кандар, став внезапно самой вежливостью. — Это было бы весьма приятно.

— Я могу в это поверить, — пробормотал Конан, хотя в действительности он с трудом верил услышанному. — Я начинаю верить в то, что вы, вендийцы, действительно могли подписать договор с Илдизом в один день и убить верховного адмирала Турана на другой.

Мягкость, которая так внезапно овладела вендийцем, так же внезапно была смыта гримасой ярости, перекосившей его лицо. Он схватил руку Конана железной хваткой воина, владевшего мечом, и его зубы оскалились в рычании волка.

— Кто это говорит? Кто говорит эту ложь?

— Все в Султанапуре, — ответил негромко Конан. — Я полагаю, что все в Туране говорят это. А теперь отпусти мою руку, или, клянусь Кромом, я отрублю твою лапу.

Позади Кандара плот, нагруженный знатью, уже достиг берега, и люди быстро спрыгивали на полосу песка.

Две вендийские женщины, сидящие боком на лошадях, проехали мимо Конана и князя. Одна из них была одета просто и покрыта вуалью, так что можно было видеть только ее глаза.

Другая, чья лошадь шла впереди, была покрыта большим красным шелковым шарфом, закрывающим ее густые волосы цвета крыла ворона. В ее локоны были вплетены жемчужины, а на лице не было вуали.

Цепочки и кулоны с камнями украшали шею, на руках женщина носила золотые браслеты с изумрудами, на пальцах

сверкали кольца с сапфирами и рубинами. Когда Кандар, гневно взглянув на Конана, открыл рот, чтобы что-то сказать, женщина без вуали заговорила низким музыкальным голосом:

— Как приятно увидеть тебя, Кандар. Я думала, что ты избегал меня в последнее время.

Вендийский князь внезапно напрягся. Мгновение его глаза все еще жестко смотрели на Конана, после чего он резко сказал:

— Мы еще поговорим, варвар, ты и я.

Даже не взглянув на женщин, Кандар ударил свою лошадь шпорами и, пустив ее в галоп, поскакал к павильону *вазама*, который уже начали сворачивать слуги.

Конан не слишком огорчился, увидев, что *вазам* ушел, особенно когда вместо него появилось такое чудесное создание, как эта украшенная драгоценностями женщина. Ее кожа была темно-смуглой и гладкой, а темные глубокие глаза были настоящими озерами, в которых любой мужчина мог легко «утонуть», причем с большой охотой. И эти темные влажные глаза изучали киммерийца с таким же интересом, с каким он наблюдал за владелицей этих глаз. Она улыбнулась, и Конан тоже ответил ей улыбкой.

— Кажется, что этот Кандар не очень-то любит вас, — сказал он. — Я думаю, что мне понравится любой, кто не нравится ему.

Смех женщины был таким же мелодичным, как и ее голос.

— Совсем наоборот, я чересчур нравлюсь Кандару. — Она увидела замешательство киммерийца и снова засмеялась. — Он хочет меня для своей *пардханы*. Однажды он зашел так далеко, что даже попытался меня похитить.

— Когда я хочу женщину, я не скачу в сторону, даже не взглянув на нее. — Конан смотрел в эту минуту на нее, так что она могла понять, что он говорил о Кандаре.

— У него есть на это причина. Моя служанка, Алина... — Незнакомка небрежно махнула рукой в сторону покрытой вуалью женщины. — Его сестра.

— Его сестра! — воскликнул Конан, и женщина снова засмеялась. Покрытая вуалью девушка безмолвно зашевелилась в седле.

— А-а, понимаю, ты удивляешься, что сестра знатного человека может быть рабыней. Дело в том, что Алина была замешана в деле со шпионами и ее ожидал топор палача, но я выку-

пила ее жизнь. Затем я дала бал у себя во дворце, на который был приглашен и Кандар. Он собирался снова грубо давить на меня, мужлан! Но когда он увидел Алину среди моих танцовщиц, он почему-то бросился бежать из моего дворца. Видишь, как легко можно избавиться от этого надоедливого дурня?

Конан уставился на это красивое смеющееся лицо, которое казалось таким открытым и даже невинным, и только то, что он услышал и увидел в это утро, заставило его поверить ее словам.

— Вы, вендийцы, похоже, любите наносить удары по своим врагам через других. Неужели ни один из вас никогда не встречается лицом к лицу с противником?

Ее смех напоминал звенящие колокольчики.

— Вы, с Запада, так прямолинейны, Патил. Ах, эти туранцы! Они думают о себе, как о хитрых и искушенных в интриге. Они совсем как дети, простодушны и наивны.

Конан моргнул при этих словах. Простодушны? Туранцы? Затем что-то еще из того, что она сказала, кольнуло его.

— Ты знаешь, как меня зовут.

— Я знаю, что ты тот, кто называет себя Патилом. Человек должен быть абсолютно глухим, чтобы не услышать о таком чужеземце, как ты, который называет себя вендийским именем. Ты меня заинтересовал.

Ее пристальный взгляд был как нежное прикосновение руки, скользнувшей по широким плечам и груди киммерийца, до его бедер и пояса. Очень многие женщины смотрели на него похожим взглядом, и иногда ему это даже нравилось. Но сейчас Конан чувствовал себя, как жеребец в конюшне, выставленный на продажу.

— И ты тоже хочешь, чтобы я шпионил за кем-то? — спросил он резко.

— Как я уже сказала прежде, — улыбнулась она. — Прямолинейный. И непосредственный, как дитя.

— Я не ребенок, женщина, — прорычал он. — И мне не нужны ваши вендийская хитрость и коварство.

— Знаешь ли ты, почему так много придворных царя Бандаркара сопровождали *вазама* в Туран? Это была не только его свита, как, кажется, думали туранцы. Я нашла в Туране хороших жонглеров и акробатов, которые делают свои трюки иначе и которые очень придутся ко двору в моем дворце в Айод-

хье. Я также привезла оттуда танцующего медведя и несколько ученых мужей. Хотя я должна заметить, что философов Турана нельзя сравнить по учености с их коллегами из Кхитая.

— Неужели никто из вас никогда не говорит прямо? Какое отношение имеют все эти вещи ко мне?

— В Вендии, — сказала незнакомка, — наслаждение жизнью — это сама жизнь. Так мы живем. Люди при дворе устраивают охоты и пиры, хотя последние очень часто превращаются просто в пьяные дебоши. Но в любом случае ни то ни другое не подобает для женщины знатного происхождения. Однако на каждое решение, принятое мужчинами верхом на лошади на охоте за дикими кабанами, приходятся два решения, которые он сделал во дворце знатной женщины. Ты можешь спросить, каким образом обычные, даже знатные женщины могут соперничать с принцами и князьями? Мы собираем вокруг себя философов, мыслителей, ученых, самых лучших музыкантов, самых талантливых поэтов, самых лучших актеров и ремесленников, которые делают свои чудесные вещи из металла или камня. Все новые пьесы тут же играют в наших дворцах, и у нас всегда можно найти странных, необычных путешественников из далеких, загадочных стран. Не мешает и то, что наши служанки и рабыни выбраны за их красоту, хотя, в отличие от мужчин, мы требуем аккуратности в обращении с ними.

Лицо Конана мрачнело все больше и больше по мере того, как он слушал ее. Теперь же он взорвался:

— Так вот какой у тебя интерес ко мне? Я должен стать твоим танцующим медведем, пляшущим под дудку?

— Я не думаю, что женщины при дворе царя посчитают тебя танцующим медведем, — сказала она, — хотя ты почти такой же большой, как и медведь. — Внезапно она посмотрела на Конана сквозь свои густые ресницы, и кончик ее языка коснулся полных губ. — Я также не хотела бы видеть тебя на доске, где медведь стоит, — добавила она гортанным голосом.

— Ко... Патил! — донесся крик, и Конан увидел, что Ордо направил свою лошадь вверх по реке.

— Я должен идти, — грубовато сказал киммериец женщине, и она кивнула, как бы говоря, что ее вполне удовлетворяет его манера говорить.

— Приходи ко мне сегодня ночью, о великан, который зовет себя Патилом. Мой интерес к тебе еще не пропал. — Улыб-

ка смахнула жадный взгляд соблазнительницы, и ее лицо снова приняло невинное выражение. — Ты не спросил моего имени. Меня зовут леди Виндра. — И взмахом своего украшенного золотом хлыста она направила лошадь вперед. Женщина с вуалью последовала следом за ней.

Позади Ордо слуги Канг-Хоу уже вели на берег верблюдов торговца, которых сопровождали вооруженные контрабандисты. Одно из горбатых животных уже прыгнуло на берег, в то время как Хасан и Шамил с явным желанием и возбуждением помогали Чин-Коу и Кай-Ше садиться в покрытые навесом каджавах — своеобразные сиденья, укрепленные на боках верблюдов.

— Красивая девка, — заметил Ордо, уставившись вслед удаляющейся Виндре. — И неплохо сидит в седле. — Он осмотрелся вокруг, чтобы проверить, нет ли кого-нибудь поблизости, после чего понизил голос.— Ты нашел эти сундуки?

Конан отрицательно покачал головой.

— Но они здесь, я знаю это. Кто-то пытался сегодня убить меня.

— Это всегда недурной способ, чтобы начать очередной день, — сказал сухо Ордо. — Узнал ли ты вообще хоть что-нибудь?

— Трое людей пытались нанять меня как шпиона, и эта «красивая девка» хотела добавить меня к своей коллекции диких животных.

— Я никогда не понимал твоего юмора, киммериец.

— Я также узнал, что мои глаза являются порождением демона, и помимо этого понял, что Вендия — это сумасшедший дом.

Одноглазый хмыкнул, когда сел в седло лошади.

— Первое я уже говорил тебе сам — и не один раз. Что касается второго, это известно всем. Похоже, что мы наконец начали двигаться.

Отряд и свита *вазама* (Конан вспомнил, как Торио сказал, что они должны быть первыми на марше) растянулись в длинную линию по направлению к юго-востоку, вендийские копейщики, разделенные на две колонны, охраняли свиту слева и справа. Сам Карим Сингх сидел в богато украшенных носилках из золота и черного дерева, которые несли четыре лошади. Арочный навес из блестящего белого шелка раскинулся над

паланкином, и длинные прозрачные полотна из золотистого туранского газа драпировали его края. Кандар скакал позади носилок, низко наклонившись к человеку внутри и что-то горячо говоря ему.

— Если они пытались убить тебя, — продолжал Ордо, — то, по крайней мере, ты расшевелил их.

— Да, пожалуй, ты прав, — сказал Конан. Он оторвал свой взор от носилок *вазама*. — Нам пора присоединиться к Канг-Хоу и остальным, Ордо. Впереди еще много часов похода.

Глава 13

Ночь и глубины земли были необходимы для некоторых вещей. Некоторые вещи просто не могли вытерпеть света дня или открыть себя светлому голубому небу. Как уже часто случалось в последнее время, ночь застала Найпала в комнате с серым куполом, глубоко под дворцом. Сам воздух в этом зале пах колдовством, слабый сладковатый запах тления, смешивавшийся с непонятным, неопределенным, но явным дьявольским запахом *зла*.

Этот запах пропитал все вокруг и мог свести с ума. Но чародей старался не вспоминать о том, что случилось в этом зале в прошлый раз, да и не хотел об этом даже думать. Он взглянул на ожившего воина, который стоял неподвижно, как камень, у блестящей, мерцающей стены, на том самом месте, где Найпал приказал ему встать в прошлую ночь. Глаза колдуна метнулись к рабочему столу, пробежав мельком по ларцу из резной слоновой кости. Там, в хрустальных флаконах, находились пять необходимых ингредиентов для передачи жизни, и у него теперь были все составные части.

В гробнице царя Ориссы под затерянным городом Махарастра стояли двадцать тысяч бессмертных воинов. Неумирающая, всепобеждающая армия. И он может дать жизнь примерно двадцати из них. С диким рычанием Найпал принялся ходить взад и вперед по комнате. Старые колдуны, которые подготовили гробницу Ориссы, в точности выполнили приказ царя, чтобы создать его вечных телохранителей в полном соответствии с его инструкциями. Но эти маги и специалисты по изготовлению мумий боялись, что применение для этих телохранителей может быть ужасным, если кто-нибудь сумеет их разбудить от вечного сна, и они придумали одну хитрость. Только один из пяти необходимых ингредиентов можно было найти в Вендии, да и тот был очень редким. Что касается остальных четырех, то их можно было отыскать в землях, само

существование которых было не больше чем легендой даже спустя две тысячи лет после гибели Ориссы. Эти ингредиенты были также выбраны еще и потому, что их почти не употребляли маги и чародеи.

Найпал конечно же позаботился о том, чтобы их получить, но какой в них будет толк, если катастрофа разразится над головой чародея до того, как он их получит? Силой заставив себя взглянуть на резной ларец, Найпал сжал пальцы в кулаки и гневно посмотрел на сундучок, как если бы он задумал разбить его. Когда прошлой ночью Найпал вышел наконец из зала, это скорее напоминало бегство. Крадясь по коридорам своего собственного дворца, как вор, он говорил себе, что это не оцепенение, не страх вернулись к нему. Он уже давно победил в себе эти чувства. Ему просто нужен был отдых, вот и все. Ему нужно было встряхнуться и отвлечься. Были вызваны музыканты, столы были накрыты вином и едой, но даже самые изысканные блюда в этот день напоминали колдуну по вкусу древесные опилки, а игра цитр и флейт действовала на нервы. Он приказал высечь и поваров, и музыкантов. По двое и по трое приводили к нему женщин из его *пардханы*, и они все вернулись назад, плача от того, что не сумели его развеселить. Пять раз в этот день Найпал приказывал раздавать по десять тысяч *пайсов* бедным от его имени, но даже это не улучшило настроения. И вот он снова пошел в свою колдовскую залу глубоко в подземелье. Здесь он по крайней мере смог встретиться лицом к лицу с опасностью, чем бы она ни была и от кого бы она ни исходила. Его руки коснулись плоского резного ларца из слоновой кости... и он вдруг остановился от звука мелодичного колокольчика. Колдун нервно дернул головой по направлению звука. На самом краю столика из красного дерева, заполненного хрустальными пробирками и ретортами, в которых находились странного цвета жидкости и порошки, причудливо мерцающие зеленоватым и желтым огнем, запечатанные свинцовыми пробками бутыли, покоился плоский сундучок, на этот раз из полированного мореного дуба с серебряным колокольчиком, стоящим на нем. Колокольчик был покрыт причудливой нитью старинных букв и символов. Пока Найпал смотрел на него, колокольчик снова зазвенел.

— Ага, значит, этот дурак все же нашел достаточно мужества, чтобы использовать его, — пробормотал Найпал.

Чародей помедлил несколько секунд, пытаясь разобраться в своих собственных мыслях, но колокольчик зазвонил опять. Тяжело дыша, колдун обошел стол и встал рядом с сундучком из тикового дерева. Колдун откинул крышку сундука и уставился на зеркало, в котором увидел свое отражение и отражение всего того, что было в зале, как в любом другом зеркале. Зеркало было установлено на шарнирах и роликах таким образом, что его можно было передвинуть влево и вправо и установить под любым углом. Найпал передвинул его почти перпендикулярно столу. Затем поставил восемь крошечных костяных подносов на серебряные столбики, которые выходили из отверстий на краю сундучка, — по одному отверстию в каждом углу и один в самом центре. Снова зазвенел колокольчик, и колдун выругался. Зеленоватого цвета пудра, приготовленная заранее и поставленная в коробочке рядом с зеркалом, была аккуратно ссыпана маленькой золотой ложкой на костяные подносы. Наконец Найпал достал из шкатулки маленькую серебряную колотушку, украшенную теми же письменами и орнаментом, что и колокольчик.

— *Са-а-рел*! — нараспев протяжно сказал Найпал.

Голубая искра сорвалась с колотушки и коснулась колокольчика. Колокольчик зазвенел. Одновременно с этим порошок на четырех подносиках вспыхнул голубым пламенем. Но еще до того, как эти крошечные языки огня потухли, чародей снова заговорил:

— *Ка-а-рел*!

И снова колокольчик зазвенел от прикосновения голубого пламени.

— *Ма-а-рел! Ди-ин-дар!*

После третьего звонка колокольчика отражение Найпала в зеркале задрожало и исчезло, превратившись в разноцветную пляску цветных линий и искорок. Медленно, очень медленно какофония красок стала преображаться в образ узколицего человека в тюрбане из дорогого, прошитого золотыми нитями шелка, обернутого несколькими золотыми цепочками и украшенного большими рубинами.

— Найпал? — сказал человек. — Хвала Асуре, что это ты.

— Ваше Сиятельство, — сказал Найпал, подавив в себе раздражение, — чем я могу служить Советнику Слона, который вскоре *будет* Слоном?

Карим Сингх вздрогнул и быстро посмотрел по сторонам, как бы опасаясь, что кто-нибудь может услышать его. Этот человек не мог быть настолько глупым, подумал Найпал, чтобы разрешить кому-нибудь помимо него присутствовать в комнате, когда он смотрит в живое зеркало. Разве он мог такое допустить?

— Ты не должен говорить подобные вещи, — сказал *вазам*. — Один Асура знает, кто может нас подслушать. Возможно, другой колдун. Особенно в это время.

— Ваше Сиятельство, я уже объяснял, что только те, кто находятся рядом с одним из зеркал... — Найпал остановился и глубоко вздохнул. Объяснять этому дураку в сотый раз было абсолютно бесполезным занятием и потерей времени. — Я, Найпал, придворный маг царя Вендии Бандаркара. Я планирую заговор и убийство Бандаркара и плюю на него. Я собираюсь помочь Вашему Сиятельству сесть на трон Вендии. Ваше Сиятельство все понимает. Я бы не говорил всего этого, если бы кто-нибудь мог нас услышать.

Карим Сингх кивнул, соглашаясь, хотя лицо его было смертельно бледным.

— Я полагаю, я должен... доверять тебе, Найпал. В конце концов, ты преданно служишь мне. Я также полагаю, что ты знаешь, что тебе лучше выказать мне больше преданности, чем та, что ты оказывал Бандаркару.

— Я слуга Вашего Сиятельства, — поклонился колдун. Найпал подумал, имел ли этот человек хоть какое-то представление о том, *насколько* его восхождение к власти было делом рук колдуна. — И чем же я могу служить сейчас Вашему Сиятельству?

— Я... точно не знаю, — неуверенно сказал *вазам*. — Впереди может быть катастрофа. Договор разрушен, в этом нет никакого сомнения. Наши головы могут полететь с плеч. Я предупреждаю тебя, Найпал, я не пойду на плаху один.

Найпал раздраженно вздохнул. Договор с Тураном следовал тем простым формулам, которые он вложил в голову Карима Сингха и которые тот считал своими собственными. Чтобы захватить трон Бандаркара после его смерти, чародею необходимы были беспорядки и хаос в стране. Внешние враги, как правило, только объединяли людей. Поэтому все страны, которые могли угрожать Вендии — Туран, Иранистан, города-госу-

дарства Китая, Уттара Кору и Камбия, — все они должны были быть умиротворены, чтобы не чувствовали опасности со стороны Вендии, а также чтобы в свою очередь не угрожали войной. Колдун предпочитал всему прочему метод манипуляции людьми, занимающими ключевые позиции, иногда используя и магию, где это было необходимо. Только Карим Сингх думал, что одними договорами можно чего-то добиться. И все-таки именно путешествие в Туран *держало* его в безопасности от длинных рук Найпала в течение некоторого времени.

— Ваше Сиятельство, если Илдиз не подпишет договор, это не будет иметь большого значения. Конечно же, даже если Бандаркар и будет недоволен этой неудачей и рассердится на Ваше Сиятельство, у него не хватит времени на то, чтобы...

— Слушай меня, идиот! — Глаза Карима Сингха вылезли из орбит в припадке истерии. — Договор был подписан! И в течение всего нескольких часов после этого верховный адмирал Турана был убит! Погиб от рук вендийских асассинов! Кто еще, как не сам Бандаркар, осмелится на такое? И если это действительно его рук дело, то что это за игра, в которую он играет? Действительно ли мы идем против него незамеченными, или же он просто играет с нами, как кошка с мышкой?

Пот выступил на ладонях Найпала, пока он слушал *вазама*, но чародей не вытирал соленых капель, так как его собеседник мог это увидеть. Его глаза скользнули по ларцу из слоновой кости. Армия? Возможно, под командой колдуна? Но каким образом она могла быть собрана без его ведома?

— Бандаркар не может ничего знать, — сказал он наконец. — Уверено ли Ваше Сиятельство во всех фактах? Слухи и сплетни иногда бывают искажены и раздуты.

— Кандар казался убежденным во всем. И этот Патил, который все ему рассказал, не был похож на человека, искушенного в интриге. Да что там говорить, он простодушен и наивен, как новорожденный младенец.

— Опиши мне внешность... этого Патила, — сказал мягко колдун.

Карим Сингх нахмурился.

— Варвар. Высокий варвар с бледной кожей и глазами *панкора*. Куда ты исчез? Эй, Найпал!

Прежде чем *вазам* успел описать наружность Конана, колдун подскочил к столу и схватил резной ларец из слоновой кос-

ти. Он откинул крышку, отмахнул рукой шелковые платки и уставился в зеркало, которое показывало ему ту же картину, что и прежней ночью, — огромное море огней в темноте. Это была не армия, как чародею тогда показалось. Просто большой караван. Внезапно кусочки мозаики сошлись вместе, хотя на каждый вопрос еще предстояло найти надлежащий ответ. Найпал вдруг сообразил, что Карим Сингх проклинает его исчезновение и ругается всеми святыми.

— Найпал! Чтоб тебя испепелила Катар! Где ты? Вернись немедленно или клянусь Асурой!..

Колдун снова подошел близко к зеркалу, в котором виднелось обезумевшее от волнения и покрасневшее лицо Карима Сингха.

— Лга, ты вернулся как раз, чтобы спасти свою дурную голову! Как ты посмел уйти, даже не спросив у меня разрешения? Я не потерплю такого!..

— Ваша Светлость, простите меня. Ваша Светлость должны выслушать меня. Этот человек, который зовет себя Патилом, этот гигант варвар с глазами *пан-кора*...

Найпал невольно содрогнулся при этих словах — возможно, это было дурным предзнаменованием или даже хуже?

— Он должен умереть и все, кто находится вместе с ним. Сегодня же ночью, Ваша Светлость.

— Почему? — требовательно спросил Карим Сингх.

— Его описание, — сочинил на ходу колдун. — Различные откровения и видения, которые снизошли на меня, дали мне знать, что человек, соответствующий этому описанию, может разрушить все наши планы. И еще одна угроза для нас состоит в том, что в том же самом караване, где находится и Ваша Светлость, есть люди, которые могут нам помешать. Я узнал об этом только что. В караване есть группа вендийских купцов. Их глава, человек, которого зовут Сах-Ба, хотя он может использовать и другое имя. У них есть вьючные животные вместо верблюдов с тюками, похожими на те, что перевозят шелк.

— Я полагаю, что и эти люди также должны умереть, — сказал Карим Сингх, и Найпал кивнул:

— Ваша Светлость понимает все очень хорошо.

Колдун отдал приказы, которые явно не были выполнены до конца. Ему не повиновались. Найпал терпеть не мог неповиновения, и виновные должны быть сурово наказаны.

— Я снова спрашиваю, почему?

— Искусство пророчества и божественного откровения непонятно во всех деталях, Ваша Светлость. Все, что я могу сказать определенно и наверняка сейчас, это то, что каждый день, каждый час жизни этих людей создают угрозу восхождения Вашей Светлости на трон. — Колдун выдержал паузу, осторожно подбирая слова. — Есть еще кое-что, что я должен вам сказать, Ваша Светлость. Внутри тех тюков, которые похожи на тюки шелка, которые везут с собой вендийские торговцы, находятся сундуки, запечатанные свинцовыми печатями. Эти сундуки должны быть доставлены ко мне с нетронутыми печатями. И я должен добавить, что последнее более важно для того, чтобы Ваша Светлость взошла на трон, чем все остальное, чем все, что мы пока сделали и предприняли. Сундуки должны быть доставлены ко мне с нетронутыми печатями.

— Мое восхождение на трон, — сказал бесцветно Карим Сингх, — зависит от сундуков, которые должны быть доставлены тебе? От сундуков, которые были в том же караване, где нахожусь и я? От сундуков, о существовании которых ты ничего до этого не знал?

— Клянусь Асурой, это правда, — ответил Найпал. — Пусть будет проклята моя душа, если это неправда.

Ему было легко произнести слова этой клятвы — его душа была проклята уже давно.

— Ну что ж, хорошо. Пусть будет так. Все эти люди будут мертвы еще до восхода солнца. И сундуки будут также доставлены к тебе. Мир тебе.

Серебряный колокольчик зазвенел опять, и, отразившись таким же звоном, зазвенел его близнец далеко отсюда, в шатре *вазама*. Лицо в зеркале дрогнуло и исчезло, а для Карима Сингха его зеркало также стало обычным зеркалом.

— И мир тебе, самый лучший из всех глупцов, — пробормотал колдун.

Его ладони все еще были мокры от пота, но по крайней мере смерть даст ему все ответы, которые он искал. Улыбаясь, он вытер вспотевшие ладони о свой шелковый халат.

Глава 14

Полная темнота была разбита на большом расстоянии сотнями костров погруженного в ночь лагеря, которые были разбиты среди более чем тысячи палаток и шатров. Многие из этих палаток мерцали желтым огнем от ламп, зажженных внутри, которые отбрасывали дрожащие загадочные тени на стены из шелка или хлопковой ткани, делая их почти невидимыми. Звон цитар и лютни наполнял воздух, и над лагерем разносился аромат шафрана и корицы от еды, которую недавно поели их обитатели за ужином.

Конан приблизился к шатру Виндры с неуверенностью, которая была непривычна для него. В течение всего дня похода он избегал ее, и если это заключалось в основном в том, чтобы находиться с верблюдами Канг-Хоу, вместо того чтобы встретиться с ней, то это было далеко не так легко сделать, как это могло показаться.

Вполне возможно, что она хотела его только как забавную, странную игрушку для своих знатных друзей в Айодхье, этого чудаковатого варвара с глазами демона, на которого можно полюбоваться как на странную заморскую диковину или дикого зверя, но с другой стороны, женщина не смотрела кокетливо на диковину сквозь свои густые длинные ресницы. В любом случае, она была красива, а он был молод, и поэтому он пришел, как она и просила его.

Наклонившись над входом-пологом в шатер, он столкнулся с Алиной, которая внимательно и остро посмотрела на него. Он едва мог различить ее глаза сквозь вуаль.

— Твоя госпожа... — начал было он и оборвал свою фразу, когда гневная вспышка мелькнула в глазах девушки. Но она исчезла так же быстро, как и появилась, и девушка низко поклонилась ему, уступив дорогу. Шатер Виндры был, конечно, меньше по размерам шатра Карима Сингха, но он точно так же был разделен на перегородки-комнаты шелковыми тонкими зана-

весками. В центральной «комнате», которая была устлана тончайшей работы вендийскими коврами и освещена золотыми лампами, стояла, ожидая его, Виндра.

— Ты пришел, Патил. Я очень этому рада.

Конан стиснул зубы, чтобы не открыть рот от изумления. Золото, рубины и изумруды все еще украшали ее прическу, но те одежды, которые она носила до этого, сменились прозрачной материей из тончайшего газа. Она была покрыта тканью от шеи до щиколотки, и в то же время ее поза у лампы отбрасывала завораживающие, чарующие тени ее гибкого красивого тела, а сильный запах жасмина, исходивший от ее умащенной кожи, казалось, был самим символом безнравственности и коварства.

— Если бы это был Туран, — сказал он наконец, обретя дар речи, — или Замора, или Немедия, и в комнате были бы две женщины, одетые, как ты и твоя служанка, Алина была бы на свободе, а ты была бы рабыней. Для мужчины, разумеется, к его вящему удовольствию.

Виндра улыбнулась и прикоснулась пальцем к губам.

— Как глупо со стороны этих женщин давать возможность своим рабыням затмевать их красоту. Но если ты хочешь увидеть Алину, я прикажу ей танцевать для тебя. Боюсь, что, кроме нее, у меня нет больше других девушек-танцовщиц. В отличие от Карима Сингха и других мужчин, я не считаю их такой уж необходимостью.

— Я с гораздо большим удовольствием увидел бы, как ты пляшешь для меня, — сказал он ей, и она тихо засмеялась.

— Вот этого не увидит ни один мужчина.

И в то же время она обвилась руками в воздухе и подняла их, как настоящая танцовщица, и одно это заставило пересохнуть горло Конана. Ткань почти не скрывала ее округлые бедра и острую грудь.

— Я хотел бы хлебнуть немного вина, — сказал он хрипло.

— Разумеется. Алина, принеси вина и сладостей. Но сядь, Патил. Отдохни.

Она легонько толкнула его на подушки из шелка и бархата. Он так и не понял, каким образом ей это удалось, так как ей пришлось поднять свои маленькие руки, чтобы положить их на его плечи, но он подозревал, что ее жасминовые духи имели к этому какое-то отношение.

Он попытался обнять ее обеими руками, после того как она так соблазнительно наклонилась к нему, но она гибко ускользнула от него, как угорь, и откинулась на подушки в двух шагах от него.

Он наполовину поднялся на локтях и принял бокал душистого вина от Алины. Бокал был таким же тяжелым золотым бокалом, как и тот, какой предложил ему *вазал*, но вместо аметистов он был украшен полированным кораллом.

— Вендия, похоже, очень богатая страна, — сказал он после того, как выпил вино, — хотя я еще не достиг ее, чтобы все это увидеть своими глазами.

— Это правда, — сказала Виндра. — А что еще тебе известно о Вендии, до того как ты попадешь туда?

— Вендийцы делают ковры, — сказал он, — и они опрыскивают духами свое вино и своих женщин.

— А что еще? — захихикала она.

— Женщины из *пардхана* считают большим позором обнажить свои лица, хотя обнажать все остальное считается в порядке вещей.

Эти слова вызвали откровенный громкий смех, хотя легкая краска выступила на лице Алины сквозь ее вуаль. Конану нравился смех Виндры, хотя он уже стал уставать от шуток и игры.

— Если не считать всего этого, Вендия, похоже, знаменита еще своими шпионами и асассианами-убийцами.

Обе женщины широко раскрыли в ужасе рты, и лицо Виндры побелело.

— Мой отец был убит *катари*. Как и отец Алины.

— *Катари*?

— Это асассины, которыми так знаменита Вендия. Ты хочешь сказать, что даже не знаешь их имени. — Виндра покачала головой и содрогнулась от страха. — Они убивают людей, иногда за золото, иногда просто ради каприза, но всегда смерть жертвы посвящена жестокой, страшной богине Катар.

— Я где-то слышал это имя, — сказал он. — Где-то слышал...

Виндра презрительно фыркнула.

— Несомненно, что это имя сорвалось с губ мужчины. Это излюбленное проклятие у вендийских мужчин. Ни одна женщина не могла быть настолько глупой, чтобы назвать имя богини, посвященной вечной смерти и крови.

Она явно дрожала при этих словах, и он мог чувствовать,

как она замыкается в себе от страха. Он быстро сменил разговор, переключившись на тему, куда более приятную для женских ушей. «Один из ее поэтов, несомненно, тут же сочинил бы подобающие к месту стихи», — подумал с горечью он, но вся поэзия, которую он знал, была переложена на слова песни, и большинство из них были такими, от которых могла покраснеть и портовая шлюха.

— Человек из твоей страны сказал сегодня что-то очень необычное, — сказал он медленно и произнес слова, которые не могли бы ее расстроить.

— Он сказал, что мои глаза выдают во мне порождение демона, *пан-кора*, как он его называл. Ты явно не веришь этому, иначе ты с криками ужаса бросилась бы бежать от меня, вместо того чтобы пригласить меня выпить глоток вина.

— Я могла бы в это поверить, — сказала она, — если бы не говорила со знающими людьми, которые сказали мне о далеких землях, где все мужчины — сплошь высокие силачи с глазами, которые горят, как сапфиры. И кроме того, я очень редко бегу от чего-либо с криком страха. — Легкая улыбка вернулась на лицо женщины, и ее губы слегка дрогнули. — Конечно, если ты действительно утверждаешь, что являешься *пан-кором*, я никогда не сомневалась бы и в человеке, который зовет себя Патилом.

Конан слегка покраснел. Похоже, что каждый в караване знает, что это имя ему не принадлежит, но он не мог заставить себя сказать, что это не его имя и что он сказал неправду.

— Я прежде уже сражался с демонами, — сказал он, — но я не из их породы.

— Ты сражался с демонами? — воскликнула Виндра. — Правда? Я видела демонов однажды, около двух десятков, но я не могу даже себе представить, что кто-то действительно может сразиться с ними, что бы ни говорили легенды.

— Ты видела демонов?

Несмотря на то, что он встречал этих адских созданий и прежде, Конан также знал, что демоны, да и колдуны, если уж на то пошло, встречаются в мире не так уж часто, как полагает большинство людей. Просто киммерийцу очень «везло» с ними, хотя Ордо настаивал на том, что на Конане лежит какое-то проклятие.

— Целая свора в одном месте?

Темные глаза Виндры сверкнули яростным огнем.

— Ты не веришь мне? Там было много свидетелей, не только одна я. Пять лет назад во дворце царя Бандаркара тот, кто тогда был придворным магом, был унесен на глазах у всех придворных демонами. Его звали Заил Бал. Демонов звали *раджайе*, они выпивают жизнь, как вино из тел своих жертв. Теперь ты видишь, что я знаю, о чем говорю.

— Разве я сказал, что не поверил тебе? — сказал Конан. Он мог поверить в то, что двадцать демонов могут появиться одновременно в одном месте. Гораздо меньше он мог поверить в то, что кто-то мог спастись в такой ситуации. Если бы Конан увидел это своими собственными глазами, наверное, его удача все-таки осталась бы при нем.

Легкая морщинка пролегла между бровями Виндры, как если бы женщина сомневалась в искренности киммерийца.

— Если ты действительно сражался с демонами... Ты видишь, что я не сомневаюсь в правдивости *твоих* слов... тогда ты безусловно просто обязан остановиться в моем дворце в Айодхье. Да что я говорю, даже сам Найпал захочет встретиться с человеком, который сражался с демонами. Какое это будет торжество!

Это было очень приятно слушать, подумал Конан уныло, если бы она не упомянула имя другого мужчины.

— Ты хочешь, чтобы там был я или этот Найпал?

— Разумеется, я хочу, чтобы вы оба были там. Подумай о том, какое это будет развлечение и изумление для всех присутствующих. Ты, великан воин, который явно прибыл из дальних и загадочных стран и сражался там с демонами. И он, придворный маг и чародей Вендии, человек, который...

— Колдун, — тяжело выдохнул Конан. Ордо решил бы, что он сделал это нарочно, иначе он пробормотал бы ругательство.

— Да, чародей, — сказала Виндра. — Это самый загадочный, самый таинственный человек во всей Вендии. Не больше, чем горсть людей, за исключением царя Бандаркара (и, пожалуй, Карима Сингха), знают его в лицо. Женщины желали побывать в его личных покоях только для того, чтобы потом сказать, что видели его лицо.

— Я никогда не встречал этого человека, — сказал Конан, — да и не стремлюсь к этому.

Ее смех был глухим и развратным.

— О, он довольно часто встречается с женщинами, с теми, которые достаточно красивы. Они исчезают на несколько дней и возвращаются совершенно утомленные, рассказывая о невероятной силе страсти, но когда их спрашивали описать его внешность, это описание делалось туманным. Его лицо, по их словам, вполне могло подходить любому красивому мужчине. И все же любовный экстаз и наслаждение, испытываемое ими, было столь велико, что даже я сама думала о...

Конан пробормотал ругательство и отшвырнул в сторону золотой бокал. Виндра взвизгнула, когда киммериец вскочил, схватив ее лицо ладонями.

— Я совсем не хочу, чтобы тебя привлекал какой-то там колдун, — горячо сказал Конан. — Я не потому хочу тебя, что ты из страны, которая находится далеко от моей родины, или потому что ты кажешься странной для людей моей страны. Я хочу тебя, потому что ты прекрасная женщина и ты заставляешь мою кровь кипеть, как расплавленная медь.

В ее глазах было одобрение и приглашение не останавливаться на словах, и когда Конан поцеловал ее, она спрятала свои руки в волосах киммерийца, как будто это она держала его, а не наоборот.

Когда наконец Виндра прижалась со вздохом к груди Конана, в ее больших темных глазах сверкала хитрая искорка, маленькие белые зубы прикусили полную нижнюю губу.

— Ты собираешься взять меня сейчас? — спросила она мягко и добавила, когда Конан что-то зарычал в ответ: — Сейчас, когда Алина стоит рядом и наблюдает?

Конан не отвел глаз от ее лица.

— Она все еще здесь?

— Алина предана мне по-своему и очень редко оставляет меня.

— И ты не собираешься отослать ее на время...

Эта фраза была не просто вопросом.

— Неужели ты хочешь отделить меня от моей преданной служанки? — спросила Конана Виндра с широкой улыбкой.

Прочистив горло, Конан вскочил на ноги. Алина стояла рядом, и в ее светлых глазах, сверкавших под вуалью, читалось удивление, смешанное с весельем.

— Я не имел бы ничего против того, чтобы связать вас спина к спине веревками в седле, как тюки с шелком. Но вместо

этого я лучше поищу хорошую, честную шлюху в этом караване, так как ваши игры уже начинают мне надоедать.

Конан быстро вышел из шатра, думая, что обрезал все связующие нити раз и навсегда, но веселые слова проводили киммерийца прежде, чем он опустил за собой полог шатра.

— Ты очень грубый и неистовый человек, о тот, кто называет себя Патилом. Ты будешь хорошей забавой и развлечением для моих друзей.

Глава 15

Рядом с лагерем было немало сводников. Конану было хорошо известно, что в таких больших караванах они всегда должны быть. Все они делились на два типа. У Карима Сингха конечно же были с собой рабыни и наложницы из гарема, так же, как и у других людей вендийской знати и даже у многих богатых купцов, но что касается остальных (стражников, солдат, погонщиков верблюдов и мулов), то от Хоарезма до Секундерама был долгий путь — и без женщин. И вот тут на помощь и приходили сводники. Они установили свои столики, сделанные из досок, поставленных на бочки у своих палаток, сидели и потягивали вино, пока солдаты и конюхи ждали своей очереди войти в палатки. Они давали бесплатно дешевое вино, которое подносили своим клиентам столь желанные ими женщины, худые и полные проститутки, низкие и высокие девицы, совсем еще юные и уже не первой свежести. Мягкая, доступная плоть. И если их позолоченные пояса висели низко на бедрах, а полосы из толстого шелка покрывали тело лучше, чем тот газ, что носили девушки-танцовщицы из *пардханы*, то вся эта одежда могла быть сброшена за одну серебряную монету, так женщины были товаром, который продавался здесь. Конан понял, что не женщины ему сейчас нужны.

Он сидел на пустой бочке перед палаткой второго купца-сводника, потягивая из глиняной кружки дешевое разбавленное вино, с девушкой, у которой была очень тонкая талия и которая сидела на его колене. Она шутливо укусила маленькими белыми зубами его за шею. Он даже не делал вид, что она его не интересует, но она была развлечением, и довольно приятным, от событий сегодняшнего дня. Грудастая девка, сидевшая у первой палатки, была точно такой же. Хотя ему не стукнуло и двадцати лун, он давно уже научился сдерживать свой гнев, когда это было необходимо, но в этот день он сдержал его, когда разговаривал с Каримом Сингхом, и выплеснул его на Кан-

дара. А теперь еще и Виндра. В настоящую минуту он хотел выместить на ком-то свою ярость, разрядить ее, ударить кого-то... Он хотел, чтобы один из мужчин, ищущих женщину; бросил ему вызов, пытаясь отобрать девку у него на коленях, или даже двое, или четверо. Ударить кого-то кулаком, даже выбить искры сталью, скрестив мечи с противником, — все это могло охладить его гнев, который бурлил у него в груди, как змея, у которой яд капал с острых клыков. Худенькая девушка довольно прижалась к нему, когда он сжал ее в своих объятиях, и уставилась сердито на него, когда он хлопнул ее по заду и посадил на винную бочку.

— Я не вендиец, — сказал он ей, бросив несколько монет в ее ладонь. — Я не люблю выплескивать свой гнев на других, я делаю это только с теми, кто этого заслужил.

Ее взгляд выразил полное непонимание, но Конан говорил эти слова не для нее, а для самого себя. Веселый смех из палаток проституток провожал его, пока он шел назад в лагерь.

Многие из палаток купцов уже были темными, и тишина окружала даже ряды животных позади каждой из них, хотя легкие звуки цитары, флейты и тамбурина все еще звучали из шатров знати. Спать, подумал он. Спать, а потом — снова в поход, снова спать и снова в поход. Он должен найти противоядие в Вендии и вопросы, ответы на которые он хотел найти, но сейчас он хотел заснуть и избавиться от гнева. Костер уже почти совсем погас перед одинокой палаткой, в которой жили Канг-Хоу и его племянницы. Кхитайский слуга сидел у костра и ворошил угли суковатой палкой. Он был единственным, кто еще двигался среди закутанных в одеяла спящих контрабандистов, лежащих у палатки купца. Но Конан резко остановился, не дойдя до костра, услышав странные звуки, которые сказали ему, что что-то тут было не так. Он напряг свой слух больше, чем обычно, а его глаза пробежали по теням, которые сгрудились у других палаток. Звуки окружали его, и он внимательно слушал. Шорох кожи о кожу, мягкий звон металла и легкий стук сандалий и сапог о землю. Тени передвигались там, где они должны были быть неподвижными.

— Ордо! — заорал Конан, взмахнув своим могучим мечом. — Поднимайтесь, или вы все подохнете в собственных постелях!

Прежде чем предупреждение успело сорваться с его губ,

контрабандисты уже вскакивали на ноги с саблями в руках. И вендийцы тоже, на конях и с оружием в руках, обрушились на них. Пробиться к друзьям было чистейшим сумасшествием, и киммериец знал это. Они сражались не для того, чтобы удержать позицию, а чтобы спастись, и каждый человек будет пытаться пробиться сквозь кольца звенящей стали. Но у него было не слишком много времени для размышлений. Он уже убил одного из врагов и скрестил меч с другим к тому времени, когда он крикнул свое предупреждение.

Выдернув меч из тела второго трупа, Конан почти отсек голову еще одному вендийцу, одновременно пытаясь найти лазейку для спасения и не обращая внимания на дикие крики и лязг железа вокруг него, по мере того как пробивался от палатки кхитайца. Украшенный шлемом и тюрбаном всадник появился перед ним. Его копье было потеряно или сломано, но его тулвар был высоко занесен под головой Конана. Жестокая, страшная усмешка вендийца превратилась в выражение шока, когда Конан взвился в воздух, напав на врага. Будучи не в состоянии использовать свою саблю на таком близком расстоянии, всадник ударил Конана рукоятью своего оружия, пока его лошадь плясала кругами. Великан киммериец также не мог использовать свой меч и просто обхватил рукой вендийца, но другая его рука выхватила кинжал из ножен, и он легко вошел в щель между металлическими пластинами кольчуги. Всадник застонал и свалился с седла на землю. Конан вскочил на его место, схватив руками поводья и ударив сапогами в бока коня. Лошадь, привычная к кавалерийским упражнениям, пошла быстрым галопом, и Конан, низко пригнувшись в седле, направил ее в щель между палатками. Купцы и их слуги, поднятые шумом и суматохой, отскакивали с криками в сторону от быстро скачущего всадника.

Внезапно перед ним очутился человек, который не отскочил в сторону. Это был один из караванных стражников, который опустился на одно колено и уперся в землю древком своего копья, направив его на Конана. Лошадь дико заржала от боли, когда длинное лезвие вонзилось ей в грудь, и Конан перелетел через голову падающей на землю лошади. Он почти потерял сознание и с трудом дышал от сильного падения, но все же пытался встать. Стражник поспешил к нему, думая, что без труда убьет человека, стоящего на коленях. Он высоко занес

над его головой тулвар. С тем последним, отчаянным усилием, которое еще оставалось от его силы, Конан вонзил меч в грудь врага. Скорость атакующего вендийца была так велика, что меч киммерийца вошел ему в грудь по рукоять, и он повалил Конана на землю. Все еще еле переводя дыхание, Конан отбросил умирающего в сторону, освободил лезвие и юркнул в темноту. Чуть не упав на землю, он откинулся спиной на одну из палаток. Разбуженные купцы кричали возбужденно со всех сторон:

— Что случилось?

— Нас атаковали?

— Бандиты!

— О боги, мои товары!

Вендийские солдаты отталкивали в сторону купцов, колотя их древками копий.

— Возвращайтесь в свои палатки! — кричали они. — Мы ищем шпионов! Возвращайтесь в свои палатки, и вы не пострадаете! Все, кто будет снаружи палаток, будет арестован!

Лазутчики, подумал Конан. Он все-таки получил ту схватку, о которой мечтал, но часть прежней ярости еще сохранялась в нем, и эта частица гнева становилась все сильнее и сильнее. Несколько секунд назад все, что он хотел, — это спастись из лагеря, и больше он ни о чем не мечтал. Но сейчас он подумал, что неплохо бы навестить человека, который считал всех чужеземцев шпионами.

Как охотящийся леопард, высокий киммериец мягко, по-кошачьи передвигался от тени к тени, сливаясь с темнотой. Он легко избегал любопытных глаз, но их становилось все меньше и меньше. Никто не двигался в промежутках между палатками, за исключением солдат, о приближении которых говорили лязг доспехов и звон оружия, а также проклятия и ругательства, что им нужно искать каких-то дурацких лазутчиков, когда все нормальные люди спят. Конан бесшумно передвигался в более густые, глубокие тени при появлении недалеко от него вендийцев, наблюдая с мрачной усмешкой, как они проходят мимо него, иногда всего лишь на расстоянии вытянутой руки, и все же он оставался невидимым.

Шатер Карима Сингха был освещен изнутри светом, и два больших костра пылали перед навесом-входом в его шатер. Пламя костров делало легкий свет, струившийся сквозь шелк

сзади шатра, почти таким же темным, как и окружающая его темнота. Около двадцати вендийских всадников стояли неподвижно, как статуи, на лошадях вокруг шатра. Он уже собирался распороть мягкую ткань своим кинжалом, когда голоса внутри остановили его.

— Оставьте нас одних, — приказал Карим Сингх.

Конан распорол только маленькую щель, раздвинув ее своими пальцами. Последний вендийский солдат низко поклонился и вышел из шатра. Карим Сингх стоял с кавалерийской саблей в руках, а перед ним на коленях скорчился вендиец. Его лодыжки и руки были туго стянуты веревками. Он был одет в одежду купца, хотя она явно не подходила к его жестокому, суровому лицу и длинному шраму, пересекавшему его нос и щеку.

— Ты тот, кого зовут Сах-Ба? — мягко спросил *вазам*.

— Меня зовут Амаур, Ваша Светлость, и я честный торговец, — сказал стоящий на коленях человек. — И даже у вас нет права конфисковывать мои товары без всякой причины.

Грубый, жесткий голос заставил Конана напрячься от недавнего воспоминания. Всадник в дюнах. Он, пожалуй, послушает немного, прежде чем убьет Карима Сингха. *Вазам* прижал острие сабли к горлу вендийца.

— Тебя зовут Сах-Ба?

— Меня зовут Амаур, Ваша Светлость. Я не знаю никого, кого зовут...

Стоящий на коленях человек широко раскрыл рот, когда острие сабли продвинулось чуть дальше, оцарапав кожу. Тонкая струйка крови потекла по его шее.

— Честный торговец? — тихо рассмеялся Карим Сингх и двинул лезвие сабли еще дальше. Человек, сидящий на земле, откинулся назад, но острие сабли следовало за ним. — Внутри тюков с шелком, которые находятся на твоих вьючных мулах, я нашел сундучки, запечатанные свинцовыми печатями. Ты по меньшей мере контрабандист. Кому предназначены эти сундуки?

С диким воплем пленник опрокинулся на спину. Он уставился на приближающееся лезвие расширенными глазами. Лезвие все еще касалось его шеи, и ему некуда было больше отступать. Жесткое выражение его лица сменилось маской ужаса.

— Я... я не могу этого сказать, Ваша Светлость. Клянусь Асурой, я не могу!

— Ты скажешь это или очень скоро увидишь своими глазами Асуру. Или, что более вероятно, Катар. — Голос *вазама* стал заговорщическим. — Я знаю это имя, Амаур. Но я должен услышать его от тебя, если ты хочешь жить. Говори же, Амаур, и ты будешь жить.

— Ваша Светлость, он... он убьет меня. Или даже хуже, чем просто убьет.

— Убью тебя я, Амаур. Эта сабля стоит у твоего горла в эту минуту, а он — далеко отсюда. Говори!

— Н... Найпал! — выдохнул вендиец. — Найпал, Ваша Светлость!

— Отлично, — сказал мягко Карим Сингх. Но он не отвел лезвия сабли. — Видишь, как это было легко сделать? Так. Но зачем? Скажи мне, зачем ему нужны эти сундуки?

— Я не могу этого сказать, Ваша Светлость! — Слезы текли по щекам Амаура, он дрожал от рыданий. — Клянусь Асурой, клянусь Катар, я бы сказал вам, если бы мог, но я ничего не знаю! Мы должны были встретить корабль, убить всех на борту и доставить эти сундуки в Айодхью. Возможно, Сах-Ба знал больше, но он мертв. Клянусь всеми богами, Ваша Светлость! Я говорю правду, клянусь вам!

— Я верю тебе, — вздохнул Карим Сингх. — Какая жалость.

И он налег на саблю всем весом тела. Попытка Амаура вскрикнуть превратилась в булькающее клокотание, когда сталь впилась ему в горло. Карим Сингх уставился на него, как будто пораженный видом крови, пузырящейся у Амаура во рту, и конвульсиями, которые сотрясали его тело. Внезапно *вазам* выпустил саблю из рук. Она осталась в почти вертикальном положении, с лезвием, которое пронзило насквозь горло Амаура и вонзилось в землю, дрожа от агонии несчастного вендийца.

— Стража! — позвал Карим Сингх, и Конан опустил свой кинжал, которым он уже собирался распороть всю стену шатра. — Стража!

Около десятка солдат быстро вбежали в шатер с обнаженными саблями. Уставившись на жуткую сцену и стоящего перед ними повелителя, они торопливо вложили оружие в ножны.

— Другие лазутчики, — сказал *вазам*. — В особенности ве-

ликан с бледной кожей. Его взяли в плен? Его нельзя ни с кем спутать из-за его роста и больших голубых глаз.

— Нет, Ваша Светлость, — сказал с большим уважением в голосе один солдат. — Четверо из этого отряда мертвы, но не великан. Мы рыщем по лагерю в поисках остальных.

— Значит, он все еще там, — сказал Карим Сингх, как бы разговаривая с самим собой. — Он, кажется, довольно прямой человек. Прирожденный воин. Он теперь будет искать меня.

Он вздрогнул и пронзил гневным взором солдат, как бы рассердившись на то, что они услышали его.

— Его надо найти во что бы то ни стало! Тысяча золотых тому, кто доставит его, живым или мертвым! Вы все и десять остальных останетесь здесь, охраняя меня, пока варвар не будет мертв или не закован в цепи. А тот, кто не умрет, пытаясь остановить варвара, который попытается пробиться ко мне, будет молить о быстрой смерти. А теперь унесите отсюда эту падаль, — добавил он, кивнув головой в направлении трупа Амаура. После этого *вазам* быстро вышел из комнаты, окруженный солдатами, а Конан тяжело опустился на землю. Сражаться против двадцати солдат... Он даже не сумеет пробиться к Кариму Сингху прежде, чем его зарубят солдаты. Конан знал людей, которые бросались в объятия смерти мужественно, но бессмысленно; он не принадлежал к их числу. Он давно уже встречался со смертью и не раз чувствовал ее ледяное дыхание рядом с собой. Конан встречался с ней задолго до того, как узнал, что в крови находится яд Патила. Он не боялся смерти, но и не рвался к ней, и когда он встречался лицом к лицу с ней, эта встреча должна была иметь какой-то смысл для него. Кроме того, теперь Конан знал одно имя — Найпал, человек, который начал все это дело. Это был еще один человек, который должен был умереть, так же, как и Карим Сингх. Конан бесшумно растворился в темноте ночи.

Глава 16

Конь и бурдюк с водой — вот что неплохо иметь в эту минуту, подумал Конан. В этой земле человек без лошади и без воды был умирающим или уже мертвым. В караване было больше верблюдов, чем лошадей, и многие лошади годились больше для парада, чем для человека, который собирался путешествовать быстро и далеко. Более того, слух о вознаграждении за его голову распространился очень быстро, так как солдаты очень оживленно искали Конана. Дважды он нашел подходящих коней и вынужден был оставить их, когда рядом появлялись патрули солдат в шлемах и тюрбанах.

Наконец он очутился в той части лагеря, где размещалась вендийская знать. Большинство шатров и палаток были неосвещенными, и тишина в лагере была такой же, как и в лагере купцов. Конан подумал о том, что солдаты, возможно, были куда более вежливы и осторожны здесь, чем в отношении с купцами. Что-то двигалось в темноте; он заметил, как тень переместилась влево, и он замер на месте. От темной массы до него донеслось громкое сопенье и звон цепи. Конан подошел поближе, внимательно вглядываясь в темноту, и вдруг едва подавил смех. Это был танцующий медведь Виндры. Внезапно он импульсивно опустил свой кинжал. Медведь, сидевший на всех четырех лапах, наблюдал за ним, пока он осторожно приближался к зверю. Он не двинулся с места, когда увидел кожаный ошейник у него на шее.

— Это суровая земля, — прошептал он, — и в ней есть множество способов встретить смерть.

Он подумал, что наверное выглядит очень глупым, разговаривая с животным, но в этом также была необходимость.

— Ты можешь встретить охотников или более сильных медведей. Если ты не убежишь на достаточно большое расстояние, они снова прикуют тебя к цепи и заставят тебя танце-

вать для Виндры. Выбор остается за тобой — умереть свободным или танцевать для твоей госпожи.

Медведь уставился на него, когда его ошейник растянулся, и он удержал наготове свой кинжал. Только потому, что он еще не атаковал его, не означает, что он этого не сделает вообще, а косматое чудовище было чуть ли не вполовину больше размерами, чем он сам. Очень медленно медведь поднялся и побрел в темноту.

— Лучше всего умереть на свободе, — усмехнулся ему вслед Конан.

— А я все-таки говорю тебе, что что-то двигалось в темноте.

Конан замер, прокляв свои импульсивные желания.

— Возьми десять человек, и посмотрим, что там такое.

Одним быстрым движением киммериец распорол материю шатра и юркнул внутрь, прислушиваясь. Осторожные шаги солдат прозвучали за его спиной, пока они огибали палатку с двух сторон. Внутри помещения было почти так же темно, как и снаружи, хотя цепкие глаза Конана, уже привычные к темноте, могли различить тени-формы людей и коней, падающие на ковры, устилавшие пол. Шаги замерли на другой стороне тонкой шелковой стенки, и голоса что-то невнятно забормотали. Одна из теней сдвинулась в сторону. Проклятье, подумал Конан. Надеясь на то, что это не был еще один медведь, он бросился к ней сам. Вздох, который раздался, когда он опустился на темную фигуру, совсем не был похож на сопенье медведя. Мягкое, гибкое тело извивалось под тонким полотняным одеялом, которое Конан сжал обеими руками, и его рука отчаянно зажала рот как раз в тот момент, когда из него был готов вырваться крик. Приблизив к темной фигуре лицо, он посмотрел в большие глаза, в которых была смесь страха и ярости.

— Алины нет с тобой, Виндра, — прошептал Конан и отвел свою руку от ее рта.

Когда ее рот открылся еще раз, чтобы закричать, Конан заткнул его локоном ее волос, которые замотал себе на руку.

Он быстро ощупал рукой ее постель, пока не нашел длинный шелковый шарф, которым обмотал ее волосы вокруг рта, чтобы девушка не сумела выплюнуть их. Связанная и с кляпом во рту, подумал киммериец, она не сможет поднять тревогу до тех пор, пока он не будет далеко отсюда. Если ему повезет, ее не найдут до самого утра. Сорвав ее льняную рубашку, он не-

вольно замер в восхищении. Даже в полумраке палатки красивые формы тела заставили Конана задержать на мгновение дыхание. Но он едва успел отдернуть свое лицо от ее острых ногтей, которыми она уже собиралась впиться ему в лицо.

— На этот раз не ты будешь выбирать игру, — сказал он мягко, схватив ее за руку.

Он нашел еще один шарф и использовал для того, чтобы связать ей запястья за ее спиной.

— Ты, возможно, и не будешь плясать для меня, — усмехнулся он, — но это доставляет мне почти столько же удовольствия.

Конан почувствовал, как она задрожала, и ему не нужно было слышать сердитые приглушенные звуки из-под кляпа, чтобы знать, что это была ярость. Пока он искал что-нибудь, чем можно было связать ее лодыжки, он услышал снова голоса перед входом в палатку. Он торопливо пододвинул свою сопротивляющуюся пленницу поближе, чтобы он смог лучше слышать их.

— Зачем вам нужно видеть мою госпожу? — донесся до Конана голос Алины. — Она спит.

Мужчина ответил усталым, но терпеливым голосом:

— *Вазаму* сообщили, что твоя госпожа развлекала этого лазутчика несколько часов назад. Возможно, она знает, где он.

— Неужели нельзя подождать до утра? Она будет очень рассержена, если вы ее разбудите.

Конан не стал ждать окончания этого разговора. Если Виндру найдут в эту минуту, солдаты сразу поймут, что он находился рядом, еще до того, как ее освободят от кляпа. Наполовину неся извивающуюся женщину, он метнулся к черному ходу в задней части шатра и осторожно вгляделся в щель, через которую пробрался внутрь. Солдаты уже ушли. Вполне возможно, что они были теми же самыми людьми, которые сейчас стояли у входа.

— Прости меня, — сказал Конан. Он был рад, что заткнул ей рот кляпом. Гневные протестующие звуки, которые Виндра издавала, и без того были более чем ясны. Несмотря на сопротивление, он подхватил ее на руки и пошел так быстро, как только умел, одновременно желая убедиться, что не столкнется в темноте с патрулем или не наткнется в сумерках ночи на один из шатров или веревки, натянутые на колышки для пала-

ток. Когда Конан отошел на достаточное расстояние от шатра, он поставил Виндру на ноги, одновременно крепко держа ее за руку. Если их обнаружат, он по крайней мере сумеет сражаться и женщина не будет слишком уж большой обузой. И в этом случае ему не нужно будет пресекать возможную попытку к бегству. Поиски лошади все еще оставались первостепенной задачей, но когда Конан снова начал искать коня, то обнаружил, что волочит за собой скорчившуюся женщину, которая, казалось, пыталась съежиться в маленький комочек, одновременно отказываясь передвигаться.

— Вставай и иди, — сказал Конан хрипло, но она только яростно затрясла головой. — Кром, женщина, у меня нет времени наслаждаться твоими прелестями.

Виндра снова покачала головой. Он быстро оглянулся по сторонам и не заметил никого, кто был бы рядом и не спал. Все близлежащие палатки были погружены в темноту. Сильная рука Конана хлопнула Виндру по заду громче и сильнее, чем он рассчитывал, не говоря уже о возмущенных звуках, которые женщина издала, но этот удар поднял ее на ноги. Когда же Виндра вновь попыталась сесть на корточки, он удержал свою открытую ладонь перед ее лицом.

— Иди, — прошептал Конан угрожающе.

Ее гневный взгляд смог бы, наверное, поразить насмерть льва, но она медленно выпрямилась. Даже не посмотрев на ее чудесное тело, Конан подтолкнул Виндру вперед. Конан не был настолько юн, чтобы сойти с ума из-за женщины, особенно в такую минуту. Осторожно обходя палатки, они несколько раз чуть было не наткнулись на обшаривающих лагерь вендийских солдат.

Сначала Конан был удивлен тем, что Виндра не сделала ни малейшей попытки спастись, когда солдаты в шлемах и тюрбанах были рядом, и даже не пыталась привлечь их внимания шумом и сопротивлением Конану. Если уж на то пошло, она двигалась так же бесшумно, как и он, а ее глаза все время шарили вокруг, смотря за тем, что может выдать их или помешать. И вдруг он все понял. Спастись от него было одно, но быть спасенной, в то время как она была покрыта только двумя тонкими шарфами, это было совсем другое. Он с благодарностью улыбнулся, принимая все, что делало его собственное спасение легче.

Он снова очутился в лагере купцов, в котором стояла такая мертвая тишина, будто купцы и их слуги сидели, не дыша, в своих палатках, боясь привлечь лишнее внимание, не осмеливаясь даже громко дышать, чтобы только не потревожить солдат. Конан решил, что, кажется, нашел хорошее место, где он смог бы раздобыть лошадей, и место, где солдаты не будут рыскать, если ему хоть немного повезет. Движение теней впереди снова заставило Конана спрятаться, потянув за собой покорную Виндру. Это был не патруль, как Конан успел заметить, а только одинокий человек, тихо крадущийся в темноте. Медленно-медленно тень превратилась в Канг-Хоу, который наполовину сидел на корточках, спрятав руки в полах своего халата. Конан уже открыл рот, чтобы позвать его, когда еще две тени появились позади купца. Это были вендийские кавалеристы; правда, теперь они двигались пешими и держали копья наперевес.

— Ты кого-то ищешь, кхитаец? — спросил один из них и угрожающе поднял копье.

Канг-Хоу гибко и быстро повернулся, его руки молниеносно выскочили из рукавов. Что-то просвистело в воздухе, и оба вендийца беззвучно рухнули на землю. Купец тут же подскочил к ним и склонился над телами солдат.

— Для простого торговца коврами ты довольно опасный человек, — проговорил Конан и вышел из своего укрытия.

Канг-Хоу резко повернулся, держа по метательному ножу в каждой руке, затем он медленно спрятал ножи в полости длинных рукавов.

— Купцу часто приходится путешествовать в опасной компании, — сказал он мягко. Он бросил взгляд на Виндру и приподнял левую бровь. — Я слышал, что некоторые воины предпочитают женщин всей добыче и трофеям, но в данных обстоятельствах я нахожу это довольно странным.

— Я не хочу ее, — сказал Конан. Виндра зарычала сквозь свой кляп. — Вся беда в том, что я нигде не мог оставить ее и быть абсолютно уверенным в том, что ее не обнаружат прежде, чем я найду лошадь и покину это место.

— М-да, довольно затруднительная ситуация, — согласился кхитаец. — Ты уже решил, где будешь искать лошадь? Солдаты проверяют ряды животных постоянно, и пропажа коня очень скоро будет обнаружена.

— Самое последнее место, куда они заглянут в поисках нас, это туда, где стоят кони и верблюды позади твоей палатки.

Канг-Хоу улыбнулся:

— Логика, достойная восхищения. Я выманил своих преследователей из лагеря и теперь возвращаюсь туда. Ты пойдешь со мной?

— Да, подожди одну секунду. Подержи ее.

Ткнув Виндру ошеломленному кхитайцу, Конан побежал к мертвым вендийцам. Он быстро оттащил их в более глубокую тень позади палатки (нет никакого смысла оставлять их тела там, где их легко могут найти) и вернулся к торговцу, неся с собой один из плащей убитых солдат. На лице Канг-Хоу блуждала легкая улыбка, а глаза Виндры были закрыты так плотно, что даже веки ее дрожали.

— Что случилось? — спросил киммериец.

Он набросил плащ на плечи женщины и постарался сделать это как можно лучше, как вообще было возможно сделать в ее положении — с руками, связанными за спиной. Глаза Виндры резко открылись, и она посмотрела на Конана взглядом, в котором смешались удивление и благодарность.

— Я не могу быть абсолютно уверенным, — сказал купец, — но похоже, что она верит в то, что если она не может увидеть меня, то и я, в свою очередь, не смогу увидеть ее.

Даже в темноте краска, выступившая на лице женщины при этих словах, была более чем очевидной.

— У нас нет времени для глупостей, — сказал Конан. — Пошли.

Тысяча золотых были достаточной наградой, особенно когда ее посулил такой могущественный человек, как Карим Сингх, но даже эта награда потеряла свою привлекательность, когда солдаты стали верить, что их жертва ускользнула из лагеря. Патрулей вендийцев становилось все меньше и меньше, а те, кто еще продолжал поиски, делали это очень вяло. Многие даже не бродили вокруг, а просто собирались вместе в маленькие группки и тихо разговаривали друг с другом. Недалеко от лагеря кхитайца Конан остановился, все еще спрятанный в темноте между палатками других купцов. Виндра повиновалась ему с кажущейся покорностью, когда он сжал ее руку, как клещами, но Конан даже не ослабил своей хватки. Костер у палатки Канг-Хоу уже почти потух, и только несколько краснова-

тых углей еще тлели в нем. Несколько разорванных тюков шелка и бархата валялись на песке. Если кто-нибудь и был убит здесь (киммериец вспомнил донесение Кариму Сингху о том, что четыре человека были убиты), то их тела были унесены. Группа животных кхитайца была единственной темной массой, но некоторые из теней двигались так, что Конану это совсем не понравилось. Канг-Хоу подался было вперед, но Конан схватил его за руку.

— Лошади передвигаются даже ночью, — прошептал кхитаец, — а солдаты не стали бы прятаться. Нам надо спешить.

Конан покачал головой. Сжав губы трубочкой, он подал сигнал, закричав голосом птицы, которую можно встретить только в степях Заморы. На мгновение воцарилась тишина, после чего раздался ответный птичий крик с той стороны, где стояли животные.

— Вот теперь нам надо спешить, — сказал Конан и побежал к лошадям, таща за собой Виндру.

Ордо сделал шаг вперед, подав сигнал, чтобы все поспешили.

— Я очень надеялся, что ты уцелеешь, киммериец, — сказал он хрипло. — Похоже, что сам ад разверзся сегодня под нашими ногами.

Две тени, стоявшие рядом, материализовались в людей. Это были Энам и Пританис.

— Я слышал, что четверо погибли, — сказал Конан. — Кто?

— Балис! — сплюнул Пританис. — Вендийский солдат изрубил его на куски. Я ведь говорил, что ты принесешь всем нам гибель.

— Он следовал за мной, — согласился Конан к явному удивлению безносого. — И это еще один долг, который я должен оплатить.

— Балис умер, сражаясь, как настоящий мужчина, — сказал Ордо, — и убил при этом одного из сильных стражников. Человек не может просить у судьбы лучшей смерти, чем эта. Что касается остальных троих, — добавил он, обращаясь к кхитайцу, — то это были твои слуги. Я не видел твоих племянниц.

— Мои слуги не были воинами, — вздохнул Канг-Хоу, — но я надеялся... Ну что ж, это уже не имеет значения. Что касается моих племянниц, то Кай-Ше вполне сможет и сама позаботиться о себе и о своей сестре так же хорошо, как и я. Позволе-

но ли мне будет заметить, что нам лучше взять лошадей и продолжать наш разговор в другом месте?

— Хороший совет, — сказал Конан.

Жеребец все еще был на месте. Конан боялся, что такой хороший конь привлечет внимание вендийцев. Киммериец прыгнул в седло, захватив его одной рукой, но для того, чтобы закрепить подпругу, требовалось две руки. Бросив Виндре предупреждающий взгляд, Конан развязал ей руки, но внимательно следил за женщиной, пока подтягивал подпругу и лямки седла. К его удивлению, Виндра даже не шелохнулась. Вне всякого сомнения, подумал Конан, она все еще опасалась, что ее найдут в таком одеянии, даже если это и означало для нее спасение.

— Девка, — сказал с любопытством Ордо. — У тебя есть какая-то важная причина, чтобы взять ее с собой, или она просто сувенир на память об этом месте?

— Да, на это есть причина, — сказал Конан, объяснив, почему он ее еще не мог оставить. — Возможно, что я даже возьму ее в дорогу до самой Вендии, хотя сомневаюсь, что она уцелеет, если я оставлю ее одну в степи. — Он выдержал паузу и спросил с той небрежностью, которая у него еще оставалась: — А что с Гурраном?

— Я не видел старика с момента, когда на нас напали, — ответил с сожалением Ордо. — Прости, киммериец.

— Что случилось — случилось, — мрачно сказал Конан. — Мне нужно оседлать лошадь для женщины. Боюсь, что тебе придется ехать верхом, так как у нас нет женского седла.

Виндра только уставилась отсутствующим взглядом на киммерийца.

Тихая, безмолвная процессия медленно, но твердо выходила из лагеря, скользя между палатками. Все вели своих лошадей под уздцы. Животные могли идти куда более тихо и спокойно, если они не были отягощены грузом, и кроме того, их было куда труднее заметить, когда контрабандисты не сидели верхом на лошадях. Вендийские патрули, уже изрядно усталые от поисков и очень шумные, казалось, заранее предупреждали о своем появлении. Конан, который вел отряд, держал поводья своей лошади и лошади Виндры. Если их обнаружат, то ему не нужно будет больше удерживать ее с собой (и он был уверен, что ей это было хорошо известно), но он не мог полностью до-

веряться ее видимой покорности, которую она пока показывала. Вскоре они подошли к самому краю каравана, и врожденная осторожность заставила его остановиться. Пританис начал было что-то говорить, но Конан сердито заставил его замолчать, резко махнув рукой. Недалеко от них раздался какой-то слабый шум, который был почти не слышен для человеческого уха. Мягкое движение лошадей. Возможно, не все вендийцы сдались в своей охоте на них. Быстрый взгляд сказал Конану, что другие тоже услышали эти звуки. Все тихо вытащили свои мечи (Канг-Хоу держал наготове свои метательные ножи), и каждый человек шел бок о бок со своей лошадью, готовый в любую минуту вскочить на нее. Киммериец напрягся, готовый отбросить Виндру в сторону, чтобы она была в относительной безопасности, и прыгнул в седло, когда увидел приближение других лошадей. Перед ними остановились пятеро лошадей, и Конан почти засмеялся с облечением, когда увидел, кто вел их. Это были Шамил и Хасан (каждый держал настороже руку на плече одной из племянниц Канг-Хоу) и старый Гурран, ковыляющий в темноте, в хвосте отряда.

— Очень рад увидеть всех вас, — промолвил мягко и тихо Конан.

Двое молодых парней резко повернулись к нему, хватаясь за свои сабли. Хасан слегка замешкался, когда Чин-Коу судорожно схватила его за плечи, но Кай-Ше уже стояла наготове с метательным ножом. Опасная семейка, подумал киммериец. Что касается Гуррана, то он только наблюдал без всякого выражения на лице за всем происходящим, как будто в нем не было никакого страха. Две группы людей соединились, и каждый собирался что-то обрадованно прошептать друг другу, но Конан, грозно прошипев, заставил их замолчать.

— Мы поговорим, когда будем в безопасности, — сказал он тихо, — а это место лежит далеко отсюда.

Подняв Виндру и посадив ее в седло, Конан поправил солдатский плащ на плечах женщины, чтобы придать ей облик приличия и пристойности.

— Я найду что-нибудь, чтобы тебя одеть, — пообещал он. — Возможно, ты еще будешь танцевать для меня.

Виндра уставилась на киммерийца, но он не мог прочесть выражения в ее глазах. Когда Конан прыгнул в седло, волна слабости прошла по всему телу, и он вынужден был ухватиться за

высокую луку седла, чтобы не упасть. Гурран тут же поспешил к нему.

— Я сделаю настойку как можно скорее, — сказал старик. — А пока постарайся удержаться, хорошо?

— Я и не собираюсь делать ничего другого, — с трудом выдавил Конан сквозь стиснутые зубы. Ведя под уздцы лошадь Виндры, он также дернул за поводья своего жеребца, пустив его легким шагом вперед, в глубину ночи. Он не сдастся так легко. У него впереди были неоплаченные долги... и двое людей, которых он сначала должен убить.

Глава 17

Найпал взглянул на человека, стоявшего перед ним. Худой, с жесткими, холодными глазами вендиец был похож на солдата. Колдун размышлял о том, какие мотивы руководят сейчас этим человеком. Похоже, что ни личная прибыль, ни жажда власти не слишком привлекают его. В лице и жестах нельзя было прочитать ни одного признака ненависти, гордости или каких-либо других эмоций. Это создавало некоторую неловкость для колдуна, потому что это был первый человек, которым нельзя было манипулировать.

— Ты понимаешь, что я сказал? — вновь спросил Найпал. — Когда Бандаркар будет мертв, тирания закончится. Святыни Катар будут разрешены в каждом городе.

— Разве я уже не говорил тебе, что понял твои слова? — сказал тихо безымянный представитель *катари*.

Они были одни в этой круглой комнате, с маленьким куполом и барельефом на потолке, изображающим старинных героев из легенд. Золотые светильники на стенах давали мягкое освещение. В комнату не было принесено ни еды, ни вина, так как *катари* никогда не будут есть в помещении и в присутствии того, кто решил воспользоваться их услугами. Они оба стояли на мягком ковре, так как *катари* не сел в кресло, а колдун не хотел, чтобы его гость, стоя, нависал над ним. Стоящий во весь рост человек имел преимущество над сидящим из-за своего роста и позиции.

— Ты не сказал, что это будет сделано.

Найпал сделал все, чтобы подавить раздражение в своем голосе. Сегодня нужно было сделать очень много, но эта часть была так же важна, как и другие, и ее нужно было выполнить очень деликатно. Не считая других вещей, которые не произвели впечатления на *катари*, была сила колдовства и магии. Заклинания, конечно, могли убить *катари* так же легко и быстро, как и всякого другого человека, но это ничего не говорило и

ничего не значило для того, кто верил в смерть, как основу своего учения, каким бы способом она ни пришла, так как это означало, что после смерти *катари* автоматически соединяется со своей богиней, которой они поклонялись. Из-за всего этого виски колдуна разламывались от боли.

— Это будет сделано, — сказал *катари*. — В обмен на то, что ты обещал. Бандаркар, даже на своем троне, будет посвящен богине. Но если обещания не будут выполнены...

Найпал не обратил внимания на эту угрозу. Это был тот аспект сделки, с которым он смог бы разобраться и позже.

Но конечно же не намеревался давать дополнительную власть культу, который мог впоследствии попытаться подмять чародея под себя. Ладно, посмотрим, кто кого, подумал Найпал. *Корасани*, безусловно, смогут защитить его против кинжала убийцы-асассина. Или же это сделает его телохранитель — воин из гробницы царя Ориссы.

— Ты понимаешь также, — продолжил колдун, — что это должно быть совершено, когда я подам сигнал? Не раньше этого. Даже ни на час раньше.

— Разве я уже не сказал, что понял тебя? — повторил *катари*.

Найпал вздохнул. У *катари* была репутация убивать своих жертв тогда, когда они считали это нужным, и делать это своими способами, но даже если Бандаркар не сумел защитить себя от злых чар и заклинаний, его смерть не имела бы ничего общего с чарами и колдовством. Для Найпала было особенно важно выйти из этого дела с чистыми руками, так как он хотел, чтобы страна добровольно объединилась под будущим вождем — Каримом Сингхом, а не была бы разодрана на части гражданской войной. И кто поверит тому, что колдун будет использовать *катари* для своих целей, когда он мог легко поразить свою жертву колдовством или другими методами?

— Очень хорошо, — сказал Найпал. — По моему сигналу Бандаркар погибнет от рук *катари* на своем троне, прямо на глазах у своей знати и советников.

— Бандаркар умрет.

Найпал был удовлетворен этими словами. Он предложил мешочек с золотом *катари*, и тот принял его без слов благодарности и не изменив выражения лица. Золото осядет в казне и ларцах *катари*, и поэтому не было никакой нити, которой

можно было связать этого человека, но колдун сделал это все равно — по старой привычке. Когда асассин ушел, Найпал задержался только на одно мгновение, чтобы схватить золотой ларец, в котором находился дьявольский кинжал демона, и поспешил к подземному залу. Оживший воин по-прежнему неподвижно стоял, прислонившись к стене, неутомимый, не нуждающийся во сне солдат. Найпал не смотрел на него. Новизна уже исчезла, и что такое был один-единственный воин, по сравнению с теми тысячами, которых Найпал поднимет из их вечного сна? Он пошел сразу к ларцу из слоновой кости, без колебаний отбросил крышку и откинул шелковую ткань. В зеркале теперь отражался всего лишь один костер, видимый с большой высоты. В течение семи дней зеркало показывало костер ночью и маленькую группу всадников днем, сначала в степях, а потом уже в горах. И почти всегда чародей видел всех всадников одновременно. Они передвигались гораздо медленнее, чем могли бы, и Найпалу потребовалось некоторое время, чтобы сообразить, что они в действительности следовали за караваном, который должен был доставить колдуну его сундуки. Спасение и возможная катастрофа могли случиться одновременно. Семь дней наблюдения за неудачей Карима Сингха, однако, слегка приглушили боль. Она уже не давила, как раньше, когда колдун наблюдал за приближающимся концом. В действительности, если только не считать адской боли в висках, которая пришла, когда он разговаривал с *катари*, чувства Найпала почти оцепенели. Впереди было еще столько дел, подумал Найпал, закрывая ларец, а оставалось так мало времени. Напряжение было просто невыносимым. Но он должен был одержать победу, как всегда это делал. Найпал вновь быстро расставил *корасани* на золотых треножниках. И вновь произнес слова заклинания. Вспышки пламени, которые, казалось, были ярче огня самого солнца, снова метнулись к серебряной паутине и образовали огненную клетку. После слов, которые вызывали демона, раздался раскат грома и внутри клетки появился Масрок, повиснув в воздухе и потрясая оружием в пяти из своих восьми рук.

— Прошло так много времени, о Человек, — гневно закричал демон, — с тех пор как ты вызывал меня! Разве ты не чувствовал, как камень пульсирует о твою плоть?

— Я был занят. Возможно, я этого не заметил.

Несколько дней назад Найпал снял кулон с черным опалом, чтобы избавиться от отчаянного пульса камня. Он должен был дать некоторое время демону, чтобы тот «созрел» для предстоящего дела.

— И кроме того, ты и сам сказал, что время не имеет никакого значения для таких, как ты.

Огромная масса демона задрожала, как будто он собирался перепрыгнуть через огненный барьер, сдерживающий его.

— Не будь глупцом, о Человек! Я был заключен в тюрьму, и только пустота в твоих знаниях спасла меня. Другие отражения уже знают, что один из Сивани исчез! Как ты думаешь, как долго я смогу избежать кары?

— Возможно, тебе уже не придется больше спасаться. Я думаю, что день твоей свободы уже совсем близко, и ты сможешь оставить остальных демонов в их тюрьме, где они будут пребывать вечно. В тюрьме, которая будет отгорожена от тебя так же хорошо, как и от всего мира.

— Каким образом, о Человек? И когда?

Найпал улыбнулся, как он делал, когда человек, которого он довел до полного отчаяния и безнадежности, стал показывать первые трещинки, прежде чем расколоться.

— Сообщи мне местоположение гробницы царя Ориссы, — сказал он тихо. — Где находится затерянный в веках город Махарастра?

— Нет! — Слово отозвалось глухим эхом, в то время как Масрок закрутился черным смерчем и огненные стены его клетки изогнулись от ярости демона. — Я никогда не выдам секрета! Никогда!

Колдун сидел, не говоря ни слова, пока ярость чудовища не улеглась.

— Расскажи мне о гробнице, Масрок, — приказал он.

— Никогда, о Человек! Я уже сказал тебе, что есть пределы твоих пут на мне. Возьми кинжал, который я дал тебе, и порази меня. Убей меня, о Человек, если ты этого хочешь. Но я никогда не выдам секрета.

— Никогда? — наклонил голову Найпал, и жестокая улыбка тронула его губы. — Может быть и так. — Он коснулся золотого ларца, но только на мгновение. — Нет, я не буду убивать тебя. Я всего лишь отошлю тебя назад и оставлю тебя там навеки.

— Это еще что за глупость, о Человек?

— Я отправлю тебя не назад в те пространства, где я тебя держал, а в ту тюрьму, которую ты делил со своими двойниками-демонами. Даже демон, возможно, узнает, что такое страх, если его преследователи — тоже демоны? Я могу только уничтожить тебя, Масрок. Убьют ли они тебя, когда ты наконец попадешь им в руки? Или же у демонов есть пытки для своих собратьев? Убьют ли они тебя, или же ты останешься жить, жить до того, как исчезнет само время, под пытками, которые заставят тебя подумать о твоей тюрьме, как о сладком рае? Итак, Масрок?

Громадный демон с яростью посмотрел на колдуна. Его глаза не мигали, и весь он, казалось, был высечен из камня, так неподвижна была его огромная фигура. И все же Найпал знал, о чем демон сейчас думал. Если бы Масрок был человеком, он бы сейчас обливался потом и облизывал пересохшие губы. Найпал *знал*!

— Моя свобода, о Человек? — сказал наконец демон. — Свобода, и я перестану также служить тебе?

— Когда я найду гробницу, — ответил Найпал, — и когда армия, похороненная в ней, будет в моих руках — тогда ты получишь свою свободу. Разумеется, со связывающим тебя заклинанием, чтобы быть уверенным в том, что ты не сможешь ни причинить мне зла, ни помешать мне в будущем.

— Разумеется, — медленно сказал Масрок.

То, что я сказал о связывающих заклинаниях, было хорошей выдумкой, подумал Найпал. Забота о собственной безопасности в будущем, безусловно, будет достаточно убедительна, чтобы демон поверил, будто чародей сдержит условия их сделки.

— Хорошо, о Человек. Руины Махарастры лежат в десяти лигах к западу от Гвандиакана, поглощенные лесами Гендали.

Победа! Найпал хотел подпрыгнуть в воздух и заплясать от радости. Гвандиакан! Это, должно быть, было доброе предзнаменование, так как первым городом, через который будет проходить караван Карима Сингха и где он остановится на отдых, после Гимелеев, будет именно Гвандиакан. Надо немедленно же связаться с *вазамом* с помощью магического зеркала. Он должен скакать со всей возможной скоростью, чтобы получить свои сундуки и немедленно идти в гробницу. Неудивительно,

что гробницу до сих пор никто не мог найти. Ни одна дорога не была прорублена в лесах Гендали, и очень немногие вообще пытались проникнуть в лес, чтобы срубить несколько могучих, высоких деревьев. Огромные тучи крошечных, жалящих мух атаковали людей и животных, а те, кто сумел избежать жестоких насекомых, получал одну из тех страшных неизвестных болезней, которые иссушали тело болью и ознобом, прежде чем человек умирал в страшных мучениях. Некоторые люди скорее согласились бы умереть, чем войти в эти леса.

— Карты, — сказал Найпал неожиданно. — Мне нужны карты, чтобы мои люди не шли наугад. Ты нарисуешь их для меня.

— Как тебе угодно, о Человек. — Усталое поражение демона звучало как триумфальная музыка в ушах Найпала.

Глава 18

С вершины холмов, нависших над Гвандиаканом, Конан в изумлении уставился на город. Башни из белого алебастра и позолоченные луковичные купола храмов, колоннады дворцов и святынь, созданные людьми холмы из камня и кирпичей — все это поражало взгляд. Размеры же города превосходили всякое воображение.

— Он больше, чем Султанапур, — сказал пораженный Энам.

— Он больше чем Султанапур и Аграпур, вместе взятые, — сказал Ордо.

Канг-Хоу и его племянницы, казалось, принимали размеры города, как само собой разумеющееся, в то время как Хасан и Шамил смотрели во все глаза только на девушек-кхитаянок.

— Вы смотрите на него только в сравнении с крошечными размерами ваших стран, — с издевкой сказала Виндра. Она сидела свободно на лошади, так как Конан не видел никакого смысла держать женщину связанной, как только они отошли на достаточное расстояние от каравана. Она была одета в плащ из зеленого шелка из той кучи одежды, которую сумели взять с собой кхитайские женщины. Они были гораздо меньше ее по росту и размерам, и теснота новой одежды теперь подчеркивала ее бедра и грудь, вероятно, гораздо больше, чем Виндра этого хотела.

— Многие города в Вендии такого же размера или даже больше, — продолжала она. — Да что там говорить, Айодхья по меньше мере в три раза больше Гвандиакана.

— Мы что же, собираемся сидеть весь день на этом месте? — ворчливо сказал Гурран. По мере того как другие уставали от путешествия, гербариус, казалось, черпал откуда-то энергию, но вся она уходила почему-то в раздражение.

Пританис вмешался в разговор, используя еще более резкий тон:

— А что это за дворец, о котором она нам говорила? После многих дней, когда мы ели только то, что могли поймать на охоте, и пили одну только воду, я просто рвусь вперед выпить кувшин хорошего вина и поесть вкусной еды, которую будет мне подавать угодливая, доступная девка. Особенно когда киммериец хочет держать эту вот девку для себя.

Лицо Виндры вспыхнуло, но она сказала только:

— Я приведу вас туда.

Конан дал ей возможность показывать дорогу, держа свою лошадь чуть позади, на расстоянии нескольких шагов, по мере того как они спускались с холмов, направляясь к городу. Конан был далек от мысли, что до конца понимает поступки вендийской женщины и ее характер. Она не сделала ни малейшей попытки улизнуть и ускакать к каравану, даже когда знала, что он находится совсем недалеко, поскольку следы каравана явно указывали его направление.

Киммериец часто ловил ее пристальный взгляд, странное, непонятное выражение ее темных глаз ставило Конана в тупик. Он не делал ни малейшей попытки ухаживать за ней; после того, как он силой взял ее с собой, это казалось ему очень жестоким и неправильным поступком. Она могла увидеть угрозу в любых словах, которые он мог сказать, и она не сделала ничего, чтобы заслужить это. Поэтому он, в свою очередь, наблюдал за ней настороженно и думал о том, когда же это ее странное спокойствие кончится. Их путь к городу был очень недолгим, и потом он резко повернул на запад. Прежде чем они спустились с холмов, Конан увидел множество дворцов, расположенных в этом направлении, больших блоков бледного мрамора, усыпанных колоннами, сияющими в свете лучей солнца в открытых местах, разбросанных на десяток лиг. Большие куски девственного леса уходили зелеными пятнами на север и юг. А еще дальше на запад деревья становились все выше и выше, и в той части не было совсем никаких дворцов, насколько он мог видеть. Внезапно перед ними появился громадный дворец с острыми белоснежными шпилями и сверкающими куполами башен, с вздымающимися вверх террасами флейтообразных колонн и мраморными ступенями у входа, которые были шириной не меньше, чем в сто шагов. Слева и справа от ступенчатой лестницы располагался длинный бассейн с мраморными ступенями, в кристальных водах которого

отражался белоснежный мрамор дворца. Пока они ехали ко дворцу, Виндра внезапно заговорила:

— Когда-то Гвандиакан был любимым летним курортом знати и придворных вендийских царей, но многие стали опасаться лихорадки, которая гнездится в лесах на западе. Я не была здесь с тех пор, когда мне было семь лет, но я знаю, что тут еще осталось несколько слуг, так что, возможно, в нем еще можно жить.

Она спрыгнула с седла и побежала вверх по широким ступеням лестницы. Ей приходилось делать два шага, чтобы пройти каждую ступень. Конан гораздо медленней, чем Виндра, слез с лошади. Ордо сделал то же самое.

— Она что, опять с нами играет в какую-то вендийскую игру? — спросил одноглазый.

Конан молча покачал головой — его так же, как и одноглазого друга, терзали сомнения и неопределенность. Внезапно около двадцати человек в белых тюрбанах и белых хлопковых туниках появились на вершине лестницы. Рука киммерийца скользнула на рукоять меча, но люди даже не обратили внимания на тех, кто стоял у подножия лестницы, и склонились, почти согнувшись пополам, в поклоне Виндре, бормоча какие-то слова, которые не достигли ушей Конана. Виндра повернулась к слугам спиной.

— Они помнят меня. Все получилось так, как я и опасалась. Здесь только несколько слуг, а сам дворец уже не в очень хорошем состоянии, но все же мы сможем получить здесь минимальные удобства и комфорт.

— Я знаю, какой комфорт мне нужен, — громко объявил Пританис. — Три самых красивых девки, каких я только могу найти. Скинуть с них одежду, и я выберу самую лучшую.

— Я не позволю грубого отношения к моим служанкам, — гневно сказала Виндра.

— Ты забываешь, что ты пленница, девка! — закричал безносый. — Если бы киммериец не находился здесь, я бы уже давным-давно...

— Но я нахожусь здесь, — сказал резко Конан. — И если она хочет, чтобы к ее служанкам относились мягко, значит, ты будешь относиться к ним, как к своим собственным сестрам.

Пританис встретил железный взор Конана только на секунду, после чего отвел в сторону свои темные глаза.

— Держу пари, что в городе есть шлюхи, да и в тавернах тоже, — пробормотал он. — Или ты хочешь, чтобы я и к ним относился, как к своим сестрам?

— Поберегись, если ты собираешься идти в город, — сказал ему Конан. — Помни о том, что в этой стране всех чужеземцев считают лазутчиками и шпионами.

— Я могу и сам позаботиться о себе, — прорычал немедиец. Резко дернув за поводья, он повернул лошадь назад и галопом поскакал в направлении Гвандиакана.

— Нам нужно послать туда еще кого-нибудь, — сказал Конан, глядя вслед удаляющемуся Пританису. — Я не думаю, что он найдет то, что нам нужно, но информация нам просто необходима. Караван вошел в город, но как долго он будет в нем оставаться? И что делает Карим Сингх? Ордо, проследи за тем, чтобы ни один из слуг Виндры не убежал и не сообщил никому, что здесь остановились чужеземцы. Пока ничто не говорит о том, что Карим Сингх знает о нашем присутствии здесь, а также, что мы следуем за ними, поэтому нам нужно постараться сделать так, чтобы эта ситуация не изменилась. А я пойду в...

— Прошу прощения, — вмешался Канг-Хоу. — Потребуется довольно долгое время для такого явного чужеземца, как вы, чтобы узнать что-нибудь нужное для нас, так как разговоры, как правило, стихают в вашем присутствии. С другой стороны, моя племянница Кай-Ше очень часто сходила за вендийку, когда нужно было помочь в моих делах. Если они сумеет найти здесь вендийскую одежду...

— Я не могу послать вместо себя женщину, — сказал Конан, но кхитаец только улыбнулся.

— Могу заверить вас, что я не послал бы ее, если бы думал, что опасность будет слишком велика.

Конан взглянул на Кай-Ше, которая стояла прямо и невозмутимо рядом с Шамилем.

В своем украшенном драконами и цаплями халате она, несомненно, выглядела как кхитаянка, но ее смуглое лицо, почти лишенные раскосости глаза делали предстоящую вылазку вполне возможной.

— Ну, хорошо, — неохотно сказал Конан. — Но пусть она только наблюдает и слушает. Если она будет задавать вопросы, это только может привлечь недобрые глаза к ней, а я не хочу, чтобы она так рисковала.

— Я передам ей о том, что вы о ней беспокоитесь, — сказал купец.

Вскоре к ним подошли слуги (молчаливые люди в тюрбанах) и, низко поклонившись, взяли за поводья лошадей, после чего, поклонившись еще раз и улыбаясь, предложили гостям серебряные бокалы вина и золотые подносы с влажными полотенцами, чтобы обтереть запыленные лица и руки. Мужчина с круглым лицом и порядочным животом появился перед Конаном и, быстро отвесив поклон, сказал:

— Меня зовут Панджар, мой господин. Я старший над слугами во дворце. Моя госпожа приказала мне лично выполнять все ваши пожелания.

Конан огляделся по сторонам в поисках Виндры, но нигде не мог найти ее. Слуги окружили отряд киммерийца тесной толпой, спрашивая, чем они могут служить господам, не угодно ли им будет принять ванну и хотят ли они, чтобы им постелили постель... Мысль о хитрых ловушках и западнях тут же мелькнула в голове у Конана. Но Канг-Хоу уже пошел следом за служанкой в одном направлении, в то время как племянницы ушли со слугами в другом, а Конан хорошо знал, насколько опытен был купец в том, как можно избежать ловушки и коварства. Гурран, однако, не слез со своей лошади.

— Ты не доверяешь этому месту, гербариус? — спросил его Конан.

— Гораздо меньше, чем ты, это несомненно. Конечно же, она одновременно и женщина, и вендийка, что означает, что она или будет охранять тебя ценой своей жизни, или убьет тебя во время сна.

Многие дни, проведенные во время похода, в степи и в лесах, сделали кожу старика темной и обветренной, и теперь она уже меньше напоминала пергамент, а его зубы сверкнули белым блеском, когда он улыбнулся, видя неловкость Конана.

— Я собираюсь поехать в Гвандиакан. Вполне возможно, что я найду в городе ингредиенты для твоего противоядия.

— Этот старик, — проворчал Ордо, когда гербариус отъехал на большое расстояние, — похоже, питается одним солнечным светом и водой, как дерево. Я не думаю, что он даже спит.

— Ты просто завидуешь его бодрости, по мере того как приближаешься к его возрасту, — сказал Конан и засмеялся, когда одноглазый зарычал сквозь зубы.

Коридоры, по которым их вел Панджар, заставили Конана удивиться, вспомнив слова Виндры о том, что дворец был едва обитаем. Разноцветные ковры были разбросаны по полированному мраморному полу, и огромные гобелены висели на стенах. Они были великолепнее, чем те, которые он видел во дворцах Немедии и Заморы, — земель, которые славились на западе своей роскошью. Золотые светильники, оправленные аметистами и опалами, свисали на серебряных цепях с потолков, украшенных фресками и картинами, изображавшими античных героев, охоту на леопарда и загадочных крылатых существ. Искусно сделанные орнаменты из тонкого хрусталя и золота украшали столики из черного дерева, выложенные бирюзой и серебром. Ванные комнаты были бассейнами, украшенными мозаикой с геометрическими узорами, но среди плиток разноцветного мрамора можно было встретить полированный агат и голубой лазурит. В одном бассейне была теплая вода, в другом — холодная. Покрытые вуалями служанки в белых туниках и платьях сновали взад и вперед, наливая из кувшинов душистое масло в бассейны и подавая Конану мыло и мягкие полотенца. Он держал свой длинный меч рядом, передвигая его от одной стены бассейна до другой, по мере того как вода меняла температуру, и это заставляло женщин что-то шептать друг другу из-под своих вуалей. Он не обращал внимание на шокированное выражение их лиц — остаться безоружным означало для него показать этому месту больше доверия, чем оно заслуживало. Отказавшись от замысловатых шелковых одежд, которые они принесли, чтобы сменить его запыленную, пропотевшую одежду, Конан выбрал простую тунику из темно-синего мягкого полотна и повесил свой пояс с мечом поверх нее. Панджар снова появился перед ним, низко поклонившись.

— Прошу вас следовать за мной, господин, — сказал он. Круглолицый слуга выглядел нервным и немного испуганным, но Конан продолжал держать руку на рукоятке меча, идя следом за ним. Зал, в который слуга привел Конана, был помещением с высоким купольным потолком и узкими колоннами, покрытыми искусными, с позолотой, фресками. Эти колонны конечно же были слишком тонкими, чтобы поддерживать потолки, и служили, скорее всего, декоративным убранством зала. На потолке и стенах были сделаны изящные кружевные

узоры из мрамора; маленькие отверстия в узоре были действительно небольшими, отметил про себя Конан, но возможно, были достаточными для стрелы арбалета. Пол, покрытый плитками красного и белого мрамора в виде ромбов, был почти пустым, за исключением множества шелковых подушек, сложенных у одной из стен. Позади подушек стояли низенькие столики из чеканной бронзы, на которых лежали золотые подносы с фигами и грушами, покрытый рубинами золотой бокал и высокий хрустальный кувшинчик с вином. Конан подумал, что, возможно, вино отравлено, и чуть не рассмеялся при мысли о том, что можно отравить человека, которого уже отравили.

— Пожалуйста, садитесь, господин, — сказал Панджар, указывая рукой на подушки.

Конан опустился на мягкие подушки, но спросил требовательно у Панджара:

— Где Виндра?

— Моя госпожа отдыхает от своего долгого путешествия, но она приказала вас всячески развлекать. Моя госпожа просит вас извинить ее отсутствие и также просит вас, чтобы к ее служанкам относились вежливо.

Поклонившись еще раз, он ушел. Внезапно мягкая музыка полилась через кружевной узор мрамора у самого потолка — звонкая музыка цитар, нежная музыка флейт и ритмичные удары тамбуринов с колокольчиками. Три девушки появились в зале, стали быстро плясать почти на одном месте, в центре зала. Только их руки и ступни не были покрыты толстым слоем разноцветного шелка, а темные вуали покрывали их лица от подбородка до самых глаз. Они начали танцевать, как только зазвучала музыка, аккомпанируя себе колокольчиками и кастаньетами, укрепленными на пальцах рук. Маленькие золотые колокольчики, привязанные к их щиколоткам, нежно звенели в такт движениям. Даже для вендийцев, подумал Конан, такой способ убийства был бы уж слишком замысловатым. Наполнив бокал вином, он откинулся на подушки и стал лениво наблюдать за танцовщицами. Сначала шаги танцовщиц были медленными, но постепенно, па за па, их скорость возросла. Они крутились в танце и под плавную мелодию подпрыгивали в воздух или крутились волчком, и с каждым прыжком, с каждым волчком кусочек шелка отделялся от их тела. Грациозные прыжки были сделаны каждый раз синхронно; танцовщицы

растягивали в шпагате свои стройные ноги или же извивались гибким телом и ногами. Руки вздымались кверху в плавных движениях над их головами. Танцовщицы подпрыгивали в изящном танце, не останавливаясь ни на секунду, то приближаясь к нему, то снова отдаляясь от него. Внезапно их шелка одним неуловимым движением сползли на мраморный пол и три стройных женщины продолжали плясать, но теперь уже их красивые смуглые тела не покрывало ничего, за исключением только их темных вуалей. На их быстрых телах серебрились капельки пота. Конан резко хлопнул в ладоши, и танцовщицы замерли на месте, их округлые груди поднимались и опускались от усталости. Музыканты, попрежнему невидимые и не знающие, что они остановились, продолжали играть.

— Вы, двое, можете идти, — приказал Конан, указывая рукой на двух девушек. — А ты останься и продолжай плясать.

Темные глаза женщин неуверенно переглянулись друг с другом из-под своих вуалей.

— Ваша госпожа приказала вам развлечь меня, — продолжал он. — Неужели я должен тащить вас волоком по всему дворцу в ее поисках, чтобы сказать ей, что вы не повиновались?

На этот раз взгляд женщин был испуганным, а не недоуменным. Две девушки, на которых он указал рукой, выбежали из зала, а третья уставилась им вслед, как бы тоже думая о том же.

— Танцуй для меня, — сказал Конан.

Неуверенно, с явной неохотой, она начала танцевать. До этого танцовщицы внимательно прислушивались к ритму музыки, но сейчас эта женщина постоянно поворачивала голову, будучи более независимой в своем танце, чтобы держать свои темные глаза на его лице. Она гибко плыла над полом, извиваясь и подпрыгивая так же грациозно, как и прежде, но сейчас в ее движениях и выражении лица чувствовалась какая-то напряженность и неуверенность, как будто она осязаемо чувствовала его пристальный взгляд, скользящий по ее обнаженному телу. Когда она оказалась совсем близко от него, Конан схватил рукой за ее худенькую лодыжку. Она взвизгнула и повалилась на подушки, уставившись на него поверх вуали своими расширенными глазами. В течение нескольких, казавшихся вечностью мгновений единственными звуками в комнате была музыка и ее тяжелое, напряженное дыхание.

— Умоляю вас, господин, — прошептала она наконец. — Моя госпожа просила, чтобы ее служанок не обижали, и...

— А-а, тогда я, значит, твой господин сейчас? — спросил Конан. Он небрежно провел пальцем от колена девушки до ее бедра, и она вздрогнула. — А что, если я позову Панджара и скажу ему, что ты не доставила мне удовольствия? Что, если я потребую, чтобы он отхлестал тебя кнутом, прямо здесь?

— Тогда я... Тогда меня отстегают, господин, — прошептала она и судорожно глотнула воздух.

Конан покачал головой.

— Вы, вендийцы, и вправду сумасшедшие. Неужели ты действительно пойдешь так далеко, чтобы утаить от меня правду?

И прежде, чем она успела отшатнуться, он сдернул с ее лица вуаль. На секунду Виндра ошеломленно уставилась на него, и краска смущения залила ее лицо. Затем ее глаза закрылись, и она отчаянно попыталась закрыться руками.

— Эта уловка не сработала с Канг-Хоу, — засмеялся Конан. — И она также не действует на меня.

Ее лицо покраснело еще больше, и веки сжались еще плотнее.

— На этот раз твоя игра не получилась, — сказал он, склонившись над ней. — Я тебе дам один-единственный, последний шанс убежать, и тогда я покажу тебе, что делают мужчины и женщины, которые не играют в игры.

Краска не оставила ее щек, но ее глаза открылись как раз настолько, чтобы она сумела взглянуть на него сквозь свои длинные густые ресницы.

— Ты глупец, — прошептала она. — Я могла убежать от тебя в любое время, начиная с того дня, когда мои руки были развязаны.

Обвив его руками за шею, она потянула его к себе и медленно опустилась на подушки.

Глава 19

Когда тени стали длиннее, а солнце стало быстро таять на горизонте, Конан оставил на мягкой лежанке спящую Виндру и пошел поискать вина.

— Да, господин, я принесу вам кувшин через минуту, — ответил слуга в ответ на его просьбу, добавив несколько слов, отвечая и на его следующий вопрос: — Нет, господин, двое мужчин еще не вернулись из города. Я также ничего не слышал и о кхитайской женщине, господин.

Найдя комнату с высокими арочными окнами, выходящими на запад, Конан уселся на подоконник и посмотрел наружу. Солнце, кроваво-красное в темном небе, повисло большим зловещим шаром над высокими деревьями далеко от него. Это было жуткое зрелище, как раз под стать его настроению. День был абсолютно выброшенным.

Ожидание во дворце, даже занимаясь любовью с Виндрой (как бы это ни было приятно для него), теперь казалось потерянным временем. По крайней мере, следуя до сих пор за караваном, он создавал некоторую иллюзию того, что он что-то делал, чтобы избавиться от яда в своей крови, или охотясь за людьми, чью смерть он должен был увидеть прежде, чем умрет сам. По крайней мере, один из этих людей находился в городе, всего на расстоянии какой-то лиги, а он сидел сложа руки здесь и просто ждал.

— Патил?

Услышав мягкий женский голос, он огляделся вокруг. Женщина-вендийка, не покрытая вуалью, стояла у входа в комнату. Ее простое хлопковое платье не принадлежало ни служанке, ни знатной женщине.

— Ты не узнал меня, — сказала она с улыбкой, и внезапно он понял, кто стоит перед ним.

— Кай-Ше, — широко раскрыл от изумления рот Конан. — Я не мог поверить, что ты могла так полностью... — Он

нетерпеливо оборвал свою фразу на середине. — Что ты разузнала?

— Очень много и очень мало. Караван оставался в городе всего несколько часов, так как купеческие рынки находятся в Айодхье, а знать и придворные также горят желанием присоединиться ко двору царя. Карим Сингх, однако, — добавила она, и он мгновенно вскочил на ноги, — все еще находится в Гвандиакане, хотя я и не узнала, где именно.

— Он не улизнет от меня, — зарычал Конан. — И этот Найпал тоже, хотя он и колдун. Но почему *вазам* остался здесь, вместо того чтобы отправиться к царю вместе с придворными?

— Возможно, потому, что, судя по слухам, Найпал уже два дня как прибыл в Гвандиакан. Однако так как его лицо известно очень немногим, подтвердить этот слух невозможно.

Конан ударил кулаком по своему бедру.

— Кром, это не может быть ничем, как судьбой и хорошим предзнаменованием. Они оба теперь в моих руках. Я покончу с ними сегодня же ночью.

Женщина-кхитаянка схватила его за руку, когда он уже собирался выбежать из комнаты.

— Если ты хочешь идти в Гвандиакан, то будь осторожен, так как в городе очень неспокойно. Солдаты арестовывают детей-бродяг и беспризорных на улицах, как говорят, по приказу самого *вазама.* Многие очень озлоблены этим, а самые бедные районы города сидят, как на вулкане, ожидая только искры, чтобы взорваться пламенем. Улицы Гвандиакана могут быть залиты кровью из-за этого.

— Я видел кровь и раньше, — сказал он мрачно и побежал по увешанному гобеленами коридору. — Панджар! Мне нужна моя лошадь и немедленно!

* * *

Наполовину проснувшись, Виндра потянулась на подушках, заметив лениво, что лампы уже зажжены и что становилось темно. Она внезапно нахмурилась. Кто-то покрыл ее тонким шелковым покрывалом. Она изумленно открыла рот и плотнее завернулась в покрывало, увидев приближающуюся к ней Чин-Коу. Кхитаянка держала в руках стопку разноцветного шелка.

— Я принесла вам одежду, — сказала Чин-Коу.

Виндра надела длинную рубашку через голову.

— А что заставило тебя подумать, что мне нужна одежда? — надменно и требовательно спросила она.

— Прошу прощения, — сказала Чин-Коу и встала, чтобы уйти. — Без сомнения, когда вы захотите одеться, вы сможете позвать своих слуг. Я оставляю вам шелковую рубашку, так как похоже, что вы именно это хотите сделать.

— Подожди! — Виндра, покраснев, схватила рубашку и нервно смяла мягкую материю. — Я не знала этого. Поскольку ты принесла мне одежду, ты вполне можешь оставить ее здесь.

Чин-Коу приподняла бровь.

— Вам совсем ни к чему говорить со мной таким тоном. Я очень хорошо знаю, чем вы занимались с *ченг-ли*, который зовет себя Патилом.

Виндра простонала, и краска смущения еще больше залила ее лицо. Через секунду дочь купца смягчилась.

— Я занималась тем же с *ченг-ли*, который зовет себя Хасаном. Теперь я знаю твой секрет, а ты знаешь мой. Ты боишься только позора, который будет известен твоим слугам. Плетка моего дяди наказывает гораздо больше и сильнее, чем просто стыд.

Виндра уставилась на кхитаянку, как будто увидела ее в первый раз. И не то что она совершенно не замечала раньше Чин-Коу, но она была племянницей торговца, а племянницы купцов конечно же не могли чувствовать так же, как женщина, в жилах которой течет кровь Кшатриев. Или она чувствовала то же самое?

— Ты любишь его? — спросила она. — Я имею в виду Хасана.

— Да, — сказала горячо Чин-Коу. — Хотя я не знаю, чувствует ли он такую же любовь ко мне. Ты любишь человека, которого зовут Патил?

Виндра отрицательно покачала головой.

— С таким же успехом можно любить и тигра. Но, — добавила она с лукавством, которого не смогла скрыть, — когда тигр занимается любовью с тобой — это очень приятная вещь.

— Хасан, — сказала серьезно Чин-Коу, — также очень сильный и пылкий.

Внезапно обе женщины захихикали, и вскоре их хихиканье перешло в веселый громкий смех.

— Спасибо за одежду, — сказала Виндра, когда они снова были в состоянии говорить. Отбросив в сторону покрывало, она поднялась с постели. Чин-Коу помогла ей одеться, хотя ока и не просила ее об этом, и, когда Виндра оделась, она сказала:

— Пойдем. Мы выпьем бокал вина и поговорим о мужчинах, тиграх и других странных животных.

Когда кхитаянка открыла рот, чтобы что-то сказать, дикий крик пронесся эхом по дворцу, перекрытый криками людей и звоном стали, ударяющейся о сталь. Чин-Коу схватила Виндру за локоть.

— Нам надо скорее спрятаться.

— Спрятаться? — возмущенно воскликнула Виндра. — Это мой дворец, и я не буду забиваться в нору, как заяц.

— В тебе говорит глупая гордыня, — сказала маленькая девушка. — Подумай о том, какого рода бандиты атакуют твой дворец. Неужели ты думаешь, что твоя «голубая кровь» защитит тебя от них?

— Да, ты права. И ты тоже подвергаешься опасности. Даже бандиты знают, что за тебя (и за твою сестру тоже) может быть получен выкуп, как только они узнают, кто я такая.

— Узнают, кто ты такая, а? — раздался голос от двери комнаты, и Виндра подскочила от ужаса.

— Кандар! — выдохнула она. Гордость помогла ей стоять прямо и с вызовом, но она не смогла удержаться от того, чтобы не отступить на шаг в сторону, когда князь, с жестокими, холодными глазами, ввалился в комнату, сжимая в руке окровавленную саблю. Позади него в коридоре теснились солдаты в шлемах и тюрбанах, держа в руках окровавленное оружие. Он наклонился и поднял с пола вуаль, которую она надевала во время танца, и задумчиво помял ее в руках.

— Возможно, ты считаешь себя знатной женщиной, — сказал он. — Возможно, что ты даже являешься знаменитой леди Виндрой, хорошо известной за свой острый ум и блистательное общество знаменитых поэтов, художников, философов и знати, которые собираются в ее дворцах? Ну что ж, всем уже давно известно, что леди Виндра пала жертвой в Гимелеях, когда дикий варвар украл ее, возможно, навстречу ее гибели или рабства.

— Что ты можешь получить от этого фарса? — требовательно спросила Виндра, но ее слова оборвались, когда она уви-

дела, что шестеро покрытых вуалью женщин, одетых в плотные сари из шелка, вошли в комнату. И вместе с ними в комнату вошел Пританис. Ухмыльнувшись, немедиец облокотился спиной к стене и скрестил руки на груди.

— Боги добры сегодня ко мне, девка, — сказал он, — так как я нашел в Гвандиакане никого другого, как самого князя Кандара, которому было весьма приятно узнать о местонахождении некоей женщины недалеко от него. За безымянную шлюху был предложен целый увесистый кошелек с золотом — со ста золотыми! — и я мог только согласиться и принять его щедрость.

Раздражение мелькнуло на лице Кандара, но в целом было очевидно, что он даже не обращал внимания на присутствие Пританиса.

— Подготовьте ее, — приказал он. — Подготовьте их обеих. Я не откажусь еще от одной мелочи, когда ее приносят мне на подносе.

— Нет! — вскрикнула Виндра. Она извернулась, чтобы убежать, но прежде чем она успела сделать три шага, три женщины в вуалях бросились к ней и повалили ее на пол. Уголком глаза она заметила, что остальные три женщины удерживали Чин-Коу. Отчаяние заполняло ее душу. Отчаянно, зная бесполезность своих попыток, она все же сопротивлялась, но женщины держали ее в руках, срывая с нее остатки одежд с уничтожающей ее гордость легкостью.

Даже когда она оказалась полностью обнажена, они не дали ей возможности встать на ноги и потащили по полу свою извивающуюся жертву, бьющуюся в отчаянных попытках высвободиться. Они силой поставили ее на колени у ног Кандара, и его пристальный взгляд пронзил ее и пробрал холодом до костей, подавляя ее последнюю попытку к сопротивлению. Чин-Коу стояла в таком же положении рядом с ней, тоже обнаженная и всхлипывающая от ужаса, но Виндра не могла отвести глаз от Кандара.

— Тебе это так даром не пройдет, — прошептала она. — Я не какая-то безымянная...

— *Ты* и есть безымянная, — щелкнул он ее, как бичом, своими словами. — Я уже сказал тебе, что леди Виндры больше *нет* (он медленно закрепил вуаль на ее лице крошечной серебряной застежкой)... а вместо нее появилась новая наложница,

новое добавление к моей *пардхана*. Я думаю, что я назову тебя Мириам.

— Твоя сестра, — выдохнула Виндра. Ей было нетрудно танцевать с вуалью на лице, но сейчас ей, казалось, было тяжело дышать. — Я освобожу Алину. А...

От его сильной пощечины ее лицо дернулось влево.

— У меня больше нет никакой сестры! — прорычал он.

— А как насчет моего золота? — внезапно потребовал Пританис. — Девка теперь твоя, и я хочу получить свою оплату.

— Разумеется.

Кандар снял кошелек с пояса и швырнул его в руки безносому.

— Теперь ты удовлетворен?

Пританис жадно раскрыл шелковые завязки кошелька и высыпал с десяток золотых монет себе на ладонь.

— Я удовлетворен, — сказал он довольно. — Если бы только Конан мог видеть...

Его слова оборвались стоном, когда сабля Кандара вошла ему по рукоять в грудь. Золото со звоном посыпалось на пол, когда он схватился за лезвие обеими руками. Кандар спокойно встретил неверящий, недоуменный взгляд немедийца.

— Ты смотрел на непокрытые вуалью лица двух женщин из моей *пардхана*, — пояснил он. Лезвие его сабли легко выскользнуло из рук умирающего человека, и Пританис рухнул лицом вниз на свое золото. Лицо Виндры было суровым, когда она собирала остатки своего мужества.

— Убить своего наемника и забрать назад золото — это так похоже на тебя, Кандар. Ты всегда был глупцом и червяком.

Его мрачный взгляд заставил ее понять, что это было последними остатками ее мужества. Она стиснула зубы усилием воли, чтобы встретить его мрачный взгляд.

— Он видел твое лицо без вуали, — сказал князь, — и кхитаянской женщины тоже, и потому он должен был умереть, чтобы моя честь осталась незапятнанной. Но он честно заработал свое золото, и никто не может назвать меня вором. За эти слова тебя отхлестают плетьми, а также еще раз за каждое из нанесенных мне оскорблений.

— В моих жилах течет кровь Кшатриев, — сказала Виндра. Она говорила больше для себя, как бы отрицая все случившееся, но никто, казалось, даже не заметил этого.

— Это был последний из твоих странных попутчиков, — продолжал Кандар. — Остальные уже убиты. Все до единого мертвы.

Стон раздался из груди Виндры. Крошечная, слабая надежда, которая еще теплилась у нее в душе, теперь исчезла, надежда на то, что великан варвар спасет ее из лап Кандара, и теперь вся ее жизнь действительно рухнула, как карточный домик под дуновением ветра.

— Ты никогда не сломаешь меня, — прошептала она, и знала пустоту этих слов даже до того, как они сорвались с ее губ.

— Сломать тебя? — сказал с издевкой Кандар. — Ну, конечно же, нет. Но впереди, несомненно, должно быть небольшое обучение покорности и послушанию. Небольшое обучение, которое слегка пощиплет твою неумеренную гордыню.

Виндра хотела с вызовом покачать головой, но его глаза удерживали ее, как змея, гипнотизирующая птицу.

— Завтра тебя посадят на лошадь, и ты будешь «одета», как в эту минуту, после чего эту лошадь проведут по улицам Гвандиакана, так что все смогут увидеть красоту моего нового приобретения. Уведите их! — рявкнул он женщинам-служанкам.

Виндра пыталась гневно и вызывающе крикнуть, но она знала, когда ее тащили к лошадям, что это был вой полного отчаяния, когда он прокатился по гулким коридорам ее дворца.

Глава 20

Сидя за длинным столом из грубо оструганных досок в углу таверны, Конан вспомнил о Султанапуре, когда он поправил капюшон своего темного плаща, одолженный у дворецкого во дворце Виндры. Капюшон низко опускался на лоб, закрывая его лицо. Таверна, где он сидел, была не из лучших, с земляным полом и колченогими стульями. Не зная, что ему делать в городе без того, чтобы не привлекать любопытных взглядов прохожих своей высокой фигурой, Конан осушил одним длинным глотком половину большой кружки дешевого вина.

Остальные посетители таверны были вендийцами, хотя они стояли далеко от богачей и знати Гвандиакана. Носильщики и погонщики буйволов, от которых пахло соломой и кожей животных, подмастерья каменщиков в туниках, запачканных пятнами сухой штукатурки. Неопределенного вида и не поддающиеся вообще никакому описанию мужчины в тюрбанах склонились над своим вином или говорили приглушенными, негромкими голосами, бросая быстрые взгляды своих черных глаз вокруг, опасаясь, чтобы их не подслушали. Запах кислого вина смешивался с духами и благовониями, и тихий гул голосов не мог окончательно покрыть звон колокольчиков на запястьях и лодыжках проституток; масляными, призывными глазами, которые бродили по таверне. В отличие от своих товарок на Западе, они носили платья и сари, покрывающие их с шеи до самых лодыжек, но зато эти одежды были сделаны из самого прозрачного газа, который абсолютно ничего не скрывал. Однако сегодня у девиц было совсем немного клиентов, и обычная фривольность, легкость и непринужденность таверны отсутствовали в этот день. В воздухе висела напряженность, которая была темнее, чем ночь за стенами таверны. Киммериец был далеко не единственным человеком, который скрывал свое лицо. Конан махнул рукой, чтобы ему принесли еще вина.

Служанка, одетая в платье, которое было чуть темнее, чем одеяния проституток, принесла ему кувшин вина, взяла монету и поспешила назад, не сказав ни слова, явно желая снова возвратиться в свою нору и спрятаться там, не привлекая лишнего внимания. Зга атмосфера страха и взвинченного напряжения чувствовалась во всем городе с момента его прибытия и стала еще более напряженной, по мере того как сгущались сумерки. Солдаты все еще не успели забиться в норы, как преследуемые охотниками лисицы, и доставляли арестованных, в тюрьму форта, которая стояла в центре Гвандиакана. Но даже солдаты чувствовали настроение мрачной толпы людей. Патрули теперь часто насчитывали до ста человек, и они передвигались так настороженно, как будто ожидали атаки в любой момент. На улицах, когда еще было светло, было много разговоров и слухов, и киммерийцу было нетрудно узнать о людях, которых он хотел найти. Он быстро узнал местоположение дворца Карима Сингха, один из тех нескольких, что стояли к востоку от города и где, как говорили, остановился Карим Сингх. Однако, прежде чем он успел пройти сто шагов, он узнал, что *вазам* остановился в другом дворце, а еще через пятьдесят шагов — в третьем, и все они находились на изрядном расстоянии друг от друга. На каждом перекрестке он узнавал новые слухи. Говорили, что чуть ли не в половине дворцов в Гвандиакане остановился Карим Сингх. Некоторые говорили, что в городе остановился и Найпал, и называли каждый дворец в городе, где он якобы находится в эту минуту, а некоторые даже утверждали, что колдун соорудил невидимый дворец за одну ночь, в то время как другие утверждали, что колдун наблюдает за городом сверху, сидя на облаках. Под конец раздражение завело Конана в таверну. Волна головокружения (которая не имела ничего общего с вином) прошла по его телу. Это уже было не в первый раз за эту ночь. Его глаза помутнели. С мрачным упорством он перебо́рол слабость, и когда его зрение прояснилось, он увидел стоящего перед ним Ордо, который тут же опустился на скамью у его стола.

— Я тебя ищу уже несколько часов, — сказал одноглазый. — Кандар с сотней копейщиков атаковал дворец Виндры и захватил Виндру и племянницу кхитайца, Чин-Коу. Пританис был с ними.

Конан зарычал и швырнул свою глиняную кружку на пол,

разбив ее вдребезги. В комнате тут же воцарилась мертвая тишина, и каждое лицо повернулось к нему. Затем, так же быстро, люди снова начали беседовать. Это была не та ночь, чтобы вмешиваться в гневную вспышку незнакомца.

— А люди?

— Несколько царапин, и ничего больше. Мы сумели добраться до лошадей, и Кай-Ше нашла для нас место, где мы сумели укрыться. Это заброшенный храм на улице... как ее там зовут?.. Ах да, что-то вроде Улицы Снов, хотя я думаю, что эти сны должны быть очень невеселыми. День или два отдыха и немного подлечить порезы, и мы подумаем, что можно сделать для спасения девок.

Конан покачал головой, одновременно возражая Ордо и чтобы стряхнуть слабость.

— Мне не нужно день или два. Лучше всего тебе вернуться в этот разрушенный храм. Они понадобятся тебе, если ты захочешь вернуться в Туран.

— О чем ты тут бормочешь? — требовательно спросил его Ордо, но киммериец только хлопнул своего друга по плечу и выбежал из таверны. Пока Конан несся большими прыжками по темной улице, он слышал, как Ордо кричал ему вслед, но он не остановился и даже не повернул головы. Бхалканийский жеребец был оставлен в конюшне недалеко от городских ворот, через которые он вошел в Гвандиакан, и за медную монету, брошенную в руки сторожа, он получил назад своего коня. Городские ворота были массивными, а высотой превышали человеческий рост раз в десять. Они были сделаны из толстых железных плиток очень своеобразной формы и с красивым рельефом и чеканкой. Их было бы нелегко сдвинуть с места, а судя по пыли, которая накопилась у подножия ворот, прошло много лет с тех пор, как их закрыли. Напряженность в городе наложила свой отпечаток и на стражников в тюрбанах и шлемах, стоящих у ворот. Они нервно и настороженно смотрели за ним, ощупывая свои копья, когда он галопом проскакал мимо них в открытые настежь ворота. Единственный клочок информации, который он получил в эту ночь слухов и сплетен, единственный слух, который не изменился (и тот, который он считал наименее полезным из всех слухов и разговоров) был тот, в котором упоминалось местонахождение дворца Кандара. Ярость кипела в нем, но это была холодная ярость. Умереть

с мечом в руках было бы намного более предпочтительнее, чем сдаться какому-то яду в его жилах, но сначала ему нужно было освободить женщин. Только когда они будут в безопасности, он сможет позволить себе думать о своих бедах и заботах.

Недалеко от дворца он въехал в рощу деревьев и привязал жеребца к ветке одного из них. Ловкость и хитрость, которым он научился, будучи вором, помогут ему в этом деле больше, чем холодная сталь меча. Дворец князя Кандара, который был даже больще по размерам, чем дворец Виндры, горел в ночи, освещенный светом тысяч ламп и светильников, сверкающий узор переплетенных между собой алебастровых террас, шпилей и куполов. Отражаясь от света ламп, между ними тянулись темные холодные полосы бассейнов, а в промежутке между полосами воды лежали сады и густые подстриженные кустарники с розой и шиповником, которые заполняли пространство перед дворцом и подходили к самым его стенам. Распустившиеся цветы наполняли темноту мириадами душистых запахов, к которым примешивался терпкий, сладковатый запах духов из дворца. Духи и запахи цветов не очень интересовали Конана, но кустарники очень помогли ему, скрыв его бесшумное приближение. Он был сейчас всего лишь одной из тысяч многочисленных теней, не больше. Пальцы, приспособленные к тому, чтобы карабкаться по скалистым острым утесам его родных киммерийских гор, находили щели и выбоины в казалось абсолютно гладкой поверхности больших мраморных блоков, и он лез по стене дворца так же хорошо, как иной поднимался бы по лестнице.

Вскарабкавшись на широкую стену, Конан распластался на ней и наблюдал за дворцом, пытаясь уловить все его детали — небольшие дворы с журчащими фонтанами, искусно сложенные, покрытые орнаментом высокие башни, рвущиеся к небу, и проходы в колоннадах, освещенные лампами с горящим маслом или жиром. Лампы и светильники были сделаны из изумительной работы чеканного золота. Затаив дыхание, он вперился в фигуру человека в желтой с красным одежде, идущего между колоннами рядом с другим, одежда которого, казалось, была из темно-серого шелка. Рука Конана непроизвольно легла на рукоятку меча. Это был Карим Сингх. И если боги не забыли его, Найпал был вторым человеком. Он с сожалением вздохнул и отпустил рукоять меча, наблюдая за двумя муж-

чинами, которые вскоре исчезли из вида. Женщины, сказал он самому себе. Женщины должны быть его первой задачей, все остальное — потом. Вскочив на ноги, он побежал по стене.

Высота была главным в этом деле, как научили его города Немедии и Заморы. Человек, который находился на самой верхней части здания, часто не привлекал ничьего внимания, даже если он явно не должен был находиться там. Кроме того, поднимаясь на самые высокие части здания, означало то, что каждый шаг делал человека гораздо ближе к земле и к его пути к спасению.

Спасение было особенно важно для него в эту ночь, особенно для двух женщин, если не для него самого. Карнизы, фризы и тысячи замысловатых узоров из камня и алебастра помогали великану киммерийцу без труда скользить по крыше. Скользнув сквозь узкое окно у самого основания крыши, он очутился в душной темной комнате. Он на ощупь убедился, что находится в кладовой, в которой лежали ковры и постельные принадлежности. Узкая дверь вела в коридор, который был освещен тусклым светом бронзовых светильников. Здесь не было золотых и серебряных украшений и дорогих гобеленов и ковров, это были помещения слуг, располагавшиеся в верхних этажах дворца. Из некоторых комнат до него доносилось храпенье. Бесшумный и мрачный, как охотящийся дикий кот, Конан осторожно ступал по полу длинного коридора, а затем стал спускаться вниз по лестнице. Другие звуки донеслись до него из другой части дворца, звуки, которые ни с чем другим нельзя было спутать, — топот людей, музыка флейт и цитар. Густой звон гонга печально отозвался эхом во дворце. Киммериец почти не обращал на них внимания, его глаза и уши внимательно следили за происходящим, так как легкая тень или неосторожный шаг могли сказать ему, где находится человек, который мог поднять тревогу. Он искал спальные покои, в этом он был абсолютно уверен. Из того, что он знал о Кандаре, можно было сделать вывод, что его первым желанием будет остановиться в комнате с женщинами, и ему безусловно будет приятно навестить их несколько раз, когда они будут ожидать со страхом его возвращения. Вполне возможно, что он все еще находился там. Конан очень надеялся на это. Карим Сингх и Найпал, несомненно, улизнут от него в эту ночь, но по крайней мере он сумеет рассчитаться с Кандаром. Первые три спаль-

ные комнаты, которые он обнаружил, были пустыми, хотя золотые светильники давали мягкий ровный свет в ожидании тех, кто должен в них появиться позже.

Когда он, однако, вошел в четвертую, только шестое чувство (которое ничем рациональным нельзя было объяснить) заставило его прыгнуть вперед и покатиться по полу, избежав лезвия меча, который обрушился на то место, где он только что стоял. Конан тут же вскочил на ноги с мечом в руке, и яростный удар заставил его противника отскочить, как кошка, назад. Киммериец уставился на своего врага, так как он еще не видел такого человека прежде, даже в этой странной, загадочной стране. Украшенный и защищенный носовой перегородкой шлем с толстым, острым металлическим стержнем наверху сидел на голове незнакомца. Его темное, безжизненное и ничего не выражающее лицо было очень странным. Его доспехи были сделаны из толстой кожи, покрытой бронзовыми пластинками. Длинный прямой меч был в его руке, покрытой металлической перчаткой, и еще один, более короткий кривой меч был в другой, левой руке. Воин передвигался с быстротой и держал оружие в обеих руках уверенно, что говорило о большом, долголетнем опыте.

— Я пришел, чтобы освободить только женщин, — сказал Конан угрожающим голосом.

Если он сумел бы заставить своего противника обменяться с ним несколькими словами, тот, возможно, не сумел бы сообразить того, чтобы подать сигнал тревоги, пока они сражались бы друг с другом.

— Скажи мне, где они находятся, и я не убью тебя.

Молчаливая атака воина заставила его резко поднять свой меч, защищаясь. И это действительно была защита, сообразил ошеломленный киммериец. Его длинный меч сверкал и метался так же быстро, как и всегда, но это была только отчаянная попытка не допустить, чтобы его противник поразил его своим мечом. Впервые за всю свою жизнь он столкнулся с человеком, который двигался быстрее, чем он сам. Удары мечей, которые наносились с быстротой атакующей змеи, следовали один за другим и заставили его отступить. Зарычав, он решился на хитрость, продолжая отражать удары врага и одновременно нанося ему удар кулаком в лицо зажатой в нем рукоятью эфеса. Воин в странных доспехах был отброшен назад, и столик, укра-

шенный орнаментом, разлетелся вдребезги при его падении, но прежде чем Конан успел сделать один шаг, чтобы продолжить свою атаку, воин пружинисто вскочил на ноги. Конан встретил его в середине комнаты, и искры от их мечей, ударяющих друг о друга, образовали смертоносное кружево в темноте комнаты. Киммериец обрушил всю свою ярость — на Кандара, Найпала и Карима Сингха — и вложил всю свою силу в эту атаку, отказываясь на этот раз отступать. Сильным ударом он обрушил меч на врага и почувствовал, как лезвие прошло через плоть и кости, но даже в эту минуту он вынужден был уклониться от удара, который чуть не попал ему в лицо. Приготовившись к обороне, Конан почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове. Его последний удар остановил противника (да так оно и должно было случиться, когда его кривой меч лежал теперь на ковре, вместе с рукой, сжимавшей его), но это была явно только временная передышка. Безжизненное лицо даже не изменило своего выражения, и его темные глаза даже не посмотрели на отрубленную кисть левой руки. Из его раны не пролилось ни одной капли крови.

Колдовство, подумал киммериец. Внезапно молчание, с которым сражался его противник, приобрело новое жуткое качество. И снова началась смертоносная схватка. Если этот колдовской воин знал, как сражаться двумя мечами одновременно, то и одним мечом он действовал не менее уверенно.

Конан отражал каждый быстрый удар, но и его собственные выпады отражались воином без труда. Киммериец знал, что он сможет теперь сравняться с противником, одним мечом на один, но как долго плоть смертного сможет удержаться против колдовства?

Внезапно отрубленная рука врага ударила Конана по голове с силой, которую он считал просто невозможной, опрокинув его на спину, как ребенка. Теперь наступил его черед лежать на спине, на обломках стола, но прежде чем он успел подняться, атакующий противник уже навис над ним. Конан отчаянно пытался отразить удар меча, который мог развалить его череп надвое. Его рука, шарящая вокруг, нашла в обломках стола рукоять какого-то оружия, и он нанес им удар по врагу, вонзив острое лезвие по самую рукоятку. Его противник извернулся, как змея, и лезвие прошло через его кожаные доспехи, скользнув сквозь ребра. Темный воин рухнул на Конана, как

будто его кости расплавились и превратились в труху. Конан быстро отпихнул от себя тело воина и вскочил на ноги, держа наготове свой собственный меч, опасаясь какого-то подвоха. Но покрытая кожаными доспехами фигура осталась неподвижной — глаза воина остекленели. Конан с изумлением посмотрел на оружие, которым он поразил врага, и, выругавшись, чуть было не уронил его на пол. Это был короткий меч, но рукоять его была такой большой, что годилась, скорее, для двуручного меча. Рукоятка и лезвие оружия были сделаны из какого-то странного серебристого металла, который мерцал странным потусторонним светом. Отвратительный запах заставил его ноздри дернуться и, он снова выругался. Это была вонь от разложения. Труп его врага под кожаными доспехами уже наполовину сгнил, и белые кости проглядывали сквозь гнилое, разложившееся мясо. Заколдованный воин был сражен явно заколдованным оружием. Часть его мозга говорила ему, чтобы он выбросил эту жуткую вещь, в то время как другая шептала, что это оружие может быть полезно против такого колдуна, как Найпал. Колдунов всегда было гораздо труднее убить, чем других людей. Сунув свой меч в ножны, он быстро оторвал кусок шелка от покрывала на постели и обмотал им серебристый кинжал, сунув его себе за пояс. Пока он это делал, Конан услышал множество топочущих ног, приближающихся к комнате. Опрокинутые разбитые столы, разбросанные ларцы и разбитые зеркала и хрусталь были молчаливыми свидетелями того, что схватка была не такой уж бесшумной. Бормоча проклятия, он поспешил к окну, как раз вовремя, потому что как только он очутился на карнизе, около двадцати вендийских солдат ввалились в комнату.

И снова алебастровые украшения помогли ему ползти по стене здания, но позади себя он услышал тревожные крики. Он стал карабкаться вверх, схватившись за балюстраду, чтобы вскочить на балкон... и замер при виде еще одной дюжины солдат в шлемах и тюрбанах. Копье просвистело рядом с ним, и Конан отпрянул назад, так как обе его руки были заняты. Даже спружинив и согнув колени, он почувствовал силу и шок от приземления, которые сотрясли все его тело. Еще больше голосов выкрикнули крики тревоги, и тяжелый топот сапог послышался слева и справа от него. Копье просвистело у него над головой и вонзилось, дрожа, в землю, всего в одном метре от него.

Он подпрыгнул в воздухе, отскочив от стены, и еще одно копье впилось в землю на то место, где он только что стоял. Согнувшись чуть ли не наполовину, он побежал к саду, который был разбит между отражавшимися в свете факелов бассейнами, слившись с одной из сотен теней.

— Стража! — раздались громкие голоса. — Стража! Обыщите сады! Найдите его!

Конан наблюдал за ними от самого края деревьев, и его зубы оскалились в злом рычании. Солдаты бегали вокруг дворца, как муравьи из разворошенного муравейника. Похоже, что в эту ночь ему не удастся больше попасть во дворец. Боль пробежала по его телу, и мышцы свело спазмой, заставив его перегнуться пополам. Широко раскрыв рот и хватая судорожно воздух, он силой воли заставил себя распрямиться. Его рука сжала покрытую шелком рукоять странного оружия.

— Я еще жив, — прошептал он, — и я не умру, пока не придет мой час.

Производя не больше шума, чем ветер, гоняющий сухие листья, он растворился в темноте.

* * *

Найпал уставился, не веря своим глазам, на свою спальню, превращенную в обломки, делая все, что возможно, чтобы не обращать внимания на страшную вонь от разложения, которая висела удушливым смрадом в воздухе. Крики солдат, ищущих непрошеного гостя, не дошли еще до его ушей. Только то, что было сейчас в этой комнате, имело значение и было реальностью, и такой, которая наполнила холодом его живот от страха и раскалывала его виски от головной боли. Он все еще с жутким восхищением смотрел на воина в кожаных доспехах. Череп ухмылялся ему из-под старинного шлема. Кости и труха — вот все, что осталось от его воина. Его воина, который не мог быть убит. Первый солдат армии, которая не могла погибнуть. Во имя всех богов, как это могло случиться? С усилием он оторвал свой взор от скелета в кожаных доспехах, но неизбежно его глаза упали на длинный золоченый ларец, который лежал на боку среди обломков слоновой кости, которая была столиком, открытый и пустой. Пустой! Обломки искусно вырезанной слоновой кости были единственным, что осталось от оправы колдовского зеркала, предупреждающего об опасно-

ти, а от самого зеркала остались одни осколки. Крякнув, он наклонился, чтобы подобрать с десяток осколков зеркала, лежащих на полу.

Однако в каждом осколке, независимо от его размера, отражалось лицо человека, лицо, которое теперь уже не менялось. Он с удивлением изучал это мрачное лицо на осколках, его густую гриву черных волос, удерживаемых кожаным ремешком, его странные глаза цвета сапфира и суровое, злое рычание варвара, обнажившее его зубы. Колдун знал, кому принадлежит это лицо. Человеку, который называл себя Патилом. Но зеркало, даже его осколки, могли показывать только то, что угрожало его планам. Неужели «простой» варвар мог это сделать? Смог разбить стекло и украсть оружие демона? Убить того, кого было невозможно убить? Осколки зеркала выпали из пальцев Найпала, когда он прошептал слово, которому не верил, не хотел верить. «*Пан-кор*».

— Что ты сказал? — спросил его Карим Сингх, входя в комнату.

Вазам старался не смотреть на жуткий скелет в кожаных доспехах, лежащий на полу.

— Ты выглядишь очень изможденным, Найпал. Слуги Кандара наведут здесь порядок, а его солдаты найдут и рассчитаются с этим чужаком. Тебе надо отдохнуть. Я не хочу, чтобы ты рухнул без сил, прежде чем ты сможешь служить мне, как своему царю.

— Мы должны выступать немедленно, — сказал Найпал.

Он потер виски кончиками пальцев. Напряжение этих последних дней уже стало показываться на его лице, и ему теперь пришлось сделать большое усилие над собой, чтобы изобразить подчинение.

— Скажите Кандару, чтобы он собрал солдат.

— Я тут кое о чем думал, Найпал. Какое будет иметь значение, если мы подождем несколько дней? Скоро начнутся дожди, и кусающие мухи, говорят, не так жалят после дождей.

— Глупец! — зарычал колдун, и челюсть Карима Сингха отвисла. — Ты будешь служить мне, как царь? Если ты будешь ждать, ты не будешь царем, ты будешь пищей для собак!

Взор Найпала снова упал на осколки стекла.

— И скажи Кандару, что нам нужно больше солдат. Скажи ему, пусть оголит гарнизон форта, если нужно. Что касается

твоих «страшных» мух, то обычное легкое заклинание сумеет справиться с ними.

— Губернатор не очень надежен и нервничает, — сказал дрожащим голосом Карим Сингх. — Он повинуется, но я знаю, что он не поверил моим доводам о том, что надо арестовать детей-беспризорников. Зная напряженное настроение в городе, он может отказаться выполнить этот приказ, и даже если он повинуется ему, он, без сомнения, пошлет гонцов в Айодхью, к Бандаркару.

— Не бойся Бандаркара. Если ты и должен бояться кого-нибудь...

Голос Найпала был мягким, но глаза его горели таким огнем, что Карим Сингх отступил на шаг назад и, казалось, с трудом дышал.

— Скажи губернатору, что если он бросит мне вызов, я иссушу его плоть, отстегаю его плетьми и брошу его на улицу с отрезанным языком, как бродягу, чтобы он мог увидеть, как его жен и дочерей продадут в бордели. Скажи ему это!

И *вазам* Вендии побежал, как послушный, покорный слуга. Найпал снова с усилием вернул свой взор к осколкам стекла, повторяющим сотней изображений лицо варвара.

— Ты не сумеешь победить, *пан-кор*, — прошептал он. — Я еще одолею тебя и выйду из боя победителем.

Глава 21

Ордо был прав, когда говорил об улице Снов, подумал Конан, впервые увидев ее в бледном сером свете рассвета. Его жеребец медленно шел по грязной дороге, пробираясь между грязными лужами нечистот и отбросов, поросших сорняком и чертополохом. Дома были как черепа, смотревшие пустыми глазницами окон на прохожих. Крыши просели на многих домах, и еще больше крыш рухнуло от времени внутрь, ломая сгнившие стропила. Стены скособочились и накренились, а многие просто рухнули на землю и лежали кучей щебня и кирпича, обнажив внутренние помещения, заселенные крысами и тараканами.

Время от времени оборванные, крадущиеся фигуры появлялись у дверей или пробегали по улице позади него. Люди на улице Снов напоминали суетящихся мышей и крыс, сидящих в своих норах, опасающихся высунуть свой нос на улицу, на солнечный свет. Вонь от гниения и плесени наполняла воздух. Да уж, сны здесь действительно были ужасные, подумал Конан. Ужасные, кошмарные сны. Ему было нетрудно найти заброшенный храм. Это было здание с куполом, в котором зияли большие отверстия, сквозь которые порхали голуби. Когда-то колоннада из восьми флейтообразных мраморных колонн стояла перед входом в храм, теперь же три из них лежали, поваленные, на земле.

Две колонны разлетелись на куски по всей улице, и сорняки буйно росли, покрывая густой растительностью края обломков. От третьей колонны остался один толстый обломок. Часть внешней стены также рухнула, обнажив то, что когда-то было похоже на мраморные блоки, но на самом деле было камнем, покрывающим обычные глиняные кирпичи. Отверстие в стене было достаточно широким, чтобы внутрь помещения мог въехать человек верхом на лошади. Ничто не напоминало ему о присутствии контрабандистов, но мрачный инте-

рьер помещения говорил о том, что им было нетрудно здесь спрятаться. Или даже количество людей, превышающее отряд Ордо в десять раз. Конан обнажил свой меч. Ему пришлось наклонить голову, когда он въехал внутрь сквозь темную зияющую брешь в стене. Он очутился в большом зале, в котором царил полумрак. Треснувшие плитки пола были покрыты пылью, сломанными кирпичами и щебнем. Толстые колонны и столбы, подпирающие потолок, были сделаны из дерева, но уже наполовину сгнили от времени. В самом дальнем углу помещения находился мраморный алтарь. Его края потрескались и были сбиты, но какому богу он был посвящен — сказать было невозможно. Прежде чем жеребец успел сделать три шага вперед, Ордо появился перед ним, выйдя из-за одной из деревянных колонн.

— Уже давно пора тебе появиться здесь, киммериец. Я уже почти решил, что на этот раз тебе пришел конец.

Энам и Шамил тоже вышли из укрытия с луками наготове. У обоих были свежие повязки на голове и на руке.

— Мы не знали, что это был ты, — сказал молодой туранец. — В следующей, дальней комнате на костре жарятся голуби, так что закуси, если ты проголодался.

— Мы попытались утаить запах голубей от нежеланных гостей, — сказал, сплюнув, Энам. — Люди здесь, как настоящие змеи. Они готовы наброситься на любого человека с едой, как стая голодных злых крыс.

Конан кивнул и спрыгнул с седла. Как только он коснулся ногами пола, он вынужден был удержаться за кожаное стремя, чтобы не упасть; боль и головокружение не вернулись, но их место заняла слабость.

— Я не видел еще таких людей, как они, — сказал он. — В Туране или Заморе от нищего до обитателя дворца — немалое расстояние, но здесь... Здесь, судя по всему, это как две непохожие друг на друга страны.

— Вендия — страна резких контрастов, — сказал Канг-Хоу, приближаясь с тыльной части полуразрушенного здания.

— Она похожа на дыню, гниющую изнутри, — промолвил Конан.

— Это слива, которая уже перезрела и которую давно пора сорвать.

Слабость уже почти прошла.

— Возможно, когда-нибудь я вернусь сюда с армией за своей спиной и сорву ее.

— Многие уже так говорили, — ответил кхитаец, — но кшатрии все еще правят здесь. Простите мою поспешность, но Ордо сказал мне, что вы были во дворце Кандара в эту ночь. Вы не нашли там мою племянницу? Или леди Виндру?

— Я не сумел их найти в этот раз, — сказал мрачно Конан. — Но я сделаю это прежде, чем мне придет конец.

Лицо Канг-Хоу не изменило своего обычного выражения, и все, что он сказал, было:

— Хасан говорит, что нужно вытащить голубей из огня. Он сказал, что их надо съесть, пока мясо не остыло.

— У этого человека сердце, наверное, сделано из камня, — пробормотал Ордо, когда остальные контрабандисты последовали за кхитайцем к костру.

— М-да, он довольно крепкий человек для купца, — согласился Конан.

Он развернул шелк на странном оружии, которым он убил воина во дворце Кандара, и передал его другу.

— Что ты думаешь об этом?

Ордо широко разинул рот, когда шелковая материя упала на пол, обнажив серебристое лезвие, мерцающее в темноте помещения.

— Колдовство! Как только я услышал об этом твоем колдуне, я должен был сразу же повернуть лошадь в противоположном направлении.

Его единственный глаз прищурился, когда он внимательно вгляделся в оружие.

— Это оружие не имеет никакого смысла, киммериец. Рукоять двуручного меча для короткого лезвия?..

— Этот клинок поразил человека или какую-то вещь, которую не мог задержать мой меч, — сказал Конан.

Одноглазый вздрогнул и поспешно обернул шелк вокруг меча.

— Я ничего не хочу знать об этом. На, держи.

Он пожевал губами, когда киммериец снова сунул его себе за пояс, и сказал:

— Я так и не знаю, что случилось с Гурраном. Как ты провел целую ночь без его лекарства?

— Я провел ее отлично и куда лучше, чем раньше, когда я

пил эту гадость, — хмыкнул Конан. — Пошли. Я так голоден, что смогу съесть дюжину этих голубей. Пора съесть парочку птичек прежде, чем они исчезнут в желудках наших друзей.

В задней части храма находились две большие комнаты без окон; в одной из них не было крыши. В этой комнате и был разведен костер, другая комната была использована как стойло. Энам и Шамил сидели на корточках перед огнем, жадно глотая куски поджаренного голубя. Кхитаец ел куда более аккуратно, в то время как Хасан сидел, нахмурившись, облокотившись на стену спиной и обхватив ноги коленями и как бы зло рыча на весь мир.

— Где Кай-Ше? — спросил Конан.

— Она ушла задолго до первых лучей солнца, — сказал Ордо с набитым ртом, — чтобы узнать, что еще происходит в городе.

— Я уже вернулась, — сказала Кай-Ше, стоя у двери в комнату, — и снова узнала много и мало. Мне потребовалось некоторое время, чтобы вернуться, потому в городе очень опасно и люди озверели, как животные. Разъяренные толпы бродят по улицам, и бандиты используют хаос, чтобы грабить и насиловать. Так как я — женщина и была без сопровождающего, меня дважды чуть не атаковали.

— Ты передвигаешься совершенно бесшумно, — похвалил ее Конан. Он мог поклясться на что угодно, что те люди, которые «чуть ли» не атаковали ее, могли забыть об этом навсегда... если они вообще остались в живых после этого.

— Так что ты узнала из многого и немногого сегодня?

Все еще одетая в свое вендийское платье, Кай-Ше неуверенно взглянула на Канг-Хоу, который просто вытер губы шелковой салфеткой и ждал.

— На рассвете, — начала она медленно, — Карим Сингх вступил в город. Вместе с ним в городе появились колдун Найпал и князь Кандар. Они забрали солдат из форта, увеличив число своих солдат почти до тысячи, и покинули город, отправившись на запад. Я слышала, как один солдат говорил, что они пошли к Лесам Гендали. Сундуки, которые тебя так интересуют, были упакованы на вьючных мулах, которых они взяли с собой.

Несколько секунд Конана раздирала неопределенность и неуверенность. Карим Сингх и Найпал могут спастись от его

мести. Было невозможно наверняка сказать, как много времени у него осталось, прежде чем яд полностью охватит его тело. И в то же время он знал, что была только одна возможность и только одно решение.

— Если они взяли с собой такое количество солдат, — сказал он, — то очень небольшое количество солдат сможет остаться во дворце Кандара, чтобы сторожить Виндру и Чин-Коу.

Глаза Кай-Ше опустились к полу, а ее голос стал простым шепотом.

— С ними были две женщины, покрытые вуалями, но полностью обнаженные и привязанные к седлам мулов. Одна из них была Чин-Коу, другая — вендийской женщиной... Прости меня, дядя. Я видела ее, но ничего не могла сделать.

— Тут нечего прощать, — сказал Канг-Хоу, — так как ты не допустила никакого промаха. Любой промах в этом случае — только мой.

— Возможно и так, — тихо сказал Конан, — но я думаю, что обе женщины очутились в лапах этих зверей только по моей вине. И это значит, что я должен сделать все, чтобы спасти их. Я не имею права просить любого из вас идти со мной на это дело. Не говоря уже о том, что на пути к их спасению стоит тысяча солдат, вы также знаете, что в этом деле замешан колдун, а он будет там, куда я направлюсь.

— Не будь глупцом, — зарычал Ордо, а Энам добавил:

— Береговое Братство не бросает своих в беде. Пританис никогда этого не понимал, но я понимаю, и очень хорошо.

— У него в руках Чин-Коу! — вырвалось у Хасана. — Неужели вы думаете, что я буду сидеть здесь сложа руки, в то время как Митра знает, что он может сделать с ней?

Казалось, он готов был сразиться с Конаном.

— Что касается меня, — сказал Канг-Хоу, мягко улыбнувшись Хасану, — она, конечно, всего-навсего моя племянница.

Лицо молодого туранца залилось краской смущения.

— Это вопрос семейной чести.

Шамил нервно засмеялся.

— Ну что ж, я не буду единственным, кто останется здесь. Я хотел приключений, и никто не может сказать, что это маленькое приключение.

— Тогда нам пора отправляться в путь, — сказал Конан, — прежде чем они успеют удрать от нас.

— Терпение, — сказал серьезно и строго Канг-Хоу. — Леса Гендали находятся на расстоянии десяти лиг отсюда, а тысяча людей путешествует гораздо медленней, чем шесть человек. Пусть же нас не постигнет неудача из-за отсутствия подготовки. В лесах множество жалящих мух, но я могу приготовить мазь, которая поможет нам.

— Мухи? — пробормотал Ордо. — Жалящие мухи? Колдуна для нас недостаточно, киммериец? Когда мы покончим с этим, ты должен мне за этих мух.

— Возвращение в Гвандиакан может быть опасным делом, — посоветовала Кай-Ше, — Вскоре в городе начнется бунт. На расстоянии одной лиги от леса есть, по словам людей, колодец; когда-то это было место остановки для караванов, в старые времена, но с тех пор он давно заброшен. Там я буду поджидать вас с едой и одеждой для Чин-Коу и Виндры. И с новостями о том, спокойно ли в городе. Я нарисую для вас карту.

Конан знал, что они были правы. Как часто он сам (в свои былые дни, когда он был вором) насмехался над другими, когда они недостаточно подготавливались к делу — и в результате их ожидала неудача?.. Но сейчас он только мог стиснуть зубы и заскрипеть ими от раздражения и бессильного гнева, что ему приходится снова ждать, хотя бы и несколько минут. Время и знание того, что яд все еще находится в его жилах, давили на него. Но он должен был увидеть Виндру и Чин-Коу свободными (а Карима Сингха и Найпала — мертвыми), прежде чем он сам умрет. Он поклялся себе в этом именем Крома.

Глава 22

Когда он ехал на лошади среди высоких деревьев Лесов Гендали, Конан не был уверен в том, что мазь Канг-Хоу была не хуже, чем укусы жалящих мух, которых она должна была отгонять. В ней, правда, не было никакого неприятного запаха, но ощущение от ее прикосновения было таким, как если бы его окунули в ванну с нечистотами. Лошадям, которых помазали этой мазью, она нравилась не больше, чем людям. Он хлопнул одну из мух, которая не испугалась даже едкой мази (укус насекомого был похож на раскаленную иглу, которую ему воткнули в руку), и скорчил физиономию, увидев несколько маленьких роев, которые окружали их крошечный отряд. Если вдуматься, возможно, эта мазь была не такой уж и плохой.

Покров леса вздымался и часто смыкался листвой над их головой. Многие деревья достигали в высоту более тридцати — тридцати пяти метров. Их высокие толстые ветви были покрыты густой листвой, почти не пропуская внутрь солнечный свет, а тот, который все же пробивался сквозь них, казалось, был зеленоватого оттенка. Стаи длинноногих юрких обезьян прыгали с дерева на дерево, цепляясь за лианы и ветви. Казалось, что тысячи «ручьев» коричневой шерсти перекатывались по деревьям во всех направлениях. Многочисленные стайки пестрых птиц (у некоторых из них были длинные, очень красивые разноцветные, переливающиеся, как у фазанов, хвосты) громко кричали с высоких веток, в то время как другие перелетали, как красивые цветные молнии на фоне зеленой листвы вверх и вниз.

— В степях Заморы нет таких мух, — проворчал Ордо, хлопнув себя по щеке. — Я мог бы быть сейчас там, вместо того чтобы быть здесь, если бы у меня была голова на плечах. В степях Турана тоже нет таких мух. Я мог бы быть там...

— Если ты не заткнешься, — пробормотал Конан, — то

единственное место, где ты будешь, это где-нибудь рядом с этой прогалиной. И ты будешь мертвецом, скорее всего, оставшись лежать там, где ты упадешь, на объедение мухам. Или ты думаешь, что солдаты Кандара глухие?

— Они не услышат ничего, кроме ветра и этих проклятых Митрой птиц, — ответил одноглазый, но замолчал.

Если говорить начистоту, то Конан не знал, насколько близко (или далеко) от них находятся вендийцы. Тысяча человек оставили бы тропу, которую невозможно было бы не заметить, но земля была влажной и болотистой, впитывающей воду, как губка. Почва была скользкой от тысяч ле. медленного, непрерывного гниения, и следы в такой почве было невозможно отличить от тех, что были сделаны пять часов тому назад или пять минут назад. Однако киммериец знал, что день уже почти закончился, так как он уже не мог больше видеть солнца. То, что они потратили изрядное количество времени на езду, делало это очевидным, и зеленоватый свет уже тускнел. Конан не думал, что солдаты смогли бы идти в темноте. Внезапно он резко осадил лошадь, заставив и остальных сделать то же самое, и напряженно вглядывался в то, что находилось впереди них. Громадные блоки из камня, заросшие плющом и диким виноградом, толщиной в руку взрослого мужчины, образовали широкую стену высотой до двадцати метров. Стена тянулась на север и юг, насколько ее мог охватить глаз в сумеречном зеленоватом свете. Прямо перед ним вырос вход с двумя башнями справа и слева, хотя сами ворота, которые когда-то закрывали его, давно уже исчезли. Свидетельством того, что с тех пор, когда стояли эти ворота, прошло много веков, было громадное баньяновое дерево, которое выросло прямо посередине. Киммериец видел и другие тени зданий среди буйной растительности, поглотившей крепость и город, массивные руины среди деревьев. И тропа, ведущая внутрь крепости, шла именно через эти ворота.

— Неужели они проведут здесь ночь? — спросил Ордо. — Даже сами боги не знают, что может скрываться в таком жутком месте.

— Я думаю, — сказал медленно Канг-Хоу, — что это может быть то место, куда они собирались идти.

Конан взглянул на него с любопытством, но щуплый купец больше ничего не сказал.

— Тогда мы пойдем вперед, — сказал киммериец, соскочив с седла. — Но мы оставим лошадей здесь.

Он продолжал говорить, увидев, что рты его друзей протестующе открылись.

— Человеку куда легче будет спрятаться, если он пеший, а мы должны быть как хорьки, прячущиеся в кустах. В этом месте — тысяча вендийских солдат, не забывайте об этом.

Это сразу отрезвило их. Оставить хотя бы одного человека с животными, решил Конан, будет хуже, чем бесполезно. Это уменьшит их небольшой отряд на одну саблю, а человек, оставшийся позади, не сможет сделать ничего, если вендийский патруль появится перед ним. Они все войдут одновременно в город. Конан с мечом в руке был первым, кто вошел в старинные ворота. Ордо шел следом за ним. Энам и Шамил прикрывали тыл со стрелами, лежащими наготове на тетивах их луков. Стоявший в середине отряда Канг-Хоу казался безоружным, но киммериец мог поклясться на что угодно, что метательные ножи купца лежали наготове в его длинных рукавах. Конан видел разрушенные города и прежде, некоторые были покинуты много веков назад, другие — даже более тысячи лет. Некоторые стояли на вершинах гор, пока земля не затряслась и не похоронила их. Другие стояли в пустыне, под вечными ветрами, которые медленно точат камни, так что тысячу-две лет чьи-то глаза смогут увидеть только обломки камней и подумают, что эти камни — всего лишь игра природы, напоминающая творение человека. Однако этот город был совсем иным, как будто какой-то жестокий бог, не желающий ждать, пока город медленно разрушается дождями и ветром, приказал лесу атаковать и поглотить все созданное человеком. Если они и шли по остаткам улицы, было совершенно невозможно сказать, действительно ли это была улица города, так как грязь, пыль и тысячи всевозможных растений покрыли все вокруг, и деревья росли на каждом шагу. Большая часть города вообще исчезла под ковром растительности, и не оставалось ни одного знака, что тут некогда находился большой могущественный город. Только самые массивные здания сохранились — дворцы и храмы. И даже они сражались с лесом, заранее зная, что эту битву они проигрывают. Колонны храма были настолько густо покрыты плющом и лианами, что только их регулярность и равномерное расположение говорили о их существовании вооб-

ще. В одном месте мраморные плитки дворцового портика заросли корнями гигантского дерева, в другом — стена из белого алебастра, теперь уже зеленая от плесени и мха, накренилась от растущего под ней другого массивного дерева. Шпили лежали, поваленные, на земле, и обезьяны, весело вереща, резвились на треснувших куполах храмов и дворцов, когда-то сверкающих позолотой, а теперь обвитых зеленью, лишайниками и лианами. Все в отряде чувствовали давящее напряжение и подавленность, исходившие от руин, но ни Конан, ни Канг-Хоу не позволили себе дать это почувствовать, по крайней мере внешне. Киммериец просто не мог себе позволить такую роскошь, как слабость в эту минуту. Время было дорого, да и кроме того, он не был уверен, что у них его осталось достаточно. Он брел по руинам в сгущающихся сумерках, напряженно вглядываясь в окружающую местность, его глаза пытались пронзить зеленые сумерки и тени, лежащие впереди.

И вот впереди показалось кое-что. Огни. Сотни рассеянных, разбросанных огней, сверкающих в сумерках таинственного леса, как гигантские бабочки. Конан почти ничего не видел с земли, но ближайшие лианы, как лестницы, свисали с балкона здания, которое когда-то, вероятно, было дворцом. Сунув меч в ножны и привязав колдовской меч за спину, киммериец стал карабкаться по одной из самых толстых лиан наверх. Другие последовали за ним так же ловко, как и обезьяны в лесу. Присев на корточках позади позеленевшей от времени и мха балюстрады, Конан внимательно вглядывался в огни. Это были факелы, установленные на вершине копий и шестов, воткнутых в землю, и они образовывали большой круг. Большая группа всадников-вендийцев окружала каждый факел, спешившись и нервно ощупывая рукоятки своих мечей, одновременно напряженно вглядываясь в стену растительности и леса, окружающую их. Как ни странно, ни одно из насекомых не было привлечено светом факелов.

— Похоже, что их мазь действует лучше, чем твоя, кхитаец, — пробормотал Энам, хлопнув себя по лбу и расплющив еще одного слепня.

Все остальные молчали. Всем было ясно, что охраняли солдаты. Большое кольцо факелов окружало здание, которое было более массивным, чем все, которые Конан видел до сих пор в мертвом городе. Покрытые колоннами террасы и огромные

купола вздымались на высоту, которая превышала в два раза самые высокие деревья-великаны в лесу, и в то же время многие большие деревья, в свою очередь, *тянулись* из щелей в этих террасах, превращая громадный комплекс зданий в маленькую гору.

— Если они находятся там, — сказал мягко Ордо, — то как, во имя Девяти Адов Зандру, мы найдем их в этом месте? Тут не меньше ста лиг коридоров и больше помещений, чем может сосчитать человек.

— Они находятся здесь, — сказал Канг-Хоу. — И я боюсь, что мы найдем там больше, чем только этих людей.

Конан резко посмотрел на купца.

— Ты знаешь то, чего не знаю я, не так ли?

— Я *ничего* не знаю, — ответил Канг-Хоу, — но я очень многого опасаюсь.

После этих слов он схватился за лиану и стал спускаться вниз. Конану ничего больше не оставалось делать, как только последовать за ним. Очутившись на земле, киммериец снова возглавил отряд. Две женщины были с Кандаром, а Кандар, вне всякого сомнения, был с Каримом Сингхом и Найпалом. В этом громадном здании, сказал Канг-Хоу, и несмотря на все отрицания и отговорки, Конан был уверен, что этот человек что-то знает. Ну что ж, будь что будет, подумал он. Между рядами солдат большие щели, в которые легко проникнуть, и можно было бы легко избежать тех немногих солдат, которые на конях патрулировали около факелов. Кусты и ползучие растения росли в щелях между мраморными блоками громадной лестницы дворца и приподняли плитки широкого портика у его основания. Высокие бронзовые двери стояли широко раскрытыми, покрытые толстыми листьями и корнями плюща, которые говорили о многих веках, с той поры когда их сдвинули с места. С мечом в руке Конан пошел вперед. Позади себя он услышал тихие, хриплые звуки, когда его друзья открыли рот от изумления, но он знал, что послужило им причиной, и поэтому даже не оглянулся. Его глаза смотрели прямо перед ним. От огромного портала широкий проход, выложенный красными плитками с золотыми листьями, шел между толстыми колоннами к огромному центральному залу под куполом, который вздымался в высоту. Киммериец подумал, что высота купола была не меньше ста метров. В самом центре этого зала стояла

мраморная статуя, нетронутая временем. Кожа Конана покрылась гусиной кожей, а по спине побежал холодок при виде кожаных доспехов этой фигуры, которые были вырезаны с большой детальностью, чтобы жизненность статуи была абсолютно совершенной. Однако вместо шлема с носовой перегородкой сияющая корона увенчивала громадную голову.

— Неужели это золото? — вырвалось у Шамила, когда он уставился на статую.

— Думай о том, что надо делать в эту минуту, — зарычал Ордо, — иначе ты не проживешь достаточно долго, чтобы думать о золоте.

Однако его глаза также блестели, как если бы он подсчитал вес этой короны до легкого пера.

— Я думал, что это была только легенда, — выдохнул Канг-Хоу. — Я надеялся, что это была только легенда.

— О чем это ты тут говоришь? — требовательно спросил Конан. — Это уже не первый раз, когда ты даешь нам понять, что ты знаешь что-то об этом городе. Я думаю, что пора рассказать нам всем, что тебе известно.

На этот раз кхитаец согласно кивнул.

— Две тысячи лет назад Орисса, первый царь Вендии, был похоронен в склепе, построенном в его столице, городе Махарастра. В течение пяти веков после его смерти ему поклонялись, как богу, в храме, который был построен на месте его гробницы и где была сооружена большая статуя Ориссы с золотой короной на голове. По преданию она была сделана из корон и скипетров всех царств и стран, которые он покорил. Потом в войне за трон Махарастра была захвачена одной из враждующих стран, разграблена и покинута жителями. С течением времени само место, где находился город, было забыто. До этого момента.

— Это все очень интересно, — сказал сухо Конан. — Но это не имеет никакого отношения к тому делу, из-за которого мы очутились здесь.

— Напротив, — сказал ему Канг-Хоу. — Если моя племянница погибнет, если мы все погибнем, то прежде, чем это случится, мы должны остановить Найпала, иначе он развяжет мешок с дьявольскими силами, с тем, что находится в гробнице под храмом. Легенда, которую я слышал, говорит очень смутно об ужасе, который не должен быть выпущен на свободу, но

предсказание, пророчество связано с ним. И я помню эти слова: «...Армия, которая не может погибнуть, снова пойдет в поход в тот момент, когда окончится само время и настанет страшный суд Богов».

Конан взглянул на каменные доспехи статуи и покачал упрямо головой.

— Я пришел сюда, чтобы освободить женщин, это главное. А потом я разберусь с Найпалом и теми двумя.

Сапоги, дробящие камушки, послышались слева от него в зале, и киммериец резко извернулся с мечом, который как будто сам просился ему в руки. Вендийский солдат с выпученными от боли глазами схватился за нож в его горле и медленно осел на каменный пол. Канг-Хоу поспешил к мертвецу и вытащил свой метательный нож из его горла.

— Кхитайские купцы, похоже, крепкие орешки, — сказал скептически Ордо. — Возможно, мы должны включить его в долю, когда будем делить эту корону.

— Сначала то, что надо сделать в этот момент, — хмыкнул Конан. — Помнишь?

— Я не говорю, что надо забыть о женщинах, — проворчал одноглазый, — но почему бы нам заодно не прихватить с собой и корону?

Конан не обратил внимания на его слова. Он куда больше интересовался тем, откуда пришел этот солдат. Только одно отверстие (и оно находилось близко от трупа) вело к ступеням, ведущим вниз, в подвальные помещения храма. У самого основания этих ступеней он видел маленький огонек, похожий на факел.

— Спрячьте вендийца, — приказал он. — Если кто-то начнет искать его, они сразу поймут, что рана на его груди нанесена отнюдь не обезьяной.

Нетерпеливо поигрывая мечом, он ждал, пока Хасан и Энам унесут труп в темный коридор и вернутся назад. Не говоря ни слова, он стал спускаться в подземелье по широким ступеням.

Глава 23

В громадном помещении с высокими потолками глубоко под храмом, когда-то посвященном Ориссе, Найпал снова задержался в своих приготовлениях, чтобы взглянуть с напряженным ожиданием и нетерпением на проход, на дверь, ведущую к его власти. Многие двери вели в это помещение, и тысячи переходов и тоннелей пересекались по несколько раз в лабиринте под храмом. Эта огромная мраморная арка, на каждом камне которой были начертаны символы колдовства и заклинаний, была загорожена гигантской массой того, что казалось на первый взгляд гладким камнем. Это действительно было похоже на камень, но меч отскакивал от стены, как от стали, и оставлял даже меньше царапин на ней, чем на металле. А весь проход к гробнице, который был не менее ста шагов в длину, был закрыт адамантиновой массой, как говорила старинная карта, начертанная Масроком. Колдун покачнулся от усталости, но сладкий запах успеха, который был так близко, заставил его идти вперед, подавляя даже страшную головную боль. Он расположил пять *корасани* на их золотых треножниках на краях аккуратно вычисленного актагона, который он начертил на мраморных плитках пола углем, приготовленным из сожженных костей девственниц. Установив самый большой из гладких черных камней на треножнике, он широко развел руки в черных рукавах и начал нараспев читать первое заклинание:

— *Кама-ин да-эль! Да-ин-вар хой-лар! Кора мар!*

Все громче и громче звучало его заклинание, отражаясь эхом от стен, звеня колоколами в ушах, раскалывая болью череп. Карим Сингх и Кандар зажали свои уши ладонями и застонали. Две женщины, полностью обнаженные (если не считать их вуалей), сидели у стены, связанные по рукам и ногам, и выли от боли. Только Найпал держался и не издал ни одного стона, наслаждаясь реверберацией, которая коснулась даже

его костей. Это была музыка силы. Его Силы. Огненные полосы метнулись с самого большого *корасани* к остальным камням, а затем с маленьких камней — к своим пылающим собратьям, образовав октаграмму ослепительно сияющего огня. Воздух между горящими струями пламени дрожал и перекатывал волнами, как будто пламя было растянуто до толщины газовой материи, и все оно гудело и трещало от ярости.

— Ну вот — сказал Найпал. — Теперь охраняющие гробницу демоны, Сивани, отгорожены от этого мира, пока они не будут вызваны по имени.

— Все это замечательно, — пробормотал Кандар. Но в действительности зрелище колдовской силы Найпала весьма умерило его дерзость и заносчивость. — Но каким же образом мы попадем в гробницу? Мои солдаты не смогут пробить тоннель через эту стену. Сможет ли пламя твоих камней расплавить то, что чуть не сломало лезвие моей сабли?

Найпал уставился на человека, который должен был возглавить армию, которая была похоронена в гробнице в ста шагах от них (или, по крайней мере, человек, о котором мир будет думать, что он ее возглавляет), и наблюдал с удовлетворением, что его самоуверенность съежилась еще больше. Колдуну не нравились те, кто не мог сосредоточить свои мысли на главном. Настойчивость Кандара в том, что женщины должны были наблюдать момент триумфа — *его* триумфа! — раздражала Найпала. В эту минуту Кандар был нужен ему, но (Найпал уже решил про себя это) в будущем ему придется заменить Кандара кем-то другим. А Кандар... Ну что ж, он сделал свое дело, и его гибель будет тихой и незаметной. Этот надменный петух уже давно раздражал колдуна. По крайней мере, Карим Сингх, стоявший в эту минуту с пепельным от страха лицом, покрытым бисеринками пота, был более послушен и внимателен. Вместо того чтобы ответить на его вопрос, Найпал спросил его острым как бритва тоном:

— Ты уверен, что мои приготовления выполнены тобой, как я приказал? Телеги, наполненные беспризорными детьми, должны уже прибыть сюда в эту минуту.

— Они прибудут, — ответил мрачно Кандар. — Скоро. Я послал своего телохранителя, чтобы он убедился в этом, не так ли? Но на это требуется время, чтобы собрать столько телег. Губернатор может...

— Молись, чтобы он выполнил только то, что ему приказано, — прорычал Найпал.

Колдун потер свои виски. Все его замечательные планы теперь брошены в водоворот спешки и импровизации из-за этого проклятого *пан-кора*. Он быстро схватил последние четыре *корасани* из ларца из черного дерева и поставил их на золотые треножники. Они были так близко от тюрьмы демона, что вполне сгодятся для того, чтобы вызвать его. Он был достаточно осторожен и поставил треножники на большом расстоянии от остальных пяти камней, чтобы они не пересекли их своими лучами. Резонанс мог оказаться в этом случае смертельным. Но резонанса не будет, не будет никакой ошибки. Этот проклятый голубоглазый варвар, это порождение демона будет побеждено.

— *Э'лас элойхим! Марраф савиндай! Кора мар! Кора мар!*

* * *

Конан был очень рад лучам света, струившимся от дымных факелов, каждый из которых мерцал в темноте. В подземелье было больше сотни темных тоннелей, образовывающих громадный лабиринт, в котором было легко заблудиться, но факелы делали его дорогу более легкой и указывали ему путь. И в конце этого пути было то, что он искал. Внезапно киммериец напрягся. Позади него послышался топот ног. Множество стучащих по камню сапог.

— Они, должно быть, нашли тело, — сказал Ордо и бросил гневно-презрительный взгляд на Энама и Хасана.

Конан поколебался только одну секунду. Оставаться здесь означало попасть в одним богам известно какую переделку.

— Рассыпаться, — приказал он. — Каждый должен найти свою дорогу, как может. И пусть удача самого Ханнумана будет с нами всеми.

Великан киммериец подождал только до того момента, пока его товарищи не исчезли в каждом из темных тоннелей, а потом выбрал сам один из них. Последние искорки света потухли позади него. Он замедлил свои шаги и пошел медленнее, ощупывая гладкую стену и осторожно ступая ногами на пол тоннеля, который он уже больше не видел. С мечом в руке он шел, вытянув вперед лезвие своего оружия, и как бы пронзая им плотную темноту. Внезапно, густая темнота перестала быть

таковой... На мгновение он подумал, что это просто следствие того, что его глаза привыкли к перемене освещения, но потом он понял, что впереди снова появился источник света. Источник, который приближался к нему. Прислонившись спиной к стене, он ждал его приближения. Медленно, но верно источник света становился все ближе и ближе, и было ясно, что он горит как факел.

Фигура человека становилась все четче и четче. Но в руке его был не факел (хотя он и нес его так же, как факел), а скорее всего то, что было похоже на металлический стержень, увенчанный пылающим шаром. Челюсть Конана сжалась при виде этого явного колдовства. Но человек, приближающийся к нему, был не похож ни на одного из тех, кого он видел во дворце Кандара, он не был похож на того, кто, как он думал, был Найпалом. Но он сразу же узнал его, когда незнакомец остановился, вглядываясь в темноту перед собой, как бы чувствуя присутствие Конана. Это был Гурран, но Гурран, чей возраст уменьшился чуть ли не наполовину. Ему было не больше пятидесяти лет на вид.

— Это я, гербариус, — сказал киммериец, отступив от стены, — Конан. И у меня есть к тебе несколько вопросов.

Человек, *который уже не был таким старым*, отшатнулся и уставился в недоумении на него.

— Ты действительно сумел получить один из этих кинжалов? Как?.. Впрочем, это не имеет значения. Этим оружием я смогу поразить демона, если нужно. Дай его мне!

Часть шелковой материи, должно быть, развернулась от ходьбы, понял Конан, и обнажил слабо мерцающий металл серебристой рукояти. Он снова покрыл материей оружие.

— Мне оно нужно, гербариус. Я не буду спрашивать о том, каким образом ты стал моложе и как ты сделал свой «факел», но что ты делаешь здесь, в эту минуту? И почему ты бросил меня умирать от яда после того, как мы очутились в самом центре Вендии?

— В тебе нет никакого яда, — пробормотал нетерпеливо Гурран. — Ты должен отдать мне кинжал. Ты не знаешь, насколько опасно это оружие.

— Никакого яда? — Конан сплюнул. — Он мучил меня уже не один день. Я не провел даже одной ночи без боли, которая выворачивала наизнанку мой желудок, и мои мышцы горели

огнем, как от пытки. Ты сказал, что ищешь противоядие, но ты оставил меня там — умирать!

— Глупец! Я дал тебе противоядие еще в Султанапуре! Все, что ты чувствовал после этого, — это просто твое тело пыталось избавиться от настоек, которые я давал тебе, чтобы ты думал, что ты все еще отравлен.

— Зачем? — спросил Конан.

— Потому что ты был нужен мне. Мое тело было слишком дряхлым, чтобы предпринять в одиночку это путешествие, но как только я увидел содержимое этих сундуков, я знал, что *должен* это сделать. Найпал собирается выпустить на свободу величайшее зло и страшную дьявольскую силу, и только я один могу остановить его. Но я должен получить этот кинжал!

Расширенные глаза Гуррана предупредили Конана так же, как и то, что свет в тоннеле стал ярче. Киммериец присел на корточки, быстро уйдя влево, после чего извернулся, как змея, и выбросил вперед лезвие своего меча. Вендийский тулвар рассек воздух над его головой, но его собственный меч впился до середины лезвия в живот врага. Умирающий солдат упал, а двое его товарищей, бегущих со всех ног к нему, прыгнули сверху на Конана. Могучий киммериец схватился с ними в свете их упавших факелов. Гурран исчез вместе со своим магическим факелом. Конан и оба солдата катались, ревя от злобы, по полу. Один из вендийцев закричал от боли, когда факел, лежащий на полу, зажег его одежду, а потом снова дико крикнул, когда лезвие кинжала вонзилось ему в спину. Руки Конана сомкнулись, как клещи, на шее солдата, который убил своего приятеля, в темноте приняв его за противника. Треск переломанных позвонков шеи был громким, сухим звуком в темной тишине подземелья. Но Конану не нужно было много света, чтобы подняться на ноги. Он без колебания развернул шелк, покрывающий странную материю, и взглянул на диковинное оружие. Гурран назвал его кинжалом, но какая чудовищная рука могла использовать его, подумал с недоумением киммериец. И оно могло убить демона. Какого демона? Но для какой бы руки или предназначения не было сделано это серебристое оружие, его мерцающее сияние было тусклым, но достаточным светом в темноте тоннеля, хотя этот свет был жутким голубым мерцанием, на который было нелегко смотреть. С его помощью Конан поднял с пола свой меч и снова медленно дви-

нулся по тоннелю. Вскоре он услышал голоса, гулко отдававшиеся эхом в других проходах. Он с большим трудом определил их направление и мрачно пошел к ним.

* * *

Гром потряс помещение, и обсидиановая блестящая форма Масрока возникла в центре огненной клетки. Пятеро из восьми рук держали серебристое оружие и выглядели абсолютно идентичными, и все же было похоже, что их использовали совсем недавно.

Эта мысль пульсировала в глубине человеческого мозга и шептала о жестокости и смерти. Карим Сингх и князь Кандар отступили от гигантской фигуры демона, хотя он и не мог коснуться их. Связанные женщины, казалось, окаменели от ужаса и шока при виде этого чудовища.

— Ты слишком тонко разрезал материю, о Человек! — загремел Масрок. Его рубиновые глаза метнулись к горящей пентаграмме, и этот взор, казалось, был нервным. Впрочем, возможно, это только показалось? — Задержка на один удар человеческого сердца, и остальные демоны бросились бы на меня. Кто тогда служил бы тебе, о Человек?

— Масрок, я приказываю тебе... — начал было Найпал, когда с десяток вендийских солдат ворвались в зал.

— Князь Кандор! — закричал один из них. — Кто-то сумел...

— Ты осмеливаешься прерывать меня? — завыл Найпал. Он произнес слово, которое заставило содрогнуться даже его самого, и молния сверкнула с самого большого из *корасани*. Одинокий вскрик пронзил воздух, и копоть, только отдаленно напоминая солдата, который закричал, упала на каменный пол. Солдаты с тюрбанами на голове и тулварами в руках бросились прочь из зала, крича от ужаса. Карим Сингх и князь Кандар пытались заговорить одновременно.

— Я не люблю, когда моих солдат убивают просто так, под руку! — крикнул зло Кандар.

— Донесение, должно быть, было важным! — вторил ему *вазам*.

Оба они плотно сжали зубы, когда темные глаза Найпала повернулись к ним.

— Умрет тот, кого я считаю нужным умертвить, и важно будет то, что я считаю важным. Вот это важно!

Колдун снова переключил свое внимание на демона, который равнодушно наблюдал за происходящим.

— Ты откроешь мне дорогу к гробнице, Масрок. Мне безразлично, как ты это сделаешь.

— Находясь в этой клетке? — ответил Масрок с остатками прежнего сарказма.

— Открой ее! Сейчас же!

На мгновение красные глаза демона встретились с глазами цвета черного дерева, и звук, который издал демон, заставил содрогнуться человеческую плоть. Однако это длилось только одно мгновение. Звук перешел в тончайшую вибрацию, которая пронзила уши людей острой болью, после чего его вообще не стало слышно. И в то же время двигающиеся челюсти Масрока говорили о том, что он продолжал свой зов. Внезапно его зов был услышан. В зале были... было *что-то*. Что именно и сколько их находилось в зале, было просто невозможно сказать, так как было даже больно и страшно смотреть на них прямо и даже беглый взгляд не мог дать точного описания существ, так как их тела передвигались, не останавливаясь ни на секунду. Это были словно тени, но жуткие, страшные тени, которые могли бы вызвать кошмары на всю жизнь у увидевшего их человека. Клыки, с которых капала слюна и шипела на камне, как расплавленное железо, и тонкие как иглы шипы, напоминающие хрустальные иглы. Отражающиеся в свете факелов пластины их чешуи и крылья чудовищ, которые, казалось, растягивались в бесконечность, — все это производило жуткое впечатление. Казалось, что их тела, когти и крылья уходили далеко-далеко отсюда (гораздо дальше, чем стены этого зала, это уж наверняка). Кандар стоял с посеревшим лицом, дрожа почти так же сильно, как и женщины, которые извивались в своих путах и выли от страха и отчаяния. Губы Карима Сингха двигались быстро и молчаливо; Найпал вдруг с некоторым удовлетворением и весельем понял, что *вазам* читает молитву. Колдун также понял, что жуткие чудовища, столь страшные для человеческого глаза, послушно склонились перед Масроком, который пригвоздил их к месту своим огненным взором. Возможно, подумал колдун, он вызвал и держал на цепи более могущественные силы, чем планировал вызвать. Это только усилило его желание вернуть демона в темницу, которую он делил с остальными своими собратьями. Человеческие черепа,

служащие орнаментом Масроку, застучали друг о друга, когда он поднял одно из своих серебристых пылающих копий и указал им на забитый странным камнем проход. Жуткие существа бросились к адамантовой глыбе и стали царапать ее когтями, кусать и пожирать большие куски камня своими страшными острыми зубами. Масса дьявольских созданий постепенно, медленно прогрызала камень, оставляя за собой щель, достаточно большую, чтобы в нее вошел человек.

— Очень впечатляюще, — произнес чей-то голос от одного из входов в зал.

Найпал резко повернулся, готовый произнести слово, которое бы снова бросило молнию в дерзкого человека с одного из *корасани*, и казалось, что сердце в его груди превратилось в кусок льда от ужаса.

— Заил Бал, — выдохнул он и широко раскрыл рот. — Ты ведь мертв!

— Ты никогда не поверишь своим глазам, Найпал, — сказал незнакомец, — когда ты хочешь верить только тому, что хочешь видеть. Разумеется, у тебя есть на это причина. Ты видел, как меня унес *раджайе* прямо на глазах у царя и придворных. — Темные глаза Заил Бала сузились. — И многие из моих амулетов были хитро подменены или заворожены. И все же я сумел убить всех напавших на меня демонов, хотя и не без труда для себя, это правда, это стоило мне немало. Я очутился на берегах Вилайета в дряхлом теле старика и слишком старым, чтобы пройти даже одну лигу.

Его огненный взор упал на заключенного в клетку Масрока, который молчаливо смотрел на смертных людей, а потом на проход, в котором исчезли дьявольские создания.

— Ты неплохо справлялся со своими делами в мое отсутствие, ученик. Я не мог найти это место до моего... м-мм... происшествия.

— Я больше не являюсь твоим учеником, — зарычал Найпал. — Я — придворный маг! Я — повелитель!

— Ты — повелитель? — Голос Заил Бала был сухим и жестким. — Карим Сингх может сесть на свой трон, а Кандар может называть себя генералом, но армия, которая лежит там, внизу, будет сражаться для меня, Найпал, а не для тебя. Демон будет служить *мне*.

Глаза Найпала метнулись к *корасани*. Неужели он осме-

лился на это? Он даже не подозревал, что Заил Бал тоже искал место гробницы Ориссы, и этот факт поднял много неприятных гипотез. Ему не стоит рисковать тем, что бывший придворный маг, возможно, тоже знал заклинание власти. Стоит ли ему также рисковать вступить в борьбу с ним, не зная наверняка этого факта? Ну что ж. Если один из них начнет произносить слова заклинания, то другой тоже сделает это. Природа этих камней такова, что они могли подчиняться только одному повелителю. Если ни один из колдунов не сумеет достаточно быстро получить контроль над ними, оба мага погибнут, как, впрочем, и все живое в радиусе десятка лиг. Найпал отнюдь не собирался забирать с собой в могилу своего противника. Ему нужна была победа, а не гибель.

— Ты сказал, что твое тело было дряхлым, — сказал внезапно Карим Сингх, и голос его задрожал, — однако ты выглядишь моложе меня. Тебе не больше, чем сорок лет. Я хорошо помню тебя, и ты был старше, чем сейчас, когда...

Его голос прервался, когда Заил Бал усмехнулся в ответ на эти слова. На этот раз его смешок был сухим, как песок на могиле.

— Да, я моложе, чем я был раньше, и я стану еще моложе в будущем. Ну, а как насчет тебя, Найпал? Не страдаешь ли ты от страшного утомления, которое не может излечить даже крепкий сон? Нет ли у тебя головной боли у висков, раскалывающей на куски череп?

— Что ты сделал? — прошептал Найпал, и потом закричал те же слова: — *Что ты сделал?!*

Второй колдун засмеялся, когда заговорил. И в его голосе все еще слышался веселый тон, он явно наслаждался собой.

— Неужели ты думал, что я не оставил никаких связей-ниточек со своим учеником? Они были бесполезны на большом расстоянии, когда я находился в Туране, но как только я пересек Гимелеи... ха-ха... С того момента я мог черпать жизненную силу из твоего тела через эти нити, Найпал, хотя и не совсем так, как это делали *раджайе* со мной. Ты не станешь стариком. О нет. Просто ты будешь очень усталым. Таким усталым, что ты не сможешь стоять на ногах или даже поднять голову. Но не бойся, что я оставлю тебя умирать, Найпал. Я не сделаю такую вещь с моим *преданным* учеником. Нет, я дам тебе вечную жизнь. Я брошу тебя в сухое безопасное место, где только

бесконечная жажда будет отвлекать тебя от головной боли и укусов крыс. Разумеется, крысы перестанут кусать тебя, когда ты достаточно состаришься и съежишься, как сухой лист. Ты будешь высохшим каркасом, в котором будет теплиться жизнь, пока ты не рассыплешься в пыль. И я могу заверить тебя, что это потребует очень долгого времени.

Найпал не сделал ни одного движения и не произнес ни одного слова во время речи Заил Бала. Этот дурень должен был усыпить его, подумал он. Теперь же ему нужно начать игру.

Наступит момент, когда бывший придворный маг ослабит свое внимание, и тогда Найпал начнет читать заклинания тихим шепотом. К тому времени, когда Заил Бал поймет, что происходит, будет уже слишком поздно. Это *должно* случиться слишком поздно для него. Карим Сингх задохнулся и раскрыл рот, судорожно хватая ртом воздух. Найпал взглянул на стену. Движущаяся масса адских созданий, вызванных Масроком, вернулась из горла прохода, сделанного ими в гробницу.

— Все сделано, о Человек, — произнес восьмирукий демон. — Путь в гробницу открыт.

Глаза всех присутствующих обратились к проходу. Заил Бал прошел мимо клубящегося ужаса, даже не взглянув на него, но не так, как будто ему было страшно смотреть на них, а как если бы он не хотел себя беспокоить такой «мелочью» в этот момент. Даже Кандар и Карим Сингх преодолели страх и подошли ближе. Найпал начал яростно шептать заклинания.

* * *

Сидя на корточках в конце одного из тоннелей, которые вели в подземный зал, Конан прикинул на вес серебристое оружие в своей руке. Кинжал, как его называл Гурран. Или Заил Бал, как он себя называл. И киммериец видел теперь, как близнец этого кинжала был схвачен громадной восьмирукой фигурой. О многом из того, что было сказано в этом зале, можно будет поразмыслить и позже, но было еще кое-что из того, что сказал Гурран — Заил Бал, что было очень важно. Оружие могло поразить демона, и судя по всему, подумал Конан, он имел в виду эту громадную обсидиановую массу. Кажется, его называли Масрок. Возможно, этим оружием удастся одолеть и других демонов. Конан попытался еще раз взглянуть на демонов и понял, что его взгляд остался незамеченным. Их внезапное появ-

ление из второго прохода, как раз когда он собирался войти внутрь, пока Заил Бал и Найпал спорили, было своеобразным шоком. Но сейчас все глаза присутствующих впились в проход, ведущий к гробнице, откуда появились эти жуткие создания, и, возможно, он сумеет добежать до женщин, прежде чем его заметят. Что касается того, что случится после этого... С фаталистическим, мрачным чувством он поднял свой меч в одной руке и серебристый кинжал в другой. А потом он должен был задержать погоню, как можно дольше, чтобы женщины сумели спастись.

Передвигаясь быстро и бесшумно, он вступил в подземный зал. Его глаза все время перемещались с женщин на остальных. Виндра и Чин-Коу, обнаженные и связанные в лодыжках и запястьях, лежали, дрожа от страха. Их глаза были плотно закрыты. Найпал бормотал что-то себе под нос, наблюдая за остальными людьми, которые смотрели только на тоннель, пробитый демонами. Тоннель вел к армии, как утверждал Гурран, или Заил Бал, так? Армия, о которой говорил Канг-Хоу, армия, которая должна прийти в конце времени? Воины, вроде того, с которым он уже сражался во дворце Кандара? Он не станет терять времени, думая об этих тревогах в эту минуту. Демоны, которые вышли из тоннеля, казалось, смотрели в одну точку — на громадную черную массу, которая висела в воздухе, в центре зала, в то время как она... Конан на секунду задержал дыхание. Эти красные жуткие глаза теперь уставились на него. Он ускорил свои шаги по направлению к женщинам. Если демон выкрикнет сигнал тревоги, он все еще сможет... Массивные руки, держащие длинные пылающие копья, отошли назад. Конан зарычал про себя. Схватив серебристое оружие за рукоять, он метнул длинный кинжал в демона, после чего бросился к женщинам. Огромная вспышка огня и сильный взрыв потряс зал до основания, и Конан приземлился прямо на женщин, когда земля затряслась под его ногами. Ошеломленный, он схватился отчаянно за свой собственный кинжал, наблюдая за жуткой сценой. Люди неуклюже поднимались на ноги там, где взрыв бросил их на землю. Расколотые обломки черных камней лежали в маленьких лужицах расплавленного золота. И Масрок стоял на каменном полу с двумя кинжалами, мечами и копьями в руках.

— Свободен! — громовым голосом закричал Масрок, и с

диким воем жуткие создания, которых он вызвал, поднялись к потолку или ушли в камень пола.

Красные, горящие ненавистью глаза сверкнули, посмотрев на Найпала

— Ты угрожал мне этим кинжалом, о Человек. — Громовой голос был тяжелым и едким от насмешки. — Как я хотел, чтобы ты поразил меня им. Изнутри твой барьер был непреодолимым, но снаружи... Любой неживой предмет мог пересечь его с легкостью, и этот кинжал, созданный демоном, в котором было могущество, о котором ты даже не мог и мечтать, разрушил все твои путы, сковывающие меня. *Все*!

Сначала надо перерезать ремни на лодыжках, сказал самому себе Конан, когда кинжал очутился в его руке. Женщины могут бежать и с руками, связанными за спиной, если это необходимо.

— Я всегда хотел дать тебе свободу, — сказал хрипло Найпал. — Мы заключили договор.

— Глупец! — зарычал демон. — Ты связал меня, посадил в клетку, сделал одного из Сивани своим слугой. И *ты*! — Огненные рубиновые глаза пригвоздили к месту Заил Бала, который сделал было попытку юркнуть в один из проходов-тоннелей. — Ты собирался сделать то же самое. Теперь вы оба узнаете, какую цену вы заплатите за то, что осмелились сделать это!

Оба колдуна отчаянно выкрикнули заклинания, но пылающие голубые копья метнулись с рук Масрока, пронзив каждого из колдунов насквозь в грудь. Почти в тот же момент серебристые копья метнулись назад в руки демона, неся на себе все еще живые жертвы. Крики боли прорезали воздух, и их руки бесполезно сжимали копья, пронзившие их и теперь уже ставшие красными от крови.

— Теперь вы будете вечно со мной, дерзкие смертные! — громовым голосом пророкотал Масрок.

Демон закрутился волчком, исчезнув на секунду в темном обсидиановом вихре, пронизанном искорками серебра. Еще через мгновение он снова появился в зале, но на этот раз колдуны уже исчезли. Но по одному свежему черепу свешивалось теперь с каждого из его копий, черепу, чьи пустые глазницы еще говорили о жизни, которая была в них за секунду до этого, и крики колдунов, отдаваясь слабым эхом, как будто с большого расстояния, все еще были слышны здесь.

Перерезав последний ремень, стягивающий запястья женщин, Конан поднял одним рывком женщин на ноги. Стеная и всхлипывая, они прижались к нему, но он оттолкнул их к ближайшему из проходов, в котором мелькал огонек факела. В этом тоннеле был отмеченный мелом путь наружу, тот, который они смогли бы использовать даже без его помощи.

— И ты тоже, — зарычал демон, и Конан понял, что глаза демона теперь смотрели на него.

Не отрывая глаз от чудовища, он начал отступать по направлению к женщинам, но медленно. Если самое страшное случится, то между ним и женщинами будет какое-то расстояние.

— Ты хотел убить меня, жалкий смертный, червяк, — сказал демон. — Ты тоже узнаешь... — Звук, похожий на то, как если бы все ветры мира завыли сквозь лабиринт тоннелей в эту секунду, наполнил громадный зал, но даже легкого ветерка не появилось в помещении. Дикий вой внезапно затих, и два демона, бывших точной копией Масрока, стояли справа и слева от него в зале.

— Предатель! — закричал один из них, и было похоже, как если бы заговорил раскат грома. — Гробница, которая должна быть открыта в конце времени, открылась до этого момента!

Масрок слегка отодвинулся, и его огромная голова дернулась, переводя взгляд с одного демона на другого.

— Убийца! — закричали оба демона одновременно. — Один из Сивани мертв, сраженный рукой другого Сивани!

Масрок поднял свое оружие, приготовившись защищаться. Ни один из демонов теперь не обращал внимания на Конана. Киммериец резко повернулся и поспешил вслед за женщинам, но он обнаружил их стоящими неподвижно у выхода из зала. Кандар стоял перед ними с обнаженным кривым тулваром и не пропускал их дальше. Лицо князя было пепельным и блестящим от пота, а его глаза перебегали с одного демона на другого. Он с трудом сдерживал свой ужас.

— Можешь забирать себе кхитайскую шлюху, — хрипло сказал он, — но Виндра принадлежит мне. Решай быстро, варвар. Если мы останемся здесь, когда начнется их битва, никто из нас не уйдет отсюда живым.

— Я уже решил, — сказал Конан, и его меч метнулся вперед. Дважды сталь ударила со звоном о сталь, и вендийский князь рухнул на каменный пол со страшной рваной кровавой

раной на своем горле. — Бегите! — скомандовал Конан женщинам.

Он не смотрел назад, когда они побежали изо всех сил в тоннель. Земля колыхалась и гудела у них под ногами. Битва демонов началась. Звуки боя преследовали их на протяжении всего утомительного бега. Треск молний и удары грома гулко отдавались в лабиринте подземелья. Земля вздрагивала и колыхалась, и песок и камешки стали осыпаться с потолка. Сунув меч в ножны, Конан схватил подмышки обеих женщин и увеличил скорость, стараясь как можно скорее уйти от яркого источника голубого света и от наполненной падающими камнями темноты.

Пламя факелов, висевших далеко от них на стенах, колебалось, когда перед ними появились ступени. Он перепрыгивал через три ступени сразу. Массивные колонны в громадном зале дрожали и колебались, а громадная статуя Ориссы качалась и, казалось, рухнет в любую минуту. Не замедлив свои шаги ни на секунду, Конан пробежал мимо высоких бронзовых ворот и слился с темнотой ночи. Снаружи дворца кольцо факелов все еще оставалось на прежнем месте, качаясь по мере того, как земля дрожала и колыхалась, как море в порывах ветра, но солдаты уже убежали.

Пятидесятиметровые деревья раскалывались, как будто это были тонкие тростинки. Конан бежал по лесу, пока не зацепился ногой за толстый корень и не свалился на землю вместе со своей ношей. Он не смог подняться сразу, а вместо этого только прижался плотнее к земле, которая сотрясалась и дрожала от волн, как во время землетрясения, но наконец он посмотрел назад.

Огромные молнии прорезали небо со стороны храма, подбросив огромные куски камней в воздух и осветив голубыми вспышками беснующийся лес. И купол за куполом, колоннада террас за колоннадой, огромный храм рухнул, осев внутрь, погрузившись в землю, как живое существо. Вспышки молнии осветили руины, которые были теперь не выше деревьев, окружающих их, затем они стали не выше половины деревьев, и наконец всего-навсего холм обломков и щебня остался от некогда могучего храма.

И так же внезапно, как и начались, молнии погасли. Земля еще раз, как бы в агонии, покачнулась и осталась неподвиж-

ной. Конан неуверенно поднялся. Даже холма уже не было перед ним. По правде говоря, перед ним вообще ничего не было, за исключением ровной поверхности земли и щебня.

— Их поглотила земля, — сказал он мягко, — и вход снова закрылся.

Внезапно на его руках повисли обнаженные плачущие женщины, но его мысли были уже заняты совсем другими вещами. Лошади. Похоронены ли демоны вместе с гробницей или нет, он не собирался оставаться здесь достаточно долго, чтобы узнать это.

Эпилог

Конан скакал до самого рассвета, мрачно сжав зубы и думая о том, не встретятся ли на его пути несколько вендийских солдат, которые, возможно, захотят узнать, откуда он появился, или, возможно, спросят о происхождении кавалерийского вендийского седла на его лошади. Это было бы лучше, чем холодное молчание тех, кто шел на лошадях за его спиной — Виндры и Чин-Коу. Он крепко держал в руке поводья их лошадей, и это было необходимостью — иначе эти глупые женщины могли бы отказаться от того, чтобы покинуть лес.

— Ты должен найти нам одежду, — внезапно сказала Виндра. — Я не должна показываться в таком виде.

— Это постыдно и так не подобает нам, — добавила Чин-Коу.

Конан вздохнул. Это был уже не первый раз, когда они предъявляли ему это требование, хотя у них не было ни малейшего представления, как и где он сможет раздобыть им одежду. Они молчали уже больше часа, и это объяснялось тем, что, раздраженный их глупыми жалобами, он отпарировал, что их уже видела как минимум половина жителей Гвандиакана. Он повернулся в седле, чтобы взглянуть на их лица. Лица обеих женщин все еще были покрыты вуалями, но это было единственной их «одеждой». Он уже спросил их, почему они все еще носят их, так как они явно ненавидели эти кусочки материи, но они забормотали, непонимающе глядя на него, что могут быть узнаны людьми, и они пришли в такое сумасшедшее состояние, что кто-то может увидеть их (хотя в лесу было темно, хоть глаз выколи), что он решил больше не поднимать эту тему. Они уставились на него своими темными яростными глазами, пронзая его взором из-под своих вуалей, хотя каждая из женщин сидела прямо в своих седлах, явно не осознавая своей наготы.

— Мы уже почти дошли до старого колодца, — сказал он им. — Кай-Ше должна быть там с одеждой для вас.

— Колодец? — воскликнула Виндра, явно пытаясь спрятаться за высокой лукой седла. — О боже!

— Там могут быть люди! — простонала Чин-Коу, тоже шокированная этими словами.

Прежде чем они сумели соскочить со своих седел и спрятаться (а они уже сделали это один раз), Конан ударил пятками в бока своей лошади, пустив ее в галоп и таща за собой их лошадей, не слушая их стоны и протесты. Стена вокруг старого колодца еще стояла, окруженная деревьями, которые были куда меньшими, чем те, что росли в лесу. Сам же колодец давно уже обрушился. Кусок каменной стены все еще стоял неподалеку от него, возможно, когда-то это было караван-сараем. И рядом с колодцем были люди. Конан улыбнулся, когда пробежал по ним глазами. Ордо и Энам, играющие в кости. Хасан и Шамил, прислонившиеся спиной к стене. Канг-Хоу, пьющий какой-то дымящийся напиток из крошечной чашки, деликатно держа ее в руках, в то время как Кай-Ше сидела на корточках перед костром, над которым висел металлический чайник, попискивающий паром. Одежда их была изрядно потрепана, некоторые из них были покрыты повязками, но они вскочили на ноги с радостными криками при появлении Конана и женщин. Кай-Ше не сказала ни слова, но вместо этого побежала с тюком одежды в каждой руке. Обе женщины, как заметил Конан, соскочили со своих седел и спрятались за своими лошадьми. Он соскочил с коня, оставив их, чтобы они могли спокойно одеться, и пошел встречать мужчин.

— Я думал, что на этот раз тебе уже точно пришел конец, — пробормотал ворчливо одноглазый.

— Но я жив, — засмеялся Конан, — да и все остальные тоже, похоже на то. Наша удача была, в конце концов, не такой уж плохой.

Улыбки исчезли с их лиц, и он нахмурился.

— Что случилось?

— Очень многое, — ответил Канг-Хоу. — Моя племянница доставила нам много новостей. Во-первых, царь Бандаркар убит руками *катари*. К счастью, принц Джарим Кар сумел объединить знать под командой Бханды Канда, младшего сына Бандаркара. Его короновали вчера, таким образом восстановив по-

рядок. Если взглянуть, однако, на мрачную сторону дела, мой друг *ченг-ли*, то ты приговорен к смерти особым царским эдиктом, подписанным лично Бхандой Кандой. Тебе ставится в вину участие в заговоре и убийстве его отца.

Конан только недоуменно покачал головой.

— Проклятье! Каким образом появилась на свет эта чепуха?

Кхитайский купец объяснил:

— Одним из первых шагов Джарима Кара после коронации (а похоже, она была проделана в большой спешке) был тот, что он поехал в Гвандиакан с юным царем и всей кавалерией, которую они только смогли набрать. Предположим, что он нашел свидетельство того, что Карим Сингх был вождем заговора и таким образом должен быть арестован и казнен, прежде чем он сумеет поднять мятеж в смутное время. Однако слухи говорят о том, что принц Джарим Кар винит *вазама* за инцидент, в который были вовлечены двое из его жен. Но какой бы ни была правда, Бханда Кханд и его отряд встретили на своем пути караван, в котором путешествовали мы и *вазам*. И Алина, служанка и рабыня леди Виндры, дала показания, в которых она заявила, что ее госпожа, бледнокожий варвар по имени Патил строили козни и заговор с Каримом Сингхом и говорили в ее присутствии о том, что хотят убить Бандаркара.

Дикий крик ярости, донесшийся до них, сообщил им, что Виндра только что получила ту же информацию от Кай-Ше. Вендийская женщина выскочила из-за лошадей, сжимая руками наполовину завернутое вокруг себя шелковое сари.

— Я сдеру с нее кожу! Эта дрянь скажет правду, или я вырву ее у нее кнутами!

— Боюсь, что уже слишком поздно для таких действий с вашей стороны, — сказал Канг-Хоу. — Алина (возможно, правильнее мне будет называть ее госпожа Алина) уже получила от царя все ваши титулы и земли. Царский эдикт, который говорит о вас, не только лишает вас всей вашей собственности, но также отдает ей вашу жизнь и дает ей право делать с вами все, что ей угодно.

Виндра молчаливо шевелила губами несколько секунд и вдруг гневно обрушилась на Конана:

— Это все из-за тебя! Ты — причина всех моих бед! И что ты собираешься делать сейчас, а?

— Ты винишь меня? — зарычал Конан. — Я обратил в рабство Алину?

Глаза Виндры чуть не выскочили из орбит от ярости, и он вздохнул.

— Ну, ладно. Я возьму тебя с собой в Туран.

— Туран? — дико вскрикнула она, выбросив патетически вверх обе руки. — Это свиной хлев, недостойный цивилизованной женщины! Это...

Внезапно до нее дошло, что ее движение обнажило ее до пояса. Вскрикнув, она подхватила все еще сползающий с ее тела шелк и побежала к лошадям.

— Женщина, чей темперамент и горячность равняются ее большой красоте, — сказал Канг-Хоу. — И чья хитрость и жажда мести превосходят оба качества.

Конан отмахнулся от его слов. А что же с Гвандиаканом? Будет ли безопасно укрыться в нем в течение одного-двух дней, чтобы прийти в себя?

— Я не думаю, что это будет возможно, — сказала Кай-Ше, присоединившись к ним. — Жители Гвандиакана приняли землетрясение как знак богов, особенно когда они обнаружили, что в городе были собраны телеги, чтобы отправить детей из города в неизвестном направлении. Стена форта рухнула. Горожане ворвались в форт, освободив детей. Солдаты, которые пытались их остановить, были разорваны буквально на кусочки. Джарим Кар обещал разобраться в этом деле и восстановить справедливость, но в настоящий момент солдаты усиленно патрулируют городские улицы, и поверьте мне, что эти патрули очень большие. Я не думаю, что любой чужеземец сможет избежать их пристального внимания.

— Я рад, что они освободили детей, — сказал Конан, — хотя это и не имеет никакого отношения ко мне. Но это означает, что мы должны ехать к горам. И чем скорее, тем лучше. А как насчет тебя, Канг-Хоу? Ты тоже попал в черный список?

— Я всего только бедный торговец, — ответил кхитаец. — И потому, вне всякого сомнения, избежал внимания Алины. К моей великой радости и удаче. Что касается твоего путешествия по горам, то боюсь, что не все, кто пришел с тобой сюда, вернутся в Туран. И потому, с вашего позволения...

Поклонившись, он ушел, прежде чем Конан успел спросить его, что это означает, но вместо него к нему подошел Хасан.

— Я должен поговорить с тобой, — сказал молодой туранец. — Наедине.

Все еще хмурясь, не зная, как понимать слова кхитайца, Конан позволил Хасану отойти в сторону. Хасан сунул маленький листок пергамента в руку киммерийца.

— Когда ты вернешься в Султанапур, Конан, доставь это письмо в «Дом Душистых Голубей» и скажи, что это письмо адресовано господину Калиду.

— Ага, так значит, это будешь ты, кто не вернется в Туран, — сказал Конан, вертя в руках квадратный лист пергамента. — И какое же донесение ты посылаешь начальнику шпионов Илдиза? Ты знаешь, кто он такой?

— На улицах Султанапура известно больше, чем думают повелители Турана.

— Но ты не ответил на мой вопрос.

Туранец глубоко вздохнул.

— Я был послан расследовать, есть ли связь между вендийцами и смертью верховного адмирала. Ни один из вопросов, которые я задавал, не имеет к этому отношения, в то же время я уже хорошо знаю, что эта страна настолько погрязла в интригах (которые, в свою очередь, являются частью других интриг и хитросплетений), что точный ответ на это никогда не будет найден. Именно это я написал в письме. Я также написал, что я не нашел никаких подтверждений того, что «рыбаки» Султанапура имеют к этому хотя бы малейшее отношение, и что слухи о том, что северный варвар находился на службе у вендийцев — только слухи и ничего больше. Господин Калид узнает мою руку и почерк и поэтому поймет, что это правдивое донесение. Ты можешь прочитать его, если хочешь. Письмо не запечатано моей печатью.

Конан сунул пергамент в свой кисет-пояс. Для чтения у него еще будет впереди время — как и для того, чтобы решить, навестить ли ему «Дом Душистых Голубей». Но все это он сделает позже.

— Почему ты решил остаться? — спросил он. — Чин-Коу?

— Да. У Канг-Хоу нет никаких возражений против того, чтобы чужеземец вошел в его семью. — Хасан усмехнулся. — После того, как многие годы я пытался избежать этого, кажется, что я все-таки стану торговцем пряностями.

— Будь осторожен, — сказал ему Конан, и в его душе была

легкая тревога. — Я желаю тебе добра, но я не думаю, что кхитайцы менее хитрые и скользкие, чем вендийцы.

Оставив молодого туранца, Конан пошел искать Канг-Хоу. Купец сидел у обвалившейся стены колодца.

— Вскоре ты уйдешь из Вендии, — сказал кхитаец, увидев приближающегося Конана. — А как насчет твоих планов пограбить Вендию с армией за твоей спиной?

— Когда-нибудь в будущем, возможно. Но Вендия — странная страна, возможно, слишком скользкая и хитрая для такого простого северянина, как я. Мои мысли начинают скакать в самых разных направлениях, и от них кружится голова.

Канг-Хоу приподнял дугой тонкую бровь.

— Почему это так, о человек, называющий себя Патилом?

— М-мм, это просто отдельные фрагменты, крутящиеся волчком. Странные воспоминания. Валаш, сидящий в «Золотом Полумесяце» в утро того дня, когда был убит верховный адмирал. Очень жесткий крепкий человек, этот Валаш. Он никогда бы не позволил двум таким красавицам, как твои племянницы, покинуть свой корабль, разве что только на невольничий рынок. Если только кто-то не заставил его сделать это, возможно, кто-то припугнул его. Хотя, с другой стороны, ты тоже очень крепкий жесткий человек для того, чтобы называть себя бедным торговцем, не так ли, Канг-Хоу? А твоя племянница, Кай-Ше, она очень способная, талантливая женщина. Например, то, как она оделась и действовала, как вендийская женщина, в Гвандиакане. И то, что она узнала Найпала среди тех, кто ехал в Леса Гендали, хотя, как я слышал, его лицо было известно не больше, чем горсти людей. Знаешь ли ты, Канг-Хоу, что вендийская женщина была доставлена верховному адмиралу, как подарок, в день, когда он был убит? Я так понимаю, что она исчезла вскоре после его смерти. Но я никак не мог понять, почему вендийцы подписали договор с Тураном и убили верховного адмирала на следующий же день. Кандар был шокирован этой новостью, да и Карим Сингх тоже. Странно все это, ты не находишь, Канг-Хоу?

На протяжении всего этого разговора кхитаец слушал Конана с выражением вежливого интереса на лице. Теперь же он улыбался, держа руки в своих широких рукавах.

— Ты сочинил довольно замысловатую историю для того, кто называет себя простым северянином.

Улыбнувшись ему в ответ, Конан положил руку на рукоятку кинжала.

— Ты поставишь на то, что ты быстрее меня?

В течение секунды Канг-Хоу явно колебался, и лицо его дрогнуло. Затем очень медленно он вынул руки из рукавов и раскрыл пустые ладони.

— Я всего-навсего бедный торговец, — сказал он, как будто ничего не произошло. — Если тебе интересно послушать, возможно, я сумею рассказать такую же замысловатую историю, как и твоя. Разумеется, если считать, что эта история не имеет ничего общего с реальностью.

— Я слушаю тебя, — сказал осторожно Конан, но не снял руки с рукояти кинжала.

— Я родился в Чио-Хьен, — начал кхитаец, — маленьком городе-государстве на самой границе Вендии. Жизненные соки и сама основа жизни Чио-Хьен — это торговля, а его армия невелика. Наша страна может уцелеть только в равновесии, когда один из наших более сильных соседей спорит с другим. Самый крупный, сильный и враждебный из соседей Чио-Хьен — это Вендия. Возможно, эта страна и прогнила изнутри, как ты говоришь, но правящая каста, Кшатрии — жестокие и властные люди, у которых горящие, жадные глаза, стремящиеся к новым землям. Если эти глаза повернутся к северу, первой жертвой будет Чио-Хьен. Потому Чио-Хьен должен делать так, чтобы Кшатрии обращали свой взор на восток или на запад. Договор с Тураном, например, будет означать то, что амбиции и жажда новых земель у Кшатриев будут обращены не в сторону Вилайета, а в сторону Кхитая. Но моя история, боюсь, слишком фантастична, как, впрочем, и твоя, за исключением того, что ты, возможно, нашел ее забавной.

— Забавной, — согласился Конан. — Но у меня есть один вопрос. Имеет ли Чин-Коу таланты Кай-Ше? Разумеется, — добавил он с улыбкой, — если у Кай-Ше есть способности и таланты, выходящие за пределы обычных.

— Основной талант Чин-Коу состоит в том, что она помнит и может повторить каждое слово из того, что она слышит или может прочесть. За исключением этого, она не больше, чем любящая племянница, которая утешает и помогает стареющему дяде. Хотя, как мне кажется, сейчас она будет утешать другого.

— И это наводит на другой вопрос. Знает ли Хасан обо всем этом?

— О моей замысловатой сказке? Нет.

Широкая улыбка прорезала лицо кхитайца.

— Но он знал, кто я такой, еще до того, как мы достигли Гимелеев. Он будет хорошим добавлением к нашей семье. Будучи чужеземцем, я хочу сказать, он вольется в наш клан без труда. А теперь я задам тебе вопрос, — сказал он, и его улыбка исчезла. — Что ты собираешься делать, услышав мою фантастическую историю?

— Сказка, рассказанная северянином, и еще одна, придуманная кхитайским купцом, — сказал задумчиво Конан. — Кто в Туране поверит, если я им это расскажу? И даже если бы я и рассказал кому бы то ни было эту историю, они нашли бы десять других причин для войны или близкого к этому. Так как, если будет настоящий мир между Тураном и Вендией, Вилайет должен пойти дальше и проглотить Секундерам, возможно, достаточно, чтобы разделить две страны на вечные времена. Да и кроме того, настоящий мир и настоящая война одинаково плохи для контрабандистов.

— Ты не так прост, как утверждаешь, северянин.

— Вендия все еще остается странным местом, — ответил Конан со смехом. — И это та страна, которую я должен покинуть. Счастливого тебе пути, Канг-Хоу из Чио-Хьен.

Кхитаец поднялся и поклонился ему, хотя он был осторожен и на этот раз держал свои руки в стороне от рукавов.

— Желаю и тебе тоже счастливого пути... Конан из Киммерии.

Конан смеялся все время, пока шел к лошадям.

— Ордо! — заорал он — Мы трогаемся в путь, или ты уже так состарился, что пустил корни, как дерево? Энам, прыгай в седло! И ты тоже, Шамил. Ты едешь с нами или останешься здесь, как Хасан?

— Я уже получил свою долю приключений и путешествий, — ответил убежденно и горячо Шамил. — Я возвращаюсь в Султанапур и стану рыбаком. Настоящим рыбаком!

Виндра пробилась сквозь группу стоящих людей, садящихся в седла, и подошла к Конану.

— А как насчет меня? — требовательно спросила она.

— Ты не хочешь идти в Туран, — сказал ей Конан. — И ты

не можешь оставаться в Вендии. Если ты, конечно, не захочешь быть... гостем Алины. Возможно, Канг-Хоу возьмет тебя с собой, в Чио-Хьен.

— Чио-Хьен? Лучше уж Туран, чем это!

— Ну что ж, раз ты так вежливо попросила меня об этом, если ты будешь согревать меня в холодные ночи в горах, я найду тебе работу — танцевать в таверне в Султанапуре.

Ее щеки порозовели, но она протянула ему руки, чтобы он помог ей сесть в седло. Но когда он это сделал, она на секунду прижалась к нему и прошептала:

— Я бы с большой радостью предпочла танцевать только для тебя одного.

Конан передал ей поводья и повернулся, пряча улыбку. С этой женщиной будут еще тревоги и проблемы, подумал он. Впрочем, мелькнуло у него в голове, они будут довольно приятными.

— А что с противоядием? — спросил его Ордо. — И с Гурраном?

— Я видел его, — ответил Конан. — И ты можешь сказать, что он спас всех нас тем, что он сказал мне.

Не обращая внимания на его вопросительный взгляд, он продолжал:

— Мы что, собираемся сидеть здесь, пока вендийцы не насадят наши головы на пики? Вперед! Красивая девка по имени Таша ждет меня в Султанапуре.

И ухмыльнулся, услышав гневное шипение Виндры. Он ударил сапогами в бока своей лошади, послав ее галопом по направлению к горам, которые вздымали свои высокие вершины на севере.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Рог Дагота 5
Сердце Хаоса 181
Огненный зверь 395
Ловушка для демона 583

Издательство

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

представляет

знаменитый цикл исторической фэнтези

«Боярская сотня»

Земля мертвых
Череп епископа
Донос мертвеца
Царская дыба
Дикое поле
Люди меча
Слово шамана
Камни Юсуфа
Черный легион
Корсары Балтики
Старая крепость
Русский булат
Наследники Борджиа
Пленники вечности
Хрустальный крест
Власть чародея
Скитальцы
Дорога чести
Перстень магистра

издательство
СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС
представляет:

БАРБАРА ХЭМБЛИ
"ХРОНИКИ ДАРВЕТА"

ВРЕМЯ ТЬМЫ
ВОЗДУШНЫЕ СТЕНЫ
ВОИНСТВО РАССВЕТА
МАТЬ ЗИМЫ
ЛЕДЯНОЙ СОКОЛ

Издательство

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

представляет

научно-фантастический сериал

ПОЛИГОН

НАЕМНИКИ КОСМОСА

КРЫЛАТЫЙ ДЕСАНТ

КОНТИНЕНТ АВАЛОН

ЧЕРНАЯ ПУСТОШЬ

КОЛЬЦО ОГНЯ

ДЮНА

В серии «Золотая библиотека фантастики» опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:

«Дюна», «Мессия Дюны», «Дети Дюны» «Бог-Император Дюны», «Еретики Дюны» «Капитул Дюны».

Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создал трилогию «Прелюдия к Дюне»: «Дом Атрейдесов», «Дом Харконненов», «Дом Коррино». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2005 году в серии «Золотая библиотека фантастики» первый роман новой трилогии — «БАТЛЕРИАНСКИЙ ДЖИХАД»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу: Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513 107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

ПОКЛОННИКИ

РОБЕРТА ДЖОРДАНА,

ЭТО ДЛЯ ВАС!

Вы хотите еще раз оказаться в мире, где обитают короли, королевы и женщины, которые одни способны пользоваться Единой Силой, вращающей Колесо Времени?

Хотите еще раз побывать на извечной войне между защитницами Света и Отродьями Тьмы?

Читайте новый роман «Сердце Зимы» из цикла о Колесе Времени! Новый эпизод одной из самых знаменитых саг за всю историю фэнтези.

Не пропустите!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140 АСТ — «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Это книги, написанные по мотивам самого знаменитого телесериала планеты, бесценный подарок для всех, кто верит, что мир паранормального ежесекундно сталкивается с миром нормального. Монстры и мутанты, вампиры и оборотни, компьютерный разум и пришельцы из космоса — вот с чем приходится иметь дело агентам ФБР Малдеру и Скалли, специалистам по расследованию преступлений, далеко выходящих за грань привычного...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших **фирменных магазинах:**

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к.1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел: 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Джордан Роберт

Рог Дагота
Сердце Хаоса
Огненный зверь
Ловушка для демона

Фантастические романы

Художественный редактор *Ольга Адаскина*
Компьютерная верстка: *Владимир Баталин*
Технический редактор *Валентин Успенский*
Корректоры *Елена Малько, Надежда Томина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Роберт Джордан — один из лучших мастеров фэнтези XX в., не просто достойный последователь Толкина, но — писатель, обладающий великим демиургическим даром «творца миров». Миров масштабных, ослепительно ярких и немыслимо красивых. Миров, где приключения всегда увлекательны...

Конан-варвар ЖИВ! Слишком велика была популярность самого знаменитого персонажа за всю историю «героических фэнтези», чтобы приключения его закончились со смертью его создателя. Вслед за Робертом Говардом эстафету саги о Конане принял Роберт Джордан — и подарил миллионам поклонников СЕМЬ РОМАНОВ о новых деяниях отважного киммерийца.

Перед вами — его деяния.

Борьба за таинственный Рог Дагота...

Дорога в смертельно опасное Сердце Хаоса...

Схватка с порождением богов Тьмы — таинственным Огненным зверем...

Приключения отважнейшего из борцов со Злом — могучего Конана-варвара — ПРОДОЛЖАЮТСЯ!

Черный камень Аманара
Тень властелина
Тайна врат Аль-Киира

Рог Дагота
Сердце Хаоса
Огненный зверь
Ловушка для демона

ISBN 5-17-026118-7